Н. Н. ГУРИНА

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

saami.su

ARCHAEOLOGICA
PETROPOLITANA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ, 32

Н. Н. ГУРИНА

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Санкт-Петербург
1997

ББК Т4(2р3)

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры РАН

Ответственный редактор — кандидат исторических наук *В. И. Тимофеев*

Рецензенты — доктор исторических наук, профессор *Г. Ф. Коробкова*
доктор исторических наук *Л. Я. Крижевская*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 9601—16084)

Г 95 **Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова.** — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. — 240 с. (Archaeologica Petropolitana, III).

ISBN 5-85803-064-5

Монография содержит первую подробную публикацию результатов 20-летних исследований Кольской археологической экспедиции. В ходе работ было открыто более четырехсот археологических памятников, целый ряд из них изучен стационарными раскопками. Излагаются данные исследований стоянок эпох мезолита, неолита и раннего металла, а также средневековья. Основным памятникам посвящены отдельные разделы. Выделяется уникальное для Севера Европы поселение Маяк II (неолит — эпоха раннего металла), сохранившее детально охарактеризованный богатый набор изделий из кости и рога и огромное количество фаунистических остатков. Разработана периодизация комплексов и их хронология с широким использованием данных естественнонаучных дисциплин. Сведены имеющиеся данные о погребениях каменного века и эпохи раннего металла, предложена типология основных категорий инвентаря каменного века и эпохи раннего металла. Рассмотрены история археологического изучения Кольского полуострова, палеогеографическая обстановка региона. Анализируются вопросы экономики и социального строя древних обществ, данные о искусстве и верованиях, связи населения Кольского полуострова с населением других регионов. Специально рассмотрена проблема происхождения саамского этноса по данным археологических источников.

Издание сопровождается обширным английским резюме. Книга рассчитана на специалистов-археологов, этнографов, палеогеографов, геологов, а также на широкий круг читателей, интересующихся древнейшей историей Кольского полуострова.

На первой странице обложки: Наскальный рисунок в Чалмн-Варрэ (камень 5). Сцена рождения олененка. Фото П. И. Иванова.

Набор — *Г. А. Кочугурова.* Редактор и корректор — *И. П. Сологуб*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова.* Выпускающий — *Д. А. Ильин*

Макет подготовлен в **Центре «Петербургское Востоковедение»**

Издательство **Центр «Петербургское Востоковедение»**
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ЛР № 061800 от 16.11.92
Подписано в печать 05.01.97. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура основного текста «Таймс».
Печать офсетная. Объем 30 п. л.
Отпечатано в России

Заказ № 25
Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Исключительное право на распространение
настоящего издания в России
и за ее пределами принадлежит
Центру «Петербургское Востоковедение»

ISBN 5-85803-064-5

© Н. Н. Гурина, 1997
© Институт истории материальной культуры РАН, 1997
© Центр «Петербургское Востоковедение», 1997

Зарегистрированная торговая марка

От редактора

НИНА НИКОЛАЕВНА ГУРИНА
(17.06.1909—9.09.1990)

Нина Николаевна Гурина, доктор исторических наук, крупнейший исследователь древностей Российского Севера, внесла исключительно большой вклад в археологическое освоение «белых пятен» на обширных территориях лесной и арктической зон Восточной Европы. Масштабные исследования были проведены ею на Северо-Западе России, в Поволжье, Прибалтике, Белоруссии и ряде других регионов. Особое место в научных изысканиях Н. Н. Гуриной занимал арктический Север России, Кольский полуостров, которому она отдала несколько десятилетий. Можно сказать, что изучение древней истории этой суровой северной земли стало основным в жизни ученого. Ею была разработана и осуществлена широкая программа археологического освоения Кольского полуострова. Исследования Кольской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры Российской Академии наук) были начаты в 1946 г. и продолжались, с перерывами, до 1980-х гг. Вплоть до 1985 г. Н. Н. Гурина была начальником экспедиции.

Данная монография подводит итог многолетних исследований древностей Кольского полуострова. Здесь впервые дается подробная публикация богатых и разнообразных материалов изученных памятников каменного века и эпохи раннего металла. Большие и интенсивные работы, проведенные в течение многих сезонов, делают Кольский полуостров наиболее изученным в этом отношении регионом Российского Заполярья. Некоторые материалы, особенно из полученных масштабными раскопками поселения Маяк II, сохранившего исключительно редкий для Крайнего Севера и чрезвычайно богатый набор изделий из кости и рога, включая великолепные образцы древнего искусства, уникальны для археологии Северной Европы в целом.

Книга Н. Н. Гуриной является первым монографическим исследованием, публикующимся по археологии Кольского полуострова. В ней предложена подробная типология материалов, систематизированы данные, полученные крупными стационарными раскопками памятников каменного века и эпохи раннего металла, приведены результаты исследований, проведенных методами естественных наук. Разработана периодизация и хронология памятников, подробно охарактеризованы особенности комплексов мезолита, неолита и раннего металла, систематизированы разнообразные данные о хозяйственной деятельности, искусстве и верованиях оставившего их населения, связях с населением других территорий, рассмотрено соотношение археологической проблематики и вопросов происхождения аборигенного населения этой территории — саамов. Среди положений, выдвинутых в этой работе, разумеется, имеются и дискуссионные. Общая схема развития материальной культуры древнего населения Кольского полуострова будет уточняться и дополняться. Так, в последние годы В. Я. Шумкиным, одним из учеников Н. Н. Гуриной и участником ее работ, предложены некоторые гипотезы, детализирующие процесс саамского этногенеза. Несомненно, исследования, результаты которых изложены в этой книге, обобщающей огромные научные материалы, заложили прочный фундамент для развития первобытной археологии Кольского полуострова.

Публикация этой монографии, завершенной Н. Н. Гуриной незадолго до кончины, планировалась несколько лет назад. Однако трудное экономическое положение, в котором оказались академические институты, не позволило этому осуществиться. Сейчас, благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда, книга одного из крупнейших российских археологов выходит в свет.

Редактируя это издание, мы старались сохранить все особенности стиля автора.

В. И. Тимофеев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга отражает результаты двадцатилетних полевых археологических изысканий, произведенных нашей экспедицией на Кольском п-ве и их исследовательское осмысление. Как увидит читатель, это были первые целеустремленные систематические исследования, ставящие целью археологическое изучение всего региона — открытие и раскопки памятников, которые позволили бы приблизиться к пониманию древней истории некогда обитавшего здесь народа. Была поставлена задача сплошного планового исследования Кольского п-ва на всех доступных участках, и в первую очередь его побережья. Удалось также открыть и изучить ряд поселений, расположенных в центре п-ва на побережье оз. Ловозера, а также на южных озерах.

В результате этих работ открыто свыше 400 разнохарактерных памятников — поселений и стоянок, могильников и одиночных захоронений, лабиринтов, наскальных рисунков, а также остатки средневековых могил и селищ, давших в общей сложности огромный вещественный материал. Он позволяет выявить определенную закономерность в поступательном развитии древней культуры населения этого сурового, но своеобразного и удивительного края.

Предписанные жесткие рамки книги не позволяют дать все материалы с исчерпывающей подробностью, хотя это следовало бы сделать, учитывая обобщающий характер работы. В пределах возможного мы старались изложить наиболее важные данные с тем, чтобы читатель, знакомясь с нашими выводами, смог оценить правильность их или создать свою концепцию.

Преследуя цель сделать книгу максимально информативной в археологическом отношении, мы сократили освещение ряда фактов (например, геологических), не имеющих жесткой связи с археологическими материалами. В этих же целях пришлось отказаться и от привлечения этнографических параллелей, хотя это и было очень заманчиво. В целях экономии и вместе с тем максимального документирования сделанных выводов, нам пришлось изложить данные лишь опорных памятников, раскопанных почти или полностью широкими площадями, поскольку именно они содержат максимум сведений и тем самым обеспечивают возможность сопоставления. Все же остальные памятники, меньшего масштаба или не полностью еще исследованные, выделены в особую книгу «Археологическая карта Кольского п-ва» [1].

Задачей изложить максимум материала при более чем ограниченных возможностях продиктована и сама структура книги. Она организована таким образом, что фактические данные о памятниках в виде текста, таблиц и иллюстраций размещены в соответствующих разделах по эпохам (мезолит, неолит, ранний металл), в то время как вопросы, имеющие общий характер — присущие всем эпохам, — такие как «Хозяйство и общество», «Искусство и верования», «Связь племен Кольского п-ва с соседними племенами», «Археологические источники и проблема происхождения саамов», а также заключение даны в обобщенном виде, как бы вынесены за скобки. Там, где это было возможно, мы старались показать их в динамике, в соответствии с последовательной сменой эпох. Более подробно ряд этих вопросов ранее освещен в наших публикациях, сведения о которых помещены в конце книги.

При сопоставлении рассматриваемых памятников для большей достоверности выводов, в частности о их хронологической близости, нами предложена типология основных категорий орудий и керамики, по которой и произведено рассмотрение материала, как бы в едином масштабе. В методике полевых исследований мы придерживались следующих основных требований: 1 — проведение разведок и раскопок в соответствии с планом получения информаций об основных этапах развития культуры; 2 — изучение микрорайона, содержащего разновременные памятники, с целью более точного вы-

---

[1] К несчастью, автор не успела подготовить задуманную книгу. — *Ред.*

явления причин различий в материале — хронологического или этнокультурного; 3 — раскопки памятника сплошной площадью, что позволяло получить исчерпывающую информацию о нем; 4 — подробная пространственная и поглубинная фиксация находок с целью выявления степени и причин взаимосвязи разнохарактерного материала. Применение этого способа, как следует из книги, позволило выявить участки наиболее интенсивного обитания, локализацию производственных комплексов и установить разновременные этапы освоения площади, занятой поселением.

Мы далеки от мысли, что в настоящее время древняя история рассматриваемого региона изучена полностью. Многое еще не открыто и не все еще открытое до конца понято. Пройдут годы, будут выявлены новые памятники, несущие в себе новую информацию. Постепенно накопятся важные материалы, которые позволят подняться к вершинам познания. Наши работы послужат лишь одной из ступеней, по которым совершится восхождение. Мы стремились к тому, чтобы ступень, которую нам удалось создать, не была шаткой и выдержала бы испытание временем.

Необходимо отметить, что работы, начатые в трудных условиях первых послевоенных лет (1946 г.), а затем и последующие возможно было осуществить лишь благодаря помощи ряда сотрудников Ленинградского отделения Института археологии АН СССР: Л. Я. Крижевской, И. В. Гавриловой, В. И. Тимофеева, И. В. Верещагиной, Г. В. Синицыной, В. Я. Шумкина, Л. Г. Шаяхметовой, А. Н. Мелентьева, В. Ф. Кантонистовой. Пользуюсь случаем выразить им свою признательность.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Кольский п-ов в силу своего окраинного положения, сурового климата и относительно слабой заселенности, при этом полукочевым народом, значительно позже других областей России стал предметом археологических изысканий. Сама мысль о существовании здесь в древности населения казалась нереальной. Не исключено также, что на это оказал известное влияние и вывод первого исследователя А. И. Кельсиева. Совершив путь вдоль северо-восточной границы п-ва летом 1877 г. с целью сбора материала для первой антропологической выставки в Москве и изучения Русской Лапландии он сделал следующий вывод: «От Сосновки к северу берегом ехал с лопарями и по лопарям и только последние 150 верст перед Колою делаю на пароходе. Кроме каменных куч и двух несомненных чудских ям, круглых и воронкообразных (4 сажени диаметром), у Поноя доисторических древностей берег не представляет. После всех изысканий могу с убеждением сказать, что их здесь нет» (Кельсиев, 1877). В приложении к отчету о собранных материалах указаны «чертежи и рисунки двух вавилонов», но, очевидно, эти материалы не сохранились.

В дореволюционный период имелись лишь сведения о своеобразных сооружениях — каменных лабиринтах (вавилонах). Впервые о них упоминается в XVI в., в записях русских послов С. Г. Звенигородского и Г. В. Васильчикова, побывавших в северо-западной части Кольского п-ва в связи с переговорами об установлении шведской границы. Ими было записано предание о сооружении лабиринта в Валитовой губе (Варангер-фиорд) и упоминание о лабиринте у с. Кола (уничтоженного в 1852 г. при строительстве Кольского острога). О каменном лабиринте в бухте Виловатой сообщил впервые Еер[2], им же были открыты и 2 лабиринта в устье р. Поной, в непосредственной близости от одноименного селения (один из лабиринтов был уничтожен уже в наши дни, второй сильно поврежден).

Впервые лабиринты описал А. В. Елисеев (Елисеев, 1883), обследование же понойских лабиринтов в 1901 г. произвел К. П. Рево. Он сфотографировал и составил точный чертеж одного из них, а также с целью определения возраста провел частичные раскопки, выбрав некоторое количество земли, наросшей между камнями («на дорожках»). Кроме того, были раскопаны и 2 чудские ямы — древние лопарские землянки (Рево, отчет о раскопках в окрестностях г. Архангельска)[3]. Подробное описание лабиринта близ г. Кандалакши опубликовано С. Дурылиным (Дурылин, 1913).

В середине XIX в. А. Кастрен побывал в западной части Лапландии и сделал некоторые наблюдения над памятниками древней саамской культуры (Кастрен, 1853).

Таким образом, дореволюционный период охарактеризовался лишь скудными сведениями, касающимися исключительно наземных памятников — каменных лабиринтов и остатков жилищ на саамских стойбищах. Сборов археологических материалов не производилось.

Первые сведения об археологических материалах со стоянок и могильника относятся к 30-м годам нашего столетия. В 1922 г. в Музей антропологии и этнографии АН СССР была передана экспедицией Ленинградского географического института довольно значительная коллекция каменных орудий, полученная от местных жителей в районе р. Варзуги близ селения Кузомень[4].

Большую ценность представили изыскания Имандровской экспедиции Мурманской биологической станции, обнаружившей в процессе своих исследований в 1925 г. погребения на Б. Оленьем

---

[2] Бухта с таким названием находится в южной части п-ва, вблизи р. Виловатой (система р. Умбы). Не исключено, что именно этот лабиринт обнаружен нами в 1946 г. в урочище «Аннин крест».

[3] Архив ЛОИА, дело № 162, за 1900 г.

[4] Материал хранится в МАЭ.

острове. Сотрудники экспедиции Г. Д. Рихтер и С. Ф. Егоров раскопали 2 погребения, а найденные при них вещи передали в Ленинградский этнографический музей. В 1928 г. А. В. Шмидт произвел там раскопки — первые работы, проведенные специалистом-археологом. К двум погребениям, раскопанным Г. Д. Рихтером и С. Ф. Егоровым, добавилось 11 новых. Результаты этой работы отражены в публикации (Шмидт, 1930), не утратившей ценности и в настоящее время.

Кроме раскопок на Б. Оленьем о-ве А. В. Шмидт произвел разведку и рекогносцировочные раскопки на левом берегу р. Варзуги, против с. Кузомень, где обнаружил 11 стоянок эпохи каменного века, в районе оз. Гагарье и непосредственно на побережье самой Варзуги. Наибольший интерес из них представила стоянка 2 на побережье оз. Гагарье, давшая значительное количество грузил — уплощенных, окатанных морем галек с двумя выемками по краям для более прочного крепления их к сетям. Помимо того, здесь и на других памятниках встречено большое количество кварцевых орудий. В том же 1928 г. Г. Д. Рихтер передал в Археологический отдел МАЭ АН СССР небольшую коллекцию — 18 каменных орудий с Йоконьского озера. Так в 30-е годы на Кольском п-ве были получены первые археологические материалы и произведены первые исследования специалистом-археологом.

Как оказалось при возобновлении нами работ на Оленеостровском могильнике, А. В. Шмидт смог раскопать лишь очень незначительную часть его, основная же площадь была затем уничтожена карьером. В последующие годы «раскопки» могильника произвел некий А. В. Ципленков. В его письме Музею антропологии и этнографии АН СССР, сопровождавшем коллекцию из 3-х предметов, в 1935 г., сообщалось, что им раскопано 25 скелетов[5]. Несомненно, что при 25 погребенных вещей было значительно больше, но они оказались утраченными (за исключением 3-х). Не сохранилась и документация, поскольку А. В. Ципленков не был специалистом-археологом.

В 1934—1935 гг. в связи с геологическими изысканиями в южной части Кольского п-ва Г. И. Горецкий обнаружил 9 неолитических стоянок на побережье р. Нивы (между Кандалакшей и Пинозером), а также 2 пункта с отдельными находками в устье р. Колы (Горецкий, 1937).

Огромное принципиальное значение имели работы на крайнем северо-западе Кольского п-ва, предпринятые Советской секцией ИНКВА совместно с Институтом доклассового общества ГАИМК под руководством геолога Б. Ф. Землякова. К началу работ советских ученых, на территории Северной Финляндии и Норвегии было уже известно значительное количество стоянок, в частности в Порсонгер-фиорде, Лаксе-фиорде, Варангер-фиорде вплоть до границ СССР.

В 1935 г. экспедиция исследовала Рыбачий п-ов, где В. Таннером и Г. Гьессенгом в районе горы Велиньеми была найдена стоянка арктического палеолита. Работы были сосредоточены в районе Б. Мотки и в Вайда-губе. Удалось выявить 3 стоянки этого времени.

В 1937 г. исследование Рыбачьего п-ва продолжили те же учреждения с участием группы геологов: И. И. Краснова, С. В. Яковлева, под руководством Б. Ф. Землякова. Разведками было охвачено все побережье, за исключением залива Б. Мотка и Вайда-губа, исследованных в 1935 г. Результаты исследования были опубликованы в ряде статей (Земляков, 1936, 1937а, б, 1939, 1940; Третьяков, 1937). Работы, проведенные на п-ве Рыбачий, были очень важны для воссоздания древней истории Кольского п-ва. Значение их заключалось, в частности, в том, что они показали раннее освоение людьми столь далекой северной окраины нашей страны, развеяв миф о ее необитаемости в древности.

После 1936 г. археологические исследования Кольского п-ва прекратились. Закончился первый период его изучения. Хотя эти работы и носили в известной мере случайный характер, будучи не связанными друг с другом, все же они показали существование на Кольском п-ве памятников разных эпох: арктического палеолита (мезолита), неолита и раннего металла, — которые ждали новых исследователей.

Перерыв в изучении древней истории Кольского п-ва длился до 1946 г., когда к работе приступила археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР[6], под руководством автора.

Экспедиция поставила перед собой задачу сплошного обследования побережья п-ва с целью выявления памятников всех периодов каменного века и эпохи раннего металла и их раскопки. На начальном этапе работы необходимо было преодолеть ряд серьезных трудностей. Это были первые послевоенные годы, тяжелые для страны, что определяло финансирование экспедиции. Естественно, что она не располагала какими-либо транспортными средствами, что затрудняло охват значительной территории. Все передвижения производились или пешком, или с использованием рейсового парохода, курсирующего по северному побережью (Озерки—Поной), который в каждый из пунктов заходил лишь раз в неделю. Если учесть почти полное отсутствие возможности передвижения на большие расстояния пешком из-за обилия рек, озер и болот, расположенных в меридиональном направлении,

---

[5] Архив Московского антропологического музея, дело № 1.

[6] В то время Ленинградское отделение Института истории материальной культуры (ныне — Институт истории материальной культуры РАН). — *Ред.*

станет очевидной сложность охвата разведками большего пространства. Были, например, такие пункты (Титовка), где пароход стоял лишь одну ночь, и, соответственно, работу пришлось ограничить этим временем. Финансовые возможности тогда позволяли работать только группой не более 4 человек, состоящей из студентов-энтузиастов. Не малой трудностью для нас на первом этапе явилось почти полное отсутствие предшествующих разведывательных работ на Кольском п-ве, в силу чего не существовало еще методики разведок в этом регионе и представления о закономерности расположения памятников.

Такая ситуация длилась в течение 3 лет (1946—1948 гг.). Однако за это время удалось сделать немало. В 1946 г. было обследовано южное побережье — район Кандалакши, Колвицкого озера, р. Умбу, изучен кандалакшский лабиринт, открыт умбинский лабиринт и найдены окружающие его стоянки, стоянки на Колвицком озере, на р. Ниве. В 1947 г. обследовалось северное побережье полуострова (от Титовки до Йоконьги). Найдены стоянки различных эпох, в основном неолитические: в Титовке, Ура-губе, р. Коле, Туломе, Вороньей, Оленке, Захребетном, Харловке, на Йоконьгском озере. В течение двух сезонов (1947—1948) раскапывался Оленеостровский могильник, вблизи пос. Полярное открыты 2 стоянки (Екатерининская I, II), а также обнаружены и изучены лабиринты и расположенные вблизи них стоянки — Харловка, на тоне Вящина и Трящина (Гурина, 1971).

Таким образом, второй период исследования, несмотря на его относительную краткость, характеризовался целеустремленностью. Перед экспедицией стояли задачи: выявить степень заселенности полуострова в каменном веке и эпоху раннего металла и понять особенности материальной и духовной культуры его обитателей. В процессе разведок выявлялась закономерность размещения памятников, отрабатывалась методика их поисков и раскопок. Многообразие обнаруженных памятников — стоянки разных эпох, могильник, лабиринты — дало понять, что эта часть заполярной зоны была заселена людьми со сложной историей. В результате работ прояснилась и перспектива будущих исследований. Оглядываясь назад и оценивая существовавшие тогда условия, можно без ложной скромности сказать, что сделано было много. К этому следует добавить, что итоги работы нашли освещение в ряде специальных публикаций (Гурина, 1947а, б, 1948, 1950, 1951, 1953а, б; 1960, 1971а, б; 1973).

По ряду причин работы пришлось приостановить до 1964 г., когда в связи со строительством Патсойокской ГЭС появились ассигнования на археологические обследования. Однако объем работ здесь был очень ограничен, поскольку зона затопления протянулась всего лишь на 17 км правого берега р. Патсойоки (южнее г. Никель). Все же удалось открыть 3 стоянки каменного века, на одной из которых произвести небольшие раскопки. На основании высоты террасы (60 м над уровнем реки), характера культурного слоя (прерывистости и слабой насыщенности) обнаруженные стоянки следует датировать мезолитом.

В тот же полевой сезон экспедиция продолжила исследование на п-ве в районе Мотовского залива и Цып-наволока. Помимо повторного обследования ранее открытых пунктов, было обнаружено более 20 новых стоянок, что не только увеличило коллекции, но и позволило уточнить древние очертания бухт, на которых располагались памятники. Произведена инструментальная съемка. Некоторые из стоянок, очевидно, датируются неолитом (Гурина, 1971а, б; 1973а, б).

В 1969 г. возобновили исследование Кольского п-ва и с тех пор вели его без перерыва в течение 14 лет. Поставленные ранее задачи не утратили своего значения. По-прежнему в план работы экспедиции входило решение вопросов: время и пути первичного заселения полуострова и закономерность развития материальной и духовной культуры его населения, выявление общих и особенных ее черт. Однако поскольку к этому времени удалось решить ряд вопросов, представилась возможность усовершенствовать методику работы. Так, вместо кратковременных рекогносцировочных раскопок экспедиция перешла к длительным стационарным исследованиям микрорайонов с большим количеством разновременных памятников, выработав специальную методику их изучения — радиальные разведки, раскопки широкими площадями, точная поглубинная и пространственная фиксация находок, их типологическая и статистическая обработка. Существенно, что крупные поселения, открытые и исследованные на последнем этапе, относились к различным периодам древней истории.

Иные финансовые возможности позволили увеличить количество участников экспедиции и продолжительность работ. В них приняли участие специалисты-археологи. Чрезвычайно существенным следует считать научное содружество с геологами, палеоботаниками, палеозоологами, физиками, что обеспечило более высокий уровень исследования. Так, в течение ряда лет экспедиции проводились совместно с геологами Кольского филиала АН СССР, возглавляемыми Б. И. Кошечкиным, что дало многое для нашего понимания геологической ситуации памятников, определения их высотного положения с помощью инструментальной съемки, а следовательно, и их возраста. Палеозоологи Н. М. Ермолова и А. А. Антонюк могли на месте ознакомиться с огромным остеологическим материалом и отобрать необходимые коллекции для дальнейшей обработки в камеральных условиях. Наконец, физики смогли отобрать образцы для радиокарбонового анализа непосредственно в поле.

Новой чертой этого этапа археологических изысканий на Кольском п-ве можно считать широко развернувшиеся работы в различных частях побережья (на северном и южном), а также внутри области — на Ловозере. Следует отметить также увеличение хронологического диапазона исследованных памятников. В последние годы впервые удалось открыть следы раннего средневековья, свидетельствующие о проникновении населения с южных территорий, а также остатки средневековых поселков саамов, что проливает некоторый свет на происхождение местного населения (Гурина, 1981).

При исследовании поселений Маяк и Маяк II обнаружено огромное количество костей морских и сухопутных животных, рыб и птиц в сопровождении орудий морского промысла, что позволяет теперь достаточно обоснованно охарактеризовать формы хозяйства. Сосредоточенность памятников различных эпох в пределах микрорайона позволяет понять эволюцию типов орудий (Гурина, 1983).

В южной и центральной частях п-ва сотрудники Карельского филиала АН СССР Ю. А. Титов, Г. А. Панкрушев, П. Э. Песонен, А. В. Анпилогов исследовали отдельные памятники на р. Ниве, на оз. Колвицком, Ловозере, часть которых была ранее открыта нами. Результаты этих работ опубликованы в статьях (Песонен, 1980; Анпилогов, 1980).

Подводя краткие итоги археологического изучения Кольского п-ва можно сказать следующее. К началу работ экспедиции ЛОИА (1946 г.) здесь были известны лишь в полной мере единичные памятники (рис. 1А) эпохи мезолита (Рыбачий п-ов), неолита (Пинозеро, Кузомень), раннего металла (несколько погребений Оленеостровского могильника) и 3 лабиринта (кандалакшский и 2 поной-ских), что естественно не позволяло составить сколько-нибудь правильные представления об эпохах и тем самым о развитии культуры в целом. Вновь полученные материалы в настоящее время дают возможность воссоздать основные этапы развития древней культуры населения этого во многом своеобразного региона. Их характеристику мы и попытаемся изложить в настоящей книге.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ И ЧЕЛОВЕКА

Основная часть территории Кольского п-ва расположена севернее Полярного круга — между 60° и 70° северной широты. Такое географическое положение сильнее, чем в южных областях, должно было оказать влияние на судьбы его древних обитателей. Длительные суровые зимы, когда солнце на севере вовсе не показывается на горизонте, каменистая почва или вовсе не прикрытая скальная поверхность, скудная растительность и холодный климат диктовали человеку особый образ поведения, предъявляли большие требования, если он хотел выжить. Экологическая среда была для него суровым учителем.

При научных изысканиях обычно Кольский п-ов отождествляют с Мурманской областью, занимающей как полуостровную, так и материковую часть, орографической границей между которыми служит глубокая впадина, вытянутая в меридиональном направлении от Кольского залива Баренцева моря до Кандалакшской губы Белого моря. В ней расположены озера: Имандра, Колозеро, Пулозеро, реки — Кола и Нива. Другие подобные впадины, параллельные первой, лежат восточнее и заняты озерами: Ловозером, Умбозером, реками — Умбой и Вороньей.

Сложным является и рельеф местности — он характеризуется большой расчлененностью, в особенности материковая часть. Горы чередуются с глубокими озерами и равнинным заболоченным пространством, вытянутым в восточном направлении. Некоторые массивы образуют как бы цепи — Таудашь, Сальные, Волчьи, Чуна, Монча — тундры. Наиболее крупные горные массивы — Хибинские и Ловозерские тундры подковообразных очертаний, с плоскими вершинами, достигают 1200—1300 м абсолютной высоты. Крутыми склонами они обрываются к крупным низменностям, заполненным озерами — Имандра, Умбозеро, Ловозеро, — лежащими на высоте 130—160 м над уровнем моря.

К югу и северу от центрального горного массива пространство занято холмистыми низменностями с бесчисленными озерами и болотами, вытянутыми в юго-восточном направлении, с отметками от 50 до 150 м абсолютной высоты над уровнем моря. За полосами низменности к северу и югу располагаются среднегорные, сильно расчлененные районы средней высоты около 400 м и максимальной высоты до 650—700 м над уровнем моря. Эти горные массивы разделены между собой глубокими впадинами с озерами, реками и болотами. Побережье Баренцева моря изрезано фиордообразными заливами с островами и полуостровами. Расчлененность рельефа постепенно уменьшается к востоку, и полуостров представляет здесь плато высотой 150—200 м, которое круто обрывается на север и восток, спускаясь широкими ступенями к югу. Этот сильно пересеченный рельеф, залегание близко к поверхности грунтовых вод, большое количество выпадающих осадков и слабое испарение способствуют существованию огромного количества крупных и мелких озер (Рихтер, 1939).

Кольский п-ов изобилует крупными реками со множеством притоков, текущими в основном в трех направлениях: на север — Печенга, Титовка, Западная Лица, Ура, Кола, Териберка, Воронья,

Харловка, Дроздовка, Варзина, Йоконьга; на восток и северо-восток — Лумбовка, Поной; на юго-восток — Сосновка, Пулоньга и на юг — Варзуга, Умба и Нива.

Сильно пересеченный рельеф местности, изобилующий озерами и болотами, крупными и мелкими реками, сильно сокращал в древности удобную для жизни площадь, определял направление передвижения людей, что необходимо помнить при оценке густоты заселения этой территории, многослойности поселений, концентрации памятников на небольшом пространстве и путей освоения людьми рассматриваемого региона.

При выявлении сущности материальной и духовной культуры древних племен Кольского п-ва необходимо учитывать и еще ряд факторов экологического порядка: климат, почвенный и растительный покров, окружавший человека животный мир.

Подобно различию в высотном положении отдельных частей Кольского п-ва, прослеживаются значительные различия и в климате. На юге солнце от одних суток не скрывается за горизонтом, на севере оно не заходит за горизонт до двух месяцев, в соответствии с этим зимой на юге солнце не появляется от одних суток из-за горизонта, тогда как на севере оно не показывается до двух месяцев. Наблюдается и существенное различие в температуре воздуха. Благодаря наличию ветви теплого течения (гольфстрима) северо-западное побережье обогревается зимой — бухты не замерзают. Однако оно не достигает восточной оконечности (распространяясь лишь до Святого Носа), в результате чего Белое море длительное время остается скованным льдами. Огромная масса воды Белого моря задерживает осенью наступление морозов, зато весной и летом охлаждает побережье. Этим объясняется и разница средних годовых температур северного и южного побережий, а также центральной части п-ва от 0,6° до 1,5° на побережье, при 2,2° в центре полуострова.

Условия погоды сильно зависят и от направления движения циклонов, в связи с чем на полуострове часты смены теплых (южных) холодными (полярными) массами воздуха. Встречи холодных и теплых масс воздуха делают погоду неустойчивой — порождают частые туманы и большую облачность, а неравномерное нагревание летом суши и моря и охлаждение зимой вызывает ветры муссонного типа (Рихтер, 1939). Так, основываясь на наблюдениях ряда лет, Рихтер приводит таблицу средних температур воздуха и продолжительность сезонов, из которой можно вывести следующее заключение: температура января в крайней северо-западной точке (в Вайда-губе) —5,8°, тогда как в южной части полуострова (в Кандалакше) —12,3°, а в центре (Ловозере) —14°. В июле, соответственно, +9,1°; +13,6; +12,2°. На восточном побережье по возвышенностям встречаются летующие снега, вечная мерзлота на западе — в торфяных болотах, на востоке — по всему побережью.

По характеру растительности Кольский п-ов попадает в несколько зон. Северо-восточная часть его занята тундрой, сменяющейся к югу и юго-востоку полосой лесо-тундрового березового криволесья. В южной и юго-западной частях на песчаных террасах и всхолмлениях произрастают северные таежные леса с преобладанием сосновых боров, по склонам же и в низинах — еловых лесов. Граница таежной и тундровой зон проходит от Рыбачьего п-ва до устья р. Сосновки. Лесная растительность даже в южной части не поднимается выше 450—500 м, вершины же гор покрыты горно-травянистой и кустарничковой растительностью или мхом. Почвы в разной степени оподзолены, представлены болотными, болотно-луговыми и тундровыми. На побережье почвенный покров имеет очень незначительную мощность, часто вовсе отсутствует, на поверхность выходят скалы, поросшие только лишайником. В южной части он более мощный. На побережьях встречаются значительные песчаные отложения. В целом же имеющийся почвенный слой сильно каменистый.

Многочисленный животный мир полуострова, соответственно, представлен тундровой (песец, пеструшка, тундровая куропатка и др.), северо-таежной (северный олень, лось, медведь, белка, глухарные птицы) и горной фауной. Большое количество озер привлекает огромные стада перелетной птицы (гуси, лебеди, утки). На морских побережьях много приморской водоплавающей птицы (гаги, чайки, лирики), образующей огромные «птичьи базары».

Окруженный с трех сторон морями и изобилующий озерами полуостров исключительно богат морским зверем, пресноводной и морской рыбой. Из рыб большое промысловое значение имеют: сиг, кумжа, семга, хариус, а также щука и окунь. Чрезвычайно богата и разнообразна морская ихтиофауна — сельдь, треска, пикша, окунь.

Благодаря своеобразному сочетанию теплых атлантических и холодных арктических вод Баренцево море обладает исключительным богатством и разнообразием животного мира. В значительной мере это объясняется обилием и разнообразием зоопланктона, 90% которого составляют мелкие веслоногие рачки — основной корм промысловых рыб. В древности в бóльшем количестве, чем теперь, в северных районах на льдах обитал белый медведь, у берегов и кромки льда — кольчатая нерпа и морской заяц. Огромные стада гренландского тюленя проводили лето у плавучих льдов, а к январю-февралю собирались в огромное «беломорское стадо» для размножения в горле Белого моря. В северо-восточных районах Баренцева моря обитали моржи, белуха, морская свинья, касатка, нарвал, изредка встречались крупные беззубые киты.

Характер климата, почвенный покров, растительность и состав животного мира, которые в основном мало отличались от современных, в огромной степени определяли форму хозяйства, образ жизни, бытовой уклад и особенности духовного мира древних обитателей рассматриваемого региона.

Кольский п-ов является окраиной фенно-скандинавского кристаллического щита. Он сложен в основном архейскими и протерозойскими породами (гранито-гнейсами и кристаллическими сланцами). Четвертичные отложения на большей части северного побережья полуострова настолько незначительны, что из-под них выступают коренные породы. Как установлено геологами, Кольский п-ов претерпел значительные изменения в поздне-послеледниковое время. В процессе освобождения от тяжести ледникового покрова происходило поднятие поверхности суши и, соответственно, постепенный отход моря от берегов. В связи с этим наблюдается определенная зависимость археологических памятников от высоты террас и степени их удаленности от современных берегов моря (рис. 2А).

На восточном побережье Норвегии и западной части Кольского п-ва насчитывается наибольшее количество поздне-послеледниковых береговых линий. Верхняя морская граница позднеледникового бассейна располагается в этих районах на отметках 125—130 м. К востоку от Кольского залива верхняя морская граница снижается до 55 м, соответственно снижается и уровень более молодых береговых линий. На южном побережье Белого моря отметки верхней морской границы снижаются до 35—40 м, при сокращении числа террас до 4—5. На побережье Малоземельской и Большеземельской тундр, на острове Колгуев известны только 2 голоценовые террасы высотой 12 м (Гурина, Кошечкин, Стрелков, 1974; Gurina, Koshechkin, Strelkov, 1973).

Впервые на определенную закономерность положения археологических памятников по отношению к береговым образованиям обратили внимание исследователи Скандинавии. Выяснилось, что древние памятники приурочены к высоким древним береговым линям, а поздние связаны с низкими более молодыми террасами.

На основании геологических данных устанавливается определенная общая закономерность следующего характера — граница зоны вероятного нахождения неолитических стоянок расположена далее от современной береговой линии по сравнению с границей зоны расположения поселений эпохи раннего металла, но ближе, чем зона расположения мезолитических памятников. Однако такое положение нельзя фетишизировать, как это делают некоторые исследователи (Панкрушев, 1978), устанавливая во всех случаях прямое, жесткое соответствие между высотным расположением памятника и его возрастом, причем в пределах нескольких метров и сотен лет. В этом случае мы полностью разделяем точку зрения финского ученого А. Сиириайнена, высказавшего в адрес упомянутого исследователя очень серьезные критические замечания (Siiriainen, 1974). Необходимо помнить, что в пределах каждой береговой линии существует возможность расположения как соответствующих ей по возрасту памятников, так и более молодых. Возраст памятников не может быть старше, чем соответствующая береговая линия, однако более поздние стоянки и поселения могут располагаться и на более древних береговых террасах. Это положение находит подтверждение прежде всего на территории самой Карелии, где в пределах одного местоположения встречаются хронологически различные комплексы, в то время как «чистые» комплексы чрезвычайно редки.

Судя по геологическим данным, северо-западная часть Кольского п-ва в большой мере освободилась от покрова материкового льда в период аллерода — позднем дриасе (Кошечкин, Кудлаева, Первухинская, Самсонова, 1971; Martinussen, 1974). Следует полагать, что между временем дегляциации и периодом первоначального освоения этой территории человеком прошло не менее тысячи лет (Гурина, Кошечкин, Стрелков, 1974). Очевидно, в первую очередь были освоены северо-западные участки побережья, наиболее рано освободившиеся от льда. Самые древние памятники — стоянки эпохи мезолита, расположенные в северо-западной части п-ва (Рыбачий, Средний и прилегающая часть Мурманского побережья), приурочены к поверхности древне- и раннеголоценовых террас, занимая интервалы высот от 90 м до 30 м (Земляков, 1937а, б; Гурина, 1971а), что соответствует положению береговых линий заключительной фазы древнеголоценового времени и времени развития раннеголоценовых бассейнов (бассейн Портляндии, Литторина и Фолас в Скандинавии), формировавшихся в течение пребореального и бореального времени (Кошечкин, Лебедева, 1983).

Территория, на которой расселялся человек в течение последних 8—9 тысяч лет, по строению поверхности отличалась от современной только количеством террас в прибрежной зоне. Площадь, удобная для жизни, со временем увеличивалась за счет поднятия из-под уровня моря новых террас. Таким образом, в эпоху мезолита возможность освоения удобных для жизни мест на побережье была значительно более ограниченной, нежели в поздние этапы древней истории — неолите и раннем металле. В мезолите местами обитания могли быть террасы, недавно появившиеся из-под воды. В ранней фазе развития мезолита стоянки, удаленные от моря, отсутствуют, на более позднем этапе они единичны.

Иное положение существовало на более поздних этапах истории. В неолите, и в особенности в эпоху раннего металла, уже существовало несколько террас различного уровня, в силу чего территория для заселения была достаточно обширной.

При изучении истории Кольского п-ва нельзя не учитывать еще одного обстоятельства. Баренцево и Белое моря пережили ряд послеледниковых трансгрессий. Так, выявлены существенные изменения уровня Баренцева моря в пребореале, значительное по амплитуде отрицательное перемещение береговых линии, сменившееся в начале бореального времени фазой положительного перемещения. Таким образом, часть склонов морского побережья, являвшаяся в период регрессии сушей, была затоплена морем во время трансгрессии. Исходя из этого, можно предполагать, что некоторые стоянки, относящиеся к мезолиту, возможно, оказались смытыми во время трансгрессии. Допустимо также предположение, что часть их перекрыта более молодыми морскими отложениями. Однако последнее могло произойти лишь при особо благоприятных обстоятельствах, поскольку мезолитические стоянки не имеют мощного культурного слоя, нередко располагаясь непосредственно на скальной поверхности или бечевнике. При такой ситуации вряд ли была возможность после морской трансгрессии сохраниться культурным остаткам даже в переотложенном состоянии. Отражение этого процесса зафиксировали памятники, находящиеся на юге полуострова (от Колвицы до Сосновки). В некоторых разрезах Терского побережья, например близ устья р. Малая Кумжевая (Пялица п. 17), на побережье р. Сосновки и др., найдены неолитические остатки, залегающие на развеянной поверхности морских осадков и перекрытые континентальными отложениями, а поверх их и более молодыми морскими осадками.

Период, близкий климатическому оптимуму голоцена, — наиболее благоприятный для жизни — явился временем интенсивного расселения людей на территории полуострова, оставивших после себя памятники, которые мы относим к неолиту.

На морских побережьях и в нижних частях долин рек, впадающих в море, неолитические памятники размещаются на поверхности террас среднеголоценового возраста и на верхних террасах позднеголоценового бассейна, что соответствует интервалу от 26 до 18 м на западе п-ва и 5—8 м на востоке. Судя по геологическим данным, возраст памятников отвечает второй половине атлантического времени — интервалу 6—5 тысяч лет тому назад. По данным же радиокарбонового анализа ранний неолит датируется началом IV тысячелетия до н. э.

В этот период, в связи с восходящими движениями земной коры, развивавшимися одновременно с эвстатической трансгрессией Мирового океана, береговая линия Баренцева и Белого морей испытала интенсивное знакопеременное перемещение — фазы Тапес III и IV (Martinussen, 1960) или тривия (Tanner, 1930, Таннер, 1933). По мере сокращения амплитуды движения земной коры контуры береговой линии полуострова приблизились к современным (Кошечкин, Лебедева, 1983).

Стоянки эпохи раннего металла приурочены чаще всего к поверхности позднеголоценовых террас, располагаясь на высоте от 14 м на западе полуострова до 5—6 м на востоке, почти вплоть до современной береговой линии. В это время береговая линия Белого моря уже не испытывала существенных перемещений, по своим контурам приближаясь к современным.

Характер спорово-пыльцевых спектров отложений, синхронных памятникам эпохи раннего металла, позволяет соотнести их с 1—5 зонами Нейштадта, X—XI зонами Фегри, а в местных шкалах с III—IV зонами Аарио и Альхонена, т. е. со второй половиной суббореального и субатлантического времени.

На современной поверхности морских террас, сформировавшихся позднее, археологические памятники не встречаются (Гурина, Кошечкин, Стрелков, 1974, с. 231—235).

Для датировки археологических памятников могут быть использованы находки на поселениях пемзовой гальки, применявшейся древним человеком в качестве абразива. По мнению Б. И. Кошечкина, нахождение пемзовой гальки на территории Кольского п-ва объясняется действием гольфстрима. Пространственно участки пемзовой гальки связаны с нордкапской (южной) ветвью североатлантического течения. Сопоставление данных химического анализа пемзовой гальки северных территорий — побережья Норвегии, Гренландии, Шпицбергена и Кольского п-ва — показало близость их состава к составу лав Исландии (Кошечкин, 1971, 1975). По мнению указанного автора, на Кольском п-ве изменение положения верхнего пемзового уровня отчетливо отражает специфику позднe- и послеледникового поднятия и с успехом может быть использовано для определения амплитуды новейшего вертикального перемещения земной коры. Ему представляется, что разнос пемзы в водах Атлантики осуществлялся в период послеледникового климатического оптимума. Позднее, в связи с размыванием террас, некоторое количество пемзы было переотложено на более низкие уровни (Кошечкин, 1976).

На ряде археологических памятников пемзовая галька несет явные следы использования в качестве абразива для затачивания костяных, а возможно, и металлических изделий. Совершенно очевидно, что пемза часто встречается в памятниках эпохи раннего металла. О несомненной значимости ее для обитателей полуострова свидетельствует Оленеостровский могильник. В неолитических поселениях использование пемзовой гальки встречается исключительно редко.

Существенное значение для понимания взаимоотношения древнего человека и среды имеют палеоботанические изменения. Исследования ряда специалистов (Aario, 1943; Никонов, Лебедева, 1969) свидетельствуют, что в северо-западной части Кольского п-ва в процессе освобождения территории от льда растительность подчинялась закономерностям, обусловленным ходом дегляциации, — зональность была параллельна краю ледника. В эпоху мезолита, когда от льда освободилась и вся внутренняя часть территории полуострова, облик растительности существенно изменился. Стали намечаться дифференциации растительного покрова в зависимости от рельефа и характера подстилающих пород, появилась близкая к современной широтная зональность — оформилась подзона редкостойных лесов лесной зоны, лесотундровая зона и южная подзона тундровой зоны (Кошечкин, Лебедева, 1983). Северное побережье Скандинавии, побережья Кольского п-ва и Канина п-ва, как и в настоящее время, были заняты тундрой. На некотором расстоянии от берега на Кольском п-ве могли существовать березовые и сосново-березовые леса (Лебедева, 1969).

Основными породами лесной зоны являлись иволистная и субарктическая береза, образующие северный предел древесной растительности; несколько позже в лесах южной и западной зон появилась сосна. В травяном покрове преобладали вересковые, папоротники, а в приречных березняках и на морском побережье — разноцветья.

Лесотундровая и тундровая зоны, лежащие к северу, расширялись в южную и юго-восточную часть п-ва. Лесотундровые сообщества были представлены ерниково-березовыми зеленомошными или травяными ценозами, а тундровые — моховыми кустарничковыми, лишайниковыми ассоциациями. Преобладающими в растительных сообществах являлись: карликовая березка, ивы, вороника, плауны, дополняемые ягодниками черники, голубики, брусники, клюквы и морошки. Большое количество мезофитов в растительном покрове позволяет предполагать прогрессирующее улучшение климата, повышение температур по сравнению с предшествующим периодом.

На побережье климат был океаническим, в центральных и западных районах более континентальным, на востоке п-ва более прохладным.

В конце суббореального и субатлантического периода обстановка ухудшилась, континентальная ель продвинулась на север за счет сокращения площади, занятой ольхой и другими более теплолюбивыми видами. В лесах преобладала береза. В напочвенном покрове господствовали зеленые мхи, лишайники, кустарнички из вересковых. Большую роль, в особенности в западных и центральных районах п-ва, играли лесные и тундровые плауны и плаунок плауновидный.

Площади лесотундровой и тундровой зон стали близки современным. На северо-западе ширина их составляла около 50 км, к востоку — до 150 км. Основными ассоциациями являлись березовые редколесья и криволесья с травами, зеленомошным и лишайниковым покровом. В тундровой зоне развивались кустарничковые и ерниково-лишайниковые сообщества (Кошечкин, Лебедева, 1983).

В период формирования террас в эпоху неолита литоральная зона была наиболее широкой и служила местом сбора разнообразных моллюсков. С улучшением климата в конце атлантического и в суббореальное время (включая оптимум голоцена) температура воды увеличилась до 2,5° С. Количество моллюсков и их видовой состав резко возросли. В прибрежных районах Баренцева и Белого морей их насчитывалось 84 вида, среди которых 33 относятся к бореальным формам (Лаврова, 1960). Крупные массивные моллюски использовались человеком в пищу. Об этом свидетельствуют большие скопления раковин в слоях стоянок эпохи раннего металла.

Следует подчеркнуть почти или полное отсутствие на Кольском п-ве легкодоступного кремня, этого основного поделочного материала каменного века. Очевидно, древним обитателям п-ва не были известны выходы пластового кремня или залежи кремневых галек, хотя о полезных свойствах его люди имели достаточно четкие представления. По-видимому, древние обитатели края получали лучшие образцы извне, не исключая использования мелких кремневых галек, в особенности на южном побережье. Ограниченное количество кремня повлияло на характер индустрии. Основным поделочным материалом для изготовления орудий труда служили: кварц, кварцит, разновидности сланца, в том числе кремнистого, приближающегося по качеству к кремню, и темно-серый, чаще черный роговик. Кварц встречался в виде жил, выходящих на поверхность, и окатанных морем и реками галек. По своей структуре он разнообразен, от очень крупнозернистого до плотного мелкозернистого, близкого к кремню. Наиболее совершенной среди кварца являлась его разновидность, которую большинство исследователей принимают за горный хрусталь, — совершенно прозрачная, похожая на стекло, переливающаяся на солнце всеми цветами радуги и прекрасно поддающаяся ретушированию. В качестве поделочного материала для орудий использовались и песчаники, в том числе малиновые, чаще же они служили абразивами для шлифовальных плит и пил.

Таким образом, особенности геологии полуострова определили время освоения этого региона людьми, хронологическое соотношение памятников, их топографию (а следовательно, и методику их поисков) и, в большой мере, характер индустрии. Экологические же условия в целом продиктовали на

ранней ступени развития производительных сил форму хозяйства, условия быта, а опосредованно и мировоззрение древних обитателей этого края.

Данные о древней природной обстановке Кольского п-ва сведены в таблицу.

МЕЗОЛИТ

Первые открытия мезолитических памятников на Кольском п-ве, как было сказано, принадлежат Б. Ф. Землякову. К этому времени скандинавские исследователи А. Нуммедаль, Я. Бäе, А. Бьерн и др. (Nummedal, 1929; Bøe, 1932; Bjørn, 1930) открыли ряд необычных памятников, расположенных на террасах, имеющих гораздо большую высоту по сравнению с террасами, на которых встречались неолитические находки. Сопоставление найденного материала с находками арктического неолита А. Брёггера показало его оригинальность. Основываясь на своеобразии морфологии каменной индустрии стоянок (обусловленной в значительной мере низким качеством поделочного материала: кварца, песчаника, кварцита), а также на значительной высоте террас, исследователи пришли к заключению о возможности датировать эти стоянки верхнепалеолитическим возрастом, наличие же более архаических форм, напоминающих ручные рубила, — рассматривать как бытование реликтовых форм. Была также предпринята попытка расчленения материала на отдельные хронологические группы, которая, однако, оказалась несостоятельной. Эти памятники получили наименование «арктического палеолита».

В процессе исследований, проведенных на Рыбачьем п-ве в 1935, 1937 гг., советская экспедиция уделила большое внимание изучению береговых валов и высотных отметок террас. В результате детального обследования удалось обнаружить в общей сложности 12 стоянок арктического палеолита, сосредоточенных в основном в 3-х местах: 2 — на побережье п-ва Среднего, в заливе Б. Мотка; 1 — близ становища Озерки; 1 — на берегу Эйна-губы и основная масса — на восточном берегу Рыбачьего п-ва, в районе становища Цып-Наволок.

О методике своих исследований Б. Ф. Земляков пишет следующее: «Настоящих раскопок на месте не производилось, так как подавляющая часть находок залегала или непосредственно на поверхности гравийно-галечного пляжа, или под маломощным слоем торфа и растительного войлока... Одновременно со сбором археологического материала производилась инструментальная нивелировка древних береговых линий, а также общее изучение геологической и геоморфологической обстановки каждого местонахождения. На разрезах древних террас производилось изучение геологического строения четвертичной толщи и сборы в слоях морской фауны» (Земляков, 1940, с. 114).

В 1964 и 1972 гг. изыскания на северо-западе полуострова были продолжены нашей экспедицией. В последний год они велись совместно с геологами Кольского филиала АН СССР, что было очень существенно, т. к. сразу в поле можно было получить для вновь обнаруженных памятников оценку геологической ситуации и высотные данные с помощью инструментальной съемки. Обследованию подверглись: Мотовская губа и прилегающие к ней районы п-ва Средний, а также части побережья, расположенные к юго-западу и юго-востоку от него (находившиеся ранее за пределами государственной границы СССР), устье р. Зубовки и двух небольших речек, впадающих в нее, Вайда-губа, бухта Волоковая (устье р. Туманки), бухта Малая Волоковая, Эйна-губа. Помимо того, в северо-западной части полуострова объектами исследования явились участки нижнего течения Западной Лицы, район пос. Пахты, речка Суокерйоки, отдельные участки побережья р. Печенги, губа Растиниеми, бухта Долгая Щель, бухта Амбарная, устье р. Титовки.

В общей сложности были обнаружены стоянки эпохи мезолита и, возможно, раннего неолита: на Западной Лице, в нижнем течении р. Печенги (на правом берегу), близ устья р. Луотонийоки (среднее течение р. Печенги), в губе Растиниеми, в бухте Долгая Щель (Неурафеона, по Таннеру), в бухте Амбарная, в Вайда-губе, в бухте Малая Волоковая.

К моменту наших разведок 1972 г. в результате строительных работ в Мотовском заливе значительное количество ранее открытых стоянок оказалось уничтоженным. Среди них такие важные для хронологического расчленения, как 22 и 22а, близ пос. Озерки, а также стоянки у Карабельного ручья, в устье ручья Морозовского и ряд других. Удалось лишь с помощью раскопок исследовать стоянку 6 у Карабельного ручья.

Помимо целеустремленных поисков мезолитических стоянок, произведенных в указанные выше годы в северо-западной части Кольского п-ва, было сделано открытие их и в последующее время в связи с поисками неолитических памятников. Так, в 1969 г. кратковременная разведка, произведенная в Лумбувской губе, позволила обнаружить 3 мезолитические стоянки, расположенные: на старице

Характеристика природных условий Кольского Севера в голоцене

Эпоха	Террасы в месте расположения памятника	Время	Высоты	Характер перемещения береговых линий	Бассейны	Климат	Характер растительности	Основные породы зон	Датировка
Мезолит	Древне- и раннеголоценовые	Пребореальное и бореальное	На С-З п-ва 55—30 метров, на побережье Белого моря 25—27 м	Пребореальное — регрессия, начало бореального — трансгрессия	Портландия и литторина, фолос	Улучшение климата по сравнению с предшествующим. На побережье более океанический, в центральных районах и западных более континентальный, на востоке более прохладный	1) Подзона редкостойных лесов лесной зоны 2) лесотундровая зона 3) южная подзона тундровой зоны	1) Лесная зона: извилистая и субарктическая береза, несколько позднее на юге и западе п-ва появилась сосна, в травяном покрове преобладание вересковцветных, папоротников, в приречных — березняках и на морском побережье — разнотравные. Лесотундровая зона, расположенная севернее, расширилась к Ю-В п-ва 2) лесотундровая зона: ерниково-березовые, зеленомошные или травяные ценозы 3) тундровая: моховые, кустарничковые, лишайниковые ассоциации. В растительных сообществах преобладали: карликовая березка, ивы, вороника, плауны, ягодные кустарнички: черника, голубика, клюква, морошка	8000 лет от н. д.
Неолит	Среднего-лоценовые и верхние террасы позднеголоценового возраста	Вторая половина атлантического	На западе 26—18 м, на востоке 8—5 м, на южном побережье Белого моря 12—17 м, восточнее Кольского залива 17—21 м	Интенсивное знакопеременное перемещение. В среднем голоцене регрессия, затем трансгрессия	Фазы Тапес III и IV тривия регрессия, сменившаяся затем трансгрессией	В конце атлантического периода — климатический оптимум	Продвижение лесов почти до самого побережья Баренцева моря, зона тундры, по-видимому, сохранилась только на С-В п-ва или вовсе отсутствовала. Арктические и тундровые виды обитали только в горных районах	Господство сосновых лесов на С-З п-ва, выходивших по долинам рек к побережью. Сократилась береза, на увлажненных участках серая и кольская ольха. Развитой травяной покров, представленный семействами гвоздичных, сложноцветных, кипрейных, губоцветных, розоцветных, ирисовых, гераниевых, гречишных, жимолостных папоротников и др. В особо благоприятных мес-	5800—4000 лет от н. д.

Окончание таблицы

Эпоха	Террасы в месте расположения памятника	Время	Высоты	Характер перемещения береговых линий	Бассейны	Климат	Характер растительности	Основные породы зон	Датировка
								тах — облепиха. Заболачивание бывших озер. На болотах росли: осоки, злаки, зеленые мхи, морошка, голубика, черника, богульник, брусника, росянка круглолистная, хвощи и др.	
Эпоха раннего металла	Преимущественно позднеголоценовые	Суббореальное, субатлантическое	На западе 14 м, на востоке п-ва 5—6 м, почти до современной береговой линии	Отсутствие существенных знакопеременных перемещений, общая тенденция к регрессии. Контуры приблизились к современным	Развитие Беломорского бассейна	Резкое ухудшение климата по сравнению с предшествующим. Еще большее ухудшение к концу суббореального и в субатлантическое время	Расширение лесотундровой и тундровой зон на С-З — 50 км, на С-В — 100—150 км. Отступление границы лесов на юг и, соответственно, продвижение на юг лесотундровой и тундровой растительности	Господство смешанных березово-сосновых или сосново-березовых или березовых лесов на севере. Ель достигла юга п-ва, травяной покров обеднел. Болота на большей части территории перешли из фазы низинных в верховую. В конце суббореального и в атлантический период континентальная ель продвинулась на север, сократилась площадь, занятая сосной, ольхой и др. В лесах преобладала береза, на западе и в центральной части п-ва ель образовывала заросли. Господство зеленых мхов, кустарничков из вересковых, распространение плаунов. В лесотундре господствовало березовое редколесье и криволесье. В тундровой зоне — кустарничковые и криволесье, лишайниково-кустарничковые и ерниково-лишайниковые сообщества	

Таблица составлена по Б. И. Кошечкину и Р. М. Лебедевой

(правый берег р. Лумбовки), на правом берегу р. Каменки, вблизи ее устья, и на правом берегу р. Лумбовки, также близ устья.

В том же году значительную группу мезолитических стоянок экспедиция обнаружила на побережье р. Варзуги, на отрезки ее нижнего течения близ с. Варзуга и Кузомень. В 1970 г. разведки здесь были продолжены и охватили правобережье р. Кицы — притока р. Варзуги, где А. В. Шмидтом в 1929 г. была собрана коллекция кварцевых орудий. Несколько мезолитических стоянок найдено при обследовании р. Пялицы.

Значительные результаты по исследованию мезолитических памятников получены в 1973, 1974 гг. в западном регионе — в окрестностях г. Никеля на р. Шуонийоки, Колосйоки и ближайших озерах. Некоторые из них подверглись раскопкам, в частности мастерская по первичному расщеплению кремнистого сланца. На северо-восточном побережье найдены стоянки в районе р. Рынды (нижнее течение), в бухте Красная, в Дальних Зеленцах.

Особенно обширным разведкам подверглось побережье р. Золотой. В нижнем ее течении удалось отыскать свыше полутора десятков местонахождений, подавляющее большинство которых относится к мезолиту. Мезолитическая стоянка, открытая в Ивановской губе (на правом берегу р. Черной), дала очень обильные и принципиально важные материалы.

Открытие мезолитических стоянок в различных частях полуострова показало, что они обладают весьма своеобразными чертами.

На южном побережье поисками мезолитических памятников в течение нескольких лет занимались сотрудники Карельского филиала АН СССР — П. Э. Песонен и А. В. Анпилогов, открывшие несколько стоянок в районе Кандалакши и Ловозера (Анпилогов, 1980; Песонен, 1977, 1980).

В результате всех проведенных работ в настоящее время на территории полуострова насчитывается свыше 80 мезолитических памятников разной степени значимости. Помимо того, известен ряд стоянок, которые не всегда с полным основанием могут быть отнесены к мезолиту, хотя на них и не встречено керамики. Своеобразие кварцевого материала допускает лишь очень ограниченные приемы обработки (сколы и ретуширование), при этом последний прием отчетливо заметен только на кварце более высокого качества — мелкозернистом. Ограниченность техники расщепления предопределила, в свою очередь, малочисленность категорий и типов орудий, а также известный их консерватизм — продолжительное существование без ярко выраженных изменений. И все же тщательное изучение кварцевой индустрии эпохи мезолита — раннего металла позволяет выявить развитие орудий и их типов. Наиболее отчетливо оно выступает при сравнении мезолитических и неолитических орудий, когда принципиально меняются технические приемы их изготовления. В более позднее время различия улавливаются с трудом, поскольку рациональные приемы обработки кварца — ретуширование — продолжали существовать и в дальнейшем.

Учитывая сказанное, не всегда легко выделить мезолитические формы, в особенности потому, что кварцевые орудия в подавляющем большинстве памятников на этой территории сохранялись на протяжении всего каменного века и эпохи раннего металла. Осложняет выделение мезолитических памятников и специфика стратиграфии. Залегание культурного слоя некоторых мезолитических и неолитических стоянок близко к дневной поверхности не способствует сохранности керамики, в силу чего ее отсутствие в ряде случаев не определяет еще возраста памятника, а может объясняться механическим воздействием природных факторов[7].

Исходя из упомянутых особенностей мезолитических стоянок нашего региона, при вычленении их из числа памятников каменного века и эпохи раннего металла нами использован ряд критериев. При отсутствии ярко выраженных признаков требовалось их количественное увеличение. Важнейшие из них следующие.

1. Одним из решающих показателей древности памятника является его высотная отметка по отношению к современному уровню моря, на чем мы останавливались в предшествующей главе. Хотя абсолютные отметки мезолитических памятников различаются в зависимости от того, в какой части полуострова они находятся, что обусловлено эпейрогеническим процессом, вместе с тем в любом случае они занимают возвышенные морские террасы по сравнению с более поздними стоянками и поселениями. Последние могут встречаться и на более высоких террасах, в то время как нахождение мезолитических стоянок на террасах с малыми отметками над уровнем моря исключается в силу того, что эти террасы в эпоху мезолита еще не освободились из-под воды (рис. 2А).

2. Другим важным показателем принадлежности памятника к мезолиту, в особенности к его раннему периоду, является характер используемого материала и техника расщепления. На раннем этапе развития мезолитической индустрии почти единственным сырьем были вулканические породы — кварц и кварцит. Сланец в это время применялся исключительно редко. Количество сланцевых ору-

---

[7] Принимая во внимание это обстоятельство, мы вычленили из списка мезолитических памятников ряд недостаточно выраженных, выделив их в особую группу — возраст которых не определен.

дий увеличивается со временем и постепенно, а широкое использование их фиксируется с неолита и в последующее время, при этом в отдельных районах кварц продолжает оставаться господствующим. Исключение составляет только западный район — побережье р. Шуонийоки и Колосйоки, где широко использовался кремнистый сланец.

Кремень в мезолите применялся крайне редко, только в нескольких районах. В неолите и эпоху раннего металла чаще, но и тогда процентное соотношение его по сравнению с другими породами — ничтожно. Только в отдельных местах (например, в устье р. Сосновки) его встречается относительно много. Орудия и отщепы указывают на использование мелких галек низкого качества, окатанных, очевидно, рекой.

3. Важным показателем мезолитического возраста памятников является способ изготовления орудий, наиболее отчетливо выступающий в раннем мезолите, когда господствует резцовая техника. Речь идет не только о высоком показателе процента резцов по отношению к другим орудиям — преобладании численно над скребками — явлении, как известно, зафиксированном на ряде территорий, но и о способе изготовления скребков, при выделке которых вместо техники ретуши применялся резцовый скол. На более позднем этапе развития мезолита количество орудий, обработанных таким способом, сначала уменьшается (резцовым сколом оформляется лишь тыльная часть скребка), а затем они и вовсе исчезают. Очевидно, эта черта ранней стадии мезолита была свойственна не только населению Кольского п-ва, но и более широкой территории, где использовался кварц, в частности она существовала в раннем мезолите Финляндии в памятниках типа Аскола.

4. Одним из показателей мезолитического возраста наших памятников является чрезвычайно малое количество крупных рубящих орудий, не создающих определенных типов. Они очень разнообразны: миндалевидные, из малинового кварцита, похожие по форме на ручные рубила; плоские гальки, оббитые с одного конца крупными сколами; и, значительно реже, крупные, массивные отщепы с частичной обработкой по лезвию, иногда заходящей на края. Очевидно, это связано с господством кварца в качестве поделочного материала — достаточно хрупкого и потому не пригодного для крупных рубящих орудий. В мезолитических культурах, в которых в качестве поделочного материала преобладает кремень (например, на Валдае), рубящие орудия очень многочисленны.

5. Как и в большинстве регионов, показателем мезолитического возраста памятников является полное или почти полное отсутствие орудий, обработанных двусторонней техникой, применявшейся за редким исключением лишь к рубящим орудиям. Прежде всего это касается такого важного хронологического индикатора, как наконечники стрел. В силу специфического свойства кварца (трудность получения из него ножевидных пластин) в ряде случаев мезолитические наконечники стрел имеют малый размер и в основном изготовлены из отщепов. То же касается и кремневых наконечников, выполненных из отщепов, снятых с мелких галечек. Все они имеют не полностью обработанную поверхность. Ретушь, формующая их, а нередко и резцовые сколы прослеживаются преимущественно на черешках и острие, но очень часто захватывают и один из боковых краев орудия, тогда как все неолитические наконечники стрел имеют сплошную двустороннюю обработку. При этом кварцевые наконечники применяются редко, господствуют сланцевые, из кремнистого сланца и кремня. Уместно заметить, что наконечники стрел из кремня или кремнистого сланца на отщепах с частичной обработкой пера, черешка и одного из краев, типичные для мезолита, спорадически встречаются и на раннеолитических стоянках, выступая там в сочетании с двусторонне обработанными наконечниками и другими категориями орудий.

6. Одним из признаков, хотя и не являвшимся решающим, служит присутствие на стоянках мелких кварцевых скребков-стругов, порой и встречающихся в последующие эпохи, но имеющих там более крупную величину, представленных меньшим числом и другими типами.

7. К числу отличительных особенностей мезолитических памятников нашего региона можно отнести очень ограниченное распространение культурного слоя, обычно залегающего пятнами. Закономерно также расположение мезолитических культурных остатков близко к современной дневной поверхности, на глубине, не превышающей 10 см, а часто прямо на поверхности. При этом в тех случаях, когда предметы лежат прямо на древнем пляже, они не имеют следов окатанности в отличие от окружающей их морской гальки — свидетельство того, что места залегания находок не были перекрыты морем и не подвергались действию морских приливов. Мезолитические памятники, не связанные с морским побережьем, имеют несколько более мощный культурный слой и в ряде случаев покрыты почвенным покровом.

8. Наконец, отрицательным показателем принадлежности к мезолиту является присутствие на стоянках пемзы. Хотя, как пишет Б. Ф. Земляков, по наблюдениям А. А. Полканова, пемза встречается и на более высоких отметках, чем указанные В. Рамсеем (Земляков, 1940, с. 124), однако приведенная нами выше точка зрения Б. И. Кошечкина противоречит этому (Кошечкин, 1971, 1976).

При перечне отличий мезолитических признаков от неолитических мы не упоминаем, естественно, отсутствие керамики, являющееся общим для всей мезолитической эпохи.

Итак, обобщая сумму признаков, характерных для мезолита Кольского п-ва, представленных в отдельных памятниках различно в количественном отношении и в своеобразных сочетаниях, можно прийти к следующему выводу.

Все памятники располагаются на высоких морских и озерных террасах, выше памятников более поздних эпох. Культурный слой, незначительный по мощности и распространению, как правило, залегает близко к современной дневной поверхности, а иногда вовсе не прикрыт почвенным слоем. Вместе с тем предметы не имеют следов окатанности, исключая тем самым предположение о возможном перекрывании их морскими трансгрессиями или прибоями. На морских террасах, где располагаются мезолитические стоянки, как правило, не встречается пемзы.

Основным поделочным материалом для орудий служили разновидности кварца, малинового или серого кварцита, реже горного хрусталя, редко кремня. Сланец почти не использовался. Мезолитические орудия от орудий более поздних эпох отличают технические приемы изготовления — отсутствие полной двусторонней обработки и частое применение резцового скола (в особенности в раннем периоде). Наконечники стрел изготовлены из плоских отщепов, редко пластины имеют лишь частичную обработку на черешке и острие (со спинки или с брюшка), заходящую на одну из боковых граней. В подавляющем большинстве случаев орудия имеют очень малые размеры (в особенности на позднем этапе). Крупные орудия — топоры, тесла — встречаются крайне редко. Разнообразие их указывает на отсутствие устоявшихся традиций.

При выделении мезолитических памятников мы старались учитывать весь комплекс указанных признаков. Однако это удавалось сделать далеко не во всех случаях, и тогда принималась во внимание их значимость. Среди главнейших мы считали высоту залегания, технику расщепления и степень обработки (стоянки с двусторонней обработкой не включались в мезолитические). При анализе состава орудий решающим признаком являлся их ансамбль и соотношение отдельных категорий (например, преобладание резцов над скребками). Достоверным мезолитическим признаком являлась и такая деталь обработки, как массовое оформление скребков и наконечников стрел резцовыми сколами.

В результате типологического анализа мезолитической индустрии удалось выделить следующие категории орудий: наконечники стрел, резцы, резчики, проколки, скребки, скобели, скобели-струги, рубящие и комбинированные орудия. Помимо того, в коллекциях присутствуют нуклеусы и заготовки их, пластины, отщепы, сколы и чешуйки.

Каждая из названных категорий орудий содержит несколько типов и вариантов. Следует при этом напомнить о существовании двух сложностей, порожденных поделочным материалом (кварцем) и особенностью эпохи — мезолита. Ограниченность способов обработки кварца сужала возможность человека применять к нему ту технику, которая была выработана ранее в отношении других, более подходящих для этих целей пород камня (кремня, обсидиана). Наиболее легким и рациональным приемом являлся резцовый скол, в силу чего им оформляли часто не только резцы, но и наконечники стрел и скребки. Особенность же времени заключалась в том, что мезолитическая эпоха, являясь переходной, содержала в себе большой элемент поисков, проявлявшихся в самых различных направлениях, и в том числе в стремлении вовлечь в сферу производства новый поделочный материал, а в связи с этим и новые способы его расщепления. Многие стабильные приемы обработки, а следовательно, и типы кварцевых орудий сформировались лишь во второй половине мезолитической эпохи. Этот процесс отчетливо заметен в наличии множественности вариантов отдельных категорий орудий, в особенности наконечников стрел. Именно они наиболее четко по сравнению с другими орудиями определяют возраст памятника.

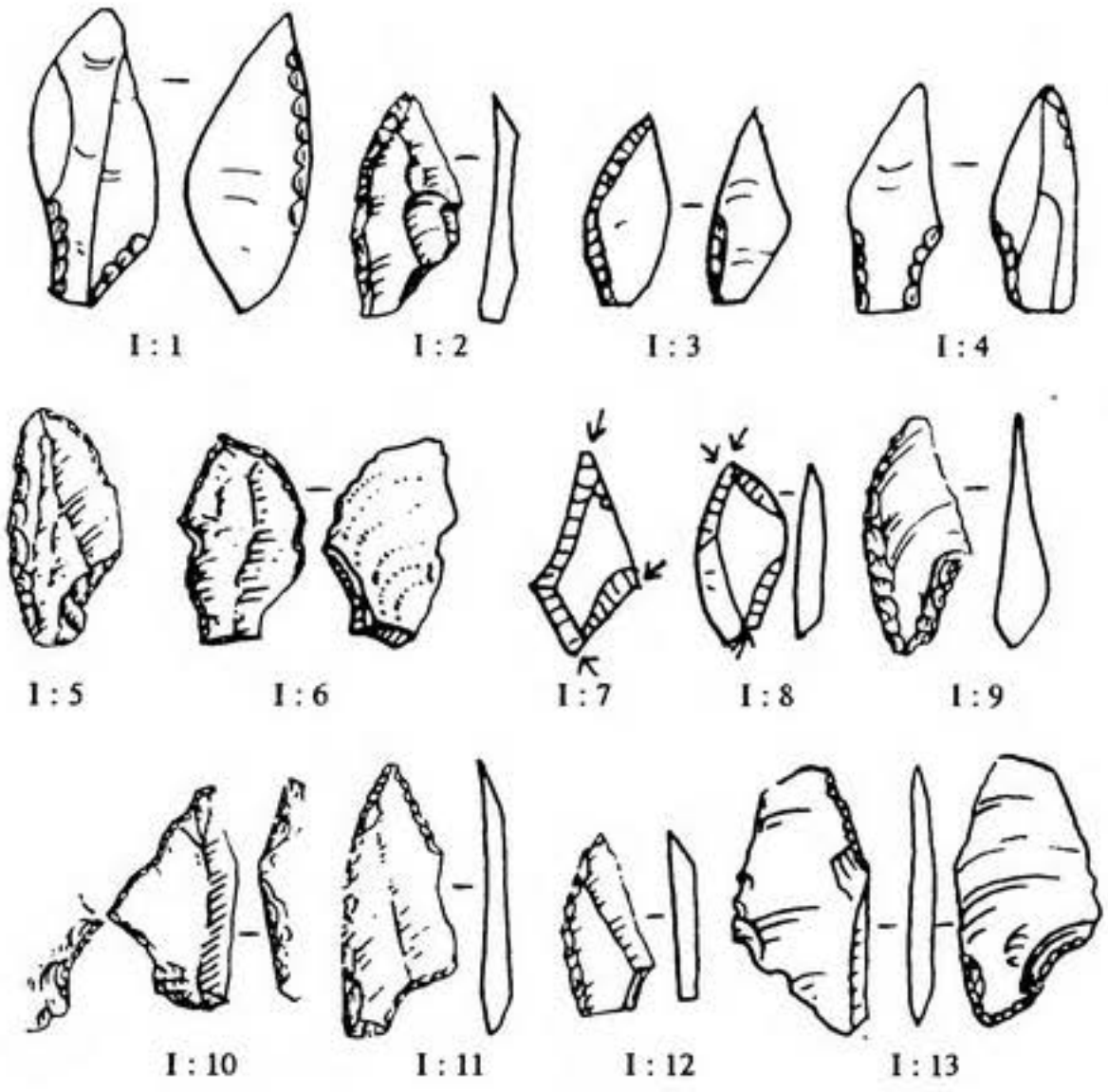
В силу указанных свойств кварца очень трудно, а порой просто невозможно бывает отличить от резцов проколки, поскольку следы сработанности на этом материале трудно уловить (следы заполированности и штриховку).

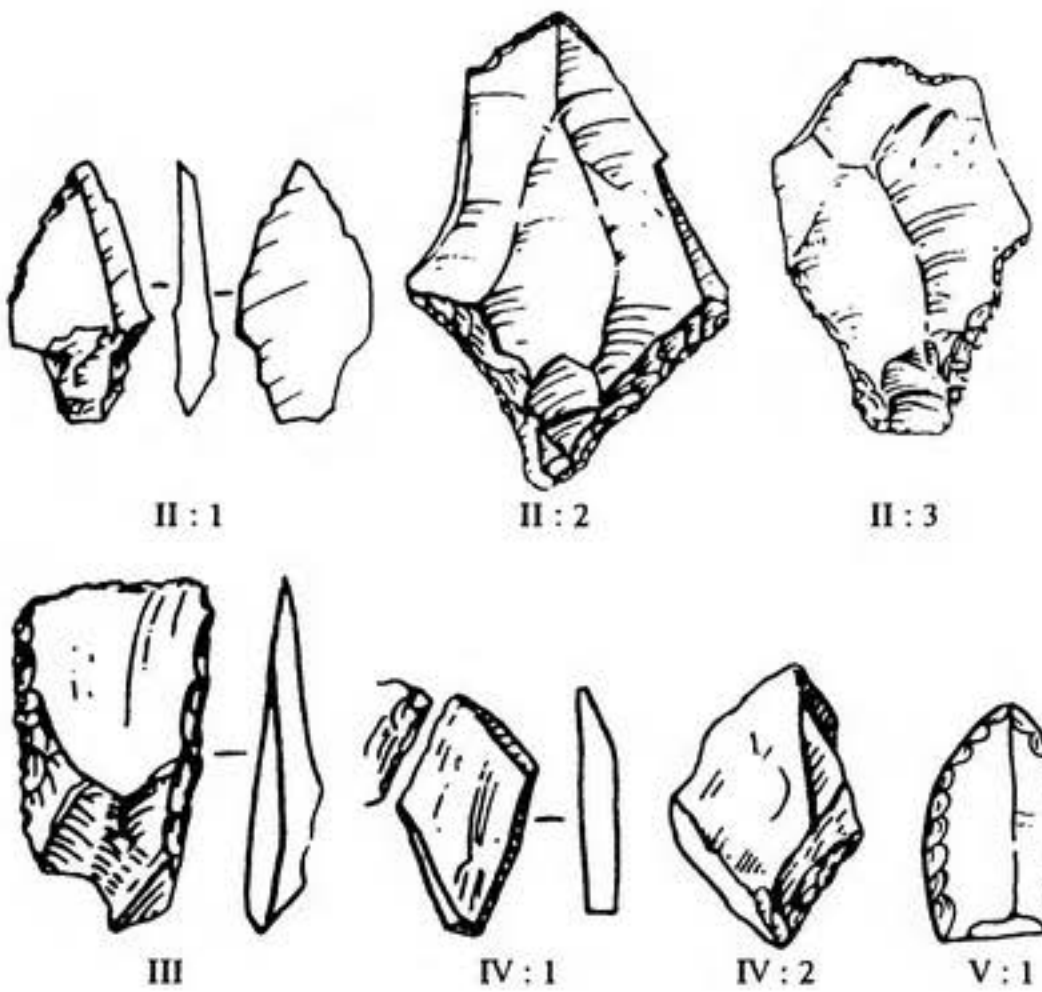
Замечание, сделанное выше, о малой величине орудий в полной мере относится и к наконечникам стрел, при этом не только к кварцевым, но и кремневым[8]. Вариация величины устанавливается в пределах 1,8—5 см (в последнем случае только два наконечника имеют такую величину), подавляющее большинство этих орудий от 2 до 3 см (рис. 3, *1—10*). Пропорции их укороченные, очертания пера разнообразны (в основном неправильной формы): подовальное, подтреугольные, подромбическое и вовсе аморфные. Определяющей чертой является обработка пера, преимущественно по одному краю довольно крутой ретушью, и весьма частое применение резцовых сколов, оформляющих черешок или острие, изредка перо. Индивидуальность проявляется и в обработке черешка, острия и пера, при этом даже в пределах одного памятника, где наконечники встречены в большом количестве (Черная Речка). Они изготовлены здесь, помимо кварца и горного хрусталя, также и из кремня.

В обобщенном виде, отвлекаясь от мелких деталей, среди наконечников стрел можно выделить следующие типы:

---

[8] За исключением двух атипичных случаев — на стоянках Шуонийоки 2 и Харловка 2.





Типы наконечников стрел и их варианты

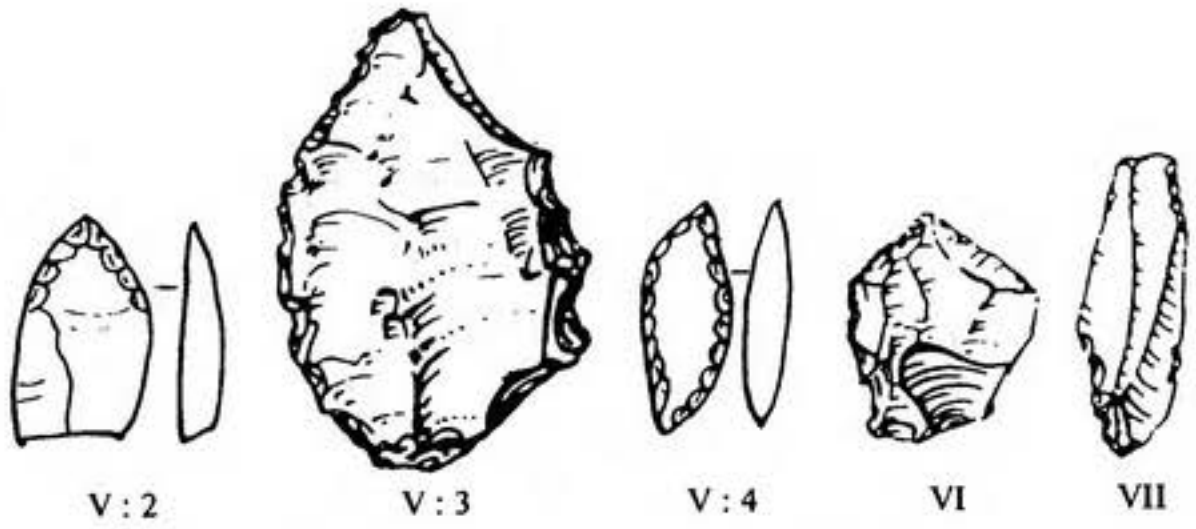
Тип I — асимметрично-черешковые, имеющие по форме пера и степени обработки множество вариантов: Тип I : 1 — с черешком, ретушированным со спинки и одним краем пера с брюшка; I : 2 — со сколами на черешке и ретушью пера со спинки; I : 3 — с ретушированным краем со спинки и выемкой на черешке с брюшка; I : 4 — ретушированный по выемке черешка и одному краю острия со спинки и выемкам черешка с брюшка; I : 5 — ретушированные полностью по одному и частично по второму краю пера и выемке черешка со спинки; I : 6 — ретушированный по обоим краям пера со спинки и выемке черешка с брюшка; I : 7 — с ретушированным одним краем острия и резцовыми сколами по черешку и по одному краю острия со спинки; I : 8 — с острием и выемкой черешка, оформленными резцовыми сколами; I : 9 — ретушированные по одному краю пера и выемке черешка со спинки; I : 10 — с угловидным ретушированным одним краем пера и черешка со спинки и второму краю пера с брюшка; I : 11 — подтреугольных очертаний, ретушированный со спинки полностью по одному и частично по второму краю пера (из горного хрусталя); I : 12 — подтреугольных очертаний, ретушированный по одному краю пера со спинки; I : 13 — с острием, ретушированным по одному краю пера со спинки, и насадом, оформленным с одной стороны резцовым сколом со спинки и ретушью с обеих сторон с брюшка.

Тип II — симметрично черешковые: II : 1 — с ретушированным со спинки черешком и одним краем пера; II : 2 — на крупном пластинчатом отщепе, с ретушированным со спинки одним краем острия и одним краем заостренного насада; II : 3 — на широком плоском отщепе, с ретушированным со спинки уплощенным тупым острием и насадом.

Тип III — поперечнолезвийные.

Тип IV — подромбические: IV : 1 — один край острия и один край пера оформлены резцовыми сколами со спинки, второй край острия ретушью с брюшка; IV : 2 — один край острия оформлен со спинки резцовым сколом, один край насада — ретушью.

Тип V — листовидные: V : 1 — широких пропорций, с усеченным основанием, ретушированный по всем краям со спинки; V : 2 — широких пропорций, с усеченным основанием, с ретушированным острием со стороны спинки; V : 3 — широких пропорций, на массивном отщепе, с заостренным насадом, с резцовым сколом на одном крае острия и ретушью на части пера; V : 4 — удлиненных пропорций, с приостренным насадом, ретушированный со стороны спинки по всем краям.



Типы наконечников стрел и их варианты

Тип VI — с различными очертаниями пера — аморфные, на отщепах.

Тип VII — аморфные, на пластинчатых заготовках.

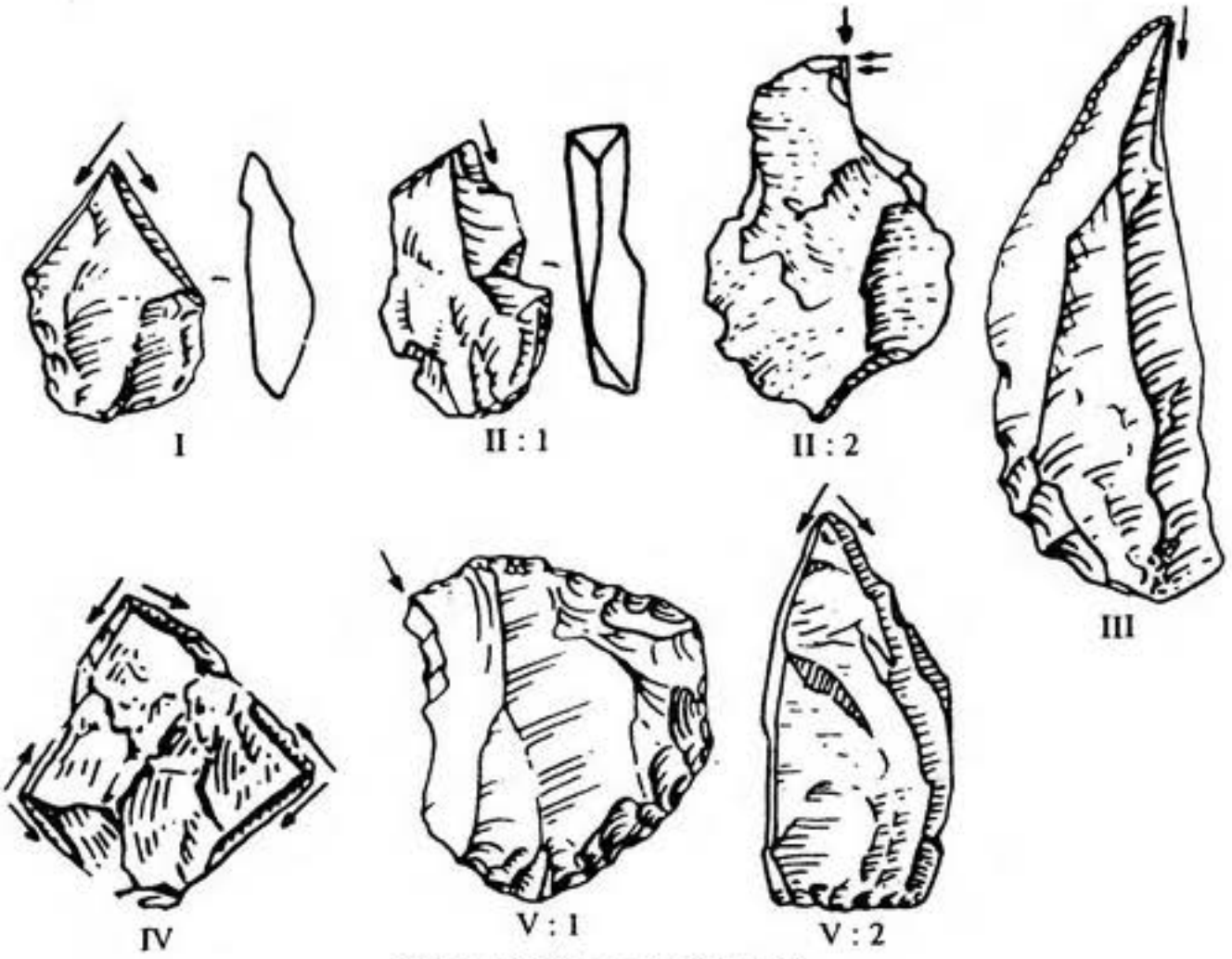
Приведенный здесь далеко не полный перечень типов наконечников стрел и их вариантов является свидетельством отсутствия твердых традиций изготовления этой категории орудий. Как видно, подбирались небольшие плоские отщепы более или менее подходящей формы и подвергались различной степени и способам обработки. Подчеркнем лишь еще раз, что в целом они имеют небольшую величину (иногда очень мелкие, едва превышают 1 см) и разнообразные очертания пера. Трудность получения ровных пластин из кварца, применение малого размера кремневых галечек вынуждали человека делать лишь небольшие наконечники с пером, лишенным правильных очертаний, что порождало вторую особенность — применение различной степени обработки и расположение резцовых сколов или ретуши в различных частях орудия, пера или черешка, с целью достичь наиболее рациональной его формы. В целом наконечники стрел имеют удлиненные пропорции.

Многочисленны резцы от очень мелких (1 см) до крупных (7 см), массивных (встречающихся очень редко). Они изготовлены из кварца, иногда кварцита. Наличие выраженных типов, вариации самих резцовых сколов (очень узкие и длинные, узкие и короткие, прямые и изогнутые) свидетельствуют о разработанности морфологии и устойчивости этой категории орудий. К резцам в гораздо большей мере, нежели к другим орудиям, применима общая классификация. Выделяются следующие типы (рис. 4).

Тип I — серединные. Тип II — угловые; имеющие следующие варианты: II : I — со скошенным лезвием; II : 2 — с прямым лезвием. Тип III — краевой. Тип IV — полилезвийный. Тип V — комбинированный: V : 1 — со скребком; V : 2 — со скобелем-стругом.

Скребки очень многочисленны. Использование типологии, разработанной для этой категории орудий более южных территорий, затрудняет тот же оригинальный характер поделочного материала — кварц. Далеко не всегда из-за крупнозернистости структуры и блеска возможно рассмотреть, откуда нанесен удар и таким образом определить продольную ось орудия, а следовательно, четко отграничить концевые скребки от боковых.

Исходя из сказанного, при классификации этой категории орудий приходится учитывать комплекс признаков — очертание тела скреб-



Типы резцов и их варианты

ка, расположение и величину ретушированного участка, размеры орудия и характер ретуши. При этом нами классифицировались лишь серийные формы, скребки же, обладающие резко выраженными особенностями, представленные лишь единичными экземплярами, объединены в группу «прочих» (рис. 4, *40*, 5).

Тип I — концевые, имеющие несколько вариантов: I : 1 — с округлым рабочим концом. Изогнутость дуги лезвия выражена в разной степени, некоторые более прямые. Среди относительно малочисленных экземпляров этого варианта преобладают средней величины (3—4 см), мелкие (до 2 см) встречаются редко. Пока известен лишь один экземпляр (Колосйоки I) из кремня, классической формы, подобными изобилуют более южные мезолитические культуры (рис. 4, *40*). Тип I : 2 — со скошенным лезвием. Обычно один край их, перпендикулярный ударной площадке, имеет естественный или специальный резцовый скол. Степень скошенности лезвия различна, но, как правило, внутренний угол не превышает 70°; I : 3 — мысовидные, рабочее лезвие которых ретушировано с двух краев под углом (рис. 5, *6*).

Тип II — сегментовидные. Как правило, они очень небольшой величины (около 1 см), микролитические. Боковые края их сходятся под острым углом в тыльной части. Они оформлены: II : 1 — двумя резцовыми сколами; II : 2 — резцовым сколом и ретушью. Этот тип широко распространен в особенности на позднем этапе мезолита — в микролитических комплексах.

Тип III — с выпуклым лезвием. Тело скребка имеет различные очертания. Тип III : 1 — подпрямоугольные. Чаще всего ретушь на них располагается на конце и одной из боковых граней, встречаются очень мелкие (1—1,3 см). Тип III : 2 — полуовальные, наиболее отчетливые из них приближаются по очертаниям к фигуре овала, рассеченного в поперечном направлении. Конец его и оба края слегка выпуклые и сплошь ретушированы, без вторичной обработки оставлена лишь тыльная часть орудия, в результате чего обработанный край имеет дугообразную форму (рис. 5, *14*, *18*). Как правило, величина таких скребков очень незначительна (от 1 до 1,5 см). В массовом количестве они встречаются в позднемезолитических — макролитических комплексах. Тип III : 3 — широколезвийные. Ширина таких скребков больше их длины (2,5 : 1,1 см), при этом тыльная часть прямая, слегка выпуклая или приостренная, ретушь покрывает весь округлый конец орудия. Так же, как и предыдущий, этот тип встречается в микролитических комплексах (рис. 5, *1—4*, *8*).

Тип IV — подокруглые, по форме тела приближающиеся к кругу, ретушированные по всему или почти по всему периметру (рис. 5, *10*, *16*). Пространство, разделяющее ретушированные участки, минимально, в сущности они очень близки скребкам типа III : 2, поскольку между этими двумя типами, выраженными особенно отчетливо, прослеживается ряд экземляров, занимающих промежуточное положение.

Встречаются скребки, тела которых имеют самую разнообразную форму, в результате чего они не образуют устойчивых типов.

К числу орудий, выполняющих функцию скобления, следует причислить скобели и скобели-струги. Первая категория встречается в мезолитических памятниках очень редко. В основном это массивные отщепы различных очертаний, имеющие на одном из участков края вогнутое ретушированное лезвие. В отличие от них, вторая категория орудий имеет весьма оригинальные черты и вместе с тем широкое распространение в северо-западных культурах каменного века. Они встречаются и в памятниках раннего металла. Исходя из формы и функции, наиболее правильно будет именовать их «скобели-струги». Размер их, в ряде случаев очень мелкий, не превышает 1,5 см. Общей чертой является характер обработки, которая приближает их к долотовидным орудиям (с подтеской с брюшка) палеолита (pièce écaillée), только наши орудия значительно варьируют по степени обработки и величине. Все они изготовлены из разновидностей кварца или кварцита. Известны в полной мере единичные экземпляры из кремня, несколько чаще из горного хрусталя (рис. 5, *44—46*, *53—55*, *63*, *64*, *68*).

Процесс их изготовления представляется следующим. На подходящем по величине и форме отщепе наносился скол со стороны будущего рабочего края, в результате которого получалась слабо вогнутая выемка (как у желобчатого тесла), затем «от лезвия» снимались мелкие чешуйки, чаще с обеих сторон, при этом с брюшка получалась слегка вогнутая поверхность. Общей чертой для всех этих орудий (которые мы называем скобелями-стругами кольского типа) является чрезвычайно сильная сработанность лезвия. Обычно чешуйчатость, как бы замятость рабочего края, перекрывает первоначальную ретушь, свидетельствуя о работе по твердому материалу — кости или дереву. Огромное количество этих орудий, переходящих затем в неолит и ранний металл, указывает на их необходимость в хозяйстве древнего человека.

Все разнообразие этой категории орудий можно свести к следующим типам: I — широколезвийные и II — узколезвийные, включающие в себя несколько вариантов: I : 1 — однолезвийные; I : 2 — двулезвийные с противолежащими лезвиями; I : 3 — трехлезвийные с противолежащими и смежным лезвием; I : 4 — четырехлезвийные. Второй тип — узколезвийные имеют всего два варианта: II : 1 — микролитические, плоские в сечении, хорошо обработанные по всей поверхности и I : 2 — крупные,

массивные, с минимальной обработкой одного конца, которая затем полностью исчезает под следами использования.

Учет всех особенностей этой категории орудий приводит к заключению, что они не могли выполнять функцию долотовидных орудий, как считают некоторые исследователи. Этому противоречат: чрезвычайно малая величина (иногда не более 1 см); хрупкость породы — орудие не выдержало бы удара по нему другим предметом (что необходимо при работе долотом); наличие двух лезвий, расположенных на противоположных концах. При использовании их в качестве долот неизбежно пришлось бы наносить удары по одному из лезвий. В силу сказанного использование их в качестве скребущих орудий кажется наиболее вероятным.

В мезолитической кварцевой индустрии встречаются комбинированные орудия, чаще всего соединение скребка с резцом, реже со скобелем-стругом (рис. 4, *16*, *24*, *32*).

В соответствии с преобладанием в качестве поделочного материала кварца, затрудняющего изготовление ножевидных пластин, находится и относительно малое количество ножей. За редчайшим исключением они изготовлены из кремнистого сланца, менее часто из кремня, что объясняет их локализацию в определенных районах. Чрезвычайно редко встречаются кварцевые правильные пластинки. То же в полной мере относится и к ножевидным пластинам. Мезолитическую индустрию Кольского п-ва в полной мере можно считать отщеповой. Крайняя величина пластин (всего 2) определяется как 1,5×0,6 и 9,5×3. Остальные распределяются в пределах 4—6,5 см. Все они не имеют вторичной обработки, но большинство сохраняет следы использования. Из числа собственно ножей можно выделить три типа.

Тип I — на пластинчатых отщепах слегка изогнутой формы, ретушированные по округлому утолщенному краю со спинки довольно крутой ретушью. Полная или частичная ретушь нередко занимает противоположный край с брюшка (рис. 4, *54*).

Тип II — ножи на пластинах более правильного ограничения, ретушированные со спинки полностью или частично по длинным краям, а иногда и на конце. В отдельных случаях ретушь располагается и по краю со стороны брюшка (рис. 4, *53*).

Тип III — (единичные) на отщепе изогнутой формы, ретушированные по краям со спинки полностью по всей поверхности.

В составе индустрии мезолитических стоянок встречается и небольшое количество трапеций и коротких сечений, изготовленных из кремня (рис. 4, *46*, *47*, *49*, *50—52*). Наиболее правильной формой обладают трапеции из ножевидных пластин, ретушированные по боковым краям только со спинки или со спинки и брюшка. Трапеции менее правильных очертаний на пластинчатых отщепах ретушированы по одному краю. Сходное функциональное назначение (в качестве наконечников стрел или вкладышей), очевидно, имеют и короткие сечения подчетырехугольных, иногда подтреугольных очертаний, широко известные и по другим мезолитическим памятникам. Слабая вторичная обработка или следы сработанности замечаются на продольных краях. Так же, как и ножевидные пластины, они локализуются в районах, относительно богатых кремнем (Черная Речка).

Крупных орудий (рис. 6, *12—15*, *18*, *21*, *22*) в общей сложности во всех стоянках насчитывается менее двух десятков. Эта черта резко отличает мезолитические памятники от неолитических с их обилием топоров, тесел, долот, обработанных сколами, точечной ретушью и шлифованием. Кварц мало пригоден для нанесения сильных ударов, так как легко колется. Учитывая это свойство материала, неолитическое население не изготовляло из него рубящих орудий. Оно использовало сланец. Именно в крупных орудиях наиболее отчетливо проявляется зависимость древней индустрии от окружавшей человека среды, что мы увидим ниже при описании локальных групп стоянок.

По форме, материалу и техническим приемам обработки среди крупных орудий можно выделить (в известной мере условно, поскольку отсутствуют серии) четыре типа.

Тип I — крупные топорообразные орудия, напоминающие по форме ручные рубила. Тип II — топоры средней величины, изготовленные из массивных отщепов кремнистого сланца, с частичной обработкой краев и лезвия с одной или двух сторон. Тип III — естественные уплощенные гальки, оббитые с одной или двух сторон крупными сколами. Тип IV — крупные массивные куски кварца, оббитые с двух сторон крупными сколами, с подправкой мелкими. Чаще встречаются топоры типа II.

Относительно немногочисленные нуклеусы: кварцевые, кварцитовые и из кремнистого сланца — представлены несколькими типами (рис. 6, *1—11*).

Отчетливых кремневых нуклеусов не встречено, лишь изредка попадаются мелкие гальки со следами снятых с них небольших отщепов. Наиболее четки нуклеусы из кремнистого сланца.

Тип I — призматические, выраженные с различной отчетливостью, однако во всех случаях они двухплощадочные. Величина их варьирует в пределах от 2,5 до 4,3 см. Как правило, площадки сбиты одним ударом, не имеют специального выравнивания, большинство с противолежащими площадками, реже — смежными. В некоторых случаях одна противолежащая площадка в результате одностороннего скалывания становится настолько незначительной, что нуклеус приближается к коническому.

Тип II — конические нуклеусы, во всех случаях одноплощадочные, служили для снятия пластин. Встречаются достаточно крупные (до 5,5 см) и более мелкие (2 см высоты). Тип II : 1 — заметно зауженные в нижней части, иногда со следами бывших ранее площадок. Тип II : 2 — карандашевидные, представленные одним экземпляром со стоянки Шуонийоки 2. Примечательно, что он был найден вместе с наиболее отчетливо выраженным наконечником стрелы постсвидерского типа, единственного пока во всем мезолите Кольского п-ва, на пластинке, обработанный с брюшка по черешку и острию.

Тип III — многоплощадочные, отчего они приобретают подокруглые очертания. Особенно часто такие нуклеусы кварцевые.

Количество отщепов, полученных при изготовлении орудий и заготовок нуклеусов, велико, при этом совершенно отчетливо преобладание кварцевых отщепов, что соответствует количеству орудий, изготовленных из этого материала, и трудности его обработки.

Мезолитические памятники образуют как бы четыре локальные группы, что, однако, в известной мере может быть обусловлено отсутствием сплошного обследования всей территории полуострова на предмет поисков мезолитических стоянок. 1 — Северо-западная прибрежная; 2 — Западная материковая; 3 — Северо-восточная прибрежная; 4 — Южная прибрежная и Центральная материковая. В настоящее время деление на Северо-западную и Западную группы в известной мере условно, поскольку они находятся близко друг от друга. Однако их отличает несходство экологических условий, предопределивших характер каменной индустрии. До некоторой степени предварительной следует считать и объединение в одну группу южных и центральных памятников, вызванное относительной ограниченностью их в обоих регионах. Наконец, включение памятников в Северо-восточную группу не следует считать окончательным, учитывая значительную ее протяженность. Можно думать, что последующие изыскания уточнят это положение.

Первая — Северо-западная группа включает стоянки Рыбачьего п-ва, расположенные в районе Мотовского залива, Цып-Наволока, Эйна-губы, губы Малая и Большая Волоковая, губы Долгая Щель, Амбарная, Растиниеми, устье р. Печенги. Все эти памятники расположены на древних морских террасах. Общее количество их около 30.

Вторая — Западная группа стоянок локализуется на берегах нижнего течения р. Шуонийоки, Еолосйоки, на оз. Каменном и в среднем течении р. Патсойоки. К этой же группе можно причислить пять стоянок в нижнем течении Западной Лицы, занимающих пока изолированное положение. Всего в этой группе насчитывается более полутора десятков стоянок.

Третья группа — Северо-восточная приморская включает стоянки, расположенные в устьях рек Рынды, Золотой, Харловки, Варзиной, Черной, Лумбовки, в бухте Красная. В общей сложности их около 20.

Четвертая группа — Южно-центральная состоит как бы из трех подгрупп: 1) Южно-приморская, куда входят стоянки р. Пялицы, Варзуги, Кицы; 2) Юго-западная — стоянки нижнего течения р. Нивы и Колвицкого озера; 3) группа стоянок р. Вороньей. В целом четвертая группа содержит свыше 20 памятников, в том числе один могильник.

При наличии значительного количества памятников, занимающих обширную территорию, возникают определенные трудности в отчленении хронологических признаков от локальных. В этом случае первостепенным является выявление определенных хронологических периодов, поскольку в пределах узколокальной группы могут оказаться разновременные памятники.

В целях выделения последовательных этапов развития мезолита Кольского п-ва приходится пользоваться теми основными признаками, о которых мы говорили выше. При этом чем больше сумма признаков, тем надежнее можно считать вывод. Как мы указывали, значимость признаков различна. Среди них есть такие, наличие которых заставит сразу сделать вывод об относительной молодости этих памятников, — малые высотные показатели террас. Существенными будут также технические приемы обработки орудий и соотношение последних. Чем больше сходства с неолитическими (наличие регулярной ретуши, двусторонняя обработка, а также большое количество рубящих орудий, разнообразно ретушированные ножи), тем больше оснований относить такие памятники к позднему мезолиту. Важным признаком более позднего возраста мезолитических памятников является использование в качестве сырья для изготовления орудий кроме кварца, кварцита и горного хрусталя, а также кремнистого и глинистого сланца и более широкое применение кремня (хотя этот признак более чем другие может объясняться локальными особенностями). Наконец, отчетливым поздним признаком является микролитоидность инвентаря.

Учитывая сказанное, обратимся теперь к рассмотрению выделенных четырех территориально-локальных групп — с целью попытаться произвести хронологическое членение.

I. **Северо-западная группа.** Основываясь на выводах, сделанных Б. Ф. Земляковым, и привлекая вновь открытые и исследованные нами стоянки Рыбачьего п-ва и прилегающей к нему части побережья, мы уже высказывали мнение о более древнем возрасте этих памятников по сравнению с осталь-

ными. Причиной для такого вывода послужило прежде всего их высотное залегание над уровнем моря. Напомним, что Б. Ф. Земляковым были открыты 3 мезолитические стоянки в районе залива Б. Мотка и 8 в районе Цып-Наволока, а также одна в Эйна-губе. Нам удалось обнаружить, кроме того, еще 6 в районе губы Б. Мотка и 6 в районе Цып-Наволока. Все 24 стоянки размещались на отметках от 20 до 55 м над современным уровнем моря.

По мнению геологов (Б. Ф. Землякова, П. М. Долуханова, С. А. Стрелкова и Б. И. Кошечкина), в районе залива Б. Мотка прослеживаются наиболее отчетливо береговые линии, представленные терасовидными площадками, в ряде случаев осложненных береговыми валами: 10—12 м; 23—25 м; 40—42 м; 60 м. В районе Цып-Наволока, представляющего собой сложнотеррасированную ступенчатую равнину, отражающую различные этапы поздне- и послеледниковой истории Рыбачьего п-ва, наблюдается следующее. Выше современного берега прослеживается серия береговых валов, далее от берега размещается терраса высотой 15—17 м, а еще выше — наиболее распространенная в этом районе — терраса высотой 25—28 м (терраса Tapes), которая глубоко вдается в берег к северу и югу от горы Аникиевой. Выше 25-метрового уровня отмечена хорошо выраженная абразионная террасовидная площадка с отметкой около 40 м и еще выше — в районе горы Аникиевой — площадка высотой 50—60 м.

Мезолитические стоянки размещаются в районе Мотовского залива на высоте от 22 до 60 м, в районе Цып-Наволока — от 20 до 50 м. Стоянки неолитического возраста в Мотовском заливе приурочены к террасе 10—12 м. Наиболее высокое расположение стоянки (на уровне 50—60 м) сопоставляется геологами с уровнем литторины (Littorina), к которой приурочено большинство мезолитических («арктического палеолита») памятников Скандинавии.

Еще более возвышенным является побережье Баренцева моря к западу от Рыбачьего п-ва на п-ве Средний, в бухтах Растиниеми, Амбарная, Долгая Щель, устье р. Печенги, где стоянки располагаются на высоте 40—90 м.

Характерная особенность всех стоянок этой группы — расположение на береговых валах или обнаженных скалах, залегание культурных остатков в слое галечника и вместе с тем отсутствие на них окатанности. Во всех случаях археологические предметы залегают на поверхности, реже в «культурном слое», однако не опускаясь ниже 10—15 см. Площадь, занятая находками, как правило, незначительная — от 8 до 100 м^2. При этом стоянки чаще всего вытянуты неширокой полосой вдоль берегового вала. В ряде случаев прослеживается четкая локализация находок по кругу, что, очевидно, соответствует основанию древнего жилища типа чума. Органические остатки повсюду отсутствовали. На поверхности стоянки отмечались главным образом присутствием кварца и кварцита.

На Рыбачьем п-ве и прилегающих частях побережья неизвестны выходы коренных месторождений кремня. Мелкие кремневые желваки черного и серого цветов, чаще сильно пористые, изредка встречаются среди морских отложений, куда они попали из морены,оставленной ледником. Коренные месторождения кремня известны в доломитовых отложениях нижнего кембрия в области Альта и внутренних частях Парсангер-фиорда и фиорда Тана (Земляков, 1940, с. 126). Роговик изредка встречается в четвертичных отложениях в виде мелких желваков темного, бурого и буровато-зеленого цветов, при выветривании приобретающих светло-серую или белую окраску. Он известен также в четвертичных отложениях Варангера (Земляков, 1940, с. 127).

Часто использовался кварцит в виде буровато-красной или малиновой разности, реже — серый. Его выходы известны в коренных отложениях Финмаркена и довольно часто в виде валунов и крупной гальки, залегающих в моренных отложениях Рыбачьего п-ва. Собрав их на поверхности береговых валов, человек использовал их в качестве нуклеусов, не подвергая предварительной подготовке (что отчетливо видно, например, в мастерской № 5).

Очень широко применялся также кварц в виде белой и молочной разности, серый или дымчатый. В общей сложности количество кварцевых орудий и отщепов достигает 67—100% по отношению к остальным породам, при том что отдельные коллекции насчитывают более 1000 отщепов и орудий[9]. Белые разности кварца, представленные здесь, обладают следами слоистости, плотные, напоминающие эмаль, дающие отличную раковистость излома. Менее часто использовался горный хрусталь, встречающийся в виде небольших кристаллов.

Как отмечает Б. Ф. Земляков, все разности кварца на Рыбачьем п-ве имеют вид жил, включенных в коренные залегания или четвертичные отложения. Небольшой объем кристаллов горного хрусталя и относительно редко встречающийся плотный (эмалевый) кварц, обладающие способностью легко поддаваться ретушированию, ценились древними людьми и использовались лишь для изготовления мелких орудий, подвергаясь тщательной отделке отжимной ретушью.

---

[9] Фактически количество их значительно больше, поскольку материал со стоянок не мог быть собран полностью.

Реже всего применялся здесь сланец, преимущественно в виде зеленых хлоритовых разностей. Эта порода. достаточно широко распространенная (так же, как и плотные разности глинистого сланца) в неолитических памятниках, в стоянках мезолита занимает ничтожное место. Единственно, где они встречаются в заметном числе, это в стоянке 9 и 10 Цып-Наволока. Существенно, что эти стоянки занимают невысокие террасы (24 и 25 м) над уровнем моря, что заставляет считать их наиболее поздними из всей первой группы памятников.

Нередко встречаются орудия и отщепы малинового кварцита, с хорошо сохранившейся ударной площадкой и раковистостью излома, крупные пластины из того же материала (Гурина, 1971а). Имеется значительное количество резцов, немало скребков с округлым рабочим краем, тыльная часть которых оформлена резцовыми сколами.

Крупные рубящие орудия единичны и примитивны. Это или большие миндалевидные «ручные рубила» архаической формы из малинового, реже серого кварцита, или плоские гальки, один конец которых (рабочий) утоньшен с одной или двух сторон крупными сколами (рис. 6, *14*, *15*).

В целом, обобщая характерные черты первой, Северо-западной группы памятников, можно сделать следующее заключение. Они приурочены к древним береговым террасам высотой до 60 м (в одном случае — 83, в другом — 90) над современным уровнем моря. Находки встречаются на береговых валах, в галечнике, не опускаясь ниже 15 см или непосредственно на скальной поверхности. Вместе с тем они имеют острые грани (в отличие от камней бечевника), что свидетельствует о залегании их in situ и отсутствии на этих местах действия волноприбойных циклов после оставления стоянок древними людьми. Площадь, занятая находками, крайне ограничена, в ряде случаев орудия и отщепы располагаются гнездами, образуя фигуры, близкие к овалу или кругу. Основной породой, используемой для изготовления орудий, служили разновидности кварца, реже применялся малиновый и серый кварцит, горный хрусталь, еще реже кремень. Сланец использовался лишь за редким исключением и только в памятниках, относящихся к позднему мезолиту. Крупные орудия имеют архаическую форму, скребки часто обработаны резцовыми сколами, наконечников стрел мало, среди них отсутствуют отчетливо выраженные типы, резцы преобладают над скребками. В большинстве стоянок микролитизация орудий не выражена.

Основываясь на характеристике инвентаря, можно полагать, что наиболее поздними из этой группы стоянок будут: Цып-Наволок 4, имеющая хорошо выраженные орудия из кремнистого сланца на пластинах (нож, концевой скребок), микронаконечник; Вайда-губа — с орудиями из кремнистого сланца — правильной формы шлифованным ножом; Цып-Наволок 10, где относительно широко использован роговик, есть шлифованная галька, пластинка из кремнистого сланца, микролитизация инвентаря; Цып-Наволок 7, где встречен наконечник копья (?) с двусторонней обработкой; и Печенга II — с отчетливо выраженным микролитическим инвентарем. Все эти стоянки, очевидно, следует относить к рубежу двух эпох — мезолита и неолита.

II. **Западная материковая группа памятников** известна пока на относительно небольшой территории — побережье р. Шуонийоки, Колосйоки и близлежащего оз. Каменное. Все стоянки имеют также значительные по высоте отметки над уровнем моря (до 80 м), однако отделены от него большим расстоянием. Некоторые из них подверглись раскопкам.

Основной особенностью этих стоянок является использование в качестве поделочного материала для орудий преимущественно кремнистого сланца, что отразилось на морфологии орудий. Обилие кремнистого сланца позволило применять разнообразные способы обработки, что неизбежно отразилось на типе орудий и их составе. В рассматриваемых памятниках кварц, в виде отщепов и орудий, занимает незначительное место. На большинстве стоянок этой группы (Шуонийоки VI — мастерская, Шуонийоки I, Шуонийоки II, Шуонийоки III) орудия и отщепы из кремнистого сланца составляют от 92 до 97,5%.

Орудия имеют крупный размер и более правильное огранение. Относительно многочисленны нуклеусы — с двумя смежными или противолежащими площадками, конические и дисковидные. Пластинки, в особенности мелкие, отличаются правильным огранением. Встречаются крупные рубящие орудия на массивных отщепах с минимальной подправкой лезвия и краев, нередко только с одной стороны. Именно из этой группы памятников (Шуонийоки II) известен типичный постсвидерский наконечник стрелы и классический конусовидный нуклеус с круговым снятием правильных ножевидных пластин. На стоянке этой группы (Колосйоки I) найден и очень правильный концевой скребок на пластине серого, очевидно местного, кремня, кусок кремня такого же состава с коркой с двух сторон также найден на этой стоянке. Единичны кварцевые скребки средней величины со скошенным краем. В целом количество скребков невелико, в основном они концевые, но не образуют устойчивых типов. Резцы более многочисленны, но все же количество их не столь велико, как в первой группе. Большинство резцов угловые, двулезвийные или краевые, изредка встречаются полилезвийные с тремя предварительно снятыми резцовыми сколами. Отсутствует серия кварцевых наконечников стрел, отчетливо представленных в других районах.

Отличительной чертой памятников этой группы служит также наличие коротких сечений подчетырехугольной или призматической формы, очень невелико количество скобелей-стругов. Особо следует выделить памятник № 6 на левом берегу р. Шуонийоки, занимающий относительно большую для мезолитических памятников территорию (раскоп равнялся 100 м^2), в котором сочетаются признаки мастерской и стоянки. О первой свидетельствует большое количество нуклеусов из кремнистого сланца, призматического типа, снятые с них отщепы и пластины, а также многочисленные куски сланца. Признаки стоянки выражены также весьма отчетливо — имеются серии кварцевых резцов (серединных и угловых), подокруглые и концевые скребки средней величины с хорошо выраженной скребковой ретушью, короткие сечения, а также несколько рубящих орудий.

Значительные высотные отметки над уровнем моря (63, 75, 87,3 и 88 м) заставляют относить стоянки второй группы к довольно раннему периоду мезолита, хотя и несколько позже стоянок Рыбачьего п-ва и примыкающей к нему приморской части, скорее всего — к развитому мезолиту.

К III, **приморской Северо-восточной группе**, нами отнесены стоянки, приуроченные к значительной части побережья: Дальние Зеленцы, Рында, бухта Красная, Золотая, Харловка, Варзина, Ивановская губа, Лумбовка. Все они расположены в устьях рек. Особенно много обнаружено их в приустьевой части р. Золотая.

Стоянки в районе Дальние Зеленцы обладают рядом особенностей. В них сочетаются микролитические формы (микроскребки, микрорезцы не превышают 1,5—2 см) с крупными орудиями. Необычайно много по сравнению с другими стоянками и скобелей-стругов, часть орудий (со стоянки № 2) утилизирована из шлифованных орудий. Есть пришлифованный наконечник стрелы. Эти черты заставляют считать указанную группу памятников поздней и относить к рубежу двух эпох мезолита — неолита. К стоянкам Дальние Зеленцы территориально близко расположены и стоянки нижнего течения р. Рынды, содержащие также большое количество скобелей-стругов и аналогичных по форме скребков. Встречаются серединные и угловые микролитические резцы.

Особенностью стоянки-мастерской бухты Красная являются резцы на крупных (до 7,5 см) отщепах кварца, чаще подтреугольных в плане. При этом резцовые сколы, соответственно широкие, нанесены на противолежащих сторонах. Мелкие резцы единичны. Присутствуют рубящие орудия архаической формы — на отщепах с минимальной подправкой лезвия и краев крупными и мелкими сколами. Очевидно, крупный размер орудий был обусловлен близостью поделочного материала — выходом кварцитовой жилы. Орудия были найдены в непосредственном соседстве с ней.

Значительная группа стоянок расположена в приустьевой части р. Золотой. Благоприятные условия — узкая, длинная песчаная бухта, закрытая от холодных ветров горами и исключительно богатая рыбой, — послужили причиной столь интенсивного заселения этого участка. Стоянки расположены непрерывной цепочкой от устья реки, преимущественно по правому ее берегу, в количестве более десятка. Наиболее насыщенной материалом оказалась группа, приуроченная к древнему правому берегу ручья впадающего в р. Золотую, — местонахождения 5, 6, 7, расположенные на стрелке. Очевидно все три выдува являлись частями одной большой стоянки. Каждое местонахождение имеет свои частные особенности — некоторые различия в соотношении категорий и типов орудий, однако всем им свойственен ряд черт, которые кратко можно свести к следующему.

Все орудия изготовлены из кварца высокого качества и отличаются ярко выраженной микролитоидностью. Большинство их не достигает 2 см, другие едва превышают этот размер. Встречаются скребки, несколько отличающиеся от скребков других стоянок наличием двойного лезвия, расположенного на противолежащих, а чаще на смежных краях. Имеются комбинированные орудия скребки-резцы. Обращает внимание обилие скобелей-стругов различных вариантов, от очень мелких (1,5 см) узколезвийных до средней величины (3—5 см), в ряде случаев широколезвийных, нередко с двумя лезвиями, встречаются комбинированные со скребками или резцами. Бросается в глаза, в особенности на стоянке № 6, обилие микроскребков стандартной величины подовальной формы (тыльная часть их как бы срезана). Единичны скребки широколезвийные. Скребки более крупного размера, в основном подовальные. Количество резцов невелико, они имеют размер до 2,5 см и не столь стандартны, как скребки. Единичны пластины, ретушированные по двум краям. Наконечники стрел выражены неотчетливо, очевидно ими служили тонкие листовидные отщепы, заостренные с обоих краев узкими резцовыми сколами. В этих памятниках довольно широко распространена обработка орудий скребковой ретушью, сочетающаяся с резцовыми сколами.

В целом значительная площадь стоянок, микролитоидность инвентаря, высокая степень его обработки и отчетливо выраженные типы заставляют относить эти памятники к поздней поре мезолита.

Значительный интерес представляет стоянка, расположенная на речке Черной в Ивановской губе. Большое количество материала, найденного там, позволяет отчетливее, чем в других — мелких стоянках, — уловить комплекс орудий в целом и соотношение различных категорий орудий. Очевидно, это поселение было достаточно крупным и относительно длительно обитаемым.

Прежде всего следует отметить необычное для мезолита нашего региона соотношение различных пород камня, из которых изготовлены орудия. Из общего числа орудий и отщепов — 1673 — 56% являются кварцевыми, 14% из кремнистого сланца и 30% из кремня. Всего насчитывается 265 орудий. Необычно по сравнению с другими мезолитическими стоянками и соотношение категорий орудий. В коллекции насчитывается 45 скребков, 22 резца и 59 наконечников стрел. Остальные категории представлены комбинированными орудиями, скобелями, скобелями-стругами, проколками, единичным экземпляром рубящего орудия, ножами. Столь значительное количество наконечников стрел в известной мере явилось следствием относительно широкого применения кремня.

Резцы встречаются серединные и угловые, реже — краевые (ретушные), чаще мелкие (2 см), микрорезцы имеют размер 1 см. Типологически менее устойчивы скребки различной величины, но за редким исключением мелкие, в том числе микроскребки подовальные с усеченным основанием, сегментовидные, широколезвийный концевой скребок на удлиненной пластине, крупный концевой скребок с выпуклым лезвием, а также скребки разнообразных очертаний случайной формы. Крупное рубящее орудие выполнено на массивном отщепе, обработано с одной стороны по всей поверхности, с другой подправлено по одному краю по лезвию. Значительна серия скобелей-стругов, в основном мелких, до 1,5 см. Пластинки из кварца, горного хрусталя и кремня небольшого размера (до 1–4,5 см) не имеют правильного огранения, встречаются со вторичной обработкой по одному-двум краям, что свидетельствует об использовании их в качестве ножей. Есть одна микропластинка. Нуклеусов всего 6 экз., среди них призматические с круговым снятием пластин, сколы с нуклеусов свидетельствуют о предварительной их подправке — оформление острого края для зажима сколами «от ребра» с двух сторон. О подживлении нуклеусов свидетельствует снятая поперечная площадка.

Наиболее восточными в настоящее время являются стоянки, расположенные в Лумбовском заливе, — Лумбовка I—III. Малое количество орудий объясняется кратковременностью произведенных здесь разведок. Своеобразие этих стоянок заключается в относительно широком использовании кремня для изготовления орудий, в особенности в стоянках II и III. Из кремня сделаны тонкая ножевидная пластинка, обработанная по длинным краям бисерной ретушью, нож, концевой скребок на пластине, маленький подпризматический нуклеус и 2 маленькие, правильного огранения пластинки. Для остальных скребков, резцов и не совсем ясных по назначению орудий использованы кварц, кварцит и довольно часто горный хрусталь. Резцы из кварца и горного хрусталя довольно типичны: серединные (2,5—2,8 см) и микрорезцы (до 1,5 см), есть сегментовидный скребок, как и почти все скребки этого типа — микролитический. Присутствует длинная (8,2 см) пластинка довольно правильного огранения, без вторичной обработки.

В Лумбовке II преобладают кремневые орудия — нож на пластинчатом отщепе, ретушированный сплошь по одному длинному краю и частично по второму (рис. 8, *55*), пластинчатый отщеп с нерегулярной ретушью и крупный отщеп без вторичной обработки. Отличительной особенностью этой стоянки являются наконечники стрел, все кремневые, но резко индивидуальные. Из 5 экземпляров нет даже двух сходных. Один из них с большой долей условности можно причислить к асимметричным, у которых черешек выделен в разной степени (за одним исключением), но вообще слабо. В двух случаях один продольный край наконечника оформлен ретушью, в одном — сколом. Два наконечника из четырех удлиненные, третий короткий с асимметричным пером, четвертый поперечнолезвийный в виде трапеции с округленной вершиной.

Третью стоянку от двух предыдущих отличает наличие скобелей-стругов, крупного кварцевого скребка и массивного ножа на удлиненном отщепе, ретушированного на угловидном конце и по одному длинному краю.

IV группа памятников, **Южная приморская и центральная материковая**, довольно целостная. Наибольшим единством обладает южная группа, в особенности стоянки бассейна р. Варзуги (Варзуга I–III, Кузомень 12, 18 и Голые Горы стоянка 3). Отчленению мезолита от неолита благоприятствует здесь близость неолитических памятников (Голые горы юго-восточный угол, Кузомень 2 и др.) с их двусторонне обработанными шлифованными орудиями из сланца — наконечниками стрел, угловыми шлифованными ножами и крупными рубящими орудиями.

Наиболее характерной чертой этого варианта мезолита является ярко выраженная микролитоидность инвентаря. Он почти полностью кварцевый (за исключением стоянки пялицкой группы), кремень и сланец за единичным исключением отсутствует. Величина орудий и отщепов (чаще отщепов) не превышает 2 см и почти никогда не достигает 2,5 см. Есть скребки величиной 0,7 см и много по 1 см. Количественно скребки преобладают над резцами (26,7 и 4,9% соответственно). Крупные орудия отсутствуют. Скребки представлены четкими типами: сегментовидными, ретушированными по одной округлой грани, подокруглыми обработанными на 3/4 грани или по всему периметру, подовальными с усеченным основанием, концевыми-боковыми подчетыреугольных очертаний, а также случайными формами. По величине не многим более скребков резцы, наиболее крупные из них 2,7 см, есть микрорезцы. Среди резцов встречаются серединные, угловые (преобладают). Среди прочих категорий ору-

дий наибольшими по численности являются скобели-струги (9,4% от общего количества орудий). Остальные категории (ножи, сверла, проколки) единичны. Наконечники стрел преимущественно 2 см длины, имеют архаический облик и не отличаются типологически от наконечников стрел прочих мезолитических памятников. Среди них преобладают черешковые, асимметричные, у которых выемка на черешке оформлена ретушью или мелкими сколами, а один край пера ретуширован с большей или меньшей степенью регулярности, есть поперечнолезвийные (трапециевидные).

В целом стоянки с высокой степенью микролитоидности расположены на побережье р. Варзуги и левом ее притоке — р. Кице (Голые Горы). Расстояние, разделяющее их, равно 20 км. Наиболее близкой территориально (однако отстоящей на 150 км) является группа стоянок бассейна р. Пялицы (Пялица 1, 8, 13, 14 и др.). Они менее микролитичны по сравнению с варзинскими. За исключением микроскребков и микрорезцов орудия здесь более крупной величины, встречаются рубящие. Вместе с тем большое количество резцов, в том числе серединных, и типы других орудий с бесспорностью свидетельствуют о их мезолитическом возрасте.

Южную группу с третьей — Северо-восточной — объединяет не только отчетливо выраженная микролитоидность орудий, но и тождество их, вплоть до трапеций. В памятниках Колвицкого озера и р. Нивы пока не встречено наконечников стрел.

Отмечая известные особенности индустрии каждой из четырех групп стоянок рассматриваемого региона, мы вместе с тем указывали на различие возраста каждой из групп. Суммируя сказанное в общих чертах, можно прийти к заключению, что наиболее древними являются стоянки северо-запада: Цып-Наволок (4, 6, 16 и др.), Долгая Щель, Растиниеми, лежащие на высоте от 38 до 90 м, и Б. Мотка (2, 3, 7, 22, 22а и др.). В них заметно преобладание резцов над скребками (соотношение 19,8 и 8,9%) относительно небольшое количество наконечников стрел и их неустановившаяся форма и очень слабая степень обработки — иногда лишь минимальная подправка черешковой части. То же относится и к скребкам, для которых использованы отщепы совершенно случайных очертаний, ретушированные участки невелики по размеру, а сама ретушь нерегулярная. В качестве поделочного материала использованы почти исключительно кварцевые и кварцитовые породы, очень редко кремень и несколько чаще горный хрусталь. Нередко при оформлении скребков применен резцовый скол. Уместно отметить, что подобный прием широко использован в орудиях ранней фазы мезолита Финляндии (ступень аскола), где порой даже самое лезвие скребка оформлялось несколькими резцовыми сколами, смыкавшимися друг с другом. Особенностью этой группы является также нерасчлененность скребущих орудий — очень малое количество скобелей-стругов.

Более поздний, развитой мезолит представлен, в частности, стоянками того же Рыбачьего п-ва и прилегающих участков побережья, но расположенными, соответственно, на более низких высотных отметках, а также в материковой части на границе с Норвегией (Патсойоки, Шуонийоки, Колосйоки). К периоду развитого мезолита, очевидно, можно отнести и некоторое количество стоянок Северо-восточной группы, в частности Черную Речку I и одну из стоянок р. Лумбовки.

Стоянки с явно выраженным микролитическим инвентарем Северо-восточной группы, и в особенности южной, очевидно, следует датировать поздней порой мезолита. К финальной поре — границе мезолита—неолита, по-видимому, следует причислить те стоянки, где выражены в начальной форме неолитические признаки, в частности присутствуют двустороннеобработанные орудия, обильно представлены скребки, укрупненные формы орудий, малое количество резцов, появляются признаки шлифовки (Печенга 1, Золотая 14, Золотая 15, Харловка 9, Дальние Зеленцы 1 и др).

Таким образом, рассмотрение индустрии различных групп памятников, подкрепленное в сильной степени данными высотных отметок, позволяет сделать заключение и о путях первичного освоения полуострова людьми с северо-запада. Заселение же в более поздние этапы, в основном, очевидно, инфильтрация, фиксируется с юго-запада и юга.

Сопоставление Северо-западной группы памятников с памятниками соседних территорий заставляет прежде всего обратиться к стоянкам комсокультуры Финмаркена. Так же как и наши, все они располагаются на древних береговых линиях в пределах между трансгрессиями Литторина (океаническая) и тапес 1. На Рыбачьем п-ве отсутствуют стоянки, которые соответствовали бы норвежским стоянкам, увязывающимся с линиями трансгрессии Портландия. Геологи В. Таннер, Б. Ф. Земляков, Б. И. Кошечкин отрицают возможность существования на Севере человека до поздне- и послеледниковых трансгрессий, поскольку в этот период вся суша была скована льдами, как показывают конечные морены, далеко вдающиеся в Баренцево море. Наблюдения над поверхностью Рыбачьего п-ва, в частности наличие тонкой ледниковой штриховки на таких малостойких, легко подвергающихся выветриванию породах, как песчаники и сланцы, свидетельствуют, что вся эта площадь во время последнего оледенения полностью покрывалась льдами. Отсутствие следов перемыва материала арктических стоянок подтверждается уже отмеченным нами отсутствием окатанности, что в свою очередь указывает на несколько более поздний возраст наших материалов по отношению пляжей и валов, на которых они возникали. В силу этого мезолитические стоянки Рыбачьего п-ва, находящиеся на бере-

говых линиях трансгрессии Литторина (океаническая), не синхронизируются с ней. «Время этой трансгрессии может служить лишь нижней границей интересующей нас даты, в то время как вопрос о верхней границе остается открытым» (Земляков, 1940, с. 129).

Во всяком случае, следует полагать, что заселение этих участков могло произойти лишь тогда, когда пляжи поднялись до того уровня, что не подвергались периодическим затоплениям во время сильных бурь и морских приливов. По-видимому, стоянки располагались на сухих участках, не заливаемых водой. Учитывая это обстоятельство, Б. Ф. Земляков полагает, что будет более правильным считать верхней возрастной границей мезолита Рыбачьего п-ва трансгрессию Тапес 1 (по Таннеру), тогда как нижней границей будет не Литторина (океаническая), а вторая половина трансгрессии Фолос. В этом случае продолжительность существования мезолита на той территории будет исчисляться в 2000—2500 лет.

Поскольку окончательное стаивание ледника произошло 10 000 лет тому назад, а между этим моментом и заселением человеком Рыбачьего п-ва должно было пройти не менее 1000 лет, можно предполагать, что наши древнейшие северо-западные памятники не могут быть датированы ранее 7000 лет до н. э., вероятнее всего — лишь концом этого тысячелетия.

Характер мезолитической индустрии Кольского п-ва и индустрии комсокультуры близки. Особенно показательны в этом отношении наконечники стрел (с асимметричным черешком и ретушированным с одного края пером) и трапеции. В нашу задачу не входит решение вопроса о формировании комсокультуры, укажем лишь на наличие общих элементов с мезолитическими культурами Среднегерманской низменности, которые впитали в себя палеолитические традиции. Наши наконечники и трапеции по основным параметрам также близки к аналогичным орудиям средней и поздней поры мезолита этой территории — ступени дювензее и ольдеслое (Taute, 1968; Rust, 1937, 1938, 1943).

Существенно, что подобные нашим наконечники стрел известны в Норвегии и Швеции. В одном из последних своих исследований С. Мейнандер высказался в пользу происхождения финского мезолита — культуры суомусярви — из культуры комсо (Мейнандер, 1982) (рис. 2В).

Вопросы хозяйственной деятельности вынесены нами в особый раздел этой книги. Мы не будем здесь останавливаться на них подробно. Заметим лишь, что, судя по жесткой приуроченности мезолитических стоянок к морю (неявляющемуся резервуаром питьевой воды), следует полагать, что именно оно служило главным источником пищи и путем передвижения. Вероятно, человек не только широко использовал «дары моря», но вел и сухопутную охоту. Не исключено, что в этот период появились и зачатки морского промысла. Это тем более вероятно, что логически следует предполагать знакомство человека с простейшими средствами передвижения по воде, иначе оно не могло бы продвинуться с запада на восток, так как суша рассечена здесь широкими реками.

Основываясь на малой площади распространения культурного слоя, в особенности на раннем этапе, и незначительной его мощности, можно сделать вывод о малочисленности коллективов в то время и подвижном образе жизни.

НЕОЛИТ

Характерные черты

Неолитические памятники Кольского п-ва гораздо многочисленнее мезолитических. В общей сложности в настоящее время их насчитывается свыше 150. Практически они встречаются на всей территории полуострова, располагаясь как на побережье, так и во внутренней части: на берегах рек и озер. Наиболее пустынными, очевидно, являются те внутренние участки полуострова, которые представляют собой сильно заболоченную тундру. Однако следует заметить, что большинство таких районов еще не подверглось обследованию, и поэтому не исключено, что некоторые повышенные участки могут хранить следы кратковременного, очевидно, пребывания на них человека. Такие пункты обнаружены, например в районе оз. Ловозера, на небольших возвышенностях (в прошлом островках) в настоящее время сильно заболоченной поймы.

Представления о неолитической эпохе Кольского п-ва основаны на значительном количестве памятников разной степени информативности. Среди них встречаются стоянки и поселения, содержащие в основном «чистые» комплексы, исследованные нами полностью с помощь раскопок, такие как поселения Нерпичья Губа I — северное побережье; Чаваньга I, Наволок — южное побережье; Цага I, Мыс Семерка I — центральная часть. Получен также значительный материал с не полностью исследованных памятников: Варзино 6, Кумжаручей, Пялица, Харловка и др. Помимо того, часто очень многочисленные культурные остатки дали полуразрушенные памятники: стоянки Йоконьгского, Колвицкого озер, рек: Нивы, Пулоньги, Титовки, Ура-Губы, Оленки и др.

Особую категорию источников для понимания эпохи неолита в этом регионе представляют собой стоянки с последующим заселением этих мест в эпоху раннего металла. Они очень существенны в плане выяснения генетической преемственности или отсутствия ее между неолитической эпохой и эпохой раннего металла. Включить их в источники первого ранга заставляет и то обстоятельство, что они в процессе изучения эпохи раннего металла раскопаны, как правило, полностью. В числе таких памятников: Маяк II, Нерпичья Губа, Усть-Дроздовка и др.

Расчленение материала на хронологически различные комплексы в этих памятниках осложняется особенностью культурного слоя, сильной вариацией его мощности, зависящей от неровности древней дневной поверхности — подстилающей скалы — и чрезвычайной насыщенности камнями самого культурного слоя. Однако поскольку в поле были приняты все меры для точной фиксации предметов поглубинной и в плане, удалось в камеральных условиях сделать весьма существенные выводы для выделения хронологически различного материала.

Учитывая, что в настоящее время на Кольском п-ве создание типологии орудий для каждой эпохи находится в известной мере еще в стадии становления, с целью обеспечения надежности выделения неолитической индустрии мы стремились использовать все доступные для этого способы. Так, исходя из планиграфии находок, в том случае, когда удавалось проследить четкую локализацию керамики (соответствие которой определенным эпохам установлено нами уже давно), с этой площади выделялся и инвентарь. Проверка шла и еще по нескольким направлениям; отдельно рассматривались находки самых нижних горизонтов, в особенности залегающие под крупными камнями и обнаруженные при подчистке верхнего горизонта материка, свидетельствующие о залегании в первоначальном положении (заброшенные в последующее время камнями или втоптанные в древний пол). Наиболее надежным показателем считалось совместное залегание предметов с развалами сосудов. Наконец, правильность сделанных выводов с учетом всех перечисленных фактов считалась наибольшей при условии нахождения аналогичных типов орудий в памятниках с «чистыми» комплексами. Однако при этом принималась в расчет и возможность локальных вариантов, встречающихся в различных, хотя и одновременных поселениях.

Особенно показательным в плане применения указанных способов явилось поселение Маяк II.

Поскольку некоторые поселения располагались непосредственно на скалах, часто совсем почти не прикрытых растительностью, постольку многое в деталях организации поселков и в особенностях культурного слоя зависело от конфигурации существовавшей тогда дневной поверхности. Так, например, гранитные породы исключали рытье землянок, заставляя строить наземные жилища, а вертикальные выступы скалы или крупные каменные блоки использовались в качестве заслонов для костров от сильных, наиболее часто дующих с моря северных ветров или как части стен, к которым прислоняли постройки.

От мезолитических неолитические памятники отличаются, как мы видели в предшествующей главе, рядом признаков. Обычно они располагаются на более низких отметках над уровнем моря, однако не исключены случаи совпадения с мезолитическими. Резко увеличиваясь по площади, они содержат относительно мощный культурный слой, распространяющийся сплошь, а не отдельными пятнами, как это было в мезолите.

По сравнению с предшествующим периодом существенным является вовлечение нового сырья в качестве поделочного материала, что приводит к расширению ассортимента орудий и предопределяет в значительной степени технику их обработки и морфологию. Широкое внедрение сланца позволило значительно увеличить количество крупных рубящих орудий — топоров, тесел, долот, необходимых для усовершенствования способов рыболовства, охоты и домостроительства. Постепенно сланец становится главным материалом — до эпохи раннего металла включительно. Особенности его структуры приводят к появлению, а затем господству новых приемов обработки камня — точечной ретуши, шлифованию, пилению. В связи с этим возникают и новые категории орудий — кварцитовые и песчаниковые пилы, ретушеры, шлифовальные плиты; применяется сверление камня.

Хотя кварц по-прежнему находит широкое применение, теперь он подвергается более совершенным приемам обработки, реже используется резцовый скол применительно к скребкам и наконечникам стрел. Ретуширование становится более правильным — регулярная, тщательная обработка рабочего края. В основном кварц применяется для мелких орудий — резцов, скребков, проколок, скобелей, скобелей-стругов. Использование его для крупных рубящих орудий и наконечников стрел становится чрезвычайно редким, и то только в основном в раннем неолите.

Увеличивается количество кремневых орудий, преимущественно за счет расширения связи с соседними племенами, а также применения и местного сырья. В основном кремень применяется при изготовлении наконечников стрел, реже скребков. На неолитических памятниках в особенности отчетливо выступает изменение и усовершенствование техники изготовления наконечников стрел, копий и крупных рубящих орудий. Постепенно наконечники стрел приобретают полную двустороннюю обработку регулярной ретушью, вырабатывается правильная симметричная их форма. Эта новая черта

неолита ощущается очень сильно, если вспомнить чрезвычайно своеобразные формы наконечников стрел, бытовавших в мезолите. Разнообразие их свидетельствует о дифференциации охоты. Однако сланцевые орудия, за исключением центральных районов, не столь многочисленны и совершенны, как орудия южной территории — Карелии и Финляндии,— что, очевидно, объясняется ограниченностью выходов сланца высокого качества на Кольском п-ве и отсутствием традиций изготовления сланцевых орудий в мезолите.

Заметно меняется и соотношение категорий орудий за счет уменьшения количества резцов и значительного роста скребков, ножей, в особенности наконечников стрел и копий, крупных рубящих орудий.

Наконец, принципиально важным новшеством следует считать появление керамики — как и повсюду у племен с охотничье-рыболовческой формой хозяйства, — являющейся одним из главнейших признаков, отграничивающих неолит от мезолита.

Весьма существенные изменения произошли в эпоху неолита в области экономики. Усовершенствование орудий труда способствовало развитию рыболовства, которое, в свою очередь, привело к упрочению оседлости, широкому внедрению средств передвижения — лодок и лыж, в поздний период, очевидно, и морского промысла, на чем подробнее мы остановимся ниже.

За истекшие два десятилетия исследования Кольского п-ва удалось не только четко разграничить мезолит и неолит, но и выделить внутри каждой эпохи более ранние и более поздние этапы развития. Однако некоторые памятники, не имеющие керамики и хорошо выраженного сланцевого инвентаря, не с полным основанием могут быть причислены к неолитическим. Это или памятники переходного периода от мезолита к неолиту, или промысловые кратковременные остановки людей. Такие стоянки отнесены нами к неолиту лишь условно.

Определение относительной хронологии внутри неолитических памятников базируется на ряде признаков, среди них главнейшими являются данные радиокарбона и характер индустрии (техника обработки, процентное соотношение категорий орудий и характеристика ансамбля в целом), а также керамика. Расчленение последней произведено, в частности, посредством сопоставления ее с керамикой раннего металла, а также в сравнении с керамикой соседних территорий.

Как было указано, в нашем регионе не встречено памятников с хорошо выраженной стратиграфией, однако тщательная поглубинная и планиграфическая фиксация находок, произведенная на всех раскопанных памятниках, позволяет надежно произвести их членение. Полученные выводы проверяются с помощью сопоставления этого материала с материалом поселений, имеющих «чистые» комплексы. Применение к неолитическим памятникам критериев, выделенных для определения мезолита позволяет в ряде случаев проследить очень отчетливо постепенное нарастание новых качеств, сокращение, а затем и полное исчезновение мезолитических традиций.

Значительная серийность материала неолитических памятников позволила разработать типологию ведущих категорий орудий. Однако если в настоящее время для расчленения керамики на неолитическую и эпохи раннего металла не существует затруднений в силу устоявшихся представлений, то для выделения орудий этих эпох, и в особенности костяных, на Кольском п-ве нет пока в ряде случаев, таких жестких критериев. Это происходит отчасти потому, что однажды созданная рациональная форма орудия, являющаяся результатом длительного поиска и усовершенствования, живет очень долго и может переходить из эпохи в эпоху. Примером этого могут служить листовидные двусторонне обработанные наконечники стрел, существовавшие на протяжении всего неолита и эпохи раннего металла, перешедшие затем в раннее средневековье. То же можно сказать и о кремневых и кварцевых скребках, а также крупных рубящих сланцевых орудиях. Еще более затруднительно выделение костяных орудий для нашего неолита, поскольку они еще неизвестны в памятниках этого времени. Вместе с тем многочисленность и многообразие типов в эпоху раннего металла с бесспорностью указывают на их более раннее широкое применение. Учитывая это, мы даем здесь общую типологию для орудий обеих эпох, хотя в последующем изложении конкретных памятников — там, где возможно, — выделяем соответствующие хронологические группы. Иное положение с основной массой костяной индустрии, поскольку она известна пока только для эпохи раннего металла.

Вместе с тем очень четко разграничивается керамика (рис. 7, 8, 9). Общие черты прослеживаются лишь в форме сосудов (часто прямой край, срез которого редко орнаментирован, отсутствие профилировки, округлые и плоские днища, изготовление из двух-трех слоев глины), а также в некоторых мотивах орнамента. Однако сосуды отличаются по составу отощителя.

Учитывая весь комплекс признаков, к наиболее раннему периоду в настоящее время можно отнести ряд стоянок, расположенных в различных частях Кольского п-ва. Наиболее представительными из них являются: на южном побережье Чаваньга I, на северном — Нерпичья Губа I, Усть-Дроздовка, в центральной части — Цага I (на берегу Ловозера). Все эти стоянки имеют радиокарбоновые датировки, достаточно высокий уровень террас, на которых они расположены, керамику раннего облика и

ранние типы индустрии. В таких памятниках присутствует полная или значительная часть указанных характерных для раннего неолита признаков.

ТИПОЛОГИЯ

В связи с тем что сопоставление орудий всех источников произведено нами по единой схеме, уместно будет предпослать описанию конкретных памятников типлист, характеризующий основную индустрию неолита и раннего металла Кольского п-ва.

Наиболее выраженными категориями нашего региона являются следующие.

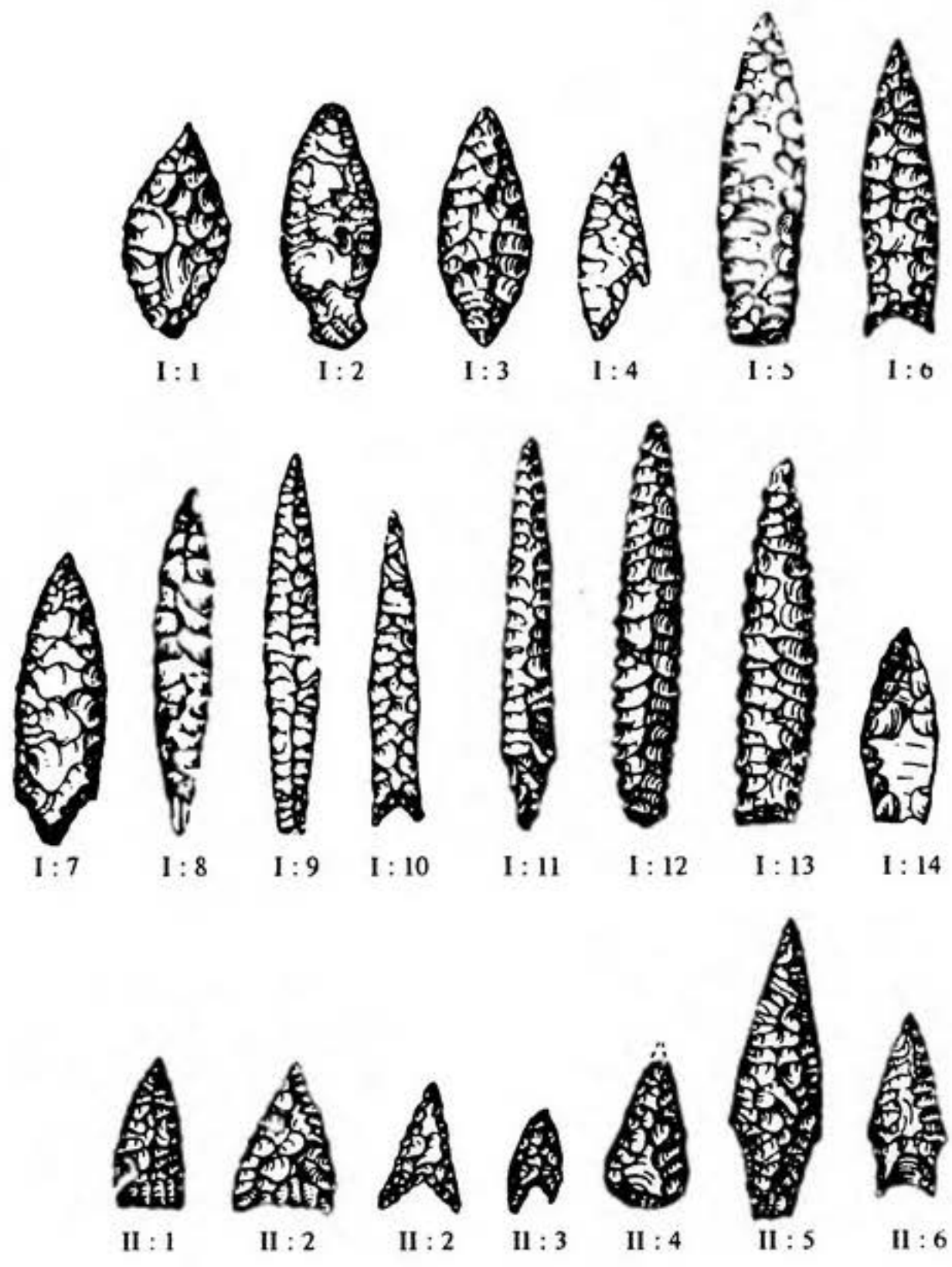
I. Группа категорий: 1 — специализированные орудия охоты, 2 — специализированные орудия рыболовства, 3 — рубящие орудия, 4 — колющие и режущие, 5 — скребущие, 6 — орудия для изготовления орудий, 7 — бытовые и предметы искусства и культа.

II. Категории орудий: 1 — наконечники стрел, 2 — наконечники копий, 3 — гарпуны, 4 — кинжалы, 5 — рыболовные крючки, 6 — грузила, 7 — иглы для вязания сетей, 8 — блесны, 9 — топоры, 10 — долота, 11 — тесла, 12 — стамески, 13 — ножи, 14 — резцы, 15 — проколки, 16 — сверла, 17 — скребки, 18 — скобели, 19 — скребла, 20 — скобели-струги, 21 — шлифовальные плиты, 22 — пилы, 23 — отбойники, 24 — ретушеры, 25 — гладила, 26 — иглы, 27 — игольники, 28 — ложки, 29 — лампы, 30 — украшения, 31 — предметы искусства и культа.

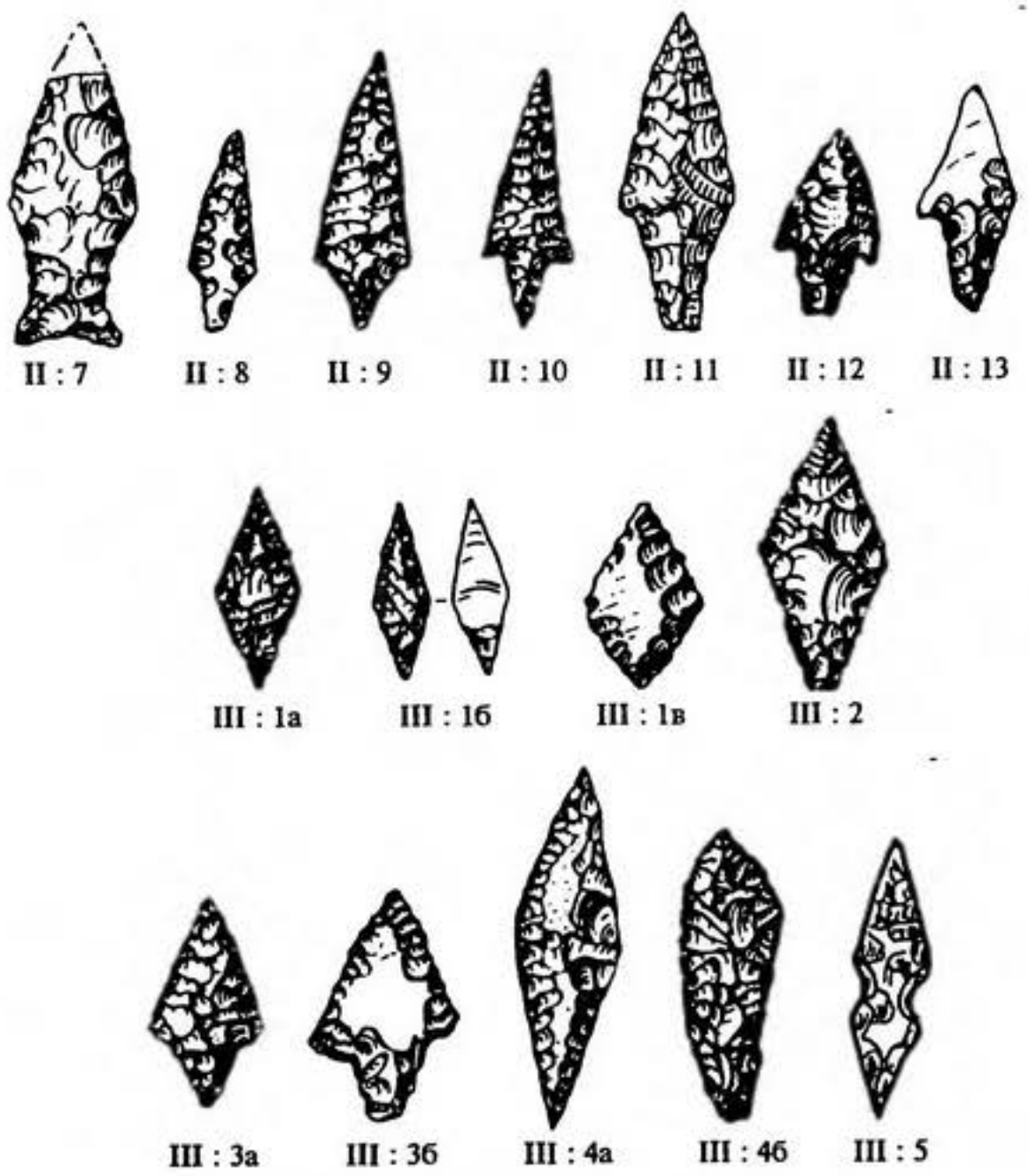
Наиболее информативными для хронологического определения памятников являются наконечники стрел и копий. Для кремневых наконечников стрел на отщепах нами была разработана типология (Гурина, 1978а), которой мы придерживаемся и в данном случае. Поскольку эта типология «открытая», она позволяет ввести новые типы, характерные для рассматриваемого региона, что мы и делаем в данном случае.

На Кольском п-ве кремневые наконечники стрел встречаются значительно реже, чем из сланца и шифера. Поскольку сланец и шифер легко поддаются не только ретушированию, но и шлифованию, многие наконечники изготовлены последним способом, что в большой мере определяет их типологию. Когда сланцевые наконечники стрел ретушированы, они во многом сходны с кремневыми, если же изготовлены способом шлифования — очень отличаются от них. То же самое относится и к наконечникам копий.

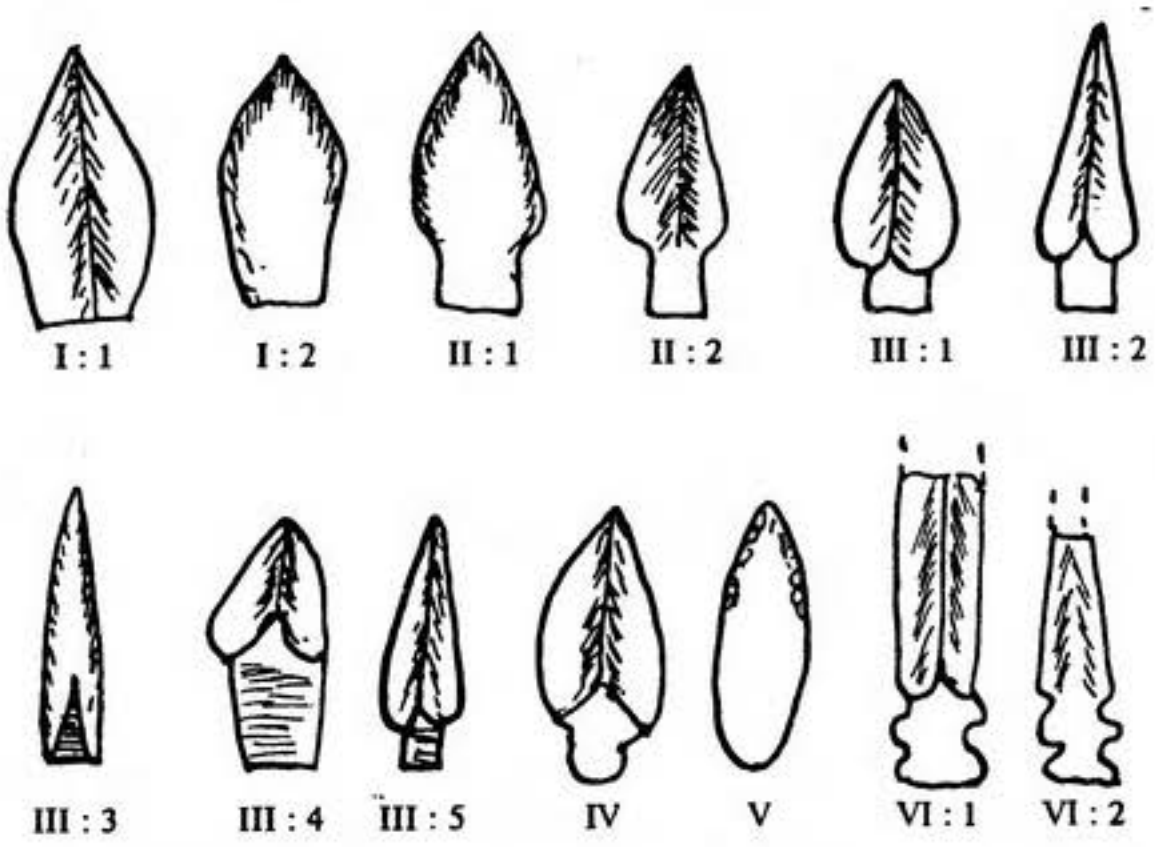
Среди наконечников стрел и копий выделяется две группы: А и Б. Группа А — изготовлены с помощью ретуширования, группа Б—шлифования. Напомним предложенную нами классификацию наконечников стрел группы А, наиболее распространенных в неолите лесной зоны. Они делятся по форме пера на три типа с ря-



Типы наконечников стрел и их варианты. Группа А



Типы наконечников стрел и их варианты. Группа А



Типы наконечников стрел и их варианты. Группа Б

дом вариантов. Тип I — овальные (14 вариантов). Тип II — треугольные (12 вариантов) и Тип III — ромбические (5 вариантов). Тип I : 1 — листовидные [10], I : 1а — сплошь ретушированные, I : 1б — частично ретушированные; I : 2 — листовидно-черешковые, I : 2а — сплошь ретушированные; I : 2б — частично ретушированные; I : 3 — лавролистные обоюдоострые, I : 3а — сплошь ретушированные, I : 3б — частично ретушированные; I : 4 — лавролистные однотипные; I : 5 — лавролистные с усеченным основанием, I : 5а — сплошь ретушированные, I : 5б — частично ретушированные; I : 6 — лавролистные с вогнутым основанием; I : 7 — лавролистные черешковые; I : 8 — иволистные обоюдоострые; I : 9 — иволистные с усеченным основанием; I : 10 — иволистные с вогнутым основанием; I : 11 — иволистные черешковые; I : 12 — иволистные с округлым основанием; I : 13 — иволистные с усеченным основанием, пильчатые; I : 14 — листовидные с усеченным основанием.

Тип II — треугольные: II : 1 — с прямым основанием, II : 1а — сплошь ретушированные, II : 1б — частично ретушированные; II : 2 — с вогнутым основанием: II : 2а — сплошь ретушированные, II : 2б — частично ретушированные; II : 3 — с асимметрично вогнутым основанием, II : 3а — сплошь ретушированные, II : 3б — частично ретушированные; II : 4 — с выпуклым основанием; II : 5 — с широким усеченным или слегка округлым на конце черешком; II : 6 — с широким черешком, вогнутым в основании; II : 7 — с черешком в форме рыбьего хвоста; II : 8 — с узким усеченным черешком; II : 9 — с заостренным черешком и слабо выраженными шипами; II : 10 — с заостренным черешком и резко выраженными шипами (сейминский), II : 10а — сплошь ретушированный, II : 10б — частично ретушированный; II : 11 — с широким усеченным черешком и слабо выраженными шипами; II : 12 — одношипные.

Тип III — ромбические: III : 1 — обоюдоострые, III : 1а — сплошь ретушированные, III : 1б — частично ретушированные; III : 2 — с усеченным основанием; III : 3 — черешковые, III : 3а —

---

[10] На основании многочисленных измерениях наконечников устанавливается следующая их «высотная» градация: листовидные — длина в 1,5—2 раза превосходит ширину, лавролистные — в 3—4 раза, иволистные — в 5—7 раз.

сплошь ретушированные, III : 3б — частично ретушированные; III : 4 — ромбовидные (подромбические); III : 5 — удлиненно-ромбические с двумя выемками в середине пера.

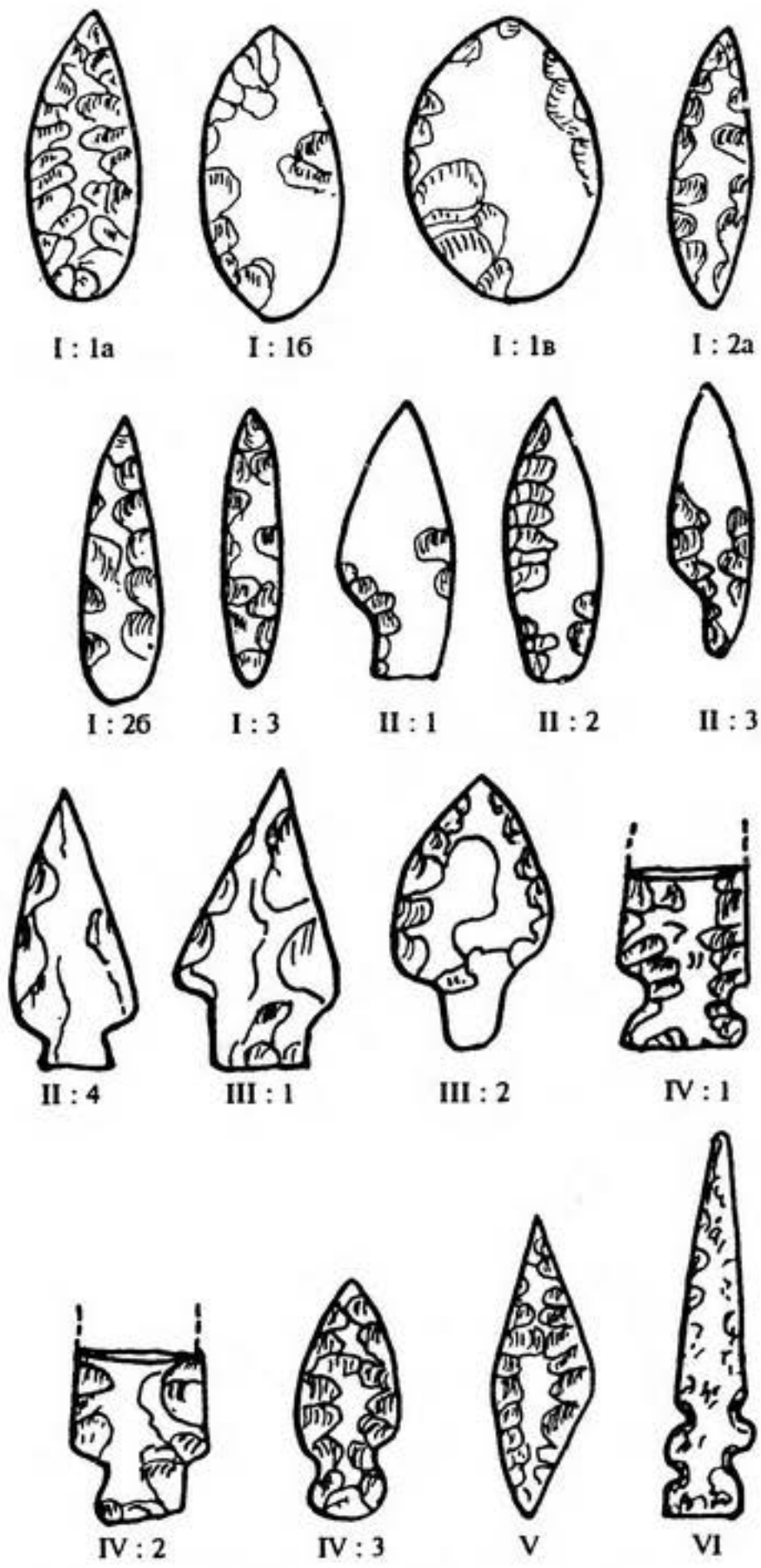
Наконечники стрел группы Б представлены не менее чем 6 типами, часть которых имеет варианты.

Тип I — плоский полуовальный с усеченной тыльной частью: I : 1 — с продольным ребром по центральной оси; I : 2 — заточенный только по краям. Тип II — с подтреугольным пером удлиненных пропорций, с широким усеченным черешком: II : 1 — с полной обработкой пера и ребром по центральной оси; II : 2 — заточенный только по краям. Тип III — с подтреугольным пером, коротким, широким усеченным черешком: III : 1 — со слабо выраженным ребром по центральной оси (с одной стороны), раздвоенным к тыльной части; III : 2 — с удлиненным пером, резко выраженным продольным ребром, раздвоенным к тупо срезанному черешку. Тип IV — с овальным пером и хорошо выраженным узким округлым черешком. Тип V — листовидный обоюдоострый. Тип VI — удлиненно-подтреугольный: VI : 1 — с ребром по продольной оси; VI : 2 — с гладким пером.

Черешки типа VI — фигурные (с одним или двумя выемками).

Наконечники копий в ряде случаев повторяют типы наконечников стрел. Так же, как и последние, они делятся на две группы. Группа А — сланцевые ретушированные и группа Б — сплошь зашлифованные.

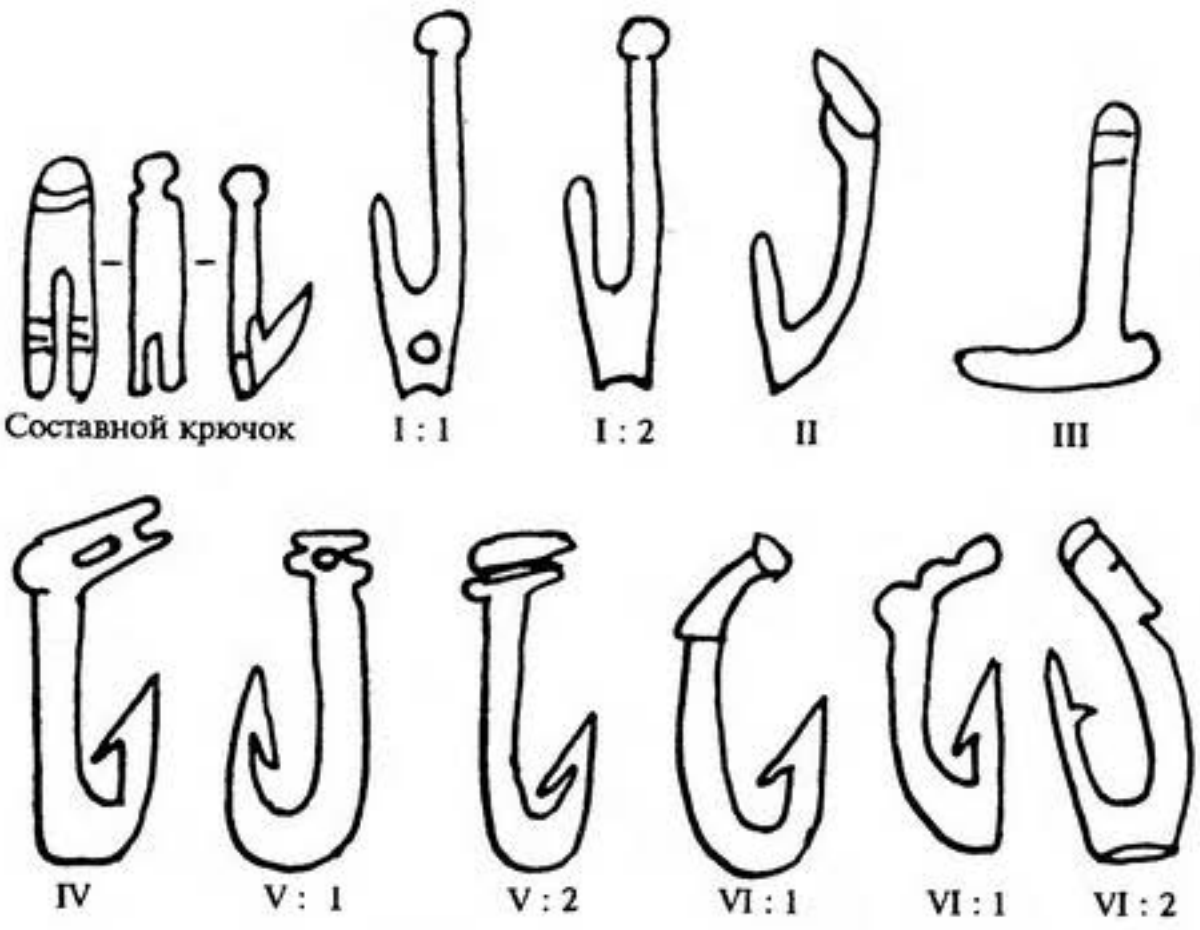
Группа А содержит не менее шести типов. Тип I — листовидные:[11] I : 1а — удлиненных пропорций, полностью двусторонне ретушированные. I : 1б — средних пропорций частично ретушированные; I : 1в — широких пропорций, частично ретушированный; I : 2 — лавролистные:[12] I : 2а — обоюдоострые, I : 2б — с округлой тыльной частью, I : 2а — обоюдоострые, I : 2б — с округлой тыльной частью; I : 3 — иволистные[13]. Тип II — листовидно-черешковые: II : 1 — с хорошо выраженным усеченным, слегка асимметричным черешком; II : 2 — со слабо выраженным усеченным, широким, слегка асимметричным черешком; II : 3 — с заостренным асимметричным черешком; II : 4 — с коротким резко выраженным черешком. Тип III — треугольный с широким коротким черешком и частичной обработкой пера: III : 1 — с усеченным черешком; III : 2 — с приостренным черешком. Тип IV — треугольно-удлиненный с черешком: IV : 1 — черешок с выступом; IV : 2 — черешок прямой; IV : 3 — черешок округлый. Тип V — подромбический. Тип VI — подтреугольный, резко удлиненных пропорций, с двумя выемками на черешке.



Типы наконечников копий и их варианты. Группа А

Группа Б. Тип I — плоский, с подовальным усеченным пером: I : 1 — с полной двусторонней зашлифовкой и ребром по продольной оси; I : 2 — заточенный только по краю узкой полосой. Тип II — плоский подтреугольный с широким усеченным черешком и слабо выраженным ребром по продольной оси. Тип III — плоский подовальный с усеченным основанием и ребром по продольной оси, раздваивающимся к тыльной части. Тип IV — с подтреугольным гладким пером и пря-

[11] Длина превосходит ширину в 2,6 раза.
[12] Длина превосходит ширину в 3—4 раза.
[13] Длина превосходит ширину в 5—6 раз.



Типы цельных рыболовных крючков

Аляски, он мог быть снабжен каменным наконечником.

Наконечников острог имеется четыре разновидности. Тип I – резко удлиненные округлые в сечении небольшого диаметра стержни (длиной 13, 18 см), слегка, плавно выгнутые, заканчивающиеся одним небольшим зубцом, тыльная часть уплощенная: I : 1 – гладкая, I : 2 — с небольшим выступом. Тип II — короткий (9 см) массивный наконечник с овальным поперечным сечением, сильно изогнутый, тыльная часть уплощена, жало с бородкой (как бы двузубчатое). Тип III — серповидный, уплощенный в поперечном сечении, тыльная часть срезана и уплощена по продольной оси для прочного крепления к древку, конец утрачен.

Рыболовные крючки представлены составными и цельными. Составные крючки бывают каменные и костяные, цельные — только костяные. От составных каменных крючков сохраняется только ножка (цевье) — небольшие сланцевые стерженьки, округлые или овальные в поперечном сечении, слегка зауженные к верхнему концу (головке) и расширенные к нижнему (обушку). На обоих концах их нанесены по 2—3 круговых нарезки, иногда тыльная часть ножки имеет паз для более прочного крепления жала, последние, видимо, делались из кости или дерева. У некоторых крючков головки шарообразные. Начиная с середины вдоль стержня проходит паз, внизу заканчивается выемкой для крепления жала — плоского, заостренного с одного конца стерженька, в тыльной части которого имеется выемка. Одно костяное жало от костяного крючка имеет слегка изогнутую форму, с одного конца заострено, с другого — расширено и тупо срезано. Очевидно, крючок предназначался на очень крупную рыбу.

Цельные крючки имеют величину от 35 до 12 см. Они также делятся на две основные группы – крючки, жало которых не имеет бородки, и крючки с бородкой. В группе без бородки выделяются три типа. Тип I — слегка уплощенная ножка заканчивается округлой головкой, овальная нижняя часть имеет выемку. Встречается два варианта: I : 1 — обушок снабжен в нижней части отверстием; I : 2 — обушок не имеет отверстия. Тип II — округлая ножка крючка изогнута, округлый обушок слегка скошен, утолщенная, как бы двухъярусная головка расположена под углом к ножке. Тип III — ножка прямая, слегка утолщенная, в верхней части снабжена желобком для крепления лески, скругленный обушок расположен перпендикулярно ножке, снабжен выступом в затылочной части.

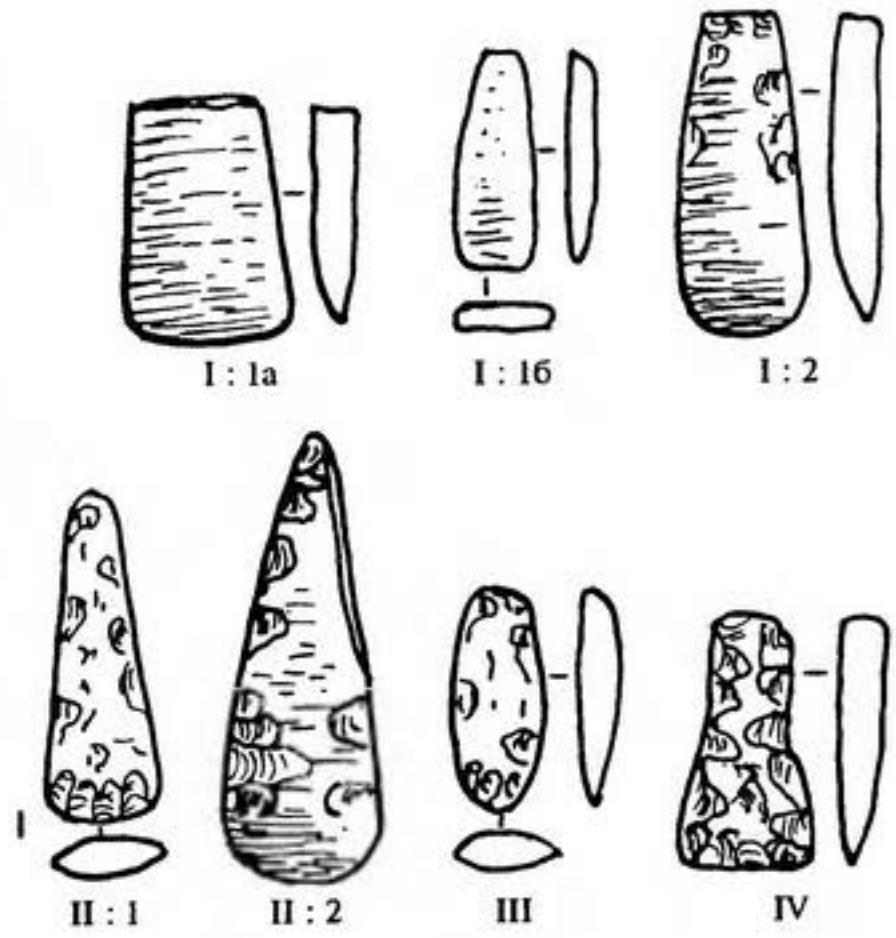
Крючки, имеющие бородку на жале, также представлены тремя типами (IV—VI). Тип IV — с прямой слегка утолщенной ножкой, подчетырехугольной в нижней части (с прямым затылком, обушком и лбом), с крупной бородкой, массивная головка подчетырехугольная с отверстием и выступом в передней части, расположена почти перпендикулярно ножке. Тип V — крупные (8,5 см), с округлой в сечение прямой ножкой, овальным обушком. По форме массивной головки выделяются варианты: V : 1 — с выемкой и отверстием, V : 2 — с выемой и желобком. Тип VI — крупные (до 12 см), с плавно изогнутой ножкой, округлым обушком резко переходящей в прямой лоб, удлиненная головка очень своеобразна (имеет несколько выступов), расположена под углом к ножке. По форме бородки выделяются два варианта: VI : 1 — бородка получена в результате срезанного под углом кончика лба; VI : 2 — бородка образована пальцеобразным выступом. Тип VII — выделяется условно в связи с фрагментарностью — имеет относительно тонкую ножку, округлый лоб, головку с желобком, размер крупный.

В крупных рубящих орудиях разграничение наиболее отчетливо проходит между топорами и теслами. Топоры обладают симметричным лезвием, в силу чего рукоять их крепится параллельно лезвию, являясь как бы его продолжением, движение при работе сверху вниз. Профиль тесла в большей или меньшей степени асимметричен (в желобчатых лезвие приближается к полукружию), крепление к рукояти — перпендикулярно, движение при работе — «на человека». Нередко такие орудия двулезвийные, при том что оба скошенных или выемчатых конца обращены в одну сторону. В этом случае

для прочности крепления рукояти одна сторона орудия в середине слегка уплощена (не всегда). Выделение долот из группы топоров в известной мере условно. Они имеют также симметричное лезвие, но более узкое и прямое, в целом пропорции их чаще вытянутые.

Типообразующими признаками топоров по традиции принято считать характер тыльной части (широкая или узкая) и поперечное сечение, хотя форма тыльной части в общем не влияет прямо на результат работы. Гораздо важнее вторичная обработка поверхности и ширина поперечного сечения — сплошь зашлифованная поверхность орудия и его уплощенность уменьшают сопротивление при соприкосновением с обрабатываемым предметом. Качество рубящих орудий во многом зависит от ширины и остроты лезвия.

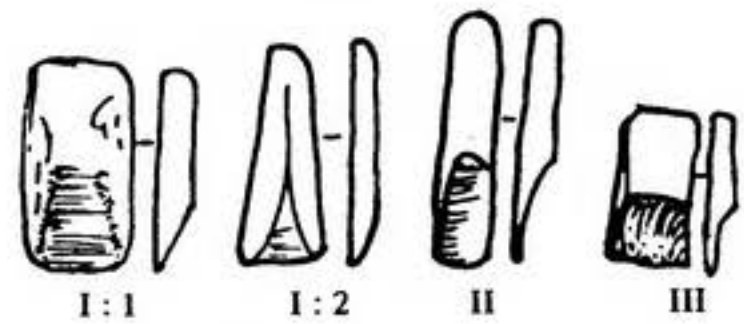
Исходя из сказанного, среди рубящих орудий Кольского п-ва выделим следующие категории: топоры, тесла, долота, стамески (последние исключительно редки).



Типы топоров и их варианты

Среди топоров выделяются следующие типы. Тип I — широкообушные в плане и поперечном сечении, приближающиеся к прямоугольнику, полностью или частично зашлифованные, широких и более удлиненных пропорций: I : 1 — с прямым лезвием; I : 2 — с округлым лезвием. Тип II — узкообушные, часто с подовальным поперечным сечением и округлым лезвием, встречаются крупные (28 см), обработанные мелкими сколами или крупной ретушью, рабочий край — продольными фасетками «от лезвия». Тип III — подовальные в плане и поперечном сечении, с округлым лезвием и тыльной частью. Пропорции топоров различны, наиболее часто встречаются экземпляры, у которых длина превосходит ширину в 2,5—3 раза. Тип IV — топорики «с перехватом» — слегка зауженные в средней части.

Тесла встречаются трех типов. Тип I — с плоско скошенным лезвием: I : 1 — широкообушные; I : 2 — со слегка зауженным обухом удлиненных пропорций. Тип II — с продольно-желобчатым лезвием. Тип III — с поперечно-желобчатым лезвием (круммайзель).



Типы тесел и их варианты

Керамика. Для большей надежности выводов при сопоставлении керамики она рассматривается также по единой выработанной нами схеме, в которой находят характеристику: технология сосудов (примесь, обжиг, способ формовки), форма и орнаментация. Последняя рассматривается в плане — элементов, мотивов и целой или части композиции сосудов.

Под элементами мы понимаем исходное (первоначальное), лежащее в основе узора. В археологическом смысле это единичный отпечаток штампа (орнаментира). Мотив — «декоративный элемент, положенный в основу соответствующей композиции или ее части использованный как главный материал»; в наших сосудах — горизонтальные, диагональные, вертикальные пояса или другие фигуры, образованные из отдельных, определенным образом сочетающихся элементов узора. Наконец, композиция — «отдельное художественное произведение... обдуманно построенное», т. е. орнаментация сосуда в целом (Краткий словарь терминов изобразительного искусства, 1965, с. 98, 72).

По такой схеме и рассмотрены все керамические комплексы привлеченных нами источников, что облегчает уловить их сходство и различие, а также ограниченность или богатство орнаментации. Схемы, построенные таким образом, легче помогают сравнению памятников во времени (установлению одновременности их или развития) и в этнокультурном аспекте.

С целью определения введенных примесей к глине, из которой изготовлены сосуды, был произведен петрографический анализ 24 образцов (см. приложение № 4, с. 141). В целом они подтвердили выводы, следанные визуально, и уточнили ряд существенных деталей. Образцы были взяты из различных памятников: Нерпичья Губа, Нерпичья Губа I, Чаваньга, Йоконьга, Наволок, Усть-Дроздовка, Мыс Семерка II, Маяк, Маяк II, Наволок.

Как оказалось, все неолитические сосуды (группа I, II) имеют в качестве отощителя неорганические вещества — дресву гранита и минералов, входящих в состав гранита. Только один образец (Наволок) не имеет отощителя, содержащиеся в нем мельчайшие зерна (кварца, возможно полевого шпата) входят в состав самой глины. Использованная глина преимущественно жирная (кроме одного образца из Усть-Дроздовки, где она средне-тощая). Отощитель составляет от 9 до 30%. Зерна угловатые, иногда крупные (Маяк II, Нерпичья Губа I).

Керамика эпохи раннего металла, по петрографическому определению, отличается от неолитической (группа III, IV). В качестве отощителя к глине использованы крупные и средне-крупные обломки «экзотических» минералов — антофиллита, хризотил-асбеста, нефелина, оливина, эгирина. Иногда одного-двух из них, в других случаях почти всех. Изредка примешивался шамот — куски глины, почти не содержащие никакого отощителя (Усть-Дроздовка), или в виде кусков жирной глины (до 5 мм), содержащей лейсты антофиллита (Мыс Семерка II). В последнем случае помимо 10% шамота, здесь присутствует и некоторое количество «экзотических» минералов. Наконец, следует указать на 4 образца (Маяк, Маяк II, Мыс Семерка II, Усть-Дроздовка) со следами, возможно, шерсти в виде узких длинных пустот, заполненных черным (сажистым ?) материалом [14].

Орнаментация неолитических сосудов значительно богаче и разнообразнее по сравнению с более поздними. Она весьма своеобразна как по характеру элементов (использованных орнаментиров), так и по мотивам. Особенно разнообразны композиции.

Нерпичья Губа I

Весьма выразительное ранненеолитическое поселение Нерпичья Губа I, исследованное в 1977 г., расположено на северо-восточном побережье полуострова, в Дроздовской губе, близ пос. Дроздовка. Сосредоточенность здесь большой группы разновременных памятников — мезолита, неолита и раннего металла, а также раннего средневековья — позволяет наиболее обоснованно произвести их сопоставление, сводя до минимума опасение принять территориальные различия за хронологические.

Особое достоинство поселения Нерпичья Губа I заключается в небольшой площади, не превышающей 200 м^2, четко очерченной естественными преградами (морем, овражком с речкой и болотистым понижением), а также в незначительной мощности культурного слоя. С последним обстоятельством связывается и относительно небольшое количество материала, однако очень яркого и выразительного. Ценность его определяется и тем, что это поселение, имея чистый неолитический комплекс, непосредственно примыкает к многослойному поселению Нерпичья Губа (памятники разделены расстоянием менее 100 м, по которому протекает ручей). Благодаря этой близости и оперируя точной поглубинной и планиграфической фиксацией находок, на поселении Нерпичья Губа удается вычленить неолитический комплекс из стратиграфически не расчлененного слоя. Наконец, поселение Нерпичья Губа I отчетливее, чем другие ранненеолитические памятники, сохранило в каменной индустрии архаические мезолитические черты при своеобразии керамики.

Раскоп 196 м^2 исчерпал всю возможную для исследования площадь, лишь небольшая часть ее оказалась занятой дорогой. С северо-запада поселение ограничивал берег моря, с северо-востока — небольшое болотистое понижение, бывшее ранее неглубоким озерком, на запад продолжалась ровная площадка, но, как показали раскопки, культурный слой здесь выклинивался.

Стратиграфия памятника однородна: тонкий — 0,10 см — заторфованный слой из корней стелющейся карликовой березки и вороники; желто-серый песок ортштейнированный в нижней части, мощность которого колеблется от 0,10 до 0,40 м. Местами культурный слой исчезал и почвенный слой налегал непосредственно на светло-желтый подстилающий суглинок. Волнообразность нижней границы культурного слоя объясняется наличием большого количества различной величины камней, в изобилии встречавшихся и в самом культурном слое. Находки залегали непосредственно под дерновым слоем, во втором горизонте взятия они единичны. Наиболее насыщенными оказались южная и западная части поселения (Шаяхметова, 1986).

Из хозяйственных комплексов обнаружены 4 небольших углистых пятна — следы кострищ и очаг, сложенный из 3 крупных камней, с сильной углистой прослойкой между ними.

Материал, найденный на поселении, в общей сложности составляет 5895 единиц, из которых 5609 являются каменными орудиями, отщепами, пластинками, чешуйками (523 орудия и пластины, 5086 отщепов) и 286 — фрагментами керамики (рис. 10, 11). Среди первой группы предметов 15,99% со вторичной обработкой. Наиболее часто для изготовления орудий использовался кварц (68,28%), в связи с чем велико и количество отщепов. Относительно часто (26,8%) применялся сланец. Песчаник

---

[14] Пользуюсь случаем поблагодарить Н. Б. Селиванову за анализы керамики.

и кварцит (1,71%) использовались для шлифовальных плит и пил. В отличие от других памятников здесь встречается относительно большое количество (2,48%) кусков кремня среднего размера, светло-серого и красноватого. По-видимому, во всех случаях отщепы использовались в качестве режущих инструментов, на что указывают небольшие подработанные участки или следы сработанности. Наличие корки на некоторых отщепах и малая их величина, а также низкое качество указывают на то, что, вероятно, использовался местный кремень, встречающийся в ручьях в виде небольших галек.

Весьма разнообразны категории орудий. Наибольшее количество представлено скребками (89 экз., 96% которых составляют кварцевые). Форма их многообразна, однако в целом типы значительно отличаются от позднемезолитических. Они крупнее и иных очертаний. Из типов, известных в мезолите, присутствуют, только более крупные, концевые скребки на отщепах (тип I). Тела их различаются по очертаниям, край в большей или меньшей степени округлый, с крутой или полукрутой ретушью, иногда высокой формы, с выпуклым рабочим краем и сплошь обработанной спинкой; тип III : 3 — только по сравнению с мезолитическими гораздо более крупного размера; тип V : 1 и V : 2 — концевые-боковые и VI — боковые. Есть также скребки индивидуальной формы, не создающие серий, в том числе угловые, поперечно вытянутых пропорций, круторетушированные на широком конце и части одного прилегающего к нему края; тип VII — аморфные, различных очертаний с перемежающейся ретушью.

Выделяется устойчивая группа (5 экз.) весьма оригинальных орудий, неизвестных в других памятниках, нечто среднее между скребками и ножами (рис. 10, *15*), изготовлены из редко встречающегося плитчатого кварца, по структуре близкого к кварциту. С ножами их сближает широкое ровное лезвие (до 5 см шириной), имеющее острую режущую кромку. При этом наблюдается одна особенность — ретушь хотя и очень крутая (высотой до 0,5 см), что сближает их со скребками, вместе с тем необычайно широкая, как бы растянутая, в результате чего она образует очень острую режущую кромку. Функционально они, во всяком случае нередко, применялись в качестве ножей, за что говорит заостренный край и удобная для этих целей форма (тип III : 3).

Можно выделить небольшую (9 экз.) группу кварцевых скобелей — отщепов аморфных очертаний с тщательно обработанной небольшой выемкой и скобелей-стругов (29 экз.), преимущественно небольшой величины (2—3 см), иногда более крупных. Форма их различна, но чаще всего подчетырехугольная, иногда вытянутых пропорций. С одной стороны лезвия, как и у мезолитических (от одного до трех), оформлены специальным сколом, образующим в большей или меньшей степени вогнутость. С противоположной стороны выступающая часть уменьшена несколькими фасетками продольной ретуши (от лезвия).

Относительно многочисленны резцы (10 экз.), всегда на кварцевых отщепах случайной формы и различной величины (от 2,5 до 5 см), преобладают 3 см, в абсолютном большинстве боковые с резцовым сколом. В качестве другой режущей кромки использована подходящая естественная поверхность отщепа. По сравнению с мезолитическими они более аморфны.

Наконечники стрел (16 экз.) разнообразны. Абсолютному большинству их присуща частичная обработка поверхности (архаический признак), и только в двух случаях она полная. Выделяются две группы: на пластинах и на отщепах. Первая группа представлена одним экземпляром (4,5×1,5 см) на относительно широкой кремневой пластине с зауженным концом, ретушированной со спинки и с брюшка. Обломанное острие с брюшка по одному краю обработано мелкой ретушью. Все остальные наконечники — на отщепах, представлены типами I, II — листовидными широких пропорций (4,5×3 см) и удлиненных пропорций (4,5×1,5) с частичной обработкой насада с брюшка и острия — с брюшка и спинки; треугольно-черешковыми с частичной и полной обработкой. Очертания пера несколько варьируют по ширине, в большей или меньшей степени приближаясь к треугольнику. Очевидно, сюда же следует причислить фрагменты относительно отчетливо выделенных черешков наконечников, ретушированных только со спинки. Встречен также фрагмент удлиненного наконечника стрелы с полной двусторонней обработкой.

Кроме кремневых и кремнистого сланца есть кварцевые наконечники (4 экз.) с частичной обработкой (только 1 имеет полную). Концы их подправлены грубой ретушью или подтеской, утончающей острие. В одном случае тыльная часть образована двумя резцовыми сколами, в другом — сколом и ретушью (приемы, типичные для мезолитических наконечников). Крупные наконечники копий (10×3,5 см) листовидной формы, в большинстве случаев представлены фрагментами.

Обращает на себя внимание большое количество ножей (19 экз.), часть которых имеет крупную величину (свыше 12 см). Среди них можно выделить несколько типов, представленных как минимум 2 экз. Тип I : 4 — сланцевые угловые с коротким лезвием, расположенным почти под прямым углом к рукояти, тщательно зашлифованные полностью или частично, небольшой величины (длина рукояти 6 и 5,5 см, длина лезвия, соответственно, 4 и 3 см); тип V — кремневые, близкие к наконечникам стрел (один из черного, второй из белого кремня) с двусторонней обработкой тщательной ретушью, отличающиеся от листовидных наконечников стрел асимметричной формой, их концы сильно изо-

гнуты. Не исключено, что это неудавшиеся экземпляры наконечников или (во всяком случае один) утилизированные из наконечников после частичного повреждения острия. Тип IV : 1 — крупная (12×4 см) пластина кремнистого сланца с остатками ударной площадки, часть края с брюшка обработана плоской приостряющей ретушью; тип IV : 2 — длинные (11,5 см) ребристые пластины кремнистого сланца, обработанные со стороны спинки по одному краю, слегка загнутому, по концу приостряющей и по двум краям (ближе к тыльной части) притупливающей ретушью. Основной рабочей частью, очевидно, служил конец, очень сильно залощенный от употребления. Близок к этому нож из крупной (10×1,5 см) ребристой пластины кремнистого сланца, один из длинных краев которой с одной стороны обработан почти полностью (не ретуширована лишь тыльная часть) тщательной плоской ретушью, кончик обломан. Тип VI — на отщепах кремнистого сланца, нередко крупной величины (8×3,5; 7,8×6,7; 7×5; 5,8×4 см), слегка удлиненно-овальных очертаний, с частью ударной площадки. Они ретушированы со спинки или со спинки и с брюшка, преимущественно по более ровному краю. У одного экземпляра выделена как бы небольшая рукоять. Помимо того, встречаются ножи, не создающие серий и потому не образующие определенные типы. Среди них ножи на краевом сколе изогнутой формы, обработанные со спинки укрепляющей ретушью; небольшие (4,5; 3,8 см) пластинчатые отщепы кремнистого сланца и кремня с округлым концом, ретушированным с одной стороны и частично с другой, ретушь захватывает оба продольных края или только тыльную часть. Все ножи, имеющие изогнутые концы, очевидно, использовались для раскройки шкур и разделки рыбы. По-видимому, функцию ножей выполняли и отдельные кремневые отщепы, не имеющие правильных очертаний, на небольших ретушированных участках хранящие сильные следы сработанности. Четыре проколки (кремневая, кварцевая и 2 сланцевые) на отщепах с отчетливо выделенным рабочим концом.

Хорошо выраженных крупных рубящих орудий немного, однако по сравнению с мезолитическими увеличение их числа и совершенство оформления очень заметны. Во всех случаях, кроме одного (кварцевого), они изготовлены из сланца. Самым выразительным является тип комбинированное орудие тесло-топор, о чем свидетельствует профиль его лезвия, асимметричного с одного и симметричного с другого конца, подчетырехугольных очертаний. Вся поверхность его зашлифована, и только с одной стороны, с края, заметны глубокие, не затронутые шлифовкой фасетки. Тип II — тесло неправильно подчетырехугольных очертаний, пришлифованное по лезвию, остальная поверхность — естественный скол, почти не затронут обработкой. Различия улавливаются лишь в пропорции орудий — тип II : 1 — широкие (8,5×5 см, 7×5 см) обработанные сколами, один из них кварцевый, есть грубые миндалевидные орудия с частичной обработкой грубыми сколами.

Особое место среди инвентаря стоянки Нерпичья Губа I занимают сильно окатанные морем кварцитовые гальки шарообразной формы (12 экз.), в основном одинаковой величины (преимущественно 5—6 см). Судя по относительно большой численности и одинаковому размеру, можно предположить их применение в качестве грузил для сетей. Преднамеренно изготовленных грузил встречено одно — из песчаниковой гальки неправильных очертаний с желобком для крепления веревки, выбитым с 4-х сторон.

Коллекция содержит значительное количество довольно отчетливых нуклеусов (33 экз.) из кварца и сланца. Кварцевые нуклеусы небольшого размера (2,7 см, 3,7 см, шириной 1,5—2 см), часто сильно сработанные. Преобладают призматические двухплощадочные, с негативами встречного скалывания отщепов и пластин, изредка встречаются одноплощадочные, зауженные к основанию. Помимо того, часты куски кварца с начальным скалыванием пластин или отщепов. Пластины имеют относительно правильные очертания, размером 3—3,5×1,2 см. Сланцевые нуклеусы крупные (до 12 см высоты, диаметром 4 см), двухплощадочные. Иногда с одной площадки производили снятие пластин, с другой — отщепов. Столь крупная величина и правильная форма нуклеусов совершенно нетипична для Кольского п-ва, так же как нехарактерны и крупные, правильного ограненния сланцевые пластины (21 экз.), соответствующие нуклеусам. Иногда один край такого нуклеуса оформлен как бы резцовым сколом.

Керамики — 286 фрагментов, часто они крупные, судя по венчикам — не менее чем от 20 сосудов, в пределах поселения они встречаются в виде отдельных фрагментов и небольшими скоплениями. Удалось собрать значительные части сосудов (преимущественно придонные), которые сохранились благодаря тому, что были вкопаны в материк. Примесью к глине служит песок с добавлением мелкотолченой дресвы, обжиг близок к среднему, цвет серо-коричневый (наличие более темных буроватых участков указывает на неравномерную силу обжига). Вся керамика (за исключением 3 фрагментов) одинакова, выполнена техникой подлепа, толщина стенок 0,9—1,1 см, высота сосудов до 37 см, диаметр горла 24—33 см, форма остродонная, край прямой, нередко срез его орнаментирован.

Элементами орнамента являются оттиски гребенки (преобладают) различной величины (от 3 до 5 зубчиков) и очертаний. Разнообразие узора достигается благодаря различной глубине нажима отти-

ска и углу, под которым он ставился к поверхности сосуда. Благодаря тому что сосуд предварительно подсушивался, зубцы очерчены очень четко. В одном случае орнамент несколько необычен — оттиски штампа нанесены в отступающей манере. Значительно реже применялись глубокие конические ямки, использовавшиеся главным образом для разнообразия узора. Мотивы также немногочисленны. Среди них: ряды параллельных прямых или наклонных оттисков гребенки, образующих пояса, зигзаг из оттисков короткой гребенки, сдвоенные оттиски изогнутой короткой гребенки, также образующей горизонтальные пояса, глубокие конические ямки, собранные в горизонтальные ряды, горизонтальная полоса из чередующихся ямок, соединенных гребенкой. В целом композиция строго зональная. Там, где удается проследить, она образована широкими лентами из оттисков (от 3 до 5) прямо или наклонно поставленной гребенки, чередующихся с зигзагообразной линией из короткого гребенчатого штампа или полосой из сдвоенных оттисков изогнутого короткого гребенчатого штампа.

Наиболее обоснованно о композиции можно судить по реставрированному экземпляру (рис. 11, *16*). Край сосуда начиная от 2 см ниже среза венчика орнаментирован полосой из оттисков короткой мелкозубчатой гребенки, ниже которой располагается одинарная полоса круглых ямок, объединенных отпечатками гребенки. Под ними размещены орнаментальные зоны: 1 — из 4-х рядов наклонных оттисков короткого гребенчатого разнозубчатого штампа, нанесенного под углом к поверхности сосуда, отчего нижняя часть более мелкая; 2 — зона из трех рядов «тесемочного» орнамента из очень близко поставленных оттисков гребенчатого штампа с сильным нажимом на верхний конец.

Керамика — аналогичная сосудам стоянки Нерпичья Губа I, в частности сосуды, украшенные «тесьмой», встречаются в соседнем поселении Нерпичья Губа (неолитический комплекс), в Цаге I на Ловозере (Гурина, 1972, Гурина, Кошечкин, 1978), а также на стоянке Йоконьга (Гурина, Архив АН СССР, дело № 2171, с. 13—15) и в Северной Норвегии (Simonsen, 1961, fig. 91).

Впервые люди освоили местопоселение Нерпичья Губа I — побережье узкой, богатой зверем губы не позже первой половины III тысячелетия до н. э. Очевидно, это был относительно небольшой человеческий коллектив. Возможно, поселение распространялось и на правый берег оврага и речки, где позднее, в эпоху раннего металла возникло новое поселение, занимавшее более обширную территорию, относительно долго обитаемую — Нерпичья Губа. Однако не исключено, что на правом берегу ручья люди основали свое жилище позднее, чем была освоена площадка левого берега ручья.

Ценность рассмотренного поселения для изучения неолита Кольского п-ва обуславливается прежде всего ограниченностью площади памятника и малой насыщенностью культурного слоя, сохранившего «чистоту» материала, насколько это возможно в незамкнутом комплексе. Пожалуй, это один из самых отчетливых памятников, которые позволяют выявить архаические черты, связывающие неолитические памятники с мезолитическими. Сопоставлению помогает и территориальная близость отчетливо выраженной мезолитической стоянки Черная Речка I.

Из числа отживающих мезолитических признаков можно отметить относительно малую площадь памятника, его немощный, местами прерывистый культурный слой, микроскребки (15 экз.), частично ретушированные пластинчатые наконечники стрел, относительно малое количество рубящих орудий, преимущественно неполная их зашлифовка (только по лезвию). Вместе с тем отчетливо выражены новые черты. В целом преобладает крупный размер орудий, отсутствуют многие мезолитические типы (например, сегментовидные скребки), лишь 2 экземпляра напоминают их, но гораздо более крупного размера, тыльная их часть образована крупными резцовыми сколами. Рубящие орудия в отдельных случаях полностью зашлифованы, длинные правильного огранения ножевидные пластины, зашлифованные по всей поверхности угловые сланцевые ножи, высокая техника обработки кварца регулярной очень четкой ретушью, развитой тип ножей, малое количество резцов, отчетливо выраженные проколки, острие которых образовано с одной стороны естественным сколом, с другой — маленьким изогнутым резцовым сколом. Строгая повторяемость таких приемов свидетельствует о их специализации. Инновация проявляется и в большом количестве ножей крупной величины.

Отмечается широкое применение в качестве поделочного материала сланца, появление большого количества шлифовальных плит — свидетельство широкого применения шлифовальной техники, пил — указывающих на совершенный прием обработки сланцевых орудий, придающих им правильные очертания, образцом чего служит комбинированное орудие топор-тесло. Наконец, особенно заметным признаком перехода к неолиту является применение керамики.

Дата полученная радиокарбоновым методом по углям из очага Нерпичьей Губы I — 4630±100 лет тому назад [15] (ЛЕ-1329).

---

[15] Радиоуглеродные даты приводятся в значении «лет тому назад». Автором использовалось также значение «лет до нашей эры», полученное уменьшением даты «лет тому назад» на 1950. В настоящее время для пересчета радиоуглеродных дат в календарные используется специальная шкала калибровки, разработанная по дендрохронологическим данным. Уточнения приведены в примечании к итоговой таблице дат С-14 на с. 138—139. — *Ред.*

Усть-Дроздовка (неолитический комплекс)

В кутовой части Дроздовской губы, в месте впадения р. Дроздовки в море, на правом ее берегу расположен мыс, ограниченный с севера Дроздовской губой, с запада и юга — руслом реки, с востока — скалистыми горами. Река Дроздовка, бурная и порожистая, перед впадением в бухту, сбегая с возвышенности, образует почти прямой угол. Древний рельеф этого участка «читается» довольно отчетливо. Прослеживаются, в частности, незначительное понижение, в прошлом небольшой водоем (в настоящее время здесь бьет лишь ключ) — источник пресной воды, и очертания древней, теперь заросшей кустарником морской бухты [16].

Во время обнаружения нами памятника (1974 г.) на поверхности относительно ровной площадки существовало значительное количество больших и малых выдувов с находками расщепленного кварца, сланца и кремня (Дроздовка, пункт 14, 15а, б, в, г). Позже был обнаружен также значительный пункт на южной оконечности площадки, на левом берегу реки, вблизи порога «Кривун». В трех из этих пунктов: 15а и 15б (названных Усть-Дроздовка) и Кривун — были произведены стационарные работы.

Раскопки 1975—1978 гг. вскрыли сплошную площадь 756 м^2. Высота поселения над уровнем моря 13 м. В течение четырех сезонов раскопы пристраивались один к другому.

Стратиграфия на всей площади памятника весьма стабильна. Мощность культурного слоя не превышала 40 см, варьировал его цвет, в основном серо-розовый, светло-розовый или розовато-желтоватый. Иногда розовый слой имел малиновый оттенок от примеси охры, что нередко встречается в памятниках Кольского п-ва, относящихся к неолиту или мезолиту. Во всех случаях вверху культурный слой перекрывался тонким (1—5 см) растительным слоем, состоящим преимущественно из корней мха и толокнянки. Наибольшее различие наблюдалось в подстилающем слое. Местами это был светло-желтый песок с мелкой галькой (со стороны, расположенной ближе к морю), чаще же коричневато-бурый ортштейнированный песок, который на некоторых участках замещался зеленовато-бурым песком. В отдельных квадратах последний вклинивался небольшими линзами между розовым культурным слоем и ортштейнированным песком. Наконец, на ряде участков культурный слой подстилался крупными камнями и скалой.

На площади поселения встречались очаги, рабочие места мастера и искусственные выкладки из камней. Помимо того, в отдельных частях наблюдались отчетливая концентрация находок и заметное уменьшение их к периферии. На кв. 25 на контакте розовато-серого и ортштейнированного песка встречен очаг диаметром 0,75 м из сильно обожженных плоских камней, и рядом скопление керамики. В юго-западной части кв. 46 скопление закопченных камней, не очень плотно прилегавших друг к другу, занимало площадь 0,9×0,5 м и являлось основанием очага. Нижняя часть их лежала в ортштейнированном песке. Между камнями встречались мелкие угольки и отщепы кварца. С северо-востока к нему примыкало серо-зеленое пятно диаметром 1,2 м с включением отдельных очень мелких угольков. Этот серый (зольный) слой образовался или от выброса из очага, или золу надул ветер после того, как костер был заброшен. Очевидно, очагом являлось и сооружение из мелких камней, расположенное на расстоянии 3 м в кв. 48, имеющее очень четкое подовальное очертание размером 1,5 м. Хотя явных следов действия огня и не прослеживалось, все же расположение камней свидетельствует о преднамеренной их кладке. Вблизи концентрировались отщепы кварца, нуклеусы, обломки орудий и шлифовальных плит.

Очаги разного размера и различной степени интенсивности обжига сохранились также на ряде квадратов: 125, 98, 157, 158, 102, 127, 83. Среди камней встречались угольки.

Один из очагов, сложенный из камней, размером 1,1×0,6 м, располагался в северной половине кв. 172. Следы кострищ в виде зольных (серых) или прокаленных (красноватого оттенка) пятен обнаружены и в юго-западном углу раскопа, на кв. 114, 113 и на границе 113—112 кв. Помимо того, на кв. 112 находилось компактное, явно искусственное скопление (до 0,7 м в диаметре) камней — очаг, хотя и со слабыми следами действия огня.

Помимо очагов и кострищ в пределах раскопа прослеживались, очевидно, рабочие места мастера.

В северной части раскопа, кв. 1, 2, 5, 6, прослежено углубление подокруглых очертаний (1,95×1,6 м, глубиной 0,15 м от верхней части материка), заполненное культурным слоем. Второе небольшое овальное углубление (0,8×0,4 м), заполненное культурным слоем с мелкими угольками, размещалось в кв. 13. Вблизи кв. 25 (с очажными камнями и скоплением керамики), в кв. 26 компактно располагались многочисленные кварцевые отщепы, лежавшие в непосредственной близости от камня с ровной, гладкой поверхностью.

---

[16] Раскоп 1975 г.: взяты квадраты 1—15, 1976 г.: кв. 16—30, 1977 г.: кв. 31—94, 115, 1978 г.: кв. 95—107, 116—178. Помимо того, вблизи основного раскопа, к северо-востоку от него, в 1975 г. был заложен рекогносцировочный раскоп в соседнем пункте 15 А, равный 16 м^2.

Помимо упомянутого скопления керамики на кв. 25, развалы от одного или нескольких сосудов встретились: на кв. 21, 81, 45, 172, где они находились в толще культурного слоя, вблизи камней. На кв. 189 зафиксировано небольшое скопление кремневых отщепов, нуклеус и пила.

Оценивая расположение различных комплексов и находок в пределах этого поселения, можно сделать некоторые заключения. Так, в северной части раскопа (к северу от пикетов $А_{15}$—$З_{15}$) очаги, скопления камней и керамики, а также концентрация находок заметны в двух местах — в северо-восточном углу и в центральной части. Создается впечатление, что здесь камни располагаются в определенной системе, образуя как бы два угла некогда существовавшей подчетырехугольной фигуры, к которой с юга примыкает небольшой овал, сложенный из камней, с восточной же стороны и в середине размещается скопление керамики.

В центральной части северной половины поселения также сосредоточены различные комплексы: очаги, скопления керамики и не совсем отчетливой формы, но явно искусственные каменные выкладки, а также большинство находок. Площадь эта оконтуривается примерно с севера линией пикетов $Б_6$—$И_6$, с востока $И_6$—$И_{14}$, с юга $З_{14}$—$Б_{14}$, с запада — краем раскопа. В целом получается как бы фигура четырехугольника, площадь которого грубо исчисляется в 160 м^2. Существенно, что в той же части, только на более ограниченной площади (около 100 м^2), между пикетами $Б_8$—$Е_8$, $Б_{14}$—$Е_{14}$ сосредотачивались и находки во II горизонте. Они образовывали здесь как бы не замкнутый с востока круг. В кв. 45 располагались остатки кострища и скопление керамики.

В южной части раскопа комплексы и находки также располагались неравномерно. Встречалось довольно много керамики, обломки и целые орудия в пределах кв. 52, 60, 61 — пилы и шлифовальные плиты. Находки локализовались на двух участках — в части, примыкающей к раскопу 1977 г., и в самом южном конце. В северной части не очень отчетливо вырисовывалась большая (диаметром 10 м) каменная окольцовка, где камни, положенные в один (на западе) или в несколько (на севере и востоке) рядов, образовывали круг. В средней части его лежали более крупные камни, подстилаемые розовато-серым песком, образующие фигуру овальных очертаний. В пределах кв. 106—107 и частично 104, 105, 139 располагалась искусственно выложенная кладка. Внутри находился овал из небольших камней, за которыми располагались более крупные камни, образующие еще одну каменную окольцовку.

В западной части, как бы в небольшом выступе, образованном камнями (кв. 126, 127), размещался очаг диаметром 1 м из камней округлой формы, а в средней части каменного кольца (кв. 102, 98) — еще два каменных очага. В восточной стороне, за пределами каменного кольца прослежены небольшие каменные выкладки, одна из которых имела форму полукруга. В непосредственной близости от нее (на кв. 158) находился еще один каменный очаг.

В самой южной части раскопа встретилось несколько небольших каменных кладок, в отдельных случаях явных очагов. В восточной стороне на кв. 88, 74, 89, 90, а также 71 и 70 наблюдались пятна заохренного песка.

Хотя, как видно, в расположении камней и не наблюдалось строгого порядка, что позволило бы с полным основанием восстановить форму прежних сооружений, все же остается бесспорным сосредоточенность более или менее правильных каменных выкладок в средней части поселения. По всей вероятности, определенный порядок в залегании камней не следует считать случайным. Очевидно, это остатки оснований жилых сооружений, как и на целом ряде других поселений нашего региона.

Артефакты, встреченные в раскопе, не в полной мере хронологически одновременные, хотя явно подавляющее большинство их и относится к неолиту, что подтверждается и радиокарбоновыми датировками. Встречается некоторое количество орудий, керамики и предметов искусства, относящихся к эпохе раннего металла. Они отделяются не только типологически, но на основе стратиграфии и планиграфии. Поздние материалы локализуются в южной части поселения и не встречаются в северной.

Вещественный материал, полученный с поселения, довольно внушительный. В общей сложности насчитывается 844 орудия, 12489 отщепов и 935 фрагментов керамики (рис. 12, 13, 14). В размещении керамики улавливается известная закономерность — в верхней части культурного слоя ее значительно меньше по сравнению с нижней. В последнем случае она залегает на контакте с ортштейнированным песком и имеет значительно лучшую сохранность. Распространение материала неравномерно. Подавляющее число находок в основном сосредоточено в I горизонте — серовато-розоватом или желтовато-розоватом песке — и значительно меньше во II горизонте — на контакте этого слоя с ортштейнированным песком. Здесь в ряде квадратов находки отсутствовали. В особенности беден ими был северо-западный угол.

Состав и соотношение категорий орудий типичны для большинства неолитических памятников, в силу чего последний не обладает ярко выраженными особенностями. Имеется небольшое количество наконечников стрел, скребков, скобелей-стругов, резцов и крупных рубящих орудий. Относительно часто встречаются пилы (в особенности в кв. 50, 51, 60, 61, 59) и шлифовальные плиты. При этом замеченная на I горизонте концентрация пил наблюдалась и на II горизонте кв. 52, 60, 61.

Некоторой индивидуальной особенностью поселения Усть-Дроздовка является обилие кремня в виде отщепов средней величины и огромного числа чешуек, свидетельствующих об изготовлении орудий на месте. При этом кремень чаще светло-желтый и сероватый, редко темно-желтый, в единичных случаях черный. Качество его (кроме темно-желтого и черного) невысокое.

Соответственно количеству отщепов встречается и относительно много кремневых орудий, в числе которых наконечники стрел, 6 ножей. Среди кремневых наконечников стрел встречаются иволистные, слегка варьирующие в пропорциях, иволистные с усеченным основанием (тип I : 9), треугольно-черешковые (тип II : 6) преимущественно с широким черешком близкие к подромбическим, подромбические очень совершенной обработки с помощью очень мелкой плоской ретуши, имется мелкие наконечники (2 см) из серого кремня со слегка укороченным пером. Некоторые наконечники имеют асимметричную форму, и не исключено, что они использовались в качестве ножей.

Весьма оригинальны кремневые ножи, близкие к ним встречаются и в других памятниках, вследствие чего можно заключить о преднамеренности создания именно такого типа. В целом форма их приближается к полулунной, как бы в подражание сланцевым угловым ножам. Обработка их тщательная по всей поверхности, режущий край в особенности тонкий и острый, по выпуклому концу наблюдаются следы использования в виде залощенности. В качестве ножа использовался и плоский сланцевый отщеп, расширенный и слегка притупленный с одного края, противолежащий край имеет острое лезвие, залощенное до блеска от употребления.

На кремневом массивном отщепе выполнен многофасеточный резец и ретушированная с одной плоской стороны проколка. Присутствуют также 57 мелких (от 1,5 до 4 см) кремневых пластин неправильного огранения и 45 кварцевых пластин, менее уплощенных.

К наконечникам копий можно причислить 1 экземпляр (6×2,5 см) с асимметричным черешком. Прочие орудия единичны — резчики на массивных отщепах укороченных пропорций, рабочая кромка которых образована одним, преимущественно резцовым, сколом, вторая — ретуширована. Обильно представлены кварцевые скребки обычных развитых форм. Из архаических — единичны сегментовидные, но лезвие их оформлено уже регулярной сплошной ретушью, и подокруглые микроскребки (до 2 см). Особо следует отметить фрагмент крупного (более 8 см в диаметре) шиферного кольца с насечками по внешней и внутренней окружности, типичного для многих неолитических стоянок Севера. Многочисленны кварцитовые пилы, на которых отчетливо видны параллельные следы от работы.

Всего неолитической керамики насчитывается 806 фрагментов (из них 414 мелких). По примеси, обжигу и способу формовки сосуды мало отличаются от прочей неолитической керамики Кольского п-ва. Чаще они толстостенные (0,7—1,5 см), отощитель всегда неорганический — дресва гранита и минералы, входящие в состав гранита, обжиг средний, иногда ниже среднего. Техника лепки ленточная, прямой край всегда образован из сдвоенного слоя глины (загнутой ленты), стенки нередко одинарные. Из-за грубой примеси, толстостенности, недостаточно сильного обжига сосуды непрочны и легко рассыпаются. Размер их крупный (до 45 см в диаметре).

Как и повсюду, узор покрывает всю поверхность, только, как правило, бережок края (сантиметра 2 в ширину) оставлен без орнамента, благодаря чему заметно выделяется. В целом орнамент довольно разнообразный, геометрический, часто сложного построения. Элементов его насчитывается не менее 10 с несколькими вариантами: 1 — ямочный разных очертаний: ямки круглые, близкие к полукруглым, подчетырехугольные, подтреугольные; 2 — гребенка, варьирующая по длине, ширине и форме зубцов: короткая, состоящая из 3-х мелких, редко расставленных округлых зубчиков; более длинная из многих четырехугольных, близко размещенных зубцов; косозубчатая; короткая овальная; «челночки»; 3 — шнур, намотанный на стержень; 4 — ямчатые вдавления; 5 — прямая линия, нанесенная в отступающей манере; 6 — очень поверхностные, близко расположенные оттиски особого штампа, напоминающего по форме запятую; 7 — полулунные вдавления. Различие элементов нередко достигается благодаря различной манере нанесения оттисков одним и тем же штампом в результате использования его — полностью или частично. В особенности большое разнообразие достигается при применении веревочного штампа, намотанного на стержень, дающего сплошные линии, короткие отрезки, округлые мелкие вдавления или, наконец, мелкие рубчатые треугольники. Особая манера орнаментации проявляется часто в том, что конец гребенки образует небольшие округлые ямки. Порой слитность так выражена, что трудно решить, является ли ямка самостоятельным элементом или это оттиски конца гребенчатого штампа. Следует заметить, что точно такой же орнамент встречается на керамике Северной Норвегии. Иногда ямки расположены только на одном конце гребенчатого штампа, в других случаях на обоих. Манера слитности гребенчатого и ямочного орнаментов прослеживается и на керамике раннего комплекса Маяк II.

Всего насчитывается около 20 мотивов, среди которых типичные для памятников нашего региона и своеобразные. Наиболее часто встречаются: горизонтальные одинарные пояса из гребенки или пояса из косо поставленных оттисков ее, параллельные вертикальные или горизонтальные зигзаги, соединяющие две ямки или заканчивающиеся ямками. Оттиски веревки образуют мотивы, сходные с

гребенчатыми, прямые линии, зигзаг, диагональные линии. На одном из сосудов тончайшим одновитковым шнуром образована косая сетка. Следует отметить оригинальную черту орнаментации — преобладающим элементом узора являются крупные или более мелкие ямки — овалы, образованные гребенкой или шнуром, намотанным на конец стержня, создающие длинные параллельные прямые или направленные под углом друг к другу линии, в результате чего получается сложный геометрический узор.

Целые композиции проследить не удается. Заметно лишь выделение края сосудов, чаще с помощью сочетания двух различных элементов — ямок и гребенки. Ниже, на тулове сосуда орнамент состоит из чередования горизонтальных зон, выполненных различными штампами. Наиболее сложная композиция создана горизонтальной линией, образованной косыми отпечатками короткой гребенки, заканчивающейся в верхнем конце ямками. Далее следует чередование вертикальных поясов, составленных: один — из серии горизонтальных коротких полос, второй — из вертикальных длинных полос, выполненных, по-видимому, отпечатками сложноплетеного шнура.

Из композиций средних частей сосудов наибольшее разнообразие создается в том случае, когда косо поставленные относительно короткие оттиски гребенки сменяются одинарной горизонтальной полосой из коротких же гребенчатых отпечатков. Ниже их зигзаг из косозубчатого штампа завершается одинарной горизонтальной полосой, выполненной крупными ямками. Встречаются комбинации из крупных круглых ямок и своеобразных ямчатых вдавлений; чередование горизонтальных полос из треугольных ямок и крупной гребенки; двухрядная горизонтальная полоса из ямок, заключенная между горизонтальными же полосами из вертикально поставленных отпечатков гребенки. Более просты композиции, когда все поле фрагмента заполняется оттисками одинаковой гребенки или ямками, челночками, отпечатками шнура, зигзагообразными полосами, нанесенными в отступающей манере прямым штампом или чередованием горизонтальных полос из круглых ямок, полулунных вдавлений, полукруглых ямок, снова круглых ямок и снова ямок округлых очертаний.

Радиокарбоновая датировка поселения эпохи неолита 5510±100 л. т. н. (ЛЕ-1332).

Нерпичья Губа

Одним из эталонных памятников, имеющих принципиальное значение для изучения эпохи неолита и раннего металла Кольского п-ва, является поселение Нерпичья Губа. Именно оно было первым памятником, открытым в Дроздовской бухте, ставшей затем предметом наших изысканий в течение 12 последующих лет и своего рода лабораторией, где совершенствовалась методика раскопок. Обнаруженное в 1973 г., оно подверглось исследованию в течение 1975—1976 гг.

Как уже было сказано выше, Нерпичья Губа (небольшое ответвление Дроздовской бухты), узкая и относительно длинная, имеет высокие скалистые берега (14,75 м над уровнем моря). Во многих местах скалы выходят непосредственно на поверхность или слегка прикрыты почвенным слоем, насыщенным крупными и мелкими камнями, образующими значительные скопления. Проходящая вдоль берега дорога разрушила часть поселения, первоначально площадь его была не менее 1500 м^2. Раскоп 728 м^2 сплошной площадью исчерпал сохранившуюся часть памятника [17].

В 1975 г. на самом берегу бухты, по обе стороны дороги было заложено два раскопа: раскоп I — 112 м^2 и раскоп II — 96 м^2. В последующем, 1976 г. также два раскопа (куда вошла и дорога): раскоп I — 88 м^2 и раскоп II — 432 м^2, т. е. вся площадь, где сохранился культурный слой [18].

Стратиграфия в пределах всего поселения была однородной, мощность слоя, как и на ряде других памятников, определялась глубиной залегания скалы — чем ближе к дневной поверхности подступала скала, тем меньше была мощность культурного слоя, и наоборот — она увеличивалась в местах западания скалы и между крупными камнями. На некоторых участках (там, где выступала скала) культурный слой отсутствовал.

Основная часть поселения была покрыта скудной растительностью — сплетением корней вороники и карликовой березы, образующих растительный войлок, по толщине не превышающий 0,06 м. В нижней части лежал подзол, с отдельными розоватыми участками и небольшими или более сильными углистыми вкраплениями. Это была верхняя часть культурного слоя. Ниже располагался темно-коричневый или ярко-коричневый (с сильным красноватым оттенком) ожелезненный, местами пятнистый крупнозернистый песок, не превышающий 0,40 м, — основной культурный слой, налегавший

[17] Помимо раскопов, в 1973, 1974 гг. на поселении был собран подъемный материал — орудия и некоторое количество керамики.

[18] В 1975 г. — в раскопе I были взяты кв. 1 — 28; в раскопе II — 1 —24; в 1976 г. в раскопе I — 29—50; в раскопе II — 25—132.

на светло-желтый тонкозернистый материковый песок, в общем уже не содержащий находок. В отдельных местах культурный слой лежал прямо на скале. Отдельные находки встречались на контакте темного или ярко-коричневого песка и материка, преимущественно в местах нарушения слоя.

Повсеместно желтый песок подстилался скалой. На кв. $Е_7Ж_6$, $Ж_7З_6З_4$, $И_5$—$И_8$, $К_4$, $К_5$, $Д_{15}$, $Е_{15}$, $Е_{16}$, $З_{17}$ она выходила прямо на поверхность. В местах понижения материковый песок был влажным, в ряде случаев слегка заторфованным. В юго-западной части раскопа, противоположной морю, наблюдалась заторфованность верхнего горизонта культурного слоя. Здесь к краю стоянки примыкал пониженный, слегка заболоченный участок, который во время существования поселения являлся небольшим неглубоким водоемом с пресной водой. Литологически культурный слой был единым и не делился на горизонты, каких-либо признаков стерильной прослойки не прослеживалось.

На площади раскопа фиксировались хозяйственные и очажные ямы небольшого размера, обусловленного характером древней дневной поверхности.

Анализируя размещение очагов, кострищ, «рабочих мест мастера», скоплений керамики и особую локализацию находок, в особенности их сочетание, удается сделать некоторые общие заключения. Оказалось, что они локализуются в средней части поселения, как бы на трех участках. Один размещается в пределах, оконтуренных пикетами $Г_4Г_9$—$К_{39}$; второй — между пикетами $Л_5Л_{10}$—$Р_6Р_{10}$ и третий — $В_8В_{16}$—$К_{10}К_{18}$, хотя и за пределами этих участков в отдельных местах встречаются очаги, следы кострищ или небольшие скопления керамики.

Первый участок занимал значительную площадь западной части раскопа. При этом 9 смежных квадратов полностью или частично заполняла скала, выходившая на поверхность. К основанию этого скального возвышения и были приурочены основные комплексы. В кв. $Е_6$ зафиксировано отчетливое неправильно-подчетырехугольное углистое пятно — следы кострища, вблизи которого располагались довольно многочисленные фрагменты керамики. Скопление фрагментов сосудов в контурах сильно гумусированного пятна, между камнями находилось и в соседнем квадрате $Ж_6$. Частично очаг примыкал к краю скального повышения, защищавшего его от ветра, дующего с моря.

Два скопления керамики и несколько наконечников стрел были приурочены к северной оконечности скального выхода (кв. $Е_7$). На квадратах, примыкающих к нему с юга и востока, встречалось довольно много наконечников стрел; на кв. $Е_8$ один из них лежал в контурах очажного пятна 2×1 м с мелкими углями. Слегка обожженный бурый слой с заключенными в его пределах относительно некрупными камнями зафиксирован на кв. $К_3$. Несколько западнее и южнее его лежали более крупные камни, несомненно связанные в прошлом с очагом. Здесь же, на стыке кв. $И_3К_3$ замечено небольшое углистое пятно — остатки кострища, приуроченного к большому камню со следами копоти.

Отчетливо выраженный очаг, неправильно-подчетырехугольных очертаний, диаметром по длинной оси около 1 м, размещался в углу квадрата $И_4$. В южной части его прослеживался плотный сажистый слой, а в северной (на кв. $З_3И_3$) два крупных камня, связанные с очагом. Здесь же (в кв. $З_3$) выступало небольшое углистое пятно диаметром около 0,35 м, глубиной до 0,24 м. В пределах квадратов $Ж_4З_4$ обнаружено довольно много неолитической керамики. На площади этих квадратов, на глубине 15 см располагалось темное углистое пятно овальных очертаний диаметром 0,6 м, с розоватым обожженным песком в середине. Углистый слой не опускался ниже 20 см от дневной поверхности, врезаясь в материк не более чем на 10 см. В кв. $Е_4$ находилось скопление кусочков пемзы.

Следы очага в виде овального углистого пятна размером 0,4×0,4 м выступили на контакте кв. $Д_4Д_5$. На его поверхности лежали несколько камней среднего размера и сланцевые наконечники. В кв. $Г_4$ небольшие тонкие углистые пятна были связаны с крупным (около 1,2 м в поперечнике) валуном. Одно тонкое пятно (1—2 см), залегавшее в верхней части бурого песка, располагалось близ южной оконечности валуна. Второе такое же пятно (около 0,10—0,15 м) занимало участок у западного, несколько нависающего конца валуна. Вблизи этой части очага отмечено несколько предметов из сланца, в том числе крупные двусторонне обработанные, удлиненных пропорций наконечники стрел и небольшой топорик.

Весьма выразительный комплекс был заключен в пределах четырех квадратов между пикетами $А_4А_5В_4В_5$. На границе кв. $А_4А_5Б_5$ размещалось углистое пятно с камнями. Интенсивность окраски его была различной, размер по длинной оси около 2 м. Рядом (в кв. $А_5$) находилось скопление керамики и 2 грузила; с противоположной стороны очага — 3 грузила и 2 наконечника стрел, сланцевый и кремневый.

Второй участок, с сохранившимися на нем различными комплексами, имел общие очертания, приближающиеся к четырехугольнику, вытянутому по длинной оси почти с севера на юг. На нем, между пикетами $Л_5$—$Л_{10}$ $Р_6$—$Р_{10}$, размещалось пять групп различных скоплений. Наибольшее из них, занимавшее кв. $Н_5М_6Н_6$, представляло собой группу отчетливо выраженных углистых пятен, как бы не связанных между собой. Площадь, которую занимали они, составляла в диаметре около 3 м, мощность слоя — не более 4 см. Наиболее интенсивное пятно диаметром 0,4 м находилось на границе кв. $Н_5Н_6$. Его окружал сильно прокаленный песок площадью 2 м. В контурах песка лежали обо-

женные камни. К северу от разрозненных пятен также находилось несколько закопченных камней. В центре углистого пятна сохранились следы тонких обгорелых веточек карликовой березки.

Второй очаг на этом участке занимал кв. $Н_7Н_8$—$О_7О_8$. Так же, как и первый, он состоял из трех интенсивных углистых пятен овальной и округлой формы, с вкраплением угольков, залегавших в окружении крупных камней. Очевидно, это был мощный очаг, о чем говорит его размер (2 м) и толстая прослойка (до 5 см) углистого заполнения. На камнях прослеживались следы обжига. На первом горизонте вблизи очага, на кв. $П_7П_8$ и $Н_7$, встречены наконечники стрел, среди которых значительное количество кремневых. На кв. $П_6$ наконечники стрел лежали вместе со скоплением фрагментов керамики. В кв. $П_8$ находки, в том числе наконечники из сланца и кремня, располагались на площадке, как бы окаймленной крупными валунами, один из которых имел ровную, почти горизонтальную поверхность. На кв. $М_8Н_8$ прослеживались очень плотно уложенные в кучу камни (диаметром до 90 см), при этом мелкие камни занимали центральное положение, крупные же оформляли окружность.

В кв. $Л_9$ скопление фрагментов от одного сосуда прилегало к большому валуну, очевидно сосуд ранее был прислонен к нему. В соседних квадратах, расположенных южнее, — $Р_8$ в верхнем горизонте встречено несколько фрагментов керамики с примесью асбеста, а в кв. $Р_6$ несколько мелких кусочков охры.

Округлое небольшое углистое пятно (0,4 м) в кв. $Л_7$ частично заходило на кв. $Л_8$. Такое же незначительное по величине пятно светло-серого, с палевым оттенком песка, содержащего углистые частицы и отдельные угольки, встречено в западной части кв. $Л_7$, углубляясь на 0,3 м в слой бурого песка. Форма углубления коническая, в заполнении встречались угли и керамика с органической примесью.

Углистое пятно неправильно-округлых очертаний, мощностью не более 1—3 см, отмечалось на кв. $М_9$. На кв. $П_8О_8$ зафиксирована концентрация находок в верхнем горизонте культурного слоя — многочисленные отщепы, сколы и изделия из сланца, в том числе несколько двусторонне обработанных наконечников стрел и фрагменты керамики эпохи раннего металла, почти не орнаментированной, частично с органической примесью. Значительная концентрация керамики прослеживалась в особенности в южной части кв. $П_8$. В нижнем горизонте этого же квадрата встречены неолитическая ямочная керамика и кусочки пемзы. Скопление пемзы замечено и в северо-западной части кв. $О_8$, где она залегала компактной массой на площади 15×15 см. Группа камней с угольками между ними наблюдалась в северной части кв. $Н_8$, непосредственно под тонким дерновым слоем, а в юго-западной части кв. $О_3$ — сильно заторфованное овальное пятно с примесью мельчайших угольков.

Значительный интерес представляет площадь 10×4 м, расположенная в восточном крае, в пределах пикетов $Д_{14}К_{14}$, $З_{17}К_{17}$, интенсивно гумусированное пятно с примесью мельчайших угольков, слегка (на 10—15 см) углубленное в материковый слой. Форма пятна неправильно-четерехугольная, с небольшим округлым выступом с обеих сторон. Восточная — длинная сторона примыкала вплотную к скальному выходу, имеющему то же направление. С юго-восточной стороны, там, где кончалась скала, пятно сильно сужалось до 4 м, сохраняя при этом четырехугольные очертания. Край скального возвышения оконтуривал и юго-западную часть западины.

В контурах пятна в юго-западном направлении, на месте кв. $З_{15}З_{16}$ располагался очаг, как бы состоящий из двух частей, или два самостоятельных очага. Средние части их были сложены из мелких камней, а по краям с двух сторон залегали довольно крупные (до 35—40 см) камни, уложенные плотно друг к другу. Камни, в особенности мелкие, носили сильные следы действия огня. Между и под камнями находился сильно прокаленный красноватый слой с мелкими угольками, лежащий непосредственно на скале. Очевидно, контуры очага оказались довольно сильно нарушенными. По соседству с очагом (в северо-западном направлении) находилось скопление поздней керамики, а в непосредственной близости от очажных камней — грузила — окатанные гальки. Помимо того, 4 грузила с выбитыми углублениями на концах находились в восточной, зауженной части пятна, вблизи входа (кв. $З_{18}$) — небольшое скопление керамики эпохи раннего металла.

Судя по очертаниям пятна, соответствующего углублению, наличию в его контурах очага, скоплению керамики и грузил, очевидно, данный комплекс следует рассматривать как следы наземного жилища. По-видимому, для него использовали сильное понижение (с двух сторон), определившее в значительной степени размеры и конфигурацию сооружения. По всей вероятности, скальное понижение было использовано в качестве основания стен. В юго-восточном конце жилища, где существовал разрыв между скалами, лежали в ряд 3 крупных (до 50 см) камня, оформляя одну из стен жилища. Очевидно, зауженную, юго-восточную часть жилища, между камнями и скалой, следует рассматривать как вход, обращенный в сторону моря, явление типичное для ряда поселений.

В противоположной, северо-западной стене находился округлый нишеобразный выступ, где размещался маленький очаг из камней, и рядом скопление керамики. О принадлежности этого жилища древним рыбакам свидетельствуют грузила, возможно от одной сети. Судя по глубине залегания, характеру находок, это жилище, по всей вероятности, относится к эпохе раннего металла.

К северу и западу от жилища располагалось довольно много очагов. Большой (около 2,5 м) очаг занимал кв. $З_{11}$, $З_{12}$. Основная часть его размещалась в кв. $З_{11}$, где на фоне темного сажистого пятна лежала компактная груда обожженных камней и один крупный (50 см) камень. Поскольку он, находясь в естественном (первоначальном) положении, и оказался наклонным, под него, так же как и под мелкие камни, просочилась углистая масса.

Черную, очень жирную массу содержал и очаг в кв. $Ж_{12}$, где местами проступали тонкие обгоревшие веточки. Форма очага несколько необычная (серповидная), размер 2 м. На кв. $З_{12}$ выходили только разрозненные углистые пятна, собственно угли отсутствовали, местами сохранились следы тоненьких веточек карликовой березки. По-видимому, очаги на кв. $Ж_{11}Ж_{12}$, $З_{11}З_{12}$ следует считать одним очажным комплексом, общая площадь которого приближалась к 16 м^2.

На кв. $Е_{10}$ выявилась концентрация камней, залегающих без особого порядка, некоторые из них крупной величины находились в первоначальном состоянии (они не были принесены человеком), другие более мелкие. Углистый слой занимал пространство между камнями, а иногда и под ними, в тех местах, где камни прилегали неплотно к подстилающей их скале.

В западной части кв. $В_{12}$, на границе его с кв. $В_{11}$ отмечалось довольно крупное углистое пятно (1×0,6 м) овальных очертаний. В его пределах размещалось несколько камней 10—20 см в диаметре, со следами копоти. Группа камней находилась также к югу от пятна, а между ними — скопление фрагментов керамики с органической и неорганической примесью. Пятно соответствовало углублению до 5—8 см, врезанному в материк, — тонкозернистый мелкий песок, в центральной части которого, среди сильно закопченых камней, расположенных как бы цепочкой, найдены отдельные предметы из сланца, кварца, кремня (в том числе 3 кремневых скребка) и несколько фрагментов керамики.

Очень тонкая углистая прослойка диаметром 0,35 м зафиксирована в кв. $Е_8$, а в кв. $Е_6$ углистый слой находился на глубине 3—4 см от поверхности. Тонкая прослойка черного с угольками слоя наблюдалась также и в кв. $А_{14}Б_{14}$, в западной его части находилось скопление поздней керамики, наконечники стрел, обломки рубящих орудий.

Выразительные следы кострищ наблюдались на кв. $Г_{11}$. Их составляли как бы два раздельных пятна размером 0,8×1 м, с небольшими камнями со слегка закопченной поверхностью. В кв. $Ж_{11}$ залегало скопление округлых, равной величины, сильно окатанных галек со следами от ударов. Второе скопление из 5 одинаковой величины галек, залегавших очень компактно, отмечалось на кв. $Е_9$. Здесь же находились 3 крупных (один очень крупный), сильно оббитых куска кварца. Подобное же скопление одинаковой величины галек с гладкой, окатанной морем поверхностью и следами сбитости на концах обнаружены на кв. $З_{10}$. Третье скопление подобных галек находилось на кв. $Е_9$. Вблизи их, на кв. $Е_8$ сохранились следы от кострища диаметром не более 0,5 м. На краю его лежал сланцевый наконечник стрелы.

Скопления галек, очевидно служивших отбойниками, обнаруженные в кв. $Ж_{11}$, $Е_9$, $З_{10}$, следует рассматривать в известной мере как единое целое — зафиксировавшее «рабочее место мастера». В пользу этого говорит не только территориальная близость скоплений отбойников на соседних квадратах, но и наличие в кв. $И_{13}$ компактно залегающих сланцевых отщепов. По-видимому, к этому следует считать причастным и крупный очаг на четырех соседних квадратах $Ж_{11}Ж_{12}$ $З_{11}З_{12}$, а также маленькие очаги на кв. $И_6Е_{10}$.

Место производство орудий — значительное количество сланцевых отщепов, залегавших компактной массой, наблюдалось также на кв. $И_{13}$. В кв. $И_8$ лежала большая шлифовальная плита, вокруг которой сосредотачивалось значительное количество материала — заготовки массивных орудий, нуклеусы и крупные отщепы.

Небольшое скопление керамики эпохи раннего металла отмечалось на втором горизонте кв. $В_{15}$, а также в нижней части подзола на кв. $Г_8$. В $Г_{13}$, в верхнем горизонте, сразу под дерном встретилось несколько фрагментов от одного сосуда, толстостенного, с прямым венчиком, орнаментированного в верхней части тулова тонкими нарезными линиями. Примесью к глине служили небольшое количество кварца и органическое вещество. Здесь же найден наконечник стрелы.

В центральной части кв. $В_{14}$, в слое красновато-бурого песка выявлено большое скопление камней, залегавших плотно друг к другу на площади около 1—1,2 м в поперечнике (размер камней 10—15 см). Между камнями встречалось много углистых частиц, в северной половине квадрата — несколько крупных фрагментов керамики, очевидно от 2-х сосудов, сланцевые и кварцевые орудия, а также куски пемзы (в том числе до 15 см). Под камнями оказалась тонкая углистая линза, в центральной части которой обнаружены фрагменты сланцевой крупной плитки и отдельные предметы из сланца и кварца, з в северной части под камнями лежало несколько фрагментов керамики эпохи раннего металла, почти без орнамента.

В северной части кв. $В_{13}$, между крупными камнями лежали 2 сланцевых наконечника стрелы. Многочисленные находки обнаружены также в кв. $Г_{13}Г_{12}В_{12}В_{13}Ж_{15}Е_{15}Д_{15}$.

Обобщая наблюдения, произведенные на памятнике в целом, можно сделать вывод, что поселение возникло на берегу тихой бухты, непосредственно на скальной поверхности, лишь местами прикрытой тонким слоем намытого желтого мелкозернистого песка. Конфигурация участка, занятого поселением, в значительной степени предопределила размещение бытовых сооружений. Так, под строительство жилищ было использовано скальное понижение, где края скалы приспособили в качестве основания стен, удлинив один из недостающих участков крупными камнями. Очень отчетливо повсюду выступает приуроченность очагов к крупным камням или скальным возвышениям, в особенности к таким, которые загораживали их от господствующих ветров, дующих с моря.

Все очаги оформлялись с помощью камней, там, где они лучше сохранились, видно, что имели преимущественно округлую форму, при этом контуры их обкладывались крупными камнями, а середина выстилалась более мелкими. Ряд очагов горел длительное время — углистый слой их четко выражен и имеет значительную мощность, в отдельных случаях сохранились крупные угли, в других лишь обгорелые тонкие веточки карликовой березы, такие очаги, как правило, размещаются в верхних горизонтах. Отдельные очаги представляли собой концентрированную жирную сажистую массу; в этом случае можно предполагать, что, вероятно, горел жир морских животных.

Очень значительное количество очагов различной интенсивности в пределах жилого комплекса и вне его, очевидно, говорит за то, что они действовали в различное время, что согласуется с большим количеством находок на поселении, указывая на длительность его обитания.

Весьма многочисленные находки встречались по всей толще культурного слоя. Поскольку камни из-за неровной поверхности неплотно прилегали к скале, культурный слой вместе с находками просачивался под них, что позволяет вычленить в ряде случаев материал нижнего, более древнего горизонта поселения.

Орудия и керамика, как указывалось, встречались начиная с самой верхней части почвенного горизонта и непосредственно под корнями растительности, в сером оподзоленном слое. Обычно они выступали сразу, как только удалили тонкий, похожий на войлок ковер из переплетенных корней. Существенно, что уже в поле, в отличие от других поселений, удавалось заметить закономерность в распределении находок по горизонтам, хотя иногда нарушенную частными отклонениями. Сохранность верхнего культурного слоя обеспечил плотный растительный войлок из корней, в то время как сохранности нижнего горизонта способствовали перекрывавшие его крупные камни.

В целом прослеживалось весьма отчетливое различие между материалом, в особенности в керамике. Для всего же поселения следует отметить относительно большое количество кремневых орудий и отщепов кремня, однако при явном преобладании сланцевых и кварцевых.

Наблюдения в поле и камеральная обработка отчетливо показывают очевидную локализацию в верхней части первого горизонта материала, относящегося к эпохе раннего металла.

Среди инвентаря встречаются обычные для всех поселений категории орудий: наконечники стрел и копий, ножи, скребки, скобели-струги, резцы, крупные рубящие орудия, пилы, шлифовальные плиты, отбойники, грузила, а также не серийный материал, придающий известные оригинальные черты этому памятнику — фрагмент сверленого молота, навершия на булаву и др. (рис. 15, 16).

Хронологические различия в ряде орудий устанавливаются с трудом, в особенности среди наконечников стрел, топоров, тесел, поскольку положительные качества, приобретенные в прошлом, предопределили существование этих орудий на длительное время. Хронологическую классификацию указанного материала наиболее надежно можно произвести на основе сопоставления с чистыми комплексами. В настоящее время хронология ряда орудий и бытовых предметов Кольского п-ва определяется без особого труда. Так, к эпохе раннего металла с уверенностью можно отнести сверленый молот из мыльного камня, навершия, листовидные крупные наконечники копий удлиненных пропорций, листовидные наконечники копий с парными выемками, оформляющие тыльную часть, очень крупные угловые ножи, некоторые более мелкие ножи, в частности из полосатого сланца, грузила с глубоким желобком, опоясывающим орудие по длинной оси, и широкие с выемками в тыльной части крупные наконечники стрел.

Среди наконечников стрел, представленных на поселении, в которых преобладают сланцевые, явно господствуют два типа с вариантами — листовидный и ромбовидный (типы I и III). Встречаются также некоторые экземпляры, занимающие промежуточное положение между ромбовидными и треугольными с широким черешком, когда перо переходит в черешок, образуя острые выступы. Возможно, этот вариант следует выделить и назвать треугольно-ромбическим, поскольку он сочетает в себе оба эти признака (тип II—III). С известной оговоркой к треугольным с широким усеченным черешком можно отнести маленький наконечник (рис. 16, *9*) с коротким подтреугольным пером и непропорционально длинным, широким усеченным черешком (тип III : 1 группы А). Листовидные наконечники в целом более, чем обычно, удлиненных пропорций, приближаются к иволистным (тип I : 8), нередко со слабо выраженным черешком (тип I : 11 группы А). Несколько наконечников не имеют сплошной двусторонней обработки.

Наконечники копий во всех случаях относятся к группе А. Они обработаны крупной и более мелкой ретушью, листовидные, в абсолютном большинстве расширенных пропорций (тип I : 1а), реже удлиненных (тип I : 2а). Шлифованных наконечников не встречено. В целом количество их по сравнению с памятниками того же типа — Маяк, Маяк II — невелико. Оригинальный наконечник, характерный для Севера, относящийся к типу IV : 3, представлен одним экземпляром. Отличие его от первых двух вариантов заключается в том, что перо имеет листовидную форму, а тыльная часть округлая, а не прямая.

Разнообразны ножи (рис. 15, *19—23*), в большинстве угловые (тип I : 1, I : 2, I : 4). Один из них поражает своей величиной (19 см), очевидно, это заготовка, не тронутая еще шлифовкой (рис. 15, *23*). Зашлифованный по всей поверхности нож среднего размера изготовлен из редко встречающегося полосатого сланца. Столь же совершенна обработка и второго ножа, занимающего промежуточное положение между типом II (с рукоятью) и типом I : 1. Округлое лезвие его очень острое. Имеется нож типа III : 1, но обработанный более тщательно по сравнению с другими, зауженный конец его оформлен регулярной ретушью с обеих сторон, отчего он похож на асимметричный наконечник копья, только более широких пропорций. Близок к наконечнику и второй нож. Своеобразен кремневой нож из крупного плоского отщепа неправильной подромбовидной формы с заостренными концами, тщательно ретушированный с двух сторон удлиненной ретушью, которая не затрагивает лишь среднюю часть орудия. Наконец, атипичен экземпляр, по форме близкий к серповидному, тщательно обработанный с обеих сторон, как бы имитирующий угловые ножи.

Скребки кварцевые и кремневые обычных типов. Изредка встречаются концевые, преобладают же концевые-боковые с выпуклым или прямым лезвием, в отдельных случаях высокой формы со сплошь ретушированной спинкой. Резцы всегда кварцевые, преимущественно серединные. Скобели-струги нередко двулезвийные (лезвия на противоположных концах).

Крупные рубящие орудия представлены сериями. Наиболее выразительных лишь несколько, в том числе небольшое тесло со слегка зауженной тыльной частью, пришлифованное и маленькая, сплошь зашлифованная стамесочка. Встречаются заготовки крупных топоров со следами пиления. Для пил часто использованы куски шлифовальных плит, а также специальные тонкие пластины песчаника или кварцита. Лезвие их острое, продольные параллельные штрихи очень отчетливые. Много разновеликих шлифовальных плит, некоторые из них крупные, с сильными следами сработанности.

К оригинальным вещам относится тыльная часть молота из мыльного камня с широким отверстием, просверленным с двух сторон, и навершие на булаву, также из мыльного камня в виде подовального просверленного кружка с одной уплощенной, второй выпуклой сторонами. На выпуклой стороне прочерчен орнамент в виде тонкой парной линии, образующей прямоугольник, у которого отсутствует четвертая сторона. Необычна и тонкая уплощенная длинная проколка или шило. Следует отметить очень большое число отбойников и ретушеров — круглых или овальных, сильно окатанных морем галек.

Костяные предметы не найдены, однако это не означает, что люди не пользовались ими. Причина отсутствия их заключается в особенностях стратиграфии — малой мощности культурного слоя. Косвенным доказательством развитой костяной индустрии служит обилие шлифовальных плит при очень ограниченном количестве каменных шлифованных орудий.

Рассматривая инвентарь поселения в целом, можно заметить, что он в значительной части сохраняет неолитический облик. В особенности это относится к наконечникам стрел, достаточно разнообразным, но характерным для большинства поселений этого времени соседних и более далеких районов. В то же время здесь не выражены наконечники стрел, характерные для памятников эпохи раннего металла (близкие сейминским — тип II : 11). Относительно невелико и количество листовидно-удлиненных наконечников копий (тип I : 2а, I : 3). Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие строго выработанных типов сланцевых орудий, присущих неолитическим памятникам более южной территории — Карелии и Ленинградской области (Гурина, 1961), хотя при их изготовлении использованы те же приемы, в частности пиление.

Неолитическая керамика представлена относительно большим числом фрагментов и сосудов, но обладает такими общими чертами, которые не позволяют расчленить ее хронологически, во всяком случае на ощутимые для археолога отрезки времени (рис. 17).

Все сосуды светло-желтые, толстостенные (до 1 см), с большей или меньшей примесью крупнозернистого песка, иногда крупных зерен гранита, в других случаях примесь мелкозернистая. Такие черепки очень плотные. Преобладают фрагменты со значительной примесью. Техника изготовления сосудов — с помощью широких лент (на отдельных фрагментах подлеп не менее 6 см). Полная форма сосудов не устанавливается, но судя по крупным фрагментам, создается впечатление об их краях и днищах. Во всех случаях край прямой, равный или едва превышающий толщину стенок, у некоторых экземпляров он едва скошен во внутреннюю сторону, плоский или слабо округлый. Срез края орна-

ментирован. Форма днища в разной степени остро-округлая, однако присутствуют плоские днища от разных сосудов, причем достаточно крупные — 11 см в диаметре.

Вся внешняя поверхность сосудов покрыта рельефным орнаментом, начиная от среза края до днища включительно. Орнамент не поражает богатством и разнообразием. В отличие от прочих неолитических поселений в нем относительно часто встречаются некрупные, иногда конические ямки и отпечатки шнура. При этом ямки использовались не только для создания разделительных линий, но и в качестве основного элемента узора. Всего насчитывается десяток элементов орнамента, среди которых есть сравнительно широко распространенные и оригинальные, нанесенные особыми штампами, которые трудно поддаются определению (рис. 17). Известное разнообразие орнаментации достигается благодаря различным оттискам одного и того же штампа, в особенности гребенки и шнура, намотанного на стержень. Иногда отпечатки последнего дают плоские округлые вдавления с рубчатым дном, в других случаях получаются маленькие округлые овалы с ребристым дном — «челночки» или «гусеничкн». Округлые вдавления порой нанесены в отступающей манере.

Прием получения сложного орнамента путем использования простого штампа, но нанесенного особым способом, ярко проявляется на сосудах типа сярязниеми (рис. 17, *16*), где очень густой рисунок, казалось бы выполненный сложным штампом, в действительности, как показал опыт, достигнут с помощью плоской тонкой палочки. В том случае, когда орнаментир ставился перпендикулярно поверхности сосуда, он давал отпечатки «прямого штампа», в «качающейся» же манере — сложный узор [19].

Мотивов, образованных указанными элементами, не многим более десяти, в целом они горизонтального построения. Чаще всего использовались отпечатки шнура в виде округлых или овальных вдавлений, поставленных соответствующим образом — перпендикулярно, параллельно или наклонно (под разным углом к краю сосуда), что создавало разнообразный узор. Ими украшался и срез края. Прочие элементы слагали горизонтальные линии (ямки, гребенка) или зигзаг (гребенка).

Целые композиции проследить не удается, поскольку сохранились лишь отдельные части сосудов. При орнаментации ямками и ямчатыми вдавлениями заметно стремление выделить край венчика в виде полосы незаполненного фона, ниже которого размещался плотный рисунок из ряда ямок и ниже — ямочных вдавлений, или наоборот — полосой, заполненной орнаментом, ниже которого следует неорнаментированная зона (рис. 17). В числе фрагментов встречаются части композиции, сплошь заполненные ямками; сочетание мелких вертикальных овалов, образующих зигзагообразную полосу; зигзагов из гребенки с ямками в углах; густой косой сетки из прочерченных линий; плотно размещенных вертикальных зигзагов из гребенки с разделительными зонами ямочных вдавлений; широких горизонтальных поясов из мелких рубчатых овалов, разбитых на зоны мелкими круглыми ямками; горизонтальных полос из особых штампов и др.

В целом отличие неолитической керамики Нерпичья Губа от керамики прочих поселений в известной мере проявляется в более широком применении ямок и ямчатых вдавлений, отпечатков шнура в виде мелких овалов, создающих разнообразные узоры, в наличии типичного для культуры сярязниеми весьма своеобразного узора, выполненного прямым штампом при постоянном изменении угла по отношению к центральной оси сосуда — «качающаяся» манера, а также в наличии плоских днищ.

Как можно видеть, эта керамика не повторяет полностью керамику соседней Нерпичьей Губы I, что имеет важное значение для решения вопроса о хронологическом взаимоотношении обоих памятников — составляли ли они единое целое (нижний слой Нерпичьей Губы и Нерпичья Губа I) или они не были связаны между собой? Сопоставляя керамику обоих памятников, наиболее чувствительный культурно-хронологический индикатор, можно видеть, что при отсутствии тождества она вместе с тем обладает рядом общих черт. К числу различных признаков можно отнести отсутствие в Нерпичьей Губе «тесемочного» орнамента и очень редкое применение отступающего прямого штампа — широко использованного при орнаментации керамики поселения Нерпичья Губа I. В обоих памятниках различны оригинальные штампы и некоторые сложные композиции. Наконец, существенно наличие только в Нерпичьей Губе плоскодонных сосудов. Вместе с тем их сближает довольно частое применение шнура, намотанного на стержень в виде мелких овалов, «челночков».

Керамика эпохи раннего металла, как правило, залегает в верхнем горизонте темного культурного слоя и сразу под дерном. Она темная, относительно тонкостенная, с примесью мелкого песка, иногда органического вещества, нередко мелкодробленого асбеста. Величина сосудов значительна (до 40 см в диаметре горла), край прямой, равный толщине стенок, днище приостренное или округлое, иногда плоское.

Орнамент локализован лишь в верхней части в виде фриза, поверхностный, состоящий из нарезок, образующих горизонтальные параллельные полосы, или очень мелких ямочных вдавлений, изредка прочерченных параллельных горизонтальных полос. Довольно много неорнаментированных

---

[19] Благодарю А. К. Филиппова за расшифровку способа нанесения узора.

фрагментов с хорошо заглаженной поверхностью, с тонким или более толстым прямым краем. Очень большой размер сосудов служит показателем стабильной оседлости.

Поселение Маяк II (топография, стратиграфия и неолитический комплекс)

Одним из наиболее известных в настоящее время археологических памятников Кольского п-ва является поселение Маяк II, смыкающееся с поселением Маяк (рис. 18). Ценность его заключается не только в огромном количестве уникального материала, в том числе костяных орудий, разнообразных предметов искусства, но и в наличии фаунистических остатков, позволяющих полнее представить форму хозяйства того времени. Особую значимость приобретают и относительно обширные материалы, относящиеся к эпохе неолита. Подобно Нерпичьей Губе они не отделялись здесь стерильной прослойкой, однако, как мы увидим далее, применение точных методов — планиграфические наблюдения и поглубинная фиксация находок во время раскопок — позволяют сделать ряд обоснованных выводов.

Всего на Маяке II обнаружено материальных остатков 51 788 ед., из них: 20 516 орудий, 2619 керамики и 28 653 отщепа.

Анализ позднего комплекса помещен в соответствующем разделе, посвященном эпохе раннего металла, здесь же мы помимо неолитического приведем общие сведения о памятнике с тем, чтобы разъяснить ситуацию и впоследствии не возвращаться к этим вопросам.

Памятник обнаружен в 1979 г. в процессе исследования поселения Маяк, в непосредственном соседстве с его северным краем (рис. 19).

Преимущество указанных двух поселений (Маяк и Маяк II) заключается, в частности, в ограниченности их естественными преградами, позволяющими точно определить, а значит, и исследовать всю площадь. С северо-восточной стороны они оконтурены морем — Дроздовской губой, с противоположной, юго-западной, небольшой морской бухточкой — ответвлением Дроздовской, — с двух других сторон (юго-восточной и северо-западной) скальными возвышенностями. С северо-западной стороны прослеживается небольшой заболоченный участок, из которого вытекает ручей, впадающий в морскую бухточку. Во время существования поселка это был небольшой водоем, который и являлся источником пресной воды. Все наиболее удобное для жизни пространство в то время ограничивалось площадью около 1500 м^2. В результате раскопок памятник был исчерпан полностью, за исключением небольшого северо-западного периферийного участка (где встречались лишь отдельные кварцевые находки), в связи с выступающими здесь грунтовыми водами.

Сплошная площадь раскопа, куда входили оба памятника, выразилась в 1392 м^2. Площадь раскопа Маяк II — 1032 м^2. На взаимоотношении обоих поселений мы остановимся ниже.

Площадь, занятая поселением Маяк II, несколько отличалась от юго-западного участка, где располагалось поселение Маяк II. Она более возвышенная, обрывается в сторону моря (Дроздовской губы) и напоминает относительно узкий береговой вал с намытым песком. В отличие от других это место было покрыто не мхом, а травой, причиной чего, как выяснилось, явилось присутствие в культурном слое огромного количества органики — костей животных. Северо-восточный край поселения совпадал с краем площадки и, следовательно, соответствовал конфигурации берега, что нашло отражение в очертании раскопа.

Стратиграфия поселения Маяк II, как и ряда других памятников, в особенности северного побережья Кольского п-ва, в значительной степени определялась подстилающим материком — главным образом скальной поверхностью и лежавшими на ней крупными камнями. В тех местах, где скала почти или вовсе выходила на поверхность, культурный слой, перекрывающий ее, был минимальным или вовсе отсутствовал, в тех же местах, где наблюдалось западание скалы, мощность его заметно увеличивалась, в отдельных случаях достигая 0,8 м.

Общее понижение местности прослеживалось в двух направлениях: с юго-запада на северо-восток и с юго-востока на северо-запад. В особенности это было заметно в северо-восточной части поселения, обращенной к морю. Так, разница между пикетами $С_{14}Ч_{14}$ — 1,5 м, а между пикетами $Ч_8$—$Ч_{12}$ — 1,2 м. На остальных участках поселения поверхность была относительно ровной.

Наиболее заметное западание культурного слоя наблюдалось на участке между пикетами $Ф_{12}Ч_{12}$, и в особенности между пикетами $Х_{12}Ч_{12}$, где скальная поверхность резко понижалась и культурный слой, налегавший на нее, имел максимальную мощность — около 0,8 м. Здесь сосредотачивалось большое количество находок. Значительное понижение культурного слоя наблюдалось также на участке, оконтуренном пикетами $Ц_{12}$_$Н_{12}$, и особенно между пикетами $Т_{19}$_$Ф_{19}$, где мощность его

также приближалась к 0,8 м (четвертый горизонт взятия). Подстилающим слоем здесь являлся ортштейнированный песок с галькой или галька с примесью камней. В южном направлении (противоположном морю) мощность культурного слоя становилась значительно меньше, во втором горизонте находки резко сокращались, а третий горизонт являлся уже материком.

В соответствии с изменениями культурного слоя изменялось и количество находок, оно было прямо пропорционально мощности слоя. Западание культурного слоя отчетливо обрисовалось по линии $Ч_7Ч_8$, а также $Ч_8$—$Х_8$. В средней части этой западины мощность его достигала 0,75 м. Понижение скалы, а следовательно, и возрастание толщины культурного слоя небольшими участками, как бы «карманами», прослеживалось между пикетами $Ш_3Ц_3$.

Наименьшую мощность культурный слой имел в юго-восточном направлении. Здесь на ряде крайних квадратов, в особенности в юго-восточном углу, скала выходила непосредственно на дневную поверхность, слабо затянутую корнями ягодника, а на кв. 27, 28, 37, 38, 39, 42, 67, 69 он практически отсутствовал. На соседнем же участке, к северо-западу от указанных квадратов, мощность его сильно возрастала, что было обусловлено значительным понижением скалы. Толщина культурного слоя резко уменьшалась и в связи с повышением скалы вблизи кв. 165, 166, 167, 168, 170, 181 и в то же время значительно увеличивалась (до 4 горизонтов взятия) в центральной части поселения, оконтуренной пикетами $Ц_{19}$—$Н_{19}$, $Ч_{12}$—$Н_{14}$ (раскоп 1981 г.). В юго-западном направлении мощность культурного слоя уменьшалась, в настоящее время эта оконечность заболочена.

В целом, отвлекаясь от деталей (главным образом различий в мощности культурного слоя и характера материка), стратиграфию поселения Маяк II можно представить следующим образом: 1 — дерновый слой, в северо-западной части до 8—10 см; 2 — темный, почти черный песчанистый слой с включением большого количества камней различного размера, иногда крупных, в других случаях мелкой гальки (при этом количество гравия или мелкой гальки значительно увеличивалось в нижней части этого слоя; мощность слоя, как указывалось, варьировала в зависимости от рельефа скалы, в пределах 5—8 см); 3 — светло-желтый очень крупнозернистый песок, сильно насыщенный крупной галькой (обычной для морского пляжа), лежащий непосредственно на скальном основании или ортштейнированном песке с галькой. Часть культурного слоя налегала непосредственно на скалу, а часть на гравий, смешанный с зеленовато-желтым суглинком. Особо выделяются разрезы по линии пикетов $Т_{12}Ф_{12}$. На этом участке культурный слой от 5 до 30 см мощности перекрывал чистый крупный гравий, залегавший в виде узкой, длиной около 6 м, полосы. Прослойка чистой гальки внизу культурного слоя (в юго-западной части тонкая, в северо-восточной более мощная) сначала была ровной, затем несколько понизилась в северо-восточном направлении в соответствии с понижением скалы, причем с обеих сторон слой чистой, как бы отсортированной гальки перешел в слой зеленовато-желтого суглинка, смешанного с галькой. По линии пикетов $Ч_7Ч_8$ в углублении скалы культурный слой налегал непосредственно на гальку.

Для вычленения неолитического комплекса из общей массы находок, так же как и на других поселениях, были приняты следующие меры: прежде всего типологически выделялась керамика, резко отличная от керамики раннего металла. Разделению орудий в значительной степени помогали памятники с «чистыми» комплексами, и в частности Маяк и Дроздовка (пристань), содержащие материалы только эпохи раннего металла, а также Нерпичья Губа I с неолитическим комплексом. Чрезвычайно показателен на Маяке II результат фиксации топографии находок по глубинам. На первом горизонте концентрировалось большое количество фрагментов керамики эпохи раннего металла, распространенной почти по всему раскопу, за исключением юго-западной части. При этом нередко она встречалась скоплениями (кв. 102, 123, 124, 171 и др.). Здесь на общей площади раскопа обнаружено менее десятка неолитических черепков (рис. 20). Обратная картина прослеживалась в юго-западной части раскопа, где уже с первого горизонта встречалась масса неолитической керамики и лишь в единичных случаях керамика эпохи раннего металла. На большинстве квадратов она отсутствовала вовсе.

На уровне второго горизонта картина в основном осталась прежней, только количество керамики эпохи раннего металла уменьшилось, а неолитическая керамика отчетливо локализовалась в западном углу раскопа, где по-прежнему обломки сосудов эпохи раннего металла попадались лишь спорадически. В целом же количество находок по сравнению с первым горизонтом сократилось, что было связано с уменьшением мощности культурного слоя. Здесь на небольших участках (кв. 202, 243) поднималась на поверхность скала.

На третьем горизонте картина резко изменилась, в особенности по сравнению с первым горизонтом — фрагменты керамики раннего металла почти исчезли, встречались лишь в единичных случаях в центральной части поселения (кв. 84, 88, 89, 83, 98, 102, 104). Особенно четкая картина прослеживалась на четвертом горизонте. В пределах того же участка раскопа, что и на втором и в особенности на третьем горизонте, присутствовала только неолитическая керамика, причем в ряде случаев значительными скоплениями, в то время как керамика эпохи раннего металла представлена лишь двумя фрагментами.

Таким образом, топография двух видов керамики — эпохи неолита и раннего металла — отчетливо фиксирует процесс заселения людьми этого участка. В начале люди поселились на сравнительно небольшом пространстве (около 350—400 м^2) в юго-западной части площадки, вблизи источника пресной воды, это и была жилая неолитическая площадка. Но, естественно, обитатели поселка подходили и к берегу моря, т. е. в северо-восточную часть площадки, свидетельством чего и являются в полной мере единичные здесь фрагменты неолитической керамики.

В эпоху раннего металла поселение заняло значительно более широкое пространство, но ближе к открытой части Дроздовской губы, на самом морском побережье. Можно заметить даже, как оно разрасталось, о чем говорит сильно увеличившийся материал первого горизонта по сравнению со вторым.

Четкая локализация разновременного материала, объективно отраженная в распределении разновременной керамики, помогает выделить для разных хронологических этапов существования поселка связанный с ними инвентарь. В особенности это касается костяных орудий, поскольку до сих пор на Кольском п-ве не было известно ни одного неолитического памятника, где сохранились бы органические остатки; то же относится и к предметам искусства. Уточнению помогает и Оленеостровский могильник, являясь «закрытым» комплексом, потому чистым в хронологическом отношении.

По горизонтали находки распределялись по всему раскопу, но хронологически различные материалы локализовались, как мы видели, на отдельных участках, по вертикали же они были приурочены к поддерновому слою и всей толще гумусированного песка.

Поскольку поверхность подстилающей скалы была неровной и мощность культурного слоя варьировала в различных частях поселения, количество горизонтов взятия было соответственно различным. Так, на уровне первого горизонта многочисленные находки занимали почти всю площадь (1032 м^2), хотя интенсивность их была различной. В северной половине раскопа концентрировался материал, относящийся к эпохе раннего металла, в южной — к неолиту. Граница между ними особенно отчетливо проходила по линии пикетов $Н_{12}Н_{19}$. Внутри каждой из указаных частей (северной и южной), в свою очередь, прослеживалась неравномерная насыщенность находками. Наибольшая концентрация материала эпохи раннего металла наблюдалась между линией пикетов $Р_6$—$Ч_6$, $П_{12}$—$Ч_{12}$ на площади около 130 м^2 и между пикетами $Р_{18}Х_{18}$, ближе к северо-западному углу, на площади около 100 м^2, в то время как на пространстве между указанными участками находки встречались значительно реже. Вместе с тем и на этом наиболее свободном пространстве выделялись отдельные квадраты (102, 123, 124), где фрагменты сосудов образовывали скопления. Южная часть поселения с неолитическим комплексом по площади была значительно меньше, она приближалась к 140 м^2, при этом отдельные квадраты имели единичные находки или вовсе были лишены их. Наибольшее количество находок прослеживалось на первом горизонте. На втором их стало меньше. На третьем горизонте материалы эпохи раннего металла почти полностью выклинились, исчезли и неолитические материалы в южной части раскопа, теперь они сосредотачивались только в центральной части, на пространстве, по очертаниям приближающемся к четырехугольнику, ограниченному по углам пикетами $С_{19}$—$Н_{19}$, $С_{12}$—$Н_{12}$ (квадратами 150, 154, 91—136). Здесь прослеживалось углубление культурного слоя, связанное с понижением скальной поверхности.

Особенно показательное изменение материала выявилось на уровне IV горизонта, где на всей площади раскопа обнаружено лишь 3 фрагмента керамики эпохи раннего металла. Сократилось и пространство, занятое неолитическим комплексом. Оно оконтурилось теперь пикетами $Н_{19}$—$Р_{19}$, $Н_{12}$—$Р_{12}$ (кв. 124—143, 92—137). За этими пределами (но по соседству) встречено лишь 2 фрагмента неолитической керамики и 3 фрагмента — эпохи раннего металла. При этом выяснилась четкая локализация скоплений керамики в кв. 93, 128, 129, 138, 143. Очевидно, это пространство являлось полом неолитического поселения, на котором и стояли сосуды. В общей сложности пространство, занятое находками на уровне IV горизонта, было очень компактным и исчислялось всего лишь 84 м^2. Это обстоятельство наводит на мысль, не являлось ли оно остатками пола жилища. На V горизонте взятия находки полностью отсутствовали, повсюду прослеживался материк, лишенный малейших признаков культурного слоя.

Таким образом, вычленению неолитических орудий из прочей массы способствует весьма четкая локализация керамики. Поскольку планиграфия находок позволила достаточно точно определить территорию, занятую в прошлом неолитическим поселением, постольку именно на этом пространстве, в особенности где полностью отсутствуют находки эпохи раннего металла, мы вправе ожидать и наиболее достоверные неолитические хозяйственные и жилые комплексы. В этом плане особый интерес представляют южная оконечность поселения и непосредственно примыкающая к ней центральная часть.

Одной из ярких особенностей поселения Маяк II является чрезвычайно большое количество остатков фауны. По грубым подсчетам они исчисляются в 271 308 определимых экз. (табл. на с. 141 —

144). Помимо того, очевидно, еще больше костей осталось неучтенным в силу плохой их сохранности — иногда они образовывали сплошные брекчии или слой тлена.

Полный анализ фауны еще не завершен, поэтому укажем здесь, пользуясь определением Н. М. Ермоловой и А. А. Антонюка, лишь основные виды: гренландский и серый тюлень (значительно преобладающие над всеми видами животных), морж, нерпа, морской заяц, кит, белый медведь. Из числа сухопутных: лось, северный олень, песец, росомаха, бобр. Среди массы костей птиц преобладают принадлежащие водоплавающим, среди рыб — треске. Хотя кости встречались на большей части раскопа, все же наблюдалась заметная их концентрация в северо-восточной части поселения и значительно меньшая в западной и южной. Здесь на ряде квадратов кости полностью отсутствовали. По-видимому, такое неравномерное распределение костей на площади поселения было обусловлено не только стратиграфическими особенностями, но и характером жизнедеятельности населения.

Особенно насыщенными оказались первый и второй горизонты, что согласовывалось с наибольшей насыщенностью этих слоев артефактами вообще и материалами эпохи раннего металла в особенности. К тому же третий горизонт прослеживался не на всей площади, а четвертый всего лишь в контурах части раскопа 1981 г. Особого внимания заслуживает присутствие костей животных в четвертом горизонте, хотя и в меньшем количестве, содержащем исключительно неолитический материал, что имеет принципиальное значение для оценки хозяйственной деятельности неолитических племен, заселявших морское побережье.

Топография остатков фауны на поселении рисует весьма любопытную картину. Наиболее свободное от завала костей пространство находится в центральной части, которая, по данным распределения находок, была наиболее интенсивно обитаемой. Оно протянулось полосой между пикетами $C_{20}C_9$—$У_{20}У_9$ и на участке $У_{11}Х_{11}$—$У_{13}Х_{13}$, где, как мы увидим, прослежены следы предполагаемых построек. Исключением является участок между пикетами $Т_{19}$—$Т_{23}$, $Ф_9Ф_{23}$, где количество костей относительно велико, хотя и здесь присутствуют следы основания жилых сооружений. Не исключено, что этот участок стал местом свалки костей уже после того, как жилище было разрушено.

Очевидно, в большинстве случаев кости выбрасывались за пределы жилищ, поскольку в противном случае было бы невозможно существование в них. Особенно насыщенными костями являлись пониженные участки (западание скальной поверхности), куда, очевидно, сваливали мусор.

Как уже говорилось, культурный слой поселений (до 80 см мощности) изобиловал камнями, часто плоскими, иногда образующими скопления, что сильно мешало выявлению остатков искусственных сооружений, в особенности если учесть, что целостность части их была нарушена еще в древности в процессе подновления построек и повторного заселения. Насыщенность камнями культурного слоя прослеживалась и на других поселениях: Нерпичья Губа, Нерпичья Губа I, Усть-Дроздовка и др., т. е. везде, где люди были вынуждены селиться в местности, изобилующей камнями, иногда в непосредственной близости от скальных выходов.

Поскольку жилища того времени были наземными, что предопределялось прежде всего характером грунта — близкое залегание поверхности скал, постольку следов углублений или иной цветности слоя, очерчивающих контуры основания сооружений, не прослеживалось[20]. В целях избежания ошибок при выделении камней, связанных с постройками, мы учитывали все возможные данные. Ими являлись: отчетливая концентрация камней, образующих полную или часть геометрической фигуры в виде четырехугольника, овала или круга; наличие в контурах этой фигуры или в непосредственной близости от нее очага или кострища; характер находок — большая по сравнению с другими участками концентрация орудий, скопления керамики; присутствие особо ценных вещей в виде предметов искусства; аналогии с остатками построек, известных в археологии или этнографической современности, в первую очередь у людей, живших в аналогичных природных условиях.

Очень сложным явилось расчленение жилых и хозяйственных комплексов эпохи неолита и раннего металла, поскольку внешне между ними не прослеживается существенных различий. В этом случае основными критериями служили расположение остатков сооружений в соответствующих частях поселения и заполняющие их находки. С наибольшей долей достоверности следы неолитических сооружений следует искать в южной части раскопа, где, как мы видели, встречается только неолитическая керамика и полностью отсутствует керамика эпохи раннего металла. При такой ситуации, есте-

---

[20] Вопрос о характере жилищ каменного века (эпохи раннего металла на Кольском п-ве) в определенной мере дискуссионен. В данном исследовании автор акцентирует внимание на многочисленных следах использования наземных жилищ, открытых при работах на северном побережье, особенно в Дроздовской губе. Н. Н. Гуриной также высказывалось мнение о характерности для долговременных стоянок углубленных, полуземляных жилищ, подобных обнаруженным ранее на берегах рек Нива и Харловка, и об использовании жилищ типа чумов преимущественно на летних стоянках (Гурина 1973, с. 49). В последнее время рекогносцировочными работами на некоторых участках северного побережья также была отмечена серия жилищных впадин, возможно относящихся к эпохе раннего металла или каменному веку (см. ст. Б. Ольсен, К. Хельскок В. Я. Шумкин в сб. Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб., 1993. С. 32). — *Ред.*

ственно, невозможно связывать присутствующие здесь каменные выкладки с поздним периодом существования поселения.

Учитывая сказанное, представляется возможным отнести к неолиту следующие комплексы (рис. 21).

В южной части поселения, на кв. 244, 245, 250, 251, 255, 256 прослеживалась группа камней различной величины, в том числе крупные (до 40 см), образующие в общей сложности неправильную прямоугольную кладку площадью около 40 м^2, диаметром до 6 м — комплекс № 1. Камни нередко плотно прилегали друг к другу, однако не образуя сплошной вымостки. Внутри фигура как бы делилась на несколько скоплений, южная представляла полукруг из крупных камней, который внутри и по недостающей части окружности был заполнен более мелкими камнями. Северная половина кладки была более аморфной. Крупные камни не образовывали фигуры четких очертаний, а мелкие слагали как бы четырехугольник. С севера кладка примыкала к скале, поднимавшейся двумя небольшими выступами. Между ними в углублении, на уровне второго горизонта, в кв. 243 находилось скопление неолитической керамики, занимавшей пространство около 1 м^2.

К востоку от каменной кладки, в кв. 247 располагался очаг диаметром около 1 м, подпрямоугольной формы, обложенный некрупными камнями. На то, что выкладка служила очагом, указывали следы пребывания камней на огне, углистый слой в контурах кладки, а также обожженный слой между самими камнями. В непосредственной близости от очага — на кв. 246, 249, 257 концентрировались фрагменты керамики эпохи неолита и отщепы кремня, образующие кольцеобразную фигуру. Особенно заметная концентрация кремневых отщепов наблюдалась в восточном углу кв. 247, вблизи пикета $К_{12}$. Небольшой очаг с нарушенной каменной окольцовкой располагался также в северо-западном углу квадрата 245.

Отчетливая каменная выкладка — комплекс № 2 — округлой формы, общей площадью около 24 м^2, прослеживалась с уровня второго горизонта, занимая кв. 93, 94, 135—138. По внешнему кругу она была выложена крупными камнями (до 40 см), в средней части — более мелкими. Между камнями в культурном слое наблюдалась повышенная концентрация мелких угольков. На четвертом горизонте, под каменной кладкой, в верхней части материка сохранился ряд комплексов. В средней части кв. 94, около больших камней — следы очага в виде крупных углей, в восточном углу кв. 93 — скопление неолитической керамики. Особенно значительное скопление фрагментов сосудов (около 40) встречено в северо-восточном углу кв. 138. Оно залегало прямо на материке — ортштейнированном песке, в небольшом углублении (5—8 см) в культурном слое с повышенной концентрацией углей.

Неподалеку от второй кладки (на кв 125, 126, 127, 128) выступила третья кладка — комплекс № 3, — также округлых очертаний, диаметром 3,5 м, однако более аморфная. Величина камней была средней, крупные отсутствовали. Между камнями также прослеживался более гумусированный культурный слой с большим количеством мелких угольков.

По-видимому, во всех трех случаях скопление камней следует считать искусственными сооружениями и связывать их со следами жилых или хозяйственных построек, но подвергшихся очень сильному разрушению. Судя по тому, что между камнями кладок не встречалось орудий или керамики эпохи раннего металла, а угли из очага кладки (кв. 94) датируются 4630±50 л. т. н. (ЛЕ-1992), можно заключить, что сама кладка относится также к неолитической эпохе. В пользу этого свидетельствует и полное отсутствие материалов позднего комплекса на этой части поселения.

К неолитическому времени относится также яма неправильных подчетырехугольных очертаний длиной около 1 м на кв. 225. Угли, залегавшие на дне ее, имеют возраст 5390±60 л. т. н. (ЛЕ-2632).

На кв. 143, в углублении около 1 м в диаметре, выкопанном в материке — ортштейнированном песке с галькой, — найден развал неолитического сосуда со сложным геометрическим узором, выполненным крупным гребенчатым штампом и рядами ямок.

Весьма интересный комплекс, очевидно связанный с древним этапом заселения, прослежен в кв. 116, 117, 118 — комплекс № 4, — где на площади около 25 м^2 наблюдалось западание сильно гумусированного культурного слоя в подстилающий светло-желтый песок с галькой. В контурах его, на кв. 116, 117 были заметны следы двух слегка углубленных (10—12 см) очагов, сохранившихся в виде сильно обожженных округлых камней, перекрытых в верхней части более плоскими камнями. Пространство между ними заполнялось темным углистым слоем. Мощность углистой линзы 8 см. Встречались обожженные кости и створки раковин. В контурах заполнения начиная с III горизонта обнаружено значительное скопление остатков фауны, в особенности на кв. 118, где лежали 8 черепов нерпы. В кв. 117 найдены позвонки тюленя, залегавшие в анатомическом порядке, а также ряд нестандартных вещей: 2 крупных ребра моржа, служивших стругами, шлифовальная плита, заготовка роговой муфты, гарпун, фрагмент остроги из крупной трубчатой кости, распиленные и со следами распилов рога, отбойники и отдельные костяные орудия.

Итак, на площади наиболее достоверного, чистого неолитического слоя, раскопа 1984 г. и IV—III горизонтов раскопов 1981 г., в пределах пикетов $С_{12}С_{19}$, $Ж_{12}З_{19}$, где встречалась только неолитиче-

ская керамика, зафиксирован ряд каменных кладок, очагов и скоплений фрагментов сосудов. Насыщенность этого слоя находками неравномерная, хотя они и встречаются повсюду. В южной части, наиболее богатой находками, была самая оконечность раскопа, где прослеживалась кладка № 1. Непосредственно под каменной кладкой, помимо скопления неолитической керамики и необычно большого для неолитических поселений количества отщепов кремня, сосредотачивались и все остальные находки, за исключением отдельных фрагментов керамики и скопления ее в кв. 243. В северо-западном углу площадки, в кв. 241, 242, 254, и в скоплении вместе с керамикой встречено 8 фрагментов шлифовальных плит.

Кроме фрагментов неолитической керамики и кремневых отщепов находки состояли из отщепов кварца и сланца, единичных наконечников стрел, обломков шлифовальных плит, отбойников из окатанных морем галек, небольшого количества орудий и их обломков. Особых скоплений не прослеживалось. На участке, непосредственно примыкающем с севера, количество находок заметно увеличивалось. Поскольку это была часть поселения, где скала относительно близко поднималась к дневной поверхности, здесь, южнее линии $Н_{12}$—$Н_{19}$ не прослеживалось III и IV горизонтов культурного слоя. Находки неолитического времени размещались начиная с первого горизонта и заканчивались во втором. При этом очень существенно, что и в I горизонте, на всей площади 84 м^2 (между пикетами $К_{12}Н_{12}$, $К_{19}Н_{19}$) найдено всего лишь 2 фрагмента керамики эпохи раннего металла.

Наиболее выразительные находки встречены в кв. 193, 203, 204, 205, 206. В кв. 193 и 205 лежали группами шлифовальные плиты и здесь же, в особенности в кв. 204 и 193, довольно много наконечников стрел. На остальных квадратах этого участка находки распределялись относительно равномерно, не образуя выраженных скоплений.

На втором горизонте находки почти прекратились, если не считать большого количества отщепов кварца и сланца, а также единичных фрагментов керамики и орудий.

Часть III и IV горизонтов севернее пикетов $Н_{12}Н_{19}$ до $С_{12}С_{19}$ на площади 112 м^2 также содержала неолитический комплекс. На третьем горизонте на всей площади (112 м^2) обнаружено лишь 16 фрагментов керамики эпохи раннего металла. Севернее линии $С_{14}С_{19}$, на IV горизонте неолитические находки выклинивались (за исключением 4 фрагментов керамики на пограничных квадратах). Общая площадь этой части поселения 184 м^2.

Как было сказано, характер находок позволяет отнести остатки каменных выкладок № 1, 2, 3, так же как и остатки комплекса на кв. 116, 117, 118 — комплекс № 4, — к неолитическому времени.

Особого интереса в этой части поселения заслуживают костяные орудия, поскольку до сих пор этот вид индустрии не был представлен на неолитических поселениях. Количество их прямо пропорционально количеству остатков фауны, поскольку для сохранности обеих групп артефактов, требуются аналогичные условия. В большинстве случаев они прослеживаются в III горизонте и меньше — в IV. Так, на горизонте III костяные орудия (41 экз.) присутствуют на 13 квадратах из 28, на уровне же IV горизонта всего лишь 14 костяных орудия на 7 квадратах, при этом на тех же, что и в III горизонте.

Заметная локализация значительного количества каменных орудий встречена в северо-западном углу этой части раскопа. На III горизонте они залегали в большом числе на кв. 124, 125, 129, на IV горизонте — в кв. 96, 127, 128, 129, 130, 132. В последнем случае это совпадало с пространством, занятым каменной выкладкой № 3. Вместе с тем костяные орудия встречались в северо-западных и юго-восточных квадратах этой части раскопа. Обращает внимание и сосредоточенность пемзы на кв. 138 и 139 III горизонта и кв. 237 горизонта IV.

Очевидно, к неолиту относятся и костяные орудия кв. 116, 117, 118, расположенные в контурах западания культурного слоя с очагами, датированными радиокарбоновым методом неолитическим возрастом. В кв. 118 на IV горизонте, вместе с ними лежали 2 наконечника. В кв. 102 на IV горизонте, начиная с уровня II горизонта, прослежено западание культурного слоя неправильно-округлой формы 0,8—0,9 м в диаметре, врезанное в материк на 0,15 м. В культурном слое, заполнявшем углубление, содержавшем повышенное количество углистых частиц, обнаружено несколько десятков отщепов сланца, рубящие орудия, шлифовальная плита, некоторое количество костей животных и керамика эпохи раннего металла. В непосредственной близости от ямы лежали крупные куски сланца, мыльного камня и сланцевые орудия, а также значительное количество створок раковин. Очевидно, в позднем периоде существования поселения в процессе жизнедеятельности культурный слой неслитического времени был нарушен, крупные сланцевые отщепы и орудия из него оказались рядом с кусками мыльного камня и керамики с примесью асбеста — типичных для эпохи раннего металла.

Для обеспечения наибольшей достоверности выделения неолитической индустрии из прочей массы орудий, найденных на Маяке II, мы берем особенно чистый от поздних наслоений участок поселения, а именно южный, расположенный между пикетами $Н_{19}Н_{12}$, $Ж_{19}Ж_{12}$, а также III и IV горизонты центральной части поселения, где почти или полностью отсутствует керамика эпохи раннего металла.

Учитывается также особое положение находок — в нижнем (втором) горизонте южного раскопа под камнями или в верхней части материка. При этом известные коррективы в наши представления вносят и материалы чистых неолитических комплексов других памятников.

Категории орудий, найденных в указанных частях поселения (южном и III—IV горизонтах центральной части), весьма разнообразны. Встречаются наконечники стрел и копий, скребки, скобели-струги, проколки, ножи, грузила, крупные рубящие орудия — топоры, тесла, стамески. Особенно многочисленны отщепы кварца и сланца, часто крупные. Из предметов, связанных с изготовлением орудий, присутствуют пилы, отбойники-ретушеры, шлифовальные плиты. Существенно, что для неолита можно выделить некоторое количество костяных орудий (в основном из горизонта III—IV), в известной мере отличающихся от орудий верхних горизонтов (рис. 22, 23, *28*, *30*, *31*, *33*, *34*).

Коллекция, полученная в результате раскопок южной части, относительно невелика, при этом абсолютное большинство орудий располагалось под каменной кладкой и в непосредственно связанными с ней комплексами — очагами на кв. 247, 249. Напомним о скоплении фрагментов сосудов на кв. 243.

Одной из наиболее резко выраженных особенностей этой коллекции является большое количество отщепов кремня различного цвета: темно- и светло-серого, желтого, белого и почти черного. Изредка встречаются отщепы полосатого кремня. Очевидно, здесь, как и в других районах, часто использовали галечный материал, о чем свидетельствуют изредка сохраняющиеся на отщепах кусочки корки. В основном кремень применялся для изготовления наконечников стрел, ножей, реже скребков. Порой последняя категория орудий дополнялась отщепами с частичной ретушью.

Среди кремневых наконечников стрел встречаются иволистные (тип I : 12), лавролистные (тип I : 3а). В общем количество их невелико. Имеются экземпляры, которые трудно определить: относятся ли они к наконечникам или ножам. «Перо» их приближается по очертаниям к треугольнику, тыльная часть заужена и превращена в черешок. Против использования их в качестве наконечников говорят асимметричные очертания пера, а против ножей — расположение ретуши и узкий черешок. Подобные типы наконечников или ножей известны и на других неолитических памятниках Кольского п-ва (Нерпичья Губа, Нерпичья Губа I). Сланцевые наконечники изготовлены с помощью ретуширования, они близки листовидным (тип I : 1а), единичны сплошь покрытые шлифовкой.

Наконечники копий немногочисленны, представлены частично заготовками. Наибольшей оригинальностью обладают наконечники с подтреугольным пером и широким коротким черешком (рис. 36, *31*). Размер наибольшего из них — 13 см длины и 7,5 см максимальной ширины. Обработка частичная, нередко противолежащая, по краю и черешку. Подобный наконечник встречен и в IV горизонте центральной части раскопа. Они не типичны для других неолитических памятников Кольского п-ва. Всего таких наконечников в южной части 4 экз. (тип III : 2, группы А). В целом наконечники копий представлены следующими типами: тип I : 1А — листовидные удлиненных пропорций (10×1,8 см); тип I : 1Б — листовидные средних пропорций (9,5×4,5 см); тип I : 1В — листовидные широких пропорций (8×5,5 см); тип II : 2 — листовидные с зауженной тыльной частью (фрагментирован); тип III : 1 — подтреугольные с широким усеченным черешком, с частичной обработкой пера. Присутствуют также тыльные части, которые трудно причислить к какому-либо определенному типу.

Довольно часто встречаются скребки — характерный материал для большинства поселений (рис. 23, *6—8, 12, 13, 24*). Среди них очень небольшой процент кремневых малого размера, основную же массу составляют кварцевые концевые, концевые-боковые и боковые. Среди кварцевых скребков присутствуют характерные для мезолита — сегментовидные малой величины (1,5 см) и поперечно-лезвийные. Поскольку все скребки выполнены на отщепах, тела их имеют разнообразную форму, нередко подокруглую, изредка овальную, они ретушированы на 3/4 периметра (за исключением тыльной части). Единичны относительно крупные концевые скребки (5,5 см) овальных очертаний со скошенным лезвием. Оригинален кварцевый овальный скребок (6,5×3,5 см), тщательно ретушированный на конце.

Численно над скребками преобладают различной величины и степени обработки скобели-струги от малых (2 см) до относительно крупных (6,5 см). Среди них есть одно и двулезвийные, в последнем случае рабочие лезвия противолежащие или смежные. Один из экземпляров представляет собой крупный, массивный кусок кварца (8×8 см) неправильных очертаний, на вогнутом конце его с одной стороны нанесено несколько крупных фасеток, с другой стороны подправка отсутствует. Следы работы на этих концах занимают небольшой участок в виде сильно замятого углубления. Очевидно, с помощью его изготовляли какие-то небольшого диаметра круглые предметы. Мелкие скобели-струги выполнены более тщательно и сохраняют следы сработанности.

Среди относительно немногочисленных резцов встречаются срединные и боковые. Весьма выразителен сланцевый угловой нож с относительно коротким лезвием и широкой «рукоятью» (тип I : 4). Очевидно, в качестве ножа использовался и плоский овальный крупный (10×6,5 см) сланцевый от-

щеп, частично обработанный с одной стороны по двум длинным краям крупной регулярной ретушью. В этих же целях употреблялась крупная сланцевая реберчатая пластина (15×3,5 см).

Крупные рубящие орудия не создают устойчивых серий. В их числе есть аморфные подовальных очертаний, оформленные крупными беспорядочными сколами, и более выраженные — подтреугольных и подчетырехугольных очертаний с прямым лезвием. Наиболее совершенен один топор, треугольный в плане с опиленными краями, с широким лезвием, сплошь зашлифованный. Следует отметить заготовку орудия крупной величины (23 см) из плоской сланцевой прямоугольной плитки, оббитой по одному длинному краю, с выемками на конце, крупный кусок кварцита, обломки кварцитовых пил с хорошо выраженным лезвием, одна из них регулярно оббита по краю. Грузило изготовлено из крупной, окатанной морем гальки, на двух противоположных краях которой нанесены две выемки для крепления веревки.

Количество нуклеусов невелико. В числе кварцевых имеются одноплощадочные, подпризматические и с бессистемным скалыванием. Оригинальны нуклеусы для снятия отщепов, из сланца, крупные (15×11 см), с начальным скалыванием. Один из них (наиболее крупный) двухплощадочный «килевидный», с противолежащими площадками — с одной большой, второй маленькой.

Для характеристики неолитического комплекса очень существенным дополнением является материал четвертого горизонта центральной части, примыкающей к южному участку с северной стороны, между пикетами $P_{19}P_{12}$, $H_{19}H_{12}$. Как показывает планиграфия находок, на уровне IV горизонта встречается только неолитическая керамика. По всей остальной площади раскопа находки в IV горизонте отсутствуют, за исключением 4 фрагментов неолитической керамики на кв. 121, 123, 83, 89.

Материал этой более северной части неолитического поселения до некоторой степени отличается от материала южного, примыкающего к нему участка. Речь идет не о типологических различиях, а в известной мере о соотношении категорий орудий, что может объясняться некоторой дифференциацией этих участков во время их функционирования.

Судя по планиграфии находок и топографическому положению, южная часть является периферией поселения, поскольку с запада ее ограничивала скала, а с юга заболоченное пространство. В обоих направлениях культурный слой полностью выклинивался. Очевидно, центральной частью поселения — наиболее интенсивно обитаемой: жилой площадкой, — являлся центральный участок, где прослежен IV горизонт. На это указывает значительное скопление керамики на кв. 93, 138, 143, а также разнообразие категорий орудий. Он содержал значительно большее число готовых орудий и несколько иной, как указывалось, их состав. Вместе с тем тождество керамики обоих участков, а иногда даже наличие фрагментов от одного сосуда заставляет считать их частями единого поселения, функционировавшими синхронно. Прежде всего на северном участке следует отметить обилие наконечников стрел, среди которых встречаются иволистные (тип I : 12), лавролистные (тип I : 3а), лавролистные с усеченным основанием (тип I : 5), подромбические (тип III : 4), подтреугольные с широким длинным черешком (тип II : 5). Иногда они изготовлены из кремня, большей же частью — из сланца. Архаические формы, сходные с мезолитическими, представлены кварцевыми маленькими, с асимметричным черешком, ретушированными только со спинки по черешку и одному краю пера. Имеются единичные атипичные экземпляры — скорее всего, неудавшиеся орудия.

Среди наконечников копий преобладает группа А — листовидные (тип I : 1, I : 2А) и с выделенным черешком (тип II : 1), с листовидным или с подтреугольным пером (тип II : 4 и III : 2). Имеется заготовка крупного наконечника копья, близкого к типу II : 2. Из группы Б встречен только один фрагмент наконечника.

Скребки обычны для неолита. Они преимущественно кварцевые различных очертаний, чаще всего подокруглые, концевые и концевые-боковые. Немногочисленные резцы, в основном срединные, нередко угловые. Преобладают скобели-струги, чаще однолезвийные, но встречаются и полилезвийные.

Весьма представительна категория ножей, нескольких типов. Очень выразителен экземпляр (тип I : 3) — крупный нож (высота 11, длина лезвия 10 см) с длинной рукояточной частью, одна сторона которой не полностью ретуширована, местами оббита крупными сколами. Лезвие плавноокруглое, с одной стороны обработано сравнительно крупной регулярной ретушью, вторая сторона сохранила естественную заостренность. Форма ножа напоминает дамский сапожок (рис. 37, *24*). Она очень удобная, в особенности длинная, хорошо оформленная рукоять, позволяющая производить нажим с большой силой. Шлифовка отсутствует, вероятно, ею предполагалось завершить обработку. Второй экземпляр менее совершенен, с широкой рукоятью, которая лишь несколько расширена к рабочему концу и переходит в лезвие (тип I : 4). Такие ножи довольно широко распространены в неолитических памятниках рассматриваемого региона, только чаще размеры их более мелкие. Верхняя рукояточная часть этого ножа для удобства захвата рукой обработана притупливающей ретушью. Наконец, присутствуют и широко распространенные ножи в виде плоских удлиненно-овальных или подпрямоугольных отщепов с частичной или полной ретушью по одному краю.

К типу II относится крупный отщеп с плавно-округлым лезвием и выделенной короткой рукоятью. Лезвие оформлено крупной регулярной приостряющей ретушью, рукоять (где сохранилась небольшая часть ударной площадки) — мелкими сколами. По-видимому, ножи с выделенной короткой рукоятью вставлялись в костяную или деревянную оправу.

Большая часть (7 экз.) ножей IV горизонта (так же, как и III) северного участка относится к типу III. Различия прослеживаются в величине и форме, но во всех случаях это плоские, чаще крупные (8—9 см) отщепы сланца с небольшими участками, где сохранились следы ударной площадки. Очертания их несколько варьируют, но во всех случаях подовальные. Лезвия оформлены плоской приостряющей ретушью, занимающей чаще полностью один край, реже лишь часть его. Иногда ретушь нанесена лишь на зауженный конец предмета, всегда противоложный тыльной части, которой является конец с сохранившейся частью ударной площадки. Помимо готовых орудий есть 8 грубых разной величины заготовок (от 5,5 до 12 см), удлиненной формы, с различной степенью обработки.

В коллекции присутствуют также крупные (11×8; 10×8 см) сланцевые отщепы подокруглых очертаний с ретушью по всему периметру или одному из краев. Возможно, они использовались также в качестве ножей или скребел при обработке шкур. По-видимому, роль скребел выполняли и плоские массивные куски сланцевых нуклеусов, на одном, широком конце которых сохранилась часть ударной площадки, противоположный же конец приострен.

Многочисленны крупные, хорошо выраженные рубящие орудия, преимущественно тесла с асимметричным лезвием, в большинстве случаев подпрямоугольных очертаний, реже острообушные. Края их нередко опилены, оттого прямые, вся или большая часть поверхности зашлифована. Довольно много и заготовок рубящих орудий.

Нуклеусы одноплощадочные двух типов — уплощенные и призматические с негативами от снятых пластин или пластинчатых отщепов; наряду с целыми присутствуют и массивные продольные сколы с них. Следует отметить крупную (12 см в диаметре) округлую уплощенную массивную пластину с краями, оббитыми более чем на 3/4 периметра, без обработки оставлен лишь участок с сохранившейся частью ударной площадки. В центре орудия заметно лишь небольшое углубление, образовавшееся вследствие использования этого предмета, помимо основной функции скребла, в качестве наковаленки. Следует отметить также сланцевые пластины (размером от 3 до 9,5 см) без вторичной обработки. На некоторых из них заметна нерегулярная ретушь или следы использования, обычно расположенные на тонком, естественно приостренном крае. Одна массивная пластина имеет как бы черешок.

Третий горизонт культурного слоя Маяка II в центральной части содержит большое количество материала, преимущественно неолитического, однако по сравнению с IV горизонтом уже менее «чистого» в хронологическом отношении, поскольку здесь встречается и относительно много керамики эпохи раннего металла. В целом III горизонт более насыщен находками, нежели южная прирезка и IV горизонт, поскольку в первом случае раскопанная площадь обширнее, а во втором — помимо неолитического комплекса присутствуют и материалы более позднего периода.

Рассмотрение комплекса III горизонта по тем же параметрам, что и предшествующих двух участков (южного и IV горизонта центральной части), дает следующую картину.

Среди наконечников стрел (41 экз.) встречаются кремневые (7 экз.), сланцевые ретушированные и сланцевые шлифованные. Величина и типы наконечников различны. Сюда входят помимо тех, которые представлены в южной прирезке и IV горизонте, также и ряд новых. Среди них: листовидные (тип I : 1), иволистные (тип I : 12), листовидные с широким усеченным черешком (тип I : 2), подтреугольные со слабо выраженным черешком (тип II : 5), ромбические (тип III : 1А) и подромбические. Преобладает размер 5—5,5 см, единичны крупные (9,5 см) и очень мелкие (2,2 см). Наиболее архаические формы представлены маленькими экземплярами на пластинках с выраженным в большей или меньшей степени черешком, частично ретушированные по острию и черешку.

В числе полностью зашлифованных наконечников — группа Б — есть очень мелкие (4×1 см), но преобладают более крупные. Они могут быть объединены в следующие типы: тип I — плоские, полуовальной формы, удлиненно-овальные в поперечном сечении, с усеченной базовой частью, заточенные только по краям пера узкой полосой; тип II : 1 — удлиненных пропорций с подовальным пером и широким усеченным черешком, с полной обработкой пера; тип III : 1 — полуовальный, с коротким черешком, со слабо выраженным ребром по центральной оси, раздваивающимся к тыльной части; тип III : 2а, б — полуовальный с широким коротким усеченным черешком, с резко выраженным продольным ребром, раздваивающимся к началу черешка; тип IV — овальный с хорошо выраженным узким округлым черешком; тип V — листовидный безчерешковый.

Наконечники копий представлены группами А и Б. Преобладает первая группа, состоящая из типов: I : 1б — листовидные, частично ретушированные; I : 2а — лавролистные обоюдоострые; II : 1 — листовидные с широким усеченным черешком; II : 2 — листовидные со слабо выраженным усеченным черешком. Из группы Б присутствуют: тип I : 2 — плоский подовальный с усеченным основани-

ем, заточенный только по краям пера узкой полосой; тип II — удлиненных пропорций с выраженным удлиненным черешком и ребром посередине.

Кварцевые скребки не обладают оригинальными чертами, отличающими их от скребков прочих стоянок. Изготовленные из отщепов, они имеют разнообразные очертания тела, ретушь располагается на одном конце или на конце и прилегающих к нему одном или двух краях. Как и повсюду, в коллекции присутствуют скобели-струги одно- или несколько лезвийные, подокруглой или подпрямоугольной формы. Количество их невелико, удлиненные экземпляры, как правило отсутствуют. Относительно многочисленны резцы с явным преобладанием серединных.

Очень выразительны и разнообразны сланцевые ножи (15 экз.), представленные несколькими типами. Угловые ножи различного размера (от 4,5 до 13 см): тип I : 1 — с относительно коротким округлых очертаний лезвием; тип I : 2 — с длинным почти прямым лезвием. Во всех случаях рукояти слегка заужены с помощью выемок, оформленных ретушью. Вся поверхность лезвия зашлифована. Прямые ножи в виде неправильных овалов с лезвием, обработанным с помощью полной или частичной приостряющей ретуши: тип II — с выделенной рукоятью (по форме он похож на косарь) и тип III — подтреугольных очертаний, без рукояти, частично ретушированный. Помимо целых в коллекции имеются и фрагменты ножей типа II. Крупный кремневый нож по форме приближается к полуовалу, ретуширован по всему периметру, кроме тыльной части. Пока он представлен в единственном числе.

Сланцевые крупные рубящие орудия (14 экз.) — топоры, тесла различной величины и формы, — самое маленькое 6,5×2 см, самое крупное 11,5×3 см, чаще же длина несколько меньше, чем в 2 раза, превосходит ширину. По форме они преимущественно прямоугольные, но встречаются и с зауженной тыльной частью. У топоров прямое лезвие, у тесел — асимметричное. Желобчатые тесла отсутствуют. Обработка орудий небрежная, крупными сколами, нередко лишь с одной стороны, другая оставлена без обработки. Шлифовкой затронуты отдельные участки, полностью зашлифованы только небольшие стамески. Большинство экземпляров является лишь заготовками орудий.

Из прочих предметов следует упомянуть 12 обломков шлифовальных плит, один из которых в виде прямоугольника (25×6 см); обломки пил, иногда крупных; пришлифованную плоскую крупную гальку с ретушированными (с одной стороны на 3/4, с другой частично) краями, служившую, вероятно, как и в Чаваньге I, скребком; крупные куски сланца с оббитыми выемками; а также 7 кусков кремня молочного и серого цветов (два из которых чешуйки, а один крупный — 8×4 см).

Керамика эпохи неолита и раннего металла Маяка II многочисленна и очень выразительна, всего насчитывается 445 фрагментов неолитической и 2174 эпохи раннего металла (рис. 20). По самым минимальным подсчетам (по венчикам и группе черепков явно от одного сосуда) известно не менее 110 неолитических сосудов. Пожалуй, нет ни одного памятника на Кольском п-ве, который имел бы столь яркую и вместе с тем своеобразную неолитическую керамику, тогда как более поздний керамический комплекс может служить моделью сосудов раннего металла.

Неолитические сосуды толстостенные (чаще всего 0,9—1 см, нередко толще). Технология своеобразна, но наблюдается и на ряде других памятников (рис. 24, 25). Удается проследить, что первоначально лепилась относительно большая часть или целый тонкостенный сосуд с помощью наращивания глиняных лент подлепом. Притом лента, формующая край, загибалась вовнутрь, затем с внешней стороны на него, как бы на твердую основу, наращивался второй слой глины, иногда и третий глиняный слой. После этого слегка подсушенный сосуд орнаментировался и обжигался. О таком способе формовки свидетельствуют многочисленные фрагменты с расслоившейся поверхностью, при этом отчетливо видно, что второй и третий слои глины наращивались на первый (основу) после того, как она была хорошо заглажена рукой и, возможно, слегка подсушена. В изломе отчетливо видна двух- или трехслойность (преобладают двухслойные), что создает значительную толщину. Поскольку орнамент недостаточно глубокий, он в основном затрагивает лишь первый, поверхностный слой, не скрепляя его со вторым и тем более с третьим, — на нижних слоях иногда видны лишь следы дна наиболее глубоких ямок. С внешней и внутренней стороны сосуды заглажены. Такой прием формовки сосудов известен на поселении позднего неолита Латвии — Эйни.

Примесь к глине в абсолютном большинстве неорганическая: красноватый окатанный песок (очевидно, расслоившийся песчаник), толченый кварц, полевой шпат, встречающийся иногда крупными зернами от 2 до 6 мм. Количество примеси различно, но, как правило, очень значительно, обжиг относительно сильный (не менее 500°), однако из-за указанного способа лепки сосуды почти всегда расслаиваются. Они крупные (до 40 см), форма котлообразная, непрофилированные, наиболее широкая часть — устье. Край прямой, очень редко утолщенный, срез чаще плоский, реже — слабоокруглый. Днище коническое или мягко-округлое, изредка плоское, очевидно диаметром 10—11 см.

Вся внешняя поверхность сосудов орнаментирована, включая днище, даже если оно плоское. В целом количество элементов орнамента значительно больше, чем на других памятниках, — свыше 20. Разнообразие создается, в частности, благодаря вариациям ямок — округлых конических, округлых

плоских, полукруглых, овальных, ромбических и гребенки — длинной прямозубчатой, короткой овальной, а также целого ряда оригинальных орнаментиров, в том числе «челночков» с решетчатым дном и штампов, не поддающихся определению. Так, очень близко поставленные оттиски тонкой гребенки, с треугольными крайними зубчиками, создают густой своеобразный «тесемочный» орнамент, известный на ряде неолитических памятников рассматриваемого региона — Нерпичья Губа, Нерпичья Губа I, Цага I и др., а также в Северной Норвегии. Не исключено, что штамп был широким, округлым и рисунок получен путем проката.

Многообразны и мотивы орнаментации (более 30). В общем, как и в других памятниках, они горизонтального построения — ритмично чередующиеся элементы, создающие геометрические простые фигуры: горизонтальные прямые линии, зоны из косых линий; зигзаг, сетка и др. Как правило, мотивы слагаются из одного элемента, но изредка встречается сочетание двух, например — гребенки, создающей зигзаг или производную от него косую сетку, и ямок. Наиболее оригинальными мотивами (правда, изредка встречающимися и на других памятниках Кольского п-ва) следует считать косую сетку, созданную гребенкой с ямочками на углах или в середине (рис. 24, *14*) и горизонтальные же линии из гребенки с «нанизанными» на них ямками. Распространен «тесемочный» орнамент, иногда в сочетании с круглыми лунчатыми ямками и веревочными оттисками.

Полностью сосуды не восстанавливаются, однако черепки бывают очень крупными, в значительном количестве, в силу чего приходится оперировать лишь фрагментами композиции. Наиболее нарядными выглядят сосуды, украшенные густой косой сеткой, образованной гребенкой с ямками в углах или в середине ромбов, чередование косых полос, образующих треугольники и короткие диагональные полосы, а также зигзаги, чередующиеся с «елочным» узором, выполненным гребенкой.

Довольно часто, в особенности в нижней части сосудов, орнамент состоит из густо нанесенных параллельных линий, выполненных прямым штампом в «отступающей манере». Такой орнамент, как мы могли видеть, распространен в Нерпичьей Губе I. Возможно, подобный узор украшал всю внешнюю поверхность отдельных сосудов и только близко к краю наносилась горизонтальная полоса из одинарных ямок. Порой значительная часть сосудов заполнялась «челночками», разделенными на горизонтальные зоны также горизонтальными одинарными рядами ямок. Более сложными построениями являются зигзаги, выполненные мелкими «челночками», поставленными под углом к краю сосуда, и дополненные круглыми крупными ямками. В отдельных случаях зигзаг образован оттисками крупного шнура, намотанного на стержень, в сочетании с овалами из отпечатков такого же шнура.

В целом неолитическая керамика Маяка II по сложности построения орнамента имеет свое выразительное лицо.

Костяные и роговые орудия, принадлежащие неолитическому комплексу, выделить довольно затруднительно, поскольку пока не обнаружены неолитические стоянки с костяными орудиями. Поэтому можно выделить их лишь с некоторой долей условности. В их число мы включаем костяные и роговые орудия III горизонта и южной части поселения, где полностью или почти не было встречено поздней керамики.

С наибольшей вероятностью к ним можно отнести фрагменты 3-х гарпунов. Верхняя часть одного снабжена с одной стороны крупными узкими, резко выступающими бородками, форма необычная для Маяка II. Тыльная часть двух других — с отверстием, четвертого — с выемкой. По-видимому, столь же уверенно можно говорить и о жале (11 см длины) составного рыболовного крючка, без бородки, использовавшегося на очень крупную рыбу, и о массивном наконечнике остроги (тип II) с двумя асимметрично расположенными бородками, также весьма оригинальной формы. Имеется несколько роговых рукоятей и тесловидных орудий. Довольно много острий различной величины и формы. Все эти предметы (кроме наконечника остроги из третьего горизонта) найдены в четвертом горизонте.

Из третьего горизонта происходит ряд весьма интересных предметов. Помимо костяного наконечника стрелы с треугольным пером, широким тупо срезанным черешком и костяных острий найдено 8 очень различных кинжаловидных орудий. Наиболее простую форму имеют 2 экз. — массивные прямые стволы рога (17×3 и 22×5 см), сильно утоньшенные на концах, тыльные части их не имеют специального оформления.

Сходны между собой и два других кинжала — массивные стволы рога (28 и 29 см длины, 5 см ширины), имеющие по одному отростку, которые срезаны (один в большей, другой в меньшей степени), очевидно, для упора руки (рис. 39, *13*, *19*). Рабочий конец очень сильно утоньшен срезом и зашлифован, помимо того вся поверхность его сильно залощена от употребления. Пятый кинжал (18 см длины) из прямого отростка рога, на конце равномерно приострен, рукоять с одной стороны уплощена одним срезом, противоположная имеет три выступа, препятствующих скольжению руки.

В известной мере по типу сходны два крупных кинжала (28,5×5 и 27×5 см) — прямые, уплощенные с помощью срезов (один, по-видимому, из кости кита). Рукоять одного не выделена, у другого — отделена от лезвия небольшими выемками, возможно для привязывания. Концы орудий приострены

(рис. 35, *9*). Последний кинжал небольшой величины (11×2,5 см) прямой, хорошо заточен, очень сильно залощен от употребления. Рукоять выпуклая, с канавками — для того чтобы не скользила рука. Как видим, все орудия крупные, очень массивные, имеют довольно широкое, хотя и сильно уплощенное острие. Можно предположить, что такие кинжалы, скорее всего, использовались во время охоты на морского зверя. Для этой категории орудий, очевидно, не существовало стандарта, и здесь в полной мере проявлялось индивидуальное творчество охотника.

Чаваньга I

Среди неолитических памятников южного побережья наиболее отчетливо выявляется поселение Чаваньга I. Выделение этого памятника как раннего основано не только на значительной высоте террасы, которую он занимает, радиокарбоновой датировке, раннем облике керамики, но и на сопоставлении с соседним, более поздним поселением Чаваньга III.

Небольшая губа в устье р. Чаваньги имеет отчетливо выраженные две террасы 14 и 21 м над уровнем моря. Их пересекает речка Чаваньга, на левом берегу которой менее отчетливо выступает промежуточная 17-метровая терраса, очевидно срытая на правом берегу при строительстве аэродрома. Группа древних памятников Чаваньга I—III лежит на ровных площадках террас по обоим берегам Чаваньги. Правый берег реки (14-метровая терраса) был занят достаточно обширным поселением эпохи раннего металла — Чаваньга III, — о чем свидетельствуют богатая каменная индустрия и керамика, найденная в скоплениях. На левом берегу речки (17-метровая терраса) обнаружено большое количество кварцевых орудий, но отсутствие керамики затрудняет уточнение датировки (неолит или ранний металл). Поскольку поселения Чаваньга III и II были сильно разрушены во время войны, они не подвергались раскопкам.

Наиболее хорошо сохранившееся поселение Чаваньга I занимало ровную площадку 21-метровой террасы, сложенной из песка. Во время функционирования поселения берег речки подступал ближе к нему, о чем свидетельствует теперь заболоченное пространство. Значительно ближе было и море, которое, по всей вероятности, тогда заливало 14-метровую террасу. Ситуация, выявленная в районе р. Чаваньги, позволяет произвести сопоставление раннего и позднего материала в пределах микрорайона и уловить тем самым его хронологическое изменение. Ценность поселения Чаваньга I заключается и в чистоте основного комплекса; как мы увидим далее, небольшая механическая примесь отчленяется достаточно легко.

Общая площадь памятника, раскопанная за 2 года (1973, 1975), составила 238 м^2. Стратиграфия, прослеженная на всем раскопе, однородна: 1 — дерновый слой мощностью 0—3—4 см с незначительным количеством находок, 2 — светло-розовый песок 4—20 см, 3 — темно-коричневый песок, иногда в нижней части очень сильно ортштейнированный, превратившийся в цементированную корку. В восточной части раскопа по линии $Г_2$—$Ж_2$ ниже слоя ортштейнированного песка, в котором встречались лишь единичные находки, прослеживался слой крупной и мелкой окатанной гальки, который частично выходил на квадраты, примыкающие к линии $Ж_4Г_4$ и $Ж_3Г_3$.

Основные находки залегали в светло-розовом песке, преимущественно в его нижней части, и на контакте с темно-коричневым ортштейнированным песком. Здесь встречалось очень много керамики, нередко в скоплениях. По-видимому, ее сохранности способствовала консистенция подстилающего ортштейна. В восточной и южной частях раскопа мощность культурного слоя постепенно уменьшалась, достигая местами лишь 5—7 см, а затем он вовсе выклинивался. В западном углу культурный слой продолжался, но вести исследование здесь было невозможно из-за современного кладбища.

Отчетливых остатков жилых сооружений не обнаружено, но наличие следов очагов, скоплений керамики, концентрация находок и сильно гумусированный культурный слой с разложившейся массой рыбьих костей указывают, что основной жилой площадкой являлась центральная часть, примерно в границах линии Г—$Г_4$.

Следы очагов располагались на кв. 3, на границе кв. 3 и 10, на кв. 45. Очаг на кв. 3 в плане округлой формы, диаметром около 1 м, был слабо насыщен углями. От его обкладки сохранилось лишь несколько камней, нижняя часть очага опускалась до материка. Очаг на контакте кв. 3 и 10, размером 0,5×0,6 м, также имел округлые очертания и каменную обкладку, которая впоследствии, свалившись внутрь, обеспечила хорошую сохранность углей. Очаг на кв. 45 также обложенный некрупными камнями, нижней частью лежал на материке. В пределах той же жилой площадки обнаружены многочисленные скопления керамики: на контакте кв. 4 и 40, 12, 13, в кв. 4, 5, 26 (два скопления), 27, 33, 39, 41, 42 и довольно много в кв. 45. За пределами площадки керамика концентрировалась лишь на границе кв. 1 и 6, на всем же остальном пространстве встречалась лишь отдельными фрагментами.

Многочисленный инвентарь поселения составляют каменные орудия, отходы от их производства. Всего найдено 2330 отщепов, 351 орудие, 1190 фрагментов керамики. Непотревоженность культурного слоя, целостность комплекса, значительная высота террасы и большая оригинальность материала обуславливают ценность Чаваньги I. Как мы увидим далее, некоторые чрезвычайно оригинальные черты керамики, повторяясь в памятниках северного побережья и в центральной части, подтверждают закономерность этого явления.

В индустрии Чаваньги I заметно выступают черты, сближающие ее с более ранней — мезолитической индустрией. Однако здесь преобладают новые, не встречавшиеся ранее элементы. В числе пережиточных и оригинальных черт можно назвать необычайно малое использование в качестве поделочного материала сланца (всего лишь 1,5) и значительный процент (83,2) кварца, что отчасти объясняется изобилием кварцевых галек высокого качества, очень удобных для обработки, и отсутствием поблизости выходов сланца. То же можно сказать и о песчанике. На южном побережье Кольского п-ва, и в частности близ Чаваньги, известны выходы красноватого терского песчаника. Оторвавшиеся от него куски, окатанные морем и превращенные в плоские гальки, были широко использованы древними жителями Чаваньги I, их края оббивались по всему периметру, иногда и захватывались участки ближе к центру, что зависело от толщины гальки. Порой обработка производилась с обеих сторон полностью или частично. При этом край становился ровным или слегка зубчатым (рис. 26, *10*, *12*). Размер их от 5 до 15 см в диаметре. Характер обработки идентичен, только различается размер фасеток — у небольших орудий они мелкие, у крупных — соответственно увеличенные. Основная масса использовалась в качестве скребел, однако встречаются и топоровидные орудия, очертания которых очень правильные в плане, поскольку сохранена естественная форма гальки. Некоторые из крупных орудий имеют очень массивное толстое лезвие, что исключает использование их в качестве рубящих орудий. Возможно, они применялись для земляных работ — выкапывания ям для жилищ и очагов. Такое же широкое использование окатанных плоских галек, только из другого материала — кварцита — известно в мезолитическом памятнике Йова, расположенном в южной части Кольского п-ва на границе с Карелией (Гурина, 1961).

Как и в мезолите, здесь встречаются скобели-струги небольшого размера, обработанные обычным для них способом. В известной мере архаические черты сохраняют и наконечники стрел, часть которых имеет неполную обработку с одной стороны. Эти черты в особенности заметны у маленького (2,2 см) асимметрично-черешкового наконечника, сплошь ретушированного со спинки и только по черешку — с брюшка, и у асимметрично-листовидного наконечника с намеченным черешком и угловидным острием, обработанного по всей спинке и лишь по краям (исключая тыльную часть) с брюшка (рис. 26, *23*). Наиболее выраженным типом являются крупные подтреугольные, с широким черешком, двусторонне обработанные (тип II : 11) и массивные же подтреугольных очертаний, без черешка, с прямым, но неровным основанием, обработанные крупной ретушью, направленной от тыльной части к острию. Одна сторона его ретуширована, вторая — частично, лишь по краям (близкий к типу II : 2). Листовидные наконечники (тип I : 1а) варьируют от 2,8 до 5,3 см. Так же как и все другие, они изготовлены из отщепов, полностью обработаны мелкой ретушью, моделирующей орудие. Характерной особенностью является асимметричность. Очевидно, обитатели побережья р. Чаваньги не имели устойчивой традиции, в изготовлении новых типов наконечников и были еще живы прошлые навыки, о чем говорят два упомянутых выше наконечника, имеющие полностью мезолитический облик. Пропорции наконечников варьируют от 5×1,7 до 4,5×2,7 см. Обращает на себя внимание массивный сланцевый наконечник крупной величины (12,5×5 см) с хорошо выраженным черешком, обработанный по одному краю с обеих сторон сколами, снявшими часть ударной площадки. Противоположный длинный край вовсе не тронут обработкой, за исключением небольшой подправки черешка.

Относительно многочисленные скребки все выполнены на кварцевых отщепах высокого качества или горного хрусталя. Среди них концевые и концевые-боковые. Крупные орудия из плоских галек терского песчаника имеют различной степени удлиненные пропорции (16×6,5, 14×10 см) или короткие (15×15 см). Во всех случаях края их полностью или частично, по одной или обеим сторонам обработаны более или менее крупной ретушью, лезвие иногда хорошо утоньшено и пришлифовано, тыльная часть довольно массивная. Выдеяется один экземпляр сланцевого топорика (8 см длины), зауженный к тыльной части, с симметричным, тщательно пришлифованным лезвием и одним краем.

Очень многочисленны фрагменты шлифовальных плит, свидетельствующие о распространенности новых способов обработки орудий. Очевидно, шлифование широко применялось и для изготовления костяных орудий, поскольку количество шлифованных каменных предметов не столь значительно. На принципиально новые способы обработки каменных орудий указывают и пилы, изготовленные из тонких плиток терского песчаника, с хорошо выделенным в результате употребления лезвием, покрытым параллельными тонкими штрихами. Размеры их преимущественно крупные (7,5×4,5 см).

Относительно много кремневых отщепов и нуклеусов. Часть последних призматические с негативами от снятых ранее пластин, другие аморфные с бессистемным скалыванием.

Керамика, сравнительно многочисленная (1190 фрагментов); отощителем служат песок и дресва, сила обжига не менее средней, что и обеспечило относительно хорошую сохранность. Толщина стенок значительна — 1—1,2 см, величина сосудов до 45 см в диаметре, форма в основном полуяйцевидная, с широко открытым горлом. Край прямой, изредка слегка утолщенный, днища в разной степени округлозаостренные. Вместе с тем встречаются и плоские днища (рис. 27, *18*, 28) — явление необычное для лесного неолита и тем более для его раннего периода. Как мы видели ранее, плоскодонные сосуды встречаются на северо-восточном побережье и центральной части Кольского п-ва. Это не уплощенные, а действительно плоские днища, диаметр которых равен 11 см. Внешняя поверхность некоторых сосудов окрашена охрой. Удалось реставрировать несколько сосудов, в том числе с плоским дном.

Элементов орнамента относительно немного, преобладает гребенка различной величины — удлиненная и узкая или широкая и короткая, в большинстве случаев четкая, иногда нанесенная в отступающей манере, отчего она кажется небрежной. Довольно часто использована нить, намотанная на длинный стержень, имитирующий гребенку. Ямки применены преимущественно для деления на зоны. Из других элементов встречаются: прямой штамп (или удлиненные нарезки), особые плоские овалы с рубчатым дном. Наиболее часто встречаются оттиски гребенки, поставленные под углом друг к другу и образующие непрерывный вертикальный или горизонтальный зигзаг; ямки, выстроенные в один ряд, создают горизонтальные пояса. Во всех случаях прослеживается горизонтальность узора. Реставрированные сосуды позволяют полностью восстановить композицию.

Как можно видеть в изготовлении керамики поселения Чаваньга I весьма отчетливо выступают две традиции. Одна из них близка керамике сперрингс. На это указывают толщина стенок сосудов, несильный обжиг, прямой край и неорнаментированный его срез, широкое использование оттисков шнура, редкое применение ямок, прочерченные линии и линии, нанесенные в «отступающей» манере, а также окрашенность охрой внешней поверхности. Вместе с тем в этой группе сосудов не встречаются многие черты сперрингс, типичные для Карелии и Финляндии. Так, отсутствуют «позвонковый» орнамент, штамп в форме римской цифры I, мотив «корзиночного плетения» (группы прямых линий, направленных под углом друг к другу). Отход от традиции сперрингс особенно подчеркивает широкое применение гребенчатых отпечатков, которые неизвестны для сосудов сперрингс, в нашем памятнике они сильно модифицированы.

В керамике Чаваньга I улавливаются и иные черты, сближающие ее с сосудами сярязниеми 1. К ним относится применение четкой гребенки, образующей короткие зигзаги, расположенные горизонтально по всей внешней поверхности сосуда, — узор, тождественный украшению некоторых сосудов Финмаркена (рис. 27, *16*). Наконец, следует выделить и наличие вполне оригинальных черт технологии и орнаментации керамики этого поселения. Из их числа можно указать на применение узоров, составленных из зигзагообразных линий, выполненных гребенкой или шнуром, намотанным на стержень, чередующихся вверх, вниз и горизонтально (рис. 27, *17*), покрывающих сплошь всю внешнюю поверхность сосуда, очень крупную гребенку и, конечно, совершенно необычное явление — плоскодонные сосуды. Радиокарбоновая датировка 5560±80 л. т. н. (ЛЕ-1222) дает основание считать Чаваньгу I ранненеолитическим памятником, обладающим своими ярко выраженными особенностями.

Наволок

К числу поселений, содержащих «чистый» неолитический комплекс, относится Наволок, расположенный на юго-востоке побережья, в 300—500 м к северо-востоку от устья р. Сосновки, на террасе высотой 8—10 м над уровнем моря. Исследовано в 1971, 1972 гг. на площади 300 м^2. Раскоп был заложен на самом берегу моря и включал в себя основную часть поселения.

В центральной части раскопа залегали: 1 — тонкий дерновый слой; 2 — тонкая зеленоватая подзолистая прослойка; 3 — торфяная прослойка с очень неровной нижней и верхней границей, вследствие чего мощность ее колебалась от 8 до 20 см; 4 — темно-серый, иногда очень темный песок мощностью 10—20 см, также имеющий волнистую поверхность (в отдельных случаях он встречался в виде небольших линз, замещая торф). Особенно отчетливо обозначились 3 линзы по линии пикетов: 1-я длиной 0,3 м, толщиной 0,2 м; 2-я длиной 0,8 м, толщиной 0,23 м; 3-я длиной 0,7 м, толщиной 0,4 м; 5 — коричневый песок мощностью до 0,2 м, местами подстилаемый камнями, в других случаях темно-гумусированной прослойкой. На отдельных участках (по линии B_6B_8) выступали крупные камни, порой лишь слегка прикрытые культурным слоем или торфяной прослойкой. В свою очередь,

камни иногда налегали на тонкую глинистую прослойку. Закономерности в их расположении не прослеживалось. Основные находки были приурочены к 4-му — темно-серому слою, начинаясь сразу под слоем серого песка и торфа.

Несколько иная стратиграфия наблюдалась в северо-западной части поселения (раскоп II). Очевидно, вследствие сильного воздействия ветра, который затронул верхний горизонт культурного слоя, находки встречались начиная с дневной поверхности и шли в глубину не более 0,15 м. В основном здесь наблюдались следующие напластования: 1 — темный крупнозернистый песок с находками; 2 — мелкозернистый желтовато-розоватый песок. На некоторых участках прослеживалось следующее чередование слоев: 1 — светлый песок с находками; 2 — мелкий влажный темно-серый песок; 3 — горизонтальное чередование светлого (желтого) и более темного песка. По-видимому, находки были переотложены сильными ветрами, о чем свидетельствуют близкое залегание их к дневной поверхности и отсутствие в северо-западной части поселения очагов.

Общее количество комплексов и вещественных остатков по сравнению с другими памятниками невелико. На кв. 21, сразу под торфом, на глубине 0,1—0,3 м обнаружено компактное скопление (диаметром 0,4 м) крупных и мелких кусков, отщепов и сколов кварца, лежавших на большом плоском камне, рядом с крупным кварцевым скребком. В том же и соседнем квадрате лежали еще 2 скребка, ниже, на втором горизонте, около камня залегали кварцевые сколы и отщепы, очевидно сползшие с поверхности камня.

Второе скопление кварцевых сколов и отщепов, диаметром 0,2—0,3 м, располагалось на границе кв. 29, 30, у пикета A_{11}. Верхняя часть их выявилась сразу под торфом, нижняя налегала на коричневый песок, подстилающий культурный слой. Помимо сколов и отщепов кварца средней величины здесь находились многочисленные крупные куски кварца, нередко с частичными сколами и следами пребывания на огне, а также скребки выполненные из того же материала. Судя по большому количеству кварца и крупным его кускам, по-видимому, это скопление, так же как и первое, является «рабочим местом мастера», где он изготовлял орудия.

Третье «рабочее место», диаметром 0,25—0,30 м, располагалось на границе кв. 42, 43, в 1 м от пикета $З_{10}$ и состояло преимущественно из мелких кварцевых отщепов. Верхняя часть его залегала на глубине 0,18 м от современной поверхности.

Вскрыто 2 очага. Очаг № 1 на кв. 14 (и в очень небольшой мере на кв. 17) прослеживался с глубины 0,25—0,30 м в виде углистого пятна с прослойками белесого (золистого) и красноватого (обожженного) песка и частично с прослойками торфа. Углистое пятно с юго-востока, юга и юго-запада оконтуривали камни, один из которых имел довольно крупный размер. Очаг № 2, в кв. 38, размером 0,95×0,7, в разрезе чашеобразной формы, был перекрыт сверху, помимо дернового слоя, торфом толщиной 0,1—0,5 м. Это было углистое пятно с пережженным песком мощностью до 0,1 м, слегка углубленное в материк. Камни отсутствовали.

Особенностью, выделяющей этот памятник из числа других, является обилие кремневых отщепов (1460) — отходов от изготовленных орудий. Среди них: крупных (5—4 см) — 73; средних (3—2 см) — 182; мелких (менее 2 см) — 1205 экз. Все отщепы получены от расщепления мелких галек, ни в одном случае не превышающих 5 см. Кремень невысокого качества, светлых тонов, с преобладанием розоватого и сероватого. На абсолютном большинстве отщепов сохранилась желвачная корка. Очевидно, кремневые гальки имеют местное происхождение и найдены в долине р. Стрельны. Кварц также низкого качества, крупнозернистый. Всего вещественного материала 7984 экз.: орудий — 569, отщепов — 7234, керамики — 181 фрагмент.

В связи с наличием местного кремня сравнительно велико количество кремневых наконечников стрел (34). Чистота комплекса этого поселения и вместе с тем разнообразие наконечников стрел свидетельствуют об одновременности бытования нескольких типов этой категории орудий.

Встречаются листовидные с полной или частичной обработкой (тип I : 1а, б), в последнем случае одна сторона ретуширована по периметру пера, остальная поверхность покрыта желвачной коркой; треугольные с широким округлым черешком (тип II : 5); подромбические и ромбические (тип III : 1а, в). Среди ромбических есть мелкие (2,5 см). В единичном экземпляре имеется оригинальный «северный» тип — удлиненно-листовидный с двумя симметричными, тщательно ретушированными выемками, расположенными близко к середине (тип I : 14).

Помимо кремневых представлены частично ретушированные кварцевые (3 экз.), один плоский, с выделенным черешком, мезолитического облика. Сланцевые — группа Б — относятся к двум вариантам. Во всех случаях это очень плоские отщепы, которым с помощью пришлифовки краев придана форма остроконечников с усеченной базовой частью. Тип I : 1 — пришлифовкой захвачена вся поверхность пера с обеих сторон, по центральной оси орудия проходит ребро; тип I : 2 — края приострены шлифовкой с обеих сторон только в виде узкой полоски. Уплощенные тыльные части в обоих случаях оставлены без оформления.

Относительно многочисленны скребки кремневые и кварцевые (298). В числе первых единичны изготовленные из расколотых галек, толстые и из массивных отщепов подокруглой формы, преимущественно ретушированные только на конце, в одном случае с подтеской с брюшка. Среди кварцевых скребков строго выработанные типы отсутствуют. Тело скребка обычно различных очертаний, ретушь располагается на конце или и на одной из боковых сторон, у подокруглых вторичная обработка занимает 3/4 периметра. Встречаются скребки со скошенным лезвием. Микроскребки — отзвуки мезолита (16 экз.), округлых очертаний и сегментовидные (3 экз.). Скобели-струги менее выражены по сравнению с аналогичными орудиями других памятников. Среди них двух и однолезвийные, иногда удлиненные с небольшим (менее 1 см) лезвием. Наиболее крупные (3 экз.) имеют размер 4,5—5 см. Два экземпляра скобелей-стругов выполнены той же техникой из кремня.

Из прочих кварцевых орудий имеются серединные и боковые резцы (10 экз.), довольно небрежно изготовленные, и проколки (8 экз.) с хорошо или более слабо выраженным лезвием. Есть кремневые пластинчатые отщепы, но правильные ножевидные пластины отсутствуют.

Среди крупных орудий — рубящие и один сланцевый наконечник копья с хорошо выраженным черешком, с частичной ретушью и пришлифовкой. Овальные топоры оформлены крупными и мелкими сколами, зашлифованы по всей поверхности (кроме глубоких фасеток от ретуши). Встречаются стамески и узколезвийные орудия типа долот, а также обломок крупного удлиненного шлифованного наконечника копья с треугольным сечением.

Коллекция содержит также несколько каменных пил, утилизированных из сильно сточенных шлифовальных плит терского песчаника. Лезвие их острое, с отчетливо заметными параллельными тонкими штрихами. Шлифовальные плиты (16 экз.) имеют разные размеры, часть их крупные, другие более мелкие. Один кусок песчаника в результате работы на нем получил форму пятиугольника.

Среди предметов, применявшихся для изготовления орудий, присутствуют гальки, служившие в качестве ретушеров и наковален, о чем свидетельствуют мельчайшие выщербинки по краям и в середине. Не исключено, что одна из таких кварцитовых галек, имеющая незначительное углубление в середине, могла быть держателем при добывании огня лучковым сверлом. Следует указать на присутствие кварцевых нуклеусов, иногда крупного размера (5—6 см), одноплощадочных. В результате приострения конца, противоположного площадке, они использовались как рубящие орудия. Единично кольцо из светлого сланца, тщательно зашлифованное, с односторонним сверлением.

Керамика немногочисленна — 163 фрагмента (в том числе мелкие), минимум от 8 сосудов. Все они относятся к неолиту. Примесь к глине различна, но всегда неорганическая, порой с очень крупными (до 0,5 см) зернами кварца, иногда более мелкая. Как и в ряде других поселений сосуды слеплены из двух слоев. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность. Элементами его служат: круглые конические ямки, используемые в качестве дополнения к основному рисунку, крупная, редко мелкая гребенка, узкий прямой штамп и короткие отпечатки гребенки — «челночки» или «гусеницы». Преобладают мотивы горизонтальных поясов, образованные указанными элементами орнамента. В одном случае узкий прямой штамп нанесен в «качающейся» манере без отрыва от поверхности сосуда — оригинальный способ, характерный для керамики типа сярязниеми (рис. 29, *15—23*).

В связи с отсутствием реставрированных и целых сосудов судить о их композиции трудно. Очевидно лишь чередование горизонтальных полос различных мотивов. Наиболее сложно орнаментирована верхняя часть одного из сосудов, где ромбы, выполненные узкой, тонкой гребенкой, вытянуты в одну линию, параллельную краю сосуда, и в месте соединения их украшены круглыми ямками. Параллельно ромбам сверху и снизу нанесены зигзагообразные линии, также на углах «скрепленные» круглыми ямками.

Радиокарбоновые даты, полученные по углям из очага, — 4170±70 л. т. н. (ЛЕ-1326); 4300±70 л. т. н. (ЛЕ-1389); 4840±70 л. т. н. (ЛЕ-1390).

Мыс Семерка I

Поселения Мыс Семерка расположены в 7 км к юго-востоку от п. Ловозеро, на небольшом мысу, ограниченном с одной стороны протокой, соединяющей Поповское озеро с устьем р. Вирмы, а с другой — самим Ловозером. Это наиболее узкое место очень богато рыбой, а маленькое замкнутое Поповское озеро, тихое даже в ветреную погоду, является удобным пристанищем для лодок.

В процессе разведки нашей экспедиции в 1970 г. на территории упомянутого мыса выявлено два пункта с находками. Первый из них — Мыс Семерка I — располагался на первой надпойменной тер-

расе, в непосредственной близости от протоки — неолитическое поселение[21], второй — Мыс Семерка II (ранний металл) — к северо-западу от него, на более возвышенной части берега.

В 1972 г. на поселении Мыс Семерка I нами исследована площадь 144 м^2. Стратиграфия на всем раскопе однообразна. Культурный слой — буроватый, местами пестроцветный песок, мощностью до 0,25 м, залегал непосредственно под слоем дерна, в нижней части которого уже встречались находки. Подстилающим слоем являлся песок преимущественно ржавого цвета с примесью гальки. Как выяснилось, наиболее южные квадраты (9, 12, 15) имели очень тонкий культурный слой (до 10—12 см), который заметно выклинивался к югу. Несколько более слабое, но все же уменьшение мощности культурного слоя прослеживалось и в юго-восточной части раскопа, по линии кв. 22, 27, 32, где значительно сокращалось и количество находок. Подстилающим слоем здесь служил темно-коричневый, слегка заторфованный песок. На кв. 16, 17 целостность культурного слоя оказалась нарушенной поздними ямами, на ряде других квадратов выступала пестроцветность с преобладанием серых тонов, свидетельствующая о перемешанности культурного слоя в древности.

Отчетливых комплексов жилого или очажного характера не обнаружено. Только в пределах четырех смежных квадратов (18, 19, 23, 24) прослеживалось значительное количество камней и плиток гранита, однако определенной закономерности в их размещении не наблюдалось.

Основную массу вещественного материала составляли кварцевые отщепы (1068 экз.), сколы и куски сланца (155), вовсе не обработанные или только с начатой обработкой, свидетельствующие об изготовлении многочисленных орудий на месте. Среди орудий много крупных сланцевых долот и топоров, кварцевых скребков. Встречаются кварцевые резцы и довольно много нуклеусов. Кремневые отщепы и орудия редки. Это фрагментированные наконечники стрел и ножевидные пластинки. Обращает на себя внимание крупное массивное сланцевое орудие (31×7,5 см) с одним зауженным концом, служившее, очевидно, молотом для дробления твердого вещества.

Керамика немногочисленна (7 экз.), отощитель глины органический, очевидно трава, выгоревшая при обжиге и оставившая пустоты. Толщина стенок выше средней (до 0,8 см). Отсутствие значительных частей сосудов лишает возможности установить их форму. Можно лишь заключить, что край слегка утолщен в результате того, что глиняная лента загнута вовнутрь[22] (рис. 29, *1—14*).

Орнамент разреженный, поверхностный. Преимущественно это вдавления округлой формы (обычно с плоским дном) или удлиненные. Изредка встречаются короткие оттиски сложноперетенного шнура, намотанного на стержень, с помощью которого нанесены длинные отпечатки, и пунктирная гребенка.

Мотивы, образованные этими элементами, просты. Почти всегда это горизонтальные ряды из ямок или оттисков прямо поставленной гребенки. Единичны горизонтальные зигзагообразные ряды из ямочных вдавлений или вертикальный зигзаг из отпечатков сложнопереплетенного шнура. Фрагментарность материала позволяет проследить лишь части композиции. Прямой или утолщенный край сосуда орнаментально не выделен. Верхняя часть украшалась горизонтальными линиями, образованными косо поставленной гребенкой, или горизонтальными рядами (одинарным, двойным или множественным) ямчатых вдавлений. Наиболее сложным является сочетание горизонтального пояса из косо нанесенной гребенки и одинарного зигзага из ямчатых вдавлений или вертикального зигзага из ямчатых вдавлений и вертикального зигзага из отпечатков шнура, поверх которого (в месте стыка оттисков) нанесены горизонтальные ряды ямок (рис. 29, *6*). Иногда оттиски гребенки нанесены на край с внутренней стороны сосуда.

Судя по типам орудий, и в особенности керамики, поселение Мыс Семерка I следует датировать поздним неолитом.

Цага I

К ранненеолитическим эталонным памятникам центральной части полуострова следует отнести Цагу I, расположенную в 300—400 м от устья р. Цаги, впадающей в южную часть Ловозера. Площадь стоянки, очевидно, не превышает 200 м^2. Она вытянута узкой полосой вдоль реки, с запада ограничена возвышением (по-видимому, 2-я терраса), не более чем 10 м над рекой. Обнаруженный в 1970 г., памятник дополнительно исследовался в 1972 и 1986 гг. Площадь раскопа за 2 первых года 48 м^2.

---

[21] В 1971—1972 гг. на этом поселении произвел раскопки Ю. А. Титов, в результате чего поверхность памятника оказалась разрушенной несколькими раскопами и засыпана отвалами земли.

[22] К сожалению, материал части поселения, раскопанной Ю. А. Титовым, не опубликован, вследствие чего мы лишены возможности дополнить наши сведения данными из его полевого отчета.

Культурный слой — желтовато-красноватый песок, мощностью 0,15—0,40 см, выраженный очень отчетливо, со значительным количеством углистых скоплений, залегал под тонким растительным слоем мха и ягодника и подстилался речным песком. На некоторых участках гумусированность культурного слоя была более заметной, на поверхности и в культурном слое встречалось довольно много крупных камней. На кв. 2—3 сохранились остатки кострища — пятна округлых очертаний, диаметром 1,2×0,9 м, темного цвета, с примесью большого количества углей. Вокруг него прослеживался красный, сильно прокаленный песок. Вблизи очага обнаружены крупная (около 0,5 м) шлифовальная плита и масса сланцевых отщепов, заготовки орудий. Очевидно это было «рабочее место мастера».

Находки располагались по всей толще культурного слоя, но особая концентрация их наблюдалась вокруг очага. Среди относительно небольшого количества материала, обусловленного малой площадью раскопа и тонким культурным слоем, обращает внимание большое количество крупных сланцевых орудий (16 тесел) и обломков шлифовальных плит — черта, очень характерная для неолита и раннего металла центральной части полуострова (Мыс Семерка I, II на Ловозере), в отличие от северного побережья. При этом сланцевые орудия имеют заметно крупный размер и тщательную обработку — шлифованы по всей поверхности. Прочие орудия представлены единицами. Наконечники стрел листовидной формы с двусторонней обработкой, ножи, скребки, скобели-струги и два сверла. На этом фоне 16 тесел и 5 шлифовальных плит, две пилы — выделяются довольно заметно.

Относительно многочисленная керамика (102 фрагмента примерно от 30 сосудов) толстостенная, с примесью песка, средней степени обжига, с прямым или слегка отогнутым наружу краем. Орнамент покрывает всю поверхность, но до некоторой степени разрежен. Основным элементом служит гребенка, варьирующаяся по величине и форме зубцов. Встречается разнозубчатая, нанесенная, очевидно, прокатом со специальным нажимом на край округлого орнаментира, в результате чего образован «тесемочный» орнамент. Горизонтальные узкие ленты (тесьма) располагаются на некотором расстоянии друг от друга, отчего получается свободное от украшений пространство (рис. 30). Дополнительными редко используемыми элементами являются конические ямки, придающие узору некоторое разнообразие. Тесемочный узор совершенно аналогичен украшению сосудов ряда поселений полуострова. Радиокарбоновая датировка стоянки — 5760±160 л. т. н. (ЛЕ-1087), 4690±70 л. т. н. (ЛЕ-971) — позволяет относить этот памятник к раннему неолиту и рассматривать его как стоянку небольшого человеческого коллектива. Ценность Цаги I, помимо чистого комплекса, заключается также и в расположении по соседству с ней на низкой террасе противоположного (правого) берега реки поселения эпохи раннего металла — Цага II. В отличие от Цаги I оно занимает обширную площадь, содержит очень большое количество кварцевых орудий и отщепов, а также керамику с примесью асбеста. Сопоставление этих двух памятников, занимающих соседние участки, ярче отражает их хронологическую специфику.

Очевидно, в Цаге I большое количество рубящих орудий было обусловлено особенностями экологии и экономики — существованием густых лесов и необходимостью вырубки деревьев для жилья, рыболовецких и охотничьих сооружений.

ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА
Характерные черты

Как указывалось, к началу планомерного археологического исследования Кольского п-ва эпоха раннего металла была представлена лишь несколькими погребениями Оленеостровского могильника, в которых помимо костяных и каменных предметов было найдено всего 5 фрагментов керамики, и останцами Екатерининской стоянки I, II. Теперь эти материалы очень значительны. Обширные данные получены в результате широких раскопок ряда поселений: Нерпичья Губа, Дроздовка, Усть-Дроздовка, Маяк, и в особенности Маяк II, расположенных на северном побережье п-ва, Мыс Семерка II — в центральной части. Некоторые из них, такие как Дроздовка, Маяк, Мыс Семерка II, содержали чистые комплексы этого времени, на остальных они залегали совместно с неолитическими, не будучи разделенными стерильными прослойками, но все же приуроченные к определенным горизонтам и четко локализованные планиграфически. Очень существенным также явилось открытие и исследование крупного поселения Мыс Семерка II, расположенного рядом с неолитическим — Мыс Семерка I, что позволяет легче производить сопоставление материальной культуры обеих эпох, а с другой стороны, позволяет проследить преемственность.

Важным явилось и то обстоятельство, что упомянутые памятники находятся в несходных природных условиях — на побережье в тундре и в таежной зоне, что позволяет выявить своеобразие типов хозяйства. Кроме того, наличие поселения, хотя и плохо сохранившегося, на южном побережье — Ча-

ваньга III — позволяет осветить один из существенных вопросов — связь древнего населения Кольского п-ва с карельскими племенами.

Среди памятников этого времени был доследован Оленеостровский могильник, позволивший определить его место в ряду памятников эпохи раннего металла и тем самым использовать для раскрытия сущности искусства и верований той эпохи. На северном побережье удалось обнаружить кратковременные бивуачные стоянки, дополняющие представления о приемах охоты на морских животных, а также лабиринты и наскальные изображения, отражающие мировосприятие и искусство.

Основные памятники периода древней истории раскопаны большими площадями, как правило исчерпывающими все пространство распространения культурного слоя. Так, размер раскопа на Нерпичьей Губе равнялся 728 м^2, на Маяке — 360 м^2, Маяке II — 1032 м^2, Мыс Семерка II — 712 м^2, Усть-Дроздовка — 756 м^2 и только в Дроздовке (пристань), в большой мере разрушенной, составлял 128 м^2.

Поселения эпохи раннего металла, в принципе, располагаются на более низких высотных отметках по сравнению с предшествующими — от 7 до 14 м, чаще 8—10 м. Особенно показательны в этом отношении поселения Чаваньга I и III: неолитическое — 21 м над уровнем моря и эпохи раннего металла (Чаваньга III) — 14 м над уровнем моря. В то же время ряд поселений эпохи раннего металла размещаются на тех же местах, что и неолитические (Нерпичья Губа, Усть-Дроздовка, Маяк II), что вызывалось особым удобством этих мест для занятия рыболовством и морским промыслом.

Поселения этого времени занимают значительно большую площадь по сравнению с неолитическими и тем более с мезолитическими, что наглядно иллюстрирует Нерпичья Губа (около 1500 м^2) и Нерпичья Губа I (не более 200 м^2), расположенные рядом. То же наблюдается и на Маяке II, где неолит занимает 350—400 м^2, в то время как комплекс раннего металла, вместе с поселением Маяк, — 1500 м^2. При этом на Маяке II удается уловить процесс разрастания поселения в пределах даже одной эпохи — верхние слои имеют гораздо большую протяженность по сравнению с нижними, как следствие этого — значительное увеличение мощности культурного слоя и насыщенность его находками.

На северном побережье Баренцева моря все поселения этого периода располагаются на берегу тихих бухт, куда и в настоящее время заходит морской зверь. В тех местах, где сохранились органические остатки, встречается огромное количество фауны, среди которой подавляющее большинство принадлежит ластоногим. Присутствуют также и кости сухопутных животных, а также птиц. Немалое значение имело рыболовство, на что указывают также топография стоянок, кости рыб, грузила от сетей, иглы для их плетения, изображение сцены рыболовства на каменном предмете. Встречаются и скопления раковин моллюсков, употреблявшихся в пищу. По всей вероятности, хозяйство было комплексным, и в разные времена года особенно использовались различные продукты, но несомненно господствующей формой являлся морской промысел. Хотя в своей зачаточной форме охота на морского зверя и появилась еще в эпоху мезолита, постепенно развивалась в неолите, но могла достигнуть такого уровня, чтобы стать главной отраслью, только в раннем металле, в чем и заключается одно из главных отличий этой эпохи от предшествующих. Переход к зверобойному промыслу должен был ознаменоваться целым рядом серьезных изменений в области экономики и быта. Есть некоторые основания предполагать в это время зачатки приручения оленя.

В южной таежной зоне полуострова, так же как и на севере, фиксируется увеличение площади поселений, мощности культурного слоя и его интенсивной насыщенности, что отчетливо свидетельствует о несомненном развитии производительных сил общества. Однако поскольку здесь не было резкого изменения экономического уклада, они не выступают с такой отчетливостью. Проследить их прогрессивное развитие мешает и отсутствие органических остатков в этом регионе. Поскольку здесь оставался охотничье-рыболовческий тип хозяйства, естественно шло увеличение орудий этого промысла и их усовершенствование. Вероятно, как и в других районах лесной зоны, увеличивался размер сетей, усложнялись всевозможные ловушки на рыбу, ловчие ямы на сухопутного зверя, развивался,в связи с этим водный и сухопутный транспорт, дифференцировались орудия охоты.

Новые черты культуры эпохи раннего металла, по сравнению с неолитической, проявились в наборе и соотношении категорий орудий. В этом случае они, естественно, заметнее в северных памятниках, необходимые там в связи с развитием нового типа хозяйства, потребовавшего набора и нового характера орудий.

Следует отметить для обоих районов появление нового сырьевого материала в виде мыльного камня, который не использовался в неолитическую эпоху. Очевидно, месторождение его существует в северных районах, поскольку изделия из этого материала в южной и центральной части достаточно редки. По-видимому, и в северном регионе выходы его не так часты, поскольку количество предметов, изготовленных из него, ограничено. Мягкий, и потому не пригодный для орудий, он использовался лишь для изготовления предметов искусства (скульптуры, рисунков, наверший на булаву), а также для некоторых бытовых предметов (например, ламп-жировиков). Для этих целей он был очень удобен, что и послужило в известной мере стимулом для развития изобразительного искусства.

В эпоху раннего металла широкое применение находит пемза, использующаяся в качестве абразива, в особенности для завершающей обработки тонких костяных, а возможно, и металлических орудий. Следы от заточки на поверхности кусков пемзы, как правило, оставлены предметами очень малого диаметра — иглами и остриями. Возможно полезное качество пемзы знало и неолитическое население, но если и использовало ее, то только в редких случаях.

Новым материалом, вовлеченным в сферу производства в этот период, являются асбест и слюда. Первый употреблялся как отощитель глины при изготовлении сосудов, вторая, помимо того, и как украшение. За то, что они были важны для человека того времени, говорят находки их в погребениях Оленеостровского могильника.

При исследовании поселений эпохи раннего металла, в особенности северного побережья, бросается в глаза чрезвычайное обилие крупных, окатанных морем галек, они встречаются по нескольку штук вместе или парами. Почти во всех случаях поверхность их сохраняет мелкие выщербинки, как правило концентрирующиеся на округлых концах, но иногда заметные и на середине орудий. Значительное количество этих предметов имеет очень сильную сработанность на концах — стертость до ровной плоскости. Очевидно, эти экземпляры употреблялись в качестве молотов для дробления каких-то очень твердых материалов. Ими могли быть руда и асбест, а также другие твердые отощители. Такое большое количество удлиненных галек с различными следами сработанности свидетельствует об их важном значении в хозяйстве племен, занимающихся морским промыслом. Очень вероятно, что часть более мелких из них использовалась в качестве грузил для сетей и различных ловушек. Иногда они залегают целыми кучками.

С эпохой раннего металла связан и особый тип грузил, который, появившись только в это время, сосуществует с грузилами иного облика. Новые грузила представляют собой также окатанные морем гальки, порой значительной величины, чаще овальной формы, опоясанные по длинной оси желобком для крепления веревки, выполненным точечной ретушью. Помимо поселений, такие грузила известны по Оленеостровскому могильнику. Очевидно, они крепились к большим сетям или применялись при сооружении особых рыболовных ловушек. Не лишено интереса, что тождественные грузила известны и в Северной Норвегии (Simonsen, 1961, fig. 34b).

Несомненно одним из крупнейших, принципиально новых достижений рассматриваемой эпохи следует считать знакомство людей с металлом. Хотя этот факт, судя по находкам литейных форм и металлического наконечника, бесспорен, все же в настоящее время недостаточно еще материала для ответа на ряд важных вопросов, связанных с этим видом человеческой деятельности. Количество готовых изделий ограничивается пока одним наконечником копья, бронзового или медного (Шмидт, 1930). Однако умение людей изготовлять бронзовые вещи не вызывает сомнений. На поселении Маяк II обнаружена половина литейной формы для отливки кельта и половинка для отливки ножа. Такая же половинка формы для ножа найдена и на южном побережье полуострова (стоянка Востра). Формы изготовлены из мыльного камня, что очень существенно для доказательства их местного происхождения. Однако каких-либо иных следов обработки бронзы или меди (в виде шлаков, капель металла или льячек) пока не встречено, что не позволяет охарактеризовать процесс выплавки металла.

По-видимому, в рассматриваемый период жители полуострова познали и полезные свойства железа, что подтверждают печь-каменка на поселении Мыс Семерка II и найденный в непосредственном соседстве с ней железный шлак. Неподалеку от этого места обнаружен и железный рыболовный крючок.

Представление о железе как высококачественном сырье подтверждается находками в погребениях № 1, 2 Оленеостровского могильника, где наряду с сырьем для изготовления орудий — крупными массивными костями животных, отщепами сланца, кварца, асбеста и слюды, — «необходимых» в потустороннем мире, у одного погребения за головой, у второго в руках лежали куски железной руды. Косвенным показателем применения металла в этот период служат роговые ручки на поселении Маяк II, поскольку среди инвентаря этого памятника отсутствуют соответствующие каменные ножи или кинжалы, которые могли бы вставляться в подобные рукояти.

Вероятно, отсутствие железных предметов объясняется исчезновением их в связи с особенностями стратиграфии, однако основной причиной все же было недостаточное распространение их в быту. Очевидно, железо и бронза еще не заняли того места, которое было предназначено им историей. Кроме того, что касается бронзы, то вещи, изготовленные из нее — весьма ценного на Севере продукта, — по всей вероятности, очень берегли и сломанные подвергали переплавке. По-видимому, вообще их было немного, о чем говорят высокоразвитая техника изготовления каменных и костяных орудий и исключительное обилие отщепов кварца и сланца. Костяные орудия отличаются богатством ассортимента, они не только не утратили своего значения в эпоху раннего металла, но и получили дальнейшее развитие.

На северном побережье появилась новая категория орудий, не типичная для неолита, — крупные и очень крупные двусторонне обработанные наконечники копий различных типов, от довольно не-

брежных до совершенной обработки. Среди них численно преобладают листовидные, преимущественно удлиненных пропорций. Многолики и сплошь зашлифованные наконечники новых типов, в частности с продольным желобком в тыльной части и с выемками на месте черешка. Очевидно, копья, снабженные крупными наконечниками, широко применялись при охоте на морского зверя, что подтверждается исключительным обилием их на бивуачных стоянках (Варзино 8). В центральном районе они встречаются в меньшем количестве. Совершенные сланцевые шлифованные наконечники копий известны и в южных приморских стоянках (Чаваньга III), в то время как они отсутствуют в расположенных рядом неолитических (Чаваньга I, II).

Совершенствуются и другие орудия, в частности наконечники стрел. Наряду с ранее известными листовидными, ромбическими, треугольными и более архаическими — черешковыми на пластинчатых отщепах с частичной обработкой, изредка встречающимися в качестве рецидива, ведущее место занимают типы, близкие к сейминским, только более смягченных очертаний (северный вариант), резкоудлиненные иволистные черешковые и иволистные бесчерешковые, наконечники беломорского типа, иногда с пильчатой ретушью.

Очень широкое распространение получают костяные кинжалы различных типов, часто крупные, тщательно зашлифованные, с выделенной рукояткой. Особенно многочисленны они в Оленеостровском могильнике и на Маяке II, т. е. там, где сохранилась кость. Оригинальная форма их не встречается в других памятниках, некоторые выполнены из клыков моржа.

Обращает на себя внимание разнообразие острог, гарпунов от очень маленьких до крупных, употреблявшихся на мелкую рыбу и крупного морского зверя. Присутствие поворотных гарпунов разного типа свидетельствует о прогрессивных формах морского промысла на моржей, тюленей, нерпу, белуху с выездом в море. Поворотные гарпуны появляются ранее всего на побережье Балтики и гораздо позже у жителей восточных областей. Вероятно, раннее появление поворотных гарпунов на Кольском п-ве следует объяснять контактом с западными соседями, вместе с тем разнообразие их свидетельствует о том, что производство этих орудий не достигло еще стандарта и находилось в стадии поисков наиболее рациональной формы.

Там, где сохранились органические остатки (Оленеостровский могильник, Екатерининские стоянки, Маяк II, Маяк), присутствуют костяные рыболовные крючки, где не сохранились — только каменные. Последние представляют собой только ножки (цевье) рыболовных крючков с нарезками для крепления жала и лески. Разнообразие их было обусловлено тем, что они изготовлялись отдельными членами рода, результат индивидуального творчества, вместе с тем ограниченного определенными традициями. Существовали идентичные или очень близкие по форме крючки, отличающиеся лишь в деталях. Именно их серийность и позволяет выделить типы. При этом тождественные экземпляры встречаются на очень отдаленных территориях: на Кольском п-ве, в Карелии, Финляндии, Норвегии и отдельные экземпляры в Сибири. Очевидно, они появляются еще в неолите. Среди костяных рыболовных крючков Маяка II и Екатерининской стоянки имеется ряд типов, при этом с весьма оригинальными деталями (например, с отверстием в обушке или с головкой, в профиль напоминающей человеческое лицо, тождественные норвежским). Сходство в рыболовных крючках определенных типов наблюдается и вне Кольского п-ва. Так, определенная форма крючков (когда жало отделено от ножки крючка с помощью высверлины) известна во всей Восточной Прибалтике и на Украине. Очевидно, форма кольских и норвежских крючков определялась единством приемов изготовления и традицией. В одной из норвежских стоянок найден крючок с незавершенной обработкой.

Очевидно, в связи с широким развитием морского промысла очень сильно увеличилось количество каменных ножей разнообразной формы. Среди них встречаются угловые, часто очень оригинальные, крупного размера — удлиненные с выделенной рукоятью и узкие сплошь зашлифованные. Обилие их позволяет выделить несколько типов.

Тот же морской промысел и связанная с ним необходимость обработки шкур вызвали к жизни новую категорию орудий — крупные струги из ребер моржа, очень сильно залощенные от работы по всей поверхности. По внутренней окружности их располагаются зубцы (неглубокие надрезы). Такие струги известны по этнографическим материалам у прибрежных морских охотников.

Роговые и костяные орудия — там, где они сохранились, — представлены оригинальными типами, не встречающимися в других памятниках. В особенности это относится к роговым кинжалам (один из них сделан из клыка моржа), рукояти которых оформлялись особым выступом, препятствующим скольжению руки, кинжалами с вырезом в рабочей части (рис. 38), а также вязальными крючками и особыми предметами с небольшими выступами — зубцами.

В эпоху раннего металла заметно улучшаются и условия быта — появляются разнообразные предметы: небольшие тонкие, отлично зашлифованные ножи, костяные ложки и пряжки для застежки одежды, различной величины иглы, игольники, гребни с высокой тыльной частью для расчесывания пряжи и небольшие богато орнаментированные для волос, использовавшиеся в качестве украшений. Ряд предметов в силу своей оригинальности не находит пока однозначного функционального

определения, вместе с тем серийность их не позволяет сомневаться в важном значении. В двух памятниках встречены лампы-жировики из мыльного камня в виде ковшей с ручками. Очевидно для освещения жилищ использовался жир ластоногих. По-видимому, он применялся и для отопления, о чем свидетельствует спекшаяся сажа в некоторых очагах.

К числу предметов неясного назначения относится, например, серия (более 30 экз.) своеобразных крючков и костяные стержни с пальцеобразными выступами, а также довольно крупная пластина с выемками по краям и в середине, из кости кита. По конфигурации можно предположить причастность ее к сооружениям, связанным со средствами передвижения. Возможно, она являлась частью ручной нарты или кожаной лодки. Наличие деревянных лодок в это время подтверждают захоронения Оленеостровского могильника, совершенные в деревянных колодах-лодках.

Особенно отчетливо изменения прослеживаются в керамике. Отличие ее от неолитической значительно большее, нежели сходство. Однако все же наблюдается известная связь, позволяющая усматривать генетическую преемственность.

Керамика эпохи раннего металла (группа III—IV) по петрографическому определению отличается от неолитической. В качестве отощителя к глине примешаны крупные и средне-крупные обломки «экзотических» материалов: антофиллита, хризотил-асбеста, нефелина, оливина, эгирина — иногда одного-двух из них, в других случаях почти всех. Изредка применялся шамот — куски глины, почти не содержащие никакого отощителя (Дроздовка-пристань), или в виде кусков жирной глины (до 5 мм), содержащей лейсты антофиллита (Мыс Семерка II). В последнем случае помимо 10% шамота здесь присутствует и некоторое количество «экзотических» минералов. Наконец, следует указать на 4 образца (Маяк II, Маяк, Мыс Семерка II и Усть-Дроздовка) со следами шерсти в виде узких длинных пустот, заполненных черным (сажистым ?) материалом.

Применение в качестве отощителя асбеста и слюды позволило изготовлять более тонкостенные сосуды, при этом значительной величины. Вместе с тем на ряде поселений (Маяк II и др.) сохранился старый технический прием формовки из нескольких слоев, когда первый слой служил как бы основой, на которую накладывался затем еще один или два слоя глины. В таких случаях толщина сосудов достигает 1,5 см, при этом форма их существенно не изменяется — край чаще делался прямым, форма не профилированной, днище чаще округлым, в других случаях плоским. Особенно резко изменилась лишь орнаментация сосудов. Рисунок превратился в поверхностный, выполненный тонкими прорезными или прочерченными линиями, образующими горизонтальные зоны из коротких косых насечек, косой клетки или очень мелких ямочных вдавлений очень тонкой гребенки, во всех случаях образующих только фризы.

Всего насчитывается 7 основных элементов орнамента (рис. 42, 43, 47, 48). I — прямая прочерченная линия с двумя вариантами: а — одинарная тонкая; б — широкая, как бы состоящая из нескольких (нанесенная, по-видимому, узкой щепой); II — короткая нарезка; III — гребенчатый штамп с 4-мя вариантами: а — прямой относительно тонкий и длинный; б — прямой пунктирный; в — изогнутый короткий: г — короткий узкий, овальный; IV — ямчатые округлые плоские вдавления; V — полулунные широкие вдавления; VI — точечный; VII — особый штамп, который дает отпечатки в виде мелких четырех наколов. Несложны и мотивы орнамента, всего их не более 11. Обычно используется только один элемент орнамента на сосуде, и в подавляющем большинстве случаев каждый элемент слагает только один мотив.

В числе мотивов встречаются: I — косая частая сетка из тонких одинарных прочерченных линий; II — косая редкая сетка из пунктирных сдвоенных линий; III — строенные тонкие прочерченные линии, поставленные под углом; IV — горизонтальные пояса из коротких косых насечек; V — горизонтальные широкие линии, прочерченные щепой; VI — короткие ямчатые вдавления, расположенные в один ряд под венчиком; VII — мелкие ямчатые вдавления, образующие многорядный пояс; VIII — оттиски изогнутой гребенки, поставленные под небольшим углом к краю сосуда, образующие широкий бордюр; IX — горизонтальный пояс (из 4—5 оттисков) своеобразного мелкого штампа; X — вертикальный зигзагообразный узор из отпечатков тонкого гребенчатого штампа; XI — горизонтальные линии из полулунного широкого штампа.

Композиция орнаментации керамики эпохи раннего металла, в отличие от неолитической, устанавливается без особого труда, несмотря на то что целые сосуды отсутствуют. Этому способствует наличие крупных фрагментов и то, что сосуды украшены только фризами, расположенными у их края. При такой ситуации во многих случаях композиции совпадают с мотивами и всегда с зонами: косая сетка, горизонтальные пояса из прочерченных линий, нарезок или ямчатых вдавлений. Вариации создаются лишь благодаря разному числу примененных мотивов, образующих горизонтальные зоны (один, или несколько). Лишь как редкое исключение встречается иной орнамент — геометрический узор, изображающий оленя.

Дроздовка

Памятник, расположенный на северо-восточном побережье полуострова, на западном берегу Дроздовской губы, в 1978 г. подвергся раскопкам на площади 128 м^2, в сохранившейся части. Действительная площадь его была несомненно больше, но, находясь в черте селения, он длительное время подвергался разрушению.

Дроздовская губа образует здесь очень небольшой заливчик, который наполняется водой во время прилива, служа тихой заводью, и обнажается во время отлива. Очевидно, этот участок был очень удобен в древности благодаря наличию пресной воды в небольшом озерке (в настоящее время болотистом понижении), находящемся к западу от стоянки.

Культурный слой — темный гумусированный песок до 0,35 м мощности — залегал под тонким дерновым слоем, местами заторфованным в нижней части, и подстилался желто-серым песком или прямо налегал на скалу. В отдельных частях стоянки, например в восточной, по линии кв. 1—5, темный гумусированный слой замещался розоватым культурным слоем — песком с большим количеством находок. На ряде участков (кв. 20, 21, 22, 31, 32) скала поднималась непосредственно на поверхность, и тогда культурный слой в собственном смысле слова отсутствовал. Та же картина наблюдалась на кв. 9, 13, 15, 16 и 6. Очевидно, люди поселились здесь, как и на ряде соседних участков, на площадке, значительная часть которой была занята скалой. Неровности древней поверхности обусловили различную мощность культурного слоя, нередко находки залегали прямо на скале.

В юго-восточной части раскопа (на кв. 2, 4—8) прослежены скопления камней средней величины, хотя и не слагающих четкой фигуры, заметно сосредоточенных в пределах прямоугольного пространства диаметром около 4 м, с северо-западной стороны примыкающего к краю скального выхода. Не исключено, что, так же как и на других поселениях, камни были связаны с жилой постройкой, оконтуривая основание жилой постройки наземного типа.

На уровне I горизонта, в восточном углу кв. 1 располагалось пятно, уходящее под стенки раскопа, очевидно округлых очертаний (сохранился размер 1×2 м). На II горизонте, на этом же месте, отчетливо выявилась яма овальных очертаний, размером 1,1×0,8 м, с пологими краями, глубиной 0,45—0,5 м от дневной поверхности. В заполнении присутствовали отщепы кварца, сланца и мелкие угольки, а рядом с этой западиной — фрагмент гребенчатой керамики.

Основные находки залегали на уровне I горизонта. Насыщенность культурного слоя была неодинаковой. Наибольшее количество находок сосредотачивалось в средней части раскопа, ближе к северо-восточной половине, в особенности на кв. 10, 11, 12, 19, 22, 25, 18, 13, 17, 24. Выделялся кв. 12, в пределах которого обнаружено 23 сланцевых наконечников стрел и копий (целых и обломков), штамп для нанесения гребенчатого орнамента и обломок поделки из мыльного камня. В кв. 25 также найдено большое количество наконечников стрел, крупные рубящие орудия, нуклеус; в кв. 18, 19 — много наконечников стрел, отщепов кремня, в кв. 10 часто встречались скребки. В то же время квадраты, расположенные на северо-западе и юго-западе (окраина раскопа), были очень бедны находками. На отдельных квадратах они отсутствовали или были в полной мере единичными (кв. 6, 14, 15, 30).

Второй горизонт прослеживался лишь на части квадратов — 6—10, 13, 15, 17, 18, 23, 24, 27, 28, где углублялась скальная поверхность. Немногочисленные находки здесь в основном состояли из отщепов кварца и сланца. Всего насчитывается 5624 единицы находок.

Каменная индустрия помимо отходов производства (отщепов сланца, кварца и кремня) представлена 693 экземплярами орудий (рис. 31, 32). Анализ соотношения категорий орудий этого памятника, при рассмотрении его на фоне остальных, позволяет сделать определенные выводы. Наиболее оригинальной чертой, не повторяющейся с такой отчетливостью в других памятниках, следует считать обилие наконечников стрел и копий. Общее количество их — 312, или 45% от всех орудий. Немаловажно и то, что они не имеют большой вариабильности, очень стандартны (рис. 31, *1—15*), что, в частности, свидетельствует о стабильности населения и относительно кратком существовании поселения.

Многочисленны орудия, выполнявшие функцию скобления, — скребки, скобели, скобели-струги (всего 155 экз., 22%). Третье место занимают нуклеусы и их обломки (66 экз.), при этом 65 из них кварцевые.

Остальные категории: ножевидные орудия и отщепы с ретушью, обломки орудий и их заготовки — примерно близки количественно. Труднее определить удельный вес керамики. Всего ее найдено 50 фрагментов, однако учитывая близость культурного слоя от дневной поверхности и расположение памятника в черте современного поселка, нельзя предполагать, что она сохранилась полностью. Следует думать, что процент ее был выше.

Среди наконечников стрел отчетливо господствуют сланцевые двусторонне обработанные, часто крупные, вследствие чего они не всегда четко отделяются от наконечников копий. Явно преобладает группа А. Среди них: иволистные резко удлиненных пропорций (тип I : 9, I : 12). Помимо целых,

много фрагментированных (преимущественно тыльные части). Встречаются заготовки с незавершенным ретушированием. В отдельных случаях некоторые участки их пришлифованы. Лавролистные наконечники несколько более удлиненных пропорций (3,6:1); листовидные с черешком, выделенным в большей или меньшей степени; листовидные с неполной обработкой (тип I : 1б). Единичны треугольные с прямым или слегка вогнутым основанием, удлиненных пропорций, в отдельных случаях с пильчатой ретушью (тип II : 2). Подромбические (тип III : 1) более узкие, со слегка округлым концом. Вариабельность их незначительна (в основном в размещении наибольшей поперечной оси — в центре или несколько ниже). В целом в наконечниках явно преобладают два типа — I : 5 и I : 12. Поскольку часто сохранились лишь фрагменты наконечников, в ряде случаев точное их разграничение затруднительно.

Наконечники стрел группы Б сплошь зашлифованы, представлены лишь одним экземпляром небольшого размера (3,5 см), с коротким пером и длинным широким черешком (тип III : 4).

Разнообразны наконечники копий, в большинстве случаев фрагментированные — острие, средняя или тыльная часть (последние явно преобладают). Больше всего сланцевых наконечников с двусторонней обработкой. Среди них преимущественно листовидные и лавролистные группы А (тип I : 1а, I : 2а), варьирующие в слабой степени; листовидные со слегка выделенным широким черешком (тип II : 2). Много наконечников листовидной формы (тип I : 3); два экземпляра (тип IV : 2), не имеющие сплошной обработки, наиболее отчетливо она сохранилась по краям выемок. У одного черешок пришлифован. Помимо того, присутствует немало наконечников нестандартной формы, иногда асимметричных, возможно в силу того, что обработка их не завершена. В одном случае найдена часть наконечника с продольным желобком (в тыльной части с обеих сторон), сплошь зашлифованного — тип V группы Б.

Кварцевые скребки разнообразны по очертаниям тела: подокруглые, подовальные, подпрямоугольные и аморфные (рис. 32). Оригинален скобель-нож — крупный подовальный отщеп с ретушированной круглой выемкой и округлым частично ретушированным краем. Среди скребков встречаются концевые, концевые-боковые и боковые, подовальные высокой формы с двухъярусной ретушью и в редких случаях маленькие (до 2 см) скребочки, преимущественно концевые и концевые-боковые.

В целом, как и в других памятниках этого времени, скребки многолики и тщательно ретушированы. Единичны скобели с широким поперечным лезвием. Немало скобелей-стругов, они составляют внушительную коллекцию, занимая первое место после наконечников стрел и копий, подчеркивая индивидуальную особенность памятника. Они чаще однолезвийные, реже двулезвийные, иногда комбинированные со скребком, размер их варьирует в пределах 4,5—2 см, но преобладают средней величины — 3—3,5 см.

Резцы кварцевые (10 экз.) из некрупных (3 см) отщепов, серединные, очень редко угловые и боковые. Очевидно, в качестве резцов использовались и просто кварцевые отщепы. Среди значительного числа ножей наиболее выразителен небольшой угловой (тип I : 4) со слабо скошенным лезвием. Присутствуют и другие типы — на плоских удлиненных отщепах различных очертаний: подовальные (тип III : 2), подтреугольные (тип III : 1), подпрямоугольные со скошенным одним концом и небольшим выступом для упора пальца, ретушированные по одному краю (тип III : 3), с выделенной рукоятью (тип II). Единичен сплошь шлифованный очень тонкий нож с одним прямым, другим изогнутым краем, возможно утилизированный из углового ножа (тип III : 4). Встречаются и атипичные ножи, среди них шлифованные с выделенной рукоятью и широким округлым лезвием. Около 10 пластин (в большинстве кварцевые), очевидно, также использовались в качестве ножей. В этих же целях применялся скол с плоского шлифованного орудия или обломок углового ножа.

Рубящие сланцевые орудия в основном некрупные (наибольшее 10×5 см, наименьшее 6×5 см). Отчетливо выражены 5 топоров, в 4 случаях широкообушные, с овальным поперечным сечением и широким прямым лезвием. Все они обработаны крупными сколами, лезвие или вся поверхность зашлифована. У одного из мелких топориков «с перехватом» слегка округлое лезвие шире корпуса, одна сторона обработана лишь частично. Индивидуальны тесла: небольшие остробушные с очень зауженным и тщательно зашлифованным уплощенным лезвием и другое с зауженным лезвием и массивной тыльной частью, возможно с еще незавершенной обработкой.

Встречаются заготовки орудий с надпилом, а также сами пилы. Многочисленны нуклеусы и нуклевидные сколы (кроме трех случаев, кварцевые). Они не имеют строго выраженных типов, преимущественно с бессистемным скалыванием, изредка встречаются подпризматические. В числе оригинальных сланцевых орудий следует отметить дисковидные с обработанными краями и следами сработанности, какие встречаются в ряде памятников, сланцевый гребенчатый штамп для орнаментации керамики и два предмета из мыльного камня, один из которых с просверленным отверстием, второй — с незаконченным сверлением, орнаментированные нарезками, очевидно навершия на булаву. Большого внимания заслуживает великолепная головка медведя из мыльного камня и рисунок сцены рыболовства, прочерченный на мыльном камне.

Керамики немного (50 фрагментов). Единичны (4 фрагмента) неолитические, остальные относятся к эпохе раннего металла. В первом случае примесью служит дресва, во всех других мелкие или более крупные волокна асбеста. Тесто чаще темное, реже светлое, толщина стенок до 0,7 см. Поверхностный орнамент типичный для этого времени — бордюр из косых нарезок, образующих горизонтальные пояса, встречен лишь в одном случае, в остальных он состоит из мелких наколов или точек, образующих двухрядный горизонтальный пояс. Некоторые сосуды заштрихованы с внешней стороны, остальные (их большинство) без орнамента (рис. 31, *17—20*).

Специфика этого памятника проявляется не только в большом количестве наконечников стрел и копий, скребков, но и в топографии. Он расположен на самом крае морского берега, в пределах очень неровной и потому неудобной для жизни площадки, в кутовой части маленькой бухточки, куда заходит морской зверь. Местоположение памятника, маломощный культурный слой, а также очень малое количество керамики (при этом хронологически однородной, за исключением 4 фрагментов) свидетельствуют в пользу того, что данный памятник, по-видимому, являлся промысловой стоянкой зверобоев и морских охотников.

Маяк

Поселение Маяк расположено в Дроздовской губе, в ложбине, отделяющей древний каменистый остров от столь же каменистого материка. Сама поверхность ложбины слегка всхолмленная, северо-западная часть пониженная и заболоченная, в настоящее время по ней протекает небольшой ручей. Очевидно, в прошлом в этой части ложбины существовал небольшой пресноводный бассейн, на что указывают заболоченное понижение и заторфованный берег ручья.

Древний поселок занимал слабозаметное возвышение. С юго-восточной стороны его ограждала скала, на юге он резко обрывался к небольшой каменистой заторфованной площадке, переходящей затем в коренной берег небольшой бухточки — ответвление Дроздовской губы. На северо-востоке (несколько пониженном участке) поселение смыкалось с другим — Маяк II, занимавшим значительно большее пространство. Доказательством правильности вычленения здесь двух различных, хотя и близких по времени, поселений служит постепенное уменьшение находок к месту их стыковки, а затем и полное выклинивание культурного слоя.

Общая площадь, занятая поселением Маяк, не превышала 370 м^2, поскольку раскоп 360 м^2 исчерпал памятник и едва заметный, почти полностью лишенный находок культурный слой распространялся не более чем на 10 м^2 с северо-западной стороны, ныне заболоченной.

Памятник, открытый в 1977 г., подвергся в тот же год рекогносцировочным раскопкам (16 м^2), давшим большой материал, свидетельствующий о перспективности исследования в будущем. Оно было продолжено в 1978, 1979 гг.

Как оказалось, рекогносцировочный раскоп попал на центральную часть поселения. Здесь под дерновым слоем залегал темно-коричневый, местами до черного углистого, крупнозернистый песок с примесью мелкой гальки и расслоившихся камней; под ним — крупный темно-желтый гравийный песок с примесью гальки — материк. Находки встречались начиная с нижней части дернового слоя, вплоть до материка. В среднем мощность культурного слоя равнялась 30 см. На отдельных участках наблюдалось включение углистых частиц. На кв. 1—3 прослеживалось неглубокое (15—18 см) западание очень сильно обожженного песка.

Стратиграфия северной части поселения (исследованная в 1978 г.) мало чем отличалась от стратиграфии раскопа 1977 г. Под дерновым слоем, состоящим из корней вороники, изредка карликовой березки, представлявших в нижней части «торфяную подушку», мощность которой варьировала от 8 до 15 см, располагался оторфованный слой коричневого песка, местами (по линии квадратов $а_1$—$а_5$) достигая 42 см, чаще же более тонкий. На некоторых квадратах (по линии пикетов $В_{10}$—$Д_{10}$; $Е_5$—$Е_6$; $И_9$—$И_8$; $З_9$—$И_9$) он подстилался тонкой прослойкой серого с едва заметным розоватым оттенком песка, мощностью в среднем не более 15 см. В других случаях (по линии пикетов $Е_2$—$Е_4$; $Е_5$—$Д_6$) прослеживалось заметное потемнение указанного коричневатого слоя до темного, почти черного углистого. Подстилающим слоем повсюду являлся темно-коричневый песок с галькой, нередко содержащий довольно много камней. В свою очередь он налегал на скалу, местами очень близко, а в некоторых случаях полностью выходящую на дневную поверхность, почти или вовсе не прикрытую растительностью. Наиболее оголенные скалы, едва затянутые мхом, наблюдались в юго-западном углу раскопа (на кв. 36, 35, 34, 33, 28, 29, 30). Мощность культурного слоя определялась глубиной залегания подстилающей скалы. В тех местах, где она выходила на дневную поверхность, культурный слой вовсе исчезал, но залегал глубже там, где скальная поверхность понижалась. В южном и юго-восточном направлении скала резко обрывалась и здесь, уже на глубине 35 см выступали грунтовые воды, просле-

живалось легкое заболачивание почвы. Очевидно, в момент существования поселка протекавший ручей имел большую ширину и русло его приближалось к краю обитаемой площадки. Именно в этом углу наблюдалось наибольшее количество находок и весьма интересные комплексы. В целом находки, как правило, встречались в нижней части дернового слоя и прекращались в верхней части темно-коричневого песка с галькой.

Стратиграфия раскопа 1979 г. не отличалась чем-либо существенным от стратиграфии предшествующих лет. Под дерновым слоем залегал довольно сильно разложившийся торф коричневатого цвета, мощность которого увеличивалась в северном направлении и местами (по линии пикетов K_7K_8) достигала 40—60 см. Под торфом на значительной части прослеживался темный гумусированный слой и небольшие линзы светло-желтого крупно- или среднезернистого песка с включением щебня и гальки. Местами встречались тонкие прослойки зеленовато-желтого суглинка (по линии пикетов K_3—K_4). В юго-восточной части на отдельных участках выступали скалы и крупные камни, на других — темный сильно гумусированный слой или светло-желтый песок налегал на сильно ортштейнированный материк.

Так же как и в южной части, находки были приурочены в основном к темному песку и линзам светло-желтого песка, общая мощность которых варьировала в пределах 20—60 см. Отдельные вещи встречались также внизу бурого торфа, на контакте с ортштейнированным слоем.

Точная поглубинная и планиграфическая топография находок позволила выявить наиболее интенсивно обитаемую часть поселения. Ею оказалась южная, обращенная в сторону небольшой морской бухточки наиболее повышенная часть площадки, с восточной стороны прислоненная к скальному возвышению. В юго-западной оконечности поселения скала выходила непосредственно на поверхность, и именно здесь располагались весьма интересные комплексы.

На всей площади раскопа начиная с нижней части торфа выступали камни, часто крупные, преимущественно плоские блоки. Чрезвычайное обилие камней затрудняет вычленение из них искусственных кладок. С наибольшим основанием удается выявить лишь отдельные комплексы.

Наибольшее количество находок залегало в первом горизонте — гумусированном коричневатом оторфованном слое, на глубине 20—40 см. Нередко они начинались с поддернового слоя, значительно меньше было их во втором горизонте (в большинстве случаев в сером незаторфованном песке, на глубине ниже 40 см). При этом они встречались преимущественно в северо-западном углу и на кв. 51, 42, 29, где были связаны иногда с хозяйственными комплексами. В северной части раскопа, где насыщенность культурного слоя была вообще значительно слабее, находки во втором горизонте встречались еще реже. В западном направлении, за линией пикетов A_9E_9 (кв. 51—47) культурный слой выклинивался, находки прекращались и слой торфа очень незначительной мощности налегал непосредственно на серый материковый песок, очевидно обесцвеченный паводками протекавшего здесь ручья. Отсутствовал культурный слой и в северо-западном углу поселения.

Наиболее выраженная закономерность в расположении камней наблюдалась лишь в отдельных случаях. Так, в кв. 81 прослежена выкладка из плоских камней (размером до 40 см). Внутри круга диаметром 180 см и в непосредственной близости от него фиксировалось отчетливое увеличение находок, в том числе шлифовальных плит. Углистая прослойка выступала на соседнем участке (кв. 82). В толще I горизонта (кв. 1, 69 и 70) прослежена явная выкладка полукруглой формы — по внешнему кругу располагались крупные, в средней части более мелкие камни со следами обжига. Одной стороной выкладка примыкала к скальной поверхности, имеющей здесь выемку. О том, что это были остатки очага, обложенного камнями, а возможно, и печи-каменки, выложенной непосредственно у скалы, служившей одной из ее сторон, свидетельствуют угли и следы копоти.

Весьма отчетливый очаг, размером до 2 м в диаметре, округлых очертаний, в основном занимал восточную часть кв. 39, западную кв. 41 и южную половину кв. 38 и 40. Камни, слагавшие его, имели размер до 35 см. В заполнении сохранились крупные угли, тогда как в других очагах встречались преимущественно остатки обгоревших веточек карликовой березы.

Наиболее выразительным, свидетельствующим об интенсивном использовании именно этой части поселения оказался юго-западный угол (кв. 29, 35, 30, 34, 31). Это была самая окраина поселка, где скала обрывалась к слегка заболоченному пространству, примыкавшему в свою очередь к берегу маленькой морской бухты. Здесь плоская часть скалы двумя отрогами поднималась на дневную поверхность, будучи прикрыта лишь тонким слоем мха. Непосредственно у северного выступа скалы (кв. 29) находился очаг в форме полукруга, как и на кв. 69—70 сложенный из крупных камней, плоской формы, не превышавший 2 м. Одной его стороной служила отвесная часть скалы, заполнение состояло из углистого слоя с многочисленными мелкими угольками, лежавшими на самом дне очага, прямо на скальном основании. От действия огня поверхность ее очень сильно расслоилась.

Яркие следы очага в виде каменной окольцовки, положенной прямо на гранитную поверхность скалы, отмечены в юго-восточном углу поселения, на кв. 35. По внешнему кругу камни имели крупный размер и определенный порядок — внутри более мелкие, разбросанные как попало. Очевидно,

древние обитатели поселка устроили мощный очаг прямо на поверхности скалы. Судя по большой площади сильно обгоревшего и расслоившегося каменного материала, он существовал длительное время. По внешнему кругу очага встречено большое количество кварцевых отщепов, чешуек и орудий из кварца, два сланцевых топора, обломок кремневого наконечника стрелы и пластинка со следами надпила. В непосредственной близости от очагов, в кв. 29 и 35 найдена серия заготовок наконечников копий и тонкий наконечник из шифера с выемками в основании. По-видимому, оба очага функционировали в одно или близкое время.

Весьма необычный комплекс вскрыт в кв. 31 на уровне II горизонта. В северо-восточном углу, его в расщелине скалы, на глубине 35 см от поверхности в ярко-желтом крупнозернистом песке была выкопана ямка диаметром в нижней части не более 35 см, присыпанная сверху охрой. На дне ее лежал небольшой плоский камень, а вокруг и под ним кости нерпы — позвонки и несколько фаланг. Рядом (не более 10 см) в той же ямке находился значительный кусок красной охры. Искусственность сооружения ямки и специальная укладка в нее вещей не вызывают сомнений. В юго-восточной части поселения, вблизи этого комплекса, на кв. 51, 42, 1—4, 32, 33, 38, 39 и 40 отмечалась повышенная мощность культурного слоя. На уровне II горизонта количество находок, и в частности отщепов и сколов кварца, было довольно значительным, в то время как на других квадратах единичным или они вовсе отсутствовали.

На уровне II горизонта в кв. 42 располагалась округлая, диаметром 1 м яма, врезанная в материк на глубину 16 см, заполненная гумусированным слоем, а вокруг располагалось большое количество орудий. На кв. 46 в небольшой ямке, вкопанной в грунт, заполненной темным культурным слоем, обнаружено два крупных фрагмента неолитической керамики; сверху ямку перекрывал очень тонкий слой серого намывного песка.

Материал встречен в значительном количестве в виде отщепов кварца, сланца, изредка кремня, горного хрусталя (всего 19 264) и орудий, изготовленных из них (1620 экз.), — наконечников стрел, скребков, скобелей-стругов, ножей, рубящих орудий, отбойников, пестов, пил, шлифовальных плит, грузил из окатанных морем овальных и шарообразных галек (119), фрагментов керамики с примесью растительности и асбеста (рис. 33), а также в небольшом количестве костей тюленя (419).

Среди материала явно преобладают кварцевые отщепы и орудия, сланца примерно в 3 раза меньше, количество кремня, как и в большинстве памятников, невелико, при этом все орудия представлены наконечниками стрел, реже скребками, пластинками и отщепами с частичной ретушью. Нуклеусов всего 1 экземпляр.

Наиболее часто встречаются скребки, скобели, скобели-струги. Кроме единичных случаев, все они изготовлены из отщепов кварца высокого качества. Форма тела их округлая, овальная и подчетырехугольных очертаний. В целом ретушь ровная, регулярная, тщательная. Представлены различные типы: концевые, концевые-боковые и боковые, встречаются округлые, овальные ретушированные по всему или почти по всему периметру. Ретушь крутая или полукрутая, иногда мелкая, порой двухъярусная. В отдельных случаях спинка скребка ретуширована полностью. Как дань прошлому встречаются микроскребки округлые или подовальные. Случайность формы особенно заметна на кремневых скребках, для которых использовались любые отщепы, но преимущественно средней величины (около 3 см). Относительно часто применялись скребки из крупных округлых отщепов кварца, крупноретушированные, реже овальные или подчетырехугольных очертаний. Весьма многочисленны скобели-струги (свыше 300). Преобладают однолезвийные, реже двух- и трехлезвийные (последние встречаются редко). Как и обычно, рабочий край их получен с помощью одной или нескольких подтесок с обеих сторон «от лезвия», которое постоянно сильно сработано-замято.

Среди ножей наиболее четко выделяется два типа (большинство принадлежит к типу V), сходные с наконечниками копий, двусторонне обработанные, только асимметричной формы, с явными следами сработанности по одной выпуклой стороне.

Крупные рубящие орудия представлены преимущественно топорами, которые, несмотря на значительную численность, не образуют устойчиво выраженных типов. Они преимущественно широкообушные, чаще средние и короткие, реже удлиненные, зашлифованные полностью или частично, с симметричным или асимметричным лезвием, что указывает на их функцию в качестве топоров или тесел. Необычен небольшой (4,5 см) секирообразный топорик с широкой прямой тыльной частью, резко расширенный к рабочему концу, тщательно зашлифованный. Имеется свыше 70 различных орудий.

Более полусотни резцов на различных, преимущественно удлиненных отщепах, серединные и боковые. Наконечники стрел (21 экз.) представлены двумя группами, А и Б. Несмотря на относительно небольшое число, они разнообразны по материалу и типам. Среди кремневых (10 экз.) встречаются достаточно крупные массивные (5,5 см) треугольные с черешком (тип II : 11) и маленькие (2,5—3 см) очень тщательно ретушированные, а также треугольные с более широким округлым черешком и менее выраженными шипами. Высокая степень обработки (удлиненная узкая ретушь) наблюдается и на

листовидных наконечниках. От остальных экземпляров сохранились лишь фрагменты, однако отчетливо демонстрирующие листовидную форму с усеченным основанием (тип II : 12), также очень совершенного изготовления. Во всех случаях кремень светлых тонов желтоватого и сероватого оттенков.

Сланцевые наконечники группы А представлены теми же типами (II : 12), а также I, II, III : 2, I : 9, зауженными в тыльной части, как бы с намечающимся черешком (наиболее крупный экз. 8 см).

К группе Б относится 7 наконечников (часть их фрагментирована). В общем представлены типы: III : 3, III : 4, единичен тип VI. К наконечникам копий относится один с отсутствующей тыльной частью, ретушированный, удлиненных пропорций, с треугольным пером и с двумя парными выступами пера близко к тыльной части (тип VI). Один фрагментированный наконечник из кремнистого сланца, в месте слома утилизирован в резец.

Оригинальны кварцевые наконечники, сохранившие в технике изготовления мезолитические традиции (тип I). Они на тонких кварцевых пластинках удлиненных пропорций, одинаковой величины (3,5×1,5 см). Острия их оформлены узкими резцовыми сколами, заужены к тыльной части (как бы намечены черешки), один — сколом, второй — ретушью.

В известной мере условно к наконечникам стрел можно отнести еще 4 кварцевых орудия (2,5 см длины) на удлиненных массивных отщепах, один конец которых приострен двумя резцовыми сколами, противоположный — уплощен ретушью. Пятый наконечник с обеих сторон приострен сколами, а по краям подправлен дополнительно мелкой ретушью. По приемам изготовления они напоминают мезолитические наконечники стрел, только более массивные.

Своеобразны также 4 кварцевых орудия: 2 концевых, 1 концевой-боковой и боковой скребки со слегка зауженной тыльной частью. Единичны микролитические скобели-струги двух- и трехлезвийные и микроскребки. Остальные кварцевые скребки и скобели-струги обычного типа.

Крупные сланцевые орудия не стандартны. В особенности своеобразны 2 наконечника копья, небрежно обработанные, скорее похожие на заготовки. Это крупные (9 см) массивные плоские отщепы (подобраны соответствующей формы), уплощенные и зауженные на одном конце (острие), на другом (тыльная часть) подчетырехугольных очертаний. Обработка произведена минимальная, противолежащие края их ретушированы с одной из сторон.

Крупные рубящие орудия также сделаны довольно небрежно, ретушированы только по краю, частично пришлифованы, они толстообушные. Одно тесло со слабо выраженным желобком, второе на одной стороне имеет снятые от лезвия пластинки, третье маленькое, более тщательно зашлифованное, по форме напоминающее секирообразное орудие.

Присутствуют 2 необычных по форме, очевидно, ножа — крупный плоский, с частичной обработкой краев нерегулярной ретушью, близкий типу III : 1, и второй удлиненный, но довольно массивный, зашлифованный — пластинка, ретушированная по одному длинному краю и одному концу (тип IV : 2). Тип третьего ножа установить не удается, поскольку сохранилась лишь тыльная часть. Выразительна небольшая (2 см) проколка из кварцевого тонкого отщепа, жальце которой выделено очень мелкой ретушью.

Из прочих орудий отметим просверленное грузило из песчаника, фрагмент сверленого грузила из гранита, обломок небольшого шлифованного кольца из мыльного камня (типа навершия) с нарезками по внешней дуге. Особого внимания заслуживают 3 стерженька составных рыболовных крючков. Будучи одновременными, находясь в пределах одного памятника, вместе с тем они различны, неся отпечаток индивидуальности их исполнителя. Все крючки изготовлены из разновидностей сланца (по-видимому, хлоритового слюдистого), размером от 3,5 до 4 см, диаметром 7—8 мм, в разной степени округлые. В двух случаях головки их заужены и отчетливо выделены двумя круговыми нарезками, в третьем случае — парные косые нарезки нанесены лишь с двух противоположных сторон. Нижняя часть этого крючка имеет желобок и парные косые нарезки (с тех же сторон, что и наверху), нижняя часть второго крючка помимо поперечных нарезок имеет две продольные, расположенные под углом друг к другу. Наконец, нижняя часть третьего крючка кроме нарезок имеет небольшую выемку. Все эти приспособления в нижней части крючков предназначены для более прочного крепления жала, которое, вероятно, чаще всего делалось из кости.

Среди особенностей поселения Маяк следует отметить наличие исключительно большого количества округлых и овальных галек из твердых пород камня, сильно окатанных морем. Они залегают очень часто парами, будучи почти одинаковой величины, или целыми группами. Гальки эти с естественно зашлифованной поверхностью имеют на концах сильную забитость в виде крупных выщербин, а иногда ровные плоскости — следствие длительной работы по твердому материалу. По форме преобладают овальные, но иногда округлые, шарообразные или несколько уплощенные. Ряд их, судя по залощенной до блеска поверхности, служили лощилами для обработки шкур и меховой одежды. Как уже отмечалось, это один из наиболее характерных видов орудий эпохи раннего металла. Весьма многочисленны шлифовальные плиты и пилы с четкими параллельными продольными штрихами,

полученными от работы, а также кварцевые нуклеусы и их части (свыше 600), нередко крупные, близкие к подпризматическим. Из редких предметов следует указать на ножки (цевье) сланцевых рыболовных крючков с округлыми поперечными нарезками вверху — для крепления лески и внизу — для крепления жала, два навершия из мыльного камня, орнаментированный предмет и 2 куска пемзы. Особый интерес вызывает жировая лампа из мыльного камня, как и на Маяке II, что сближает оба памятника во времени.

Всего керамики 119 фрагментов. Она делится на две четкие группы — неолитическую и эпохи раннего металла. Последняя неоднородна и представлена двумя вариантами. Неолитической насчитывается всего 25 фрагментов (вместе с очень мелкими). Она сосредоточена в северо-западной части, в месте стыка поселений Маяк и Маяк II. Именно здесь, на Маяке II и располагается наиболее четкий комплекс неолитических находок. Это обстоятельство, а также сходство керамики обоих поселений и малочисленность ее на Маяке заставляют считать неолитические находки этого памятника, не следами самостоятельного заселения, а относящимися к раннему (неолитическому) этапу освоению поселения Маяк II, что подтверждается сходством орнаментации и технологии сосудов обоих памятников. Все неолитические фрагменты залегали в нижнем горизонте, на контакте с материком. Так, например, крупная придонная часть находилась в ямке, выкопанной в материке.

Отощителем к глине этих сосудов служат крупные зерна кварца и, очевидно, гравия и мелкого песка. Цвет их красновато-желтый, толщина стенок значительная, слеплены они из 2—3 слоев. Сосуды крупные, орнамент покрывает всю внешнюю поверхность. Элементы его тождественны элементам орнамента керамики Маяка II, но более ограничены в связи с малым количеством фрагментов: редкие конические ямки, округлые ямчатые вдавления и овалы с кососетчатым дном. Мотивы также не содержат ничего нового по сравнению с Маяком II — это горизонтальные полосы из отпечатков наклонно поставленной крупной гребенки, сочетающихся с горизонтальными же полосами из ямок, горизонтальные полосы крупной гребенки с нанизанными на нее ямками, зигзагообразные пояса из ямок и гребенки, пояса из ямчатых вдавлений, перемежающихся с ямками, или пояс, составленный из одинарных ямок, к которым примыкают овалы с кососетчатым дном. На некоторых фрагментах вследствие отслоившейся поверхности сохранилась лишь нижняя часть ямок.

Керамика эпохи раннего металла также сходна с керамикой позднего комплекса Маяка II. Благодаря тождественности орнаментации и оригинальной технологии она заставляет сближать памятники во времени. В качестве отощителя к глине примешивался преимущественно камень, сходный с асбестом (эгирин), реже асбест в виде крупных волокон, изредка встречается дресва. Обжиг относительно сильный, хотя черепки и имеют темный цвет (очевидно, вследствие заторфованности почвы) и сильно расслаиваются из-за лепки в несколько слоев. Особенно убедительно сходство керамики указанных двух памятников демонстрирует чрезвычайно оригинальный прием оформления края сосуда с помощью длинных (6,5 см) палочек асбеста, на которые загибались (как бы «вывешивались») глиняные ленты, образующие край венчика (рис. 33, *37*). Иногда такие асбестовые палочки встречаются и в стенках сосуда. Последние не профилированы, толщина их до 1 и более см. Край тонкий, иногда утоньшенный по сравнению со стенками, дно, судя по фрагментам очень округлое.

Орнамент неоригинален и состоит, как и на других поселениях, из проглаженных параллельных или одной прочерченной линии, косой нарезной сетки. Наиболее своеобразен довольно широкий бордюр, образованный достаточно крупными, относительно правильно округлыми вдавлениями. Очень многие фрагменты не орнаментированы. Необычен сосуд, найденный в скоплении, заставляющий выделить его в особый вариант второй группы керамики раннего металла. Сохранившиеся около 100 фрагментов позволили склеить значительную часть и получить представление о форме сосуда. От прочих он отличается чрезвычайно тонкими стенками (не более 5 мм), примесью к глине шамота, введенного в значительном количестве. Край сосуда прямой, слегка утолщенный (не более 7—8 мм), техника изготовления ленточная, хорошо прослеживается сильное утоньшение краев глиняных лент (до 2 мм) в местах их подлепа. Орнамент не образует бордюра, а занимает если не всю, то значительную часть внешней поверхности. Он состоит из отпечатков тонкой (пунктирной) гребенки, которые создают широкие горизонтальные зигзагообразные полосы, а возможно, и более сложный рисунок.

Все скопление найдено в верхнем горизонте культурного слоя, сразу под дерном, но судя по пунктирному орнаменту, он, казалось бы, не должен относиться к более позднему времени, чем вся остальная масса керамики эпохи раннего металла. Несколько фрагментов сосудов с пунктирным орнаментом, но с иным мотивом найдены на Маяке II.

Поскольку в целом культурные остатки в виде орудий, отходов от их производства, очагов, хозяйственной ямы и культового захоронения костей нерпы сосредотачивались в южной части поселения (преимущественно в юго-восточном его углу), свидетельствуя о наиболее интенсивном его использовании, есть основание полагать наличие здесь и жилища, для реконструкции которого материал более чем ограничен.

Анализ каменного инвентаря и керамики, небольшая площадь поселения, четко ограниченная естественными преградами (что дало возможность произвести полное его исследование), указывают на целостность и непотревоженность памятника. Очень однотипный материал этого поселения (за исключением нескольких фрагментов неолитической керамики) говорит о его синхронности, позволяя датировать эпохой раннего металла. Очевидно, он существовал относительно короткое время по сравнению с Маяком II, а единичные фрагменты неолитической керамики несомненно связаны с нижним слоем поселения Маяк II.

Радиокарбоновая датировка указывает на функционирование памятника 3330±40 л. т. н. (ЛЕ-1496).

Маяк II (комплекс эпохи раннего металла)

Поскольку топографии, стратиграфии и планиграфии находок мы касались при характеристике неолитического комплекса, здесь остается затронуть лишь некоторые аспекты этого замечательного памятника. Предметом краткого описания явятся орудия, керамика и каменные выкладки, которые можно отнести к эпохе раннего металла. Крайняя ограниченность объема книги не позволяет дать подробного описания чрезвычайно многочисленных, ярких, оригинальных и во многом не повторимых пока орудий труда и быта. В этом случае приходится прибегнуть, как нам кажется, к наиболее рациональному приему — заменить пространное описание предметов их иллюстрациями.

Как уже было сказано, среди орудий и бытовых предметов можно безошибочно выделить значительную часть относящихся к эпохе раннего металла, которые не встречаются в неолите. К их числу относятся и орудия, и бытовые предметы, и предметы искусства, изготовленные из мыльного камня (стеатита): навершия, грузила, молотообразные орудия со сверлением (рис. 34, *27*, *31—38*, *40*, *41*), просверленные молоты (рис. 34, *39*), лампы-жировики (рис. 35, *13*, *14*), литейные формы для кельта (рис. 35, *1*) и ножей, а также костяные поворотные гарпуны (рис. 36, *16—20*); сланцевые секирообразные топорики (рис. 36, *22*); широко представленные здесь сланцевые наконечники стрел и копий группы Б, тип I : 2, II : 2 (рис. 34, *28*, *29*, 36, *1—3*, *8—10*, *13*, *15*); наконечники копий группы А тип I : 2а, II : 2 (рис. 34, *43*, 36, *12*, *33*); сланцевые наконечники копий и ножи, ретушированные по всей поверхности (рис. 36, *31*, *37*). К тому же времени относятся и крупные угловые ножи (рис. 37, *24*); сланцевые и костяные ножи с рукоятью (рис. 37, *25*, *27*); оригинальные шиферные наконечники копий (рис. 37, *11—13*) и удлиненные костяные наконечники стрел (рис. 37, *14—18*).

Как уже отмечалось, на поселении Маяк II весьма многочисленны и разнообразны кинжалы и кинжаловидные орудия, часть которых обработана, по-видимому, с применением металлических инструментов, что дает основание причислить их к поздней хронологической группе (рис. 38, *7*, *10—12*), а также крупные кинжалы, неизвестные по другим памятникам (рис. 38, *1*, *6*, 39, *16*). К тому же времени, очевидно, относятся многие бородчатые гарпуны и рыболовные крючки (рис. 40); оригинальные костяные и роговые вещи непонятного назначения (рис. 41, *1*, *2*, *9*); рукоятки для ножей (рис. 41, *22*) и различные особенно многочисленные и многообразные гальки со следами изношенности (рис. 41, *23*). По всей вероятности, к более позднему периоду следует отнести бытовые предметы — ложки (рис. 35, *3*, *5*, *12*) и орудия для обработки кожи — струги из ребер моржа, длиной 50 см (рис. 36, *35*, *36*) и предмет с тремя выемками, длиной 32 см, возможно являвшийся частью нарты или лодки (рис. 36, *34*).

По стратиграфической и планиграфической ситуации (залегание в III горизонте слоя) некоторые костяные и роговые кинжаловидные орудия (рис. 35, *9*, 39, *14*, *19*) с известной долей условности можно связать с неолитическим комплексом, однако сходные продолжали существовать и в более позднюю пору.

Что же касается разнообразных наконечников стрел из камня и кости, то их нельзя с полной уверенностью классифицировать хронологически, за исключением встреченных в южной части и III горизонте центральной части раскопа. Издревле выработанная рациональная форма могла существовать без изменений длительное время. Это относится и к таким орудиям, как зубчатые инструменты для снятия чешуи с рыбы (рис. 35, *6*, 36, *30*), тесла из трубчатых костей (рис. 35, *2*, 36, *11*), широко распространенным в Прибалтике в эпоху мезолита-неолита.

Керамика эпохи раннего металла Маяка II содержит все признаки, присущие сосудам этого времени других поселений Кольского п-ва, но вместе с тем и ряд оригинальных черт. Обращает на себя внимание технология сосудов — очень существенный признак для установления генетической преемственности эпохи раннего металла от неолитической. Керамика эта столь же толстостенная, сделана

тем же оригинальным приемом, как и неолитическая, — в несколько слоев, что порождает частое ее расслаивание (рис. 42, *14—15*, 43, *4*). Кроме того, наблюдается и очень оригинальная черта, которая не встречена пока ни на одном памятнике, кроме Маяка II и Маяка. Речь идет об оформлении края сосуда с помощью толстых (до 1 см) асбестовых палочек длиной более 8 см (рис. 42, *7—9*, *11*). В этом случае глиняная лента на крае сосуда перекидывалась через асбестовую палочку, в результате чего получался толстый, прочный край сосуда. Такой прием был возможен благодаря тому, что асбест был мягким и палочка его легко сгибалась, но после высыхания он становился очень твердым. В данном случае асбест использовался не как отощитель, а как часть твердой основы. Примесью же к глине служил тот же асбест, но сильно размельченный, песок, реже слюда, эгирин (см. определение петрографа).

Прослеживается и еще одна техническая особенность — частая починка сосудов с помощью отверстий, просверленных по сухой глине. Многие сосуды с одной или обеих сторон имеют штрихи от заглаживания. Величина сосудов крупная (до 40 см в диаметре горла), край прямой или утолщенный, изредка слегка отогнутый наружу. Днища округлые и плоские (до 16 см в диаметре), форма горшковидная, непрофилированная, орнамент исключительно в верхней части в виде фриза. Тулово сосуда и днище без орнамента.

Элементы орнамента очень ограничены. В основном это прямая прочерченная линия или ее короткие отрезки. Как исключение встречаются: пунктир, крошечные ямчатые вдавления и колечки, нанесенные тонкой трубчатой костью. Многие сосуды вовсе без орнамента.

Мотивы и композиции в ряде случаев совпадают. Их также очень немного, наиболее часто применяются: 1 — горизонтальные пояса из коротких, косо поставленных нарезок; 2 — косая сетка; 3 — параллельные горизонтальные широкие проглаженные линии. Вариации заключаются лишь в количестве рядов элементов, образующих широкие или более узкие пояса.

Оригинален орнамент не менее чем пяти сосудов. Один из них украшен прочерченной сеткой, на одном конце которой нанесены пять параллельных коротких черточек (рис. 42, *1*), второй — редкими короткими парными пунктирными линиями, поставленными поочередно то параллельно, то перпендикулярно краю сосуда. Орнамент третьего сосуда состоит из узких параллельных линий, от которых, на некотором расстоянии друг от друга, отходят под углом в обе стороны как бы лучи, три коротких отрезка прямых (рис. 42, *3*). Наиболее интересен четвертый сосуд, на сглаженной поверхности которого изображена фигура животного, видимо оленя (рис. 42, *7*). На пятом сосуде отпечатки тонкой трубчатой кости образуют широкую зону (рис. 43, *16*, *18*).

Среди каменных выкладок можно выделить несколько относящихся к эпохе раннего металла (рис. 21). Они располагались на участках, занятых в основном комплексами этого времени, где почти или вовсе не встречались неолитические материалы. Некоторые из них хорошо, другие менее выражены, что, вероятно, обусловлено степенью разрушения.

Каменные выкладки четких подовальных очертаний располагались в северо-восточном углу раскопа, в непосредственной близости от участков, где скала почти поднималась на дневную поверхность, будучи прикрытой лишь тонким слоем почвы. Они как бы прилегали к скале, занимая пониженный участок.

Первая из них — комплекс V (кв. 25, 26, 29, 30, 35, 36, 61, 62) — представляла собой группу камней различной величины, но в основном не очень крупных (до 20 см), преимущественно плоских, которые, близко прилегая друг к другу, образовывали фигуру неправильного круга. В особенности они были плотно уложены по краю, образуя как бы окантовку. Стройность очертаний несколько нарушалась группой камней в южной части кв. 25. Верхние камни лежали на уровне нижней части I горизонта, основание же камней уходило во II горизонт. В контурах скопления под камнями найдены остатки двух очагов — угли и сажистый слой, — занимавшие пространство между камнями. Общая площадь кладки приближается к 30 м^2. На окраине кладки, в кв. 26 встречены остатки более мощного очага, обложенного камнями со следами пребывания на огне. Анализ углей показал дату 4390±40 л. т. н. ЛЕ-1492. Вероятно, этот очаг относится к концу неолита или самому началу раннего металла.

Второе скопление — комплекс VI, — близкое по очертаниям к кругу, почти не заполненному внутри, содержало меньшее количество камней, нежели первое. Оно занимало кв. 28, 41, 44, 48, 49. Небольшая группа камней, образующая как бы второй круг, примыкала с северо-востока и одной частью соприкасалась со скальным возвышением. Общая площадь основной (округлой) части скопления около 18 м^2, каменная же окольцовка, примыкавшая с северо-востока, имела диаметр 2,5 м. В центре находился очаг — углистый слой с сильно обожженными камнями.

Третье скопление — комплекс VII — хотя и приближалось к округлому, но имело достаточно аморфные очертания, как бы делилось на две части — неправильный, незамкнутый четырехугольник и замкнутый круг. Оно занимало кв. 5, 6, 10—12. Наиболее плотная группа прослеживалась на кв. 6 и 12, на остальном же пространстве уплощенными камнями (размером до 30 см) были выложены толь-

ко контуры фигуры. По двум сторонам четырехугольника (в кв. 5 и 20) располагались остатки очагов — обгоревшие камни и довольно крупные угли. Вблизи кладки и восточного очага (кв. 4) располагалась округлая коническая яма диаметром около 90 см, глубиной 23—28 см от уровня II горизонта, заполненная гумусированным слоем с примесью углей, а на расстояние 1 м к югу от нее (кв. 8) — очаг с несколькими камнями. Угли из очага датируются временем 4290±40 л. т. н. ЛЕ-1493. По-видимому, этот комплекс также относится к самому началу второго этапа заселения данного прибрежного участка.

Группа камней — комплекс VIII, — не слагавших отчетливой фигуры, встречена на кв. 31—34. Помимо этого на кв. 34 в углублении, между скальными выходами, располагался очаг диаметром 80 см, глубиной 138—152 см от уровня II горизонта. Мощность углистой прослойки 12 см.

К числу наиболее выразительных относятся остатки сооружения на кв. 82—85, по форме близкие к четырехугольнику, — комплекс IX — состоящие из ряда крупных (30—60 см) плоских камней, выложенных параллельно. В западной части выкладки (кв. 84) располагалось скопление мелких камней (диаметром 0,5 м), уложенных в несколько рядов плотно друг к другу, на небольшом бугорке. В основе его лежали два крупных плоских камня. Между камнями встречались угли. Общий размер выкладки 3×3 м. В средней части ее также прослежена компактная группа (0,6 м) небольших камней, залегавших в интенсивном темном слое, со следами углистых примазок, однако с менее яркими признаками пребывания на огне. В обоих случаях очаги сопровождались обожженными костями. Судя по наличию очагов, западанию культурного слоя, подчетырехугольным контурам фигуры, образованной камнями, в ней можно видеть следы жилого сооружения, в котором один из очагов находился при выходе (с западной стороны), а второй посередине. По всей вероятности, ряды камней повторяют очертания его основания (рис. 19В). В заполнении этой кладки встречены весьма оригинальные предметы, в частности изобразительного искусства.

В центральной части поселения на кв. 101—104, 120, 121 располагалась уложенная в два ряда некомпактная группа плоских (до 35 см) камней, из которой удается вычленить фигуру прямоугольника с двумя длинными (6 м) и двумя более короткими (4 м) сторонами, один угол которого разрушен, — комплекс X, — общая площадь его 24 м^2. Рядом камней фигура делилась как бы на две части. Внутри предполагаемого помещения, у южной части стенки, залегали два скопления керамики эпохи раннего металла, одно из которых находилось в небольшой ямке. По-видимому, это следы жилого сооружения со входом в юго-восточной части, разделенное на две камеры. Помимо скопления керамики внутри его найдены два предмета искусства, а два других обнаружены с внешней стороны западной стенки.

В северо-западной части поселения, на кв. 154—157, 160, 163, 172, 175, 178 прослежены следы каменной выкладки — комплекс XI, — южная стенка которой оказалась сильно разрушенной. Здесь на поверхность выходила часть скалы. Площадь выкладки около 50 м^2. Внутри предполагаемой постройки находилось два очага — угли лежали среди беспорядочно разбросанных камней. Помимо того, два очага располагались хотя и за пределами, но у самых стен (южной и северной) каменной выкладки. Около южного угла прослежены два скопления керамики эпохи раннего металла, а внутри помещения 11 предметов искусства.

В значительной мере разрушенная каменная кладка — комплекс XII — отмечалась в кв. 214 и 215. Наибольшая закономерность в расположении камней прослеживалась в юго-западном конце кв. 215. В целом хотя и слабо, но улавливалась фигура подчетырехугольных очертаний. Было ли это самостоятельное сооружение или только часть соседнего (комплекса XI), определить трудно. В последнем случае оно могло являться развалом недостающей западной стенки. В общем же о том, что кладка камней, очевидно, была связана с жилищем, свидетельствуют наличие очага у северо-восточной стенки за пределами кладки, значительная насыщенность по сравнению с другими квадратами культурного слоя и особый состав находок (навершие из мыльного камня и обломок поворотного гарпуна).

Наличие в контурах кладки, так же как и вообще в этой части поселения, фрагментов керамики только эпохи раннего металла заставляет данный развал жилого сооружения датировать поздним периодом. Поблизости от него встречались остатки фауны и створки раковин.

Распространение материала на I горизонте основной части поселения, относящегося к эпохе раннего металла, позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего обращает на себя внимание сосредоточенность в северо-западном углу поселения скребков. Очевидно, именно здесь производилась обработка шкур в летнее время, поскольку это было сухое песчаное место, непосредственно на берегу моря, хорошо обдуваемое ветром, спасавшим от комаров. В зимнее же время года работа переносилась в расположенное рядом жилище.

Центральный участок, ограниченный пикетами $Ч_{12}Р_{12}$, $Ц_{23}Н_{23}$, занимавший частично межжилищное пространство, был сильно насыщен находками. В ряде квадратов наблюдалось скопление фрагментов сосудов (кв. 91, 102, 123, 124), часть которых была приурочена к жилым постройкам, рас-

полагаясь в их контурах, другая — в непосредственной близости от них. На уровне I горизонта довольно часто встречались наконечники стрел и копий.

Особенно отчетливо прослеживалась концентрация кусков мыльного камня и изделий из него, приуроченных к остаткам постройки XI (рис. 21). Очевидно, именно здесь находился центр обработки мыльного камня — своеобразная мастерская. В южной половине раскопа I горизонт был занят только неолитическими находками.

В западной части раскопа материал встречался несколько реже. По составу он не отличался чем-либо существенным от находок остальной части поселения, здесь было скопление раковин моллюсков (кв. 207, 208, 217, 218, 209, 216). На самой западной окраине поселения отмечена некоторая концентрация находок, в частности наконечников стрел, а также остатки фауны. Известная сосредоточенность керамики была заметна на кв. 238, 239.

На II горизонте в северо-восточной части поселения положение существенно не отличалось, только количество находок было несколько меньше. Отчетливо выявилось скопление массы костного материала в кв. 61—63, 30, 35, 34, 91, а также несколько южнее — кв. 4, 9, 54, 53. Отмечалось и большое количество кварцевых отщепов (кв. 9, 29, 30, 34, 54, 55).

Особого внимания в этой части раскопа заслуживает кв. 29. Здесь среди большого количества остатков фауны (1288 экз.) и скопления отщепов кварца (517 экз.) обнаружен ряд необычных вещей. В северном углу квадрата на площади не более 50 см^2 залегали плотно сложенные остриями в одну сторону 13 длинных, совершенно одинаковых костяных наконечников стрел, очень своеобразной, нигде более не повторяющейся формы. Несомненно они находились в колчане. Очевидно, от последнего сохранилась только сложноорнаментированная пластинка из клыка моржа с двумя отверстиями для крепления, лежащая прямо на наконечниках, служившая украшением колчана. В пределах тех же 50 см^2 залегало еще несколько каменных наконечников, украшение, челюсть бобра. В пределах этого квадрата встречались также и обычные предметы: фрагменты керамики эпохи раннего металла, обломки рубящих орудий, кварцевые скребки.

Состав находок и их компактное расположение наводят на мысль о преднамеренном захоронении основных вещей, поскольку трудно допустить, чтобы колчан был утерян вместе с крупными наконечниками и украшением. Бесспорным является и то, что все костяные наконечники сделаны одним человеком, они идентичны (как будто вылиты в одной форме) и в то же время очень оригинальны, не имеют аналогов ни в одном из памятников Кольского п-ва и ближайших территорий. Обращает на себя внимание и челюсть бобра, лежавшая рядом с «колчаном». Тождественная находка челюсти бобра вместе с колчаном, заполненным наконечниками стрел, встречена была в погребении 100 Оленеостровского могильника Баренцева моря. В связи со сказанным возможно предположение: не являлись ли указанные вещи специально захороненными в культурном слое, т. е. не относятся ли они к погребению типа кенотафа? Это тем более вероятно, что подобное явление (кенотаф) встречено в Оленеостровском могильнике Баренцева моря.

В квадратах, где сохранились остатки фауны, найдено довольно много обработанной кости, там же, где фауна не сохранилась, костяные орудия были в полной мере единичны.

В центральной части раскопа обнаружено значительное количество украшений и предметов искусства (кв. 87, 111, 117, 120, 97, 96, 127, 130, 132, 115), небольшие скопления керамики (кв. 102) и довольно отчетливая локализация костяных орудий на площади 16 м^2 (кв. 96, 127, 131, 132, а также на кв. 117). В западной части поселения наблюдались очаги (кв. 159, 161, 164), предметы искусства (кв. 175, 160, 174, 155, 154) и сосредоточенность костяных орудий (кв. 155, 156). В южной половине, как уже говорилось, поздние находки отсутствовали, насыщенность же неолитическим материалом была различной.

На западной окраине поселения на уровне II горизонта культурный слой прослеживался лишь местами — в кв. 220, 221, 222, 225, 233, где были видны остатки очагов, южнее встречались лишь редкие неолитические орудия и керамика.

В юго-восточной части раскопа в III горизонте на многих участках культурный слой выклинился, сохраняясь лишь на месте скальных понижений (кв. 61—64, 20, 29—36, 4, 9). Почти на всей этой площади наблюдалась сильная концентрация костных остатков. На кв. 29 в южной части располагался небольшой очажок, остатки небольшого очага прослежены также и в северной части кв. 34. На кв. 33 найдены предмет искусства и целая серия кварцевых скребков, так же как и на кв. 64.

В центральной части культурный слой III горизонта занимал всю площадь и содержал большое количество орудий, в том числе костяных, небольшой очаг (кв. 117), скопление охры (кв. 126), предметы искусства (кв. 111, 109, 84, 122, 121, 97, 131), несколько предметов из мыльного камня (кв. 91, 102, 97, 128, 133, 134). Выражено скопление отбойников — пестов (кв. 78, 81), костяных орудий (кв. 117, 118, 98, 95, 94, 93, 127, 132), каменных орудий (кв. 124, 129), куски пемзы (кв. 139).

Ближе к западной части культурный слой III горизонта в основном прослеживался лишь там, где сосредотачивалось и значительное количество костных остатков (на кв. 34 их было 5000 экз. только

определимых). На ряде квадратов заметны были и нижние части очагов, слегка впущенных в грунт (кв. 157, 179, 161), предметы искусства и отдельные костяные орудия.

В южной части поселения на этом уровне прослеживался материк.

Четвертый горизонт культурного слоя выступал лишь в центральной части поселения, будучи оконтуренным пикетами $Ц_{19}Н_{19}$—$Ц_{12}Н_{14}$, при этом как бы отчленялись две половины — северная и южная, разделенные линией квадратов, слабо насыщенных находками (между пикетами $У_{19}С_{19}$—$У_{12}С_{12}$). В основном в пределах каменных кладок и по соседству с ними (кв. 143) встречались скопления неолитической керамики. В целом на этой площади 268 м^2 было встречено два фрагмента керамики эпохи раннего металла. Вся остальная керамика относится к неолитической эпохе. Это дает основание связывать с ней и найденные здесь каменные и костяные орудия, тем более что они весьма отличаются от орудий верхних горизонтов.

Усть-Дроздовка (комплекс эпохи раннего металла)

В предшествующем разделе были даны сведения о памятнике в целом и о неолитическом комплексе. Жесткие рамки, отведенные для данной книги, заставляют дать лишь самую краткую характеристику материала эпохи раннего металла.

Иные стратиграфические условия по сравнению с Маяком и Маяком II (очень рыхлый песчаный грунт) не способствовали сохранности органических остатков и вызвали сильное поглубинное перемещение материала, вследствие чего топография находок не могла дать такого эффекта, как на Маяке II. Результативнее оказалась планиграфия предметов, выявившая концентрацию позднего материала только в южной части поселения.

Из комплексов, связанных с последним периодом существования поселения, наиболее достоверен один, расположенный в южной части, занимающий кв. 117 и примыкающие к нему с юга и запада. Это охристое пятно ярко-малинового цвета, длиной более 3-х м, не имело четких очертаний. В юго-западном углу кв. 117 прослеживалось небольшое (0,9 м) компактное скопление камней, но без следов действия огня. Вокруг встречалось много находок — фрагменты керамики эпохи раннего металла, кварцевые орудия, шлифовальные плиты и пилы. Самой замечательной находкой была птица из мыльного камня.

Смысл этого комплекса не совсем ясен. Не исключено, что он имел не бытовой, а ритуальный характер, о чем свидетельствует большое количество охры и скульптура птицы.

Значительная окрашенность песка в малиновый цвет наблюдалась также несколько южнее, в кв. 171, 168. Небольшие пятна здесь не были обрисованы отчетливо, но в контурах заохренного песка встречалось значительное количество находок, в частности много отщепов кремня, кварца и 7 наконечников стрел, преимущественно треугольно-черешковых (тип II : 11). В соседнем, 169 кв. обнаружена керамика раннего металла (очень плохой сохранности), а также неолитическая.

Предположительно к более позднему времени можно отнести и очаг (0,9×0,65 м) в кв. 33 из плотно уложенных крупных (до 40 см) камней, «забутованных» в центре более мелкими. На них прослеживались слабые следы нагара. Вверху очаг был перекрыт слоем дерна, основание камней располагалось в толще розоватого культурного слоя, не опускаясь в ортштейн. Между камнями прослеживались раздробленные обожженные косточки.

На кв. 139 обнаружен развал сосуда, как бы переходного типа от неолита к бронзе, с растительной примесью и гребенчатым орнаментом. Вероятно, к эпохе раннего металла следует отнести и очаг в кв. 122, верхняя часть которого совпадала с верхней частью культурного слоя и уровнем залегания асбестовой керамики. Под камнями, слагавшими очаг, прослеживалась тонкая прослойка серого (золистого) песка с угольками и следы сильно прокаленного песка. Рядом лежало довольно много находок, в том числе кремневый наконечник стрелы.

К позднему этапу существования поселения относятся единичные сланцевые наконечники стрел группы А иволистной формы (тип I : 8, I : 9) с округлым или более заостренным основанием и треугольно-черешковые с усеченным или приостренным черешком (северный вариант сейминских наконечников стрел), тип II : 9, II : 10, только более расширенных пропорций, а также обломки тыльной части сланцевого наконечника копья листовидной формы (тип I : 1а).

Керамика эпохи раннего металла немногочисленна, но весьма типична (кроме одного сосуда). Примесью к глине служит асбест в виде крупных волокон, введенный в очень большом количестве. Величина сосудов крупная (диаметр горла свыше 40 см), край прямой или слегка утолщенный и отогнут во внутреннюю сторону. Орнамент отсутствует или очень скудный — в виде пары горизонталь-

ных широких прочерченных линий. Иногда на сосуде заметны отверстия для починки, просверленные по обожженной глине.

Нестандартен сосуд (в кв. 136 в виде развала) крупного размера с очень мелкой (введенной в очень малом количестве), по-видимому органической, примесью, слепленный из двух слоев глины (рис. 14, *1—3*). Внешняя поверхность его тщательно заглажена, на внутренней — штрихи от расчесов. Край слегка утолщен, с внутренней стороны, по срезу края нанесены косые насечки. Венчик орнаментально не выделен, тулово покрыто редкими глубокими ямками, не создающими определенного узора. Подобная керамика встречена в верхнем слое поселения Нерпичья Губа.

Планиграфия орудий и керамики указывает на четкую локализацию материала раннего металла в южной части поселения. Судя по малому количеству находок, довольно четко приуроченных здесь к верхнему горизонту, следует заключить, что поздний этап существования поселения не был длительным. Поскольку в южной части более поздние находки залегали совместно с ранненеолитическими, по-видимому, следует отвергнуть мысль о непрерывном функционировании поселка с эпохи раннего неолита до эпохи раннего металла, а считать сочетание разновременных находок механическим смешением. По стилю керамики и отсутствию ряда орудий, типичных для других поздних памятников, таких как крупные наконечники копий и гальки-отбойники, повторное заселение пос. Усть-Дроздовка следует связывать с начальным этапом раннего металла.

В это время поселок занимал более южную часть, примыкающую к реке, и, возможно, участок противоположного, левого берега — поселок Кривун. Не исключено, что перемещение к югу в поздний период было обусловлено высыханием водоема — источника пресной воды, заставившее людей передвинуться ближе к более низкому и потому удобному берегу реки.

Мыс Семерка II

Памятник расположен на второй террасе северного побережья Ловозера, в непосредственной близости от неолитического поселения Мыс Семерка I, являясь как бы его продолжением, но на второй террасе — ровной площадке, восточный край которой совпадает с берегом озера и оконтуривается отчетливым каменистым береговым валом. Поселение, исследованное в 1979—1980 гг., общей площадью 712 м^2 вытянуто вдоль берега озера, следуя по очертаниям за береговыми уступами. В действительности площадь древнего поселка была несколько большей, чем наш раскоп, продолжаясь к западу, однако очень незначительно, поскольку в эту сторону культурный слой заметно выклинивался. Уменьшались находки и в северном направлении, в сторону заболоченного участка.

Целостность культурного слоя в центральной части оказалась нарушенной огромной ямой (по-видимому, землянкой военного времени). Такие котлованы располагались и далее к северу вдоль берега озера. Выброс из них перекрыл в некоторых местах культурный слой. При разборке выброса обнаружены многочисленные отщепы сланца и кварца, а также много крупных рубящих орудий.

Стратиграфия поселения выглядела достаточно однообразно. Под незначительным слоем дерна — 0,3—0,1 м — залегал черный гумусированный песок мощностью от 0,2 до 0,5 м (основной культурный слой), подстилаемый светло-желтым, иногда с зеленоватым оттенком, мелкозернистым песком. На некоторых участках он замещался ортштейнированным песком. В южной части поселения культурный слой перекрывался отвалом мощностью 0,2—0,8 м, поверх которого за последующие годы образовался свежий дерновый слой.

Находки залегали сразу под дерновым слоем, в черном гумусированном песке и на контакте его с нижележащим светло-желтым или ортштейнированным песком. Мощность культурного слоя заметно увеличивалась в восточном и северном направлениях. В контурах его встречалось очень много мелких и крупных камней, углублявшихся в нижележащий горизонт, которые образовывали скопления или лежали изолированно. В особенности многочисленны они были в юго-западной части поселения.

Среди скопления камней выделяются очажные комплексы и, очевидно, вымостки, связанные с жилыми постройками. Однако в последнем случае, по-видимому вследствие сильного нарушения целостности, они не имели четких очертаний. Так, две сходные по конфигурации и размерам (4×2 м) кладки очень плотно прилегающих друг к другу камней образовывали как бы вымостку, располагаясь по одной линии на кв. 53, 47 и 35, 29. Среди камней, и в особенности ниже их, в кв. 53, 47, находились угли на уровне низа I горизонта. После того как были полностью выбраны камни, обрисовалось пятно овальных очертаний (1,9×0,8 м). Под каменной кладкой кв. 29, 35 углей и явных действий огня на камнях не наблюдалось. Однако угли выявились на уровне низа II горизонта, на соседних кв. 17 и 23, где на I горизонте наблюдалось скопление из редко уложенных небольших округлых камней со слабыми следами пребывания на огне. Более компактная каменная кладка округлых очертаний, диаметром 1,25 м, отмечалась на кв. 36 и части кв. 30.

После снятия первого горизонта, в центральной части раскопа, на кв. 87 и 81, близ южной границы котлована, выявились следы двух небольших кострищ округлых и овальных очертаний, диаметром 0,5 м, которые не были отмечены на поверхности каменными кладками, хотя отдельные камни и встречались на этих участках. Следы очень небольшого кострища — диаметром не более 0,4 м — обнаружены и в соседнем кв. 82. Таким образом, в общей сложности на трех смежных квадратах (81, 82, 87) располагались три кострища. Именно эти квадраты, непосредственно у очагов, были очень насыщены керамикой, которая в двух случаях (в кв. 81 и на контакте с кв. 87 и 88) образовывала значительные скопления.

Хотя явно выраженного западания культурного слоя в материк, которое свидетельствовало бы о наличии углубленного жилища, и не прослеживалось, все же наблюдались повышенная гумусированность культурного слоя и увеличение его мощности, фиксировалось и некоторое его понижение по линии $К_7К_{13}$, и в особенности $А_7А_{12}$. Этот факт, подкрепленный большим количеством находок в смежных квадратах, позволяет высказать предположение о том, что часть поселения, заключенная в контурах нашего раскопа, между пикетами $К_7$—$К_{13}$, $А_7$—$А_{12}$, являлась наиболее интенсивно обитаемой частью поселка и, по-видимому, она соответствует остаткам какого-то, очевидно наземного, жилища, площадь и очертания которого с достаточным основанием установить не удается. По всей вероятности, оно имело больший размер и оказалось частично уничтоженным котлованом, о чем говорят очень интенсивная окрашенность слоя и насыщенность находками квадратов, примыкающих к его краю.

О том, что упомянутый участок включался в центральную, особо интенсивно используемую жилую площадку, свидетельствуют и остатки сооружения, также сильно разрушенного, прослеженного у северного края котлована. На уровне II горизонта на кв. 123, 124, 129, 130 обнаружилась каменная вымостка (рис. 44А). Некоторые каменные плиты плотно прилегали друг к другу, выстилали полностью площадь кв. 123 и 124, заходя в виде узкой полосы на контакт кв. 129 и 130. Камни залегали в контурах черезвычайно сильно гумусированного пятна, диаметром сохранившейся части 4×3,5 м, врезавшегося на 0,2—0,25 м в материковый слой. Судя по конфигурации, котлован уничтожил около половины сооружения, при этом, очевидно, остатки очага и входа, который, скорее всего, был обращен в сторону озера, как это и было обычным у древних жилищ. Мы можем предположительно интерпретировать это сооружение как следы нижней части наземного жилища, вероятно типа чума, диаметром около 5 м.

Небольшое потемнение культурного слоя с включением мелких угольков выявилось на кв. 121, 133, 142. На стыке четырех кв. 119, 120, 133, 134 размещался очаг особого типа — компактная группа камней лежала не на земле, а на плоском камне, который служил «полом», камнями же были выложены стены, в результате чего получился как бы ящик. Нижняя плоская плита была сильно обожжена. Два плоских крупных камня лежали по соседству с очагом, по-видимому, они первоначально включались в очажный комплекс. Диаметр этого сооружения 1,4 м.

В непосредственной близости, на стыке кв. 121, 132 находился второй очаг, несколько меньшего размера (1,1 м), обычного типа, из плотно уложенных камней. Следует отметить также искусственное сооружение, возможно очаг, в кв. 171, где скопление камней образовывало полукруг, а также на кв. 115, где камни были уложены на плоский камень, но без особого порядка.

В северной половине раскопа на уровне II горизонта сосредотачивалось наибольшее количество крупных камней, на участке, оконтуренном пикетами $Ч_4$—$Ч_6$, $У_3$—$У_7$, примерно на площади 44 м^2, слагавших неправильную подокруглую фигуру, и ряд мелких камней, образующих маленькие компактные кладки, среди которых встречались очаги. За пределами этого скопления (помимо указанных ранее в кв. 123, 124, 130, 110), в кв. 138, 139 отмечалась очень компактная группа камней, очевидно являвшихся очагами, чаще округлой формы, диаметром от 0,8 до 1,5 м. В большинстве случаев между камнями встречались угольки — очевидно, следы кратковременно действующих очагов.

Отчетливо выраженный очаг специализированного назначения встречен на границе кв. 77, 78, 92, 101. Относительно крупные камни, очень плотно прилегающие друг к другу, создавали отчетливую фигуру овальных очертаний (2,8×1,2 м), залегая в несколько рядов один над другим. Внутри кладки, между слоями камней, находилась масса крупных, очень крепких углей — свидетельство того, что дрова сгорели без достаточного доступа кислорода. По всей вероятности, это была печь-каменка довольно большого размера, скорее всего служившая для выплавки металла, доказательством чему служит найденный рядом с печью железный шлак. Подобные печи для выплавки железа встречались, например, в поселении Сокольское II в Поволжье (Гурина, 1963, с. 184). Поскольку она находилась в нижней части I горизонта, как и ряд других комплексов, не перекрывая их, и здесь не прослеживалось нарушения культурного слоя, можно допустить, что печь, располагавшаяся на краю поселка, относится к самому концу его существования. Скорее всего, ее следует связывать с плоскодонными лепными сосудами без орнамента.

На уровне III горизонта единичные находки встречались лишь в редких квадратах (3, 5, 44, 101—110). Вместе с тем в южной части раскопа (в кв. 23, 34, 36, 42) выявились небольшие ямки, диаметром около 0,3—0,35 м, углубленные в материк на 0,1—0,15 м, заполненные черным гумусированным слоем без находок (за исключением кв. 42). На кв. 23 помимо ямок находилось небольшое углистое пятно, менее 30 см в диаметре. Хотя особого порядка в расположении углублений и не прослеживалось, все же можно отметить, что они образуют как бы три парные группы, вытянутые каждая в одну линию. Существенно, что ямки находятся на границе упомянутой выше каменной кладки, которая, возможно, являлась следами былого жилого сооружения.

Насыщенность культурного слоя находками очень значительна. Общее количество находок 53 616, число орудий, керамики и предметов, связанных с обработкой орудий, достигает 5128 экз. Велико и количество отходов производства, всего отщепов — 48 488: сланца 34 213 и кварца 14 160. Кремня, как и на большинстве памятников Кольского п-ва немного — 115 отщепов. Преобладает сланцевая индустрия.

Рубящие орудия встречаются в пределах всего раскопа, но наблюдается заметная локализация их в определенных частях поселения. При этом наибольшая насыщенность совпадает с концентрацией керамики. Особенно много их было в южной, центральной и северо-западной частях поселения, условно между пикетами: I — $И_4$—$И_{12}$, $Ж_4$—$К_9$; II — $Р_4$—$Р_7$, $К_4$—$К_7$; III — $Ч_3$—$Ч_6$, $Т_3$—$Т_6$. На окраинных участках они встречались в меньшем количестве.

Выявляется некоторая закономерность. В южной половине рубящие орудия сопровождаются очень большим количеством предметов, использовавшихся для их изготовления, — пилами и шлифовальными плитами. В особенности много последних. Чаще они бывают в обломках, но довольно крупных, в других случаях целыми массивными экземплярами. При этом не следует забывать, что фрагменты шлифовальных плит, в отличие от других сломанных орудий, выполняют ту же функцию, что и цельные. В некоторых квадратах их бывает по нескольку. В единичных случаях шлифовальные плиты и пилы встречаются самостоятельно, но как правило, они сопровождают рубящие орудия. Самым насыщенным ими является компактно расположенный участок в пределах квадратов: 79, 80, 68, 67, 27, 21, 15, 28, 22, где на каждом квадрате встречается до 6 сланцевых орудий и 7 шлифовальных плит. В кв. 84, 88, 65, 44, 56, 43, 37 найдено свыше 10 кварцитовых и песчаниковых пил.

Вторая явная концентрация крупных сланцевых орудий прослежена в средней части поселения, на линии смежных кв. 122, 123, 109, 110, 111, и в особенности кв. 106. При этом данный участок, очевидно, не являлся мастерской, поскольку здесь отсутствовали шлифовальные плиты и пилы. На перечисленных участках найдено всего лишь 6 шлифовальных плит и одна пила, тогда как в общей сложности орудий и заготовок свыше 70. Такое скопление крупных сланцевых орудий и заготовок вызывает особый интерес в связи с находками «клада» на кв. 106.

Третья, менее выразительная концентрация орудий, наблюдалась в северной части поселения, в пределах кв. 154, 153, 150, 136.

Особый интерес вызывает скопление орудий на кв. 106, лежавших очень компактно в двух местах (рис. 44Б). В средней части квадрата лежали заготовки, плотно прижатые другу к другу, что указывало на их первоначальное положение в какой-то таре. В западной части квадрата, под краем большого камня так же кучно лежала другая группа заготовок, присыпанная землей. Обращает внимание идентичность формы и степени обработки. Это довольно крупные топоры, слегка суженные к тыльной части, оббитые со всех сторон мелкими сколами. Для завершения их обработки требовался лишь последний этап — шлифование, в частности заострение шлифовкой лезвия. Судя по тождеству, они изготовлены одним мастером.

Данный комплекс интересен с различных точек зрения. Во-первых, он позволяет проследить на массовом материале последовательность изготовления орудий, и в частности заключительный этап — оформление лезвия топора, которое производилось с помощью сильной заточки его с обеих сторон до нужной остроты. Во-вторых, удивительное сходство орудий, очевидно позволяет говорить о специализации отдельных жителей поселка, а также о форме связи племен, на чем мы остановимся ниже.

Очевидно и еще одно обстоятельство: в одном случае все заготовки были присыпаны землей, в другом — под каменной плитой подкопали углубление и положили туда заготовки, очевидно с целью предохранить их от высыхания. В любом случае, куда бы ни предназначались орудия, до окончательной обработки они должны были хранить определенный процент влажности.

Выделяется также особая категория орудий, очень типичных для памятников эпохи раннего металла Кольского п-ва, — овальные (преимущественно) и округлые массивные гальки, очевидно применявшиеся в процессе производства рубящих орудий. Особенно их много в прибрежных морских поселениях. По-видимому они выполняли различные функции, в частности отбойников и ретушеров.

Всего их обнаружено 61 экз. на 42 квадратах (на 136 кв. они отсутствуют). Наибольшее количество их фиксируется на квадратах с усиленной концентрацией орудий и шлифовальных плит, сосредоточенных, как указывалось, на трех основных участках.

Распределение отбойников и ретушеров в пределах раскопа:

Квадрат	Количество	Квадрат	Количество	Квадрат	Количество	Квадрат	Количество
			Скопление I				
27	28	28	3	29	1		
21	2	22	1	23	1		
15	3	16	2	17	1		
			Скопление II				
110	2	106	3	119	1		
109	4	105	3	120	2		
			Скопление III				
163	1	154	1	135	1	137	1
159	1	150	1	136	2	134	1
133	2						

Таким образом, на 24 квадратах найдено 41 орудие, тогда как на всех остальных 154 квадратах всего лишь 20.

Остальные категории орудий, в частности скребки, наконечники стрел, не создавали такой отчетливой локализации, но в целом они чаще встречались в центральной части поселения и реже — на окраине. Среди многочисленных орудий, общее число которых достигает 2490, преобладают сланцевые, хотя относительно много и кварцевых, как и в других поселениях полуострова; встречаются и кремневые.

Наконечники стрел изготовлены из кремня и сланца, однако последние имеют здесь меньшую вариабельность по сравнению с другими поселениями (рис. 45, *1—15*, *18—24*). Кремневые сделаны, очевидно, из беломорского кремня светлых тонов — белого, розоватого. Среди сланцевых встречаются двусторонне ретушированные и сплошь зашлифованные. Единичны случаи, когда ретушь занимает лишь края пера. Ретушированные сланцевые наконечники повторяют форму кремневых. Среди них: лавролистные (тип I : 3) и особенно много иволистных (тип I : 8), беломорского типа, резко удлиненных пропорций, на некоторых присутствует пильчатая ретушь (тип I : 2). Отчетливо выражены немногочисленные кремневые и сланцевые небольшие треугольные наконечники со слабо вогнутым основанием (тип II : 2) удлиненных и более коротких пропорций, большинство их фрагментировано. В полной мере единичны листовидные со слабо выделенным черешком (тип I : 2).

Сланцевые шлифованные наконечники менее стандартны и не всегда строго выработанных типов. Наиболее выразительны резко удлинные с уплощенно ромбическим поперечным сечением и уплощенной тыльной частью (тип III : 3) группы Б (рис. 45, *2*). Оригинальны экземпляры с резко вытянутым пером и выделенным черешком благодаря прямым или косым срезам пера, заканчиваются небольшими шипами. При этом на одном наконечнике вверху такого среза имеются слабые выемки, отчего шипы, хотя и мелкие, выделены отчетливо. Нестандартен и сланцевый наконечник с овальным длинным пером и широким длинным, равным длине пера, черешком. Шлифовка покрывает его полностью. Один из шлифованных наконечников имеет форму, близкую к биконической.

Обращает на себя внимание отсутствие наконечников копий, выразителен лишь один — кремневый листовидной формы и обломок второго — сланцевого. Совершенно необычен третий сланцевый наконечник копья, около 16 см длины, по форме напоминающий наконечники типа лингби, но только во много раз увеличенный, с треугольным пером, плавно переходящим в широкий плоско срезанный черешок (рис. 45, *25*). По середине пера и черешка проходит резко выраженное ребро. Он несколько напоминает наконечники копий (единичные) Маяка II, только снабжен несколько более удлиненным черешком. Очевидно, в этом случае был использован подходящий отщеп. Обработка заметна только на черешке. Полностью отсутствуют крупные сланцевые двусторонне ретушированные наконечники копий, которыми обычно так богаты поселения этого времени северного побережья полуострова, что порождено различием хозяйственных типов. Различие в экономике подчеркивается обилием на данном поселении крупных рубящих орудий и их заготовок в разной степени завершения, что было обеспечено обилием сырья на западном побережье озера — в Ловозерской тундре (рис. 45, *28*, *31*, 46, *5—17*). По количеству и разнообразию категорий (топоры, тесла, долота, стамески) и типов

крупных рубящих орудий, завершенности и тщательности их отделки поселение Мыс Семерка II может сравниться лишь с карельскими памятниками.

Наиболее крупное орудие (50×12 см) нестандартно. Заготовкой для него послужил длинный сланцевый брусок, которому с минимальной затратой труда была придана рациональная форма — оба конца превращены в слегка асимметричные лезвия, позволяющие использовать его в качестве тесла. Поверхность предмета местами оглажена, остальная — зашлифована, в особенности тщательно оба лезвия. Очевидно, орудие крепилось в Т-образную рукоять посередине, что давало возможность пользоваться с одинаковым успехом обоими концами, поскольку скосы их направлены в одну сторону. Прочности такого крепления способствовала уплощенность одной грани орудия.

Из кварца в основном изготовлены скребки и скобели-струги, последних большинство. Встречаются и кремневые скребки, концевые или с подработкой углов, когда ретушь частично опускается на боковые края. Кварцевые скребки, в большинстве случаев также концевые, но более аморфных очертаний, преимущественно подпрямоугольные и подовальные, ретушированные по одному или по двум краям. Встречается противолежащая ретушь. Единичны малые скребочки (1,5 см) подокруглых или подпрямоугольных очертаний. Встречаются скребки высокой формы, преимущественно с двухъярусной ретушью. Скребки-струги, как и скребки, обычного типа, чаще однолезвийные. Присутствуют кварцевые резцы, обычно на случайных отщепах, чаще серединные.

Ножи немногочисленны. Наиболее отчетливо выражен тип I — угловые — относительно мелкие (8,5—10 см), представленные вариантами 1, 2, 4. Остальные — единичные ножи, не создающие устойчивых типов. Один из них сланцевый плоский широкий (8,5×5,25 см), с округлым, довольно острым краем (рис. 46, *1—3*).

Среди оригинальных следует отметить серию дисковидных орудий из круглых плоских песчаниковых или сланцевых галек (диаметром от 6,5 до 9 см), напоминающих орудия Чаваньги I. Для них использованы натуральные гальки, очевидно поднятые на берегу водоема, но при этом основательно подработанные с обеих сторон, на некоторых экземплярах нетронутыми оставлены лишь небольшие участки, частично сохранившие сильную окатанность, частично пришлифованные. Назначение этих орудий не совсем ясно, очевидна лишь их аналогичная функция и интенсивное использование, в особенности краев, по всему или почти по всему периметру. Возможно, орудия использовались как ретушеры, о чем говорит сильная замятость края, а в отдельных случаях, судя по приостренной части края, очевидно, применялись в качестве скребла.

Для характеристики формы хозяйства древних обитателей побережья Ловозера существенны две категории орудий: составные рыболовные крючки и грузила от сетей, а также блесна — овальная пластинка с двумя выемками на концах, изготовленная из слюдистого песчаника, ярко сверкающего на солнце. Рыболовные крючки представлены четырьмя экземплярами сланцевых шлифованных стерженьков (ножками) с поперечными нарезками в верхней части (для привязывания лески), с поперечными же нарезками и продольным разрезом — в нижней (для крепления жала). По-видимому, грузил всего два, в обоих случаях из мыльного камня. Это массивные округлые предметы с широким отверстием. Использование мыльного камня в бытовых целях несколько необычно, поскольку эта довольно редко встречающаяся порода, как правило, применялась лишь для предметов изобразительного искусства и культа. Возможно, что эти предметы могли быть неудавшимися навершиями, грузилами же служили простые камни, обвязанные берестой или шнуром, какие найдены, например, в поселении Сев. Салма — на соседнем участке побережья Ловозера.

Среди единичных предметов необходимо указать на фрагментированное шиферное кольцо (около 4 см в диаметре, шиферный маленький овальный предмет, вероятно подвеска-амулет) с опоясывающим его желобком и янтарную подвеску пирамидальной формы со слегка вогнутым основанием для крепления (рис. 45, *17, 7*).

Количество предметов, применявшихся для изготовления орудий, на поселении очень значительно. Пилы из песчаника иногда имеют крупный размер (17×10; 17×4,5 см), очень ровные острые края, с четкими параллельными штрихами от пиления. Встречаются шлифовальные плиты очень массивные, использовавшиеся, очевидно, стационарно (70×40 см). Хорошо выражены крупные кварцитовые нуклеусы подпризматической формы, в то время как отчетливых сланцевых нуклеусов не встречается, по-видимому потому, что часто сланец при ударе раскалывался сам на удлиненные подходящие куски, к которым затем применялось пиление. Сланцевые же отщепы преобладают над кварцевыми.

К последнему этапу существования поселения относятся два железных предмета — наконечник копья и железный рыболовный крючок с небольшим поддевом и бородкой. Особого внимания заслуживают 2 предмета искусства, выполненные из песчаника, — головка уточки и камень с орнаментом, на которых подробно мы остановимся ниже.

Неолитической керамики на I и II горизонтах в общей сложности 24 фрагмента, планиграфически четко выраженная — она встречается только в южной части раскопа, за исключением одного фрагмента, найденного у самого края котлована (кв. 91). При этом наибольшее количество фрагмен-

тов (11) сосредоточено было в самом юго-западном углу раскопа, на площади всего лишь 36 м^2, что вполне закономерно, так как эта часть поселения примыкала к поздненеолитическому поселению Мыс Семерка I.

Керамика эпохи раннего металла встречалась на всех (за редким исключением) квадратах. На первом горизонте количество ее было значительно большим, сосредоточенность наблюдалась в центральной части, на периферии же она нередко отсутствовала. В целом фрагменты сосудов, так же как и другие предметы, концентрировались в центральной и восточной стороне поселения, обращенной к озеру. К сожалению, здесь в общей сложности разрушением был затронут участок не менее 100 м^2. В толще II горизонта керамика сосредотачивалась в отдельных квадратах, преимущественно там, где на I горизонте залегали скопления сосудов или располагались очаги, опущенные в нижний горизонт или материк. На ряде квадратов в I горизонте керамика раннего металла встречалась нередко в скоплении, от одного или нескольких сосудов (в кв. 9 — 23 фрагмента, залегавших очень компактно). На кв. 17 и 23 обнаружен развал крупного сосуда со слегка уплощенным венчиком, со сквозным отверстием для починки, орнаментированного косыми нарезками; в кв. 81 — скопление сосудов с примесью слюды, со слегка утолщенным венчиком, не орнаментированных; в кв. 87, 88 — небольшое скопление гладкостенной керамики. В северной части небольшое скопление фрагментов зафиксировано в кв. 146.

Особенно много керамики встречалось в квадратах, примыкающих к южной части котлована, на участке, оконтуренном пикетами K_7—K_{13}, A_7—A_{13}. Нередко здесь встречались небольшие развалы сосудов, часто их окружали мелкие угольки, а в кв. 64, 63, 83, 88, 139, 157 — следы очага. На остальных квадратах были рассеяны отдельные фрагменты.

В целом керамика представлена весьма значительным количеством. Хотя целые сосуды и не обнаружены, части их (крупные фрагменты венчиков, стенок и днищ) позволяют составить довольно точное представление о типе посуды (рис. 47, 48). В большинстве случаев примесью к глине служил сильно измельченный асбест, вследствие чего он хорошо связывался с глиной, значительно реже встречались крупные волокна. Толщина стенок различна — от очень тонких (3—4 мм), в исключительных случаях, до толстых (9 мм) и более (весьма часто). Существенно, что подобно керамике северного побережья здесь прослеживается оригинальная технология изготовления сосудов — двухслойная, когда один из слоев служил как бы каркасом.

Размер сосудов значителен (до 40 см в устье), обжиг средней силы, края часто прямые, равные толщине стенок, реже утолщенные, благодаря тому что ленты глины, из которой формовался сосуд, загибались во внутреннюю (чаще) или во внешнюю сторону. В последнем случае у сосудов образовывался бортик типа налепа. Встречаются и утоньшенные края. Наконец, в качестве исключения на некоторых сосудах края тонкие и имеют близкую к Г-образной форму. В этом случае они орнаментированы по всей поверхности оттисками гребенчатого штампа, которые создают густой вертикальный зигзаг. Такие плоскодонные, с примесью асбеста сосуды характерны для поселений раннего металла Карелии и Финляндии. Отчетливо выраженных округлых днищ не прослеживается, но часто встречаются плоские, довольно крупного диаметра (до 14 см). Среди особенностей керамики следует указать на способ починки сосудов, уже обожженных, с помощью просверленных отверстий.

В большинстве случаев внешняя поверхность сосудов хорошо заглажена, нередко заштрихована мелкими штрихами (полученными, возможно, с помощью пучка сухой тонкой травы), в других случаях — с расчесами, нанесенными тонким гребенчатым штампом. Абсолютное большинство фрагментов без орнамента, во-первых, потому, что присутствуют вообще не орнаментированные сосуды, изредка покрытые только расчесами, о чем свидетельствуют крупные части краев, во-вторых, все сосуды (за исключением указанных выше сплошь орнаментированных гребенчатых штампом) украшены только по верху фризами, тогда как значительно большая часть остается гладкой. Имеются и такие, где орнамент занимает ничтожное пространство.

В общем керамика поселения Мыс Семерка II подчиняется тем же основным орнаментальным законам, что и керамика других поселений, свидетельствуя о прочно установившихся орнаментальных традициях. Орнамент поверхностный, выполненный гребенкой, прочерченными линиями, мелкими ямчатыми вдавлениями и оттисками своеобразного, также неглубокого штампа. Нередко применялись короткие нарезки (рис. 47, 48).

Всего насчитывается 7 элементов орнамента: 1 — прямая узкая или широкая прочерченная линия; 2 — короткие нарезки; 3 — гребенчатый штамп, относительно тонкий и длинный (пунктирный), изогнутый, короткий, «челночки»; 4 — ямчатые округлые плоские вдавления; 5 — полулунные широкие вдавления; 6 — точечный и 7 — особый штамп, который дает отпечатки в виде мелких четырехугольников.

Мотивов не более 11, в основном такие же, как и на керамике эпохи раннего металла других поселений полуострова. Как правило, при украшении сосудов используется один элемент орнамента, в подавляющем большинстве случаев слагающий один мотив. Среди последних встречаются: 1 — косая сетка из тонких одинарных прочерченных линий; 2 — косая редкая сетка из пунктирных сдвоенных

линий (мотив, встречающийся на Екатерининской стоянке, в Кёльмо и очень редко на других памятниках); 3 — строенные тонкие прочерченные линии, поставленные под углом; 4 — горизонтальные пояса из косых длинных нарезок; 5 — горизонтальные широкие линии; 6 — круглые ямчатые вдавления, образующие горизонтальные ряды под венчиком; 7 — мелкие ямчатые вдавления, слагающие многорядный пояс; 8 — оттиски изогнутой гребенки, расположенные под небольшим углом к краю сосуда, образующие широкий бордюр; 9 — горизонтальные пояса из 4—5 оттисков своеобразного мелкого штампа; 10 — вертикальный зигзагообразный узор из отпечатков тонкого гребенчатого штампа; 11 — горизонтальные пояса из полулунного широкого штампа.

Среди мотивов наиболее стандартными (встречающимися на большинстве поселений этого времени) являются: 1, 4, 5, 7. Наиболее оригинальны мотивы: 8, 9, 11. Мотив 10 типичен для Карелии и Финляндии, но на Кольском полуострове известен лишь в южной части, и то лишь в единичных экземплярах. Наконец, следует упомянуть 7 фрагментов очень маленьких (от одного или двух сосудов), тонкостенных, лощеных, орнаментированных несколькими узкими горизонтальными линиями, опоясывающими сосуд, и точками, образующими гирлянды и незамкнутые четырехугольники.

Помимо орнаментированных, как указывалось, немало сосудов без украшений, с заглаженной или заштрихованной внешней поверхностью. Есть основания полагать, что не вся керамика синхронна в узком смысле, т. е. что сосуды употреблялись не одновременно, поскольку поселение, судя по значительной площади, обилию орудий и керамики, было обитаемо длительное время. Очевидно, можно выделить более ранние и более поздние. Этот вопрос будет рассмотрен в общей связи с попыткой расчленить керамический материал эпохи раннего металла на различные хронологические этапы.

Датировка радиокарбоновым методом определяет существование поселения: 4560±60, 4050±40, 3950±60, 3250±40 л. т. н. (ЛЕ-1687, 1494, 1690, 1498). Возможно, что наиболее древняя дата относится к поздненеолитическому комплексу.

МОГИЛЬНИК И ПОГРЕБЕНИЯ

Среди наших археологических памятников известны могильник и погребения. Характеристика Оленеостровского могильника достаточно подробно дана в ранее опубликованных работах (Шмидт, 1930; Гурина, 1953а), что позволяет остановиться на нем предельно кратко. Наибольший интерес представляет новый аспект — взаимоотношение могильника и поселений, чего нельзя было рассмотреть ранее, поскольку тогда были известны лишь небольшие останцы стоянок — Екатерининская I и II. Напомним здесь основные сведения о могильнике.

Памятник расположен на Большом Оленьем о-ве Баренцева моря, в Кольском заливе. Первые сведения о нем были получены от сотрудников Имандровской экспедиции С. Ф. Егорова и Г. А. Рихтера в 1925 г., раскопавших 2 погребения. Исследование проводили А. В. Шмидт, раскопавший 11 погребений, и автор, исследовавшая еще 10 захоронений. Как выяснилось впоследствии, в 1925 г. 25 погребений были раскопаны любителем А. В. Ципленковым. Таким образом, в общей сложности (с разной степенью документации) оказалось раскопано 46 погребений, более же значительную часть уничтожил карьер (до 1947 г.).

За единичным исключением, могилы отмечались каменными кладками, уложенными в один ряд, в виде круга или овала. Могильные ямы удлиненно-овальных очертаний, глубиной 0,48—1,10 м. Костяки сохранились в анатомическом порядке, в основном ориентированные головами на восток. Подавляющее число захоронений совершено по обряду трупоположения, в единичных случаях — трупосожжения, встречено захоронение отдельных вещей. Положение погребенных вытянутое, руки вдоль туловища. Одно погребение — ребенка — скорченное, ноги одного из взрослых субъектов, очевидно, были связаны. Иногда захоронение совершалось в деревянных колодах (лодках?), в других случаях погребенные, очевидно, только укладывались на шкуры, а затем покрывались ими (не исключено, что это были кожаные лодки, поскольку шкуры оказались просмоленными). В числе исследованных нами преобладали единичные захоронения. Погребение 2 и 3 было парным (две женщины?), погребение 4 перекрывало 6-е, точно совпадая с ним по ориентации, — свидетельство того, что оба захоронения разделял небольшой отрезок времени.

Все погребения, кроме одного, сопровождались различным количеством вещей, находившихся за головой или в руках (иногда свыше 30 экз.). Их составляли орудия охоты и рыболовства, орудия для обработки кожи, кости и дерева, украшения и предметы культа, сырье для изготовления орудий и керамики, обломки сосудов, прочие предметы, иногда неясного назначения. Оленеостровский могильник относится к эпохе раннего металла, о чем говорит бронзовый (медный?) наконечник копья, куски бурого железняка (в погр. 2 и 3), а также радиокарбоновая датировка 3000±50 л. т. н. (ЛЕ-800).

Сопоставляя материалы могильника и вновь открытых поселений, можно сделать определенные выводы, хотя и существует ряд затруднений. Прежде всего они обусловлены различной сущностью памятников. Культовый характер могильника накладывает определенный отпечаток на состав инвентаря — он избирателен. Несмотря на то что в наборе вещей заметно стремление сородичей позаботиться о материальных и духовных потребностях умершего, наверняка в этом случае набор вещей прошел через призму идеологических представлений. Затрудняет сопоставление и тот факт, что наиболее многоликие костяные предметы известны пока лишь только с поселения Маяк II.

Сопоставление орудий могильника и поселений не позволяет говорить об их полном совпадении. Если исключить широко распространенные предметы, существующие длительное время, такие как простейшие костяные наконечники стрел, рукояти для ножей и др., то можно заметить различия. В Оленеостровском могильнике иные, чем на Маяке II, кинжалы, при этом представленные серийно, рыболовные крючки, наконечники стрел и копий, костяные и каменные бытовые предметы. Иная керамика по технологии и орнаментации, хотя и сходная по примеси (асбест). В тонкостенных сосудах не просматривается трехслойности. Отсутствует такой массовый для поселения материал, как крупные сланцевые наконечники копий. Вместе с тем наблюдаются и общие элементы. В обоих памятниках встречаются, очевидно, колотушки от шаманского бубна, пластинки из клыков бобра и челюсти этого животного, стержни со стилизованными головками лося. В особенности близок орнамент, и не только простого строения, такой как пояса из параллельных линий, зигзаг из 3—4 одинарных нарезных линий, но и очень своеобразный и сложный «струйчатый» геометрический рисунок. В поселении Маяк II он единичен, в могильнике же повторяется многократно, украшая игольники и кинжалы (Гурина, 1953а, рис. 28, 29, 31, 33). Указанные факты позволяют говорить о культурной близости обоих памятников.

Существенно уяснить и соотношение Оленеостровского могильника и Екатерининских стоянок. По ряду элементов культуры, таких как своеобразные рыболовные крючки и тождество сосудов по технологии и орнаментации, Екатерининские стоянки можно хронологически сопоставить с Кёльмо (Solberg, 1909), в котором встречаются железные предметы. В связи с этим, по-видимому, остается в силе высказанное нами ранее предположение о более молодом возрасте Екатерининских стоянок по сравнению с Оленеостровским могильником. Не исключено, что какая-то часть могильника, не сохранившаяся до нас, и могла соответствовать им по времени, поскольку, судя по костям, карьер уничтожил массу захоронений.

Сопоставление основных типов орудий Оленеостровского могильника с орудиями Кёльмо свидетельствует о значительных различиях. Но особенно показателен в этом отношении орнамент, являющийся весьма существенным этнокультурным индикатором, отражающим глубинные народные творческие традиции. По своему построению рисунок обоих памятников различен. В Оленеостровском могильнике он строго геометрический, с полным соблюдением законов симметрии, учетом формы и назначения предмета. В Кёльмо рисунок не укладывается в определенные каноны, не имеет четко выраженной закономерности, определенной строгости, не учитывает форму предмета. В основу рисунка положены прямые линии, раздвоенные на одном или обоих концах, изредка нечеткие меандры, в единичных случаях крест.

Очевидно, оба памятника не только разновременны (Оленеостровский могильник древнее), но и оставлены различными этнографическими группами, имевшими одинаковую систему хозяйства. Одиночное и групповое захоронения известны на Кольском п-ве еще в трех пунктах: в бухте Б. Песконец (близ Харловки), на р. Ниве (близ Кандалакши), на р. Нивке, неподалеку от места ее впадения в Ловозеро.

В бухте Б. Песконец среди открытых нами стоянок, одна из которых относится к эпохе раннего металла, обнаружено погребение, залегавшее в едва заметном по отношению к древней дневной поверхности углублении, перекрытом затем дюнным всхолмлением высотой 1,5 м. Костяк не сохранился, найдены лишь две коронки от зубов и фаланга руки. По очертаниям темного пятна и расположению сопровождавшего инвентаря можно заключить, что погребенный был положен головой на СВ. Судя по ненарушенности перекрывающего слоя, лишенного культурных остатков, следует полагать, что погребение не связано со стоянкой (Gurina, 1981, Гурина, 1986а).

Богатый сопровождавший инвентарь локализовался в трех местах в пределах темного пятна. В юго-восточной половине, в контурах небольшого (0,4 м) охристого пятна располагалась группа находок, плотно прилегавших друг к другу: 7 кремневых наконечников стрел, наконечник копья, кинжал, 2 сланцевых небольших тесла и стержень из сланца с головкой уточки. В 15 см от этого скопления лежали кремневое тесло и фигурка выдры, 2 человеческих зуба, фаланга руки, сланцевый топор и наконечник стрелы. На расстоянии 40 см находились 2 топора и 2 сланцевых угловых ножа. Наличие темного пятна (2×2,5 м) в котором располагались находки, и камней, залегающих в основном на его границе, вызывает предположение, что могила была обложена камнями или что захоронение было со-

вершено в жилище типа чума. Такие захоронения известны, например, в поселении Нарва 1 (Гурина, 1967, с. 25).

В общей сложности инвентарь, сопровождавший захоронение, включал 20 предметов: 10 сланцевых орудий (3 крупных топора, 2 желобчатых тесла, 2 угловых ножа и 1 наконечник стрелы с удлиненно-ромбическим поперечным сечением типа III : 5 группы Б, 2 предмета искусства — стержень с головкой уточки и фигурку выдры (рис. 49), а также 10 кремневых орудий (7 наконечников стрел, наконечник копья, кинжал и тесло). Судя по тому, как плотно прилегали друг к другу 7 кремневых наконечников, следует полагать, что они находились в колчане. Все они треугольно-черешковые и варьируют в основном по пропорциям и форме черешка — более заостренный или тупо срезанный. Три сланцевых рубящих орудия, крупные (11, 14, 14 см), с широким, в большей или меньшей степени округлым лезвием и слегка зауженной тыльной частью, среднее между типами I : 1 и I : 2, тщательно зашлифованные, почти или вообще не бывшие в работе, с очень остро заточенной рабочей частью. Одно из них, судя по слабой асимметричности лезвия, могло использоваться и в качестве тесла, остальные — в качестве топоров. Оба маленьких тесла желобчатые, также тщательно обработаны шлифованием, для Кольского п-ва они не типичны. Два угловых ножа очень острые. О сланцевой фигурке выдры и стерженьке с утиной головкой мы говорим в разделе «Искусство и верования».

Особое внимание, благодаря крупной величине и своеобразию типов, обращают на себя 3 кремневых предмета — наконечник копья, кинжал и тесло. Первый (13×4 см) имеет перо по форме среднее между листовидным и треугольным и прямой слегка уплощенный черешок. Вся поверхность его обработана крупной и мелкой ретушью (по одному краю она почти бисерная). Кинжал длиной 19,5×5 см имеет менее выраженный массивный черешок и слабо уплощенный конец пера. Он также обработан очень тщательной, иногда крупной ретушью. Наибольший интерес вызывает тесло (13,5×3,2 см), слегка зауженное к тыльной части, с прямоугольным поперечным сечением; широкие стороны его зашлифованы по всей поверхности (только наиболее глубокие фасетки ретуши не захвачены ею), боковые — только ретушированы. Одна из зашлифованных сторон слегка выпуклая, вторая более уплощенная, с неглубоким продольным желобком, отчего лезвие тесла слегка вогнуто, его оформляют различной величины фасетки ретуши, нанесенной от лезвия в направлении продольной оси орудия. Похоже, что оформление вторичное, первоначально тесло было зашлифовано, но сломалось (о чем говорят крупные выколы), а затем было подправлено.

Определить место этого погребения в ряду памятников Кольского п-ва довольно сложно. Все три крупных орудия изготовлены из одного куска серовато-коричневого с желтыми пятнами кремня очень высокого качества. Вместе с тем для наконечников стрел использован другой кремень — розоватый и почти молочного цвета, характерный для южного побережья Белого моря. Из местного материала — сланца или шифера — изготовлен лишь один наконечник стрелы. Поражает крупный размер трех каменных орудий. То, что это импортные вещи, не вызывает сомнения — на полуострове неизвестны выходы пластового кремня. Такой кремень не встречается и на территориии, прилегающей к Кольскому п-ву, — Северо-Востоке, Карелии и Финляндии, в Верхнем и Среднем Поволжье. В то же время визуально можно сравнить его со шведским кремнем. Однако решение этого вопроса станет возможным лишь после того, как будут сопоставлены соответствующие анализы кремня других территорий. В этих целях мы приводим заключение старшего научного сотрудника ЛОИА В. А. Галибина по поводу кремня бухты Б. Песконец (приложение № 2, с. 140)[23]. Не менее необычна для нашего региона форма и техника изготовления шлифованного кремневого тесла. Откуда и в какой форме попали эти вещи на Кольский п-в, в виде поделочного материала или готовых вещей? На соседних территориях находят себе аналогии лишь кремневые наконечники стрел, сланцевый наконечник и ножи, а также до некоторой степени сланцевые рубящие орудия. Что же касается наконечника копья и кинжала, то не только их величина, но и форма не стандартны. Особенно же необычно шлифованное тесло. Поиски аналогий ему уводят нас в далекие северо-западные районы, в круг земледельческо-скотоводческих культур — воронковидных кубков, боевых топоров, шнуровой керамики. Территориально наиболее близки нашему памятнику погребения шнуровой керамики Прибалтики и захоронения, относящиеся к родственным культурам боевых топоров Дании (Brøndsted, 1961; Struve, 1955). В Швеции и Южной Норвегии известны одиночные скорченные погребения с ладьевидными топорами и кремневыми долотами (Oldeberg, 1952). Среди шведских долот встречаются, хотя и очень редко, кремневые с желобчатым лезвием. Следует указать также на известную близость отдельных предметов (наконечник стрелы, но с более коротким пером, и тесло «прямоугольный, толстообушный тип» только не с желобчатым, а с прямым лезвием (в московской группе фатьяновской культуры — Крайнов, 1963). Однако погребение в Б. Песконце содержит не полный комплекс, обычный для захоронений этих культур. Отсутствуют сверленые топоры, ножевидные пластинки и орудия из них, украше-

[23] Пользуемся случаем выразить свою признательность В. А. Галибину.

ния из янтаря или зубов животных и керамика. Нельзя точно установить и характер захоронения — скорченное или вытянутое.

В то же время в Песконце присутствуют и другие предметы, функционально, правда, близкие — сланцевые тесла и топоры, угловые ножи, предметы искусства. Мы не склонны включать Кольский п-в в регион культуры шнуровой керамики, а рассматриваем погребение в бухте Б. Песконец лишь как свидетельство далеких дружеских связей его древнего населения. За это говорит и одиночность захоронения.

Три погребения обнаружены на неолитической стоянке Нива XII, на левом берегу р. Нивы (Песонен, 1980). Они были перекрыты культурным слоем эпохи неолита и раннего металла. Расстояние между могильными ямами, ориентированными 3-В, — 0,4—2,5 м. В материк ямы углублены на 25—40 см. Костяки не сохранились. В восточной части могильного пятна № 1 обнаружена небольшая западина, заполненная зольно-углистым слоем, содержащим 3 фрагмента керамики сперрингс и отщепы кварца. Могильная яма была заполнена песком с примесью красной охры, в котором залегали обломок сланцевого орудия, шлифовальная плита и отщепы кварца. В заполнении могильной ямы № 2, в красном охристом песке встречены обломки керамики сперрингс, кварцевый скребок и отщепы кварца и, так же как и в могиле № 1, мелкие кальцинированные косточки животных. Могильную яму погребения № 3 (в 2,5 м от погребения № 2) заполнял песок с примесью охры. В восточном конце, на дне ямы располагалось зольно-углистое пятно, в котором находились фрагменты керамики сперрингс, отщепы кварца и полая глиняная трубочка. Такие же находки заполняли яму по всей ее толще.

С юга и юго-востока к могилам примыкали западины с ярко-малиновым песком. В них встречены: керамика сперрингс, кварцевые скребки, резец, обломки шлифовальных плит. Исследователь допускает предположение, что эти западины могли быть также могилами, но доследовать их не удалось. П. Э. Песонен предполагает, что «все могилы одновременны, так как содержащиеся в них фрагменты принадлежали одному сосуду» (Песонен, 1980, с. 43). При этом вывод исследователя о том, что «на всем Кольском п-ве до сих пор не обнаружена керамика сперрингс» (Песонен, 1980, с. 43), ошибочен. Керамика сперрингс именно в таком варианте (модифицированная) типична для раннего неолита Кольского п-ва (Чаваньга I, Усть-Дроздовка). Вызывает сомнение и второй вывод автора указанной работы, а именно что погребения не связаны с поселением. В таком случае нельзя объяснить присутствие керамики, обломков орудий и отщепов кварца в заполнении могил. Едва ли допустимо предположение, что они были положены здесь с целью сопровождать умершего. Ссылка на могильник Сандермоха (Панкрушев, 1966) звучит не убедительно, поскольку, судя по всем данным, и там захоронения были совершены не в специальном могильнике, а на стоянке. В целом же высказанная П. Э. Песонен мысль о принадлежности погребений к культуре сперрингс (в кольском варианте), так же как и датировка их 1-й половиной III тысячелетия, близка к истине, хотя они, по-видимому, несколько древнее и относятся к началу IV тысячелетия до н. э., поскольку стоянки с такой керамикой датируются радиокарбоновым методом именно этим временем.

Погребения на р. Нивке, исследованные А. В. Анпилоговым, не опубликованы, и потому мы не можем осветить их подробно. Из отчетов и по ознакомлению с памятником можно заключить, что несколько могил располагались на песчаной гриве озерного характера, оконтуренной с одной стороны берегом реки, с другой — обширным заболоченным пространством. Могильные ямы были выкопаны в желтом песке. Под тонким почвенным слоем они обозначались охристыми пятнами. Костяки не сохранились. В заполнении могил встречались отдельные кварцевые орудия и отщепы (материал хранится в Мурманском областном музее). При обследовании этого участка нами обнаружены остатки стоянки с кварцевым инвентарем. Не исключена датировка могил эпохой мезолита.

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО

Кольский п-ов — регион весьма своеобразный в физико-географическом отношении, ощутимо ограничил развитие определенных отраслей хозяйства (даже современного общества) и в большой мере предопределил экономику древнего населения. На протяжении всей истории его существования, которая насчитывает не менее 8000 лет, здесь отсутствовало развитое сельское хозяйство, а скотоводство в массовом масштабе было представлено лишь его северным вариантом — оленеводством. Основной хозяйственной деятельностью до самого последнего времени являлась охота, и в особенности рыболовство и морской промысел, щедро вознаграждавшие человека за труд.

Полуостров на севере омывается Баренцевым, на юге и востоке — Белым морем. Озер насчитывается несколько тысяч, большинство их проточные. Реки отличаются бурным порожистым течением.

Берега морей часто крутыми склонами обрываются к воде. Сильно расчлененный рельеф придает им чрезвычайно прихотливые очертания, с массой узких фиордообразных заливов, разделенных полуостровами и островами, спокойных даже в самую бурную погоду. Сюда часто заходит морской зверь. Ряд крупных рек впадает в обширные песчаные бухты, удобные для рыболовства.

Помимо теплого течения моря обладают существенной особенностью, очень важной для древних обитателей этого региона, — сильными отливно-приливными колебаниями, которые носят правильный полусуточный характер. Во время отлива на песчаных отмелях «обсыхает» нередко крупная рыба и крабы, а порой и млекопитающие, которые не успевают уйти в море.

Среди млекопитающих Баренцева моря главнейшими видами являются: белый медведь, кольчатая нерпа, морской заяц, гренландский тюлень, морж. Из китов наиболее часто встречается белуха, морская свинья, касатка и нарвал. Крупные беззубые киты относительно редки. В настоящее время здесь обитает 114 видов рыб, принадлежащих к 42 семействам. Особенно многочисленно семейство тресковых (треска, пикша, сайда, навага и сайка), камбаловых (палтус достигает 300 кг веса), лососевых (семга, кумжа, галец, нельма), а также морской окунь, зубатка и сельдь.

Воды Белого моря менее богаты. Из млекопитающих особое значение имеет гренландский тюлень, мелкий тюлень, нерпа, беззубый кит-белуха. Имеется также около 50 видов рыб, в особенности многочисленны: сельдь, семга, сайка, навага, некоторые камбаловые и различные сиговые.

Богата и разнообразна также ихтиофауна озер и рек, в особенности Йоконьги, Поноя, Варзуги, Умбы, Туломы, Териберки, Вороньей, Дроздовки и Варзины, куда дважды в год заходит нерестовать семга. Семужий промысел до последнего времени являлся одной из важнейших отраслей хозяйства. Огромных размеров достигал и лов сельди во время путины (когда сельдь устремляется в речные бухты метать икру).

Вот как описывает это явление Н. Дергачев в книге «Русская Лапландия»: «Переселение (к берегам п-ва. — *Н. Г.*) совершается весной, сельдь скопляется массами, поднявшись со дна моря, идут поверх воды под предводительством маток или корольков, которые вдвое больше и шире настоящей сельди. Занимая пространство несколько миль, это сельдяное руно представляет плавучий остров серебристого блеска. Во время путины — они истребляются птицами, морскими зверями и хищными рыбами, но руно идет вперед и заходит в заводь или мелкий водный песок. Здесь сельдь мечет икру и вновь размножается. В случае гибели королька руно приходит в смятение и отдельными стадами устремляется в заливы или попадает на открытые с моря берега, где разбивается волнами и грудами выбрасывается на взморье» (Дергачев, 1877, с. 46). И далее: «В Кольскую губу осенью заходит сельдь в большом множестве, но там она служит пищей китам и акулам... В 1777 году осенью на отмелях Абрамовской пахты, в 7 верстах от г. Колы их выкинуло на берег, и весной жители города Колы и поморы, во избежание заразы очищали от них берег, а в 1825 г. их было так много, что черпали ведрами и лопатами» (Дергачев, 1877, с. 47, 93). Об огромном количестве рыбы говорит и другой исследователь — С. Максимов. С трудом можно представить себе, как велико было здесь количество рыбы в древности.

Весь комплекс природных условий чрезвычайно благоприятствовал развитию рыболовства и морского промысла. Этому, в частности, в большой мере способствовали упомянутые сильные приливно-отливные колебания моря, нередко выбрасывающие на сушу морских животных. Н. Дергачев пишет следующее: «Китов в наших северных водах чрезвычайное множество. Во время переездов по Мурманскому берегу их можно встретить по нескольку штук, пускающих фонтаны брызг пара, с особым звуком, который нельзя смешивать ни с какими другими, который невольно привлекает к себе внимание... Над входом в Кольскую и Мотовскую губы, между островами Кильдиным и полуостровом Рыбачьим их можно видеть несколько десятков. Пределом, далее которого киты в водах Северного океана заходить не могут, служит Святой Нос, а иногда они доходят до самой Колы, чувствуя свою безопасность, и был случай, что кит обмелел подле строения городских хлебных магазинов и сделался, наконец, добычей кольских жителей, которые убили его топорами и из одного языка вытопили 80 пудов сала... Особенно много выбрасывает китов в Мотовскую губу, в гавань Новой Земли; в течение лета сюда выбрасывает по нескольку. Все берега покрыты костями или истлевшими остатками этих животных... В 1856 году в Мотовской губе нашли выкинутыми на берег 18 китов, в числе которых один дал 2 тысячи пудов жиру» (Дергачев, 1877, с. 38).

Стратиграфические особенности — залегание артефактов близко к дневной поверхности — не способствуют сохранению органических остатков на местах древних поселений. В особенности это относится к мезолитическим стоянкам, что очень обедняет наши представления о хозяйстве того времени. Существуют в известной мере лишь косвенные, но достаточно веские данные. Как мы говорили, устанавливается тесная связь этих поселений с морским побережьем, главным образом с устьями мелких рек, впадающих в тихие бухты.

На Рыбачьем п-ве в районе Цып-Наволока серия мезолитических стоянок оконтуривает древнюю береговую линию небольших бухт, отстоящих в настоящее время на значительном расстоянии от со-

временного уреза воды (Гурина, 1971а, рис. 37, 38). Можно предположить, что море обладало для человека огромной притягательной силой именно благодаря наличию указанных правильных полусуточных приливно-отливных колебаний. Еще слабо оснащенные в техническом отношении люди имели возможность два раза в сутки получать почти готовую пищу, предоставляемую им морем. Основываясь на материалах мезолитических стоянок других областей, в частности Прибалтики, также богатой водными бассейнами, можно предположить, что в эпоху мезолита широкое развитие получили костяные рыболовные орудия, в частности разнообразные остроги, зубчатые копья и гарпуны. Немалым подспорьем в хозяйстве имело и собирательство, в частности употребление моллюсков.

Неолитические поселения также располагались на морском побережье, на берегах рек и озер. Особенно многочисленны они в нижнем течении крупных рек, имеющих песчаные бухты, в которые заходит метать икру масса рыбы (в частности, лососевые). Исчезновение органических остатков и для этого времени не позволяет восстановить с желаемой полнотой характер орудий и способы лова. Однако для неолита известны каменные составные рыболовные крючки, грузила от сетей. Вероятно существовало большое количество рыболовных орудий, изготовленных из кости, рога и дерева, о чем можно судить по памятникам Прибалтики и соседних северо-восточных областей. Не исключено, что и каменные наконечники стрел использовались при охоте на рыбу, учитывая прозрачность морской воды и мелководье рек.

Гораздо большей информативностью в отношении характеристики хозяйственной системы обладают памятники эпохи раннего металла — Екатерининские стоянки, Оленеостровский могильник и Маяк II — с сохранившимися органическими остатками. При сравнении их с памятниками, лишенными таких материалов, особенно ощутима наша ограниченность представлений.

Характеристику некоторых способов рыболовства дают разнообразные рыболовные крючки, гарпуны, наконечники острог, грузила и рисунок сетей на каменном предмете.

Костяные рыболовные крючки эпохи раннего металла имеют разнообразную форму. Насчитывается не менее 7 типов с различными вариантами. Встречаются значительного размера (до 12 см), с глубиной поддева, равной изнутри 6 см, предназначенные на крупную рыбу, по всей вероятности семгу, треску, палтус.

Помимо крючков и в комбинации с ними при индивидуальной ловле применялись особые приспособления — блесны. Одна такая блесна найдена на поселении Ловозера — Мыс Семерка II. Она представляет собой плоскую небольшую пластинку, изготовленную из слюдистого песчаника, ярко сверкающего на солнце. Зауженные концы пластинки снабжены небольшими выемками, позволяющими плотно привязать леску.

К числу рыболовных орудий относятся и остроги. Как мы видели, на поселении Маяк II они представлены также несколькими типами, среди которых есть достаточно массивные, применявшиеся на крупную рыбу или морского зверя. Охота на рыбу с помощью остроги не требовала вовлечения в эту операцию массы людей. Она совершалась одним человеком, когда он бил рыбу с берега или стоя в прозрачной воде. Однако при лучении ее должны были уже участвовать как минимум 2 человека, когда один работал острогой, а второй управлял лодкой.

Подлинно коллективным и наиболее продуктивным способом рыболовства, в котором участвовал весь поселок или значительная его часть, являлся сетевой. Остатки сетей не сохранились, однако на употребление их указывают грузила и иглы для вязания. Хотя на неолитических памятниках количество найденных грузил незначительно, но из данных этнографии, археологии Прибалтики (Римантене, 1983; Ванкина, 1970) и находок на поселении Сев. Салма (Ловозеро) очевидно, что в качестве грузил широко использовались окатанные водой гальки, обвязанные берестой или шнуром. На одной из стоянок на р. Варзуге найдено 9 грузил на очень ограниченном пространстве, причем 8 из них имели одинаковый размер, четырехугольные очертания с двумя выемками по краям, девятое грузило — галька с желобком для привязывания. Нахождение в совместном залегании столь сходных грузил свидетельствует о принадлежности их к одной сети.

Грузила, характерные для эпохи раннего металла, представляют собой сильно окатанные морем круглые и овальные гальки различных, чаще средних (8 см), реже более крупных размеров, опоясанные по длинной окружности желобком, предназначенным для крепления веревки. Другой тип грузил — плоские плитки с выемками по краям. Очевидно, в качестве грузил, как и в неолите, применялись небольшие округлые, сильно окатанные морем гальки, в большом количестве встреченные на поселениях. Иногда они залегают целыми скоплениями, ясно указывая на остатки лежавших здесь некогда сетей.

Иглы для вязания сетей изготовлялись из кости и камня (рис. 40, *40*). Одна из них обнаружена на Маяке II. Это костяной уплощенный стержень 18,5 см длины, округлый в тыльной части и заметно зауженный к концу. В расстоянии 4 см от конца, на боковых сторонах расположены, одна против другой, широкие выемки, а в расстоянии 8 см — овальное прорезанное отверстие. Вся поверхность предмета помимо тщательной шлифовки имеет характерный блеск от длительного использования в

работе. Очевидно, нить пропускалась через отверстие, а затем захлестывалась петлей, ее задерживали от скольжения выемки. На то, что при движении предмета нить натягивалась в сторону тыльной части, указывают удлиненная форма отверстия и отходящий от него небольшой желобок, направляющий нить.

Вторая игла (погребение в бухте Песконец), изготовленная из черного глинистого сланца, также представляет собой стержень, только более короткий и узкий, снабженный продольным желобком, проходящим по обеим сторонам, соответственно чему тыльная часть раздвоена. Рабочий конец орудия оформлен в виде головки уточки. Вся поверхность предмета, помимо зашлифовки, залощена до блеска в результате длительного употребления.

Предположительно с плетением сетей можно связать и небольшие костяные предметы (Маяк II) одинаковой величины (7 и 6,8 см длины) — стерженьки с уплощенным поперечным сечением, оканчивающиеся небольшими крючками. Поверхность их хорошо зашлифована и очень сильно залощена, в особенности в месте изгиба крючка. Можно отметить, что эти крючки, как показала практика, очень удобны для вязания.

Наконец, в коллекции костяных орудий на Маяке II встречена очень своеобразная группа (30 экз.) особой формы крючков, большинство которых одинаковой величины и оригинальной, но стандартной формы; они не имеют пока аналогий. Главная особенность их заключается в том, что рабочая часть крючка — выступ помещен не на самом конце, а отступя от него, при этом на широкой плоской стороне (орудие имеет четырехугольное поперечное сечение) (рис. 62). Выделяется единичный крючок, обладающий теми же чертами, но снабженный не одним, как все, а тремя последовательно расположенными выступами — крючками, — образующими как бы лесенку. Отсутствие аналогий в этнографическом и археологическом материале не позволяет пока разгадать их подлинный смысл, однако сильная залощенность в результате длительного использования и серийность указывают на их большую практическую значимость.

Существенным подтверждением наличия сетей в эпоху раннего металла на рассматриваемой территории служит рисунок, выполненный на куске мыльного камня. Изображение помещено на трех сторонах. На лицевой стороне двумя зигзагообразными параллельными линиями показана, очевидно, река, с плывущей по ней стайкой рыб в виде резко удлиненных треугольников. На одном конце нанесены пересекающие «реку» параллельные черточки — видимо, какое-то заградительное сооружение, непосредственно за которым, но уже на другой стороне предмета, прочерчены перекрещивающиеся линии — очевидно, сети. На той же лицевой стороне, параллельно и вплотную к ней показаны две другие параллельные линии, пространство между которыми занято «сетями». Не лишено интереса то обстоятельство, что камень с этим рисунком найден на поселении левого берега Дроздовской губы, в 5 км от современного русла р. Дроздовки, которая и в настоящее время перегораживается сетями во время ежегодных массовых заходов сюда семги и кумжи во время нереста.

В наших памятниках неизвестно пока остатков древних специальных рыболовных сооружений — ловушек. Однако применение их на весьма широкой территории — в республике Коми (Буров, 1964, 1969), на Оке (Федоров, 1937), в Подонье (Левенок, 1969), Прибалтике (Римантене, 1983), в Финляндии (Sirelius, 1934) и др. — дает основание предполагать существование их в древности и на Кольском п-ве. Это тем более вероятно, что простейшие сооружения типа «заборов», «заколов» употреблялись здесь до последнего времени.

Однако рыболовство на Баренцевом море вследствие приливно-отливного режима должно было иметь специфические черты, отличные от озерного рыболовства. Как отмечалось, во время отлива в сильно мелеющих неглубоких бухтах и устьях впадающих в них рек нередко оказываются «обсохшая» (не успевшая уйти вместе с водой) рыба и крабы. Пользуясь этой особенностью, рыбаки Кольского п-ва до самого последнего времени строили специфические ловушки. Простота их устройства позволяет предполагать существование близких по идее сооружений и в древности. Додуматься до них было нетрудно, поскольку, как правило, во время отлива рыба застревала между скоплением камней, образующих естественные преграды.

Ловушки, устроенные по этому принципу, носящие названия «тайники» или «убеги», сооружались современными рыбаками в мелких бухтах. Задача сводилась к тому, чтобы удержать заплывшую во время прилива рыбу. Устройство несложное. Вблизи острова или материка ставилась стена из сети длиной до 24 м. Перпендикулярно ей укреплялась на палках сеть, образующая фигуру «сердца» (овал с загнутыми внутрь несомкнутыми концами). Нижняя часть сети придавливалась довольно крупными камнями, в результате чего на морском дне во время отлива открывалась сердцевидная каменная выкладка (рис. 64В). Во время прилива вода покрывает высокую сеть всю до верха, при спаде воды зашедшая в сети рыба, стремясь уйти за водой, натыкается на сетку, идущую от берега. В поисках выхода рыба пробирается в узкую щель — отверстие овала и попадает в ловушку.

Такие «тайники» или «убеги», теперь уже забытые, мы видели в Кольской губе в конце 40-х годов. Во время прилива на поверхности воды заметны были лишь торчащие палки от сети, а в

момент полного отлива по дну только что отступившего моря расхаживали рыбаки, подбирая бьющуюся на обсохшем песке рыбу, попавшую в «тайник». Незначительными вариациями отличались «убеги».

На озерах и реках ловушки должны были иметь несколько иное устройство. В Карелии на тихих реках или старицах заграждения устраивали из камней, а в местах разрыва их ставили сети или особые снасти.

Таким образом, рыболовство велось различными способами, в том числе и весьма совершенным — с применением сетей.

Однако наибольший прогресс в развитии экономики древних обитателей Кольского п-ва, очевидно, связан с морским промыслом. Переход к нему в условиях Заполярья имел такую же значимость, как в более южных районах переход к земледелию. Освоение этой отрасли хозяйства происходило, по всей вероятности, постепенно. Учитывая, что первичное население проникло с северо-запада по приморской полосе, следует думать, что оно уже имело определенные навыки в области рыболовства и собирания «даров моря». Постепенно наблюдения обогащали людей положительным опытом, слагалась сумма познаний, в частности об анатомии морских животных. Впоследствии, когда производительные силы общества развились до такого уровня, что позволили перейти к активному наступлению на ластоногих, эти познания очень помогли ему. Таким образом, традиции морского промысла уходят своими корнями в мезолит.

Неолитические и в особенности памятники эпохи раннего металла уже имеют достаточное количество вещественных доказательств о развитом морском промысле. Об этом красноречиво свидетельствуют богатейшая фауна и специфические орудия.

Уже в эпоху неолита, во всяком случае на развитом — позднем его этапах, население уже достаточно знало морской промысел. На ряде поселений северного побережья неолитическая керамика залегает вместе с керамикой эпохи раннего металла (Нерпичья Губа, Маяк, Маяк II). Хотя культурный слой и не разделяется стерильной прослойкой, все же поглубинная фиксация показывает, что неолитические находки локализуются в нижних горизонтах. На Маяке II они непосредственно связаны с массой костей ластоногих и орудиями охоты на них — гарпунами, рыболовными крючками. Однако медленное изменение этих категорий орудий не дает надежных оснований для расчленения их во времени.

Особого расцвета морской промысел достигает в эпоху раннего металла, о чем прежде всего свидетельствуют остатки морской фауны на поселениях. Напомним, что только на останце Екатерининской стоянки (площадью 4 м^2) было обнаружено свыше 35 000 костей морских животных. Определение лишь одной шестой части этих костей показало наличие 2270 экз. костей гренландского тюленя, из которых И. М. Громов определил 24 особи (Гурина, 1953а). На поселении Маяк II только определимых костей хорошей сохранности насчитывается свыше 270,5 тысяч экземпляров (приложение № 5, с. 141—144). При этом бóльшая часть костей осталась вне подсчета, поскольку они были плохой сохранности, но в таком количестве заполняли культурный слой, что образовывали сплошные брекчии.

Чтобы реальнее представить себе истинный смысл этих цифр, укажем, что если в среднем вес одного тюленя равен 100—160 кг, то количество полученной продуктивной массы от 24 особей равно 2400—3800 кг. Учитывая, что подвергнутый определению костный материал составлял лишь 1/6 часть найденного, мы должны будем увеличить живую массу до 14—23 тонн. При этом, как отмечает И. М. Громов, размер древних тюленей был больше современных. Что же касается поселения Маяк II, то учитывая количество костей ластоногих и исходя из веса животных, — тюленя, как указывалось, 100—160 кг, моржа до 1 тонны, нерпы до 70 кг, — становится очевидным, сколь велико было количество забитого зверя и полученной биомассы. Естественно, что в этом случае они вполне обеспечивали человека пищей, шкурами для шитья одежды и обуви, покрытия жилищ, возможно для строительства лодок, что особенно было необходимо для жителей зоны тундры. Не исключено также, что ребра кита применяли для строительства каркаса жилищ, как это делали жители Аляски, где такие постройки образовывали целые поселки.

К этому следует добавить и массу мяса и жира тюленя, поделки из костей которого найдены на поселении Маяк II. Кости ластоногих применялись и для изготовления орудий, однако значительно реже, чем сухопутных животных (использовались кости кита и моржа). Встречаются орудия и скульптура из моржевого клыка. Жир служил для освещения жилищ, о чем свидетельствуют изготовленные из мыльного камня лампы-жировики в виде ковшей с ручками, найденные на Маяке и Маяке II.

Наиболее частым объектом охоты, как показывает фаунистический материал, являлся гренландский тюлень — животное, совершающее регулярные миграции от района нагула к местам размножения и обратно. Летом тюлени живут небольшими группами у кромки льда, осенью собираются в более крупные стада и движутся к местам размножения, которых достигают зимой. Существенно, что современное «беломорское стадо» насчитывало несколько миллионов голов. В феврале—марте, после

рождения детенышей, во время кормления их, а затем спаривания и линьки, тюлени залегают на льдах, образуя мощные «линные» залежи. Весной, сильно отощавшие, они начинают откочевывать в места летнего нагула.

Как видно, образ жизни гренландского тюленя предоставлял возможность охоты на него в течение целых трех сезонов, исключая лето, да вероятно, и тогда отдельные группы находились поблизости от берегов. Но особенно же продуктивной была охота во время залежки-щенки, выкармливания детенышей и линьки. Доказательством охоты в это время служит наличие костей младенческих особей в коллекции Маяка II (определение Н. М. Ермоловой).

Очевидно, так же били и моржей, поскольку эти животные держатся стадами и обычно на побережье в конце лета в одних и тех же местах или на льдах образуют лежбища. Наконец, круглый год и в промежутки между массовыми забоями тюленей и моржей охотились на нерпу, которая обитает преимущественно в прибрежных водах.

Любопытна одна деталь — наличие большого количества лопаток нерпы, пробитых, очевидно, копьем. В отдельных случаях бывает по два отверстия. На силу удара указывает одна из плечевых костей, пробитая по диагонали.

Сохранилось много орудий, характеризующих морскую охоту, но поскольку на приморских поселениях среди остатков фауны помимо морских видов обнаружены и сухопутные, в том числе лось, северный олень, медведь, возникает известное затруднение выделить среди крупных каменных и костяных наконечников копий и стрел специфические типы, приспособленные только для охоты на морского зверя. И все же имеются некоторые основания для их дифференциации.

Еще до обнаружения поселения Маяк II, давшего огромное количество фаунистического материала, обращало на себя внимание исключительно большое количество наконечников копий, изготовленных из сланца, крупного размера, листовидной, реже — удлиненно-листовидной формы. Такие наконечники (рис. 34, *43*) нехарактерны для неолитических поселений вообще и поселений эпохи раннего металла, расположенных в центре полуострова, в озерных районах, но очень типичны для промысловых стоянок охотников на морского зверя.

Помимо указанных наконечников копий, расширенной и удлиненной формы, использовались и другие типы, иногда с двумя выемками в тыльной части, благодаря чему получался широкий короткий черешок, массивные, резко удлиненные наконечники с полной двусторонней обработкой и, наконец, очень своеобразные, прекрасно отшлифованные, резко удлиненной формы с продольным желобком в тыльной части. Такая форма насада свидетельствует о том, что наконечник защемлялся в раздвоенном конце древка и, вероятно, для прочности еще и обмазывался клеящим веществом.

Очевидно, в качестве орудий морского промысла использовались и костяные кинжалы, в большом количестве найденные в Оленеостровском могильнике и на поселении Маяк II. Некоторые из них очень массивны, другие изготовлены из клыков моржа.

У нас нет прямых доказательств об использовании особой категории предметов, как нам кажется могущих быть примененными в процессе охоты на морского зверя, — крупных (до 15 см), сильно окатанных морем, преимущественно удлиненных, правильной формы галек. Исходя из их большой численности (притом они встречены только в прибрежных морских поселениях эпохи раннего металла — Нерпичья Губа, Маяк, Маяк II), напрашивается вывод о несомненной значимости их для жителей прибрежной полосы. Нередко они залегают парами или по нескольку штук рядом. Значительная часть этих предметов имеет на концах следы использования, в результате чего естественная округлость конца стерта. Не исключено, что эти специально отобранные гальки применялись для нанесения удара по морскому зверю во время битья их на лежбищах, выполняя роль дубинок, которыми до последнего времени пользовались зверобои (Кларк, 1953). Возможно, они закреплялись в Т-образную рукоять.

К числу специфических орудий морского промысла наиболее определенно относятся гарпуны. Они встречены во всех памятниках, где сохранились органические остатки, но особенно многочисленны на поселении Маяк II. Размер их различен, от очень мелких (употреблявшихся, очевидно, на рыбу) до крупных, массивных. Как мы видели, насчитывается не менее 8 типов бородчатых гарпунов, куда входит и ряд вариантов. Особого интереса заслуживают поворотные гарпуны, свидетельствующие о высоком уровне развития морского промысла. Найдено несколько типов. Наличие их говорит об активной охоте с выходом в море. Орудия рассчитаны на то, чтобы попав в тело ластоногого при натяжении веревки, повернуться в нем, увеличивая рану, и тем самым причинить сильную боль животному.

Появление поворотных гарпунов на Кольском п-ве датируется очень ранним временем (не позже середины II тысячелетия до н. э.), в то время как, например, на Дальнем Востоке они появляются не ранее I тысячелетия н. э. Очевидно, раннему знакомству жителей нашего края с поворотными гарпунами способствовали связи с западными соседями.

Присутствие в памятниках поворотных гарпунов позволяет сделать вывод не только о развитии охоты на морского зверя, но и осветить и некоторые другие стороны культуры и отдельные аспекты организации общества.

Для выезда в море и погони за крупным сильным зверем требовались достаточно совершенные, устойчивые лодки, даже если охота велась в прибрежных водах, учитывая бурный характер Баренцева моря. На беломорских петроглифах Карелии лодки имеют явно иной характер, нежели на онежских наскальных рисунках. Они массивные, широкие, очень близкие по очертаниям к беломорским современным карбасам. Жители тундровой зоны, вероятно, пользовались и кожаными лодками, однако и они должны были отличаться надежностью, чтобы устоять в погоне за сильным раненым загарпуненным зверем, стремящимся вырваться в открытое море.

Очевидно, морская охота и рыболовство дополнялись сухопутной охотой и собирательством. Они обеспечивали круглый год питание и создавали благоприятные условия быта. У людей появилось некоторое количество свободного от поисков пищи времени. Именно в эпоху раннего металла наблюдается яркий расцвет изобразительного искусства, изготовляются изделия из мыльного камня — орнаментированные навершия, скульптура, зооморфные изображения из камня и кости и в особенности графика, богато украшающая бытовые костяные предметы.

Сухопутная охота, судя по костным остаткам, велась на медведя, лося, оленя, бобра и других животных. Многочисленны кости рыб и птиц. Возможно, белого медведя били также на берегу или на ближайших участках ледяного поля. Такая охота проводилась, наверное, не только тогда, когда не было поблизости морского зверя, но и в течение всего времени, поскольку при обилии зверя и перелетной птицы она была достаточно продуктивной и давала при этом гораздо более вкусное мясо по сравнению с морскими животными. Разнообразили пищу древних прибрежных племен и различные моллюски, створки которых образуют в культурном слое Маяка II сплошные брекчии. Несомненно, использовались и ягоды, столь обильно произраставшие в тундре.

Так крайне суровая, но неисчислимо богатая природа щедро вознаграждала человека за труд. Рыболовство и морской промысел, уходящие своими корнями в мезолитическую эпоху, обеспечили нормальный прогресс, что нашло отражение в материальной и духовной культуре местного населения.

В более южных, таежных районах основой хозяйства по-прежнему оставались озерно-речное рыболовство и охота. Однако и здесь, несомненно, шло прогрессивное развитие, отраженное в характере индустрии и увеличении размера поселков, что отчетливо иллюстрирует поселение центральной части полуострова — Мыс Семерка II.

К сожалению, отсутствие органических остатков скрывает от нас многие стороны хозяйственной деятельности древних обитателей этого региона. Однако обилие и разнообразие охотничьего вооружения, крупных рубящих орудий отражают дифференциацию охоты и рыболовства, усовершенствование их способов. По всей вероятности, сооружались различные ловушки для поимки зверя и рыбы, увеличивались в размере сети, несомненно, строились надежные лодки. Закреплялась оседлость, о чем говорит возросшая мощность культурного слоя поселений.

При характеристике экономики древних племен нельзя обойти вопроса о возможном возникновении производящего хозяйства, поскольку среди археологов южного региона весьма популярна точка зрения отсчета эпохи неолита от момента появления производящего хозяйства. Все, что находится по ту сторону этой черты, относится ими к эпохе палеолита или мезолита. В данной работе нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку изложенный фактический материал сам дает ответ. Существовавшая хозяйственная система в то время обеспечивала прогрессивное развитие, вследствие чего отсутствовала историческая необходимость и объективная возможность перехода к новым формам производства в массовом масштабе. Мы касаемся этого вопроса только потому, что среди рассмотренных памятников содержится принципиально новый материал, позволяющий высказать некоторое предположение.

В условиях Заполярья единственным проявлением производящего хозяйства могло быть оленеводство. Однако время появления его не находит однозначного решения, о чем свидетельствует многочисленная зарубежная и советская этнографическая литература (Василевич, Левин, 1951; Вайнштейн, 1970, 1977).

Остро дискуссируется вопрос о времени появления оленеводства и его связи со скотоводством (в частности, с коневодством). Особо ставится вопрос о происхождении лопарского (саамского) оленеводства. Существует точка зрения о его самостоятельном происхождении, а не заимствовании от сибирского. Такое утверждение имеет ряд оснований, учитывая отличие лопарского оленеводства от сибирского по элементам упряжки и способам выпаса.

В отличие от ряда исследователей В. Г. Тан-Богораз считал, что оленеводство представляет собой раннюю стадию скотоводства — мясную и шкурную. На более высокой стадии скотоводства используются в основном молоко и шерсть. По его мнению, «начальная эпоха приручения домашних животных исчисляется вообще тысячелетиями» (Тан-Богораз, 1933, с. 25).

Однако определить точное время возникновения оленеводства, в частности саамского, очень трудно. Форма существования одомашненного оленя, в особенности на начальной стадии приручения, мало чем отличается от формы существования дикого. Даже в историческое время олени отпускались саамами на полную свободу в течение нескольких летних месяцев, пока их владельцы перекочевывали к озерам и морю для рыбной ловли. За это время олени дичали, смешивались часто с дикими и даже меняли окраску — пятнистую на сплошную серую с дымчатым оттенком. При такой ситуации установить время доместикации оленей зоологам далеко не просто. Возможно получение таких сведений археологами, например в виде частей упряжки, при условии использования оленей в качестве тягловой силы.

В связи со сказанным привлекает к себе особое внимание костяной предмет с поселения Маяк II, содержащий необычный рисунок — олени, помещенные в загородках с двумя выходами. В центральной изгороди фигура особенно четкая, в боковых — изображения слегка фрагментированы (рис. 53, *1*). Фигуры животных выполнены схематично — короткими отрезками прямых линий, включая и туловище. В той же манере показаны олени на глиняном сосуде поселения Маяк II и более поздних наскальных изображениях в Чалмн-Варрэ. Фигуру животного, помещенную в заграждение, вряд ли можно трактовать как сцену охоты на дикого оленя, поскольку строительство заграждений в зоне тундры было бы невозможно. Скорее всего, это животное помещено в заграждение преднамеренно. И важно, что оно не единственное. Не исключено, что и второе изображение оленя на трубчатой кости (фрагментированное), где видна только его голова с шеей, перед которой воздвигнута преграда в виде поваленного дерева с сучьями, также передает пленение оленя (рис. 53, *2*). Сюжетные изображения не были чужды обитателям наших поселений, о чем свидетельствует, в частности, сцена рыболовства (рис. 53, *3*).

Можно допустить, что изображение оленя в загоне донесло до нас первоначальные попытки приручения этого животного. Это могло быть началом оригинального достижения заполярных жителей, которому оказалось суждено большое будущее.

В этой связи можно вспомнить один странный предмет из китовой кости, с выемками по краям и в середине (найденный на Маяке II), возможно являющийся частью ручной нарты или оленьей упряжки.

Одним из вопросов, возникающих перед исследователями древней истории, является выяснение социальной структуры изучаемого общества. Археологи, занимающиеся ранней формацией, очень ограничены в своих возможностях в этом отношении. Они не располагают ни письменными источниками, ни дифференцированными постройками иногда полных кварталов, которые открываются при раскопках средневековых памятников, позволяя выявить имущественное неравенство. При изучении первобытной эпохи мало информации могут дать и погребения, поскольку, как свидетельствует этнография, нередко погребальный обряд определяется не положением в обществе, а характером смерти.

В последнее время в качестве источника в этом плане привлекаются главным образом жилища и очаги; археологи пытаются определить по их численности количество жителей поселка и структуру семьи. Не вступая в дискуссию о надежности и эффективности этого метода, следует сказать, что в данном случае он не может являться для нас надежным. Несмотря на то что мы располагаем рядом раскопанных полностью поселений, таких как Маяк, Маяк II, Нерпичья Губа, Нерпичья Губа I и др., характер жилых построек не позволяет сделать даже такие более чем приблизительные подсчеты, какие делают другие исследователи. Как явствует из описания, на поселении Маяк II о жилых сооружениях и хозяйственных постройках свидетельствуют лишь развалы камней, которыми, в силу их специфики, нельзя пользоваться как достаточно надежным источником, поскольку их контуры не устанавливаются с такой точностью, как контуры углубленных жилищ. То же можно сказать и об очагах, хотя последних зафиксировано достаточно много. Однако не всегда можно установить их одновременное или последовательное действие. В силу сказанного для получения даже самого общего представления о структуре исследуемого общества мы должны привлечь другие источники.

Сопоставляя площадь, занятую поселениями мезолита, неолита и эпохи раннего металла, легко заметить их последовательное увеличение. Мезолитические стоянки во много раз меньше неолитических и эпохи раннего металла. Если площадь мезолитических стоянок исчисляется максимум в 100 м^2, то поселения эпохи раннего металла превосходят 2000 м^2, неолитические же занимают промежуточное положение. Эти факты свидетельствуют о возросшей численности коллективов, а следовательно, и об усложненной структуре общества. Вместе с тем значительное возрастание мощности культурного слоя и сильная насыщенность его находками, а также многообразие бытовых предметов и наличие предметов искусства могут служить показателем стабильности и длительности существования поселков. Доказательством этого служит также обилие очагов и остатков хозяйственных сооружений.

Сопоставление разновременных поселений отчетливо демонстрирует развитие производительных сил общества, очень значительный прогресс в орудиях труда и форме хозяйства — усиление роли, а

затем и господство морского промысла и, возможно, зачатки оленеводства. О возросшем благосостоянии говорит и несомненное развитие искусства, в частности украшения бытовых предметов.

О социальной структуре общества прямых свидетельств не сохранилось. Ее реконструкция возможна лишь по данным этнографии. Допустимы также логические заключения.

Одним из марксистских положений является утверждение о необходимости соответствия производственных отношений производительным силам общества. В нашем случае сущность производственных отношений будет определяться коллективным владением средствами производства. Едва ли может вызвать сомнение, что даже в эпоху раннего металла жители побережья Кольского п-ва коллективно владели лодками и сетями — основными орудиями производства. Сетевое рыболовство в условиях моря и крупных озер требовало участия в процессе большой группы людей, тем более это относится к морскому промыслу (трудному и опасному). Мы говорили уже, что крупные гарпуны, и в особенности поворотные, указывают на активную охоту с выездом в море. О том, что такая охота в основном велась целым коллективом, говорят все этнографические источники, о древних же приемах морского промысла не менее убедительно рассказывают беломорские наскальные рисунки (Савватеев, 1970). Охота велась сразу с нескольких лодок (от 3 до 6), в каждой из которых находилось до 5 и более гребцов. Помимо того, показаны и большие лодки, где число гребцов достигает 12 человек.

Особенно яркую сцену охоты иллюстрирует один из беломорских рисунков. Гребцы большой лодки только что загарпунили крупного зверя. Животное еще не отплыло настолько, чтобы натянуть веревку, соединяющую его с гарпунщиками, еще не понеслось бешено вперед, как это случится через несколько секунд. Одна из лодок уже потерпела аварию, она показана опрокинутой, без гребцов.

В этом и других изображениях морской охоты с полной очевидностью иллюстрируется коллективный способ добычи зверя. Да иначе и не могло быть. Трудный и опасный промысел требовал слитности коллектива, слаженности действия его участников, подчинение команде и мгновенное ее исполнение. В противном случае людям грозила не только неудача, но и неминуемая гибель.

Примерно с той же степенью достоверности, как и по раскопанным жилищам, можно высказать предположение о численности жителей поселка. Очевидно, группа людей, выезжавшая на морской промысел на нескольких небольших или на одной крупной лодке, была значительной. Несмотря на особый характер источника — петроглифы, — которым мы оперируем, можно все же считать, что коллектив людей, показанных в лодках, близок к реальному. Малому количеству людей было бы трудно вести охоту.

Даже если в сценах морской охоты, показанной на петроглифах, и не все точно, то и тогда количество людей, участвовавших в промысле, значительно. Так, VIII группа беломорских изображений иллюстрирует охоту на крупного зверя с 6 лодок, на одной из которых показано 10 человек, на второй — 8 человек. Еще 2 небольшие лодки вмещают 4 человек (в одной лодке гребцы не показаны, но гарпун был с нее брошен и застрял в теле животного), помимо того, в одной из крупных лодок 3, в другой 1 человек. В последнем случае количество людей явно занижено, ибо гарпунщик не может быть в лодке один, без гребцов. В целом эта сцена фиксирует участие в промысле не менее 28 человек, вонзивших 6 гарпунов в тело животного.

Далее, если в процессе охоты фигурируют одновременно 28 человек, а они должны быть из одного поселка, то количество жителей в нем, учитывая женщин, детей и стариков, не участвовавших в промысле, едва ли могло быть менее 100 человек.

Несомненно, эти подсчеты крайне приблизительны и, очевидно, минимальны, на что указывает огромное количество костей ластоногих, встреченных на наших стоянках.

Из коллективного способа производства (основанного на общей собственности на орудия труда) должно было следовать и коллективное распределение продуктов, как это наблюдалось в этнографической современности. Показателен в этом плане характер распределения добычи у современных сенегальцев. Рыбаки, подъезжающие к берегу на своих пирогах, сгружают добычу в одно место. Встречают рыбаков на берегу все жители поселка. Отдельно стоят женщины, одетые в черное, — это вдовы погибших рыбаков. Из общей массы рыбы выделяется по одной, иногда по две крупных рыбины, которые передаются стоящим здесь вдовам. Часть рыбы выделяется на продажу перекупщикам, которые к тому времени подъезжают сюда, остальная рыба раскладывается на равные кучки по числу участников лова. Деньги, полученные от перекупщика, являются собственностью общины и идут на общие нужды, в частности на благоустройство деревни. Таким образом, в деревне не остается голодных. Не накормить человека считается большим грехом, запрещенным Кораном. Существует и индивидуальная ловля рыбы с помощью лесок и крючков.

Очевидно, и в наших поселках существовала лишь собственность на личное вооружение и отдельные предметы быта, в силу чего они обладают порой неповторимой индивидуальностью.

Поскольку коллективная охота на ластоногих требовала четкой организации и подчинения команде, есть основания полагать, что существовал человек (или несколько), вероятно наиболее сильный и опытный, руководивший процессом морской охоты. Очевидно, и в остальное время он пользо-

вался особым уважением, поскольку именно удача промысла обеспечивала благосостояние коллектива. Не таким ли людям принадлежали орнаментированные навершия на булаву — знак власти?

Судя по наскальным изображениям и колотушкам от бубна (?), можно предполагать и наличие особых членов рода, исполнявших особые обрядовые действия, — своего рода шаманов. Наконец, среди членов рода встречались и люди, наделенные особым талантом художника. Индивидуальный почерк их усматривается в скульптуре Маяка II и наскальных изображениях в Чалмн-Варрэ.

ИСКУССТВО И ВЕРОВАНИЯ

При реконструкции древней истории населения Кольского п-ва большое значение приобретают предметы искусства, поскольку в силу своей многогранности они способны осветить различные стороны жизни человеческих коллективов. Одним из аспектов изучения искусства является стремление к познанию внутреннего мира древнего человека, сущности его мировосприятия, степени понимания прекрасного и тяготения к нему. Опосредованно искусство отражает окружающую среду и экономику, порой, правда, через призму фантастических представлений. Вместе с тем оно позволяет судить о точности глаза художника, твердости его руки и таланте. Существует еще один аспект изучения изобразительного искусства — рассмотрение творчества как исторического источника для раскрытия самобытности культуры, сложения своеобразных художественных традиций изучаемых общностей, а также для установления этнокультурной близости их с соседними племенами. Однако при этом необходимо помнить о трудности восстановления даже основных черт в развитии, поскольку археологические источники весьма ограничены и потому многие звенья исторического процесса безнадежно утрачены.

Если костяная скульптура и орнаментированные предметы редки, то деревянные и тем более кожаные или берестяные изделия при раскопках первобытных памятников почти вовсе не встречаются. Между тем этнографические материалы, в частности народов Сибири, показывают, что отчетливо выработанные художественные традиции и орнаментальные мотивы сложного строения представлены такими источниками, как аппликации, рисунки на берестяных, кожаных и меховых изделиях, тогда как резьба по кости у некоторых народов развита слабо.

Раскрытие сущности первобытного изобразительного искусства для археологов, по сравнению с этнографами, в большой мере затруднено и тем, что первые имеют лишь немых свидетелей овеществленного человеческого труда, в который вложены мысли и чувства, — предметы неспособны ответить на многие вопросы исследователя. Этнографы помимо собственного анализа и оценки художественных свойств образцов искусства получают важнейший дополнительный материал из уст их созидателей. Таково, например, положение с классификацией предметов изобразительного искусства по принципу их назначения. Среди разнообразной скульптуры народов этнографы выделяют предметы бытового характера, игрушки, изображения религиозного назначения, оперируя при этом собственными наблюдениями, археолог же высказывает лишь гипотезы, вероятность которых всегда может быть подвергнута критике. В особенности это касается орнаментированных орудий труда и быта. Для нас навсегда остается скрытым подлинное назначение предметов, поскольку последние могли применяться как в повседневной жизни, так и в ритуальных церемониях.

Все предметы изобразительного искусства Кольского п-ва, имеющиеся в нашем распоряжении, представлены двумя категориями — скульптурой (круглой и плоской) и орнаментированными изделиями.

Материал, из которого они выполнены, — кость, рог и камень. В настоящее время в общей сложности имеется 106 образцов, из которых 27 являются скульптурой (9 из камня, 18 из кости и рога), а остальные — предметы с орнаментом. Помимо того, характеристику художественной деятельности древних племен рассматриваемого региона дополняют наскальные изображения.

Характер материала для скульптуры и резьбы имеет большое значение при оценке степени совершенства исполнения. Естественно, что образ животного или человека, равно как и орнамент, значительно легче выполнить, применяя мягкий и потому более податливый для обработки материал, и наоборот, применение камня для изготовления скульптуры, при существовавших тогда орудиях труда резчика, должно было привести к огрублению и упрощению форм.

Вся скульптура и орнамент на предметах выполнены техникой вырезания и шлифовки всей поверхности (последние подвергались шлифованию до нанесения на них орнамента). Помимо того, повсюду выступает залощенность (доведенная до блеска), образовавшаяся в результате длительного употребления.

Узоры на костяных и каменных предметах выполнены тонколинейной резьбой. По всей вероятности, инструментом служили острые кварцевые отщепы, поскольку кремень на этих памятниках встречается достаточно редко, да и то в виде мелких отщепов или орудий. Хотя металлических предметов и не найдено (за исключением одного медного наконечника в Оленеостровском могильнике и двух литейных форм на поселении Маяк II), применение металлических предметов полностью исключить нельзя.

Вероятно, до начала работ кость предварительно вымачивалась и вываривалась, в результате чего она становилась мягкой. Вываривание кости применяется всеми резчиками, вплоть до современных (Холмогоры). В особенности это было необходимо при работе по такому твердому материалу, как моржевой клык.

Орнамент

Среди орнаментированных изделий встречены лишь 3 сюжетных рисунка. Во всех остальных случаях это орнамент на костяных и роговых предметах, и только один небольшой кусок песчаника (со стоянки Мыс Семерка II) и 2 навершия из мыльного камня покрыты несложным узором. В основном орнаментированные предметы происходят из Оленеостровского могильника и поселения Маяк II. Подавляющее большинство целых встречено в Оленеостровском могильнике, тогда как во всех других случаях это обломки различной величины и формы, чаще всего небольшие фрагменты. Все они, даже самые мелкие, сильно залощены, включая места сломов, что свидетельствует о бережливом отношении — поломанный предмет не выбрасывался, а еще долго был в употреблении. В Оленеостровском могильнике они представлены двумя категориями — кинжалами и игольниками. На поселении чаще всего это обломки тесловидных орудий и ножей, небольших стержней, пластинка и игольники. На некоторых предметах в месте поломки заметен прием профилирования и последующее использование предмета в качестве украшения, чаще — подвесок.

В целом орнамент неглубокий, сложногеометрический. Элементы его близки в различных памятниках и весьма ограниченны. В основном их можно свести к двум типам — прямой и кривой линии, при том что в первом случае прослеживается несколько вариантов: 1 — прямая прочерченная сплошная, 2 — прямая пересеченная, 3 — прямая с периодическим нажимом в одну сторону, 4 — пунктирная. Ими и выполнен весь, порой весьма сложный, орнамент (рис. 50).

Мотивы во всех случаях видны достаточно отчетливо. Их насчитывается в общей сложности не более двух десятков. Среди них: 1 — одинарные тупые или острые уголки, образованные двумя отрезками коротких прямых линий; 2 — парные уголки; 3 — ромбы; 4 — одинарный меандр из коротких прямых линий, поставленных под углом друг к другу; 5 — двойной меандр из отрезков кривых линий (синусообразный); 6 — прямые параллельные линии; 7 — группы параллельных линий, поставленных под углом друг к другу, — зигзаг; 8 — одинарный округлоарочный; 9 — двойной прямоугольноарочный; 10 — зонально-ромбический; 11 — удлиненно-прямоугольный, соединенный вверху короткими прямыми линиями; 12 — прямоугольники, вписанные друг в друга; 13 — прямые пересеченные линии, расположенные под углом; 14 — прямоугольные лабиринтообразные фигуры; 15 — стрелообразные фигуры; 16 — многоярусный зигзаг из комбинации прямых длинных и перпендикулярных им коротких линий, образующих в целом как бы широкую лестницу.

Композицию орнамента не всегда удается установить из-за фрагментарности предметов, однако в тех случаях, когда он сохранился полностью, можно составить общее представление. Как правило, рисунок располагается таким образом, что подчеркивает конструктивные особенности предмета, его форму, в других же случаях заполняет всю поверхность.

Элементы орнамента, как мы могли видеть, немногочисленны и потому сходны во многих памятниках. Однако уже на уровне мотивов, и тем более композиций, выступают заметные различия. Наиболее показательны в этом отношении два памятника, имеющие значительное количество образцов искусства и относящиеся в целом к эпохе раннего металла, — Оленеостровский могильник и поселение Маяк II.

Орнамент Оленеостровского могильника нередко сложный, выполнен весь одним элементом — прямой длинной или короткой линией. Лишь в одном случае (на скульптурке головы лося) применены мельчайшие углубления треугольной формы. Среди мотивов выделяется 4 группы геометрических построений: 1 — параллельные прямые линии; 2 — перпендикулярно поставленные друг к другу короткие и длинные отрезки прямых линий; 3 — зигзагообразные линии, образованные из отрезков прямых одинаково коротких линий, поставленных под углом друг к другу; 4 — косой крест (рис. 51).

Один или сочетание нескольких мотивов на одном предмете создают нередко сложный и всегда приятный для глаза узор. Правильное понимание законов композиции проявляется, в частности, в применении бордюров, окаймляющих рукояти кинжалов и концы игольников. В ряде случаев они

удачно сочетаются с рисунком, размещенным ниже бордюра (кинжалы) или между двумя бордюрами (игольники). При этом использованы особенности симметрии. Чаще на одном предмете встречается сочетание двух мотивов.

Наиболее оригинальным узором являются зоны, образованные взаимно перпендикулярными длинными и короткими отрезками прямых линий, создающими, благодаря игре света и тени, впечатление как бы ступенчатой площадки. Подобный рисунок не встречен в других регионах и повторяется лишь в поселении Маяк II, где он занимает всю поверхность пластины. Одинаковая ширина зоны создавалась благодаря тому, что с одного края каждая последующая зигзагообразная линия была на одно звено длиннее предыдущей, а затем, начиная от середины, каждая последующая линия на одно звено короче предыдущей. В числовом выражении, например на пластине из Маяка II, это можно представить следующим образом (каждое число соответствует количеству длинных отрезков линий): 2, 3, 4, 5, 5, 5, 5, 5, 5, 4, 3, 2. При этом в других случаях в середине может быть несколько линий с одинаковым количеством длинных и коротких отрезков. В целом же получается как бы струящийся изящный узор (рис. 52, *10*).

Некоторой вариацией его является орнамент такого же построения — лишь с той разницей, что концы каждой из крайних длинных линий имеют дополнительно еще по короткой перпендикулярной им линии, направленной во внешнюю сторону, как бы «усики». Этот узор достаточно часто выполнялся на игольниках и кинжалах Оленеостровского могильника, в единственном числе встречен на Маяке II.

Вторым весьма распространенным орнаментом, более простого строения, является косой крест, образованный пересечением двух отрезков коротких прямых линий. Кресты, соединенные своими концами, образуют свисающую гирлянду из полых, незаполненных ромбов. Производной от этого является косая сетка. Подобный узор присущ обоим памятникам, только в Оленеостровском могильнике он встречается чаще. Наконец, в обоих памятниках имеется довольно простой рисунок — парные уголки. На этом и заканчивается сходство между орнаментом указанных памятников.

Элементы орнамента и его мотивы на поселении Маяк II свидетельствуют о иных художественных традициях. Они значительно разнообразнее, в подавляющем большинстве случаев достаточно сложные. Оттого что большинство предметов фрагментировано, общую композицию уловить довольно трудно. Очевидно лишь, что она очень густо заполняет все поле, так что фон почти исчезает. Второй особенностью орнамента Маяка II является наличие криволинейного узора, полностью отсутствующего в Оленеостровском могильнике.

Наиболее простыми композициями, которые удается проследить полностью, являются: 1 — незамкнутые треугольники (прямой уголок), вписанные один в другой, обращенные вершинами в одну сторону; 2 — чередование парных отрезков прямых линий, расположенных под углом к центральной оси предмета; 3 — двойная синусообразная линия — простой двойной округлый меандр, размещенный вертикально; 4 — вертикальная двойная синусообразная линия (простой меандр), дополненная вертикальным же округлоарочным орнаментом; 5 — вертикальные линии, нанесенные с периодическим нажимом в одну сторону, расположенные попарно; 6 — вертикальный тройной меандр, ограниченный на конце тройными горизонтальными линиями; 7 — вертикальная зона из косых крестов; 8 — вертикальная зона из уголков и двойных несомкнутых линий, расположенных параллельно их сторонам, обращенных вершинами в одну сторону и образующих вертикальный пояс; 9 — вертикально-округлоарочная и двойная вертикальная синусообразная линия; 10 — вертикально-зональный ромбический орнамент; 11 — двойные арки, расположенные в шахматном порядке, обращенные вершинами в одном или противоположном направлениях, дополненные отрезками прямых линий; 12 — удлиненные прямоугольники, соединенные с одного конца прямыми линиями и дополненные короткими параллельными прямыми линиями; 13 — параллельные зоны из прямоугольников, вписанных один в другой; 14 — отрезки прямых пересеченных линий, расположенные под углом; 15 — прямоугольники из прямых пересеченных линий, вписанные один в другой; 16 — двойные прямоугольные меандры из прямых гладких и пересеченных линий; 17 — горизонтальная линия с периодическим нажимом в одну сторону, ниже которой размещается арочный орнамент; 18 — меандрово-ступенчатый «струящийся» узор, расположенный в вертикальном направлении; 19 — часть композиции из прямых линий, образующих резко удлиненные четырехугольники, в отдельных случаях соединенные между собой и дополненные отрезками прямых коротких линий.

Во всех случаях орнамент выполнялся одним элементом, если не считать фрагмента небольшого предмета с отверстием, где сочетается прямая линия с периодическим нажимом в одну сторону — с короткими линиями, образующими вертикальные одинарные арочки.

Как следует из краткого перечня, орнаментальные мотивы и их варианты композиций Маяка II имеют довольно сложное строение. Каждый рисунок оригинален, трудно найти два тождественных. Только в одном случае предметы украшены группой параллельных прямых пересеченных линий, расположенных под углом друг к другу (рис. 53, *10*, *11*).

Наиболее простым рисунком следует считать параллельные прямые парные линии, зигзагообразные линии, цепочки ромбов, группы линий, расположенных под углом друг к другу, двойные синусообразные линии, цепочку из простых крестов и полосу уголков. Наиболее сложный орнамент состоит из одинарных или вписанных одна в другую арок, слагающих широкие полосы, причем свободное пространство между арками заполнено отрезками коротких прямых линий. При этом внутренняя арка имеет округлую, внешняя — острую вершину. Арки внутри полосы размещены частично в шахматном порядке, обращены вершинами в одном случае в прямом, в другом в обратном направлении.

Густой и довольно сложный рисунок состоит из двух параллельных зон, образованных прямоугольниками (не менее 6), вписанными один в другой, заполняющими все пространство. Узор из вписанных один в другой прямоугольников, выполненных прямыми пересеченными линиями, встречен и еще на одном предмете. К сожалению, его фрагментарность не позволяет выявить рисунок полностью (рис. 54).

Близок к этому орнамент довольно крупного удлиненного предмета из рога. С одной стороны он покрыт как бы замкнутыми прямоугольниками, вписанными один в другой (не меньше 6), расположенными в ряд, один ниже другого. Однако хорошо сохранившаяся фигура самого маленького прямоугольника указывает на то, что, по-видимому, композиция состояла из многих прямоугольников и была выполнена одной линией, идущей от центра, в целом образующей прямоугольный лабиринт (рис. 54, *15*).

Пожалуй, наиболее сложно орнаментирована пластина, очевидно являвшаяся, судя по условиям залегания — поверх пучка наконечников стрел, — украшением колчана (о ней мы упоминали выше). Очень близко расположенные друг к другу меандры из длинных и коротких взаимно перпендикулярных отрезков прямых линий, благодаря игре света и тени, создают «струйчатый» узор. Рисунок нанесен на очень твердом моржевом клыке чрезвычайно тонкими линиями. Такой орнамент требовал исключительной точности, строгого соблюдения (до миллиметра) длины каждого отрезка линии, расстояния между ними, градуса угла и числа линий. Малейшее нарушение этих правил вело к нарушению всей композиции. Этот рисунок особенно подчеркивает понимание древним художником ритмического построения узора и точности заполнения пространства (рис. 52, *10*).

Несколько необычен орнамент и другого относительно крупного предмета, к сожалению сильно фрагментированного, что мешает понять композицию в целом. Бесспорно лишь, что она довольно сложная, состоящая из различных фигур. Наиболее отчетливо выступают резко удлиненные островерхие прямоугольники с одной смежной стороной и направленными вверх от нее черточками. Внутри прямоугольников помещены какие-то С-образные фигуры.

Весьма выразителен четкий рисунок, выполненный на тонкой костяной пластинке пунктирными линиями, образующими стрелообразные фигуры, обращенные остриями друг к другу, сильно расширенные на концах. В целом рисунок и техника его выполнения очень изящны (рис. 54, *2*). Отличие орнамента Маяка II от оленеостровского состоит в большем разнообразии элементов и отсутствии стандарта в композициях. Только в двух случаях прослеживается сходство рисунков — вертикальные меандры из прямых линий, дополненные параллельными прямыми линиями, и полоса из косых крестов.

К числу орнаментированных можно отнести, в известной мере и лишь условно, 3 фрагмента крупных рогов лося с глубокими зарубками, расположенными в поперечном направлении по отношению центральной продольной оси предмета. В разрезе углубления имеют одну прямую, вторую вогнутую стороны. Такая форма могла получиться лишь в том случае, если с помощью ножа на предмете наносился сначала перпендикулярный надрез, а затем под углом к нему — второй. Расположены углубления не строго ритмично, но во всех случаях перпендикулярно центральной оси рога. Их назначение загадочно, однако наличие подобных предметов и в памятниках Норвегии заставляет считать их необходимыми в быту населения. Не исключено, что они могли быть связанными со счетом или служили своего рода календарем (рис. 55, *1—3*).

К орнаментированным предметам не стоит причислять образцы, на которых нарезки хотя и расположены ритмично (в виде косых или прямых параллельных линий, в отдельных случаях косой сетки), но имеют чисто утилитарное назначение. С. В. Иванов приводит ряд примеров, когда нарезки, образующие горизонтальные линии, зигзаг или косую сетку, наносились с практическими целями на разнообразных бытовых предметах, например эскимосами на ручках ножей — для того, чтобы не скользила рука, долганами — на щитках, прикреплявшихся к лыжам и служивших для задержания снега в целях маскировки при зимней охоте на оленей. Наконец, они делались калмыками на кизячных лепешках, чтобы ускорить их просушку (Иванов, 1963, с. 16).

В нашем случае псевдоорнамент встречается на тыльных частях наконечников гарпунов, у одного из них обработанная мелкими вырезами тыльная часть создает впечатление орнаментированной. Действительной же целью являлось стремление прочнее удержать гарпун в древке или посреднике (рис. 55, *4*).

Одним из аспектов изучения орнамента является раскрытие его семантики. Разгадка смысла творчества исчезнувших народов чрезвычайно сложна, поскольку исследователь имеет дело с молчаливыми свидетелями прошлого. Значительная трудность возникает и при попытке рассмотреть орнамент изучаемого народа в историческом плане, т. е. в его развитии, поскольку, как мы уже говорили, ряд звеньев оказываются утраченными.

На первом вопросе подробно останавливается С. В. Иванов. В книге «Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар» он пишет: «У каждого крупного племени или социальной группы наряду с характерными для данного этноса особенностями искусства имелось и свое его понимание, обусловленное местными художественными традициями, веками слагавшимися в той или иной среде» (Иванов, 1979, с. 6). Во второй монографии — «Орнамент народов Сибири как исторический источник» он, тщательно анализируя высказанные точки зрения на происхождение и смысловое значение геометрических узоров, показывает неубедительность однозначного решения. В частности разбирая точку зрения ряда ученых на семантику этого орнамента (Иоффе, 1933, с. 25; Чепелев 1939, с. 5; Гольмстен, 1941, с. 7; Кричевский, 1949, с. 90—91; Равдоникас, 1949, с. 358 и др.), он приходит к выводу, что каких-либо убедительных данных, доказывающих происхождение полос, зигзагов, прямоугольников, ямок и т. д. от изобразительных знаков магического значения, не имеется. Отдельные знаки, изображающие солнце, птиц и животных «не дают оснований сводить содержание древнего орнамента в целом к магическим, тотемическим, анимистическим или космогоническим представлениям» (Иванов, 1963, с. 18). Столь же недоказательной он признает и точку зрения, разделяемую многими учеными, на происхождение геометрического орнамента как стилизацию изображений человека, животных или растительности.

В нашу задачу не входит рассмотрение затронутого вопроса, поскольку образцы с орнаментом геометрического стиля на Кольском п-ве происходят из относительно поздних памятников, когда формирование геометрического орнамента уже было закончено, однако считаем уместным коснуться последней теории с точки зрения археологического материала.

Уже начиная с эпохи мезолита (и еще ранее — в палеолите) геометрический орнамент встречается как своеобразная категория искусства. Он известен в мезолитических стоянках и могильнике Прибалтики — на костяных орудиях Лубанской равнины и могильника Звейникеи (Загорска, 1981; Загорскис, 1983), в раннем неолите Карелии и Латвии — Оленеостровский могильник Онежского озера, Оса, Звейсалас (Гурина, 1956; Loze, 1983).

Еще более богатым и сложным предстает перед нами геометрический стиль в эпоху неолита, в особенности на глиняных сосудах, заслуживая по своим художественным достоинствам высокой оценки. В это время в украшении керамики наблюдается использование: прямых, кривых линий, кругов, треугольников, ромбов, прямоугольников, с помощью которых создан сложный по построению, красивый, порой изящный, преимущественно канонизированный геометрический узор. Во всех случаях он очень умело распределяется по сосуду, удачно подчеркивая его форму, пропорции, выделяются отдельные части. Как правило, край сосуда оформляется особым бордюром, узор на остродонных сосудах постепенно уменьшается в размере — нередко применяется более мелкий, но такой же формы штамп — и заканчивается обычно одной точкой (ямкой), вписанной в круг, или создается лучеобразная фигура. Строго выдерживается ритмичность узора и его симметрия. Именно эти устойчивые художественные традиции для очень широкой территории и послужили основанием для возникновения такого термина, как «лучший геометрический стиль» орнаментации (Ailio, 1912).

Такое построение орнамента прослеживается на костяных и редких деревянных изделиях, образцом которых служит дощечка из стоянки Кузнечиха (г. Архангельск) с классическим геометрическим рисунком, выполненным красной и черной краской (Смирнов, 1940). В то же время сильно стилизованные изображения людей, животных и птиц в полной мере единичны. Так, на сосуде из Коломцов гребенчатым штампом выполнен фриз с примитивным изображением рогатых человечков и уточек. В такой же манере выполнены изображения человечков на костяной пластине из стоянки Звидзе (Латвия) и Нида (Литва), исследованные И. А. Лозе и Р. К. Римантене (Loze, 1983).

Более многочисленны, но также довольно редко встречаются изображения уточек на глиняных сосудах Карелии, Вологодской и Ленинградской областей, Прибалтики и Финляндии, а также Урала (Гурина, 1972).

Таким образом, теория возникновения геометрического стиля как следствия стилизации изображений людей и животных не подтверждается археологическим материалом лесной зоны Восточной Европы. Поэтому следует полностью согласиться с С. В. Ивановым, который пишет: «У многих этнографов сложилось убеждение, что всякий геометрический орнамент, у какого бы народа его ни обнаружили, произошел путем последовательного и постепенного упрощения зооморфных или иных реалистических или стилизованных изображений, что этот процесс обязателен и составляет одну из закономерностей развития народного орнамента. Укреплению такой точки зрения немало способствовало то обстоятельство, что превращение реалистических изображений в геометрические фигуры

было обнаружено у ряда народов — в Полинезии, Индонезии, Северной Америки, на Амуре. Однако, как бы широко не был распространен указанный процесс, он все же не может считаться обязательным для всякого орнамента. Эволюция орнамента отнюдь не представляет собой явление общего порядка» (Иванов, 1963, с. 25).

Очевидно, в отдельных случаях и наблюдается постепенная стилизация изображений животных, примером чего может служить рисунок птиц на неолитических сосудах указанной нами выше зоны. Они сочетаются, в пределах одного сосуда, со сложным геометрическим орнаментом — зигзагообразными или прямыми горизонтальными линиями, символизирующими, по нашему мнению, бурную или тихую водную стихию. При этом геометрические фигуры на других сосудах синхронных и одно-культурных памятников показаны без фигур птиц. В эпоху бронзы в том же регионе изображение уточек становится более схематизированным и в конечном итоге превращается в меандр, а линии под ними становятся только прямыми. Очевидно, уточки, так же как и линии под птицами, отражают утрату прежнего смыслового значения. Однако сосуды с фигурами уточек распространены на очень ограниченной территории и соответствуют короткому отрезку времени, тогда как геометрический орнамент известен на широком пространстве и существует длительный период. По-видимому, процесс становления и эволюции геометрического стиля нельзя стандартизировать и обобщать таким образом.

Попытка раскрытия семантики геометрического орнамента Кольского п-ва вряд ли окажется продуктивной, поскольку здесь нельзя выйти из сферы предположений, в связи с чем взамен им с полным правом могут быть выдвинуты другие гипотезы. Пример, приведенный С. В. Ивановым, показывает, что один и тот же народ изображает конкретные предметы различными знаками. Нередко жители одного поселка объясняют смысл одних и тех же геометрических фигур по-разному. По этому поводу он замечает: «Но чем глубже вдумывались исследователи в названия геометрических узоров, тем яснее становилась весьма далекая связь этих названий с орнаментальной формой, а подчас и полное несоответствие ей. Обращено было внимание на то, что один и тот же узор нередко называли по-разному, а к разным узорам применяли одинаковые названия» (Иванов, 1963, с. 27). И далее он приводит примеры из работ Кремера. Один из исследователей африканского искусства сообщает, что когда он начал расспрашивать негров племени бумонго о названии узоров их орнамента, «они подняли такой спор, что пришлось пригласить специалистов. Но и „эксперты" разошлись во мнениях; женщины дали узорам одни названия, мужчины (резчики) — другие» (Иванов, 1963, с. 28).

Иная ситуация создается при расшифровке сюжетных рисунков. Правда, и в этом случае археолог не имеет документального подтверждения своей гипотезы, и все же они кажутся значительно достовернее. Среди наших материалов есть три таких рисунка.

Один из них выполнен на тщательно зашлифованной и залощенной от длительного употребления трубчатой кости. Часть поверхности повреждена. Сохранилась лишь голова зверя на длинной тонкой шее. по-видимому, молодого лося, так как, несмотря на схематизм, показана слегка горбатая морда с двумя ушами. Ниже животного размещается фрагментированный рисунок, скорее всего поваленное дерево с сучьями.

О сюжете второго и третьего рисунков мы говорили выше. В одном случае показана река, сети и рыба. Длина всего изображения 11,5 см. Не исключено, что сети, помещенные на левой стороне предмета, преднамеренно «спрятаны» от рыбы (рис. 53, *3*). Во втором случае показаны олени, находящиеся в заграждении (рис. 53, *1*).

В связи с орнаментом на костяных и роговых орудиях возникает желание показать его изменение во времени. Но восстановить в полной мере основные черты искусства всего региона в историческом развитии невозможно, несмотря на относительно большое (по сравнению с другими областями) количество образцов. В большой мере это объясняется тем, что все они найдены в синхронных памятниках и потому освещают лишь один исторический этап развития. Из более же ранних периодов они пока неизвестны.

В мезолите, прежде всего из-за крайне неблагоприятных стратиграфических условий, отсутствуют предметы с орнаментом. Однако учитывая обилие костяных орнаментированных предметов на соседних территориях, в частности в Прибалтике и на Северо-Востоке, нельзя сомневаться в том, что и наше мезолитическое население было знакомо с искусством резьбы по кости и дереву. Аналогично положение и с неолитическими памятниками, с той лишь существенной разницей, что о знакомстве с искусством свидетельствует и керамика.

Оценивая в общем орнаментацию неолитических сосудов, заметим, что для нее характерно заполнение всей поверхности сплошным узором настолько густо, что в большинстве случаев фон исчезает почти полностью. Мотивы слагают зоны из горизонтальных зигзагов или коротких косых линий и косой сетки, разделенные одинарным поясом ямок. Изредка использовались треугольные фигуры. Следовательно, в украшениях костяных предметов эпохи раннего металла проявились весьма древние художественные традиции искусства. В этот период простой линейно-геометрический орнамент превратился в более богатый и яркий сложный геометрический узор.

Уместно коснуться причины различия орнамента поселения Маяк II и Оленеостровского могильника, поскольку оба памятника имеют значительное количество орнаментированных предметов, что делает возможным их сопоставление.

Радиокарбоновая датировка Оленеостровского могильника и серия дат Маяка II свидетельствуют о более позднем возрасте первого. Вместе с тем присутствие такого оригинального и сложного узора, как многоярусный меандровый, в обоих памятниках не позволяет усматривать между ними большого хронологического разрыва. Хотя и орнаментация в обоих случаях и относится к сложногеометрической, но, как мы видели, орнамент Маяка II имеет мотивы более усложненного строения.

Вероятно, одной из причин, помимо неполного хронологического совпадения, является и функциональное различие — поселение и могильник. Однако не исключено и иное предположение: что наряду с чертами, свойственными общему стилю орнаментации племен эпохи раннего металла всего региона, были и особые традиционные приемы ее у более мелких этнокультурных единиц, отдельные варианты мотивов и узора в целом. Члены одной из таких этнокультурных групп и были погребены на Оленьем острове.

Встает и еще один вопрос: где встречаются аналогичные образцы искусства? При этом следует исключить орнамент простейшего построения, такой как «уголки», прямые параллельные линии, короткий зигзаг, кресты и производную от них — косую сетку, поскольку в силу простоты структуры он встречается почти у любого народа. С этой оговоркой мы должны отметить отсутствие сходства нашего орнамента с орнаментом сибирских народов (как древних, так и этнографических) и всего Северо-Востока и Северо-Запада Европейской части России, а также Прибалтики. В то же время значительное сходство, а порой и тождество ряда мотивов прослеживается с Северной Норвегией, однако, как мы увидим далее, кольское искусство содержит много самобытного в орнаментации, скульптуре и наскальных рисунках (рис. 56).

Сходство начинается с уровня элементов орнамента, которые в северонорвежских материалах можно свести к трем основным типам, имеющим несколько вариантов: тип I : 1 — прямая сплошная линия, I : 2 — линия, пересеченная короткими перпендикулярными штрихами, I : 3 — прямая линия, выполненная как бы с нажимом в одну сторону; II — кривая линия: II :1 — сплошная; II : 2 — пунктирная; III — короткие насечки.

Сходными оказываются мотивы и часто композиции в целом. К тождественным мотивам относятся, помимо «уголков» и параллельных горизонтальных линий, прямоугольники, ромбы, зоны оверхих арок подчетырехугольных очертаний, с короткими вертикальными черточками, помещенными на вершине, как бы особый «готический» стиль. Уместно напомнить, что этот весьма оригинальный мотив свойственен изделиям Маяка II. Общим является и редкое применение косой сетки.

Наиболее показательным является сопоставление орнаментов на уровне композиций. Хотя, как указывалось, многие изделия фрагментированы, все же значительное число их позволяет уловить общую закономерность. Одинаковыми являются преимущественно густое расположение орнамента, слабо выраженная зональность в размещении мотивов, в силу чего рисунок порой кажется незавершенным, а композиция неоправданной, не подчеркивающей форму предмета. При двусторонней орнаментации плоских предметов рисунки почти всегда различны. Отчетливо проступает тенденция вписывать одну фигуру в другую (особенно это заметно на прямоугольниках). Чаще мотивы размещаются вершинами в противоположном направлении, повторяются лабиринтообразные построения.

Особенно отчетливо сходство выступает в костяных гребнях, предметах оригинальных. В подавляющем большинстве случаев верхняя часть их заканчивается головками животных или птиц и дополнительно украшена нарезным орнаментом (рис. 57, *1—4*, *7*).

Наибольшая близость северонорвежских костяных изделий прослеживается с Маяком II и значительно меньше с Оленеостровским могильником. Это сходство дополняется и общностью некоторых мотивов в орнаментации керамики. В отличие от густого узора, полностью покрывающего неолитические сосуды, в эпоху раннего металла применяется лишь бордюр, оттеняющий их верхнюю часть, состоящий из нескольких горизонтальных полос из прямых линий, коротких нарезок, мелкоямчатых вдавлений, косой крупноячеистой сетки.

Однако наряду с общими чертами выступают и различия. В частности в Северной Норвегии не встречается сложного многоступенчатого «струйчатого» меандра и ряда других мотивов. Но особенно ощутима разница в скульптуре, к описанию которой мы и переходим.

Скульптура

На поселениях Кольского п-ва, вместе с Оленеостровским могильником, насчитывается 27 образцов объемных изображений малых форм, куда входят круглая и плоская скульптура. Наиболее целесообразно классифицировать ее по содержанию, а внутри — по материалу, исходя из того, что последний

в большой мере предопределял степень совершенства исполнения, хотя художественные традиции и индивидуальный талант художника и резчика имели огромное значение.

Все объемные художественные произведения малых форм изготовлены из кости, рога и камня. При этом каменных в два раза меньше, чем костяных (9 и 18 соответственно). По сюжетам наибольшее количество (21) составляет зооморфная скульптура и только 6 антропоморфной. Среди первой категории явно преобладают лоси (7), затем белый медведь (4), третье место занимает собака (3) и птица (3), далее хищные звери (2), единичны морские и речные звери — выдра (?) и нерпа или тюлень. Антропоморфные изображения (6) представлены только одной собственно круглой скульптурой, остальные же — в трех случаях оформляют концы предметов, возможно бытового назначения — стержень, нож и тесловидное орудие; два изображения, очевидно, являются личинами.

Несомненно, одним из излюбленных образов в искусстве северных лесных племен являлся лось, воплощенный в скульптуре из рога, кости, камня и в наскальных изображениях. Имеется и рисунок на кости. Во всех случаях показана только голова животного, но столь выразительно, в которой так удачно подчеркнуты характерные особенности зверя, что он без труда выделяется из прочих животных.

Пять скульптурок лосей найдено на поселении Маяк II и только одна в Оленеостровском могильнике, при этом 5 экземпляров изготовлены из кости и только 1 — из мыльного камня. Большинство изображений выполнено в реалистической манере, но с разной степенью совершенства. В тех случаях, когда головы животных помещены на какой-либо предмет, имеющий утилитарный характер, они порой очень сильно стилизованы. Так, 3 экз. голов лосей имеют сильно зауженные заостренные концы. Одна головка происходит из Оленеостровского могильника, две — из поселения Маяк II (рис. 51, *3*, 58, *1*, *4—6*).

Роговая оленеостровская скульптурка представляет собой стержень (длиной 17 см), один конец которого сильно зажен, на противоположном помещена головка лося. Она непропорционально удлинена, но характерные черты животного — слегка отвислая нижняя губа и горбинка на морде — подчеркнуты достаточно отчетливо. Убедительно показаны, благодаря выемке, вогнутые уши. Рядом с ними вырезаны рога, направленные вперед, концы которых фрагментированы. Глаза выделены небольшими выпуклостями; контуры их подчеркнуты тонкой линией, образующей ромб.

Поверхность скульптуры покрыта тонким нарезным орнаментом. Один рог украшен косыми крестами, второй — зигзагообразной линией, морда — пунктирным орнаментом, а шея — параллельными (с одной стороны 6, с другой — 9) резными диагональными линиями. Такие же косые линии (11) покрывают и нижнюю часть шеи, которая образована соответствующей выемкой. Зауженный конец стержня (тело животного) также орнаментирован. С одной стороны вдоль его края и по середине прорезаны неглубокие линии. На небольшом расстоянии от центральной оси в обе стороны отходят по 3—4 мелких ответвления. Противоположная сторона стержня украшена косыми перекрещивающимися линиями (рис. 51, *3*).

Два других схематических изображения лося из поселения Маяк II представляют булавки, концы которых заострены и сильно залощены. В первом случае она небольшая (8 см), один конец оформлен в виде головки лося. В целом фигура имеет зигзагообразную форму — голова и туловище (острие булавки) параллельны друг другу и соединены между собой перпендикулярно расположенной шеей. Голова несоразмерно вытянута, но отчетливо переданы выпуклые глаза и слегка горбатая морда, в нижней части которой вырезан рот. Морда и верхняя часть заостренного стержня — «туловище» — покрыты поперечными штрихами, очевидно символизирующими шерсть.

Вторая фигура меньшего размера (6 см). Один конец ее — «тело» — является острием, противоположный, расположенный под прямым углом к нему — головкой. Несмотря на маленький размер, характерные черты зверя даны отчетливо, в особенности утолщенный конец морды. Острие булавки залощено до блеска (рис. 58, *6*).

Третья головка лося, на конце костяного ножа (10 см), расположена под небольшим углом к лезвию, являющемуся как бы «телом», соединена с ним тонкой шеей. Вследствие фрагментарности она не столь выразительна, как другие изображения. Уши животного обломаны, но тупой конец морды и отвислая нижняя губа говорят о желании скульптора показать именно лося (рис. 58, *12*).

Особого внимания по своим художественным достоинствам заслуживает изображение лося, выполненное из крупного отростка рога (рис. 58, *5*) 14 см высотой. Древний скульптор остроумно решил техническую задачу — использовал естественную форму рога с 3-мя ветвями (рис. 59). Одну из них он укоротил (штангу), второй отросток срезал вдоль до половины толщины, выполнив тем самым шею животного. Этот продольный срез был доведен лишь до начала головы (до ушей). Уши и морда вырезаны из третьего отростка, очевидно второго надглазничного. Морда животного по сравнению со всей остальной частью отличается изяществом и завершенностью исполнения. Характерные признаки лося подчеркнуты мягко, что приближает его к образу северного оленя. Отчетливо выступают глаза — округлые выпуклости — и удлиненные ноздри. Но особенно выразительны уши, слегка вогнутые с

внутренней стороны и выпуклые с внешней, как бы настороженные, придающие всей фигуре особую реалистичность и выразительность.

Последняя головка лося изготовлена из мыльного камня (5,5 см). Несмотря на трудный для ее создания материал — камень, чрезвычайно выразительна, с массивной нижней челюстью, большим ртом, горбатым носом, отлично передающим особенности породы. Глаза выпуклые, под шеей серьга. Интересна одна деталь — если повернуть животное шеей вверх, то получается изображение, похожее на человеческое лицо, на котором серьга является носом, а глазами служат 2 небольших углубления (рис. 58, *1*).

Несколько менее выразительна небольшая фигурка лося, украшавшая костяной предмет, по форме напоминающая булавку. Судя по сильно залощенному концу (фрагментированному), вероятно, ее втыкали в мягкий предмет (рис. 58, *13*).

Из 4 изображений белого медведя, 3 найдены на поселениях Маяк II и I на поселении Дроздовка. В первом случае они различаются по материалу и, возможно, по назначению. Лишь голова из мыльного камня является собственно круглой скульптурой. Одна из роговых фигур, очевидно, служила амулетом, вторая — роговая же — являлась украшением гребня.

Голова медведя (7,5 см), выполненная из мыльного камня, наиболее совершенна. Поверхность ее сильно оглажена, в силу чего морда имеет мягкие округлые очертания. Выпуклый лоб плавно переходит в округлую нижнюю часть морды. Сразу под лбом слабыми бугорками переданы глаза. Уши маленькие. В целом морда несколько удлинена, что характерно для белого медведя. Округлая шея завершается стержнем в плане четырехугольных очертаний, который очевидно вставлялся в какую-то подставку (рис. 58, *3*).

Головой медведя заканчивается роговой гребень (19 см). Она крупная, уплощенная. Образ животного выразительнее в плане и легко узнается при сопоставлении с образом медведя в круглой скульптуре. Собственно голова (длиной 4 см) непосредственно переходит в тело. Шея не выражена. Корпус заканчивается 6 длинными (6 см) округлыми в плане зубьями. Отчетливо показан округлый конец морды. Вся поверхность тщательно зашлифована и оглажена. В качестве иллюстрации длительности существования традиций в искусстве может служить гребень, принадлежащий финским племенам, найденный на средневековом Городище (Голубева, 1979).

Помимо того, на поселении Маяк II найдено еще 5 гребней, однако изображения на их концах утрачены, сохранились только следы.

Голова медведя помещена в верхней части небольшого рогового предмета, по-видимому имитирующего медвежий клык (рис. 58, *4*). Меньшая, чем обычно, рельефность скульптуры обусловлена фрагментарностью (в той части, где расположены уши). Однако морда передана очень четко, она небольшая, слегка уплощенная, с выразительным ртом, небольшими выпуклыми глазками. Предмет служил амулетом, о чем свидетельствует просверленное отверстие для крепления шнура.

Очень удачно выполнена голова белого медведя из мыльного камня с поселения Дроздовка. Для нее характерна рельефность — резко выступающие уши и глаза. Часть шеи утрачена, на сохранившемся участке с внутренней стороны имеется округлое углубление, с помощью которого головка крепилась в стержень.

Все 3 изображения собаки встречены на поселении Маяк II. Два из них, наиболее крупные, выполнены из мыльного камня, третье — маленькое — из моржевого клыка. Одна собака из камня показана полностью, вместе с корпусом, у второй — только голова. Величина первой от хвоста до морды 13 см, максимальная высота 7 см. Животное показано лежащим, с подогнутыми под себя ногами. Очень удачно найден профиль, особенно хорошо выражена линия слегка округлого выступающего лба. Морда тоже очень выразительная, округлая, с большим ртом, слегка намеченными глазами и маленькими, как бы прижатыми ушками (рис. 60, *1*).

Вторая крупная голова (23×16,5 см), похожая на медвежью, изготовлена из уплощенного куска мыльного камня, менее отчетлива. Морда ее оформлена лишь с одной стороны, на второй сохранился полностью натуральный скол. Наиболее четко выступают характерный большой рот и ноздри. Задняя часть головы, так же как и вторая сторона, почти не тронута скульптором (рис. 60, *2*).

Весьма искусно выполнено третье изображение головы собаки — из моржевого клыка, на конце округлого в разрезе, тщательно зашлифованного стержня. Судя по незначительному диаметру отверстия (1 см), это была подвеска. Собственно голова, вместе с ушами, в длину 1,5 см, а вместе с телом — 4 см, в наиболее утолщенной части не превышает 1,25 см. Нижняя часть морды слита со стержнем и отделена от него лишь неглубокой бороздкой. Создается впечатление, что вытянутая морда собаки впилась в него зубами. Профиль головы довольно плоский, но детали — небольшие вогнутые уши, припухлые глаза и тонкие ноздри — удивительно правдивы, в особенности если учесть столь твердый материал, как моржевый клык (рис. 58, *7*).

Вторая, еще меньшая фигурка (3,5 см), из моржевого клыка с отверстием в конце хвоста, являлась также подвеской (вероятно, амулетом), вся поверхность ее сильно залощена. Скульптурка изо-

бражает хищника с резко вытянутой, приплюснутой передней частью морды, широкой пастью и небольшими выпуклыми глазами. Уши ее невелики, но обрисованы очень четко. Животное показано лежащим с подогнутыми ногами. По середине спины идет полоса из коротких, плоских углублений, как бы чешуек, передающих спинной хребет с позвонками, от которого в обе стороны отходят короткие нарезки — волоски шерсти, в передней части тела прямые, а затем слегка волнистые. Очевидно, это скульптурка какого-то хищного (судя по длинной плоской морде) зверька, возможно лисицы или горностая. Одинаковое оформление ушей и спины в виде мелких чешуйчатых углублений, тождественных углублениям на теле собаки из моржевого клыка, с бесспорностью свидетельствует о почерке одного и того же художника. Несомненно, это был талантливый человек; в столь маленьких фигурках, из очень твердого поделочного материала он сумел воплотить образы совершенно различных зверей (рис. 58, *8*).

Есть основания считать того же скульптора автором и третьей костяной уплощенной фигурки хищника, размером 9 см. Как и предыдущее, животное показано лежащим, с подогнутыми под себя ногами, в виде двух выступов, обладающих примерно теми же пропорциями, что и первое. Поразительно одинаковое оформление морды — удлиненно-уплощенной в передней части. Так же оформлены уши и длинная пасть, благодаря чему профили их голов тождественны. У костяной фигуры четко выделены оскаленные зубы (по 8 с каждой стороны), придающие скульптурке хищное выражение (рис. 58, *11*).

Плоской костяной скульптурой представлено морское животное — нерпа или тюлень (длина 12 см, максимальная ширина 2 см). Тело животного резко удлиненное, округло в области морды и плавно расширено в расстоянии 4 см от нее — на месте плавников, откуда постепенно сужается в сторону хвоста, резко расширяясь затем на конце. Сужение всей фигуры от ласт достигнуто благодаря срезам, сделанным по обоим продольным краям. Хотя форма сильно обобщена, образ морского зверя не вызывает сомнения (57, *6*).

Изображение птицы на Кольском п-ве встречено трижды. Во всех случаях показаны лишь головы с частью шеи. Несмотря на большую лаконичность, нетрудно определить их породу. Фигурка из мыльного камня из поселения Усть-Дроздовка невелика (4,4 см), массивна, округлых очертаний. Шея отделена от головы довольно отчетливо, рот очень большой (он кончается на уровне глаз), глаза в виде глубоких ямок, фигура больше похожа на морскую птицу или ворона (рис. 58, *9*).

Второе изображение — с Ловозера (Мыс Семерка II), из песчаника. Хотя фигура вырезана в очень скупой манере, в ней без труда можно узнать утку по характерному широкому, сильно сплющенному носу (рис. 58, *10*).

Две скульптуры из погребения в бухте Б. Песконец сделаны из сланца. Первая, очевидно игла для плетения сетей, представляет собой удлиненный (13×0,8 см) четырехугольный в сечении стержень, один конец которого оформлен в виде головки уточки, противоположный имеет выемку. Со спины уточка (в месте пересечения с боковыми гранями) украшена короткими насечками, расположенными в один ряд. Голова достаточно выразительна — с сильно уплощенным носом (рис. 57, *5*). Вторая фигурка животного с одной выпуклой (спинка), другой плоской (брюшко) стороной. Голова в форме треугольника с усеченной вершиной хорошо моделирована, плавно переходит в шею. Глаза в виде выпуклых бугорков, туловище вытянутых пропорций, подчетырехугольных очертаний, также плавно переходит в широкий, заостренный на конце хвост. Спинка и хвост по слегка уплощенным краям украшены косыми линиями, расположенными под углом к центральной оси фигуры, очевидно символизирующими шерсть плывущего животного, когда она под действием струи направлена назад. В целом скульптура очень динамична и выразительна, в особенности голова с открытым ртом. Плоская сторона залощена до блеска в результате длительного соприкосновения с мягкой поверхностью, очевидно, ее носили на груди в качестве амулета. По очертаниям и частично по широкому, заостренному на конце хвосту, по-видимому, эту фигуру можно считать изображением выдры или бобра (рис. 57, *8*).

Антропоморфные изображения представлены 6 предметами, среди которых собственно круглой скульптурой является один — три оформляют, очевидно, бытовые предметы и 2 являются личинами. Все они происходят с поселения Маяк II.

Наиболее выразительное человеческое изображение — костяная круглая фронтальная фигурка (рис. 52, *4*). Для оформления ее головы использован эпифиз (второй снят). Затылочная часть уплощена шестью мелкими поперечными срезами, возможно, они передавали волосы или головной убор. Корпусом послужила естественная форма кости без какой-либо подправки. Лицо моделировано достаточно отчетливо, детали проработаны тщательно. Выступающая часть эпифиза предварительно была срезана, затем углубили глазницы и оформили нос, в результате чего плоскость лба и носа выступает выше плоскости щек. Рот слабо заметен, подбородок слегка выступает вперед, возможно, художник стремился показать бороду. Уши отсутствуют. В целом фигура трактована упрощенно. Особое внимание уделено лишь моделированию лица, чем подчеркивается значение именно этой части тела,

и весьма небрежно оформлено все остальное. Поверхность всей фигуры сильно залощена, включая и часть обломанного эпифиза.

Об особом внимании к оформлению именно лица говорят и три других изображения человеческих голов, помещенных: на конце ножа, тесла и рогового стержня.

Лицо первого изображения лишь слегка намечено, несколько перекошено, так как помещено на изогнутом конце рукояти. Оно передано чрезвычайно упрощенно — плоскость лба и носа слабо возвышаются над щеками, глаза едва видны, рот велик, уши не выделены. Остальные части тела, очевидно, вовсе не интересовали художника (рис. 52, *1*).

Второе изображение лица можно принять за человеческое лишь условно. Оно показано в профиль на слегка изогнутой рукояти костяного ножа. Наиболее рельефно выступает нос, в этих целях на месте рта стержень стесан, благодаря чему получилось углубление. Голова заканчивается грибовидной шапочкой (рис. 52, *2*).

Наиболее выразительно третье изображение (на стержне), отчетливо заметное анфас и в профиль. Верхняя часть головы округлая, лоб низкий, глаза переданы углублениями, рот широкий, в виде выемки, которая затем переходит в бороду, резко выступающую вперед. Показан пожилой человек с уплощенным лицом и сильно выдающейся бородой (рис. 52, *3*).

Необычны 2 предмета различной величины и оформления, но, очевидно, близкие по смыслу. Один изготовлен из плоской массивной пластины (14×7 см), вырезанной из кости кита, по форме приближается к треугольнику. Нижняя и боковые стороны гладкие, лицевая покрыта сложным орнаментом выполненным глубокими прорезанными линиями. По-видимому, центральным изображением является фигура незамкнутого ромба, помещенного вершиной вверх, в центральной части которого располагается овальное отверстие (2×1,5 см). От него лучеобразно отходят 6 прорезных линий, в нижней части стороны ромба они, расширяясь, образуют как бы начало второго ромба, неправильных очертаний. Внутри его, перпендикулярно длинным сторонам, нанесены короткие отрезки прямых линий по 4 с каждой стороны и 2 посередине. Ниже этого изображен незамкнутый круг, от которого под углом друг к другу расходятся, расширяясь вниз, 2 прямые линии, а внутри образованного ими треугольника прорезаны еще три линии — одна прямо и две под углом к ней. Ниже отверстия, против места соединения двух ромбов, по обе стороны их изображены два круга. Остальное пространство между описанными фигурами и краем предмета занято короткими линиями, нанесенными под углом к центральной оси предмета.

По-видимому, это необычное изображение следует воспринимать как своего рода личину, у которой глазами служат два овала, носом — расширение в виде нижнего незаконченного ромба, а ртом — незамкнутый круг с отходящими от него линиями — бородой. Как видно, эта фигура сильно схематизирована. Край овального отверстия с внутренней стороны вытянут в направлении вершины. Такая форма отверстия свидетельствует о том, что пластину надевали на массивный стержень и носили основанием треугольника вверх, тогда хорошо была видна личина (рис. 52, *6*).

Очевидно, как схематическое изображение человеческого лица следует воспринимать и вторую маленькую фигурку (3,5×1,5 см), выполненную из кости, по форме также приближающуюся к треугольнику с сильно вытянутой вершиной, где помещено маленькое отверстие для шнура. На одной стороне предмета имеется изображение слабо рельефного человеческого лица. Показаны брови, переходящие в выступающий прямой длинный нос, под которым расположен рот в виде ромба. Глаза — продолговатые углубления — подчеркнуты выступающими бровями. Щеки украшены треугольниками, по-видимому передающими татуировку. По всей вероятности, подвеска-амулет носилась таким образом, что лицо было обращено вверх (52, *5*).

В поселении Маяк II встречены предметы, которые в значительное мере лишь условно можно причислить к образцам искусства (рис. 52, *7*, *8*). Это фаланги животных со слегка подправленными эпифизами, поверхность которых покрыта нарезками или мелкими ямчатыми углублениями, расположенными в определенном ритме. Одна из них крупная (10,5 см), массивная. Ямки, покрывающие ее среднюю часть по всей окружности, расположены в шахматном порядке (рис. 52, *8*).

Вторая фаланга, размером 6 см, орнаментирована по всей длине (кроме участка, прилегающего к эпифизу) короткими одинарными, сдвоенными или строенными нарезками. Вся поверхность предмета очень сильно заглажена (рис. 52, *7*). Возможно, обе фигурки заменяли скульптуру.

Особое место среди предметов с орнаментом занимают навершия. Строгая повторяемость формы, частое совпадение величины (преимущественно 5—6 см), широкое территориальное распространение заставляют включить в эту категорию и навершия, лишенные орнамента (рис. 61).

Всего на Кольском п-ве в настоящее время, вместе с фрагментами, наверший из мыльного камня насчитывается около 10. По форме они округлые, овальные, подчетырехугольные, достаточно массивны. Поверхность и края их тщательно зашлифованы, иногда одна сторона в большей или меньшей степени выпуклая. Преобладают орнаментированные по краям всего периметра, иногда ему придана зубчатая форма. В средней части всегда просверлено отверстие. Орнамент на плоской поверхности со-

стоит из концентрических кругов, вписанных друг в друга и повторяющих окружность предмета. Иногда добавлено несколько параллельных линий.

Подобные предметы встречаются нечасто и только в поселениях эпохи раннего металла. Помимо Кольского п-ва они известны в Финляндии и Норвегии. Наличие крупных отверстий, расположенных в центре предметов, указывает на то, что они надевались на палку. Судя по тщательности отделки и орнаментации, редкой встречаемости (как правило, их единицы на поселениях), очевидно, они являлись символом особой значимости человека, возможно, украшали посох вождя или шамана.

В коллекции Маяк II встречаются разнообразные украшения: специально сделанные подвески, в отдельных случаях с орнаментом, янтарные пронизки, пуговицы с V-образным отверстием, а также зубы животных (преимущественно лося) с прорезанными или просверленными отверстиями в корневой части. Помимо того, присутствуют и пластины из резцов бобра, в одном случае — челюсть. Судя по аналогии с Оленеостровским могильником, челюсти также носили только избранные, вероятно в качестве амулетов (рис. 62, *1—5, 7—9*).

Заканчивая описание объемных произведений изобразительного искусства Кольского п-ва, попытаемся сделать некоторые обобщения.

Во всех случаях в скульптуре отражены образы реально существующей действительности и особенности древней экономики: звери — источник существования людей и сами люди. Среди животных наиболее популярными являлись крупные — как наиболее существенные источники пищи и потому заслуживающие особого уважения (лось, белый медведь) и в несколько меньшей степени хищники — обладатели пушистого, теплого меха. Очевидно, большое внимание уделялось и четвероногому помощнику человека — собаке. Значительно реже изображался человек, что, вероятно, было связано с верованиями.

Существенной особенностью скульптуры следует считать манеру изображать не целый объект, а лишь его наиболее существенную часть — голову. Целые животные изображались редко — очень обобщенно. Полного, законченно выполненного человеческого изображения не встречено. Особое внимание уделялось моделированию лицевой части людей и деталям морды животного, которые позволяли безошибочно выделить его из прочих зверей. Так, у лося подчеркивался горбоносый профиль и отвислая нижняя губа, иногда серьга, у белого медведя — круглая, несколько удлиненная морда и маленькие уши, у собаки — характерный силуэт, у хищника — вытянутая, слегка приплюснутая морда с рядом острых зубов и длинная шерсть. Различна порода птиц — с длинным узким носом, типа хищной, и голова утки с широким приплюснутым носом.

Очевидно, манера передачи в скульптуре лишь части субъекта, его головы с выделением типических черт, являлась древней художественной традицией, своего рода установившимся каноном, от которого редко отступали древние резчики. В то же время каждый из них проявлял и некоторые индивидуальные черты, но, видимо, лишь в рамках общих законов.

Традиция частичного оформления образа зверей и человека была характерна не только для обитателей Кольского п-ва, но и значительно шире. Она известна начиная с раннего неолита и прослеживается до эпохи раннего металла включительно. Так, широко известны великолепные головы лосей из Оленеостровского могильника Онежского озера, где из 7 случаев лишь раз показано тело животного, и то очень примитивно (Гурина, 1956). Прекрасны образцы из поселения Швянтойи и Сарнате. В ряде латвийских стоянок встречаются ножи, стержни, кинжалы, ковши, рукоятки которых украшены головами животных и птиц, и наоборот, очень редко показаны животные и птицы полностью, при этом несовершенно. То же относится к скульптуре людей и антропоморфных существ, хотя передача людей полностью с корпусом все же встречается значительно чаще (Гурина, 1956; Лозе, 1969, 1979; Загорскис, 1983; Чернявский, 1967; Микляев, 1967; Фосс, 1952).

При изучении древней истории народов, естественно, возникает стремление проникнуть в тайну понимания ими окружающего мира, выяснить степень развития умственных способностей, положительных знаний и степень понимания прекрасного. Однако источников для изучения этих явлений оказывается явно недостаточно, поскольку археология имеет дело с безмолвными свидетелями прошлого. Понимание их невозможно без привлечения этнографического материала, поскольку этнографы имеют объяснения творцов этих произведений, с помощью которых оживают и наши источники.

Наиболее ценным при изучении искусства древних племен являются наблюдения, сделанные у народов, находящихся в одинаковых природных условиях, со сходными типами хозяйства, стоящих примерно на уровне неолитической эпохи. Таким источником являются некоторые народы Сибири, еще недавно отсталые в культурном отношении. И здесь нельзя обойтись без капитальных, богатейших по материалу и глубине мыслей монографий С. В. Иванова (Иванов, 1954, 1979, 1963).

Для понимания сущности изобразительного искусства и связи его с верованиями, в нашем регионе могут быть привлечены следующие источники: объемные художественные произведения — круглая и плоская скульптура, орнамент на костяных и каменных изделиях, наскальные изображения и погребения.

Очевидно, вопрос о синкретичности искусства в первобытном обществе благодаря огромному количеству этнографических исследований не является дискуссионным. С. В. Иванов среди объемных художественных предметов алтайцев, хакасов и сибирских татар указывает три категории: бытовые предметы, игрушки и предметы религиозного назначения, — отмечая, что многочисленнее, разнообразнее и ярче бесспорно является последняя категория. Указания этнографов об огромной роли скульптуры в верованиях дают известные основания рассматривать и нашу скульптуру с этих позиций.

Уместно заметить, что проблема миропонимания — самой сокровенной стороны древнего человеческого общества, которую археологи пытаются восстановить более чем по скудным источникам, — не так уже просто решается и этнографами. По этому поводу С. В. Иванов пишет: «Сложным и во многом запутанным является вопрос о семантике скульптуры, ее роли и значении в общественной жизни народов, мы сталкиваемся здесь с различными объяснениями образов и культовых действий, в связи с которыми изготовлялись изображения» (Иванов, 1979, с. 6).

Анализируя скульптуру алтайцев, хакасов и сибирских татар, он отмечает, что у большинства их образцы искусства из дерева и кости, связанные с религиозными представлениями, изготовлялись мужчинами, тогда как мягкая скульптура, вышивки и аппликации по коже — женщинами. Изображения, связанные с охраной детей и домашнего очага, делались женщинами, антропоморфные же изображения духов охоты — мужчинами. При этом абсолютное большинство скульптуры являлось антропоморфными изображениями и чрезвычайно редко встречались зооморфные, причем они изготовлялись преимущественно из такого материала, как тесто (телеуты), хлебный мякиш и глина (алтай-кижи), и служили «жертвенными животными». В отдельных случаях головами животных украшали домашнюю утварь (например, крюки для подвешивания бытовых предметов у алтай-кижи).

Антропоморфные, преимущественно мужские, фигуры воплощали в себе предков, эти изображения, по мнению шорцев, способствовали успеху охоты. «Главное место здесь занимали фигуры мужчин. Иногда изготовляли и изображения их жен. По-видимому, это были антропоморфизированные хозяева природы — тайги и гор, отдельных горных хребтов — охотничьи духи» (Иванов, 1979, с. 22). И далее: «Скульптура была тесно связана с хозяйственными заботами населения, его общественными институтами, обрядами и верованиями» (Иванов, 1979, с. 152).

«Нередко скульптурные произведения включались в те или иные действия человека или коллектива. Олицетворенные в них персонажи как бы принимали участие в этих действиях, „помогали“ людям... С изображениями разговаривали, их „кормили“... Все это говорит о том, что в так называемых духах люди видели существа своего рода, наделенные сознанием и „плотью“, поскольку они требовали пищи, испытывали голод и т. д. Семейные покровители — предки, думали алтайцы, также не оставались безучастными к своим потомкам. Они якобы присутствовали в доме, образуя „большую семью“, и при надлежащем с ними обращении оказывали людям свое покровительство и помощь. Вот почему от поколения к поколению создавались изображения умерших членов семьи и их присоединяли к ранее изготовленным фигурам. Живые должны были заботиться о своих предках, а последние о потомках» (Иванов, 1979, с. 152).

Те немногие антропоморфные изображения, которые встречены в поселении Маяк II, представляют мужские старческие лица, и потому, возможно, они также символизировали предков, с которыми были связаны навсегда скрытые от нас верования и обряды. Однако небольшое количество этих образцов и разная их трактовка говорят об отсутствии отчетливо выраженных традиций и о том, что эта сторона верований, очевидно, не была еще сильно развита и находилась в стадии становления.

Этнографические материалы указывают, что такое верование, как культ предков, оформляется не сразу, проходит определенный исторический путь развития, передаваясь из поколения в поколение, видоизменяясь.

Источники, которыми мы располагаем, сохраняют, как нам кажется, следы более древней формы верований, нежели культ предков, — анимизма. Основные объемные художественные произведения, встреченные в памятниках Кольского п-ва, представлены многочисленными и весьма совершенными скульптурами животных. Они указывают на древние, хорошо устоявшиеся традиции. Есть основания полагать, что наиболее часто встречающаяся скульптура лося и белого медведя может рассматриваться не только как своего рода фотография, фиксирующая окружавшую человека природу, но и как нечто большее, на что указывает и многократное повторение образа лося в скульптуре древних племен других территорий, о чем мы говорили выше.

Так, начиная уже с ранней фазы неолита, очевидно в известной мере вследствие важного значения охоты на лося, он являлся излюбленным сюжетом. В значительной мере это относится и к медведю (в данном случае, на Кольском п-ве, к белому, в Карелии — к бурому). Если лось, по свидетельству этнографии, являлся «хозяином» леса, то белый медведь мог воплощать в себе могущество моря. Вероятно, не раз человеку приходилось вступать с ним в смертельную схватку, о чем свидетельствуют кости медведя на поселении Маяк II. Так отразилась в искусстве северных племен новая форма экономики — морской промысел. Верования, связанные с морской охотой, которая стала глав-

нейшей отраслью хозяйства у обитателей морского побережья в эпоху раннего металла, воплотились и в других образах, в частности в изображении морского животного нерпы. Об особом отношении к этому зверю свидетельствует его захоронение на Маяке, о чем мы говорили выше.

Рассматривая образцы искусства с позиций связи их с верованиями, как отражение фантастических представлений, нельзя вместе с тем не видеть и вторую их сторону — как путь к познанию реального мира, накоплению через посредство искусства положительных знаний и развитие эстетических восприятий этого реального мира. Все объемные образцы художественных произведений древних племен полуострова свидетельствуют об умении художника видеть и замечать основные особенности различных зверей, синтезировать их и обобщать в конкретных образах. Некоторые из скульптур бесспорно указывают на даровитость их исполнителей. В целом это искусство можно назвать реалистическим, хотя, по всей вероятности, создаваемые художником реально существовавшие образы и наделялись фантастическим содержанием. Вместе с тем было бы неверным отрицать у древних племен наличие эстетических потребностей, которые они воплощали в скульптуре и орнаменте.

Не отрицая того, что, вероятно, и в эпоху неолита племена Кольского п-ва создавали круглую и плоскую скульптуру, все же следует думать, что в эпоху раннего металла она была совершеннее и ярче.

Важную информацию о характере мышления и степени развития искусства древных племен Кольского п-ва дают наскальные изображения Чалмн-Варрэ (среднее течение р. Поной) (рис. 63).

При попытке расшифровки смыслового значения наскальных изображений нашего региона и оценке его как источника к познанию мировосприятия его творцов необходимо обратить внимание на топографию рисунков — на древнем острове, сложенном из огромных каменных глыб, возвышающихся над низкой плоской равниной с блуждающей по ней р. Поной. Этот мыс обозреваем с обширного пространства, лишенного сколько-нибудь удобного для жизни участка. Возвышаясь над окружающей местностью, остров мог служить отличным стратегическим пунктом для охотников, предоставляя им прекрасную возможность далеко видеть добычу и в то же время скрываться за огромными камнями. Не исключено, что отсюда производилась массовая охота на оленей при переправе их через реку.

Рамки данной книги не позволяют остановиться на этом памятнике подробно, более полные сведения о нем содержатся в специальных статьях (Gurina, 1976, Гурина, 1979).

Рисунки выбиты на 6 изолированных камнях, расположенных на берегу Поноя, занимая два различных уровня. Первая группа — два камня (1, 2) лежат в пойме реки и в настоящее время «выходят» из-под воды не ранее начала июля. Вторая группа камней (3—6) находится на краю древнего коренного берега и не затапливается паводками. Размер камней от 3 до 7 м^2. Они плоские или уплощенные, гранитные. В тех случаях, когда порода мелкозернистая, — изображения четкие, на крупнозернистом граните (камень 3, 6) — изображения часто улавливаются с трудом. Все рисунки углублены не более чем на 0,5 см, выбиты точечной ретушью (пикетажем). Изображения всегда сплошные, не контурные, животные показаны в профиль, люди — в фас, полностью повернуты к зрителю. Размер рисунков варьирует в пределах 10—45 см. В ряде случаев он обусловлен определенным содержанием — стремлением отличить телят от взрослых особей. Количество рисунков на камнях от двух (к. 3) до 60 (к. 5). За исключением камня 5, функционировавшего длительное время, фигуры не перекрывают друг друга, размещаясь на свободном пространстве.

В соответствии с высотным положением и стилем рисунки объединяются в две хронологически разные группы. В первую входят камни 1 и 2 (лежащие в пойме), во вторую — 3—6 — на коренном берегу. Весьма заметны различия в их стиле: в первой группе камней изображения более реалистические, объемные, животные показаны силуэтом, с двумя ногами (одной передней и одной задней); на камнях второй группы изображения более сухие, иногда выполненные только широкими линиями, животные имеют 4 ноги, очевидно самые поздние изображения (в середине камня 5) очень схематичны.

Среди наиболее ранних изображений (к. 1, 2), относящихся, очевидно, к самому концу неолита—началу бронзы, встречаются олени и люди; среди более поздних, датируемых по-видимому, уже эпохой железа, — помимо того, антропоморфные существа, змея и символ солнца (рис. 63). На камне 1 два человеческих изображения показаны в позе адорации, с воздетыми к небу руками и согнутыми в пляске ногами, один из них в трехрогом головном уборе, второй — очевидно, с подвязанным хвостом. В обоих случаях ноги пляшущих людей наступают на ноги оленей, как бы задерживая их. Поза людей, их атрибуция, господствующее положение по отношению к животным позволяют считать создание ранних наскальных рисунков с магической целью, с их помощью «шаманы» своими действиями пытались обеспечить успех промысла.

Эту же цель — увеличение количества оленей, основной пищи древнего обитателя приполярной таежной зоны, — по всей вероятности, преследуют и поздние наскальные изображения (к. 3—6), сложные и запутанные, в ряде случаев перекрывающие друг друга и тем затрудняющие их дешифров-

ку. По-видимому, и здесь основной заботой создателей рисунков было увеличение числа оленей. Так, на камне 4 показаны два оленя, идущие друг за другом, причем голова второго оленя почти соприкасается с задней частью первого, очевидно, сцена передает время гона. На камне 5 показан отел оленя — под сильно увеличенным животом крупного животного, перпендикулярно ему выбит олененок. Присутствие здесь знака солнца указывает на время года — весну. Очень вероятно, что в качестве магической сцены следует рассматривать и трехпалое антропоморфное существо с ромбической головой, расширенная нижняя часть которого соприкасается с верхней частью какой-то трехпалой крылатой фигуры. Знаменательно, что вплотную, почти соприкасаясь с ней, помещен олененок. Не исключено, что объяснению этой сцены может послужить процесс камлания шамана, его «полет» на верхнее небо с целью добычи промысловых животных, известный в прошлом у народов Сибири.

Возможно, как магический следует понимать и «девичий хоровод» на камне 5, где фигуры (в частности, женские) показаны в плящущей позе.

Особого внимания заслуживают повторяющиеся сцены, где маленькие оленята показаны между ног женщин с подчеркнуто увеличенными животами. Мотивы браков женщин с оленями и рождения от этих браков оленей, фигурирующие в сказках и легендах саамов (Чарнолуский, 1965, 1972; Пация, 1980), по всей вероятности, имеют глубокие корни и не исключено, что являются отголоском тотемических верований, отраженных и в наскальных изображениях. Учитывая относительно поздний возраст второй группы рисунков, возможно допустить, что отдельные сцены носили повествовательный характер и были связаны с какими-то древними преданиями.

Говоря об определенном хронологическом разрыве между двумя группами рисунков, мы все же не в праве очень сильно раздвигать его рамки. Против этого свидетельствует небольшая разница в высоте залегания камней, их близкое расположение друг к другу, одинаковая техника нанесения рисунков, а также сходство в стиле, однако при несомненном различии в деталях. Во второй группе можно видеть обогащение и усложнение тематики, показ зверей не со сдвоенными, а раздельно поставленными четырьмя ногами. В более поздних рисунках нельзя не видеть преемственности в трактовке животного в целом и деталях (его головы, корпуса, хвоста). Очевидно, в передаче образа животных сохранились в искусстве старые традиции, связанные с верованиями, и все же наскальное искусство претерпело известную эволюцию и, очевидно, как и в других регионах, стало более схематичным, утратило прежний реализм. Это отразилось в рисунках оленей даже в пределах поздней группы — олени, выбитые по краям камня 5 (откуда начиналось заполнение полотна), очень реалистичны; в средней же части камня (где они нанесены явно позже, перекрывая более ранние изображения) выполнены значительно схематичнее — просто отрезками прямых линий.

По технике выполнения и стилю наскальные рисунки первой группы ближе всего стоят к петроглифам Карелии, в особенности к онежским (Равдоникас, 1936, 1938; Линевский, 1939; Савватеев, 1970) и южношведским, более поздние — к северонорвежским. В целом же они включаются в круг монументального изобразительного искусства лесных охотничьих племен, обладая вместе с тем яркими самобытными чертами.

Могильник и отдельные погребения Кольского п-ва помогают приблизиться к пониманию древними людьми загробного мира. Прежде всего, очевидно, существовало представление о трехчастности мира — верхнем, среднем и нижнем. Захоронение в земле порождалось сознанием процесса переселения в нижний мир, притом что последний находился «за водой» — на берегу моря или реки. Представление о нахождении царства мертвых «за водой» возникло на Севере очень рано и продержалось там до средневековья и даже позже (Тиандер, 1906, с. 1—16). Это представление отражает Оленеостровские могильники Баренцева моря и Онежского озера. Остальные захоронения Кольского п-ва также расположены на берегу моря или рек. Существенны в этом плане и некоторые погребения Оленеостровского могильника, совершенные в деревянных колодах — очевидно, лодках и просмоленных шкурах овальной формы, возможно, кожаных лодках или имитирующих их.

По всей вероятности, сущность потустороннего мира воспринималась весьма материалистически — умерший не превращался в некое бесплотное эфемерное существо. Состав инвентаря, сопровождавшего погребения в Оленеостровском могильнике, предусматривал все для жизни: готовые орудия (охоты, рыболовства и морского промысла), орудия для изготовления орудий и обработки кожи, кости и дерева, бытовые предметы (иглы, игольники, гребни, украшения, атрибуты культа), сырье для производства орудий и керамики. Все это свидетельствует о том, что в сознании людей мир мертвых был вполне реальным — умершие испытывали те же потребности, что и живые.

Мы не отказываемся от ранее высказанного истолкования лабиринтов как магических сооружений, связанных с рыболовством (Гурина, 1947а, 1947б, 1948, 1953б), поскольку все они приурочены к морю. В одном из лабиринтов в бухте Варзина найден позвонок кита, обработанный человеком (рис. 64Г).

СВЯЗИ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА С НАСЕЛЕНИЕМ СОСЕДНИХ ТЕРРИТОРИЙ

Общие и особенные черты культуры

Для понимания процесса развития культуры народов большое значение имеет представление о степени его близости с соседними народами или значительной изоляции. В первом случае, благодаря обмену техническими достижениями и идеями, процесс идет ускоренными темпами, во втором — замедленными. Для археологов раскрытие сущности этого процесса возможно через посредство установления общих элементов культуры. В зависимости от их количества определяется степень близости отношений и выявляется, в частности, родство племен. Однако далеко не всегда с полным основанием можно определить причинную связь явлений: порождены ли они длительными дружескими связями, этнической близостью, инновацией извне, в результате прихода нового населения или конвергенцией, обусловленной часто сходством экологической обстановки, в особенности в областях с экстремальными условиями, таких как арктическая зона. Поэтому не всегда с полной уверенностью можно ответить на этот вопрос, хотя сходные элементы культуры и выявляются очень отчетливо. Применительно к Кольскому п-ву мы касались этого в отдельных статьях (Gurina, 1981, Гурина, 1986а).

Обратимся к конкретному окружению нашего региона. Ближайшими к нему являются: современная Архангельская и Вологодская области, республика Коми, Карелия, Финляндия и Северная Норвегия. В этих пределах степень сходства между культурами племен различна.

Сравнение каменной индустрии Кольского п-ва с каменной индустрией восточных областей показывает ее различие. В первом случае основным поделочным материалом служили кварц и сланец, во втором — кремень. Из кварца и сланца изготовлялись весьма специфические типы орудий, не характерные для востока. Весьма своеобразной является и керамика Кольского п-ва, не имеющая достаточных аналогий в указанных областях. Вместе с тем заметны и некоторые черты, заставляющие усматривать весьма дружеские связи обеих областей. Так, обращают внимание некоторые сходные мотивы орнамента на керамике — ямки, «нанизанные» на оттиски гребенки, в результате чего образованы прямые или зигзагообразные линии, ромбы с ямками в середине или по углам. Такие мотивы распространены в древнем комплексе Маяк II, в стоянках типа Ружникова (Лузгин, 1973) и на Мезени (Стоколос, 1977).

Начиная с неолита и еще в большей степени в эпоху раннего металла на Кольском п-ве встречаются орудия и отщепы из беломорского кремня светлых тонов. Более того, в разные периоды орудия Кольского п-ва полностью повторяют беломорские формы: «северный вариант» сейминских наконечников, иволистные наконечники беломорского типа, иногда с пильчатой ретушью и др. Очевидно, это свидетельство обмена не только сырьем, но и готовой продукцией. При этом количество импортных изделий на Кольском п-ве колеблется в разные периоды, но в целом оно прямо пропорционально расстоянию, разделяющему оба региона, — в южном их значительно больше, нежели в северном. Возможно, что эквивалентом кремню при обмене служил сланец. Показателен в этом плане «клад» стандартных полуфабрикатов — сланцевых заготовок топоров на поселении Мыс Семерка II.

В процессе изложения источников отмечалось, что в эпоху неолита в южных и центральных районах нашего региона встречается ямочно-гребенчатая керамика, по мотивам орнамента близкая карельской. Однако это сходство почти не простирается на север и восток полуострова. Некоторые общие черты прослеживаются и в орудиях, например в угловых ножах и отдельных типах сланцевых наконечников стрел, сплошь зашлифованных. В этих случаях, по-видимому, следует усматривать обратную связь — влияние северных соседей на карельские племена.

В эпоху раннего металла воздействие карельской культуры проявляется в керамике с примесью асбеста — плоскодонных, горшковидных сосудах с загнутым внутрь краем, орнаментированных тонким гребенчатым штампом, создающим сплошной узор из вертикальных зигзагов, — однако ареал ее также ограничен южным и частично центральным районами полуострова. При этом существенно, что это не массовый материал, а лишь отдельные сосуды. Что же касается орудий, то сходство здесь в большой мере предопределено и оригинальным свойством сырья, породившего такие характерные типы, как кварцевые скобели-струги, кварцевые и песчаниковые пилы. В то же время на Кольском п-ве не встречается такого обилия тщательно изготовленных крупных и более мелких рубящих сланцевых орудий стандартной формы: топоров и кирок русско-карельского типа, мелких желобчатых тесел и правильного огранения стамесок. Наши сланцевые орудия изготовлены более небрежно, желобчатые встречаются как редкое исключение.

По-видимому, сходные черты культуры населения Кольского п-ва и Карелии следует объяснять тесным общением, не исключая и инфильтрации карельских племен. Однако вряд ли есть основания усматривать в этом массовое переселение.

Количество общих черт особенно заметно при сопоставлении индустрии и керамики Кольского п-ва и Северной Норвегии и, в меньшей мере, Северной Финляндии. Существенно при этом, что речь идет не о банальных вещах, таких, например, как наконечники стрел листовидной формы, а часто о редких, очень оригинальных — оформлении отдельных деталей орудий, т. е. о предметах, не несущих функциональной нагрузки (Гурина, 1986). Однако указывая на тождество ряда элементов культуры, следует отметить и большое своеобразие их в нашем регионе.

В главе «Мезолит» отмечалось сходство ряда орудий (наконечники стрел, трапеции) с мезолитическими орудиями Северной Норвегии — комсокультурой (Simonsen, 1961, fig. 14 a—h, 19 b—d, 20 b—h, 22, 24; Odner, 1966). Неолитическая эпоха является еще более богатым источником для суждений в этом плане, поскольку она помимо орудий содержит еще и керамику — этот наиболее выразительный этнокультурный индикатор. Общие элементы прослеживаются в оригинальной орнаментации керамики: мелкие овалы, образованные оттисками шнура, намотанного на конец стержня, овалы со своеобразным «сетчатым» дном, особая манера использования прямого штампа — «качающаяся». Еще более показательна близость на уровне мотивов. Среди них, как и в нашей керамике, встречаются ямки, связанные между собой короткими оттисками гребенки или веревочки, образующие горизонтальные или вертикальные зигзаги и производную от них — косую сетку, своеобразный мотив в виде горизонтальной линии, образованной вертикально и горизонтально (поочередно) поставленными «челночками» (выполненными шнуром, намотанным на стержень).

Тождественна и орнаментация керамики эпохи раннего металла: параллельные прочерченные линии и косая сетка. Особенно показательна общность технических приемов при изготовлении сосудов — наращивание нескольких слоев глины. Выразительно сходство в орудиях и предметах быта — наконечниках стрел и копий, в ножах — и в особенности в оформлении костяных орудий. Сходны рыболовные крючки, гарпуны с нарезками в тыльной части (Simonsen, 1961, fig. 93 g, h, 95 a—c), грузила с продольным желобком для привязывания, выполненным точечной ретушью (Simonsen, 1961, fig. 34 b). Наконец, очень показательна общность стиля орнаментации костяных орудий. Одинаковы и отдельные бытовые предметы, при этом весьма своеобразные, такие, например, как гребни различного назначения, с украшением и без него, а также оригинальные тождественные предметы неясного назначения (Simonsen, 1961, fig. 142 a, r, 154 n). Вместе с тем в обоих регионах много своеобразного в орудиях труда, бытовых предметах и искусстве. В Норвегии встречаются иные, чем наши, сплошь зашлифованные наконечники стрел и копий, кинжалы, рукояти которых украшены головами животных, костяные составные рыболовные крючки, иная форма гарпунов и некоторых рубящих орудий. В целом отличается и орнаментация керамики (Simonsen, 1963, fig. 9—12). Общие признаки, прослеженные на протяжении всех эпох, свидетельствуют не только о тесном контакте соседних племен, но, очевидно, и о их родственных связях.

В более слабой степени проявляется культурная общность с Финляндией, возможно еще и потому, что там не найдена масса костяных орудий, в которых ярче выражается своеобразие. Все же сходны некоторые орудия и орнаментация керамики северной части страны.

Насколько далеко распространялись связи древних племен полуострова, свидетельствуют янтарные изделия — пронизки и пуговицы с V-образным отверстием и пронизки, очевидно доставленные из Восточной Прибалтики. О связи с южными прибалтийскими племенами говорят и находки в бухте Б. Песконец (Gurina, 1981, Гурина, 1986а), где, как мы указывали, крупные орудия (кинжал, наконечник копья и тесло) изготовлены из кремня, визуально определяемого как западный. Тесло указывает, по-видимому, на связь с культурой шнуровой керамики; при этом вряд ли можно предполагать проникновение из Финляндии, где существовала культура киукайнен (Meinander, 1954а, б), поскольку там также пользовались привозным кремнем.

Исключительная оригинальность материала погребения не позволяет высказать окончательного суждения, можно допустить лишь предположение о проникновении вещей из Швеции. В этом случае группа людей (будь то обитатели Кольского п-ва или Швеции), скорее всего, могла проникнуть водным путем из Ботнического залива по р. Кемийоки, затем по Нотте или Лотте (притоках р. Туломы) и далее через Тулому в Баренцево море. Даже в том случае, если эти вещи попали через посредников, трудно допустить, чтобы они достигли восточной окраины полуострова по суше, поскольку здесь она прорезана реками, текущими в меридиональном направлении, и участками непроходимой болотистой тундры.

Судя по тому, что крупные кремневые орудия (тем более шлифованные) вообще не встречаются на Кольском п-ве, вряд ли можно допустить способность местных жителей изготовить столь совершенные орудия. Скорее следует думать, что они попали сюда в готовом виде. Наконечник копья и кинжал, так же как и сланцевые орудия, не были еще в употреблении, в то время как тесло использовалось довольно интенсивно.

Таким образом, в пределах обширного региона — Карелии, Финляндии, Норвегии и Кольского п-ва улавливается сходство, в большей мере обусловленное природными факторами, порождаю-

щими сходные черты культуры. Такие общие элементы обычно объединяют обширные, но в основном соседние территории, при этом количество сходных черт, определяющих степень близости, относительно стабильно, но все же меняется в соответствии с эпохами.

Среди признаков сходства между указанными областями следует назвать особое сырье для изготовления орудий — кварц, кварцит, сланец, песчаник, роговик, гранит, реже горный хрусталь и халцедон. В целом количество использованного кремня было невелико — употреблялся или местный, в виде небольших галек, или привозной. Совершенно ясно, что кварцевые скребки количеством в сотни раз превосходят кремневые. В целом применение кремня было очень незначительным (за исключением отдельных памятников), при этом скребки, будучи изготовленными из различной формы отщепов, не создают серии устойчивых типов.

Характер сырья в большей мере предопределил и технику изготовления орудий, неизвестную в других регионах. Из специфических способов обработки укажем на широкое использование точечной ретуши, пиление, шлифование. Последнее применялось не только к крупным рубящим орудиям, но и к наконечникам стрел, копий, кинжалам, ножам, предметам искусства. Обилие использованного кварца и его структурные особенности вызвали к жизни и надолго удержали своеобразную обработку приемом резцового скола, который использовался не только в резцах, но и для оформления наконечников стрел и скребков. Благодаря рациональному приему подтески, широкое распространение получили специфические орудия — скобели-струги.

Общими являются и некоторые типы сланцевых наконечников стрел с выемками на черешке, угловые ножи, сланцевые и шиферные составные рыболовные крючки. Прослеживаются общие черты в изготовлении керамики эпохи раннего металла — применение асбеста в качестве отощителя и сходство орнаментации.

Внутри этого региона выступают и известные различия. Выделяются южная и северная части. В первую включается Карелия и Финляндия, во вторую — Кольский п-ов и Норвегия. В известной мере это обусловлено экологическими различиями, поскольку первая располагается в таежной, а вторая — частично в тундровой зоне. Наиболее отчетливо единство выступает в эпоху мезолита; во всем регионе прослеживаются две основные культуры: суомусярви — на юге и комсакультура — на севере. На этом общем фоне заметны и некоторые особенности. В Норвегии известна также культура фосна, в южной Карелии и западной части Кольского п-ва (Шуонийоки, Колосйоки) фиксируется небольшое количество инородного материала — кремневые и кремнистого сланца скребки на конце ножевидных пластин, постсвидерские наконечники стрел, конические нуклеусы.

В эпоху неолита, очевидно вследствие усложнения этногенетического процесса, различия между югом и севером значительно усиливаются. В раннем неолите в Карелии и Финляндии существовала [illegible] сперрингс, в развитом в Карелии — карельская. Более сложной в этнокультурном отношении [illegible]а Финляндия, где фиксируется несколько культур (Карпелан, 1982).

[illegible] Кольском п-ве в неолитическую эпоху наблюдается известное своеобразие. Здесь отсутствует [illegible]пов, характерных для Карелии и Финляндии, такие как топоры типа рованиеми, русско-[illegible]ские топоры и кирки, круммайзели, желобчатые тесла, редко встречаются сверленые каменные [illegible]а, неизвестны четырехугольные полуземляночные жилища. В то же время широко применяются [illegible] категории и типы орудий: скребла из песчаниковых, окатанных морем галек, обработанные по [illegible] (по всему периметру), по всей или почти по всей плоскости. Использовалось много своеобраз-[illegible] наконечников стрел, разных типов скобелей-стругов, ножи нескольких типов (сланцевые двусторонне ретушированные или сплошь шлифованные, нередко с боковыми выемками в тыльной части). Помимо грузил, оплетавшихся шнуром и берестой, применялись окатанные морем четырехугольные гальки с выемками по краям и овальные гальки с желобками по длинной оси.

Весьма ощутимы различия и в керамике. На Кольском п-ве в раннем неолите встречаются сосуды, имеющие близкие черты с сосудами типа сперрингс и сярязниеми, но отнюдь не тождественные им. В качестве примеси вместо песка часто использовался мелкозернистый дробленый кварц, края сосудов прямые не утолщенные, технология 2- и 3-слойная, срез края плоский, почти всегда без орнамента. Чрезвычайно оригинальным признаком следует считать плоские днища ряда сосудов. Своеобразная орнаментация не повторяет орнаментацию сосудов других территорий, скорее всего, ее можно охарактеризовать как гребенчато-ямочно-накольчатую, притом что очень широко используются оригинальные орнаментиры, веревочные отпечатки в виде «челночков» и в особенности «тесемочный» узор (близкий ему известен только в Северной Норвегии и Северной Финляндии). Существенно, что он встречается во всех частях Кольского п-ва.

Количественное соотношение категорий орудий, орнаментальных композиций и ансамбли вещей в целом на наших памятниках различны. Встречаются поселения, где керамика со сложным и с более простым орнаментом, что является, очевидно, отражением этнографических особенностей. В целом же ярко выраженное своеобразие материальной культуры Кольского п-ва уже с эпохи неолита позволяет говорить об особой кольской археологической культуре, которая не потеряла своей специфики и

в эпоху раннего металла. По-видимому, в определенной мере возникновению оригинальных особенностей культуры способствовали целостность территории и некоторая изоляция — полуостровное ее положение.

В эпоху раннего металла, очевидно в связи с усложнением этнического процесса в рассматриваемой этнокультурной области, наблюдается большая мозаичность культур. Наряду с гибридными, постепенно слагаются оригинальные; вместе с тем расширяющиеся связи препятствуют их полной изоляции и порождают отдельные общие черты.

В этот период для Карелии и Финляндии характерна «классическая» асбестовая керамика, текстильная и керамика другого облика, что было обусловлено контактами с западными и восточными, а также с южными соседями (Карпелан, 1982).

На Кольском п-ве эпоха раннего металла имела специфические особенности культуры, хотя некоторые черты и сближали ее с культурами соседних территорий. Как указывалось, «классическая» асбестовая керамика здесь встречается в южной и центральной частях, и то лишь в виде отдельных фрагментов.

Пока еще данные для расчленения эпохи раннего металла на различные хронологические этапы весьма ограничены. Однако несмотря на то что разнородный материал встречается вместе, не разделенный стерильной прослойкой, можно посредством «чистых» комплексов, хотя и небольших стоянок, произвести (до некоторой степени в предварительном плане) членение материала. По-видимому, наиболее ранней является относительно тонкостенная желтая керамика, внешняя и внутренняя поверхность которой покрыта мелкими расчесами. Орнамент на ней или отсутствует, или образован отпечатками очень тонкого гребенчатого штампа. Количество такой керамики очень незначительно, но встречается почти во всех поселениях. Выделить сопровождающие ее орудия довольно затруднительно, но вычленение такой керамики как наиболее древней для эпохи раннего металла — эпохи бронзы, по-видимому, правомерно. Среди стоянок с «чистым» комплексом наиболее выразительна Тумча (южная часть Кольского п-ва), где встречена только керамика с расчесами вместе с бронзовыми предметами и каплями бронзы (Гурина, 1963). Близки к этому и материалы рекогносцировочных раскопок В. Я. Шумкина на стоянке Женихов порог на р. Поной.

По-видимому, более поздним этапом (но также в пределах бронзы) датируются и основные материалы, представленные на рассмотренных поселениях, — сосуды, украшенные фризами из коротких наколов, ямчатыми вдавлениями, прочерченными линиями или сеткой, датируемые в пределах II тысячелетия до н. э. Очевидно, именно с этой керамикой следует связывать весь основной каменный, костяной инвентарь и литейные формы, поскольку штрихованной керамики на поселении Маяк, Маяк II и Мыс Семерка II насчитывается буквально единицы.

По-видимому, к более позднему периоду относятся темные, неорнаментированные сосуды, также с прямым краем и с плоским или округлым дном. Однако в настоящее время с полным правом нельзя еще относить всю неорнаментированную керамику к одному позднему этапу. Возможно, из ее числа несколько более древними будут толстостенные сосуды, слепленные из 2-х—3-х слоев глины, сходные по технологии с неолитическими; более же поздними, уже периода железа, — неорнаментированные сосуды относительно сильного обжига, иногда со слегка утолщенным краем.

В период раннего металла резче выступают различия между индустрией северного и южного районов, вызванные уже сложившимся своеобразием хозяйственного уклада — зверобойного промысла и морского рыболовства — в приморско-тундровой зоне, озерного рыболовства и охоты — в таежной, в то время как керамика тождественна.

Существенным является определение хронологических границ культуры, прослеживается ли ее последовательное развитие или, наоборот, резкое изменение? В особенности это важно для переходного периода от неолита к раннему металлу.

Помимо известных различий в орудиях и керамике, порожденных внутренним развитием культуры каждой эпохи, выступают и яркие черты сходства, заставляющие усматривать генетическую преемственность между эпохами. Так, довольно часто наблюдается расположение поселений эпохи раннего металла на месте неолитических, при этом ни в одном случае не разделенных стерильной прослойкой. В настоящее время памятники, содержащие только «чистые» комплексы эпохи раннего металла, единичны (Дроздовка-пристань, Варзина 6), во всех же других случаях наблюдается в большей или меньшей степени планиграфическое несовпадение хронологически разновременных комплексов.

Генетическую преемственность между эпохами подчеркивают значительное число своеобразных сланцевых сплошь зашлифованных наконечников стрел особого северного типа с выемками в основании или по обеим сторонам черешка, в ряде случаев с уплощенным черешком, большое число кварцевых скобелей-стругов, некоторые типы своеобразных угловых сланцевых ножей и ножей с черешком, составные рыболовные крючки, а также кремневые наконечники стрел небольших размеров, ромбической формы. Мало изменяются и крупные рубящие орудия, по-прежнему отсутствуют топоры

правильного огранения, желобчатые тесла. Все это говорит об общности индустрии эпохи раннего металла и неолитической.

Несколько труднее проследить преемственность керамики, что характерно и для ряда других территорий. На сосудах эпохи раннего металла сокращается орнаментальное поле, они украшены только фризами. Однако в самом орнаменте все же прослеживается известная преемственность — повторяются некоторые мотивы: параллельные горизонтальные линии, только в неолите они выполнены оттисками гребенчатого штампа. То же можно сказать и об узоре в виде косой сетки. Выразительна связь в формовке сосудов, но исчезают своеобразные штампы, столь характерные для неолита.

Таким образом, факты свидетельствуют в пользу генетической преемственности эпохи раннего металла от неолитической. Из неолита в более поздний период переходит целый ряд типов орудий, и сохраняется немало общих черт в керамике. Все это дает основание считать, что кольская культура, зародившаяся в неолите, продолжалась и в эпоху раннего металла. Происходило лишь естественное поступательное развитие материальной и духовной культуры, а также системы хозяйства. Данные, которые свидетельствовали бы о смене населения в эпоху раннего металла и появлении новых, до того неизвестных традиций, отсутствуют.

Суммируя сказанное, можно прийти к следующему заключению. В эпоху каменного века и раннего металла в Северо-Западной Европе выделяется обширный регион, в который входят Карелия, Финляндия, Северная Норвегия и Кольский п-ов. Население его было связано общими элементами материальной и духовной культуры. При этом наибольшее сходство проявлялось внутри экологически близких зон: таежной — Карелия и Финляндия и тундровой — Северная Норвегия и Кольский п-ов. В целом этот значительный массив, очевидно, соответствовал этнокультурной области, куда входил ряд родственных культур.

Пользуясь положением, выдвинутым Н. Н. Чебоксаровым (Чебоксаров, 1964), о многоступенчатости общностей и образным определением величины общностей, которое дал академик Ю. В. Бромлей: «от двух человек до всего человечества» (Бромлей, 1973, с. 10), можно заключить, что оба понятия — этнокультурная область и культура (тоже этнокультурная общность) — представляли различные уровни связи человеческих коллективов. Чем территориально шире была эта общность, тем меньше наблюдалось сходства внутри ее, и наоборот — чем ограниченней территориально, тем более единой была ее материальная и духовная культура. Иными словами близость общности была обратно пропорциональна ее величине. В нашем случае это осмысляется следующим образом. В пределах этнокультурной области (Карелия, Финляндия, Северная Норвегия и Кольский п-в) улавливается сходство, в большой мере обусловленное природными факторами. Значительно больше общих элементов культуры прослеживается между памятниками Кольского п-ва (на соответствующих этапах), отражающих более мелкую и потому более монолитную общность людей. При этом сходство наблюдается в таких элементах культуры, которые могли быть порождены только частым общением людей, глубинными традициями, в силу чего они являются надежным этнокультурным индикатором. Таковы, например, типы орудий, технология изготовления керамики, особенности ее орнаментации, а также характер искусства.

Наконец, еще выразительнее близость внутри отдельных памятников, вместе с тем отличающихся в деталях друг от друга. Очевидно, это в известной степени этнографические особенности, сформировавшиеся внутри малых человеческих коллективов (поселков), объединенных постоянными хозяйственными связями и близким родством. В таких коллективах ярче могли проявиться, с одной стороны, традиции, с другой — индивидуальные способности, в частности в деталях оформления орудий, орнаментации керамики и в искусстве.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Из всех периодов древней истории Кольского п-ва наиболее слабо изученной остается эпоха раннего средневековья, до сих пор не ставшая предметом специальных исследований. А между тем отсутствие сведений об этом важном звене общей цепи исторического процесса очень остро ощущается при решении проблемы происхождения саамов. Многолетние археологические исследования, проведенные в указанном регионе, давшие огромный информативный материал, позволяют осветить развитие древней культуры населения со времени появления его на рассматриваемой территории (конец VII—VI тыс. до н. э.) до эпохи раннего металла включительно (начало I в. до н. э.).

О последующих периодах сохранились лишь скудные сведения о существовании на южном, терском, берегу в XII веке «терской лопи». В связи с этим приобретают большую ценность первые архео-

логические источники по раннему средневековью, полученные экспедициями ЛОИА в 1969, 1979 гг.[24] и 1983 г.[25].

На южном побережье Кольского п-ва, в районе с. Кузомень, против деревни, на левом берегу Варзуги, между цепью дюн, вытянутых вдоль берега, были обнаружены остатки средневекового могильника. Погребения оказались развеянными, вещи и отдельные человеческие кости обнажены, хотя и залегали отдельными локальными группами, в расстоянии 5—7 м одна от другой. Зафиксировано не менее 7 таких скоплений, что позволило определить приблизительную площадь могильника (Гурина, 1981).

На некоторых костях черепа сохранились следы окиси бронзы, очевидно от височных колец. Среди находок встретились железные, бронзовые и стеклянные вещи. Среди первых — крупная цепь от котла (4 звена длиной 52 см), наконечник копья, круглая фибула, остатки расслоившегося крупного предмета (котла или сковороды).

Большинство вещей, сопровождавших захоронения, изготовлены из бронзы, в их числе несколько фибул, в частности лировидная и подковообразная (без четырехугольных шипов, типичных для этих изделий). Из числа зооморфных изображений — «шумящая» подвеска в форме уточки с подвесными лапками (в петле уточки сохранился тонкий ремешок, на котором она была подвешена); «прорезной гусек» приладожского типа, поздний вариант так называемых «подвесок-всадниц», сильно стилизованных. Вторая подвеска является русским вариантом подвесок, изображающих «четвероногого конька с закрытой пастью». Встречены связки мелких бронзовых пронизок, нанизанных на ремешок, и бронзовое колечко. Все перечисленные украшения на основании аналогичных находок в соответствующих слоях Новгорода датируются в пределах довольно узкого отрезка времени — XI—XII вв. Эту дату подтверждает и монета XII в. (рис. 65).

Среди прочих вещей встречены: бронзовая ручка от котла, фрагменты массивного разложившегося железного предмета, несколько массивных свинцовых грибовидных предметов и трехчленная буса светло-зеленого прозрачного стекла.

В основании одной из дюн, вблизи погребения, были найдены остатки сложенного из сильно обгорелых камней очага, залегающие в контурах интенсивного углистого слоя, и здесь же фрагмент толстостенного лепного сосуда с прикипевшим внутри металлом, свидетельствующим о том, что в сосуде плавили бронзу (явление, известное по ряду других памятников смежных территорий).

Очевидно, к этому же и более позднему времени относятся остатки жилых сооружений, известные в различных частях побережья: в бухтах Красная, Вящина, Харловка и Нерпичья Губа. Они представляли собой округлые, редко четырехугольные каменные окольцовки диаметром 3 м и более (размер камней 25—30 см), с небольшими каменными очагами в центре и выходом, обращенным в сторону моря. По-видимому, фигуры, выложенные камнями, повторяли форму основания жилища, поскольку они укрепляли нижнюю часть покрытия (вероятно, шкуры).

Жилище типа чума (саамский кувас) сохранилось на Кольском п-ве до начала XX столетия. В настоящее время оно употребляется как кратковременное жилище на покосе, во время рыбной ловли (рис. 66). Показательно, насколько долго живут рациональные формы орудий и жилищ, в особенности приспособленные для экстремальных условий Севера. Большой интерес в этом плане представляют остатки жилых сооружений на палеолитической стоянке Студеное на р. Чикой (Западное Забайкалье), исследованной Л. В. Семиной.

При рекогносцировочных раскопках, проведенных нами в Нерпичьей Губе II, Харловке и тоне Вящина, обнаружены небольшой кремневый наконечник стрелы листовидной формы, костяные острия, керамика и кости ластоногих. В свете недавно существовавших жилищ саамов становятся более понятны и остатки каменных кладок, исследованных нами на Маяке II. Саамские вежи четырехугольной формы обкладывались по контуру (выше деревянных венцов) крупными камнями. Камни набрасывались и на крышу (Чарнолуский, 1972).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ САМОВ

При изучении древних человеческих общностей естественна попытка решения вопроса связи их с современными этническими образованиями. Однако для ответа на этот вопрос требуется ряд благоприятных факторов, которыми не всегда располагают исследователи.

---

[24] Начальник экспедиции Н. Н. Гурина.

[25] Начальник экспедиции О. В. Овсянников.

По мнению этнографов, сложение той или иной этнической общности (т. е. формирование ее антропологических, лингвистических и этнографических особенностей) является длительным историческим процессом. Этнос представляется многокомпонентным, многоступенчатым образованием. Этногенез является процессом, протекавшим на основе развития производительных сил и производственных отношений (Этногенез народов Севера, 1980, с. 3, 4).

Формирование этноса происходит в результате многогранного процесса, в котором помимо дивергентного развития значительную роль играют инфильтрация населения или крупные передвижения извне, связь с инокультурными или иноэтническими соседями. Эти положения применимы не только к современным народам, но и к древним общностям, поскольку процесс формирования этноса является, как указывалось, весьма длительным.

Археологические материалы свидетельствуют, что этногенетический процесс уже с эпохи неолита был достаточно сложным, на что указывает мозаичность археологических культур, их пространственное изменение и смена. В последующие этапы все эти процессы проходили более быстрым темпом, в значительной мере за счет усилившейся инфильтрации, перемещения племен и расширения межплеменных связей.

Считается общепризнанным, что раскрытие процесса формирования этнических общностей может быть лишь в результате коллективных исследований этнографов, лингвистов, антропологов и археологов-историков. Каждая из этих отраслей науки обладает суммой собственных познаний и методов. При этом чем большим количеством фактов располагает она, чем объективнее и тщательнее проведены исследования, тем выводы будут ближе к истине. Выявление сущности процесса этногенеза может быть наиболее надежным при условии совпадения синтеза указанных наук. Однако, к сожалению, это случается нечасто, и тогда требуются дополнительные изыскания в пределах каждой науки. Нам кажется, что отказ от выводов, полученных на основе фактов специалистом той или иной отрасли науки, под влиянием выводов других наук далеко не всегда продуктивен.

В настоящей книге мы изложили факты, касающиеся развития культуры древнего населения Кольского п-ва. Выводы эти основаны на археологических, физически обозримых фактах и потому обладают достаточной достоверностью. Исходя из источников, в настоящее время можно судить о древнем населении Кольского п-ва с момента его проникновения до эпохи раннего металла включительно, т. е. до рубежа н. э. и, в некоторой степени, до начала I тысячелетия н. э., а также, что очень существенно, о непрерывном развитии его культуры. Эти материалы могут быть использованы этнографами, лингвистами и антропологами как объективные факты, с которыми нельзя не считаться. При этом следует учитывать экологическую обстановку и данные геологии, не фиксирующие в этом регионе каких-либо природных катастрофических явлений, которые могли бы заставить население покинуть его. При такой ситуации, помня о многоступенчатости и многокомпонентности этногенетического процесса, нельзя отказать древнему населению Кольского п-ва в большом участии при формировании этногенеза аборигенов — саамов.

К сожалению, не все периоды мы можем осветить достаточно подробно. О первом тысячелетии до н. э. и первом тысячелетии н. э. археологические источники пока ограничены. Не очень обширен материал и II—начала I тысячелетия до н. э., и все же для этих периодов известны отдельные памятники. К ним относятся Оленеостровский могильник, Екатерининские стоянки и комплексы ряда поселений (Маяк II, Мыс Семерка и др.), содержащие гладкостенную керамику, некоторые железные предметы и печь по выплавке железа. Важные материалы получены в последнее время на стоянке Сев. Салма, на побережье Ловозера (Шаяхметова, 1990), где более поздние находки — I тысячелетие н. э. — залегали над материалами эпохи раннего металла, не будучи разделенными стерильной прослойкой. Среди них ряд железных предметов, в том числе грубо сделанные топоры, ножи с глазчатым орнаментом, рыболовные крючки, а также гладкостенная и со своеобразным узором керамика. Напомним, что материалы, аналогичные раннему комплексу этого памятника, широко представлены на соседнем поселении Мыс Семерка II. В то же время там встречались и более поздние предметы: железный рыболовный крючок, железоплавильная печь, железный шлак и поздняя гладкостенная керамика. Можно полагать, что комплекс Сев. Салмы, относящийся к первым векам н. э., генетически связан с предшествующим. Таким образом, восстанавливается еще одно звено общей цепи развития культуры древнего населения полуострова, а следовательно, и этногенеза его аборигенов.

Мы располагаем не очень обширными материалами, относящимися к началу II тысячелетия н. э., однако известно несколько памятников этого времени — остатки могильника XII в. на р. Варзуге, близ пос. Кузомень и многочисленные следы оснований жилищ — каменные окольцовки. Одна из них датирована XII в. н. э.

Могильные памятники на р. Варзуге, судя по украшениям и бытовым предметам, аналогичным приладожским, новгородским и ярославским, очевидно, принадлежали финноязычному населению, но крайняя ограниченность источников не позволяет пока сделать необходимых уточнений. Все же можно высказать предположение, что это население не было широко распространено на территории

Кольского п-ва. Устье Варзуги — крупной реки, впадающей в Белое море, исключительно богатой ценной рыбой (семгой), — могло являться своего рода оазисом, где поселились выходцы из более южных районов, не распространяясь далее на север. В то же время каменные выкладки — следы легких наземных жилищ, — широко известные в особенности по северному побережью, очевидно, принадлежали аборигенам. В пользу этого свидетельствует ряд фактов. Так, каменные выкладки округлой и четырехугольной формы встречались, как известно, на поселении Маяк II. Округлые кольца, часто из довольно крупных камней, также с очагами в центре, костяными орудиями, кремневым наконечником стрелы исследовались нами в бухте Нерпичья Губа II, где такие жилища образовывали небольшой поселок. Наконец, остатки более крупного поселка и погребения, но уже относящиеся к более позднему времени, найдены в бухтах Круглая и Дворовая. Все эти памятники датируются не ранее средневековья.

Таким образом, глубокая традиция в домостроительстве прослеживается начиная, вероятно, с неолита до позднего средневековья. Каменные выкладки окружали и погребения Оленеостровского могильника и саамские могилы XX века.

Неблагоприятным обстоятельством для решения проблемы происхождения саамов является отсутствие достаточных этнографических и антропологических данных, отражающих ранний период их истории. Несомненно интересные работы, произведенные учеными указанных дисциплин (Лукьянченко 1971, 1981; Гохман 1978; Гохман, Лукьянченко, Хартанович, 1978), касаются весьма позднего периода — второй половины XX века, когда произошла уже сильная ассимиляция местного населения. Такая ситуация лишает возможности произвести более обоснованные сопоставления данных археологии с данными этнографии и антропологии.

Как уже указывалось, большое значение для изучения этногенетического процесса имеет установление существующих контактов исследуемой общности с населением смежных и более далеких территорий. На этом вопросе мы уже останавливались в специальной главе. Напомним лишь, что на протяжении всей древней истории население Кольского п-ва имело ряд общих элементов культуры с населением Карелии, Финляндии и Норвегии, при этом они были дифференцированными. Наибольшая близость с Карелией отмечалась лишь в южной части полуострова, население же всего северного побережья и в большой мере центра было наиболее близко племенам Северной Норвегии. Здесь этнографические детали, проявляющиеся в ряде элементов культуры, не несущих большой функциональной нагрузки, но вместе с тем весьма устойчивых, очевидно указывают на этническое родство населения этих двух регионов. Прослеживается и сходство в типах хозяйства — зверобойном промысле.

Археологические материалы, начиная с эпохи неолита, фиксируют и дружественные, вероятно обменные, связи с юго-восточными племенами, заселявшими современные Архангельскую и Вологодскую области, республику Коми. Однако отчетливо выраженная общность материала здесь отсутствует, что заметно на материале с устья р. Мезени (Гаврилова, 1982; Стоколос, 1977, 1978). Совсем не прослеживаются связи с древним населением Прикамья и Приуралья.

Мы специально затронули этот вопрос, чтобы подчеркнуть несостоятельность утверждения о наличии единой циркумполярной культуры (Graebner, 1911; Bogoraz, 1929; Flor, 1930); вместе с тем эти материалы, по-видимому, не подтверждают и точку зрения тех лингвистов, которые считают, что некогда в высоких широтах Заполярья и Приполярья существовал уральско-языковый субстрат, а следовательно, и население, которому он принадлежал. Это население, судя по древнеуральскому языковому влиянию, должно было принять участие в этногенезе саамов, ненцев, нганасан и юкагиров (Симченко, 1980, с. 13). Однако, как можно было видеть, различие в материальной и духовной культуре древнего населения Кольского п-ва и Приуралья прослеживается на протяжении всей древней истории начиная с мезолита.

Генетическая преемственность древнего населения определяется непрерывностью культурных традиций. Изменение, произошедшее в культуре, — исчезновение старых и появление новых традиций — может объясняться различными причинами. Археологически отражает миграцию появление на какой-либо территории новой культуры, чуждой предшествующей. При этом в ряде случаев удается определить ее исходную территорию, а также уловить самостоятельное бытование (некоторое время) со старой материальной культурой. Частичное появление новых элементов культуры на фоне старых традиций может указывать на постепенное, закономерное развитие местной культуры или культурные взаимодействия с другим населением, порожденные экзогамией или обменом продуктами. Несомненно, что каждое культурное влияние оказывает определенное воздействие и на язык.

Поскольку саамы помимо России проживают еще на территории трех государств — Финляндии, Швеции и Норвегии, значительный интерес представляют для нас изыскания ученых северо-западных стран, в особенности если учесть прочные связи этих племен с древним населением Кольского п-ва.

Принято считать, что по антропологическому типу, материальной и духовной культуре, языку саамы представляют собой особую этнокультурную общность, хотя и не однородную. Даже язык их не является единым, вследствие чего его нередко рассматривают как языковую общность, распадающуюся на диалекты. Все это свидетельствует о сложности процесса образования народности и ее языка. Ряд лингвистов считают, что пралопарский язык берет свое начало, так же как и прибалтийско-финский язык-основа, от общего исходного языка — раннего прибалтийско-финского праязыка. Его разделение произошло после того, как древнее прибалтийско-финское население вошло в контакт с племенами, говорившими на балтийских языках, однако это могло произойти и несколько позднее, на рубеже н. э. Х. А. Моора считал, что продвижение культуры шнуровой керамики было связано с продвижением балтийских племен (Моора, 1956). В финском языке насчитывается 60 балтийских заимствований, а в саамском 20 (Itkonen, 1961, с. 10).

Проблеме этногенеза саамов, прежде всего в связи с историей древнего населения Финляндии, посвятил ряд статей К. Карпелан (Карпелан, 1979, 1982). Его выводы базируются в основном на археологическом материале. Синтезировать их можно следующим образом.

В процессе становления саамов выделяется 5 последовательных стадий: 1 — протосаамский период — мезолит, ранний неолит, который не идентифицирован в языковом отношении (7000—3000 лет до н. э.); 2 — предсаамский период, во время которого население с культурой типичной гребенчатой керамики, говорившее на древнем прибалтийско-финском праязыке, ассимилируется с первоначальным населением, причем прибалтийско-финский праязык побеждает. В конце этой стадии происходит разделение на протоприбалтийско-финскую и протосаамскую общности, в результате территориальных различий, возникших под внешним воздействием (культура шнуровой керамики, скандинавская и восточноевропейская бронза): 3000—1000 лет до н. э.; 3 — прасаамский период, в течение которого прасаамская общность распространяется до максимальных границ своего расселения, от северной части Ладоги до Руяны и от Белого моря до Южной и Западной Финляндии, в обход области Кёл (пограничье Северной Швеции и Норвегии), занимая таким образом всю территорию, на которой встречается вся саамская топонимия: начинают появляться различия между отдельными группами (1000 лет до н. э.—300 лет н. э.); 4 — раннесаамский период, в течение которого развивается зависимость от крестьянского хозяйства соседних территорий, что ведет к коренным экономическим, политическим и социальным переменам (300—1200 гг. н. э.); 5 — саамский период, в котором на основании предыдущей стадии формируется исторически известная нам саамская общность (Карпелан, 1979, 1982, с. 47).

В средние века область саамов на Юго-Востоке была столь же обширной, как и в I тысячелетии до н. э. Затем в результате ассимиляции территория их сократилась за счет Карелии и части Финляндии. «Оставшееся саамское население — современные саамы, из которых большая часть проживает на территории Швеции, Северной Норвегии, а остальные в финской Лапландии и СССР, — ведет свое происхождение, таким образом, от того населения, которое после ледникового периода пришло в Скандинавию с юга и которое в ранний железный век в Финляндии и Карелии „осаамилось“ под воздействием исконных протосаамов» (Карпелан, 1982, с. 47).

Существенно также мнение указанного автора, что с начала I тысячелетия до н. э. определился процесс становления финнов и саамов. В результате влияния из Средней России ареал восточной культуры в Финляндии расширился. Контакты (обменные) достигли самого побережья Ботнического залива и далее шли за море до Южной Швеции. В это время асбестовая керамика распространилась по всей Северной Финляндии, где жило изначальное субстратное население, языка которого мы не знаем (Baudou, 1977, с. 125—145). «Создавшееся положение можно истолковать только как то, что волна влияния, шедшая из древних районов протосаамского населения в Финляндии и Карелии, вызвала превращение Северной Фенноскандии в I тысячелетии до н. э. в страну саамов» (Карпелан, 1982, с. 45).

Таким образом, К. Карпелан рассматривает этногенез саамов как длительный и сложный процесс, истоки которого лежат в местной культуре. Точки зрения о происхождении саамской общности на основе развития местных культур придерживаются и некоторые финские лингвисты.

Как следует из изложенного археологического материала, на Кольском п-ве прослеживается генетическая преемственность элементов культуры от мезолита до эпохи металла включительно (начало I тысячелетия н. э.). Это дает основание для утверждения о продолжении ранее выработанных традиций, т. е. о развитии единой культуры, что свидетельствует, в свою очередь, о стабильности и непрерывном развитии определенной человеческой общности, которую, по-видимому, можно считать протосаамской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные в книге материалы можно резюмировать следующим образом.

К началу работ экспедиции ЛОИА (1946 г.)[26] на Кольском п-ве были известны лишь единичные археологические памятники, относящиеся к различным эпохам: на Рыбачьем п-ве 12 пунктов мезолита — арктического палеолита, исследованные Б. Ф. Земляковым, 9 неолитических стоянок на оз. Пинозере, раскопанных Г. И. Горецким, Оленеостровский могильник и несколько стоянок, частично исследованных А. В. Шмидтом, и 3 лабиринта. Указанные материалы, будучи очень ограниченными и разрозненными, естественно, не могли дать достаточной информации для создания сколько-нибудь целостной картины древней истории Кольского п-ва.

В результате сплошного обследования морского побережья и частично внутренней территории полуострова к настоящему времени обнаружено свыше 400 памятников разных эпох: стоянки и поселения эпохи мезолита, неолита и раннего металла, раннего средневековья, могильники и отдельные погребения, лабиринты и наскальные изображения. Они имеют различную информативность. Многие подверглись исчерпывающим раскопкам (некоторые на площади, приближающейся к 1500 м^2). Огромные материалы, добытые в процессе раскопок, наблюдения, произведенные в поле, и послужили источником для данной книги.

В общих чертах основные этапы развития культуры древнего населения этого региона Заполярья представляются в следующем виде.

Впервые территория Кольского п-ва была заселена в мезолите («арктическом палеолите»), очевидно, не ранее конца VII—начала VI тысячелетия до н. э. Количество таких памятников приближается к 80. Поскольку наиболее ранние из них фиксируются на Рыбачьем п-ве и прилегающей к нему западной части побережья, при этом обладают наиболее архаическими чертами, постольку есть основание полагать, что пионеры этого заселения проникли с северо-запада — Северной Норвегии и Северной Финляндии. Причиной этому послужило то обстоятельство, что северо-западная часть полуострова раньше других поднялась из-под воды и стала доступной для жизни людей. Несколько позже, в развитом мезолите, в связи с изменением ландшафта и приростом населения, люди продвинулись на юг, в район р. Шуонийоки, а затем по побережью на восток и еще позже на юг, поскольку к этому времени оформился бассейн Белого моря. По-видимому, во всяком случае для южной части полуострова, можно говорить об инфильтрации мезолитического населения с юга — вероятно, из Карелии.

На Кольском п-ве, так же как в Норвегии и Финляндии, устанавливается общая зависимость расположения археологических памятников от высоты террас над уровнем моря. Древние стоянки лежат на высоких террасах (до 90 м), более молодые — на низких. Площадь мезолитических стоянок, в особенности более ранних, очень мала, культурный слой прерывистый. Поскольку вначале они располагались в основном непосредственно на морском побережье — на бечевнике, — нередко артефакты оказываются не прикрытыми почвой. Однако тщательная топография находок, произведенная в поле, позволила в ряде случаев оконтурить размеры поселений и выявить концентрацию находок, в частности расположение их по кругу, соответствующее, очевидно, контурам наземных жилищ типа чумов.

На более позднем этапе мезолита люди освоили речные террасы. Площадь стоянок и количество находок на них становится больше, что свидетельствует о возросшей численности коллективов.

На протяжении всего мезолита орудия изготовлялись из местных пород камня — кварца, кварцита, горного хрусталя и очень редко — кремня, который, по-видимому, находили в виде мелких речных галек. Существенно, что сланцевые породы почти не использовались. Применение массового количества сланца четко ограничивает мезолит от неолита. Только в районах выходов окремнелого сланца — Шуонийоки — встречаются изделия из него: отличающиеся от кварцевых наконечники стрел постсвидерского типа, удлиненной формы, с ретушированным острием и тонким черешком, конические нуклеусы, крупные сланцевые отщепы. На левом берегу реки обнаружена мастерская по первичной обработке нуклеусов.

Наиболее распространенным техническим приемом были резцовый скол и нерегулярная ретушь, преобладающей категорией орудий — резцы, реже скребки и скобели-струги (скребки с подтеской лезвия). Довольно многочисленны наконечники стрел, мелкие, иногда микролитические, преимущественно кварцевые и из горного хрусталя, реже кремневые, с ретушированными черешком и одним краем пера. Нередко острие и черешок наконечника, а также тыльная часть скребка обработаны вместо ретуши резцовым сколом. Встречаются трапеции. Серийность наконечников и скребков позволила нам разработать их типологию.

---

[26] Начальник экспедиции Н. Н. Гурина.

Крупные орудия, преимущественно из кварцита, архаической формы, изготовлялись из массивных отщепов, в позднем мезолите сланцевых, частично обработанных сколами. Для позднего мезолита характерна ярко выраженная микролитоидность орудий, в особенности наконечников стрел, скребков и резцов. Иногда величина их равняется 1—1,5 см. Органические остатки не сохранились. Малая площадь стоянок, прерывистый, тонкий культурный слой указывают на малочисленность и подвижность человеческих коллективов, а жесткая приуроченность стоянок к морскому побережью свидетельствует о занятии рыболовством. Очевидно, люди широко использовали и «дары моря» в виде рыбы и морских зверей, «обсохших» во время отлива в литоральной зоне. По типам орудий мезолит Кольского п-ва, очевидно с некоторыми специфическими особенностями, являлся одним из вариантов культуры комсо (Гурина, 1971а).

Неолитическая эпоха генетически связана с мезолитом, о чем свидетельствует преемственность орудий. Произошедшие изменения проявились прежде всего в более широком освоении полуострова. Практически была освоена вся пригодная дли жизни территория — устья крупных и более мелких рек, удобные участки побережья озер и моря. Как правило, поселения размещаются на более низких, чем мезолитические стоянки, береговых террасах, чаще всего ниже 20 м над уровнем моря. Увеличивается размер поселений, становится относительно мощным культурный слой, указывающий на большую оседлость. Существенным является широкое использование нового материала для изготовления орудий — сланца. Структура этой породы камня вызвала значительные изменения в технике изготовления, а следовательно, в категориях и типах орудий. Новое выразилось в применении точечной (пикетажной) ретуши, шлифовании, пилении. Появились новые категории орудий — угловые ножи, рыболовные крючки, шлифованные и сплошь ретушированные наконечники стрел и копий, пилы, крупные рубящие орудия — топоры, тесла, долота и стамески. В свою очередь, изготовление крупных рубящих орудий сделало возможным строительство лодок, сооружений для ловли рыбы и сухопутного зверя, усовершенствовало домостроительство. С начала неолитической эпохи и в течение всего раннего металла сланец, наряду с кварцем, остается главнейшим сырьевым материалом.

Заметные изменения происходят и в технике изготовления орудий. Господствует двусторонняя обработка, вырабатывается симметричность, чему способствуют применение пиления, шлифование и регулярная ретушь. Орудия становятся более крупными и разнообразными, что указывает на дифференцированную охоту и усовершенствование быта. Наряду с разнообразными наконечниками стрел появляются крупные наконечники копий и дротиков.

Помимо строгой приуроченности поселений к водным бассейнам, и в частности к наиболее богатым рыбой, о рыболовстве как основном занятии свидетельствуют грузила и сланцевые составные рыболовные крючки. Фиксируется занятие морским промыслом.

Важным нововведением в неолите является керамика. На основе высотных данных, датировок радиокарбоновым методом и типологии для неолита Кольского п-ва удалось выделить 3 хронологических периода — ранний, развитой и поздний. Ранний период датируется временем в интервале 5560±80—4690±70 л. т. н., т. е. 1-я половина IV—1-я половина III тысячелетия до н. э. [27]. Помимо того, имеется и более древняя датировка — 5760±160 л. т. н.

Эталонными памятниками раннего и развитого неолита являются: Чаваньга I — на южном побережье, Нерпичья Губа I, Усть-Дроздовка — на северном побережье и Цага I — в центральной части, на побережье Ловозера. Все они содержат чистые комплексы (за исключением Усть-Дроздовки, где поздний материал четко локализован).

Высота террасы Чаваньга I — 23 м над уровнем моря. В материале для изготовления орудий сланец еще не господствует. Здесь много орудий из терского красноватого песчаника, в том числе скребки из круглых, окатанных морем галек, ретушированные по всему периметру, крупные рубящие орудия. Наряду с двусторонней обработкой встречаются архаические формы — с частичной ретушью (наконечники стрел). Однако преобладают новые типы и категории орудий — двусторонне обработанные, пришлифованные, значительно более крупного размера, в особенности по сравнению с поздним мезолитом.

Впервые появляются сосуды из глины с примесью песка и дресвы, изготовленные оригинальной двухслойной техникой лепки, очень толстостенные (до 1,2 см), с прямым краем, обжиг относительно сильный (цвет желтый). Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, он образован оттисками разнообразного, преимущественно длинного, гребенчатого штампа или шнура, намотанного на стержень, и прямых линий, прочерченных с периодическим нажимом. Изредка применены ямки. Отпечатки гребенки, шнура или прочерченных линий образуют узор в виде горизонтальных или вертикальных, близко поставленных, параллельных друг другу зигзагов, разделенных редкими рядами ямок. Иногда внешняя поверхность сосудов окрашена охрой. В некоторой степени по тесту и

---

[27] По «калибровочным» данным, уточняющим абсолютный возраст дат С-14, указанный период соответствует 1-й половине V—середине IV тысячелетия до н. э. — *Ред.*

орнаментации эти сосуды близки сосудам сперрингс, но сильно модифицированы. В них отсутствуют, в частности, такие характерные для сперрингс детали орнамента, как «перевитая колючая проволока», нанесенная рыбьими позвонками, штамп в виде римской цифры I, имитация корзиночного плетения. Вместе с тем в этой группе поселений есть орнамент — горизонтальные зигзаги из оттисков шнура, особые отпечатки, близкие орнаменту сосудов сярязниеми I Северной Норвегии и Финляндии. Наконец, в наших сосудах немало своеобразного. Самой оригинальной чертой являются плоские днища у ряда сосудов — факт совершенно неизвестный для керамики лесного неолита. Плоские днища, диаметром 11 см, сплошь украшены таким же орнаментом, что и стенки. Они существуют рядом с остродонными сосудами. Фрагментарность не позволяет во всех случаях установить точную их форму, однако иногда удается реконструировать сосуды средней величины, с прямым краем и, по-видимому, низкие плоские миски. Очень важно, что такие плоские днища встречены также на северном побережье и в центральной части полуострова — Нерпичья губа, Маяк II, Ловозеро (Гурина, Кошечкин, 1978).

В развитом и позднем неолите появляются некоторые новые типы каменных орудий, видоизменяются сосуды, исчезают традиции керамики типа сперрингс, усиливаются самобытные черты, усложняется орнаментация — чаще используются оригинальные штампы. На позднем этапе неолита появляется органическая примесь в глиняном тесте сосудов. Узор нередко становится небрежным.

Ряд отчетливо выраженных и широко исследованных памятников позволили в настоящее время составить достаточно обоснованное представление и об эпохе раннего металла. Десятилетнее исследование было проведено в микрорайоне — Дроздовской Губе, — где открыто 30 древних памятников. Ряд их представляют «чистые» комплексы, другие содержат разновременные, но не разделенные стерильной прослойкой. Они датируются от мезолита до эпохи раннего средневековья. Особенно выделяется Маяк II (Гурина, 1984). В настоящее время раскопки его закончены. Вместе с непосредственно примыкающим к нему поселением Маяк, раскоп составил 1392 м^2.

Поселения эпохи раннего металла характеризуются значительно большей площадью и более мощным культурным слоем. В ряде случаев они располагаются на месте неолитических поселений. Детальная планиграфическая и поглубинная фиксация находок в поле и обработка данных в камеральных условиях позволили точно выявить границы обоих комплексов и вместе с тем уловить генетическую преемственность эпохи раннего металла от неолитической.

Основным сырьем, из которого изготовлялись орудия, по-прежнему оставались местные породы: сланец, кварц, горный хрусталь и галечный кремень. Однако расширившиеся межплеменные связи позволили чаще использовать привозной кремень, преимущественно из Беломорья. Были известны и полезные свойства металла, о чем свидетельствуют медный наконечник из Оленеостровского могильника и литейные формы для кельта и ножей на поселении Маяк II и Стрельня, а также льячки, шлаки и железоплавильная печь с поселений Ловозера. Однако металл был, по-видимому, редкостью и высоко ценился.

Увеличился, по сравнению с неолитическим, ассортимент орудий, в особенности многочисленными в это время становятся крупные сланцевые наконечники стрел и копий, изготовленные с помощью ретуши или шлифования. Появляются новые типы шлифованных наконечников, в том числе с черешком или желобком в основании.

Как свидетельствует Маяк II, где сохранились органические остатки, широкое распространение имели костяные орудия — наконечники стрел, копий, кинжалы. Очень часто применялись в качестве грузил, отбойников, ретушеров и молотов окатанные морем крупные гальки. Многочисленны и разнообразны рыболовные крючки и гарпуны. Существенно отметить, что среди последних несколько типов поворотных — более совершенных, нежели бородчатые простые гарпуны. На более южной территории поворотные гарпуны были известны лишь в ограниченных районах.

Достаточно многочисленна керамика. Сосуды довольно крупной величины (до 35 см в устье), темного цвета, средней силы обжига, толщина стенок 7—8 мм. Вместе с тем на некоторых поселениях, в частности на Маяке II, много сосудов, технология которых сохраняет неолитические традиции. Они толстостенные, вылеплены из двух слоев, причем первый слой используется как своего рода твердая основа. Толщина их достигает 1,5 см.

Сосуды эпохи раннего металла не профилированы, край их прямой, днища округлые и плоские. Орнамент в виде фризов занимает только верхнюю часть сосуда. Он неглубокий, выполнен нарезками и мелкими ямчатыми вдавлениями, образующими горизонтальные зоны или косую сетку. Прослеживается сходство с сосудами Норвегии и Финляндии.

Следует отметить обилие и разнообразие бытовых предметов — набор различной величины игл для шитья, игольники, иглы для плетения сетей, вязальные крючки, ложки, гребни с украшением, каменные лампы-жировики. Встречены крупные ребра моржа, служившие стругами для обработки шкур, и предмет, также изготовленный из ребра моржа, являвшийся, возможно, частью ручной нарты или лодки.

Огромное количество костей ластоногих, найденное на Екатерининских стоянках и Маяке II, свидетельствует о том, что основным типом хозяйства на побережье являлся морской промысел, имевший глубокие традиции, еще с эпохи мезолита. Расположение неолитических поселений на тех же местах, что и поселки раннего металла (Нерпичья Губа, Усть-Дроздовка, Маяк II), свидетельствует в пользу существования морского промысла в эпоху неолита. Вероятно, уже в то время и несомненно в эпоху раннего металла ластоногих били не только на лежбищах, но и в открытом море, на что указывают разнообразные поворотные гарпуны. Охотились на гренландского тюленя (преимущественно), моржа, нерпу, морского зайца, белого медведя. Использовали кости и мясо кита, но, вероятно, только тогда, когда выбрасывало его на берег. Судя по фаунистическим остаткам, значительную роль играла и сухопутная охота на лося, северного оленя, пушного зверя — лисицу, росомаху, бобра — и птицу, в особенности водоплавающую. Присутствуют кости рыб, в особенности много трески. Использовались в пищу моллюски. В материковой части полуострова основой хозяйства являлись рыболовство и охота на лесного зверя. Судя по изображению фигуры оленя, помещенной в загородке на одном из костяных предметов, есть основание усматривать в эпоху раннего металла зачатки оленеводства. Удалось установить различия в орудиях обеих групп населения, обусловленные экологическими различиями и типом хозяйства. В то же время тождественная керамика свидетельствует об их культурном единстве.

Исходя из ведущих отраслей хозяйства — рыболовства и морского промысла, требующих коллективной формы труда и согласованных действий, следует реконструировать социальную сущность общества как совместное владение средствами производства (лодками, сетями), а следовательно, и коллективное потребление его продуктов.

В древних памятниках Кольского п-ва встречается значительное количество предметов искусства. О степени развития его в неолитическую эпоху можно судить по орнаментации керамики. В ряде случаев узор сложногеометрический. В особенности же широкое развитие изобразительное искусство получает в эпоху раннего металла. Появляется много круглой и плоской скульптуры из кости, рога и камня. Расцвету скульптуры и орнамента благоприятствовало улучшение экономического положения и открытие свойств мыльного камня — мягкого, податливого для обработки материала, неизвестного в неолите. Важное значение имела и трудовая практика людей, способствовавшая развитию их интеллекта.

Помимо зооморфной скульптуры — оленя, лося, белого медведя, нерпы, хищных зверей, собаки и птиц — встречаются антропоморфные изображения, в основном старческие лица. Массовой становится резьба по кости, украшающая бытовые предметы и вооружение.

В целом нарезной орнамент можно назвать сложногеометрическим. Некоторые его мотивы сходны с северонорвежскими, другие совершенно самобытны. Уместно отметить, что среди образцов богатейшего искусства народов Сибири, так полно представленных в работах С. В. Иванова (Иванов, 1954, 1963), они не имеют аналогий, кроме простейших, повсюду распространенных мотивов параллельных линий и сетки. Встречен рисунок с повествовательным сюжетом — очевидно, рыболовные сооружения и олень в загоне.

Скульптура раннего металла Кольского п-ва по стилю относится к реалистической. Скупыми средствами художник умел подчеркнуть наиболее типичные черты изображаемого объекта. Поскольку первобытное искусство синкретично и тесно связано с верованиями, вероятно, и нашу скульптуру следует воспринимать как отражение определенного мировоззрения — анимизма и культа предков, а также эстетических потребностей, порожденных многовековыми традициями. Ряд скульптурок имеет в нижней части выступы для крепления в каких-то полых стержнях, другие — отверстия. Очевидно, последние предметы служили в качестве амулетов. Интересно культовое захоронение позвонков нерпы в специальном углублении, посыпанное охрой, на поселении Маяк.

Особо следует отметить значительное количество округлых или ромбических наверший из мыльного камня с отверстием, часто украшенных нарезным орнаментом или имеющих зубчатые края. На некоторых из них изображены солярные знаки.

В ста километрах севернее Северного полярного круга, на р. Поной открыты и исследованы наскальные рисунки, расположенные на шести изолированных камнях. По топографии (на пойме р. Поной и коренном, древнем его берегу) и стилю, по-видимому, первую часть их следует датировать концом неолита, вторую — эпохой раннего металла (Гурина, 1980).

Основными изображениями являются зооморфные (олени, лоси), в меньшей мере — антропоморфные. На ранних рисунках, расположенных на камнях в пойме, помимо отдельных фигур (очевидно, оленей, со сдвоенными передними и задними ногами) переданы и отдельные сцены — люди в трехрогих головных уборах, другие — с подвязанными хвостами. Их ноги всегда показаны поверх ног оленей. На более поздних камнях, лежащих на коренном берегу, с очень густо расположенными рисунками, также встречается очень много одиночных изображений оленей, уже с четырьмя ногами, но более схематичные. Показаны также змея, солнце и отдельные фантастические существа. Люди

переданы в ином стиле, они не изолированы, а, очевидно, являются частью определенного сюжета. Женщины переданы в момент пляски.

Пляшущие («камлающие») шаманы, задерживающие оленей, позы оленей, сцена рождения оленёнка, маленькие фигурки оленей, помещенные между ног женских изображений, заставляют связывать эти сцены с магическими представлениями и действиями, целью которых являлось стремление обеспечить размножение этих зверей. Вместе с тем есть образы более фантастические — человек на крылатой фигуре, «женский хоровод», одноногое антропоморфное существо с обрисованными деталями лица, держащее на привязи человеческую фигуру, — которые, возможно, являются изображениями каких-то мифических существ, сказочных персонажей.

На всем протяжении древней истории прослеживаются связи населения Кольского п-ва со своими соседями. При этом в силу сходства экстремальных условий на северном побережье они ощутимее с западными областями — Северной Норвегией и Северной Финляндией. В особенности это заметно в эпоху мезолита и раннего металла. Зафиксированы случаи связи обитателей северо-восточного побережья Кольского п-ва с племенами шнуровой керамики, очевидно Южной Швеции, через Ботнический залив (Gurina, 1981). Контакт с карельскими племенами сильнее заметен в южных и центральных районах (Ловозеро, р. Нива, побережье озер южной части полуострова). Далее на север и юго-восток они почти не прослеживаются. Связи же с восточными племенами южного побережья Белого моря, очевидно, были довольно тесными, поскольку на Кольский п-ов поступал беломорский кремень. Возможно, эквивалентом ему являлся сланец.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют, что, обладая самобытными чертами, проявляющимися в индустрии, керамике и искусстве, население Кольского п-ва с эпохи мезолита и в течение всего неолита и раннего металла имело тесные связи с соседними племенами Норвегии, Финляндии, Карелии и, очевидно, входило с ними в единую этнокультурную область, состоящую из суммы родственных культур. Однако очевидно уже сейчас, что, исходя из целостности территории (к тому же достаточно изолированной в географическом отношении) и ярко выраженных самобытных черт материальной и духовной культуры, есть основания говорить о самостоятельной кольской культуре, прослеживаемой, во всяком случае, в эпоху неолита и раннего металла. Неолитический материал поселения Маяк II, залегающий ниже комплекса эпохи раннего металла, демонстрирует генетическую преемственность последней от неолита. Это отражено не только в каменной индустрии, но в технологии и орнаментации керамики. Многочисленные даты, полученные радиокарбоновым методом для целого ряда поселений эпохи раннего металла, заставляют относить их ко II тысячелетию до н. э.[28]. Таким образом, подтвердилось отсутствие сильного хронологического разрыва между соответствующими этапами развития древних племен Кольского п-ва и племен лесной зоны.

За этот период удалось обнаружить 7 новых лабиринтов, расположенных в устьях рек: Умбы, Харловки, Вящины и Варзины, на небольшой высоте над уровнем моря, за первым береговым валом. В одном из лабиринтов на р. Варзине, под камнями найден позвонок молодого кита, обработанный человеком. Мы по-прежнему считаем каменные северные лабиринты отражением магических представлений древних рыболовов (Гурина, 1947а, б, в, 1948, 1953б).

В процессе полевых изысканий экспедицией были открыты и частично исследованы памятники раннего средневековья — могильник и поселение XII—XIV вв. на р. Варзуге и следы саамских жилищ XIV—XVII вв. в бухтах Вящина, Нерпичья Губа, Харловка, Круглая.

Особенно выразительными оказались остатки таких жилищ на древнем берегу бухты Нерпичья Губа. Это был небольшой поселок с чумами, стоящими в один ряд вдоль самого берега, неподалеку от речки. Сохранились камни (размером 40—50 см), слагающие круг диаметром 3—4 м, с выходом в сторону моря. В середине жилища располагался очаг, сложенный из камней, от которого тянулись две линии камней, оформляющих вход.

В рекогносцировочном раскопе в одной из таких каменных окольцовок найдены кремневый листовидный наконечник стрелы и два костяных острия. Очевидно, поселок состоял из чумов, покрытых шкурами, нижняя часть которых была прижата к земле камнями. В бухте Вящина в одном из аналогичных каменных колец, только меньшего диаметра, в очаге был найден обломок гладкостенного сосуда. Угли из очага, определенные с помощью метода C_{14}, датированы XIV в. н. э. Иногда, судя по каменной обкладке, жилища имели четырехугольную форму и были двухкамерными.

Рамки данной книги не позволяют остановиться на важной проблеме, которая естественно возникает при изучении древних памятников. С каким современным народом можно связать их? Поскольку мы не можем здесь развернуть всю систему доказательств (это особая тема), ограничимся лишь следующими замечаниями.

---

[28] С учетом калибровок С-14 самые ранние из них относятся ко времени не позднее начала III тысячелетия до н. э. — *Ред.*

Как важно было выявить, археологические памятники свидетельствуют о существовании населения на Кольском п-ве с эпохи мезолита до раннего средневековья и непрерывном поступательном развитии его культуры. Вместе с тем представители естественных наук не фиксируют катастрофических событий, которые заставили бы людей покинуть Кольский п-ов. Более того, если бы сюда и продвинулось население из других, более южных областей, то, попав в экстремальные условия Заполярья, исключительно трудные для жизни, они не могли бы поглотить аборигенов, скорее всего возник бы процесс взаимоассимиляции. Из сказанного вытекает, что следует согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые происхождение саамов связывают с древним местным населением (Карпелан, 1982).

Как следует из приведенной таблицы (приложение № 1, с. 138—139), 34 радиоуглеродные датировки лаборатории ЛОИА позволяют сделать вывод об отсутствии заметного хронологического разрыва между последовательными этапами развития древней культуры Кольского п-ва и соответствующими ступенями древней культуры более южной лесной зоны. Таблица иллюстрирует длительность функционирования памятников, однако, возможно, не всегда непрерывно, а с определенными интервалами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

СПИСОК РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ ИССЛЕДОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Время до н. э.	Наименование памятника	Абсолютный возраст	Лаборатория
2-я половина II тыс.	Олений остров	3000±50	ЛЕ-800
	Маяк	3330±40	ЛЕ-1496
	Маяк	3115±40	ЛЕ-1396
	Мыс Семерка II	3250±40	ЛЕ-1498
1-я половина II тыс.	Гагарье оз. 2а	3680±200	ЛЕ-1273
	Нерпичья Губа	3820±90	ЛЕ-1328
	Маяк	3878±60	ЛЕ-1398
	Дальние Зеленцы Ia	3900±100	ЛЕ-1152
	Мыс Семерка II	3950±60	ЛЕ-1690
	Маяк II	3930±40	ЛЕ-1495
2-я половина и конец III тыс.	Мыс Семерка II	4051±40	ЛЕ-1494
	Маяк II	4050±40	ЛЕ-1490
	Кривун	4090±50	ЛЕ-2364
	Маяк II	4160±70	ЛЕ-1491
	Наволок	4170±70	ЛЕ-1026
	Наволок	4300±70	ЛЕ-1089
	Маяк II	4230±60	ЛЕ-1684
	Маяк II	4290±40	ЛЕ-1493
	Маяк II	4390±40	ЛЕ-1492
1-я половина III тыс.	Маяк	4620±40	ЛЕ-1399
	Нерпичья Губа I	4630±100	ЛЕ-1329
	Маяк II	4630±50	ЛЕ-1992
	Кривун	4650±90	ЛЕ-1331
	Мыс Семерка II	4560±60	ЛЕ-1687
	Цага I	4690±70	ЛЕ-971
	Пялица 18	4700±70	ЛЕ-1031
	Наволок	4840±70	ЛЕ-1090
2-я половина IV тыс.	Маяк II	5190±60	ЛЕ-1994
	Маяк II	5390±60	ЛЕ-2632
1-я половина IV тыс.	Усть-Дроздовка	5510±100	ЛЕ-1332
	Чаваньга I	5560±80	ЛЕ-1222
	Маяк II	5760±60	ЛЕ-1995
	Цага I	5760±160	ЛЕ-1387

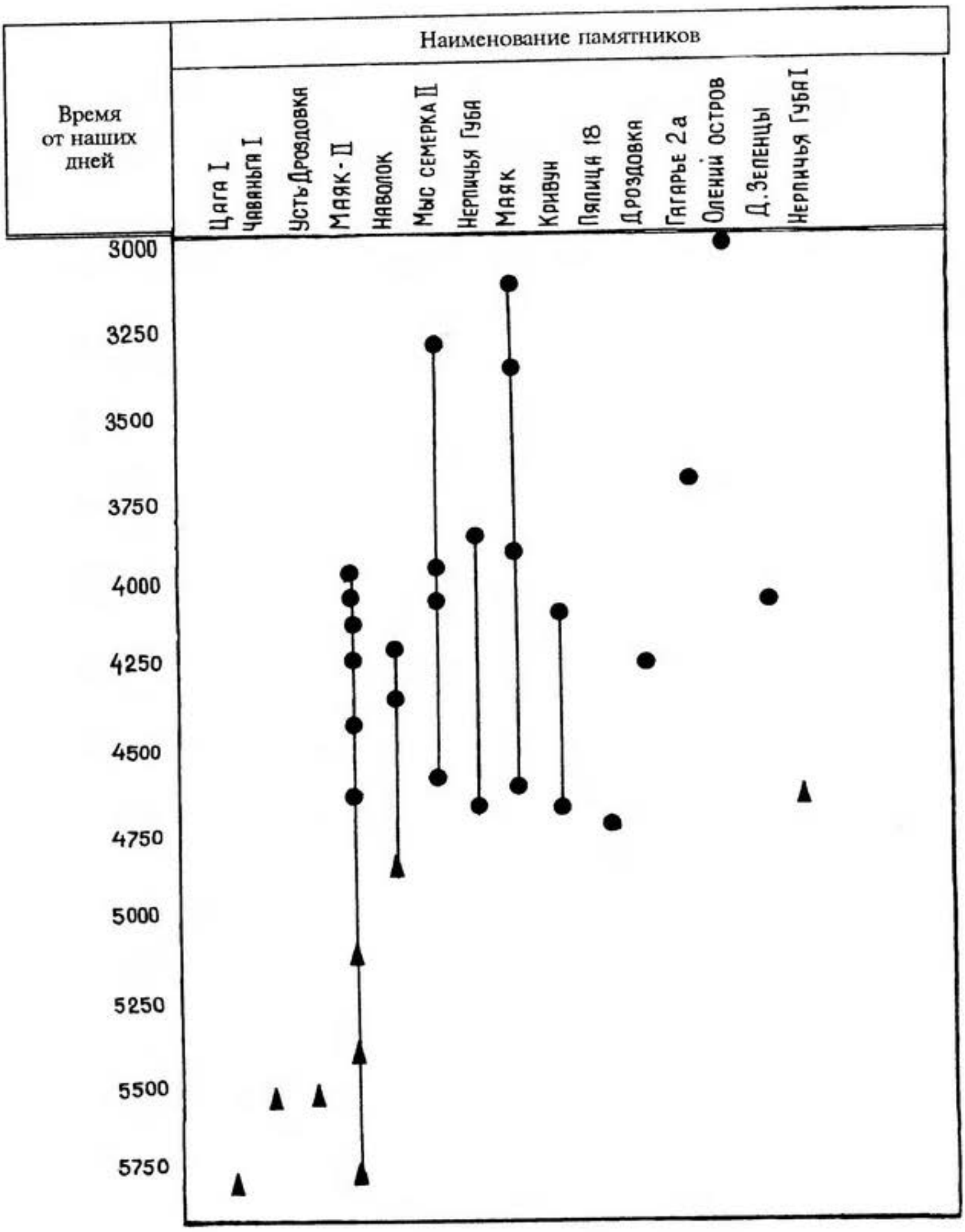


Таблица радиоуглеродных дат

▲ — неолит, ● — эпоха раннего металла.

При уточнении абсолютной хронологии калибровкой радиоуглеродных датировок по данным дендрохронологии, входящей в последние годы и в нашу литературу, даты этапов периодизации будут выглядеть следующим образом:

1-я половина IV тыс. до н. э. — 1-я половина—середина V тыс. до н. э.
2-я половина IV тыс. до н. э. — начало IV тыс. до н. э.
1-я половина III тыс. до н. э. — середина—2-я половина IV тыс. до н. э.
2-я половина и конец III тыс. до н. э. — конец IV—1-я половина III тыс.
1-я половина II тыс. до н. э. — середина—2-я половина III тыс. до н. э.
2-я половина II тыс. до н. э. — 1-я половина II тыс. до н. э.

(*Примеч. ред.*)

№ 2

В. А. Галибин

РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ В БУХТЕ Б. ПЕСКОНЕЦ

Анализ выполнен в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР. Методом трех эталонов были проанализированы три кремневых орудия, тесло и два наконечника копья.

Результаты количественного спектрального анализа (%)

Орудие	Лабораторный шифр		
	360-38	360-39	360-40
	Тесло	Наконечник копья	
Кремний	Основа	Основа	Основа
Алюминий	0,033	0,042	0,042
Натрий	0,06	0,073	0,062
Кальций	0,3	0,08	0,075
Магний	0,009	0,013	0,01
Железо	0,013	0,06	0,05
Марганец	0,0014	0,0013	0,0011
Титан	0,0048	0,0085	0,008
Медь	0,0004	0,0005	0,0007

Результаты анализа показывают, что все три орудия изготовлены из кремня, свободного от существенных посторонних примесей. Сумма всех примесей не превышает 1%. Такой кремень особенно пригоден для изготовления высококачественных орудий сложной формы и больших размеров. Отсутствие каких-либо специфических элементов-примесей, таких как бериллий, молибден, серебро и др., не позволяет определить источник кремня даже приблизительно, т. к. такого рода чистые кремни встречаются во многих районах Европейской части России, более или менее удаленных от места находки настоящих образцов.

№ 3

В. Е. Щелинский

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРУПНЫХ КОСТЯНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ МАЯК II

1. Костяной предмет с 3-мя поперечными вырезами.

Срезы отчетливые, сделанные, скорее всего, металлическим инструментом. Вырезы изношены весьма слабо. Однако на них имеются следы поперечных перехватов мягким материалом. Следы использования видны также на выпуклой широкой стороне изделия. Последняя заглажена и слабо заполирована. Заполированность сильнее выражена на обеих концевых «головках» изделия. Линейные следы изношенности на заглаженной стороне весьма тонкие, короткие, поперечной и продольной ориентации. Можно заключить, что эта поверхность испытывала лишь слабое трение. Вероятное назначение предмета — деталь для какой-то конструкции.

2. Фрагментированное с одного края крупное ребро кита.

По правому краю имеются следы прерывистых срезов, нанесенных, похоже, металлическим инструментом. Обработанный край немного приострен, а главное, слегка зазубрен этой обработкой. Край довольно сильно изношен. Изношенность в виде заполированности, местами зеркальной. Износ более заметен с нижней, вогнутой стороны. На обработанном лезвии наряду с заполировкой имеются линейные следы. Последние короткие (от мягкого материала), преимущественно поперечной ориентации. Лучше выражены эти следы вблизи поперечного облома ребра. Вероятное назначение ребра — двуручный струг для мездрования шкур. Часть инструмента отсутствует.

3. Фрагментарное с обоих концов ребро крупного зверя.

Один продольный край изделия намеренно грубо зазубрен обработкой с помощью режущего инструмента. Край этот сильно истерт и заполирован с обеих сторон, особенно сильно с вогнутой стороны. Имеются отчетливые линейные следы, последние преимущественно поперечной ориентации, пересекают обработанный край. Орудие сильно изношено. Вероятное назначение — струг для обработки мягких, слабо абразивных материалов (шкур?).

№ 4

Н. Б. Селиванова

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Все 23 образца керамики из поселений: 1—3, 20 — Маяк II; 4, 7, 9 — Нерпичья Губа I; 5 — Чаваньга; 6 — Йоконьга; 10, 11, 23 — Наволок; 12—14 — Мыс Семерка II; 15, 16 — Маяк; 17—19, 21, 23 — Усть-Дроздовка, — представленные на петрографический анализ, по составу теста различны. Критерием для разделения образцов на группы послужили: 1 — процентное соотношение между отощителем и глиной; 2 — минералогический состав отощителя; 3 — процентное соотношение между разными компонентами отощителя; 4 — размер зерен; 5 — форма зерен.

По этим признакам исследованный материал распадается на 4 основные петрографические группы: I — тесто не содержит специального отощителя; II — отощителем служит дресва гранита и минералов, входящих в состав гранита; III — в отощителе присутствуют обломки «экзотических» минералов, характерных для нефелиновых сиенитов и вторично измененных пород ультроосновного состава; IV — в отощителе присутствует шамот.

I группа (обр. 23) — тесто представлено средне-тощей глиной, содержащей мельчайшие зерна глинистых минералов, кварца и, возможно, полевого шпата. Эти зерна входят в состав самой глины, являясь естественным ее отощителем. Помимо них встречено единственное зерно хлорита (1,5 мм).

II группа (обр. 3—7, 10, 11, 17, 20) — по размерности зерен и в процентном соотношении между компонентами распадается на несколько подгрупп. В целом она характеризуется следующим образом. Тесто состоит из жирной глины, искусственно отощенной дресвой гранита, кварца, полевых шпатов, плагиоклазов. Лишь в обр. 17 исходная глина — средне-тощая. Процентное содержание отощителя составляет от 9 до 30%. Он представлен угловатыми зернами перечисленных выше минеральных компонентов, входящих в разные фракции — от тонкозернистой (0,5 мм) до крупнозернистой (4 мм). Для образцов 3, 7, 20 характерно присутствие крупных зерен дресвы гранита, тогда как обломки кварца, плагиоклаза составляют мелкозернистую (0,5—0,7 мм) фракцию отощителя. В других образцах дресва гранита отсутствует, а крупнозернистая фракция представлена обломками кварца (обр. 6) или обломками полевого шпата (обр. 11); при этом среднезернистые фракции составляют значительный % и представлены в образцах 4—6 кварцем, плагиоклазом и полевым шпатом, в обр. 11 — кварцем и полевым шпатом. Мелкозернистая фракция присутствует во всех образцах и представлена теми же минералами. Тонкозернистая фракция (тот же состав) в некоторых подгруппах не присутствует.

III группа (обр. 1, 2, 8, 9, 12—16, 18, 19, 21, 22) — тесто состоит из глины (в одних случаях жирной, в других тощей) отощенный обломками разных минералов. Для всех образцов характерно присутствие обломков «экзотических» минералов: антофиллита, хризотил-асбеста, серпентина, оливина, эгирина, нефелина, пироксенов. Как правило, они представлены крупными и средне-крупными обломками. В некоторых образцах присутствуют почти все из перечисленных минералов, в других только один или два. В образцах 1 и 14 «экзотические» минералы являются единственным отощителем, в остальных наряду с ними присутствуют тонкозернистая, мелкозернистая или среднезернистая фракции обломков кварца и полевого шпата. Внутри группы выделяется 4 подгруппы: в образцах 16, 18 из «экзотических» минералов присутствует лишь эгирин. В образцах 2, 8, 9 «экзотический» минерал представлен крупными обломками (до 10 мм) хризотил-асбеста, которые составляют до 25% всего теста. Для образцов 14, 15, 19 и 21 характерно присутствие в отощителе крупных (2—10 мм) кусков антофиллита, наряду с которым встречаются зерна хризотил-асбеста, оливина, эгирина, единичные зерна кварца и плагиоклаза, нефелина и серпентина. Образец 15 выделяется присутствием крупных зерен нефелина размером до 4 мм. Образцы 13, 22 резко выделяются наличием крупных обломков зерен амфибола. В образце 22 присутствует также и шамот, что вынуждает отнести его одновременно к другой рецептурной группе — IV. В образце 12 отощитель представлен мелкозернистыми обломками кварца, плагиоклаза, единичными зернами антофиллита и оливина, кусками шамота, содержание которого достигает 10%, а размеры кусков 5 мм. По составу шамот — хорошо обожженная глина, содержащая лейсты антофиллита. В образце 22 шамот представляет собой куски обожженной глины, почти не содержащей никакого отощителя.

Следует отметить еще одну группу образцов — 1, 15, 12 и 22, — в которой обнаружены следы, возможно, шерсти, в виде длинных узких пустот, частично заполненных черным (утлистым?) материалом, а иногда и коллофаном. Сама органическая ткань выгорела во время обжига и пользования керамикой.

№ 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ КОСТЕЙ В КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ ПОСЕЛЕНИЯ МАЯК II

Квадраты	Количество костей				Всего
	Горизонт 1	Горизонт 2	Горизонт 3	Горизонт 4	
1	500	170	40	—	710
2	550	—	—	—	550
3	2340	—	—	—	2340
4	2800	1096	947	—	4843
5	130	—	—	—	130
7	20	—	—	—	20
8	520	—	—	—	520
9	1100	3330	371	—	4801

Продолжение таблицы

Квадраты	Количество костей				Всего
	Горизонт 1	Горизонт 2	Горизонт 3	Горизонт 4	
10	820	723	—	—	1543
11	170	121	—	—	291
12	180	122	—	—	302
13	105	—	—	—	105
14	116	—	—	—	116
15	248	—	—	—	248
16	358	—	—	—	358
17	580	—	—	—	580
18	690	100	—	—	790
19	—	30	—	—	30
20	—	—	68	—	68
21	—	125	—	—	125
22	450	—	—	—	450
23	70	—	—	—	70
24	480	53	—	—	533
25	290	150	—	—	430
28	40	58	—	—	98
29	180	1288	3151	—	4619
30	175	4140	2760	—	7075
31	632	4620	1687	—	6939
32	1475	1106	253	—	2834
33	422	400	—	—	822
34	1586	3976	5208	—	10770
35	1534	3047	4969	—	9550
36	70	509	1119	—	1698
37	2	283	—	—	285
40	1	—	—	—	1
41	134	356	—	—	490
43	5	8	—	—	13
44	714	237	—	—	951
45	10	—	—	—	10
49	73	220	—	—	293
50	84	590	—	—	674
53	232	2127	—	—	2359
54	775	2634	5279	—	8688
55	456	143	264	—	868
56	126	84	—	—	210
61	590	3982	2314	—	6441
62	1098	3049	1369	—	6016
63	1565	1388	837	—	3790
64	4	566	800	—	1370
65	—	1999	1172	—	3171
66	6	100	—	—	106
78	—	—	28	—	28
79	11	29	—	—	40
80	515	439	97	—	1051
81	—	—	34	2	36
82	310	289	112	170	881
83	707	1450	1598	677	4432
84	1196	1372	1345	—	3913
85	623	489	185	—	1297
86	—	181	175	—	356
87	898	756	563	—	2217
88	527	2890	1029	689	5135

Продолжение таблицы

Квадраты	Количество костей				Всего
	Горизонт 1	Горизонт 2	Горизонт 3	Горизонт 4	
89	556	1268	1623	1040	4487
92	1282	917	483	181	2863
93	416	1247	1068	363	3094
94	312	1962	1003	345	3622
95	523	710	2161	145	3539
96	166	1485	2345	117	4113
97	154	1131	1260	461	3006
98	190	1057	2283	646	4176
99	188	984	1271	296	2739
100	17	—	—	—	17
101	126	194	149	11	480
102	115	678	245	150	1188
103	65	110	183	38	396
104	113	131	408	384	1036
105	553	965	2341	1603	5462
106	311	1285	2546	548	4690
107	132	644	1228	658	2662
108	418	644	3269	778	5109
109	342	1138	2382	1511	5373
110	725	1237	2736	1268	5966
111	540	2455	882	109	2986
112	27	559	—	—	586
113	15	214	406	—	635
114	—	270	153	—	423
116	46	767	—	—	813
117	778	4890	—	—	5668
118	269	1568	—	—	1837
119	—	228	—	—	228
120	87	375	—	—	462
121	122	1040	—	—	1162
122	30	337	—	—	367
123	131	150	—	—	281
124	46	175	—	—	221
125	166	1096	—	—	1262
126	126	2060	—	—	2186
127	775	1703	—	—	2478
128	752	1012	—	—	1764
129	111	195	—	—	306
130	141	456	—	—	597
131	810	5447	—	—	6257
132	642	3841	—	—	4483
133	1458	340	—	—	1798
134	363	910	—	—	1273
135	20	293	—	—	313
139	44	38	—	—	82
140	110	338	—	—	448
141	—	37	—	—	37
142	21	499	—	—	520
143	—	84	—	—	84
151	16	296	—	—	312
152	—	124	—	—	124
153	—	53	—	—	53
154	—	253	—	—	253
155	769	1855	304	—	2928

Окончание таблицы

Квадраты	Количество костей				Всего
	Горизонт 1	Горизонт 2	Горизонт 3	Горизонт 4	
156	870	6503	2658	—	10 031
157	362	3970	682	—	5014
160	489	1674	339	—	2502
161	782	2294	1618	—	4694
162	76	362	—	—	438
163	132	326	—	—	458
172	87	—	—	—	87
173	—	640	—	—	640
174	1849	1571	1441	—	4861
175	212	2220	192	—	2624
178	91	—	355	—	446
179	—	2611	1036	—	3647
180	—	360	—	—	360
181	—	493	—	—	493
219	30	—	—	—	30
220	346	—	—	—	346
221	296	—	—	—	296
222	220	—	—	—	220
223	72	—	—	—	72
226	8	—	—	—	8
227	16	—	—	—	16
228	10	—	—	—	10
Итого	56 648	142 607	59 914	12 179	271 308

ЛИТЕРАТУРА

Аннилогов А. В. Поселение Ловозеро V // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.

Бромлей Ю. В. Этногенез и этнография. М., 1973.

Буров Г. М. Торфяники речных стариц как места археологических находок // Известия Коми филиала ВГО. Сыктывкар, 1964. № 9.

Буров Г. М. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. 1969. Вып. 117.

Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии // СЭ. 1970. № 6.

Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии // СЭ. 1977. № 5.

Ванкина Л. В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.

Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1.

Гаврилова И. В. Археологические исследования на Нижней Мезени // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1982. Вып. 10.

Голубева Л. А. Весь, скандинавы и славяне в X—XI вв. // Финно-угры и славяне. Л., 1979.

Гольмстен В. В. Орнаментация керамики родового общества Юга СССР // ТОИПКЭ. 1941. Т. 1.

Горецкий Г. И. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Тр. сов. секции ИНКВА. 1937. Вып. 3.

Гохман И. И. О погребальном обряде и краниологии лопарей // Полевые исследования ИЭ. М., 1978.

Гохман И. И., Лукьянченко Т. В., Хартанович В. И. О погребальном обряде и краниологии лопарей // Полевые исследования ИЭ. 1976. М., 1978.

Гурвич И. С. Предисловие // Этногенез народов Севера. М., 1980.

Гурина Н. Н. Результаты археологического обследования южного побережья Кольского полуострова // КСИА. 1947. Вып. 21. (1947а.)

Гурина Н. Н. Каменные лабиринты Беломорья // Рефераты научно-исследовательских работ АН СССР за 1945 г. (Отделение истории и философии) М.; Л., 1947. (1947б.)

Гурина Н. Н. К вопросу о лабиринтах Беломорья // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. (1947в.)

Гурина Н. Н. Каменные лабиринты Беломорья // СА. 1948. № 10.

Гурина Н. Н. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова // МИА. 1951. № 20.

Гурина Н. Н. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова // СА. 1950. № 12.

Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. 1953. № 39. (1953а.)

Гурина Н. Н. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей // МИА. 1953. № 39. (1953б.)

Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956.

Гурина Н. Н. Основные этапы древнейшей истории Кольского полуострова по данным археологии // УЗЛГУ. (Фак. народов Севера). 1960. № 115. Вып. 1.

Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. 1961. № 87. 1961.

Гурина Н. Н. Памятники эпохи ранней бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье: Труды Горьковской экспедиции // МИА. 1963. № 110.

Гурина Н. Н. Изучение каменного века на Крайнем Севере // АО. 1965. М., 1966.

Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. 1967. № 144.

Гурина Н. Н. Новые исследования в северо-западной части Кольского полуострова // КСИА. 1971. № 126. (1971а.)

Гурина Н. Н. Археологические памятники Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. Апатиты, 1971. Вып. 2. Ч. 2. (1971б.)

Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. 1972. Вып. 131.

Гурина Н. Н. Древние памятники Кольского полуострова // МИА. 1973. № 172. (Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита). (1973а.)

Гурина Н. Н. Некоторые данные новых исследований в Европейском Заполярье // КСИА. 1973. № 137. (1973б.)

Гурина Н. Н. Новые исследования древней истории Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. Петрозаводск, 1977. Вып. 6.

Гурина Н. Н. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел // Орудия каменного века. Киев: Наукова думка, 1978. (1978а.)

Гурина Н. Н. Новые наскальные изображения Советской Арктики // Природа. 1978. № 7. (1978б.)

Гурина Н. Н. Наскальные рисунки Кольского полуострова и сопредельных областей: (Общие и специфические черты) // Звери в камне. Новосибирск, 1980.

Гурина Н. Н. Первые сведения о памятниках XII в. на Кольском полуострове // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1981. Вып. 9.

Гурина Н. Н. Морской промысел в хозяйстве древних племен Кольского полуострова // Тезисы докладов XI конгресса ИНКВА. М., 1982. Т. 3. (1982а.)

Гурина Н. Н. О некоторых образцах древнего изобразительного искусства Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1982. Вып. 10. (1982б.)

Гурина Н. Н. Поселение Маяк II на Кольском полуострове // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л., 1983.

Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.

Гурина Н. Н. Древности с берегов Ледовитого океана // Природа. 1985. № 5.

Гурина Н. Н. О связях древнего населения Кольского полуострова: (По материалам погребения в бухте Большой Песконец) // СА. 1986. № 3. (1986а.)

Гурина Н. Н. Некоторые образцы искусства древних племен Кольского полуострова // КСИА. 1986. Вып. 185. (1986б.)

Гурина Н. Н. О некоторых общих элементах культуры древних племен Кольского полуострова и их соседей // Палеолит и неолит. Л., 1986. (1986в.)

Гурина Н. Н. К вопросу о прогрессивных формах хозяйства арктических племен: (По материалам Кольского полуострова) // КСИА. 1988. Вып. 200. (1988а.)

Гурина Н. Н. Основные этапы развития культуры древних племен Кольского полуострова // КСИА. 1988. № 200. (1988б.)

Гурина Н. Н., Кошечкин Б. И., Стрелков С. А. Первобытные культуры и эволюция экологической обстановки в верхнем плейстоцене и голоцене на побережье Европейской Арктики // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.

Гурина Н. Н., Хлобыстин Л. П. Заселение Арктики // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. М., 1974.

Гурина Н. Н., Шумкин В. Я. Кольская экспедиция // АО. 1973. М., 1974.

Гурина Н. Н., Тимофеев В. И., Шумкин В. Я. О работах Кольской экспедиции // АО. 1976. М., 1977.

Гурина Н. Н., Тимофеев В. И., Шумкин В. Я. Исследования на Кольском п-ве // АО. 1977. М., 1978.

Гурина Н. Н., Кошечкин Б. И. Датировка неолитических памятников Кольского полуострова и методы ее установления // КСИА. 1978. Вып. 153.

Дергачев Н. Русская Лапландия: (Статистический, географический и этнографический очерк). Архангельск, 1877.

Долуханов П. М. Геологический возраст стоянок Рыбачьего полуострова // КСИА. 1971. Вып. 126.

Дурылин С. За полуночным солнцем. М., 1913.

Елисеев А. В. О так называемых вавилонах на Севере России // Изв. РГО. 1883. Т. 19.

Загорска И. А. Ранний мезолит на территории Латвии // Изв. Академии наук Латв. ССР. Рига, 1981. № 2 (403).

Загорскис Ф. А. Костяная и роговая скульптура из могильника Звейниеки // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.

Земляков Б. Ф. Отчет о работах Кольской экспедиции // Тр. советской секции ИНКВА. 1936. Вып. 2.

Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на севере СССР // Тр. КИЧП. М.; Л., 1937. Т. 5. (1937а.)

Земляков Б. Ф. Археологические исследования на побережье арктического океана // ТССМАИЧПЕ. 1937. Вып. 3. (1937б.)

Земляков Б. Ф. Итоги изучения «арктического палеолита» за период с 1938 г. на территории СССР // КСИИМК. 1939. № 2.

Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на севере СССР // СА. 5. 1940.

Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.; Л., 1954.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963.

Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979.

Иоффе И. И. Синтетическая история искусства. Л., 1933.

Кастрен М. А. Очерки финского севера России. Извлечения из «Путевых дневников» М. А. Кастрена // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1853. Ч. 41. № 3. Ч. 42. № 4, 5.

Карпелан К. Финские саамы в железном веке // Финно-угры и славяне. Л., 1979.

Карпелан К. Ранняя этническая история саамов: Финно-угорский сборник. М., 1982.

Кельсиев А. И. Поездка в страну лопарей // Известия Комитета Антропологической выставки. Т. 1. № 15. СПб., 1877.

Кларк Дж. Г. Ф. Доисторическая Европа. М., 1953.

Крайнов Д. А. Памятники фатьяновской культуры московской группы // САИ. 1963. Вып. 1—19.

Краткий словарь терминов изобразительного искусства. М., 1965.

Кричевский Е. Ю. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы // УЗЛГУ. 1949. № 85. Секция исторических наук. Археология. Вып. 13.

Кошечкин Б. И. Дрифтовые пемзы в отложениях голоценовых террас северного побережья Кольского полуострова // Геоморфология и литология береговой зоны морей и других крупных водоемов. М., 1971.

Кошечкин Б. И. Перемещение береговой линии Баренцева и Белого морей в послеледниковое время // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1975. № 4.

Кошечкин Б. И. Новые данные о распространении пемзовой гальки на северном побережье Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1976. Вып. 4.

Кошечкин Б. И., Кудлаева А. Л., Первухинская Н. А., Самсонова Л. Я. Древнебереговые образования северного и северо-восточного побережья Кольского полуострова // Вопросы формирования рельефа и рыхлого покрова Кольского полуострова. Л., 1971.

Кошечкин Б. И., Лебедева Р. М. Палеогеография эпох развития первобытных культур на Кольском Севере // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.

Лаврова М. А. Четвертичная геология Кольского полуострова. М., 1960.

Лебедева Р. М. Палеоботаническая характеристика верхнеплейстоценовых и голоценовых отложений на северо-западе Кольского полуострова. Апатиты, 1969. АКД.

Левенок В. П. Новые раскопки стоянки Подзорово // КСИА. 1969. Вып. 117.

Левин М. Г. К вопросу о древности и происхождении оленеводства // Проблема происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.; Л., 1940. Т. 1.

Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Ч. 1. Петрозаводск, 1939.

Лозе И. А. Рисунок и орнамент на костяных и роговых предметах эпохи камня Латвии // Изв. Академии наук Латв. ССР. Рига, 1968, № 11 (256).

Лозе И. А. Костяная и роговая скульптура эпохи неолита на территории Латвии // Изв. Академии Наук Латв. ССР. Рига, 1969. № 11 (268).

Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.

Лузгин В. Е. Поселение Ружникова на Касминских озерах и вопросы неолита Европейского Северо-Востока // Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар, 1973.

Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX—XX в. М., 1971.

Лукьянченко Т. В. О некоторых особенностях погребального обряда кольских саамов // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1981.

Мейнандер К. Финны — часть населения Северо-Востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982.

Микляев А. М. Идол из Усвятского торфяника // СА. 1967. № 4.

Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

Никонов А. А., Лебедева Р. М. К истории позднеледниковых ландшафтов материковой части Кольского полуострова // ДАН СССР. 1959. Т. 128. № 1.

Панкрушев Г. А. Неолитический могильник Сандермоха // СА. 1966. № 4.

Панкрушев Г. А. Хронологические рамки неолита Карелии и методы их установления // КСИА. 1978. Вып. 153.

Пация Е. Я. Саамские сказки. Мурманск, 1980.

Песонен П. Э. О двух древних поселениях в низовье р. Нивы // СА. 1977. № 1.

Песонен П. Э. Неолитические стоянки Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.

Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.; Л., 1936. Ч. 1. 1938. Ч. 2.

Равдоникас В. И. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // СА. 1937. № 3.

Равдоникас В. И. История первобытного общества. Л., 1949. Т. 2.

Римантене Р. К. Художественные изделия стоянки Швянтойи 3 // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

Римантене Р. К. Рыболовные сооружения на берегу Балтийского моря (Швянтойи 9) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.

Рихтер Г. Д. Физико-географическая характеристика Мурманской области // Географический словарь Кольского полуострова. Л., 1939.

Савватеев Ю. А. Залавруга. Петроглифы. Л., 1970. Ч. 1.

Симченко Ю. Б. Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез народов Севера. М., 1980.

Смирнов В. И. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе // СА. 1940. № 6.

Смирнов В. И. Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубенино // КСИИМК. 1941. Вып. 10.

Стоколос В. С. Первый неолитический памятник на Мезени // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. МАЕСВ. Сыктывкар, 1977. Вып. 6.

Стоколос В. С. Поселение Чужьяёль на Мезени // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. МАЕСВ. 1978. Вып. 7.

Тан-Богораз В. Г. Оленеводство: Возникновение, развитие, перспективы // Проблема происхождения домашних животных. Л., 1933. Вып. 1.

Таннер В. Соотношение между послеледниковыми геологическими ярусами и археологическими находками в Фенноскандии // Тр. II международной конференции АИЧПЕ. Л., 1933. Вып. 2.

Тиандер К. Поездка скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

Третьяков П. Н. Экспедиция по изучению «арктического палеолита» // СА. 1937. № 2.

Федоров В. В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки // СА. 1937. Т. 2.

Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. 29. 1952. № 29.

Харузин Н. Русские лопари. М., 1890.

Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. М., 1965.

Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. М., 1972.

Чебоксаров Н. Н. Проблема происхождения древних и современных народов // VI МКАЭН. М., 1964.

Чепелев В. Об искусстве казахского народа (вступ. ст.) // Казахский народный орнамент. М., 1939.
Чернявский М. М. Фигурка человека со стоянки Осовец II // СА. 1967. № 4.
Шаяхметова Л. Г. Ранненеолитическое поселение Нерпичья Губа I // Палеолит и неолит. Л., 1986.
Шаяхметова Л. Г. Новые данные о заселении центральной части Кольского полуострова. КСИА. 1990. Вып. 200.
Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Материалы комиссии экспед. исслед. Л., 1930. Вып. 23.
Шумкин В. Я. Памятники эпохи раннего металла р. Териберки (Кольский п-в) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
Якимов В. П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Сб. МАЭ. 1954. Т. 15.
Aario L. Über die Wald und Klimaentwicklung an der Lapplandischen Eismeerküste in Petsamo // Ann. Bot. Soc. 1943. Bd. 19. H. 1.
Ailio J. Zwei Tierskulpturen // Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft. 1912. Bd. 26. N 19.
Baudou E. Den förhistoriska fångstkulturen i Västernorrland // Baudou E., Selinge K. G. Västernorrlands förhistoria. Västernorrlands Ländslandsting. Motala, 1977.
Bjørn A. Noen høitliggende boplassfund från stenalderen // Naturen. Bergen, 1930.
Bogoraz W. G. Elements of the culture of the circumpolar Zone // American Anthropologist. 1929. Vol. 31. N 4.
Bøe J. Felszeichnungen im westlichen Norwegen I // Bergen Museums Skrifter. 1932. Vol. 15.
Brøndsted J. Danmarks Oldtid I. Stenalderen. København, 1961.
Flor F. Zur Frage des Renntiernomadismus // Mitteilungen der Anthropologischen Gesselschaft in Wien. 1930. Bd. 60.
Graebner F. Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911.
Gurina N. N., Koshechkin B. I., Strelkov S. A. Prehistoric cultures and the evolution of Ecological environment in the upper Pleistocene and Holocene in coastal regions of the European Arctic. Prehistoric man, his industry and the environment in the pleistocene and holocene. Part 2. Moscow, 1973.
Gurina N. N. Rock-drawings in the Soviet Arctic // 9-th International congress of prehistoric and protohistoric sciences: Reports and communications by archaeologists of the USSR. Moscow, 1976.
Gurina N. N. Till frågan om Kola invånerna forntida förbindelser (Efter gravfindet i viken Stora Peskonec) // Festskrift tillägnad Matts Dreer pa hans 80-årsdag 31.01.1981. Mariehamn, 1981.
Itkonen E. Lappalaisten esihistoria kielieteen Valossa // Tietolipas. N 20. Helsinki, 1961.
Loze I. Akmens laikmeta maksla Austrumbaltijā. Riga, 1983.
Martinussen M. Coast-and fjord area of Finnmark // Norges Geologiske Undersøkelse. 1960. N 208.
Martinussen M. Contributions to the Quaternary geology of northeasterumost Norway and the closely adjoning foreign territories // Norges Geologiske Undersøkelse. 1974. N 315.
Meinander C. F. Die Kiukaiskultur // SMYA/FFT. Vol. 53. Helsingfors, 1954. (1954a.)
Meinander C. F. Die Bronzezeit in Finnland // SMYA/FFT. Vol. 54. Helsingfors, 1954. (1954b.)
Nummedal A. Stone Age Finds in Finnmark. Oslo, 1929.
Odner K. Komsakulturen i Nesseby og Sør-Varanger. Tromsø; Oslo; Bergen, 1966.
Oldeberg A. Studien über die Schwedische Bootaxtkultur. Stockholm, 1952.
Rust A. Das altsteinzeitlichen Rentierjagerlager Meiendorf. Neumünster, 1937.
Rust A. Die früh- und mittelmesolithishen Hüttengrundrisse auf dem Pinnberg bei Ahrensburg // Offa. Bd. 3. Neumünster, 1938.
Rust A. Die Alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. Neumünster, 1943.
Siiriainen A. Studies relating to shore displacement and Stone age chronology in Finnland // Finskt Museum. 1974. Vol. 88.
Siiriainen A. Archaeological shore displacement chronology in northern Ostrobothnia // Finnland, Iskos, 1978. Vol. 2.
Simonsen P. Varanger-funnene. II. Fund og udgravningar pa fiordens sydkyst // Tromsø Museums Skrifter. Tromsø, 1961. Vol. 7. Heft 2.
Simonsen P. Varanger-funnene. III. Fund og udgravningar i pasvik-dalen og ved den østlige fjordstrand // Tromsø Museums Skrifter. Tromsø, 1963. Vol. 7. Heft 3.
Sirelius V. T. Die Volkskultur Finnlands: Jagd und Fisherei in Finnland. Berlin, 1934.
Solberg O. Die Eisenzeitfunde aus Ostfinnmarken // Videnskab-Selska-betz Skrifter. Hist.-Filos. Kl. N 7. Kristiania, 1909.
Struve K. K. Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein und ihre kontinentalen Beziehungen // Offa-Bücher. N. 11. Neumünster, 1955.
Taute W. Die Stielspitzen-gruppen im nordlichen Mitteleuropa. Köln-Gratz, 1968.
Tanner V. Studier öfver Kvartärsystemet: Fennoskandias noidliga // Fennia. 1930. N 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ	— Ассоциация по изучению четвертичного периода в Европе
АН СССР	— Академия наук СССР
АО	— Археологические открытия
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ДАН	— Документы Академии наук
ВГО	— Всесоюзное Географическое общество
ИНКВА	— Советская секция Международной ассоциации по изучению четвертичного периода
ИЭ	— Институт этнографии Академии наук СССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЕСВ	— Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН	— Международный конгресс антропологических и этнографических наук
РГО	— Русское Географическое общество
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ТОИПКЭ	— Труды отдела Истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТрКИЧП	— Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
ТССМАИЧПЕ	— Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы
УЗЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета
SMYA/FFT	— Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja / Finska Fornminnesföreningens tidskrift

SUMMARY*

N. N. Gurina

THE HISTORY OF THE CULTURE OF THE KOLA PENINSULA ANCIENT POPULATION

The volume summarizes the results of 20-years investigations of the Kola archaeological expedition, headed by N. N. Gurina. More then 400 sites were discovered and a number of them excavated on a large scale. The most important results are presented here.

History of archaeological research. The Kola peninsula became the object of archaeological investigation later then other districts of European Russia.Until 1920-s only some labyrinths ("Babylons") were known. The first information about them appears in the XVI century. The first stone tools were transferred to the Museum of Anthropology and Ethnografy (St.-Petersburg) in 1922. In 1925 the cemetery at Bolshoy Oleniy ostrov (Large Reindeer Island) in the Kola Bay was found. The excavations of it in 1928 became the first professional archaeological activity in the area (Schmidt, 1928). After this further Stone age sites were discovered by A. V. Schmidt. Some sites at Southern part of the peninsula were found by G. I. Goretzkiy (1937). The investigations in 1935 and 1937 at Rybachiy (in the North-West of the Kola Peninsula) by the Soviet section of INQUA in colloboration with the Academy of the History of Material culture lead by the geologist prof. B. F. Zemlyakov were of primary importance. After that the archaeological research was interrupted until 1946, when an expedition of the Leningrad branch of the Institute of archaeology, Ac. of Sci. of USSR started work. The expedition headed by N. N. Gurina worked in the area in the periods 1946—1948, 1964 and 1969 to 1985. The research was directed against the following questions: dating of the oldest settlement on the Kola peninsula, the routes of the first migrations into the area, the development of the material and the spiritual culture through time, distinguishing the common and the peculiar traits. In the 70-s started research in the micro-districts with concentrations of sites and large-scale excavations of sites from different chronological periods were carried out. Some excavations during 1970-s were undertaken also by Karelian archaeologists. Before the beginning of the expedition in 1946 only isolated sites from Stone age and the Early Metal period were known (fig. 1A). Numerous sites from these periods are known today (fig. 1B).

Interaction between Man and Nature. Special attention is given to the topography of the sites connected to specific sea terraces (fig. 2). The sites according to N. N. Gurina can not be older then the terrace on which they are situated, but late sies and settlements may occupy the ancient terraces. The earliest sites are known in the North-Western part of the peninsula, on the terraces 90—30 m above the sea level. Inland sites are absent in the Early Mesolithic and in Late Mesolithic they appear isolated. N. N. Gurina links the Neolithic with the so-called climatic optimum of the Holocene. The Neolithic sites on the coast are situated on the terraces 18—25 m above present sea level in the West and 5—8 m in the East of the peninsula. The sites of the Early Metal period are located on the Late Holocene terraces (6—14 m above present sea level in the West and 5—6 m in the East). The first appearance of settlements, the character of the economy and of the material culture and indirectly of the mentality of the ancient population is seen as depending on the environmental conditions of the area.

---

* Резюме монографии и его английский перевод подготовлены *В. И. Тимофеевым*, который благодарит Е. П. Афонину и доктора О. Грюна за помощь в редактировании английского текста.

Summary is prepared by dr V. Timofeev. The correction of English is done by E. Afonina and dr O. Grøn.

The Mesolithic. More then 80 sites have been discovered, the main part of them by the Kola expedition research. Certain criteria were choosen out as defining the Mesolithic: 1) The topographical position of the sites on the high sea terraces (fig. 2A). 2) The character of the used stone materials and the technique of cleavage. Quartz and quartzite were nearly the only kinds of row materials used in the Early Mesolithic and slate appears extremely rare. The amount of slate artefacts increases gradually. Flint was only used in some districts. 3) The burine-spall technique is characteristic for Early Mesolithic decreased later and disappeares in the Final Mesolithic. 4) Typical is a small amount of axe-like tools (bifaces made of quartzite, worked plain pebbles, very rarely massive flakes worked at the edge). 5) Absence of tools with bifacial retouch, especially arrowpoints (in contrast to Neolithic and later assemblages). 6) The presence of very small quartz scrapers. 7) Very thin cultural layers when preserved and with a restricted extensity. 8) Absence of pumice-stone finds on the sites. Common for the Mesolithic is the absence of pottery. N. N. Gurina suggested a typology for the Mesolithic stone industry of the Kola peninsula: 6 types of arrowpoints with a number of variants, 7 types and variants of burins, 4 types (and 9 variants) of scrapers, plane-knifes and scrapers-shavers. The last ones are typical for the industries of Stone Age and Early Metal period of Kola peninsula. The author of the volume distinguishes 2 types with broad or narrow working edge (with variants also). N. N. Gurina defines also trapezes, trapeze-shaped truncations of blades (very rare, but occured at some sites) and 3 types of knifes. There are also large axe-shape tools (about 20 finds divided into 4 types), 3 types of cores (prizmatic, conic and with several striking platforms). The typology is represented in figures at pages.

The local groups of Mesolithic sites are defined: the North-Western coastal group (about 30 sites), the Western inland one (about 15 sites), the North-Eastern coastal one, Southern coastal and Central inland group (altogether more then 20 sites and 1 cemetery). N. N. Gurina suggested that first Mesolithic populations appeared on Kola peninsula from North-West probably from the area of Komsa culture. The traits of Southern and South — Western origin are recognisable mainly in the Late Mesolithic.

The Neolithic. The Neolithic sites (about 150) are known in the whole area of peninsula. There are a number of innovations in the material culture compare with the Mesolithic. Slate appeared as the new main raw-material and the amount of the large tools (axes, adzes, gouges) increased considerably. The amount of flint tools (mainly arrowpoints, sometimes scrapers) increased also. The shape of the arrowpoints became more symmetrical. Quartz remains in use and in technique of treatment appeared some innovations including more regular retouch. The introduction of pottery is of principal importance. N. N. Gurina suggested the typology of stone, bone and antler tools. The classification of arrow- and spearheads includes the division into two groups, A (retouched tools) and B (polished tools). Among arrowpoints of A group are defined of oval shape (include 14 variants), of triangular shape (12 variants), rhombic (5 variants). Among arrowpoints of B group six types are defined, some with variants. Similar classification is done for spearheads. Six types are defined among the knifes, some with variants. The burins (rare) and scrapers are similar to the tools of Mesolithic. New types of scrapers appeared also, with the retouch on broad sides. There are four types of stone axes and three of adzes. The classification of bone harpoons, fish-spears and fish-hooks is worked out.

The main Neolithic sites of the Kola peninsula are described in the special chapters. There are concentrated the data of the settlements structures and the materials characteristics for the main sites: Nerpichya Guba I (196 sq. m. excavated), Nerpichya Guba (728 sq. m.), Ust-Drozdovka (756 sq. m.), Mayak II, Chavanga I (238 sq. m.), Navolok (300 sq. m.), Mys Semerka (144 sq. m.), Tzaga I (48 sq. m.). Mayak II settlement is especially remarkable in view of the unique degree of the bone-antler materials preservation. The cultural layer of two occupation periods belongs accordingly to the Neolithic and the Early Metal Age was investigated on the area 1032 sq. m. The thickness of the cultural deposits reached 0,8 m. More then 270 thousands pieces of bones were found and large amount of bone and antler tools. The seal (Greenland and grey) bones prevaile among the faunistical remains together with some other sea-animals. Among inland species are represented reindeer, elk, polar fox, beaver a. o. The bones of sea-birds are numerous and also fish remains. The planigrafy of the settlement shows the central area which was the most intensively inhabited judging by the number of artefacts found there. The area around was covered by the heaps of broken bones. Some constructions could be dated to the Neolithic. The remains of the surface dwellings with hearths and stones outlining the foundations are recognised. One of the hearths was dated 4630 + 50 BP, uncalibrated (Le-1992). Among the archaeological finds are objects of quartz, slate, flint. The Neolithic pottery (445 fragments) is characterised by the mineral tempering. The ornamentation is rich and comb-imprints were used often. The bottoms of vessels are conic, rounded or flat (diameter 10—11 cm). Among the Neolithic bone-antler tools are 3 harpoons, 8 daggers, fish-spear, fish-hook, arrowpoint, some points, handles, antler gouges.

The Early Metal period. The sites of this period on sea-coast area are situated on the lower terraces (7—14 m, most often 8—10 m). The settlements dimensions became more large if compare with the sites of the previous periods. The sea-animals hunting was the most important for the economy. Some new materials including soft stone — steatite, pumice-stone used as abrazive for sharpening bone needles and points, asbestos and mica (for tempering) were introduced. The metal appeared at this time also. The find of copper

or bronze spearhead (Schmidt, 1930) and forms for moulding made on steatite are known. Probably, judging by the finds at the site Mys Semerka II and Oleneostrovskiy cemetery the use of iron began.

The new tool-types appeared in the stone industry, among them the large spearheads with both sides retouched (often leaf-shaped and of elongated proportions) and polished spearheads of different types. The development of arrowpoints assemblage and of the bone-antler industry is recognisable. Numerous bone and antler items were found during Mayak II settlement excavations. The pottery of the Early Metal period differs sharply from the Neolithic ware by the tempering. The use of asbestos and mica is characteristic and also somitimes of rare "exotic" kinds of mineral additions and chamotte. The shape of vessels did not change considerably to compare with the Neolithic. The vessels has straight profile and the bottom was rounded or sometimes flat. The changes in vessels ornamentation are remarkable. The slight surface decoration consists of thin incised or cutted lines, curved nicks. Small pits or imprints of very thin comb-stamp are typical also. The ornamentation is concentrated usually on the upper part of the vessel, close to the rim.

The main sites of the Early Metal period are described in the special chapters: Drozdovka (128 sq. m. excavated), Mayak (360 sq. m.), Mayak II, Ust-Drozdovka, Mys Semerka II (712 sq. m.). The main assemblage of Majak II belongs to the period in question. The materials are very rich and include numerous stone artefacts (as slate, flint, quartz tools so objects of art made on steatite), large collection of bone and antler artefacts (fig. 34—fig. 41). The main assemblage of Mayak II pottery is typical for this period (fig. 42, 43). Some stone settings could be connected with the surface dwellings of the Early Metal period (fig. 21). The oval shape is typical for the dwellings, but the rectangular shape occurs also. The distribution of the finds reflects some elements of the settlement structure. The concentration of scrapers in the north-western part of the site marks probably the place for skin-work situated outside the dwellings in summer time. One of the dwellings was used probably for the same operation in winter time. The main part of steatite finds was connected with construction XI, where obviously the workshop had been situated. The central part of the settlement was the most rich by finds. A number of pottery concentrations and some pieces of art were found there. Some objects are of particular interest, for example the find of 13 identical bone arrowpoints was discovered on the area 0,5 sq. m. The author of the volume connects the find with a kenotaf grave. The hearths connected with the end of the Neolithic occupation or with the Early Metal period were dated by C-14 4390 + 40 B. P. (uncal., Le-1492, 4290 + 40 B. P., Le-1493 a. o.). At Ust-Drozdovka site probably the cult complex was found (the large ochre spot with concentration of finds, among them the figure of bird made on steatite). At Mys Semerka II remains of dwellings, stone settings, hearths and the special construction probably the kiln for iron producing were found. N. N. Gurina dated the object to the final stage of the site occupation period. Two iron items — the spear-head and the fish-hook were found at the site also. The numerous evidences of the slate axes production inside the settlement area were discovered (bianks, axes of different degree of preparation, plates for axes polishing, quarzite and sandstone saws for the dividing of plates). These finds were concentrated mainly at the southern part of the site. The abundance of the axes, the implements for the wood-work differ Mys Semerka II site from the sites of the Barentz sea coast. The pottery of Mys Semerka is similar to the ware of the other sites of this period excavated on the Kola peninsula. The C-14 datings of the site — 4560 + 60, 4050 + 40, 3950 + 60, 3250 + 40 B. P., uncal. (Le-1687, 1494, 1690, 1498).

Cemetery and graves. The survey of the Stone age data for the Kola peninsula is given. The main information came from the well-known Olenyi ostrov cemetery in the Kola bay of Barentz sea (Schmidt, 1930, Gurina, 1953). The graves of the cemetery were dug into the soil to the depth 0,48—1,1 m and were marked by the stone settings of round or sometimes oval shape. Together with the inhumations some cremations were represented also. Sometimes the burials were done in the thick wooden containers (in a boats?). The graves contain the burial goods include bronze or copper spear-head and the pieces of iron ore. The C-14 dating is 3000 + 50 B. P., uncal., Le-800. The ancient graves are known at three more places of the Kola peninsula. The unique grave was found at the coast of small bay B.Peskonetz in the Northern part of the Kola peninsula. It was extremely rich on the furneral goods including some objects of art and three large tools made of obviously imported flint. The last ones are resembling by shape and raw-material the Scandinavian finds associated with the corded-ware culture assemblages. The grave filling contained some amount of the red ochre (Gurina, 1981, 1986a). Three burials were found at the Neolithic site Niva XII bedded under the cultural layer of the Neolithic and the Early Metal period (Pesonen, 1980). Most probably, the graves could be dated to the Early Neolithic. The EN pottery of the Sperrings-type (the local version) together with some other objects were found in the ochre-coloured graves filling. Two ocher-graves were excavated also by A. M. Anpilogov at Nivka-river coast. The materials are unpublished yet. The Mesolithic age of them is possible.

The economy and the society. The natural conditions of the Kola peninsula were favourable for the development of fishing and sea-hunting. The direct faunistical evidencies for the Mesolithic are absent but topography of the sites links them strictly with the places most suitable for fishing and collecting of the sea-products. The last kind of activity based on the each-day uprising and decreasing of the sea-level was probably

of the particular importance. The same situation existed during the Neolithic. The different tools connected with fishing are known from this period. The fish-weights made on pebbles together with some other implements obviously indicate the use of fish-nets. The design of net is recognisable also on the steatite object found at one of the sites (fig. 53). Probably some simple constructions known from the ethnografy (fig. 64) were in use also by the Prehistoric populations. The sea-animals hunting was of the great importance especially for the Early Metal period. The numerous data are known from sites of this period including very numerous faunistical evidencies from Mayak II and Ekaterininskaja sites. A greenland seal was the main object of hunting. A number of the special tools for sea-hunting was found including 8 types of harpoons, the bone daggers and large slate spear-heads. The last tools are numerous at sea-coast sites but absent in the central part of the Kola peninsula. The inland game hunting was important also and the collecting of berries etc. The process of the economy development of Kola peninsula ancient population is recognisable. The settlements from the Mesolithic to the Early Metal period became more large. The maximum size of the Kola peninsula Mesolithic sites is about 100 sq. m. and of the Early Metal period is more then 2000 sq. m. and the Neolithic sites have the intermediate position. The increase of the cultural layer thickness reflecting the increase of the life stability is recognisable also. The appearance of reindeer-breeding represents the special problem. Some data of the Mayak II site include the design on the bone artefacts, the bone object — probably the part of the sledge equipment could be connected with the problem and permit to suppose reindeer domestication at least first attempts had happened not later then in the Early Metal period.

The art and the beliefs. The ancient art of the Kola peninsula is represented by the sculpture, the ornamented objects and the rock-art. The curving and polishing of the surface was used for the preparing of the art objects. The surface of these items has glance appeared as the result of long-term use. The ornamentation on the bone and stone objects is cutted in the way of thin lines done probably by use of the sharp quartz flakes. The bones probably were preliminary keeped in the water and boiled. The ornamentation is geometrical and rather complicated (fig. 50). Three pieces only have the ornament of probably the topic character (fig. 53, *1—3*). The main part of the ornamented pieces was discovered at Oleneostrovskiy cemetery and at Mayak II site. There are a number of differencies between these assemblages on elements and motifs of the ornamentation. The ornamentations of Mayak II site objects are more complicated and have much more variations. It could be explained by the chronological differencies (Mayak II is obviously more early, judging by the C-14 determinations), by the different character of the monuments — the settlement and the cemetery and also there could be some differencies between traditions of ornamentations among some tribes of the Kola peninsula. The Early Metal period ornaments of the Kola peninsula (especially of the Mayak II finds) are most close to the ornaments known at the sites of the Northern Norway. There are also some differencies mostly recognisable on the materials of sculpture.

The ancient sculptures of the Kola peninsula are made of stone (9 pieces), bone and antler (18). The animals figures are represented in 21 cases. An elk prevailes (7 cases), polar bear (4), dog (3), birds (3). Six antropomorphic figures were found, three of them are placed on the handles of the tools. The original bone plate with the incised design of a human being face must be mentioned (fig. 52, *6*).

Among the others pieces of art are the ornamented bones (fig. 52, *8*), the specially prepared pendants, the amber beads, the buttons with V-shape boring, the teeth of animals (mostly of elk) with holes for the use as a pendants. Maceheads made on steatite (10 ex.) with the polished surface, often with the ornamentation, were found also. The similar finds are known in Finland and Norway. Most probably they are prestige objects belonged to a chiefs or priests ("shamans"). In the understanding of the primeval art N. N. Gurina followed in many instances the conception of S. V. Ivanov (Ivanov, 1954, 1963, 1979).

The rock-carvings discovered by the expedition at the middle river Ponoj basin (Gurina, 1976) are in consideration also. The earliest petroglyphs on the opinion of N. N. Gurina could be dated to the final Neolithic — the beginning of the Bronze Age. They are comparable with the Karelian petroglyphs and the late group of them is more close to the Northern Norwegian rock-art.

The burials also gave some materials concern the menthality of the ancient populations. Probably the data reflect the division of the Universum into three parts.

The links of the Kola peninsula ancient population with the populations of the adjacent areas. The common and the peculiar traits of the culture. N. N. Gurina noticed some common elements of the Kola peninsula Neolithic pottery ornamentation with the Neolithic pottery of the Eastern areas. The spread of specific light flint from the White sea coast is known in Neolithic and Early Metal period especially in Southern part of the peninsula. Some types of tools typical for the White sea coast sites first of all of the arrowpoints appeared together with this kind of flint. The Karelian elements are recognisable also in the materials of the Neolithic and the Early Metal period sites in the Southern and Central parts of the peninsula. The author of the volume expressed opinion, that the common traits in these cases we have to explain by the strong links but not by the large-scale movements of the populations. The finds of the amber ornaments indicate the links with the Eastern Baltic area. Some connections with the Southern Scandinavia are evidenced by the grave assemblage found in B.Peskonetz. The most numerous common elements with the Kola materials are observable in the

collections of the sites of Northern Norway and at the less degree of the Northern Finland. Some of the common traits in this case are very specific. N. N. Gurina expressed opinion, that a number of similarities in the material and spiritual cultures recognisable in the large area including Karelia, Finland, Norway and Kola peninsula could be explained by the similar natural conditions. The same time the peculiarities of the Kola peninsula materials are obvious. The author of the volume suggested to determine the specific Neolithic "Kola culture". The elements of the culture survived also in the Early Metal period. During this period the differences between the Southern and the Northern parts of the peninsula became observable. The materials show the genetical links between the Neolithic and the Early Metal period in the area.

Some data concerning the Medieval time. The Early Medieval period is the most poorly known at the Kola peninsula. The important materials were reached in 1969, 1979, 1982 by the expeditions of N. N. Gurina and O. V. Ovsjannikov at the Southern coast of the peninsula. There close to the Kuzomen point the cemetery dated to XI—XII centuries A. D. was discovered and excavated. A number of some more late medieval sites were found at the Northern coast of the peninsula.

The archaeological sources and the problem of the Saami people origin. The archaeological materials of the Kola peninsula show the uninterrupted development of the culture from the time of the first populations appearance to the beginning of the Christian era. Also judging by the ecological conditions and the geological data of the region there did not happened any catastrophes which could press the populations to leave this area. The situation is making probable the large participation of the ancient population in the process of the aboriginal people Saami origin. To the regret not the all periods are studied in details. The materials are restricted for the I-st mill. B. C., I-st mill. A. D. and also for the beginning of the II-d mill. A. D. The same time we have some important sources including Oleneostrovskiy cemetery, Ekatherininskaya sites and assemblages of Mayak II and Mys Semerka II with the plain pottery connected in some cases with the evidences of iron production. The materials reached in the Central part of the peninsula in the Lovozero lake area at the site N. Salma by L. G. Shayahmetova excavations are of importance also. The finds of the I-st mill. A. D. were bedded there above the Early Metal period materials. We can suggest basing on the factual data, that the assemblage of the first centuries A. D. at N. Salma is linked by the genesis with the preceded one. The materials of the II-d mill. A. D. are rare but among the Kuzomen finds are the ornaments and some other objects analogous to the material culture of the Finnish populations of Ladoga, Novgorod and Jaroslavl areas. Probably this population had not the large spread over all the peninsula. At the Northern coast of the peninsula are well known the traces of dwellings with the stone settings of the round or the rectangular shape obviously belong to the aboriginal population and dated not earlier than to the Medieval time. A certain traditions in dwelling constructions are observable from the Neolithic probably to the Late Medieval time. It is not easy to correlate the archaeological data with anthropological and ethnografical materials. The last one came from the second half of the XX century only, when there had been the strong assimilation of the local aboriginal population.

The archaeological entity is recognisable in the area of Karelia, Finland, Norway and Kola peninsula. Some links to South — Eastern direction (to the direction of modern Arhangelsk, Vologda districts, Komi republic) existed. The data for any links with the more eastern areas (Ural, Kama basin etc.) are absent. The old idea of the circumpolar culture is not supported by the Kola peninsula archaeological materials. The genetical succession is tracing from the Mesolithic to the begining of the I mill. A. D. We can talk about the development of the culture and the stable and uninterrupted development of the human entity which could be determined following the division into periods of the Saamian ethnogenesis process worked out by K. Karpelan (1979, 1982) as protosaamian.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рисунок 1А

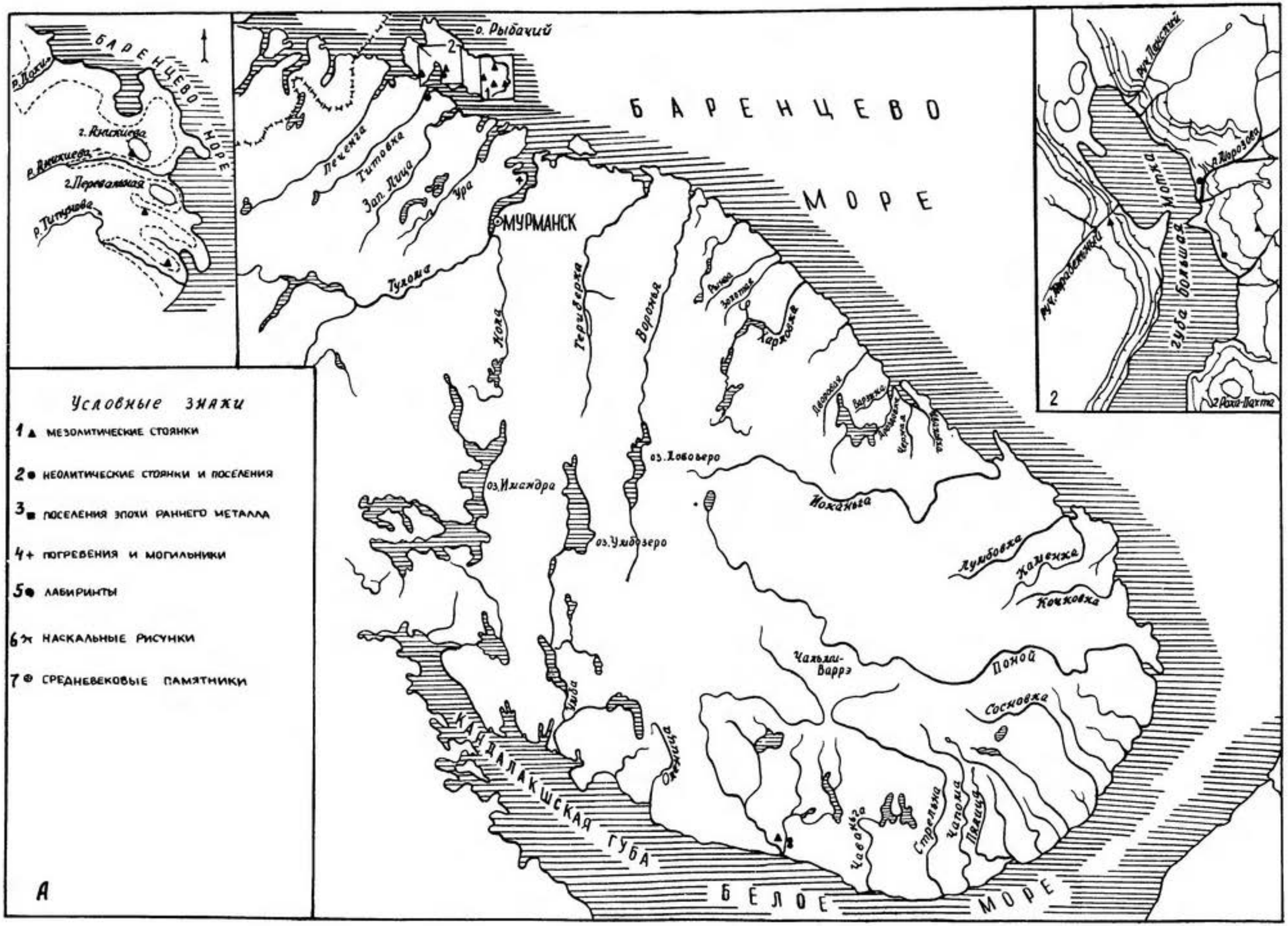
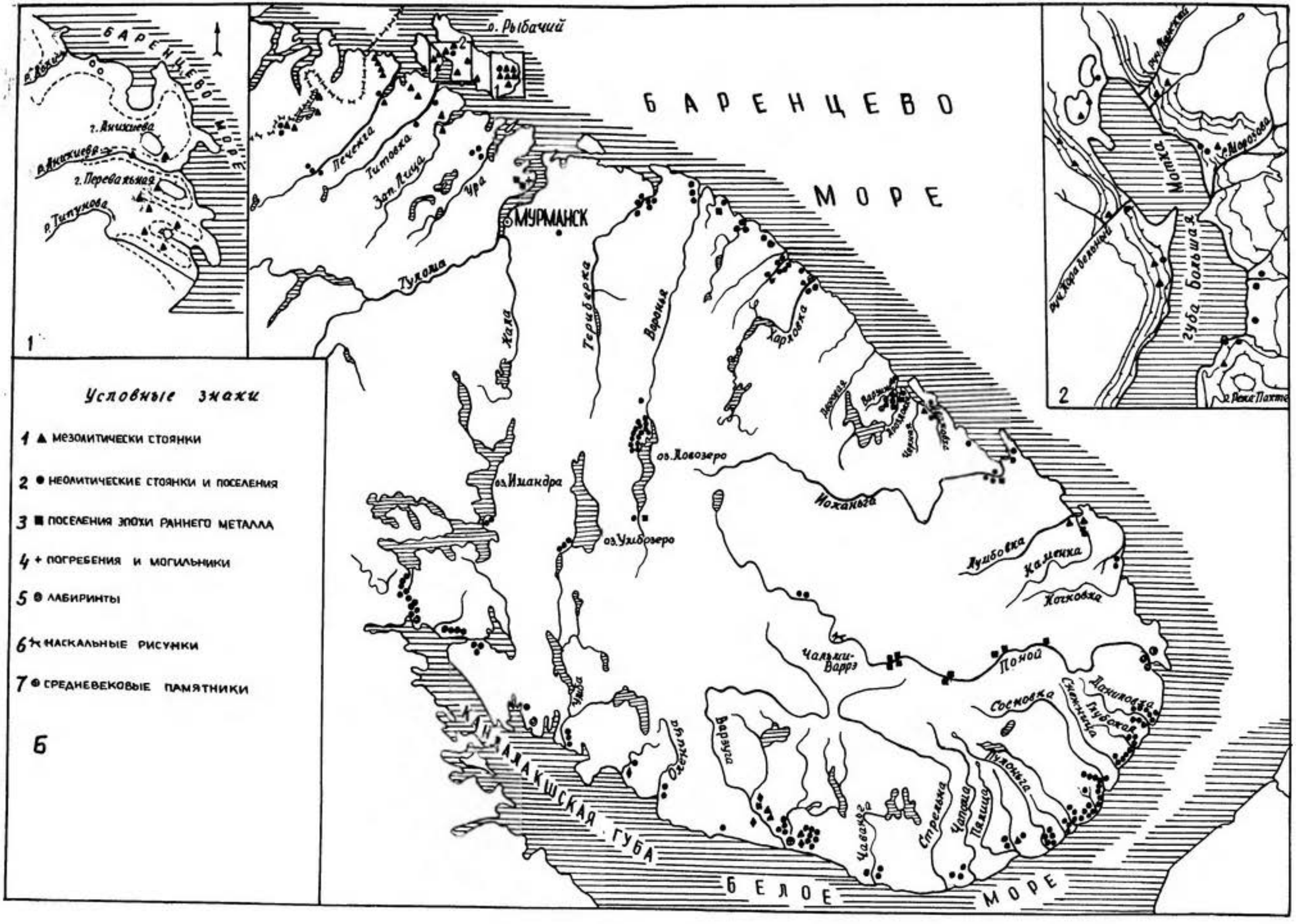

Условные знаки
1 ▲ мезолитические стоянки
2 ● неолитические стоянки и поселения
3 ■ поселения эпохи раннего металла
4 + погребения и могильники
5 ● лабиринты
6 ✳ наскальные рисунки
7 ⊕ средневековые памятники
А
Баренцево море
Белое море
Мурманск
о. Рыбачий
Печенга
Титовка
Зап. Лица
Ура
Териберка
Воронья
Кола
Туломa
Харловка
Ковда
Кандалакшская губа
оз. Имандра
оз. Умбозеро
оз. Ловозеро
Ножкина
Лумбовка
Каменка
Кочковка
Чапьяги-Варрэ
Поной
Сосновка
Стрелка
Чаваньга
Пялица
г. Янискоски
р. Янискоски
г. Перевальная
р. Титовка
р. Лухи
Мотка
губа Большая
г. Кола
г. Полярный
г. Североморск
г. Ваенга
г. Мурманск
г. Апатиты
г. Кировск
г. Ковдор
г. Кандалакша
г. Оленегорск
г. Мончегорск
г. Ловозеро
г. Кировск
г. Апатиты
г. Кандалакша
г. Ковдор

Рисунок 15


Условные знаки
1 ▲ мезолитические стоянки
2 ● неолитические стоянки и поселения
3 ■ поселения эпохи раннего металла
4 + погребения и могильники
5 ⊛ лабиринты
6 наскальные рисунки
7 ⊛ средневековые памятники
Б
1
2
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
БЕЛОЕ МОРЕ
МУРМАНСК
о. Рыбачий
Печенга
Титовка
Зап. Лица
Ура
Тулома
Харлова
Териберка
Варзуга
оз. Имандра
оз. Ловозеро
оз. Умбозеро
Мотка
Чапома
Поной
Сосновка
Пялица
Кашкаранцы
Мошковка
Губа большая
Кереть
Порьей
Ковда
Кандалакшская губа

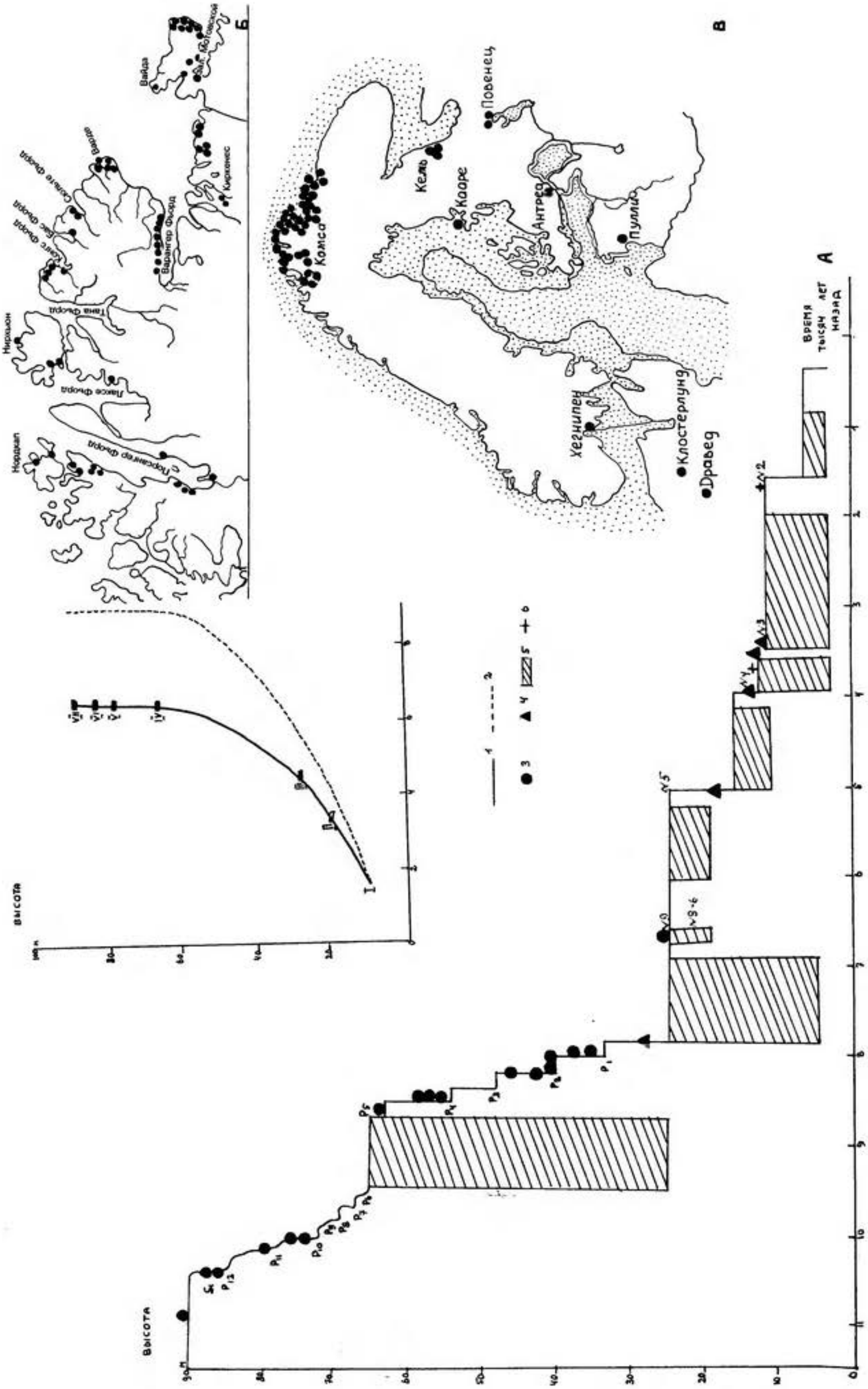

Б
Варангер Фьорд
Кировекс
Вайда
Вайда Губа
Нордкап
Лаксе фьорд
Тана фьорд
Сенья фьорд
Нарвик
В
Комса
Кель
Коаре
Антред
Повенец
Пулиа
Хегнилен
Клостерлунд
Дравед
А
ВРЕМЯ
ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД
ВЫСОТА
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII

Рисунок 2

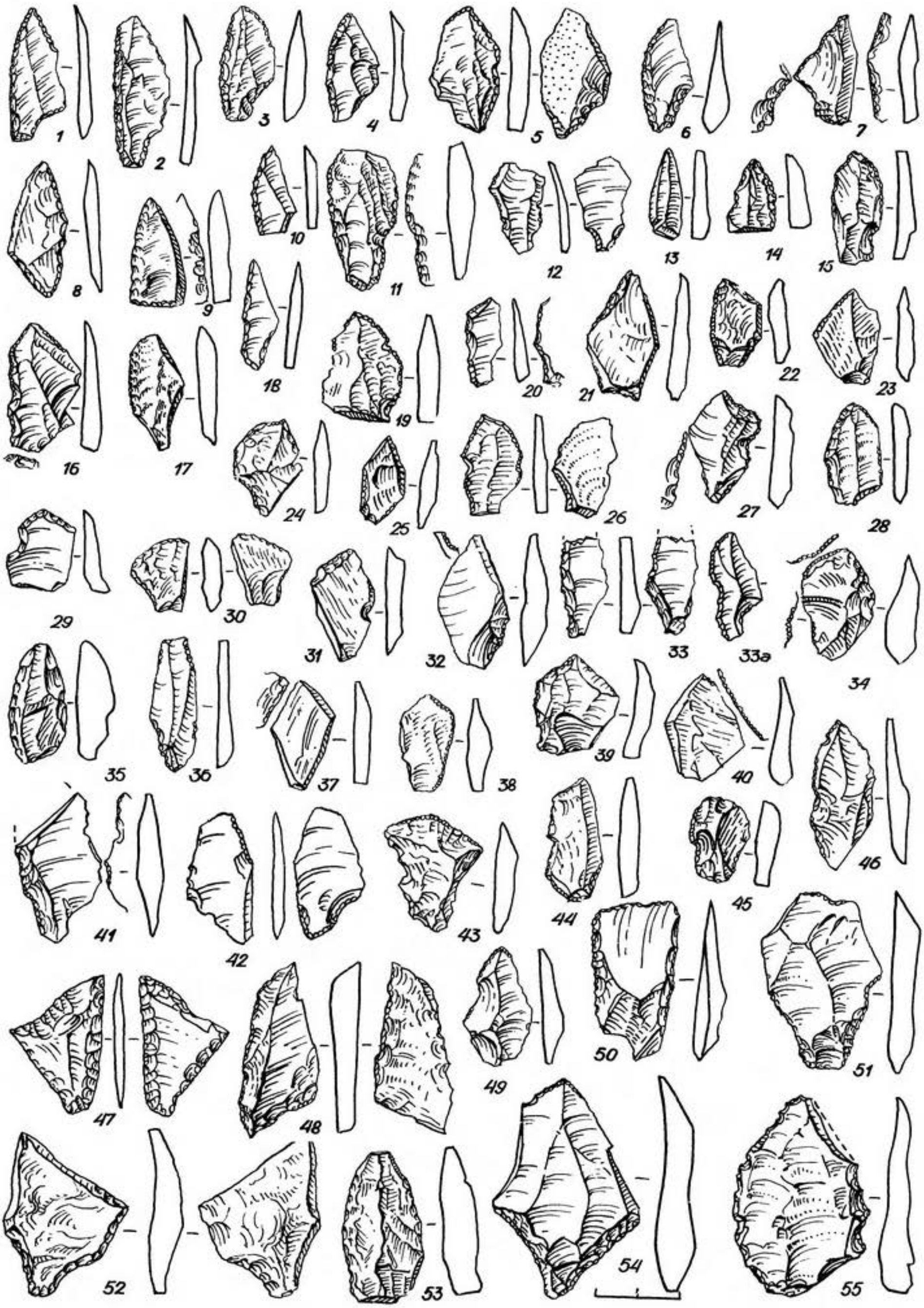
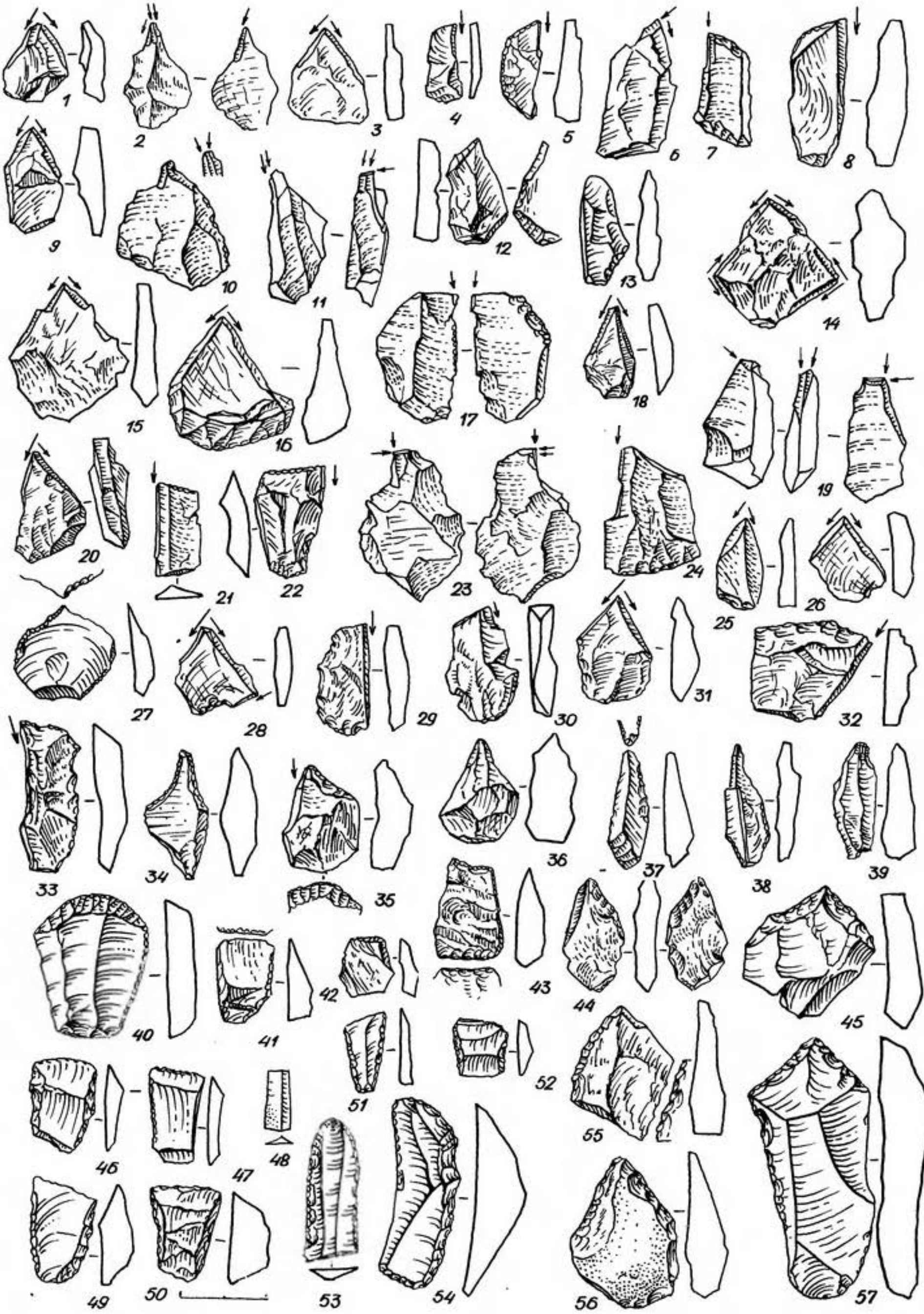


Рисунок 3



11 Зак. 25

Рисунок 4

Рисунок 5

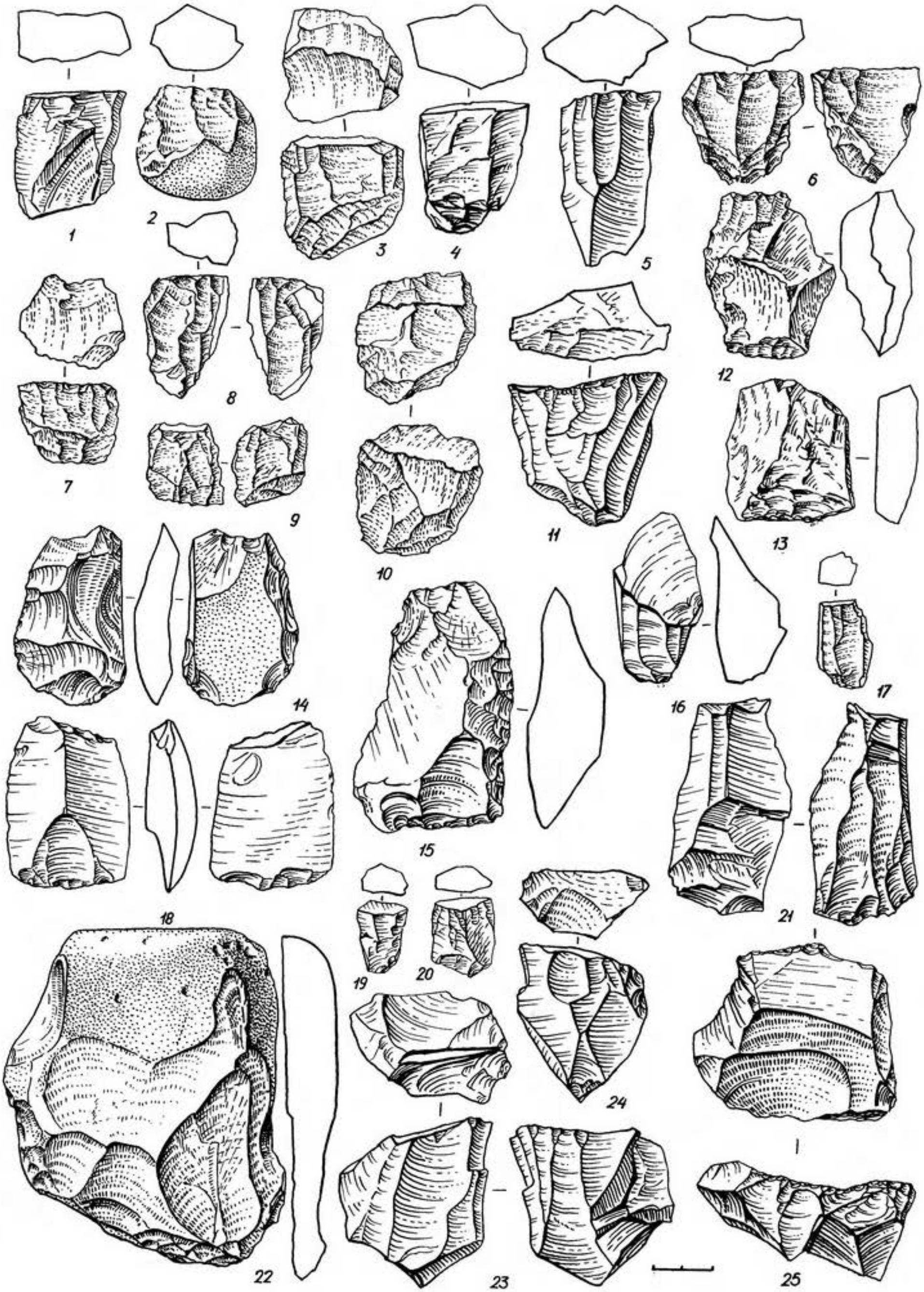


Рисунок 6

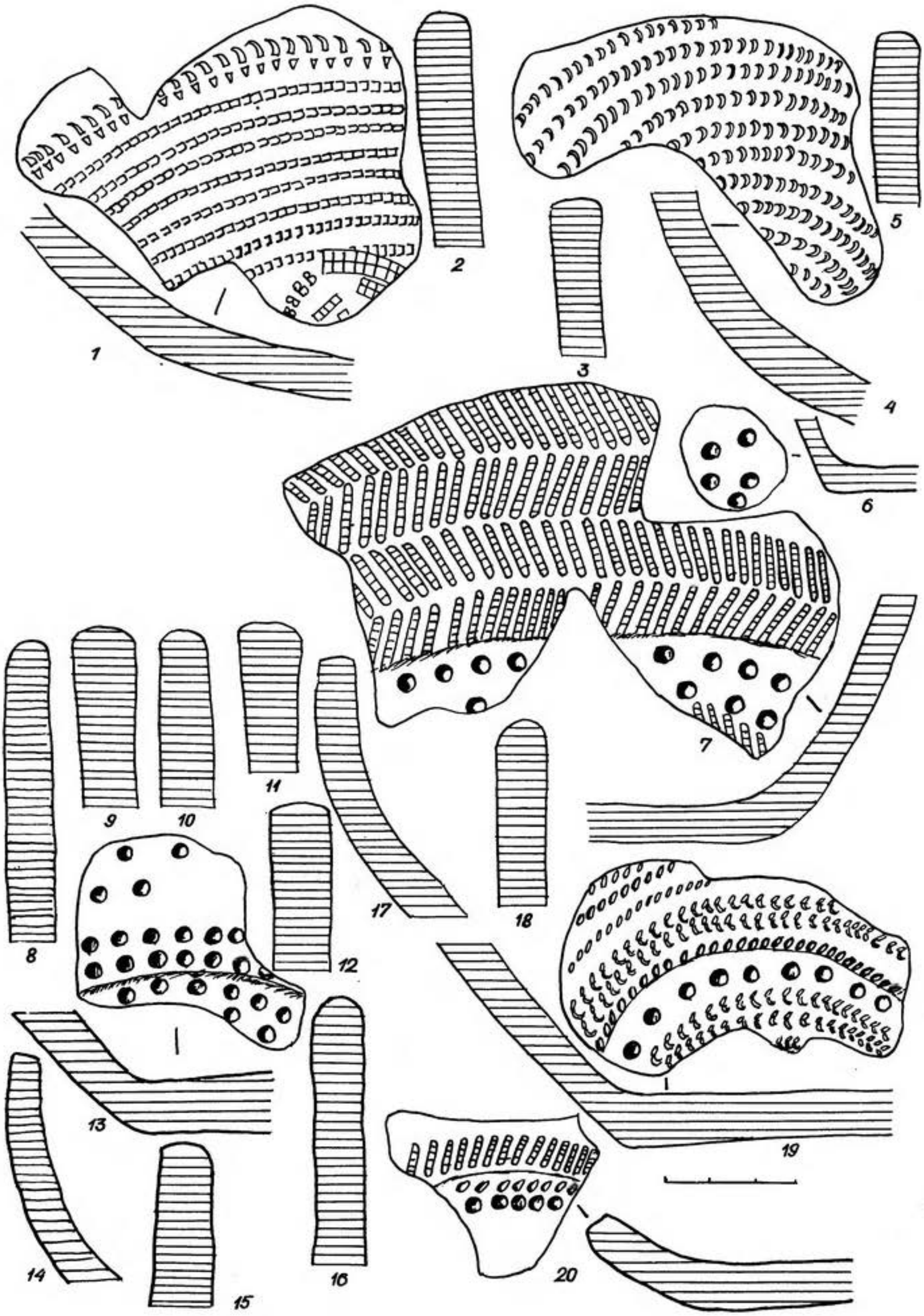


Рисунок 7

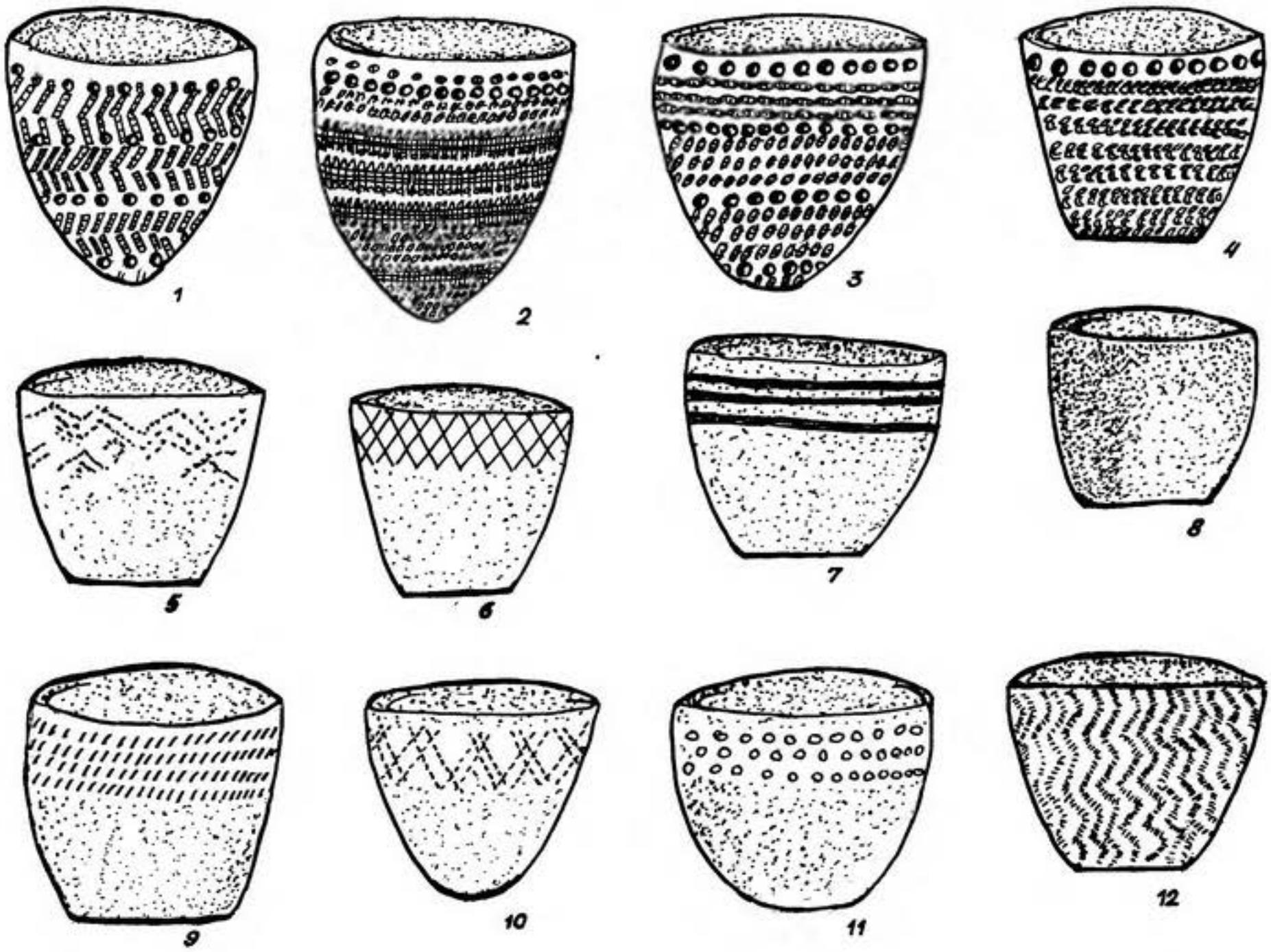


Рисунок 8

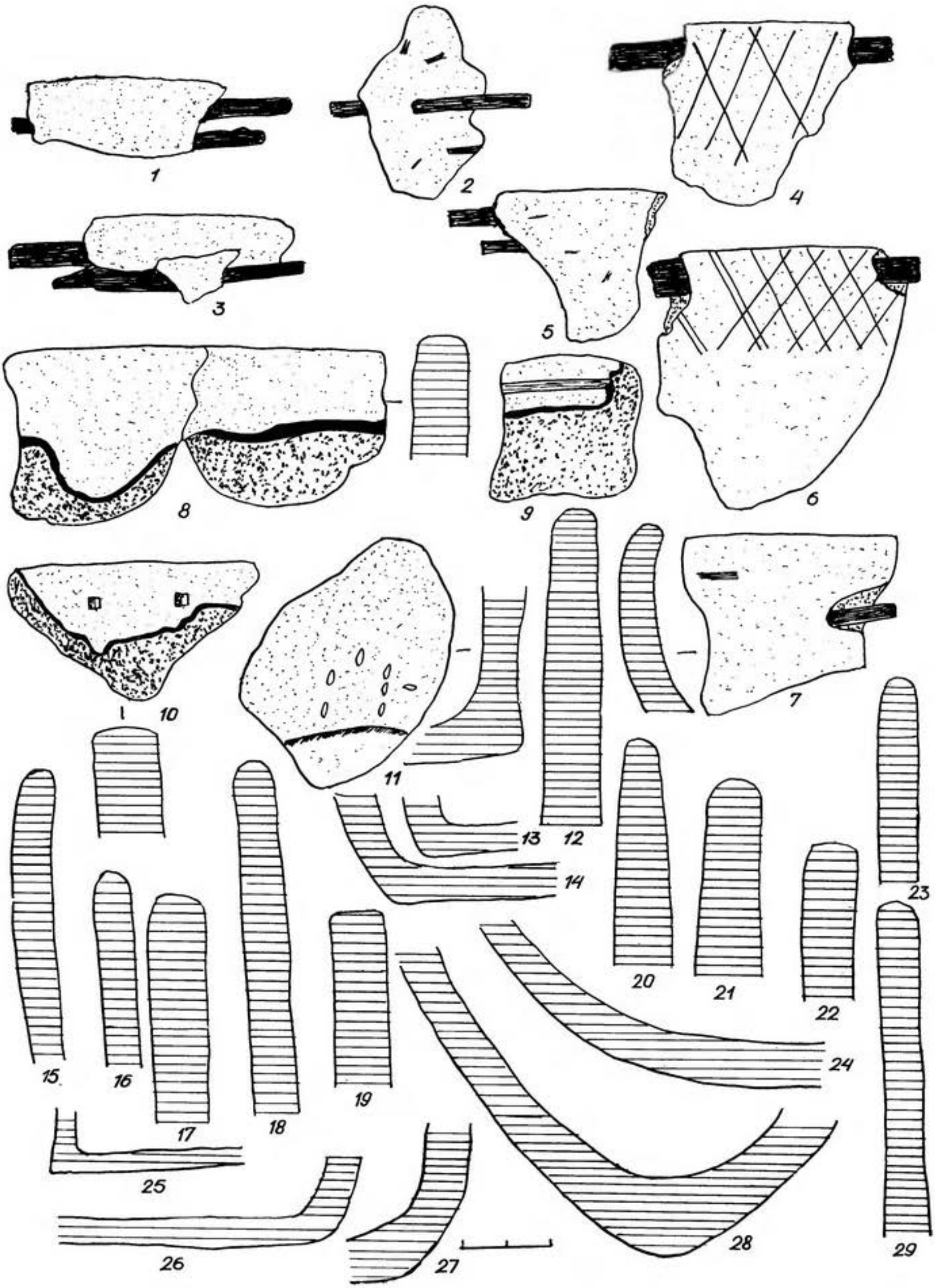


Рисунок 9

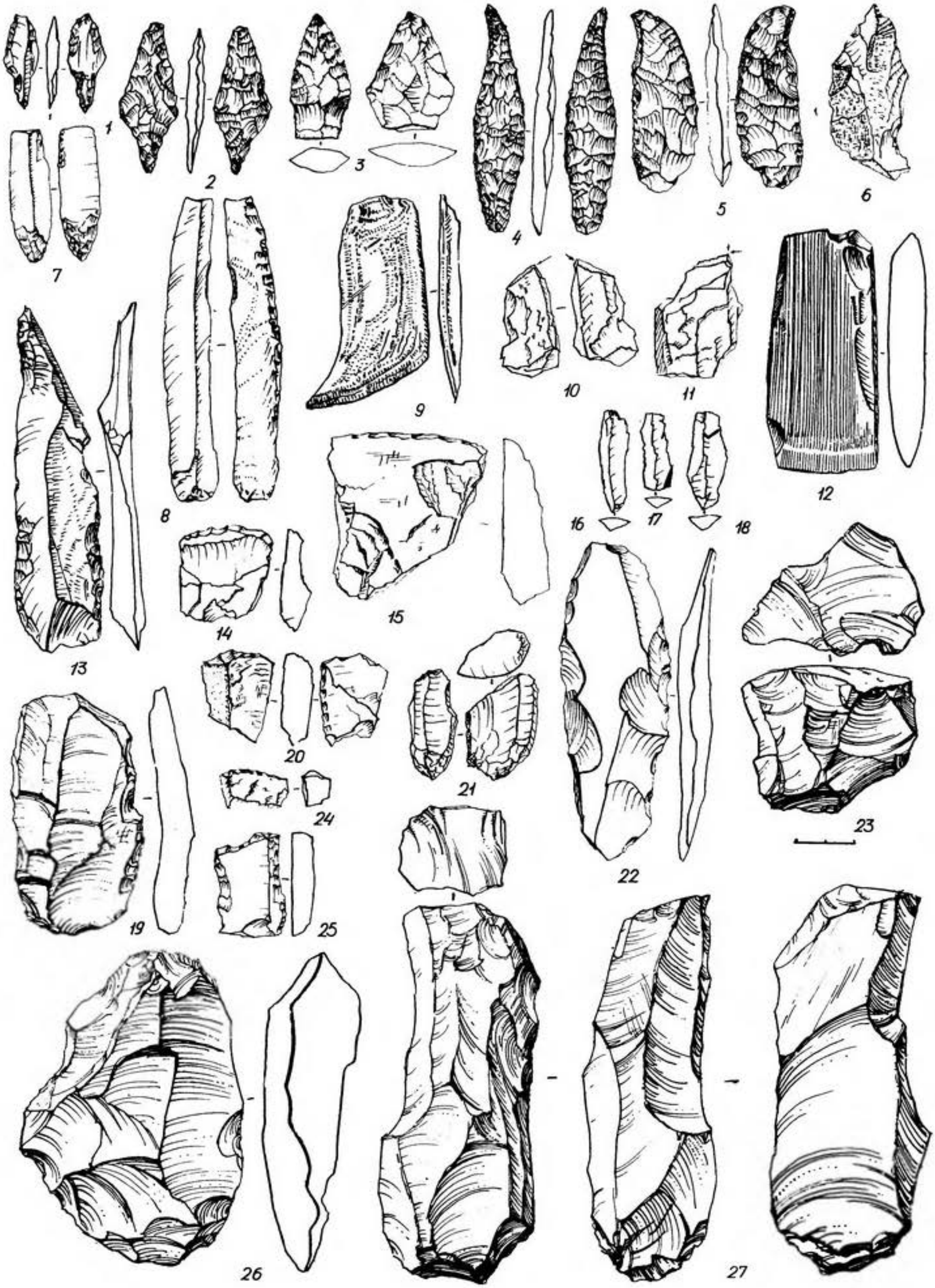


Рисунок 10

Рисунок 11

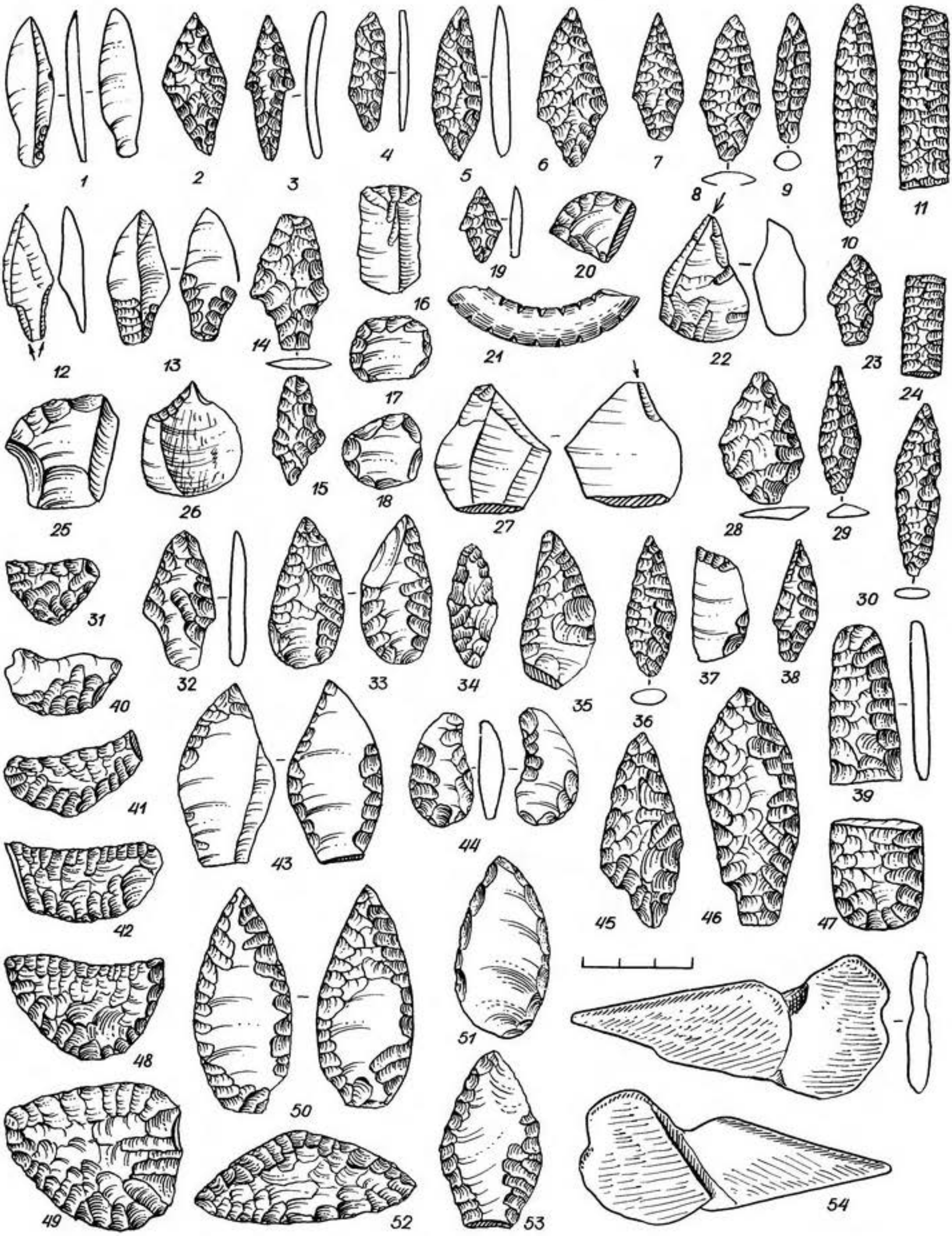

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54

Рисунок 12

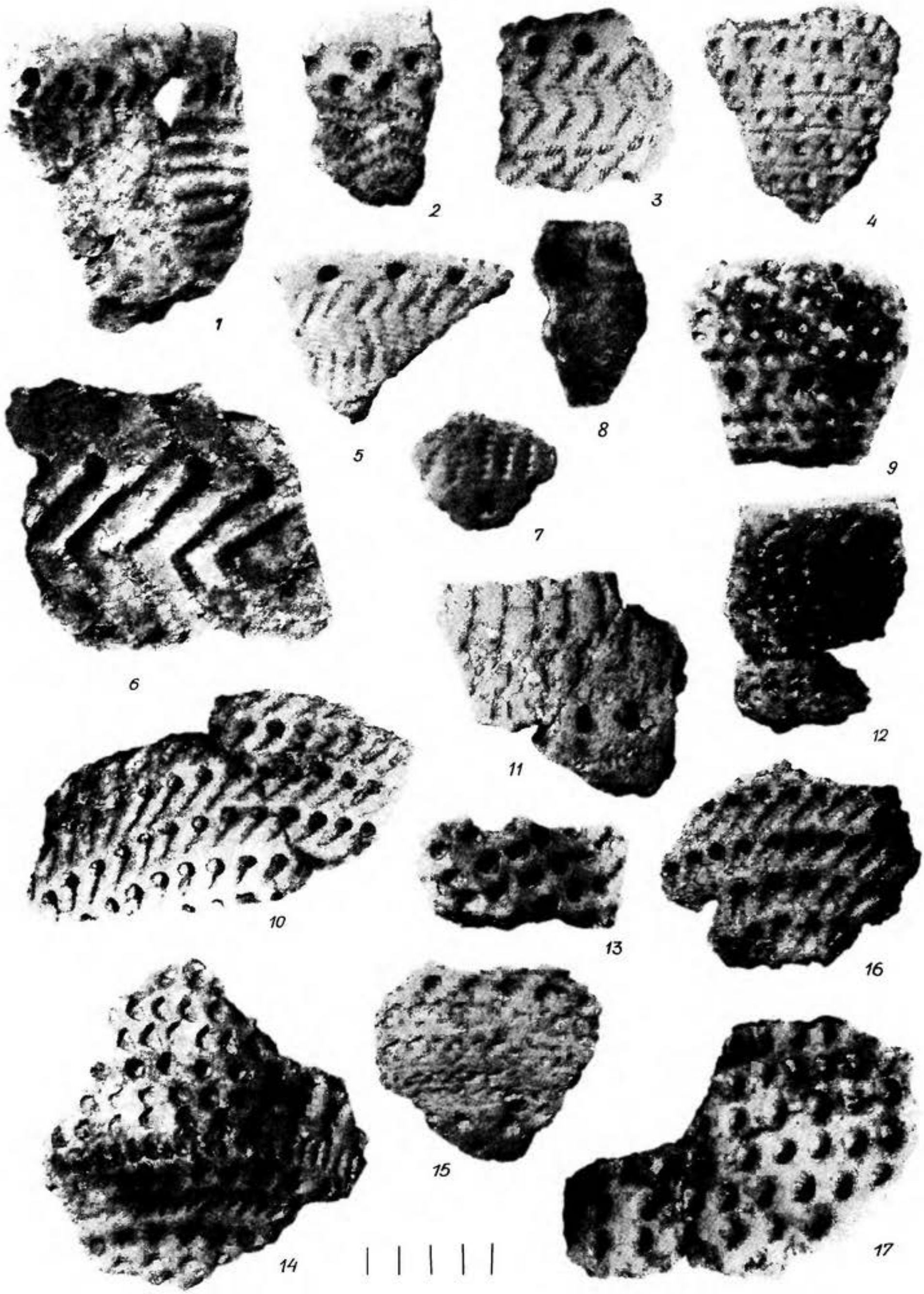


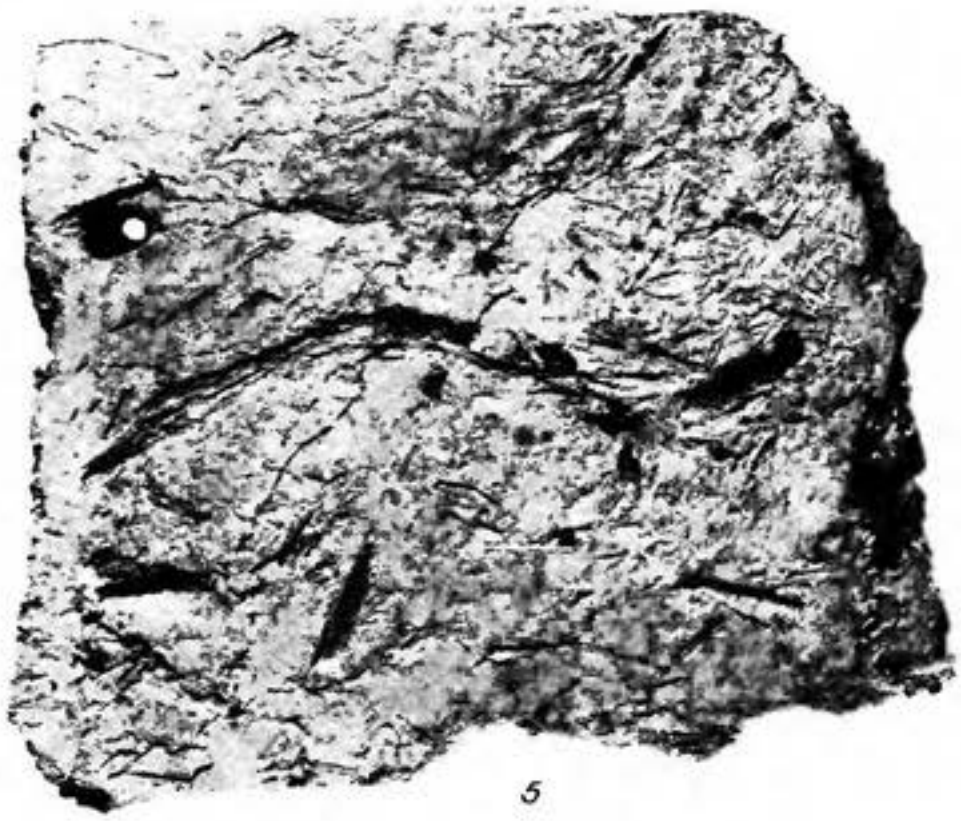
Рисунок 13

1

2

3

4



5

6

Рисунок 14

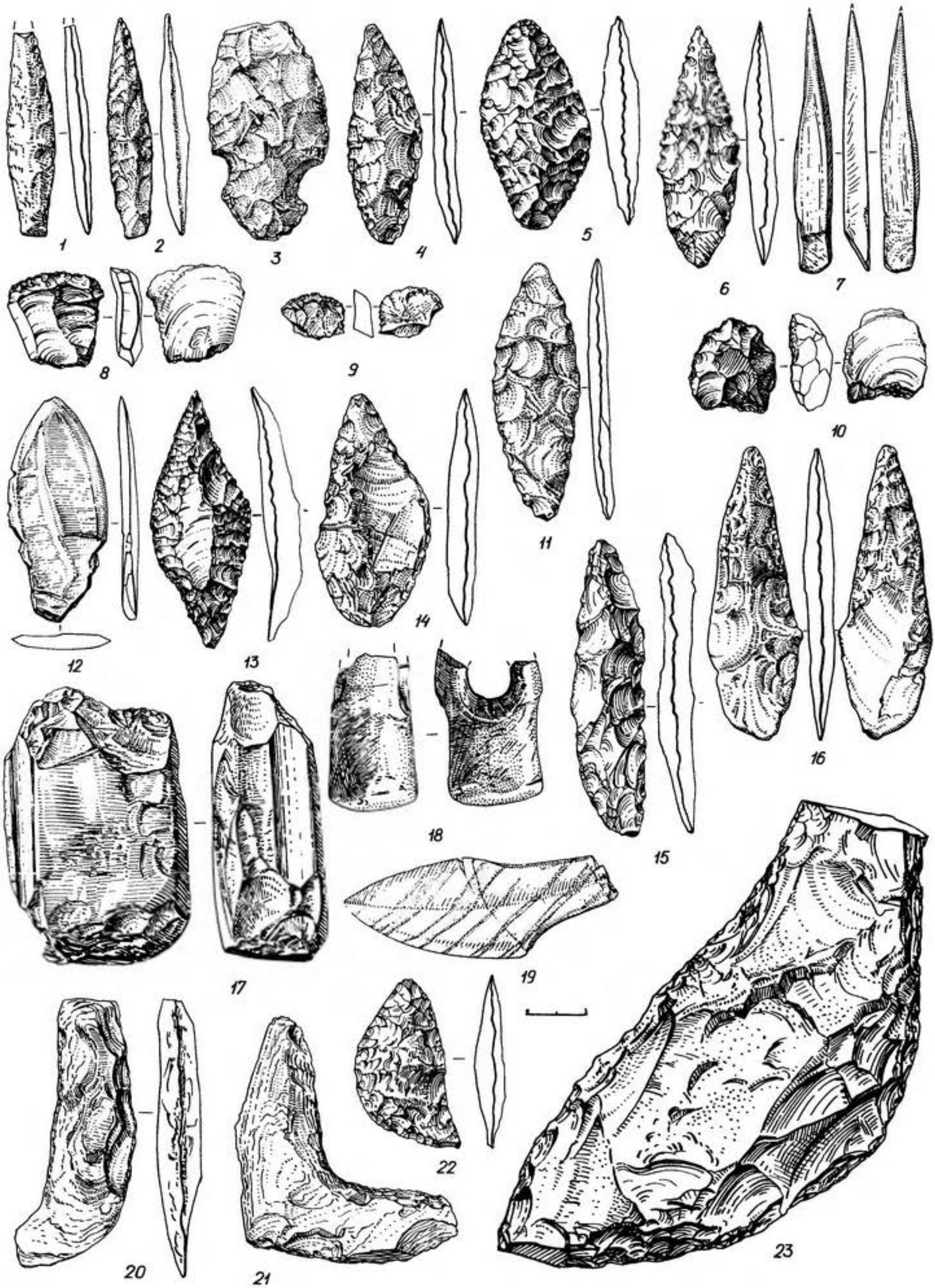


Рисунок 15

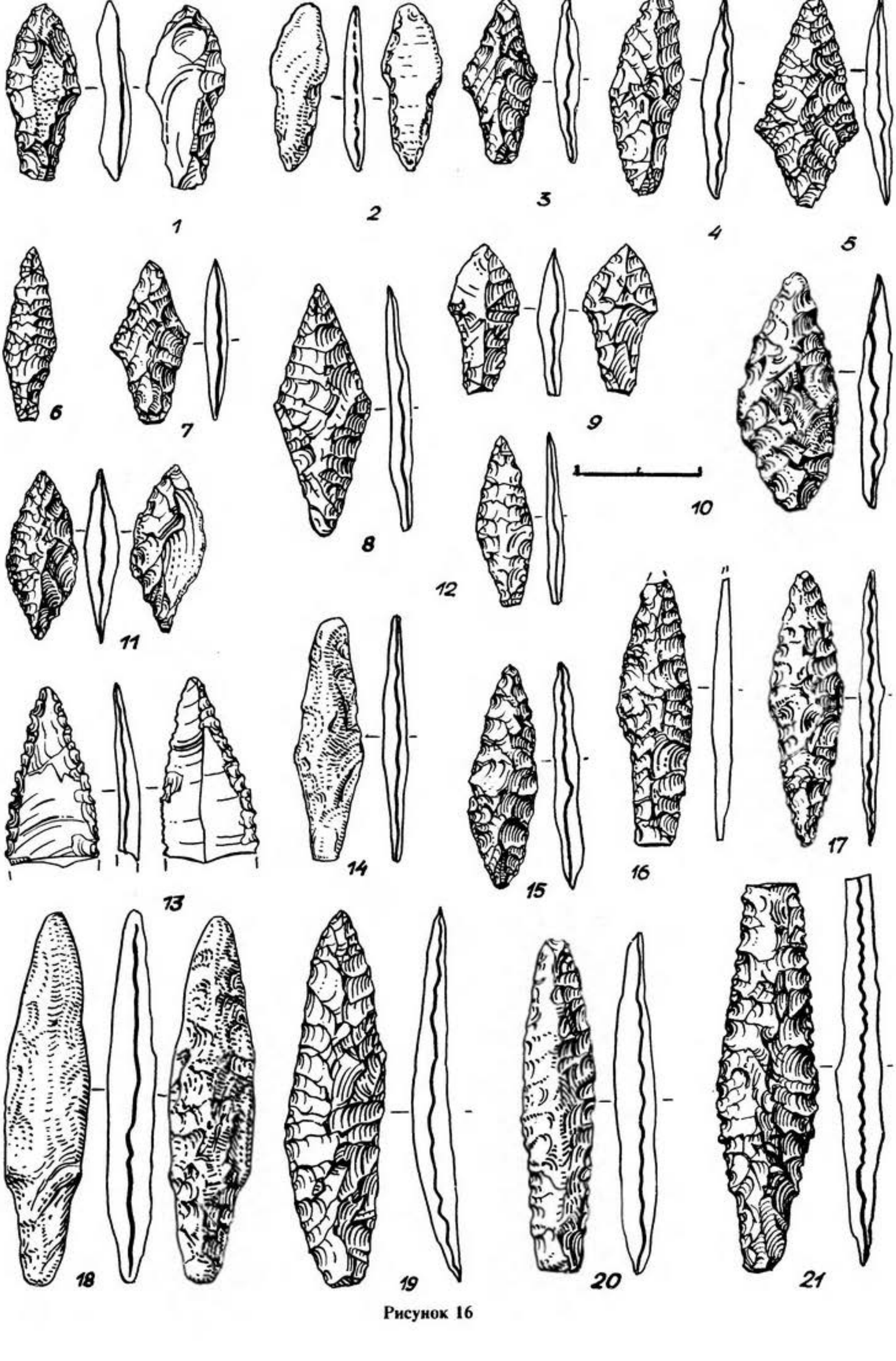
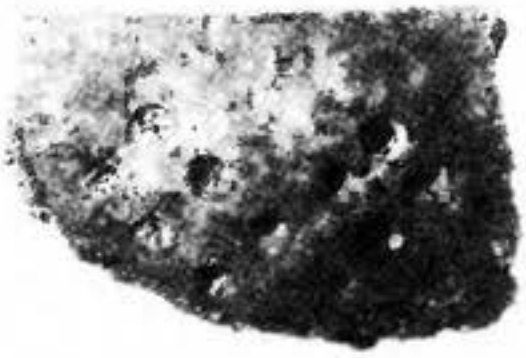


Рисунок 16

1



2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

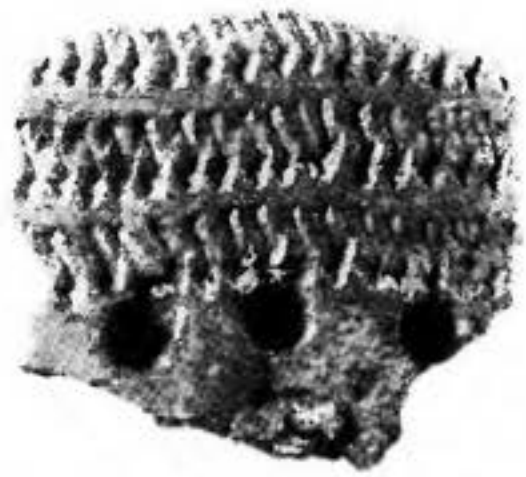
12

18

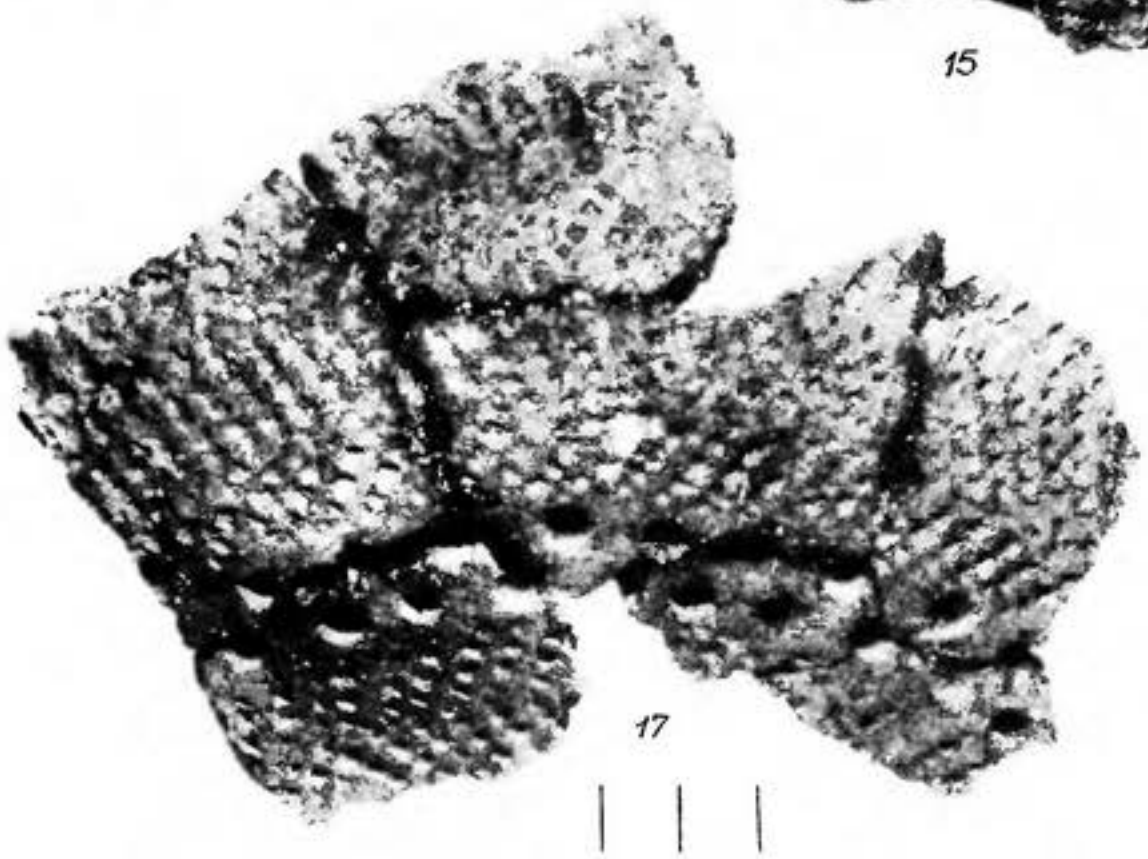
13

14

15



16



17

Рисунок 17

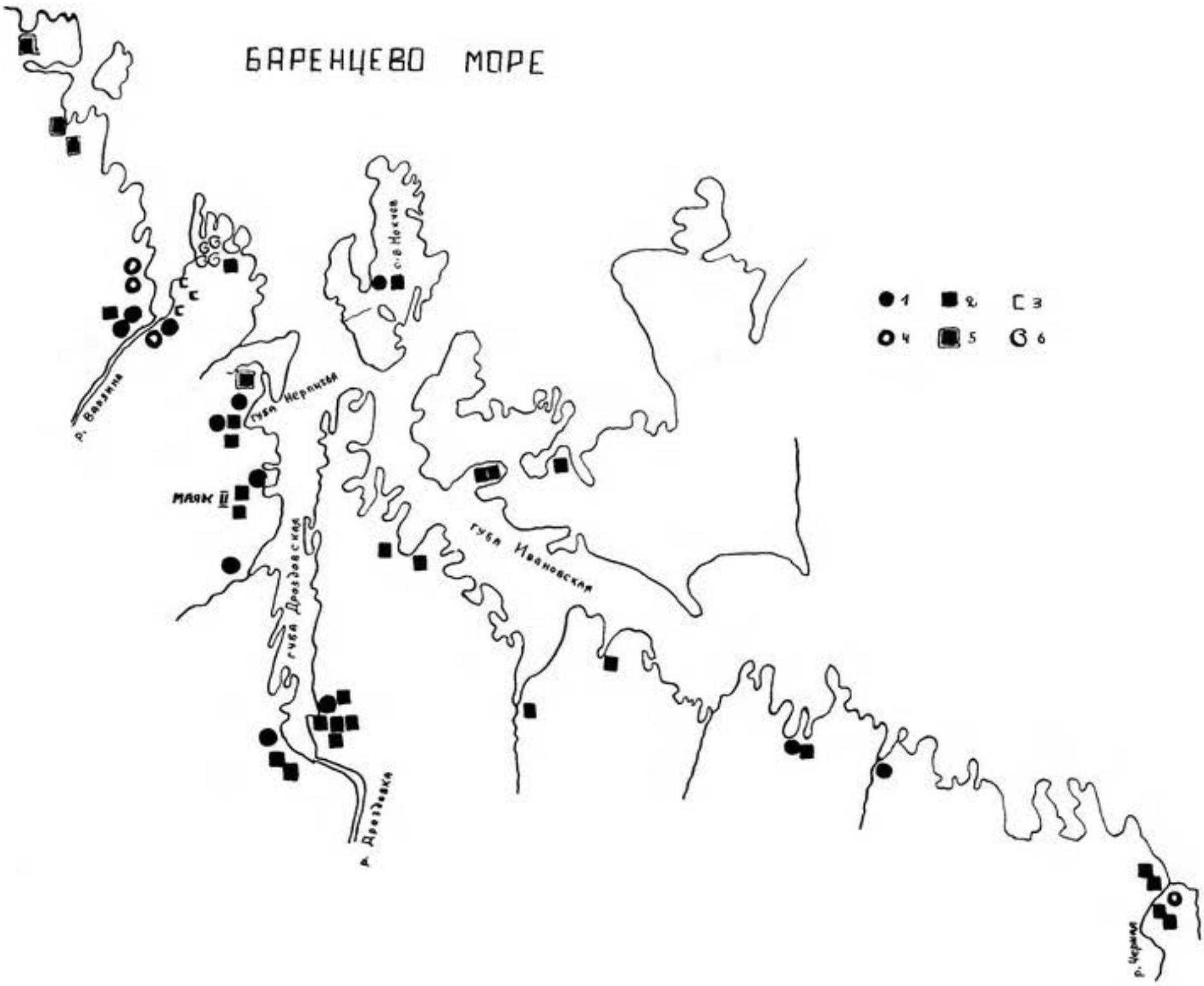
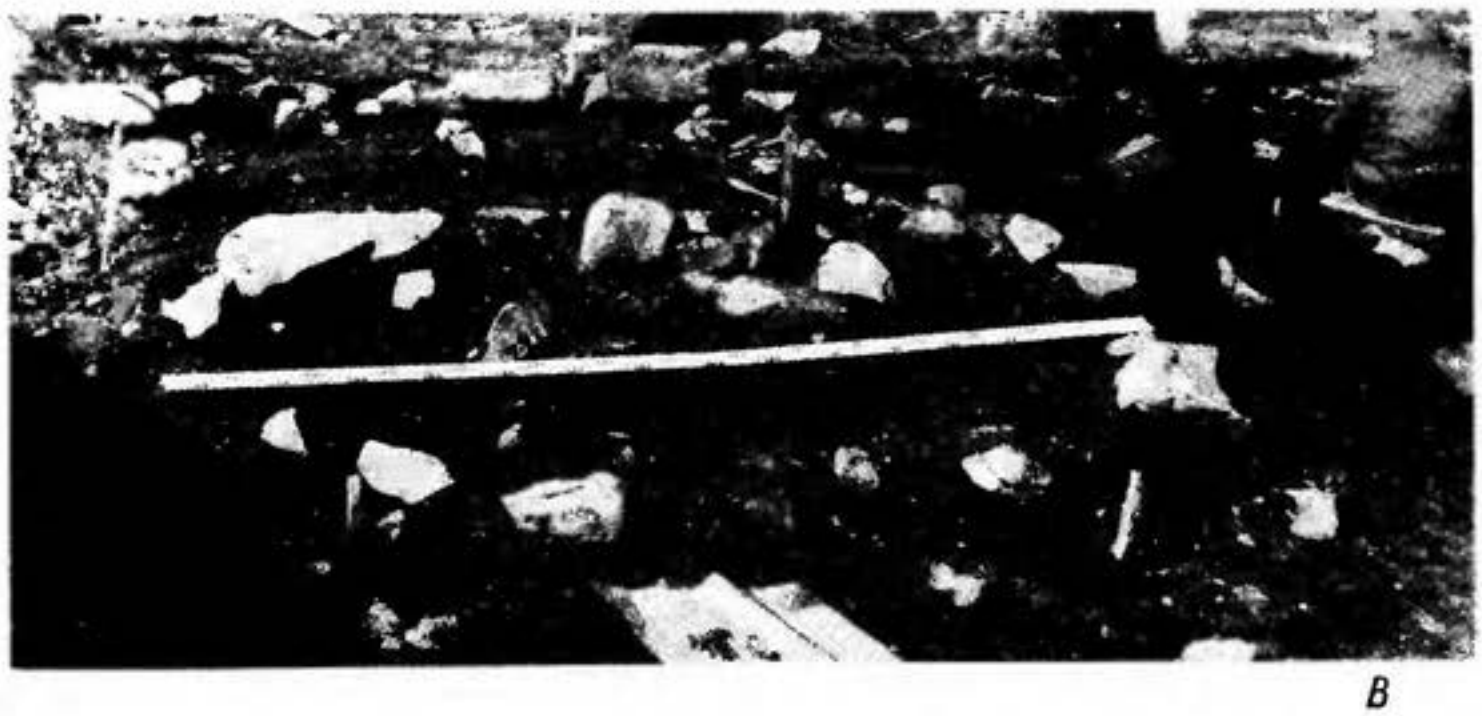

БАРЕНЦЕВО МОРЕ
1
2
3
4
5
6
р. Ваэдяна
губа Нерпичья
Маяк II
губа Дроздовская
р. Дроздовка
о-в Ножев
губа Ивановская
р. Черная

Рисунок 18

А

Б



В

Рисунок 19

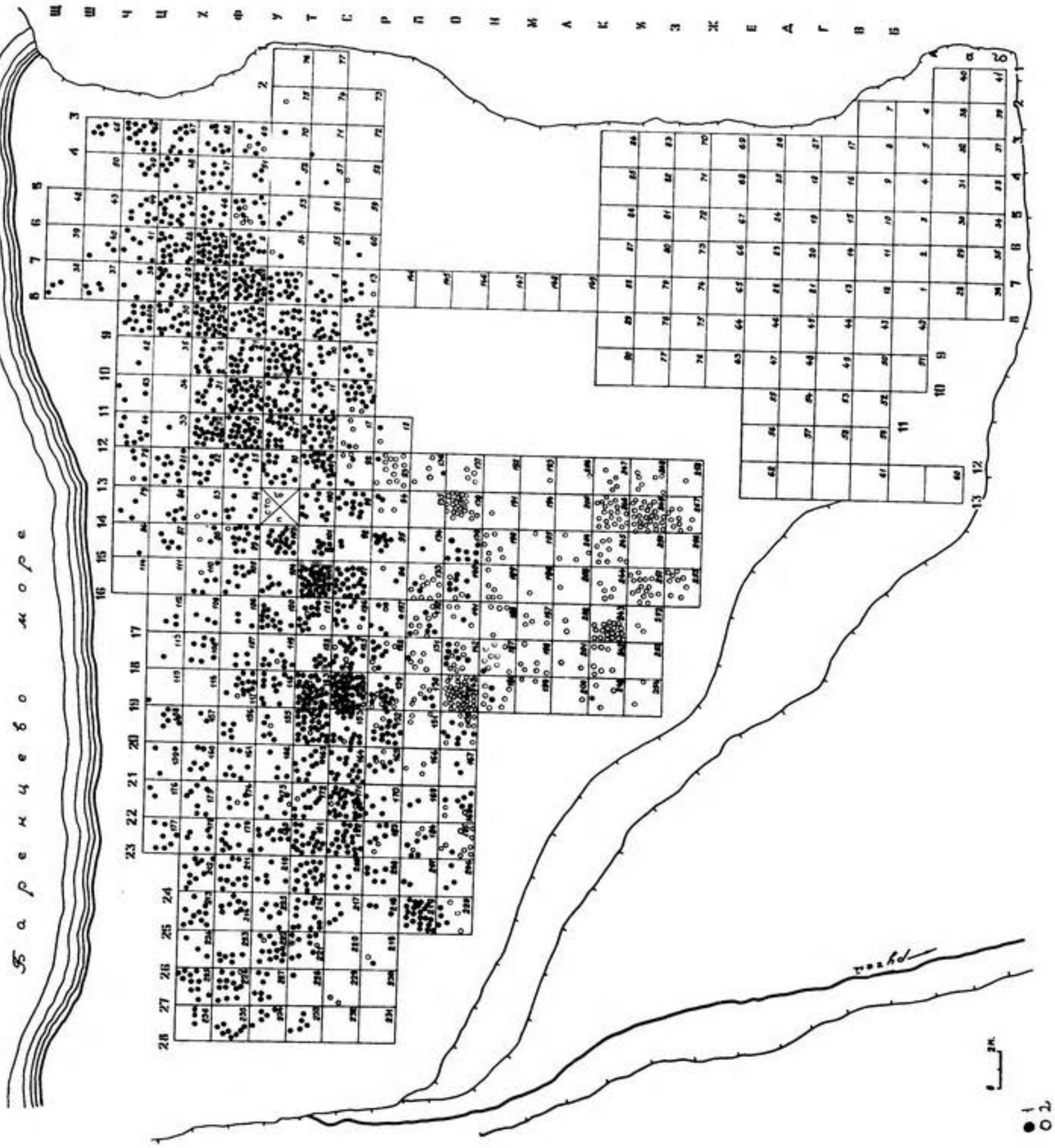

Ш Ш Ч Ц Х Ф У Т С Р П О Н Ж А К И З Ж Е А Г В Б
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28
а б
Море
Заречье
1
2

Рисунок 20

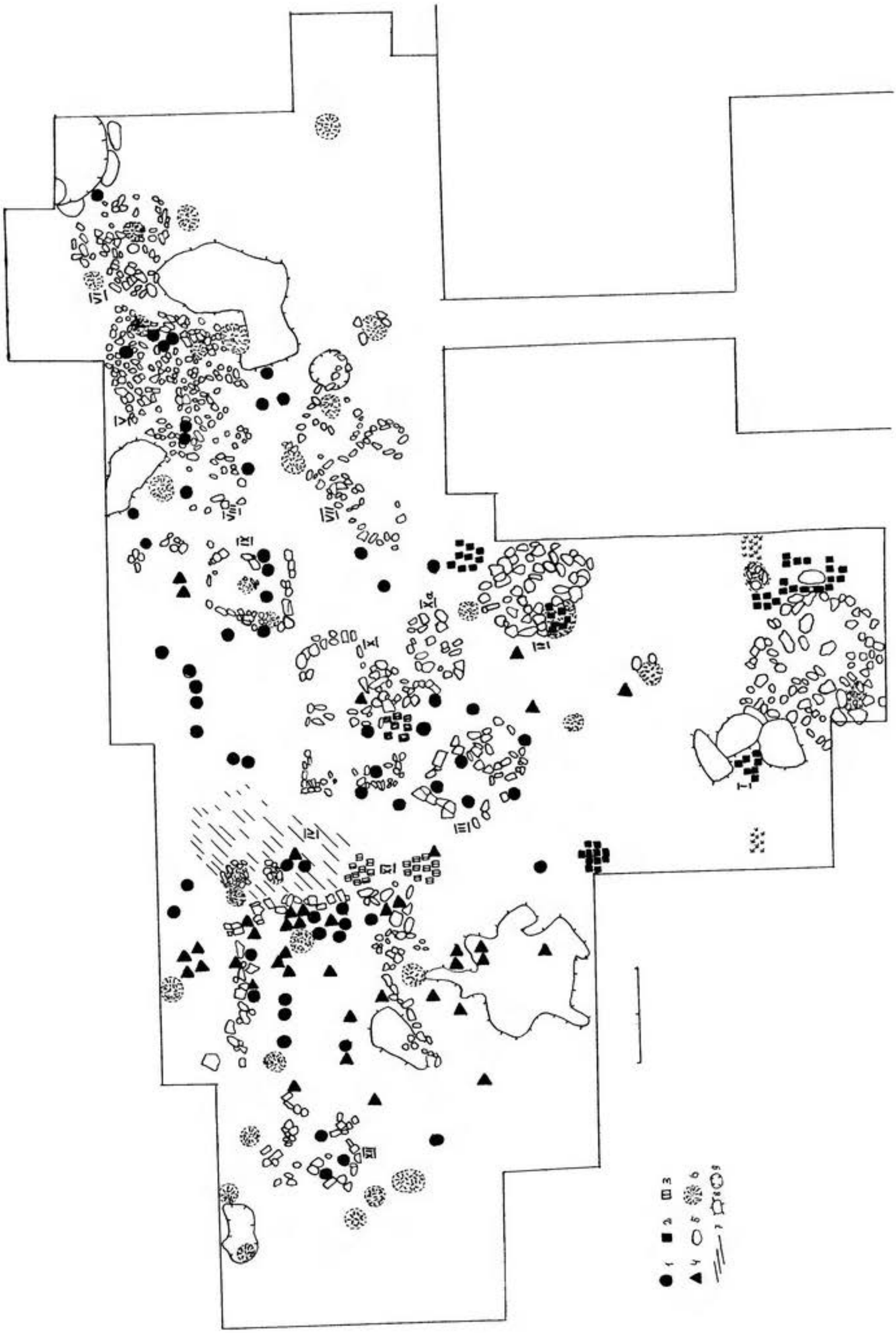


Рисунок 21

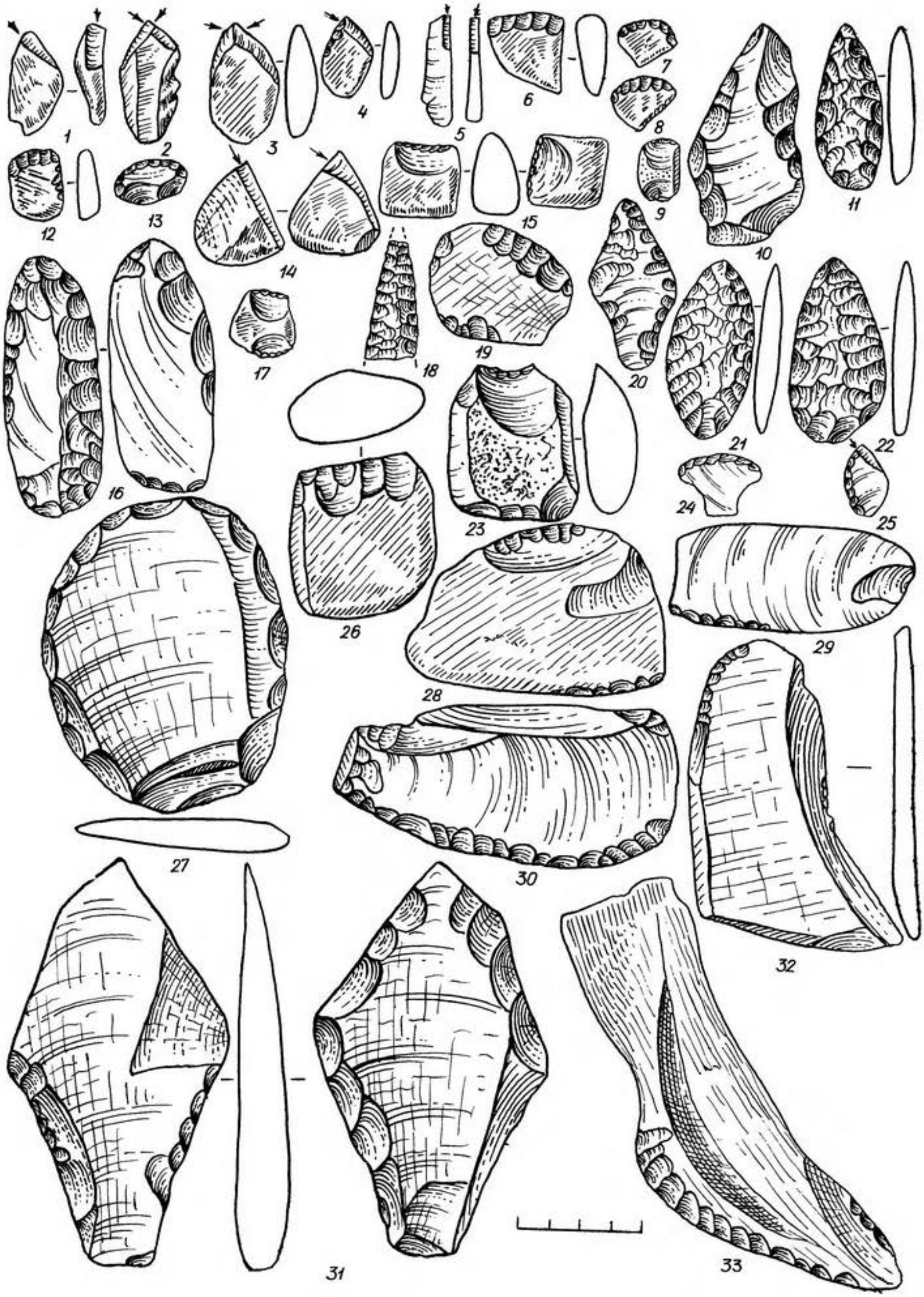

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33

Рисунок 22

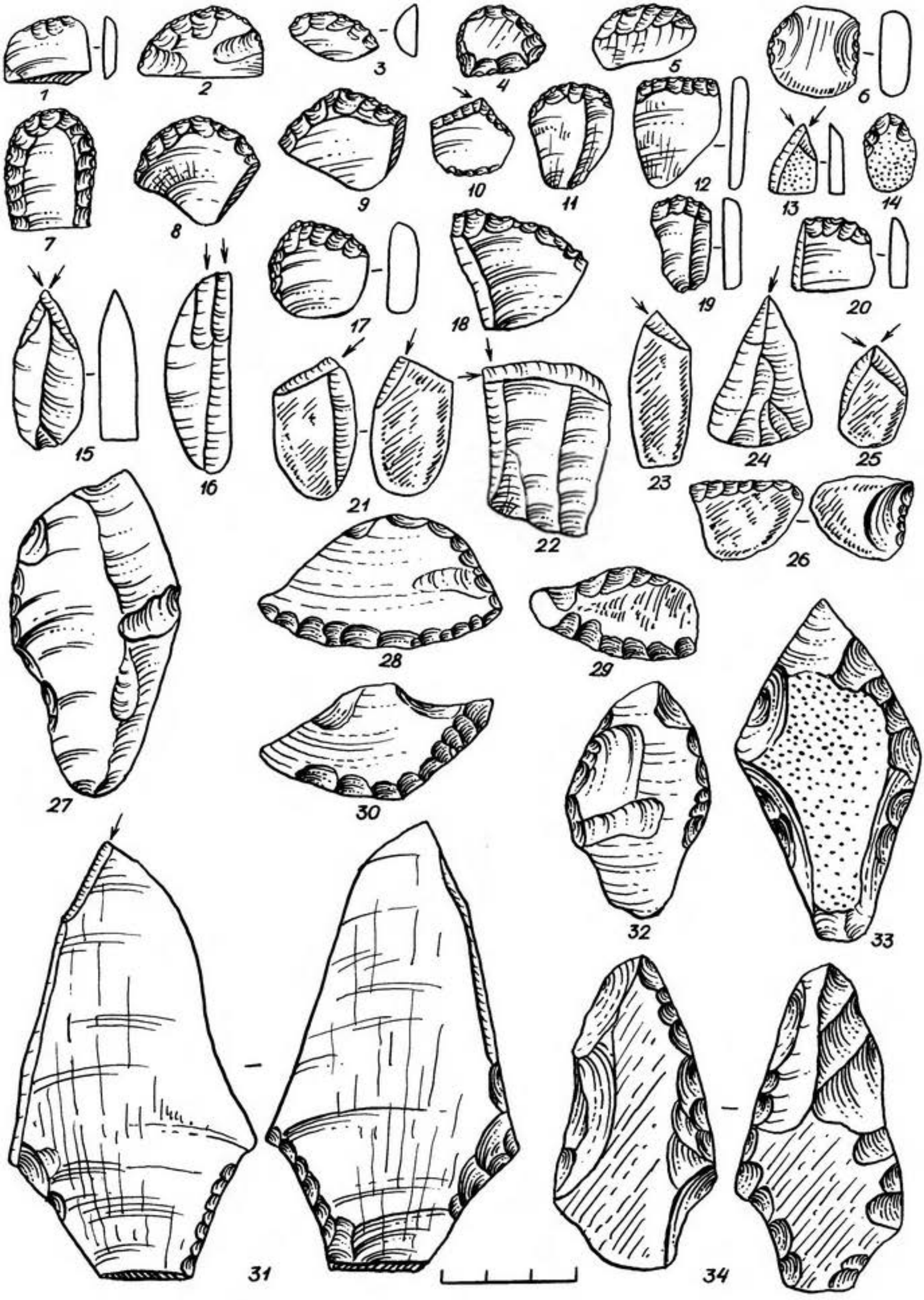

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34

Рисунок 23

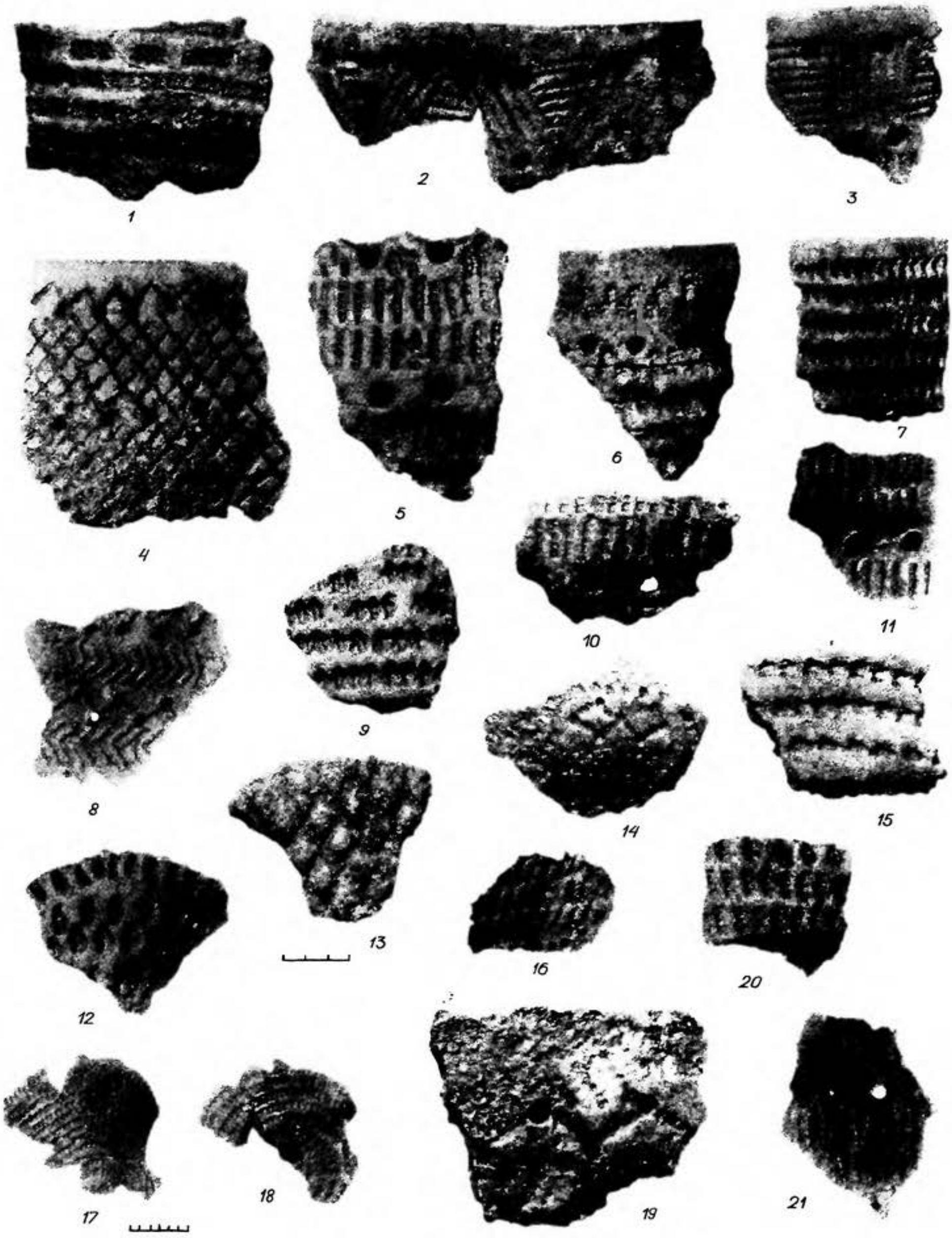


Рисунок 24

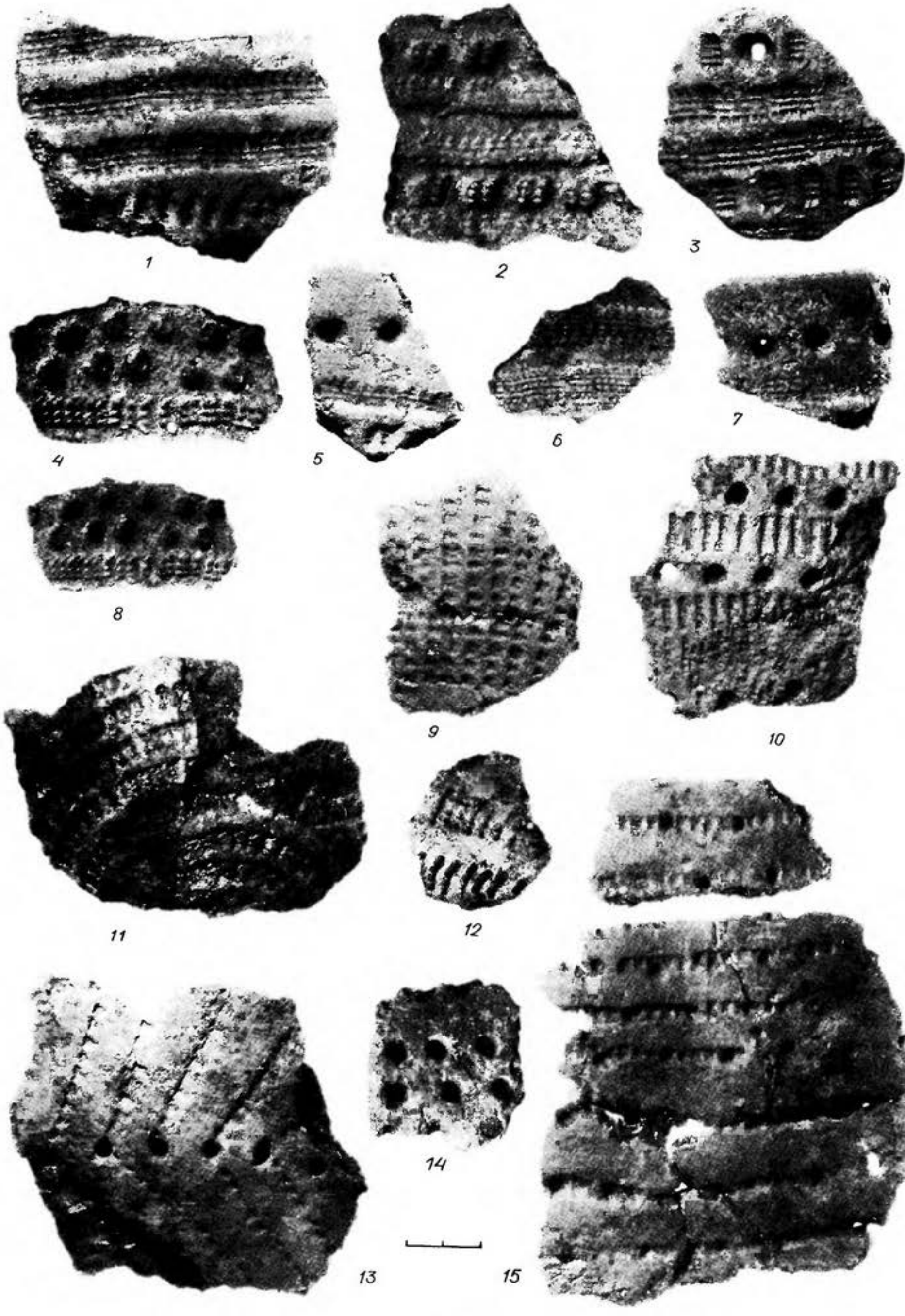


Рисунок 25

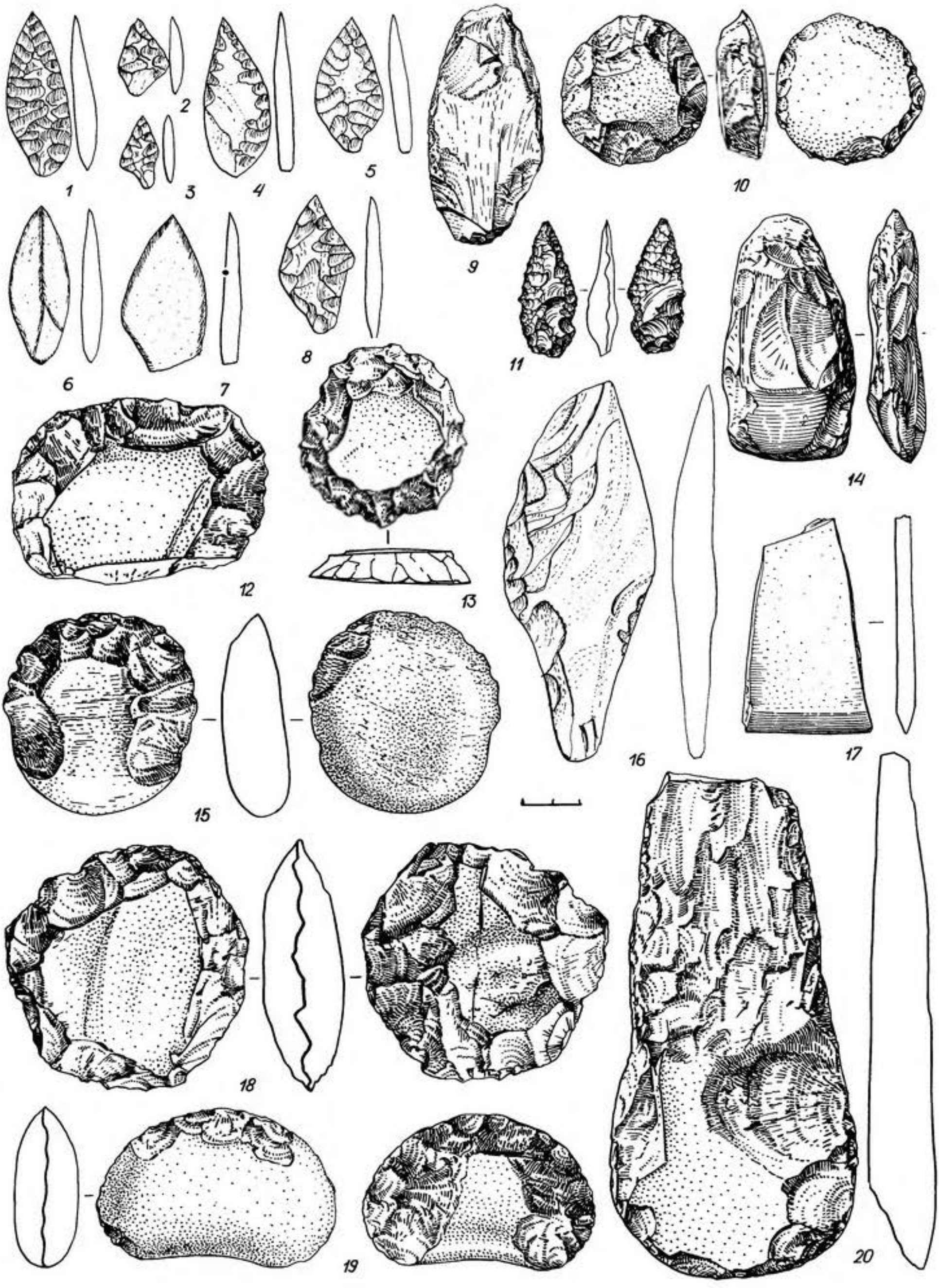


Рисунок 26

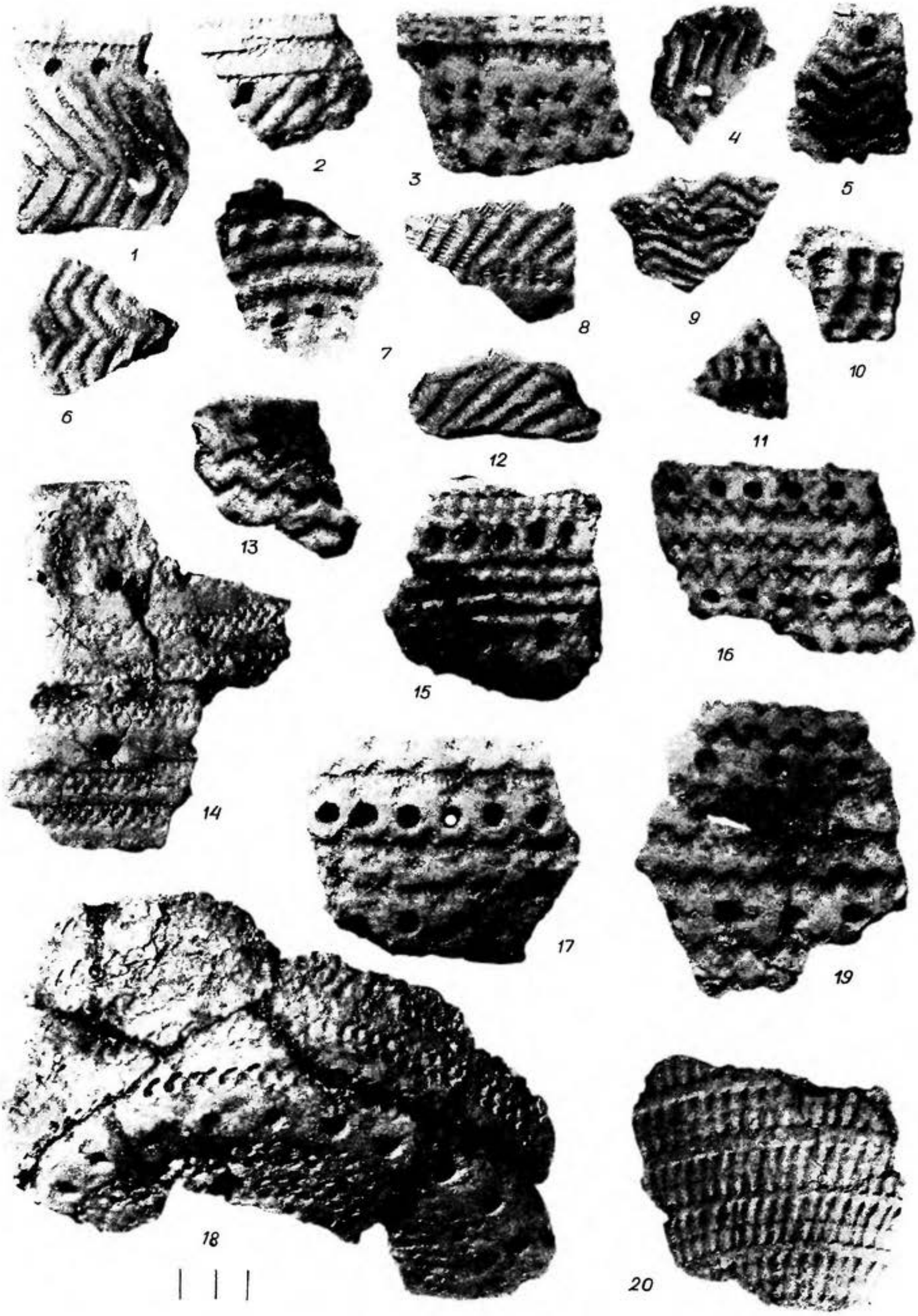


Рисунок 27

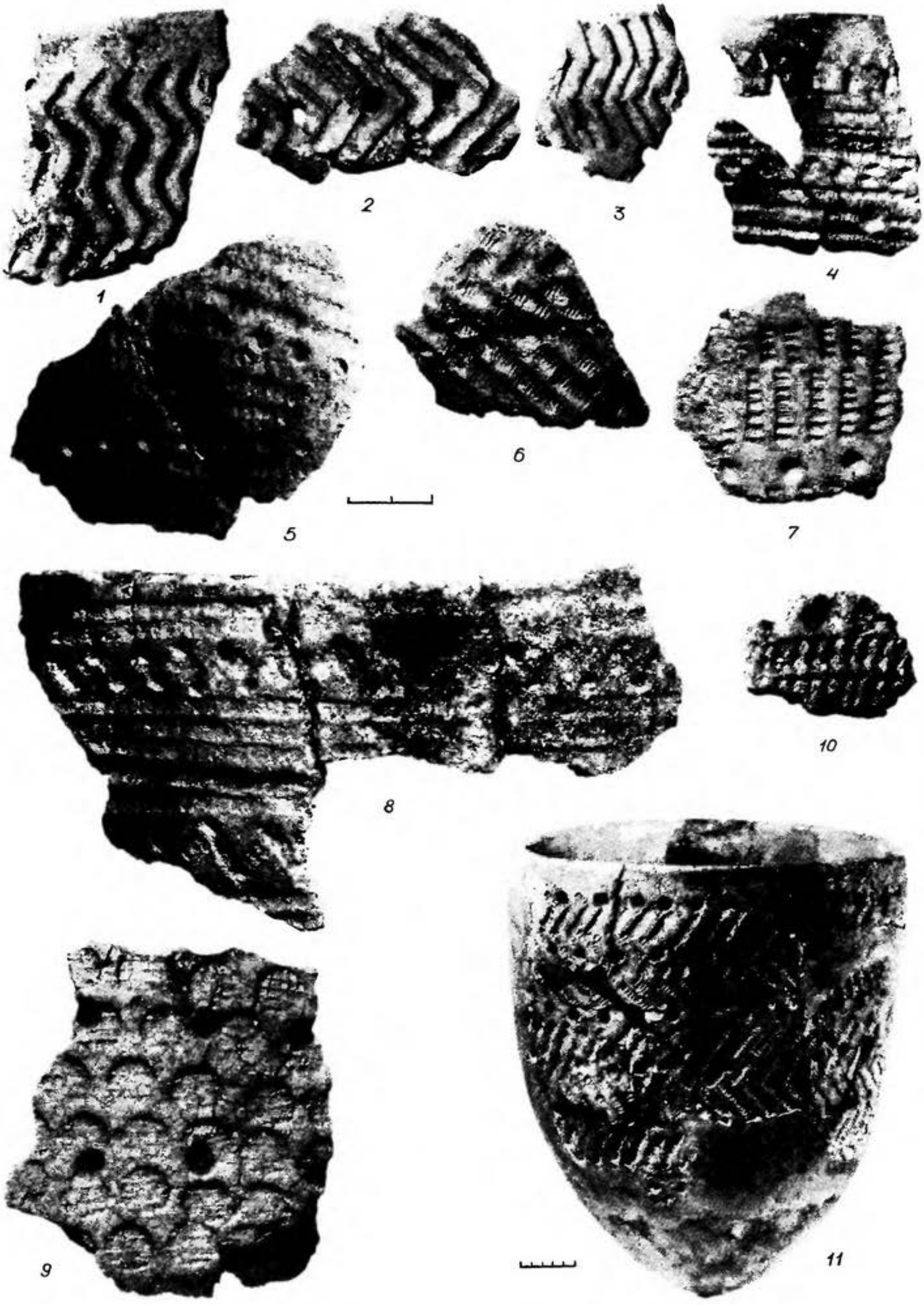


Рисунок 28

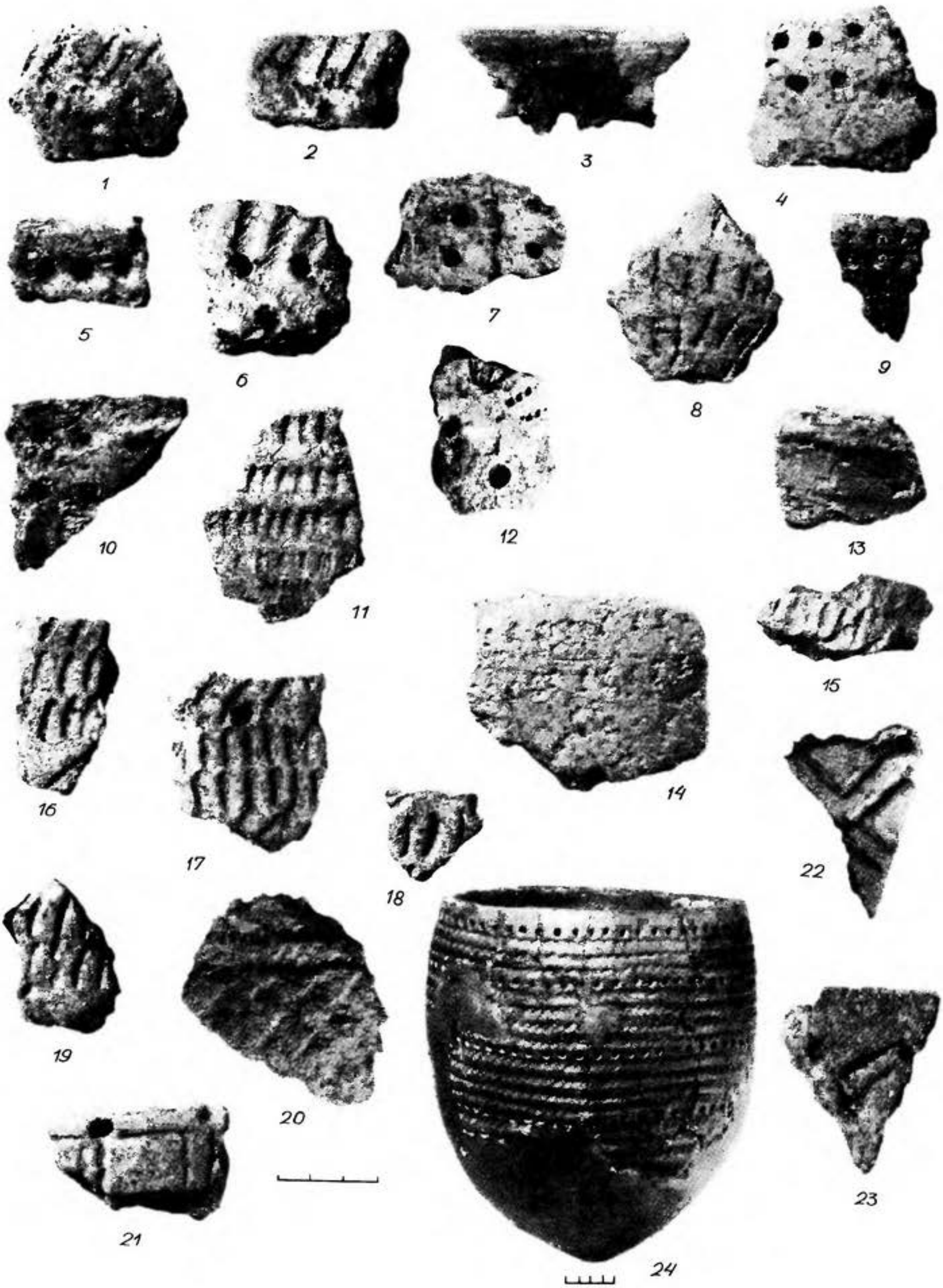


Рисунок 29

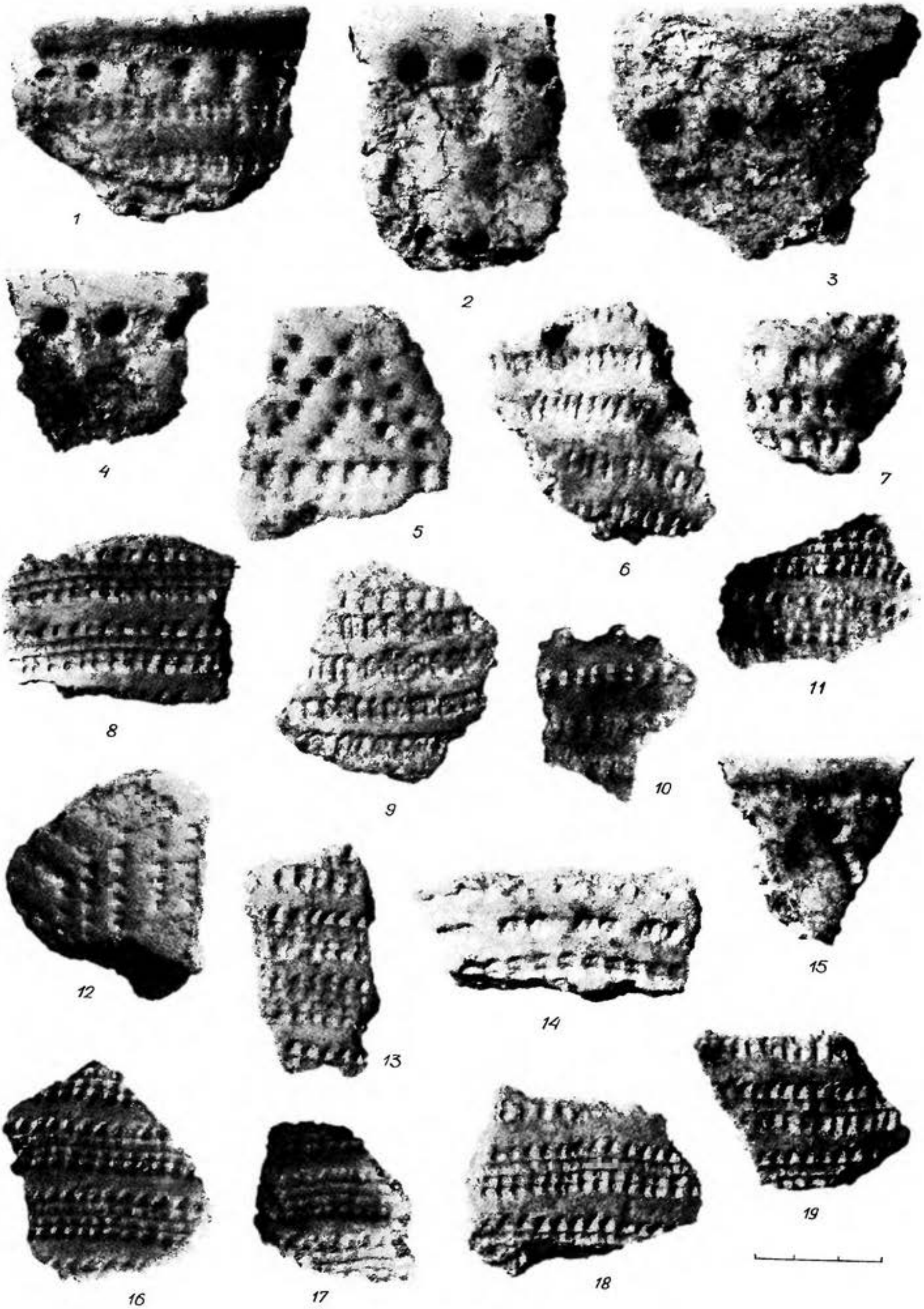


Рисунок 30

Рисунок 31

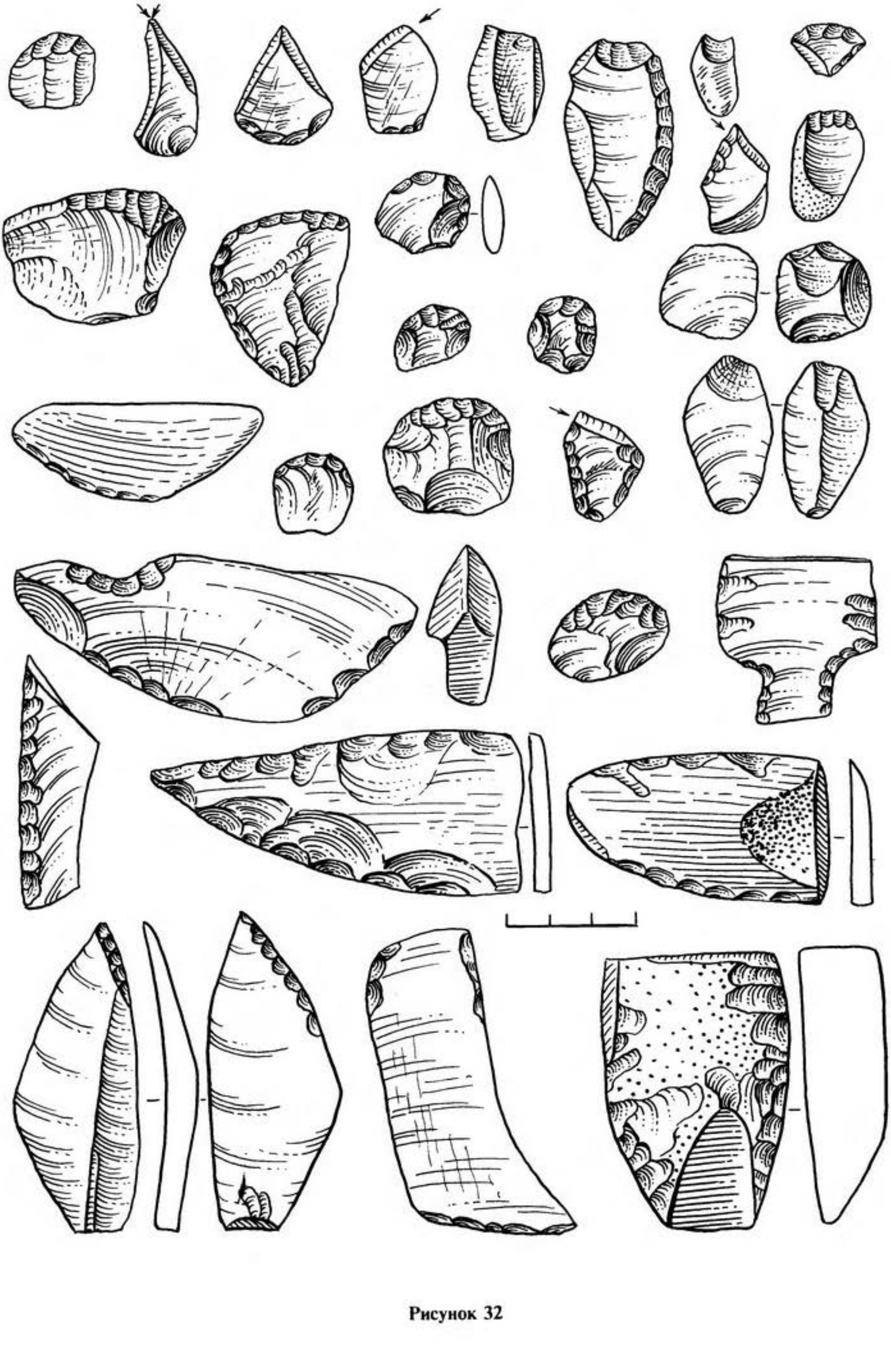


Рисунок 32

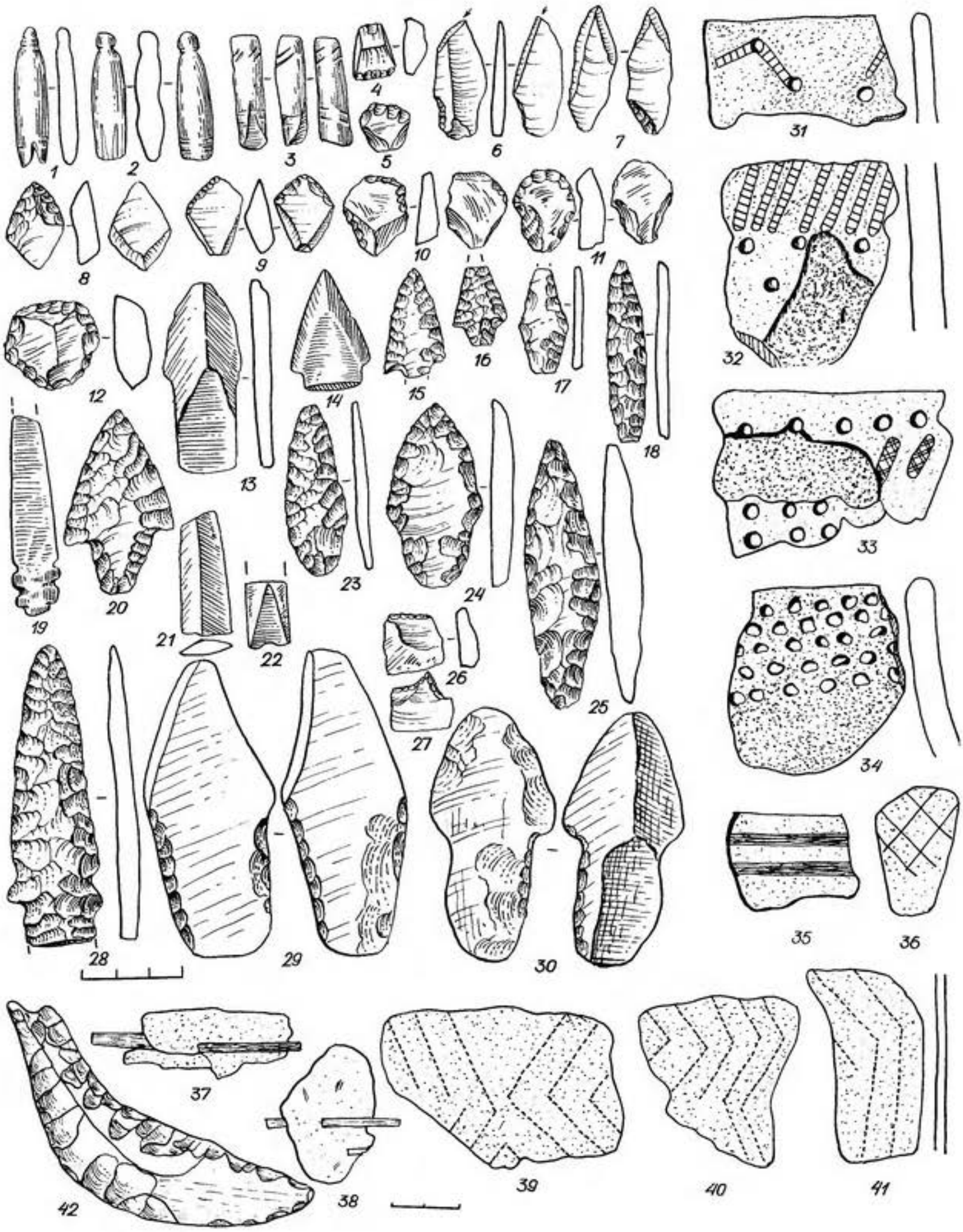

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42

Рисунок 33

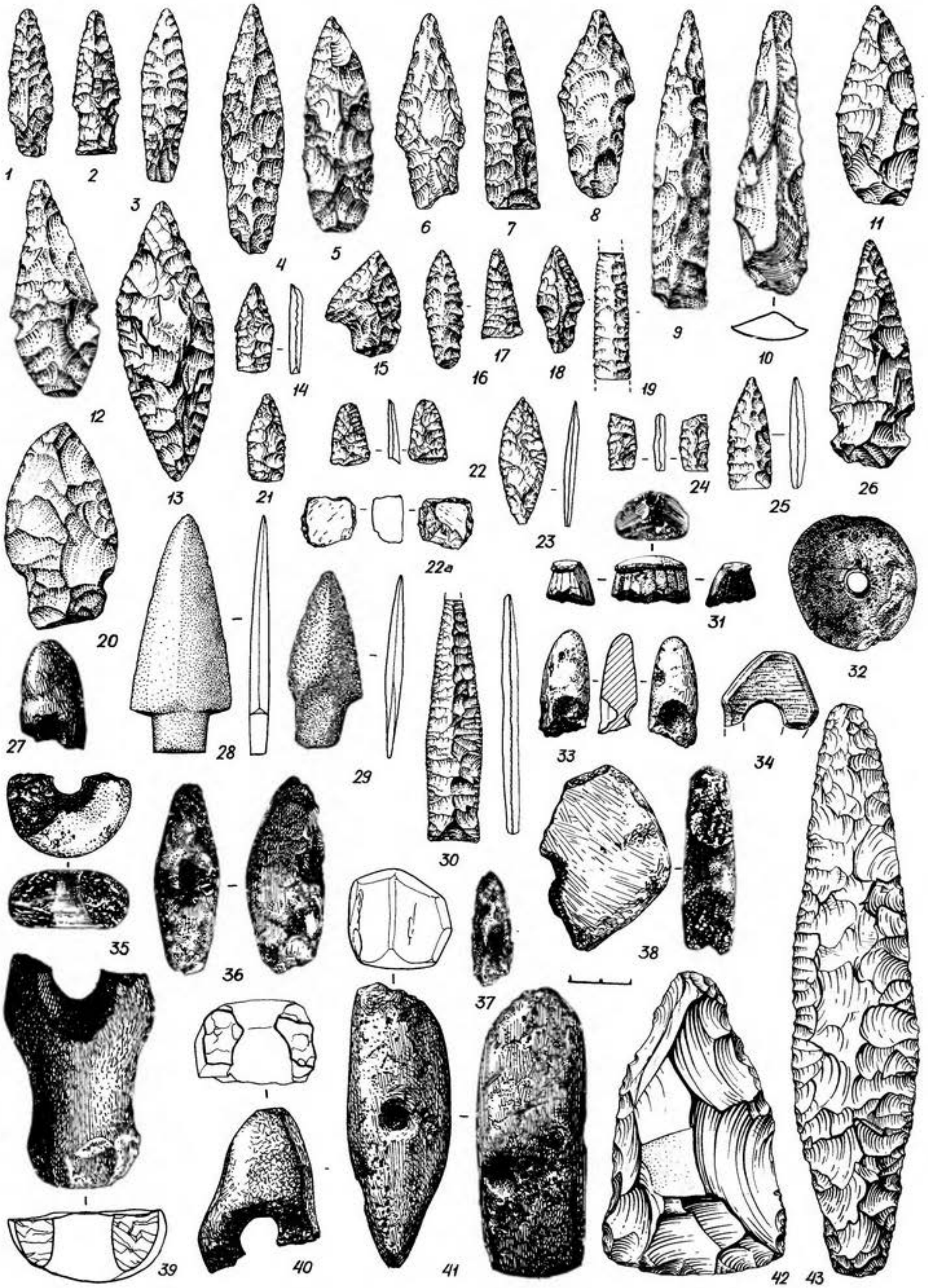

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
22а
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43

Рисунок 34

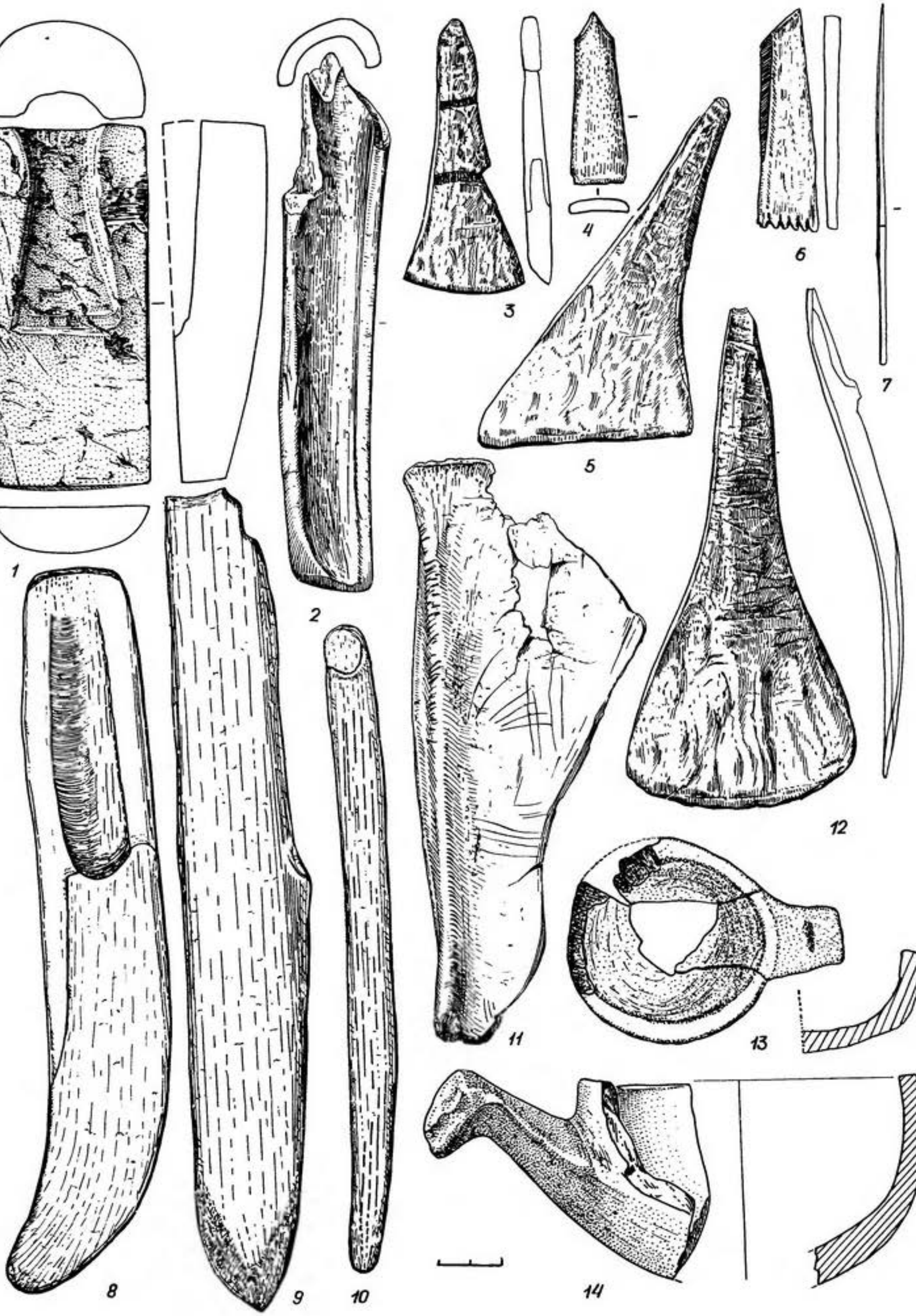
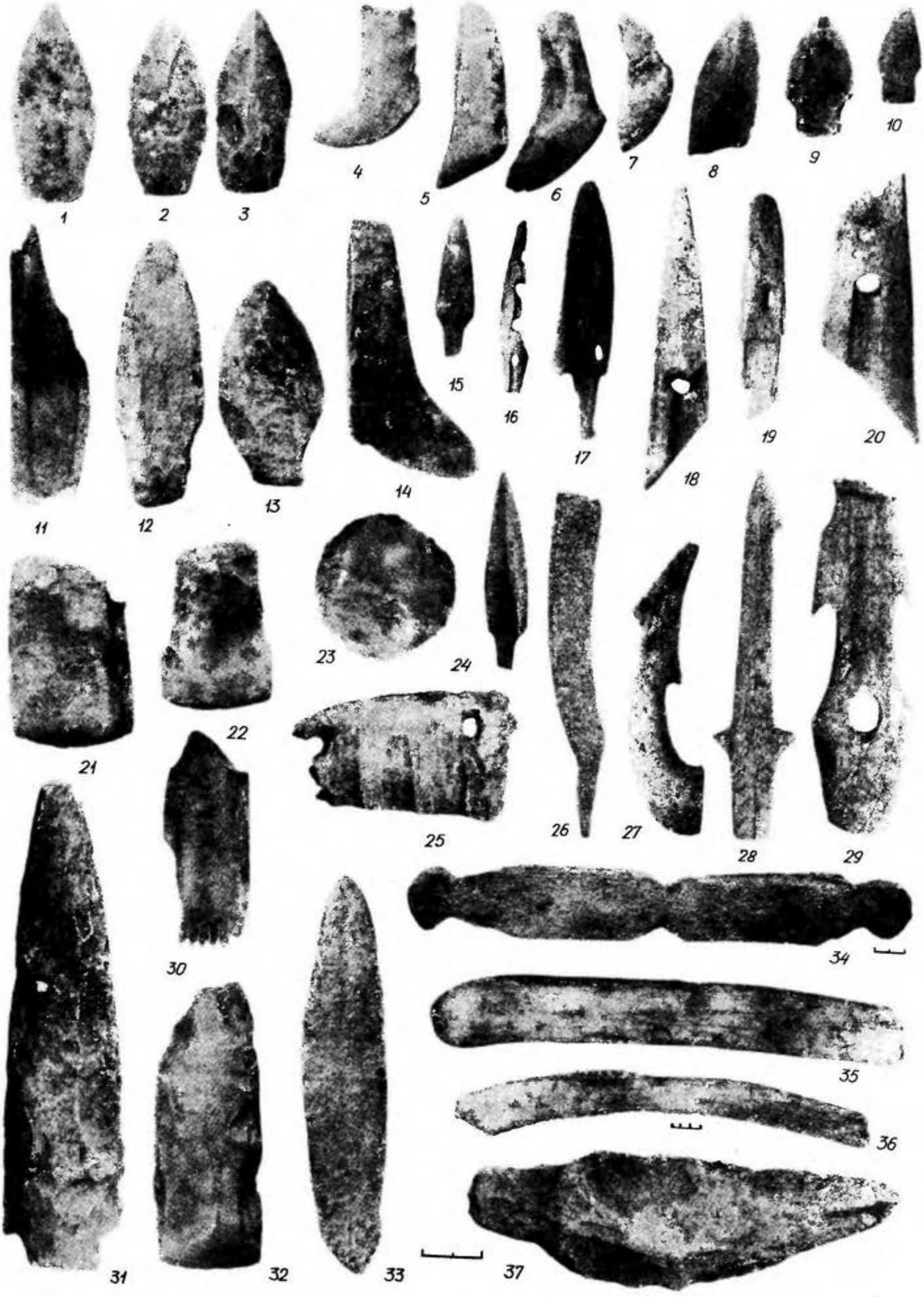


Рисунок 35



13 Зак. 25

Рисунок 36

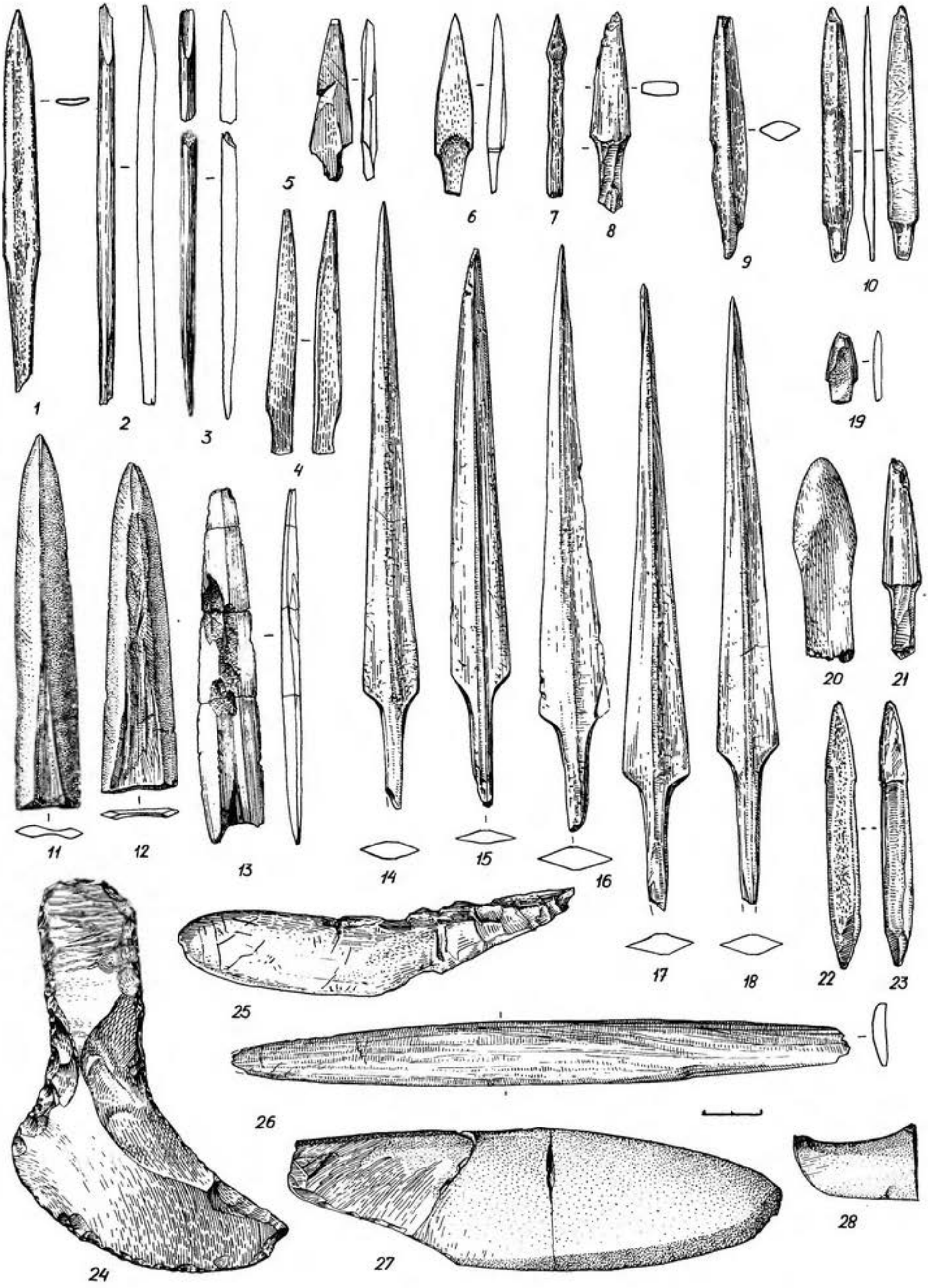


Рисунок 37

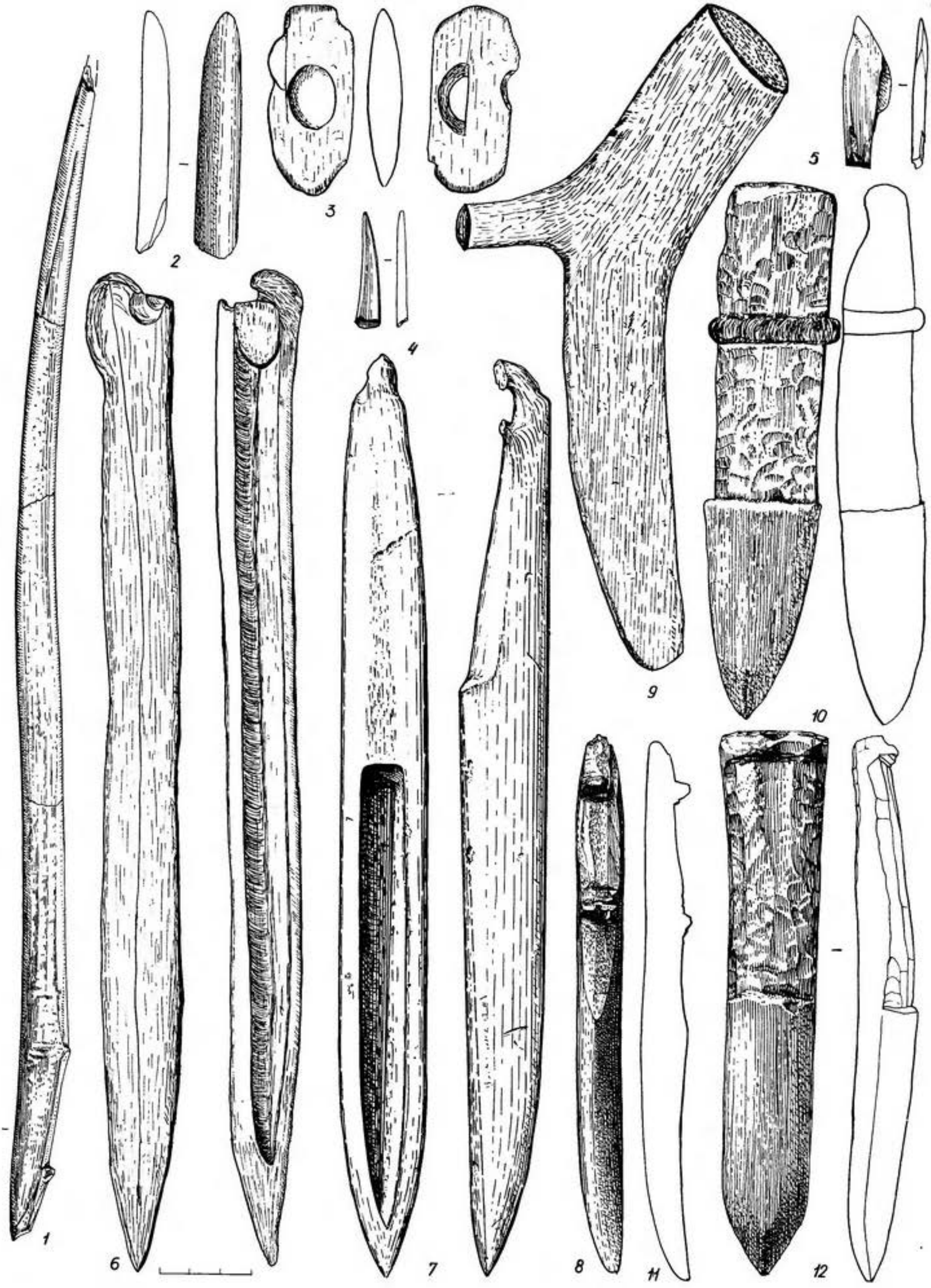


Рисунок 38

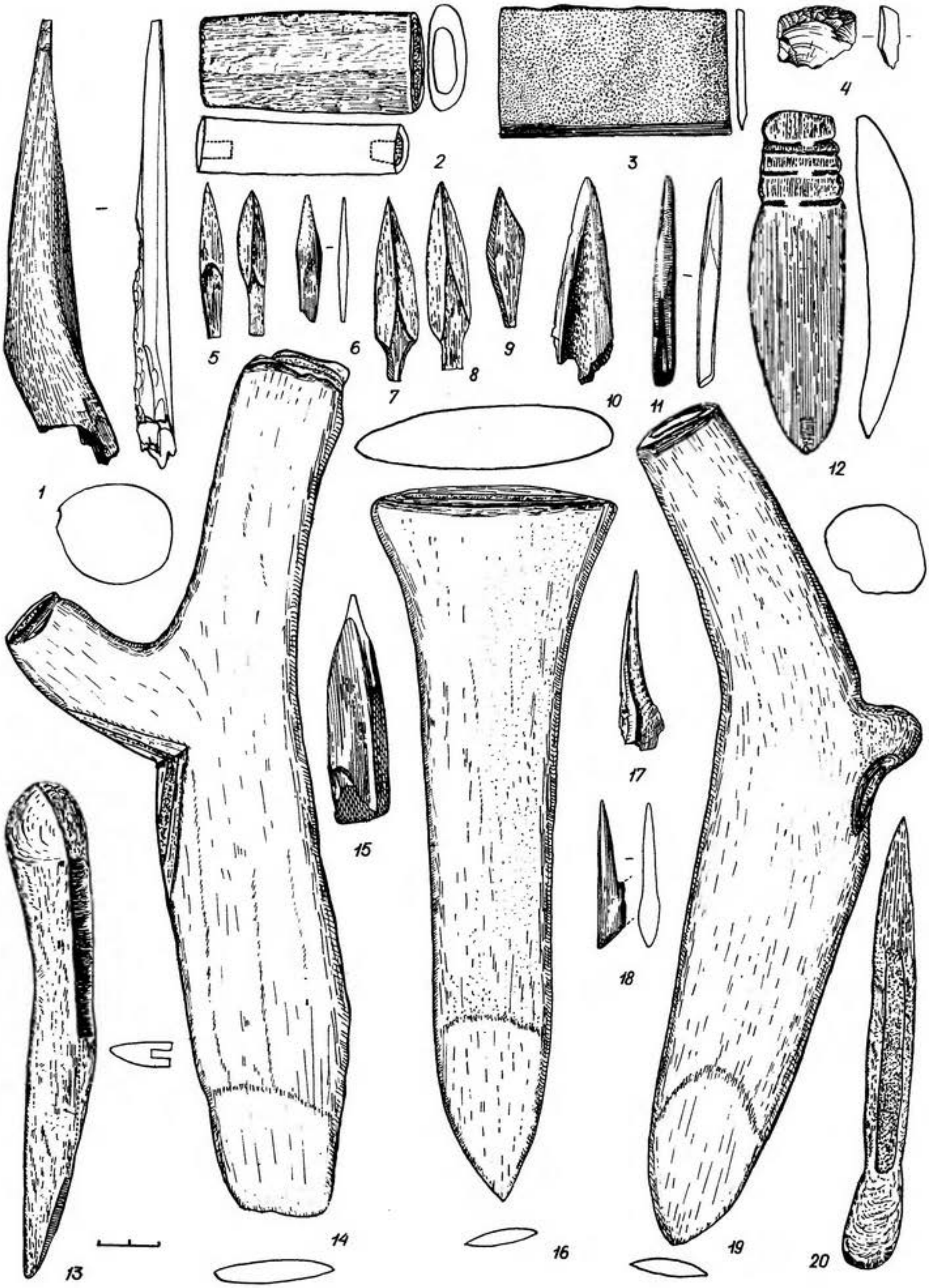


Рисунок 39

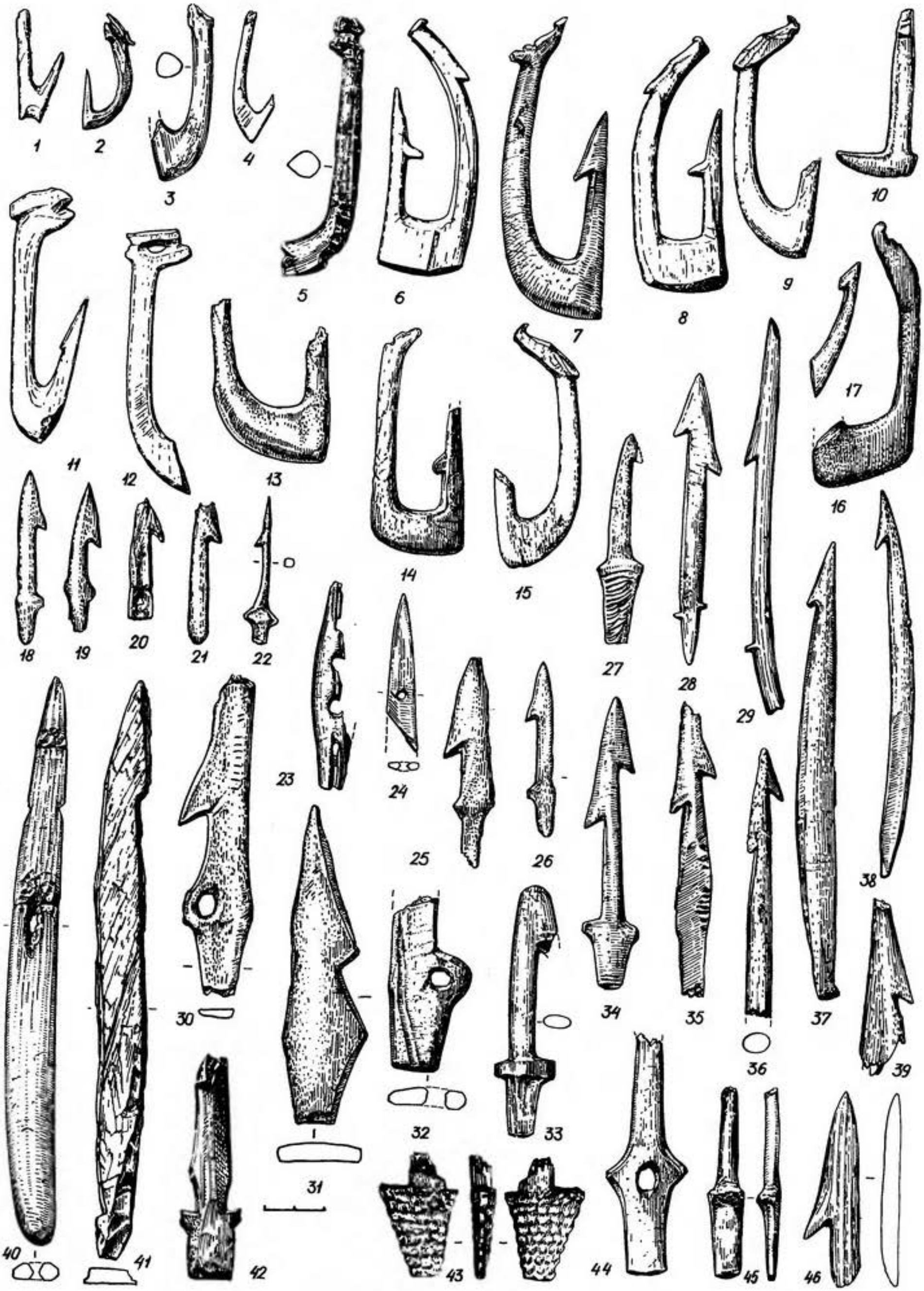

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46

Рисунок 40

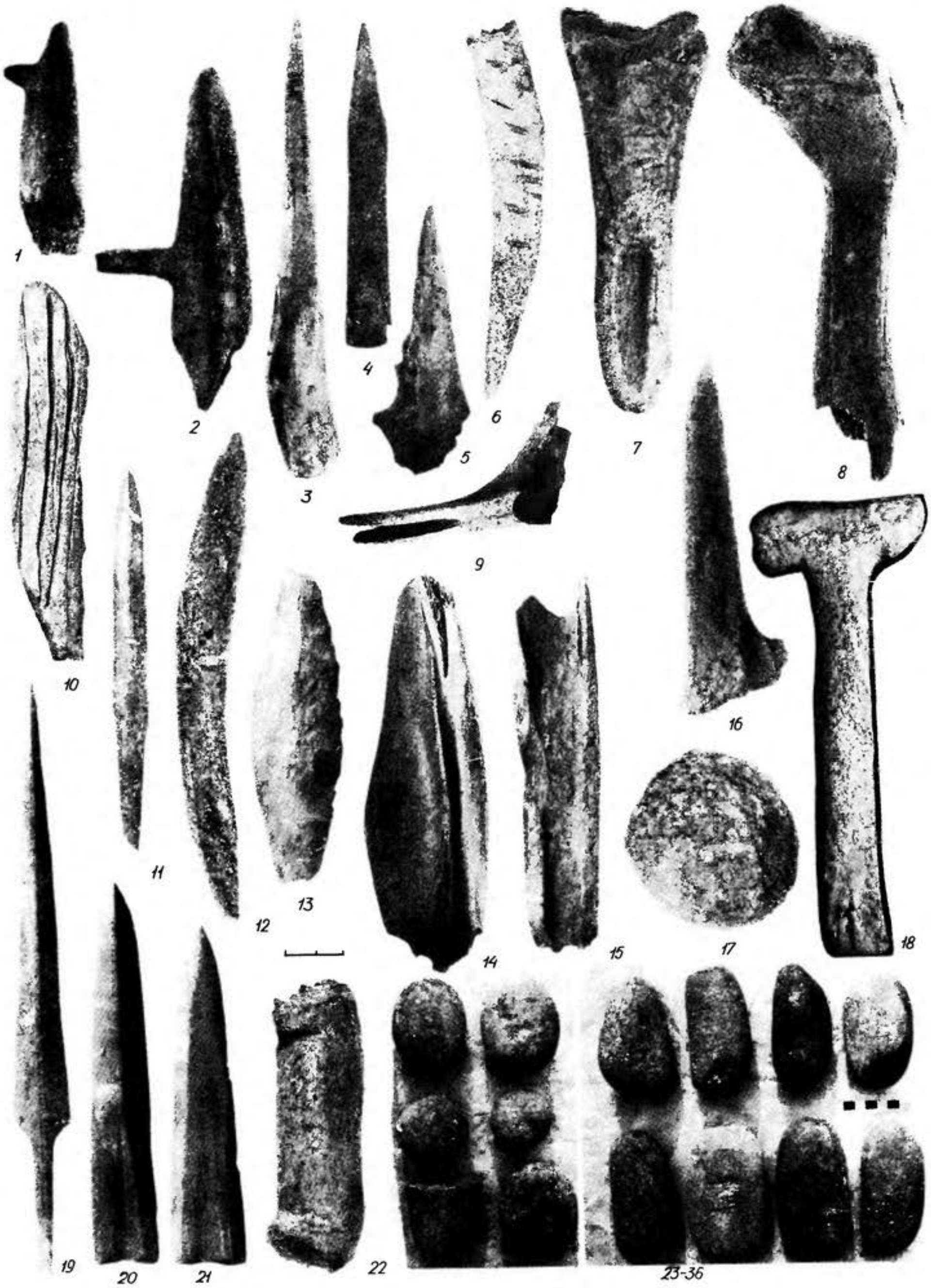
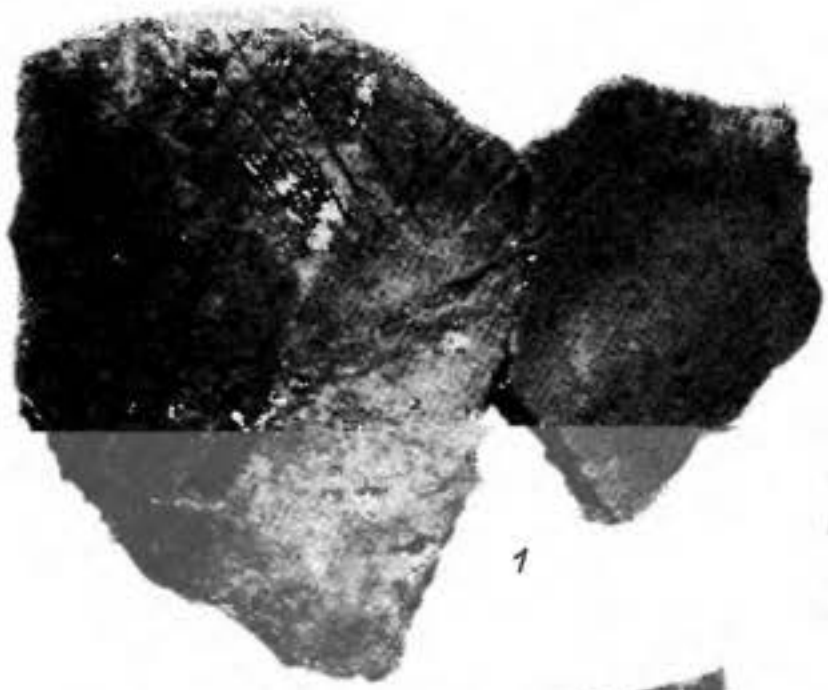
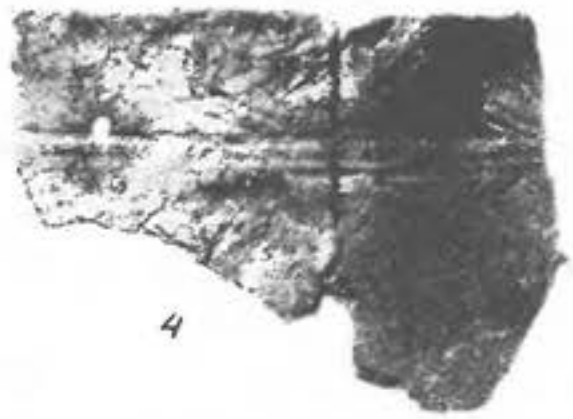


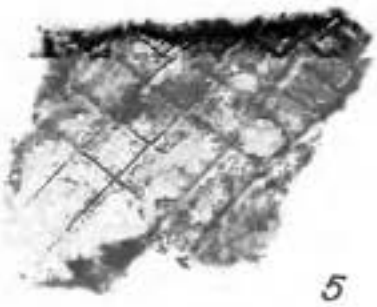
Рисунок 41


1

2

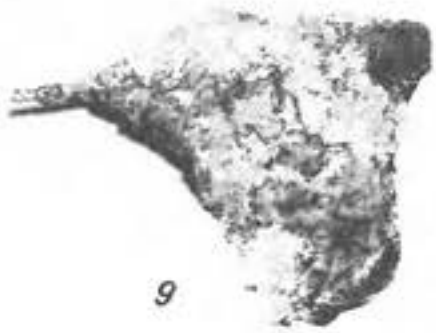
3


4

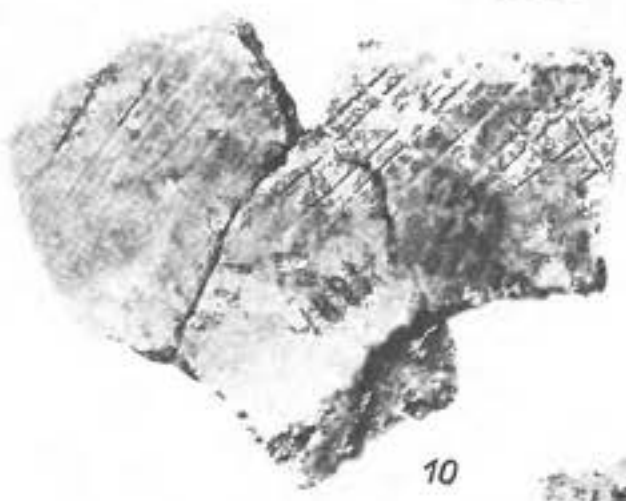

5

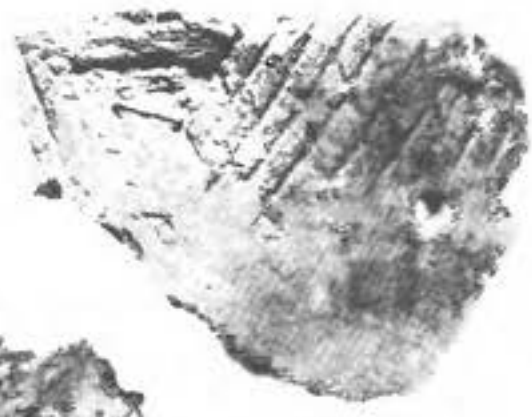
6

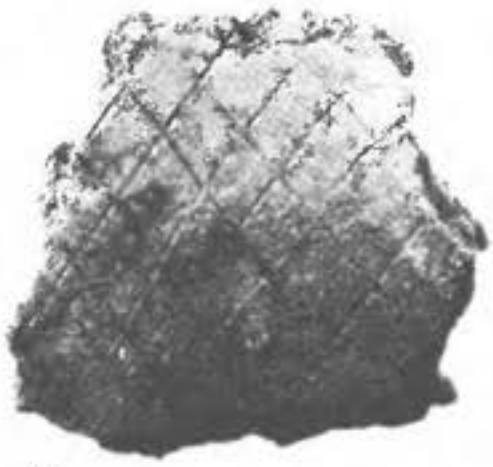
8

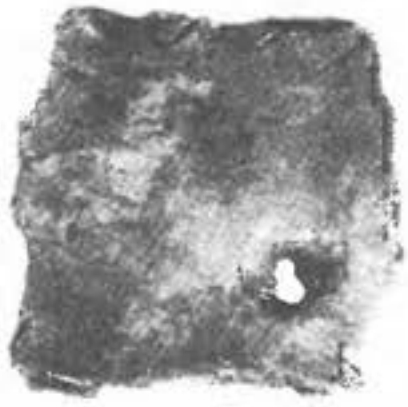

9

7

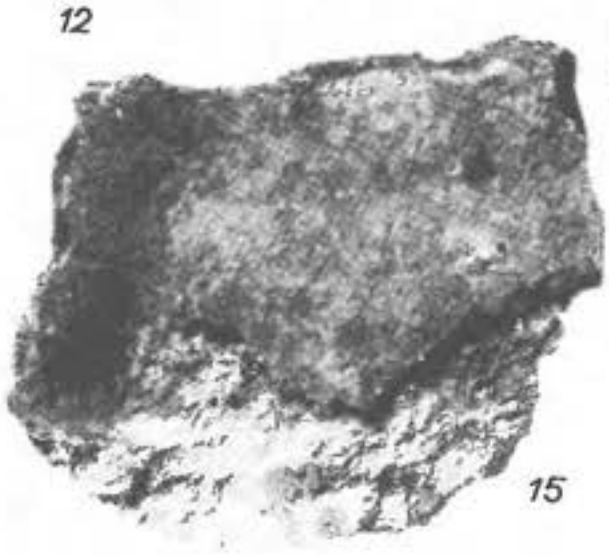

10

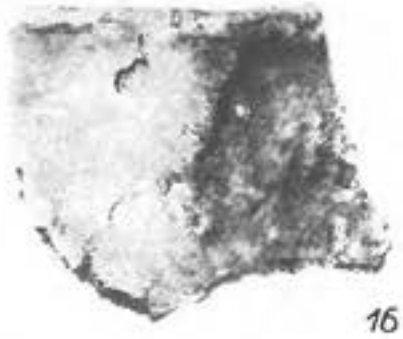

11


12


13

14


15


16

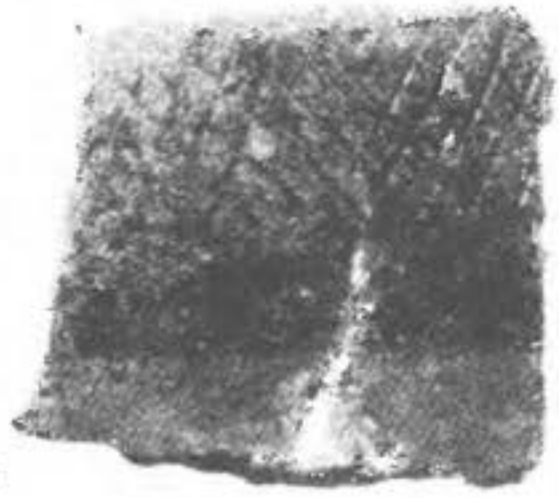

17

Рисунок 42

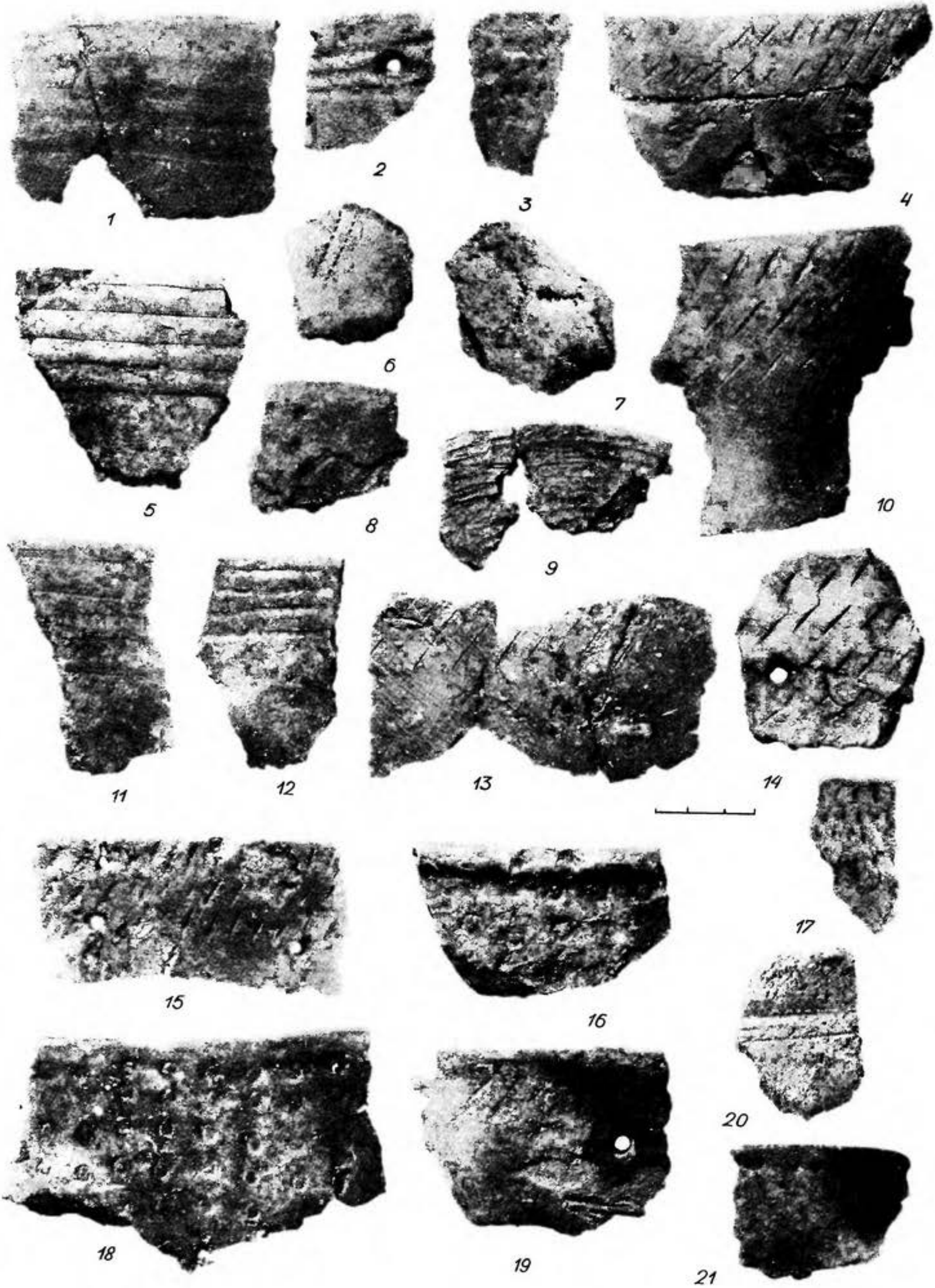


Рисунок 43

А

Б

Рисунок 44

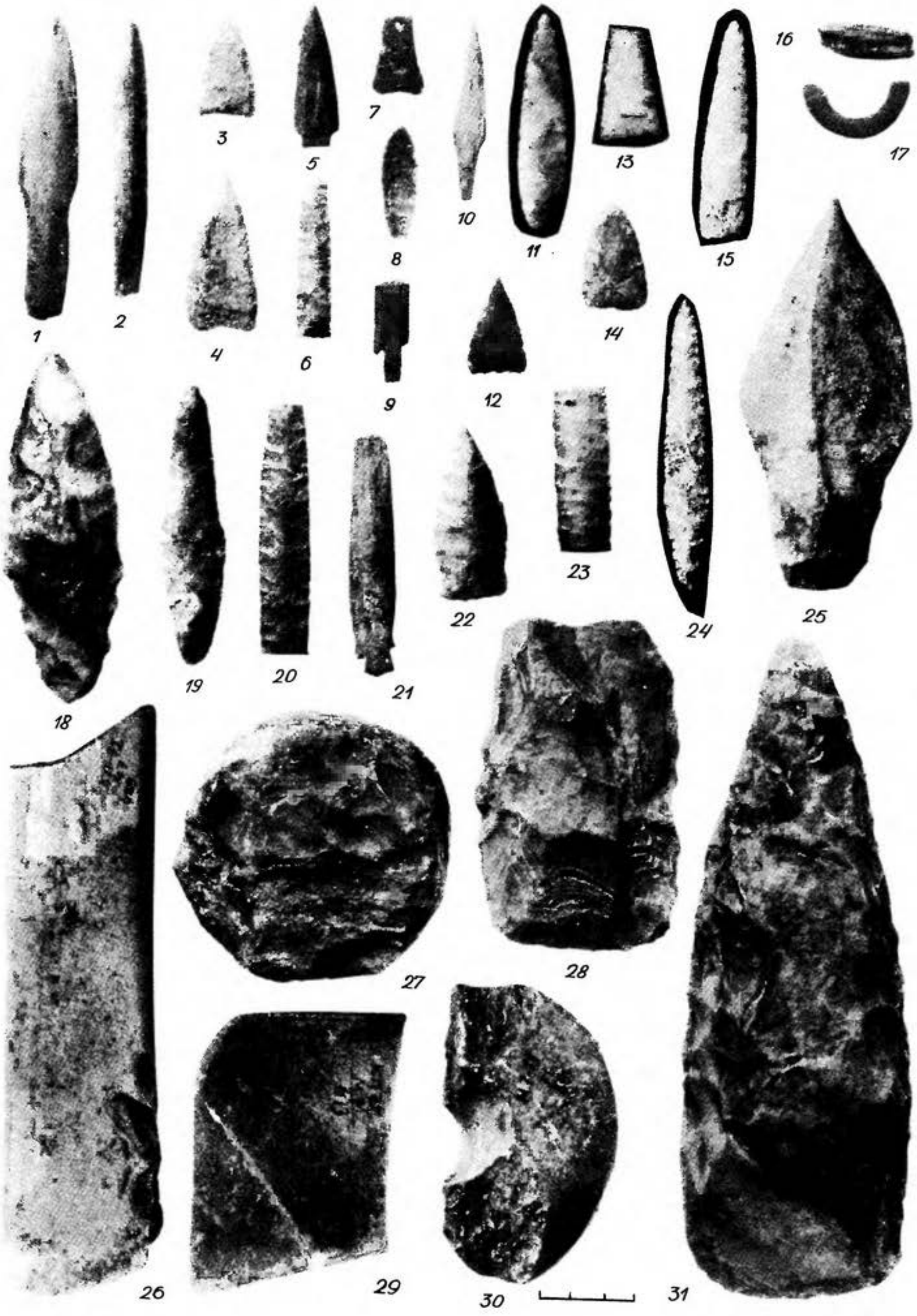

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31

Рисунок 45

Рисунок 46

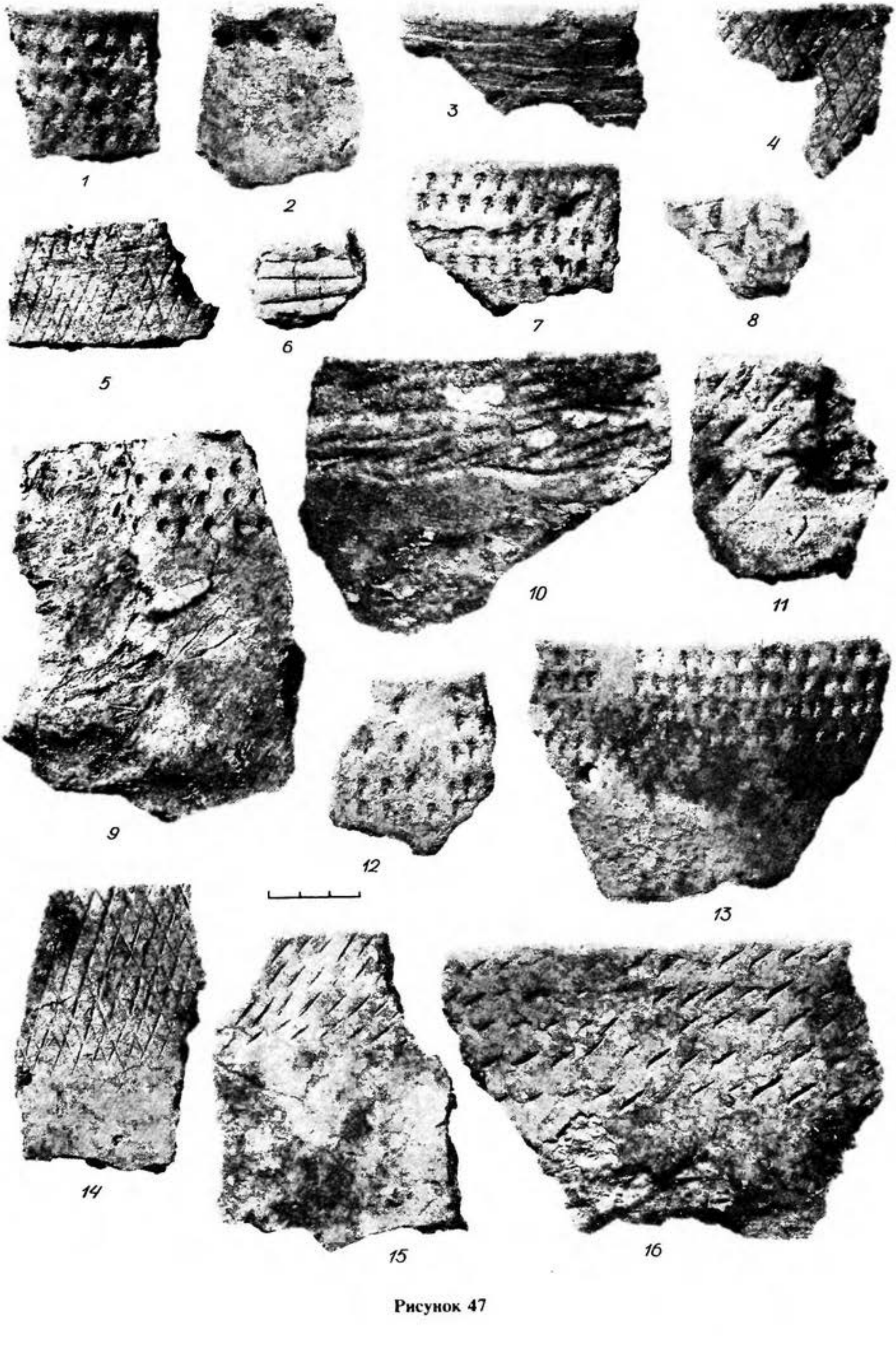


Рисунок 47

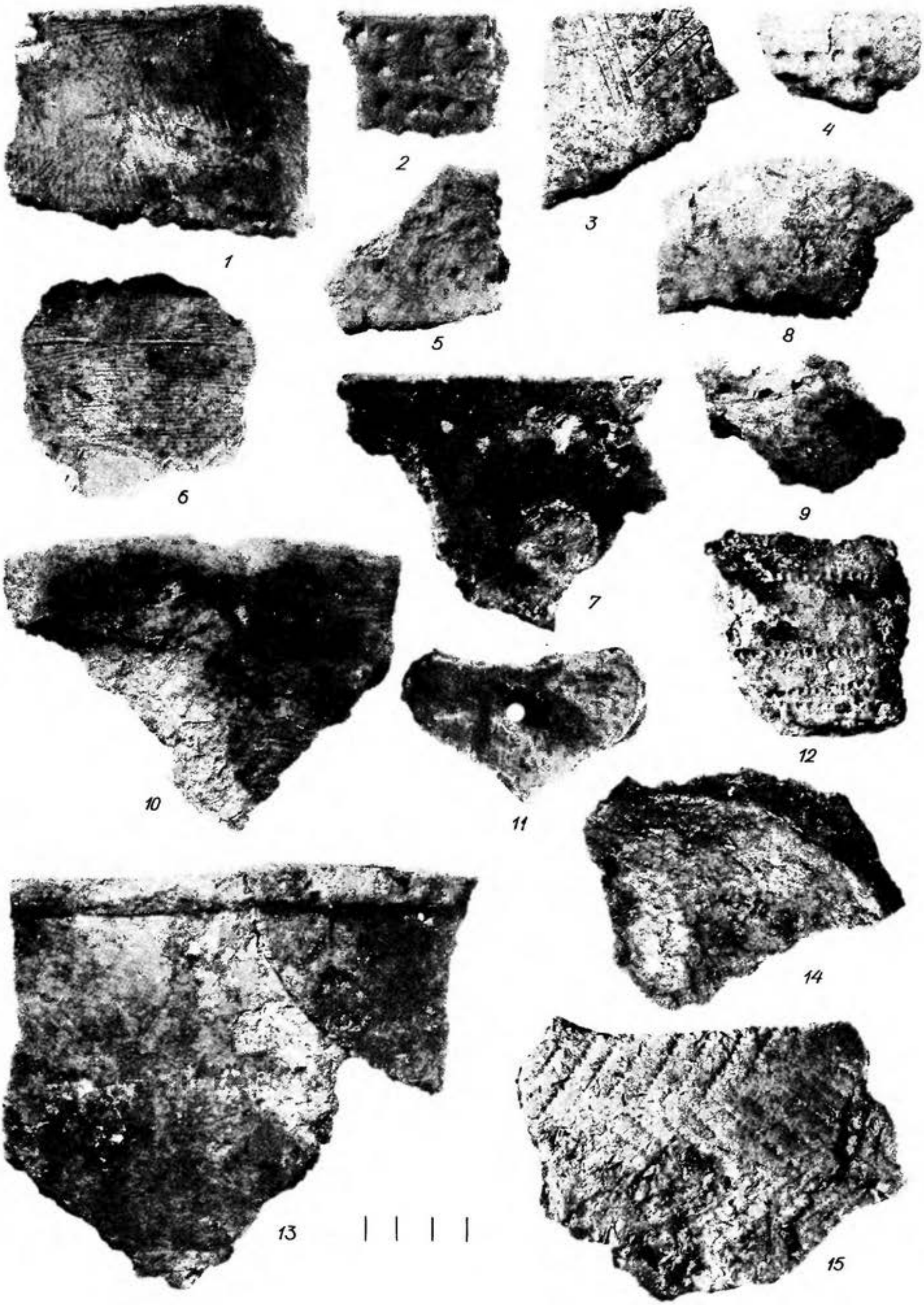


Рисунок 48

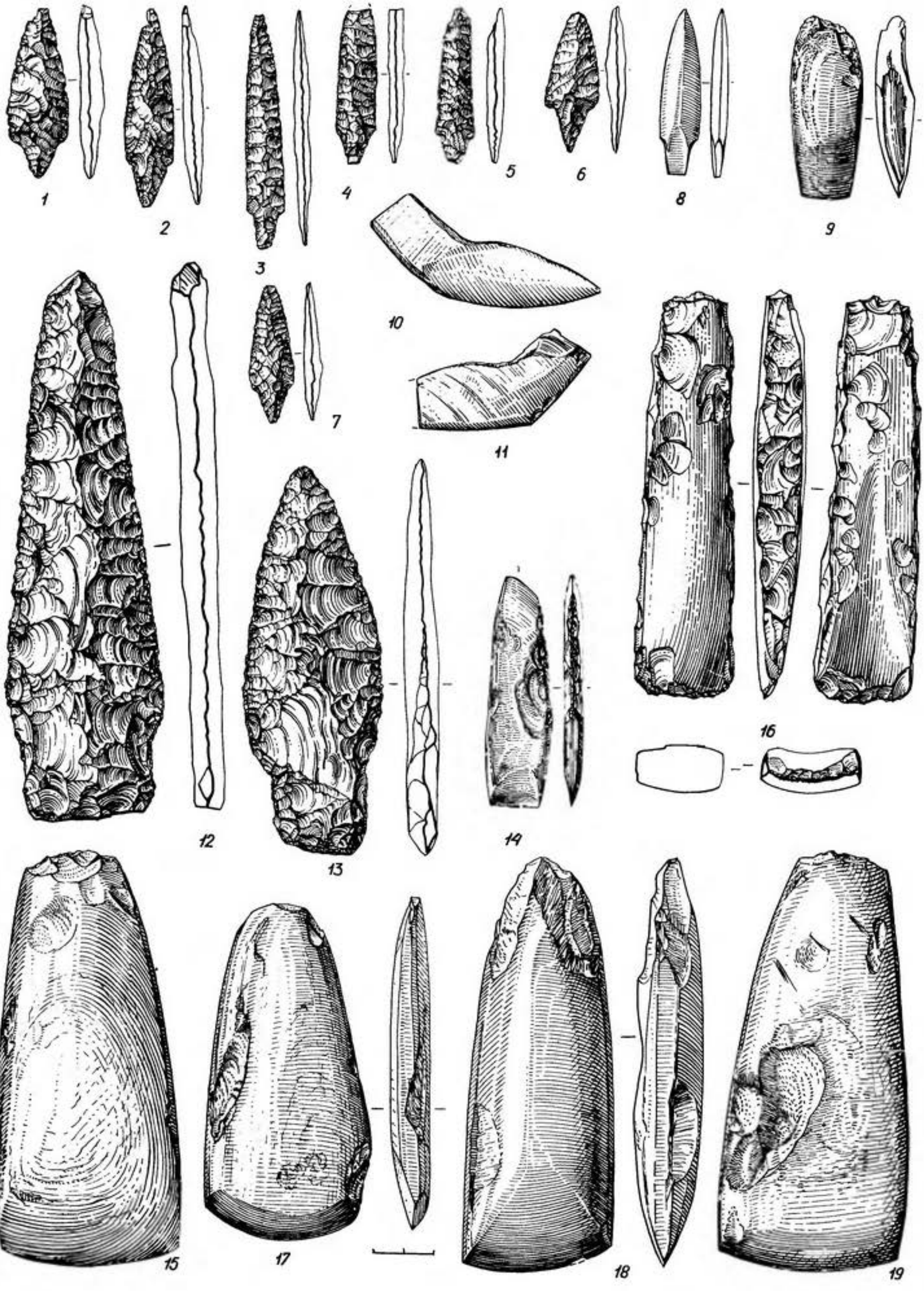


Рисунок 49

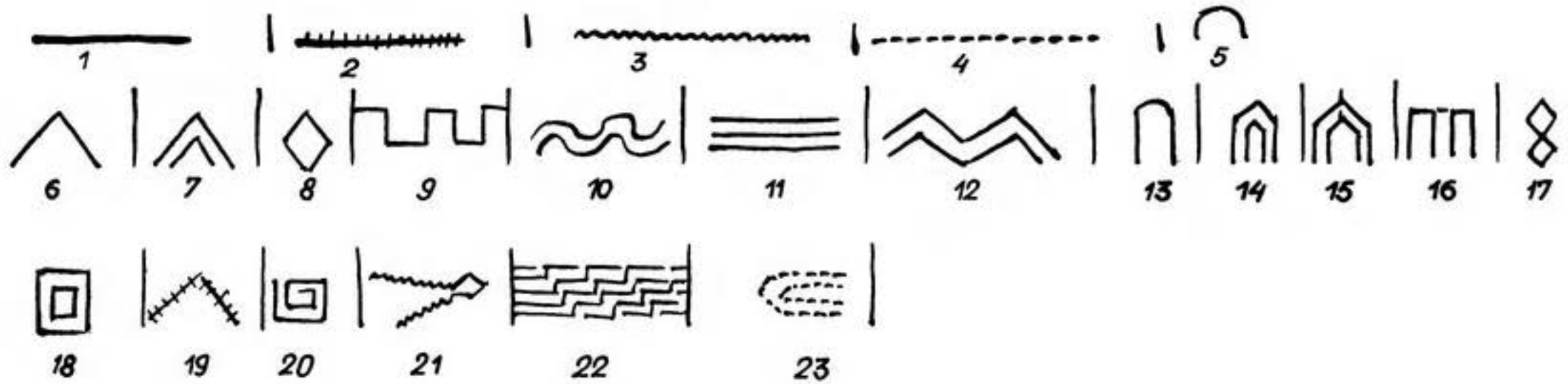


Рисунок 50

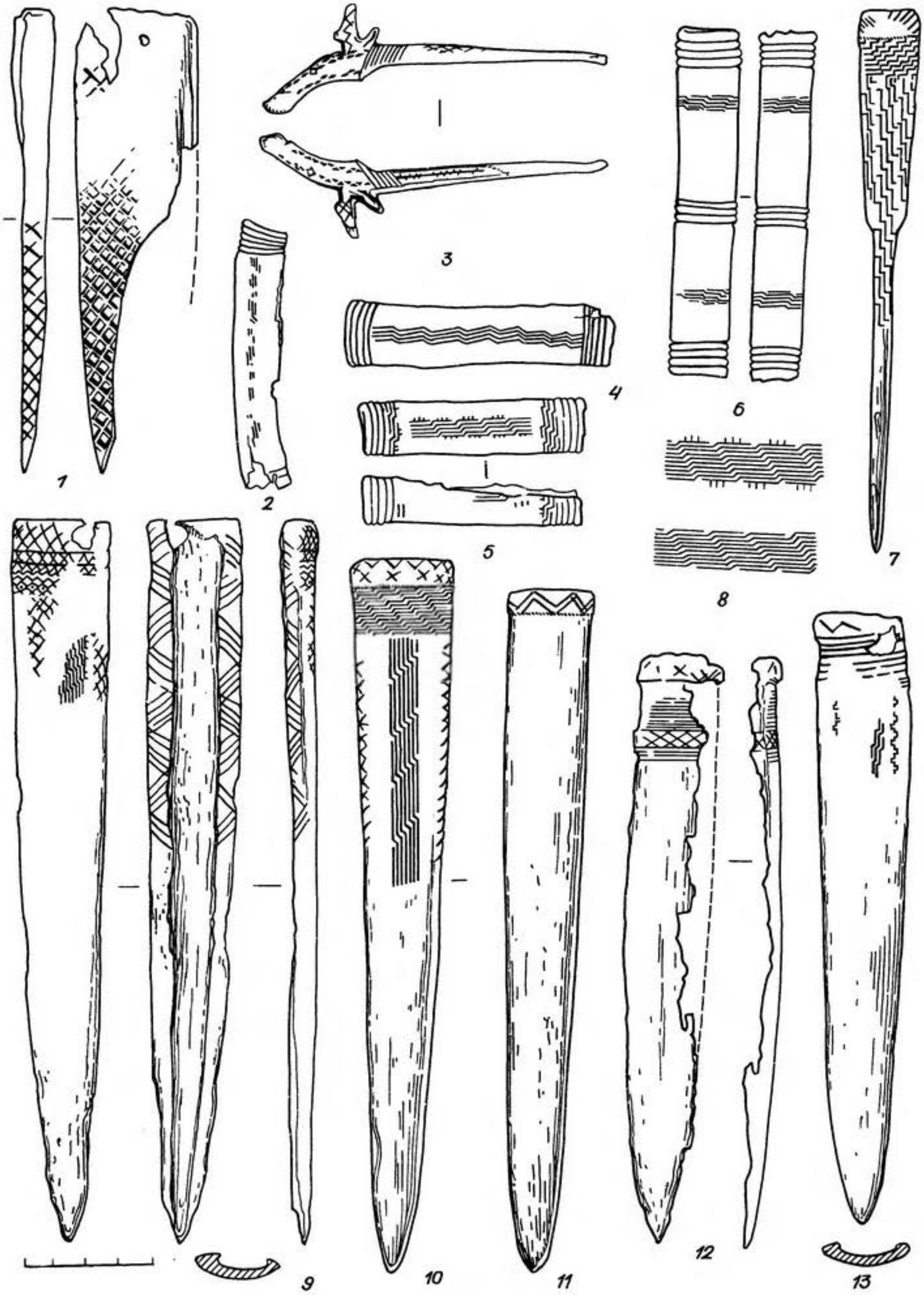


Рисунок 51

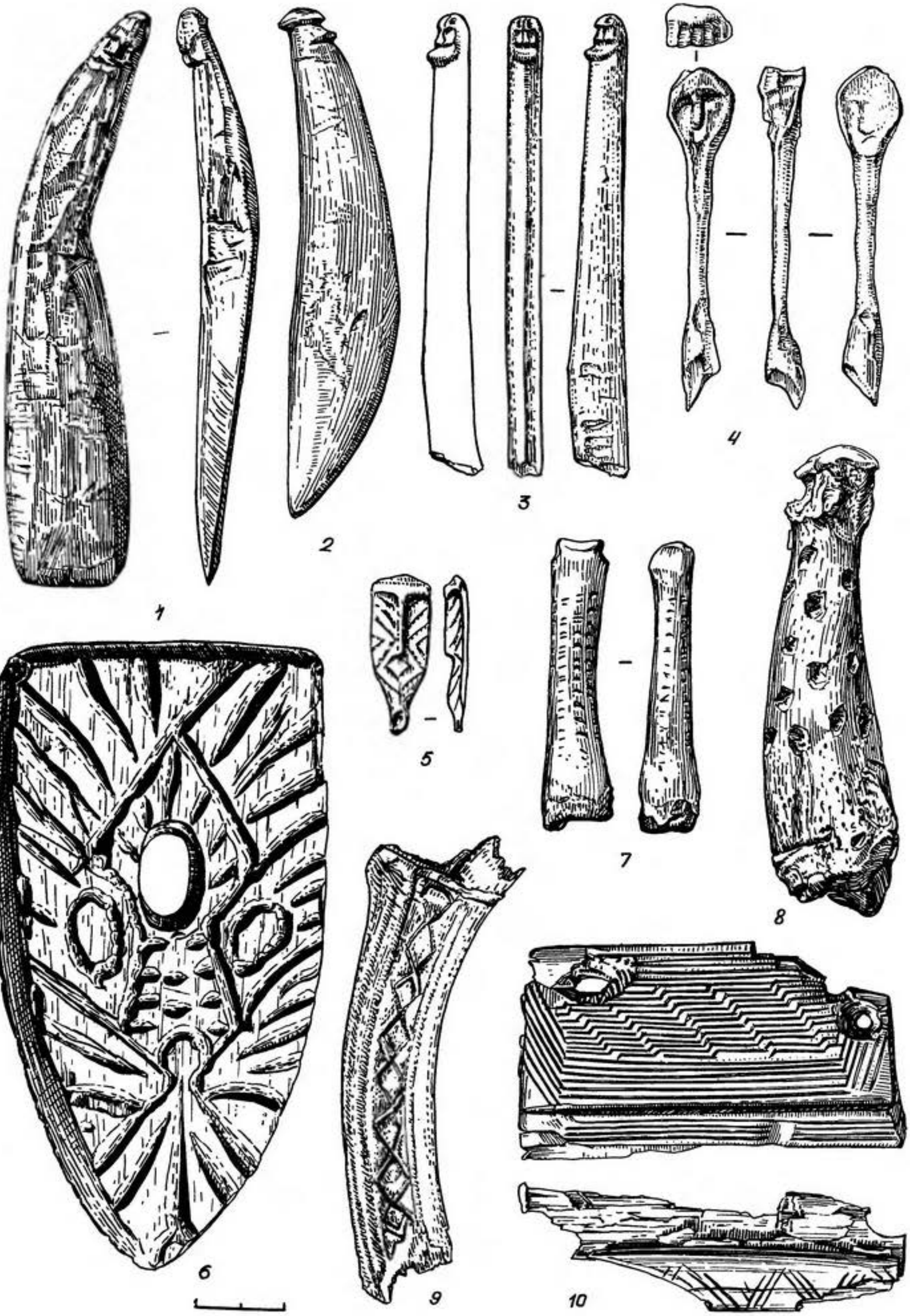


Рисунок 52

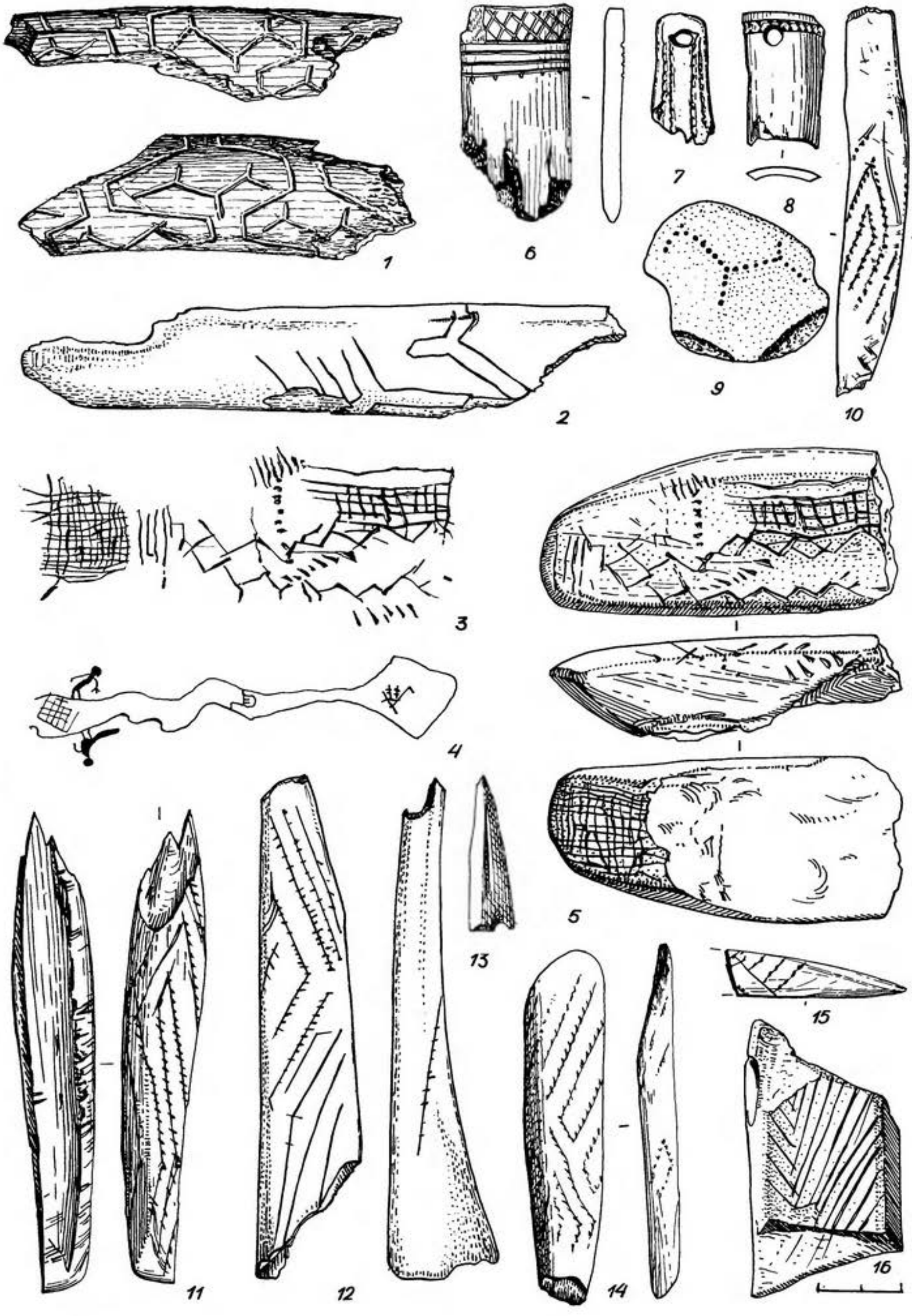


Рисунок 53

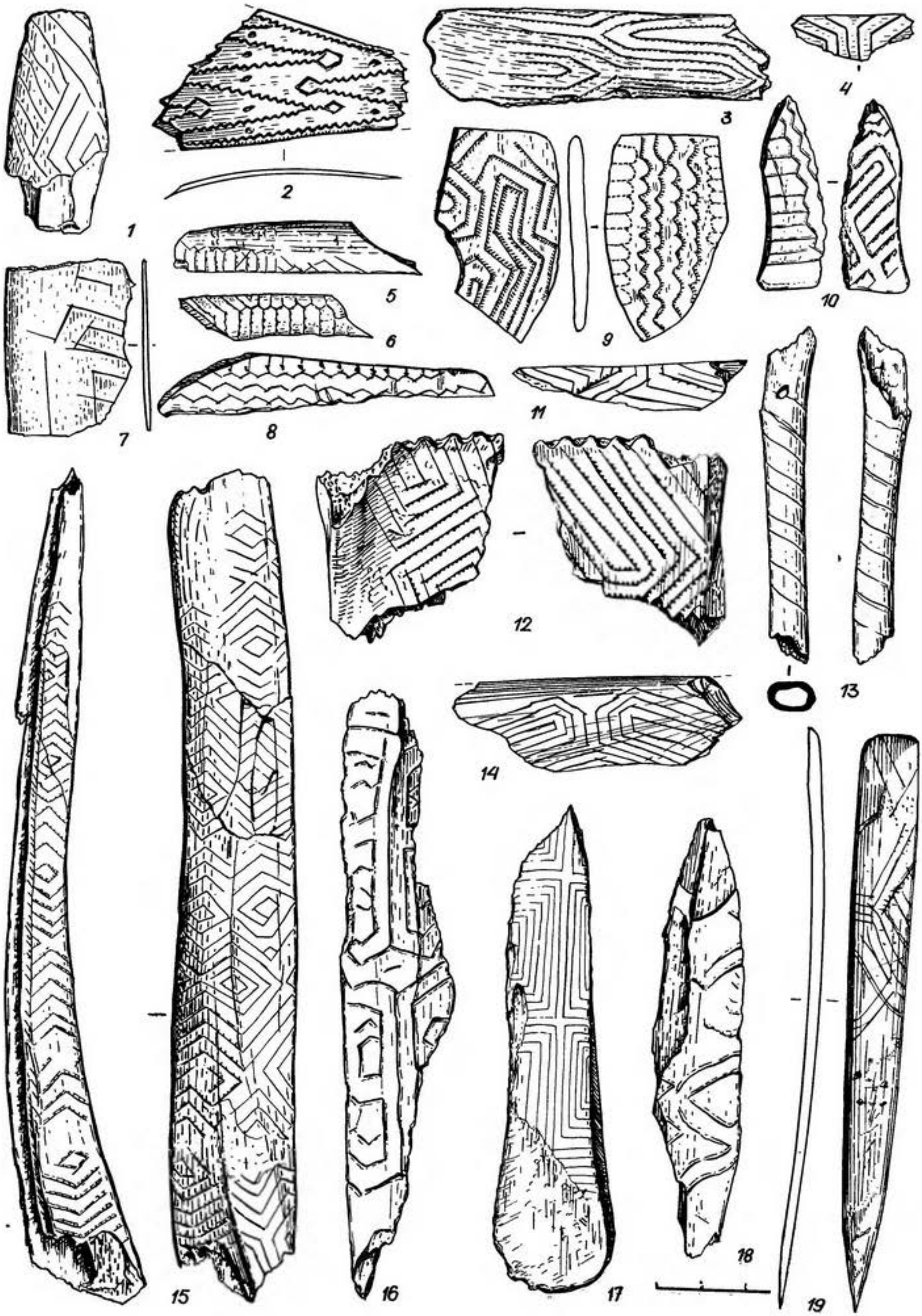
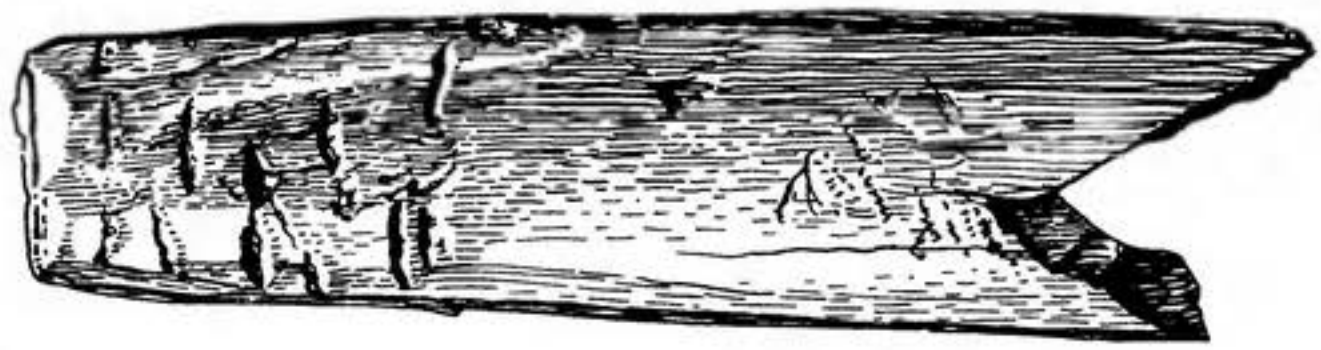
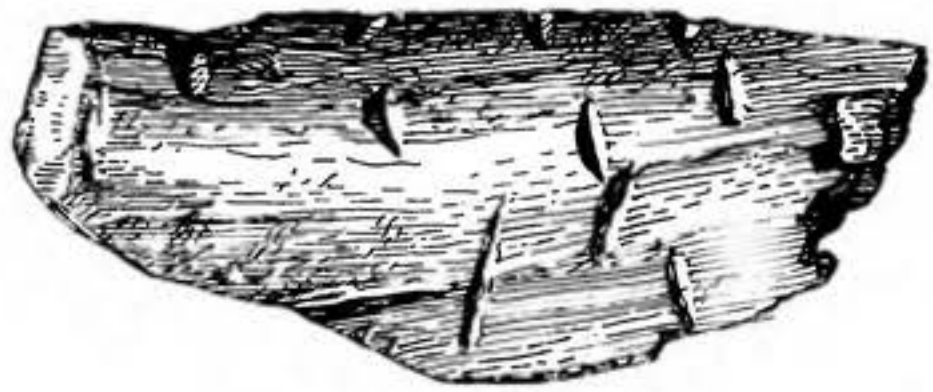


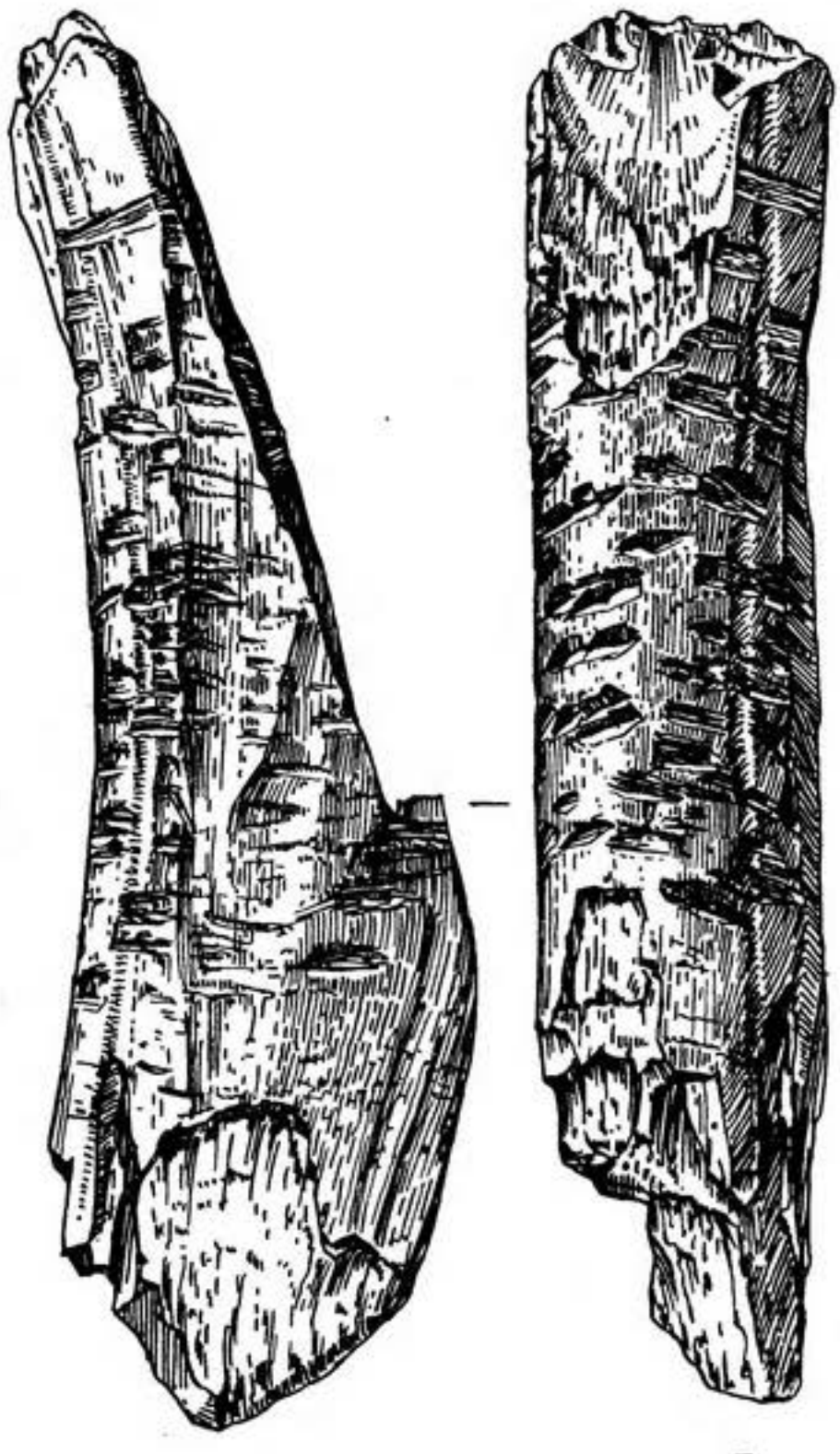
Рисунок 54



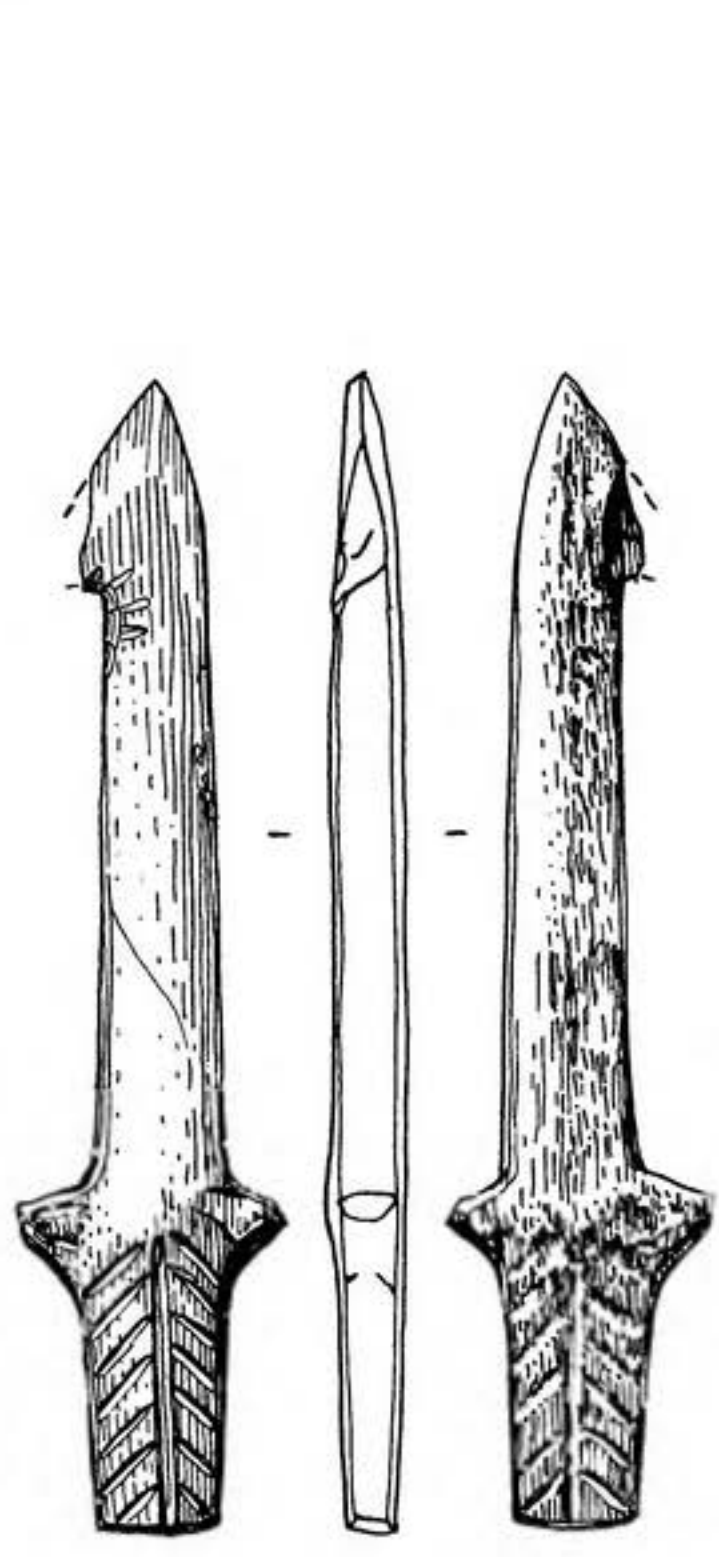
1



2



3



4

Рисунок 55

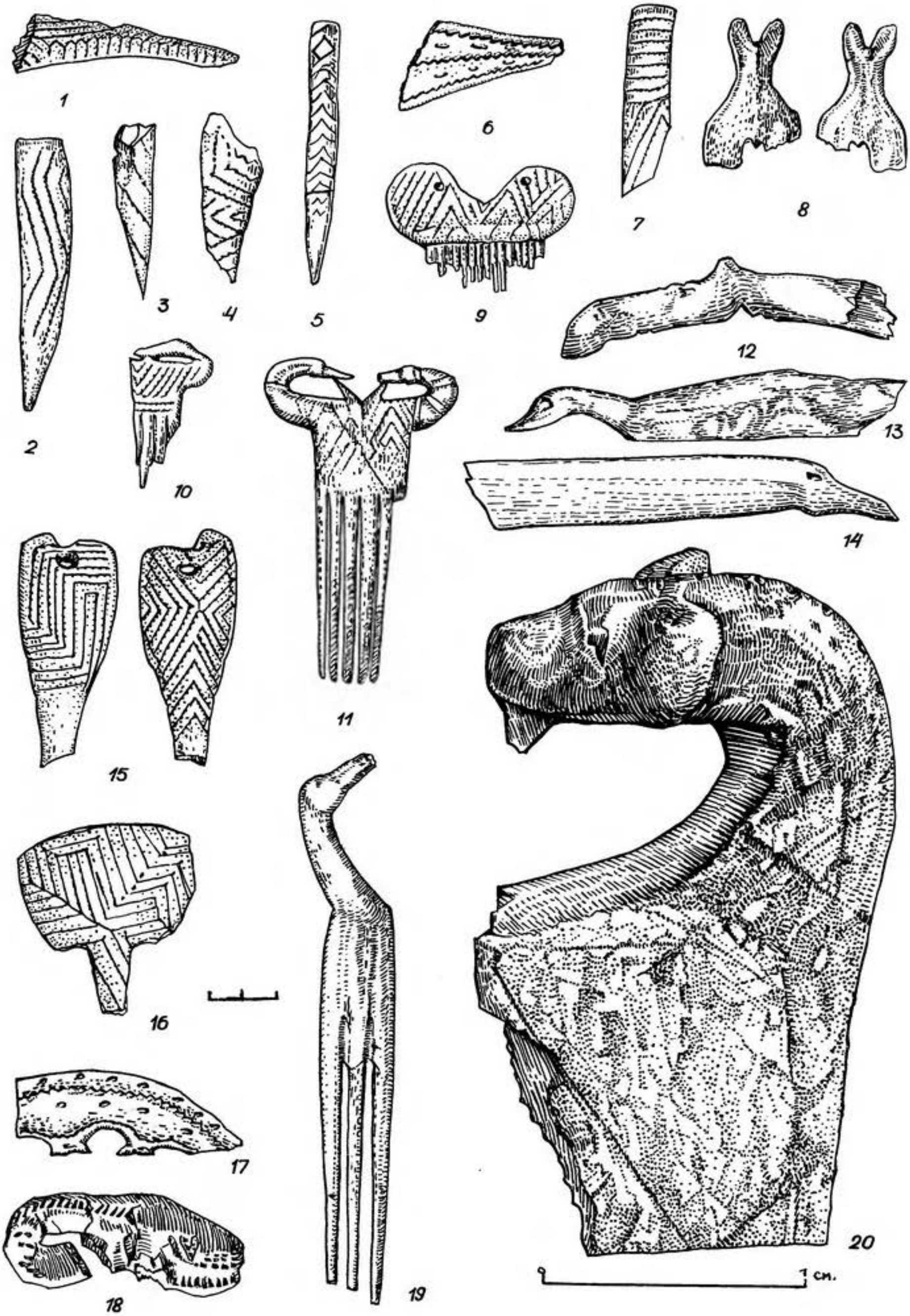


Рисунок 56

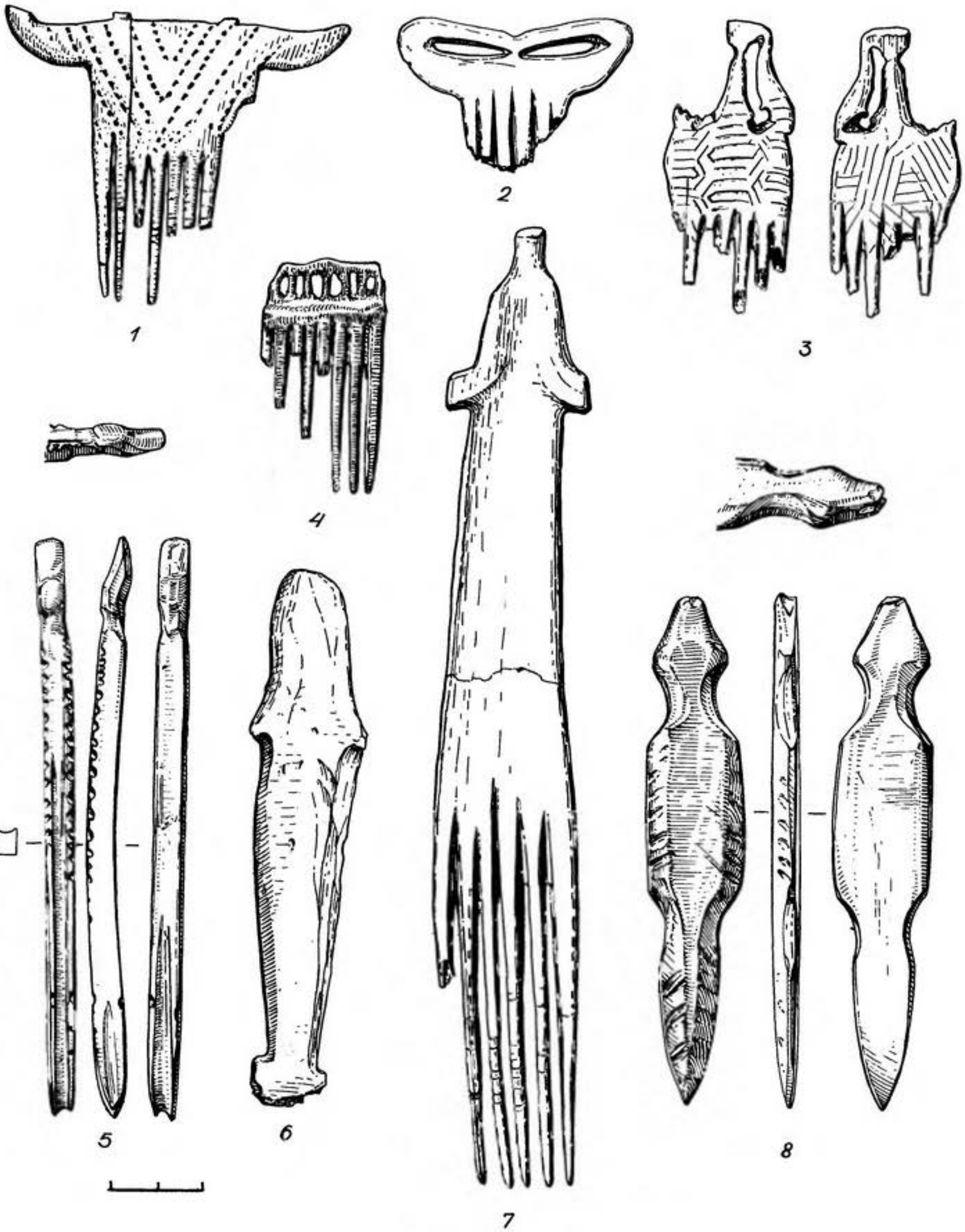


Рисунок 57

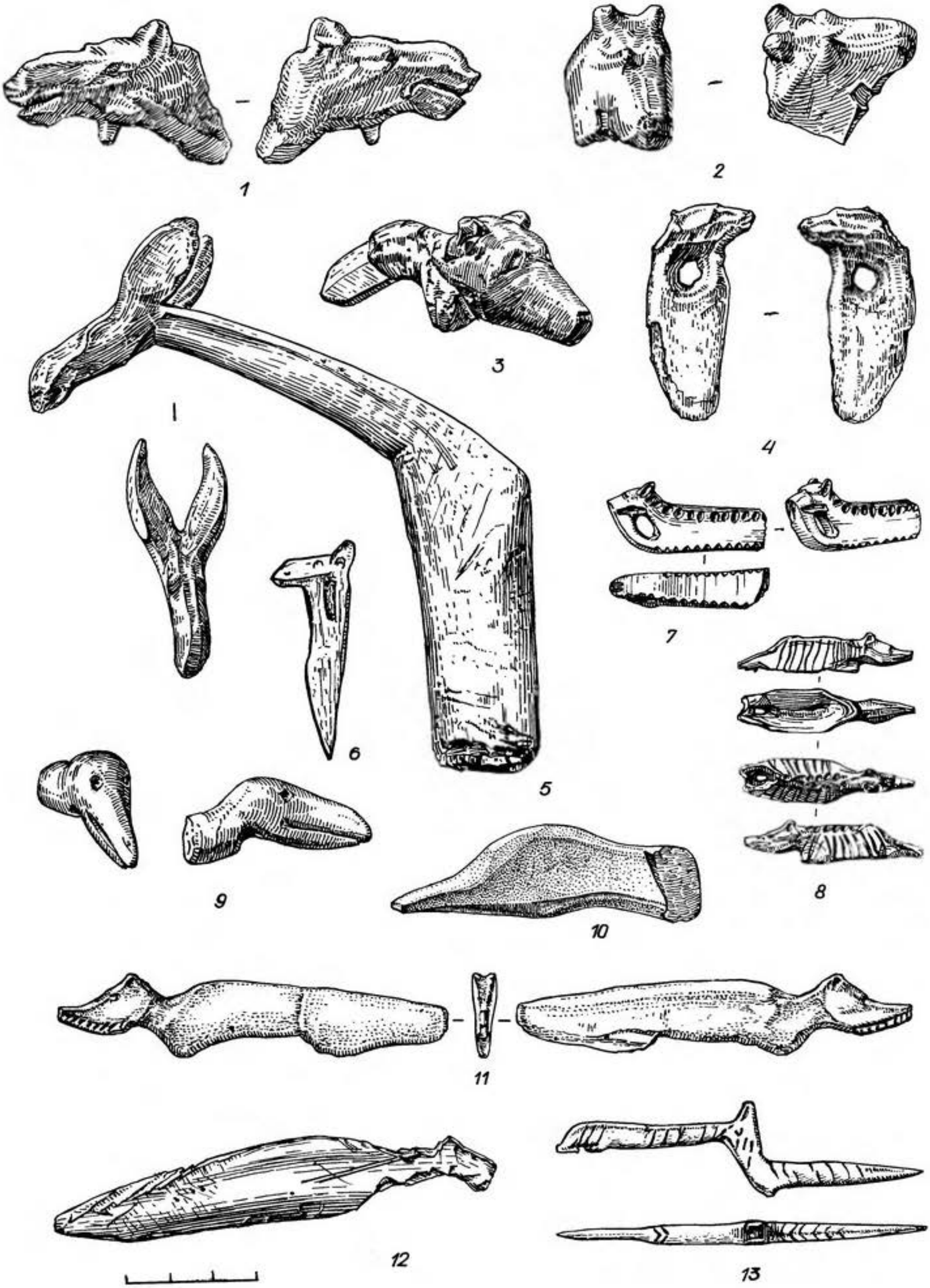


Рисунок 58

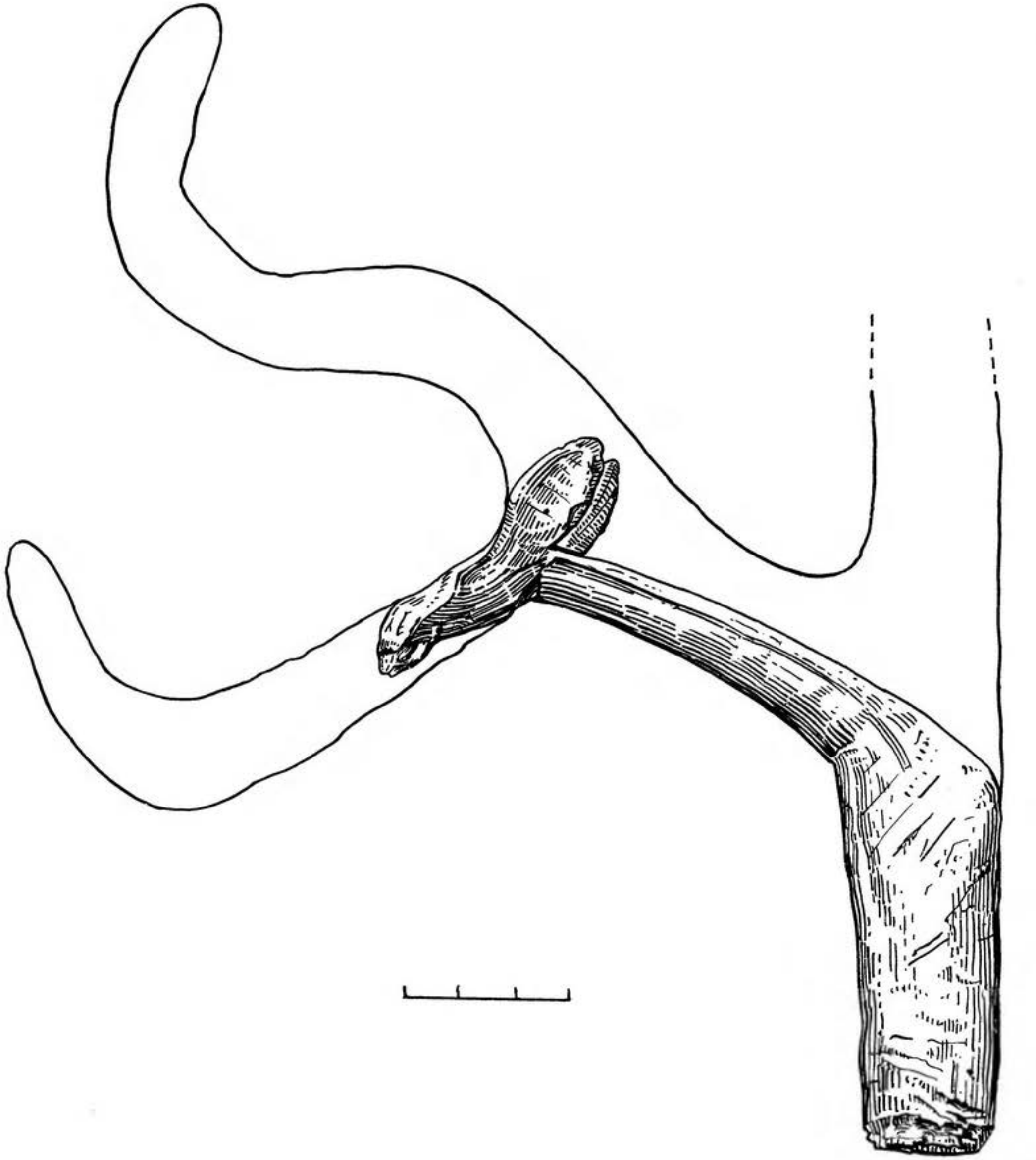
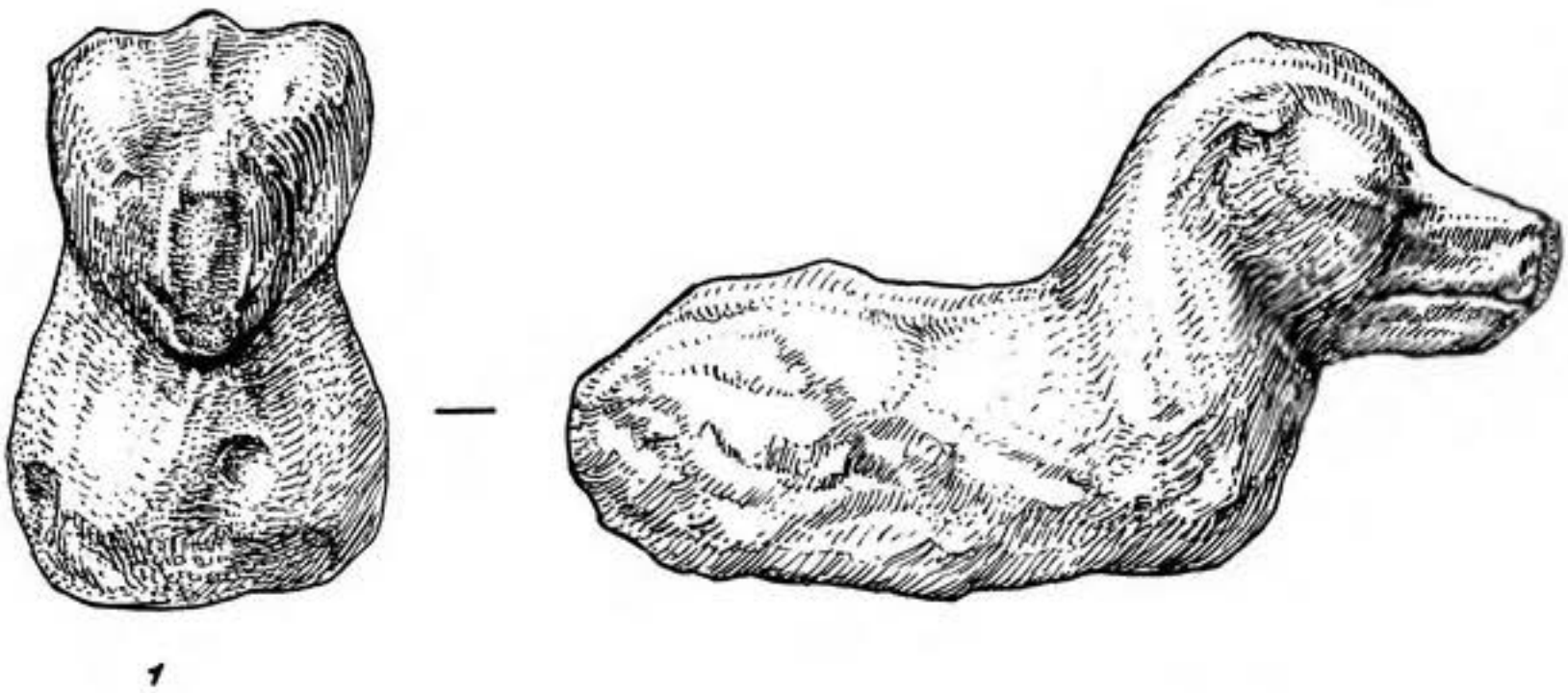
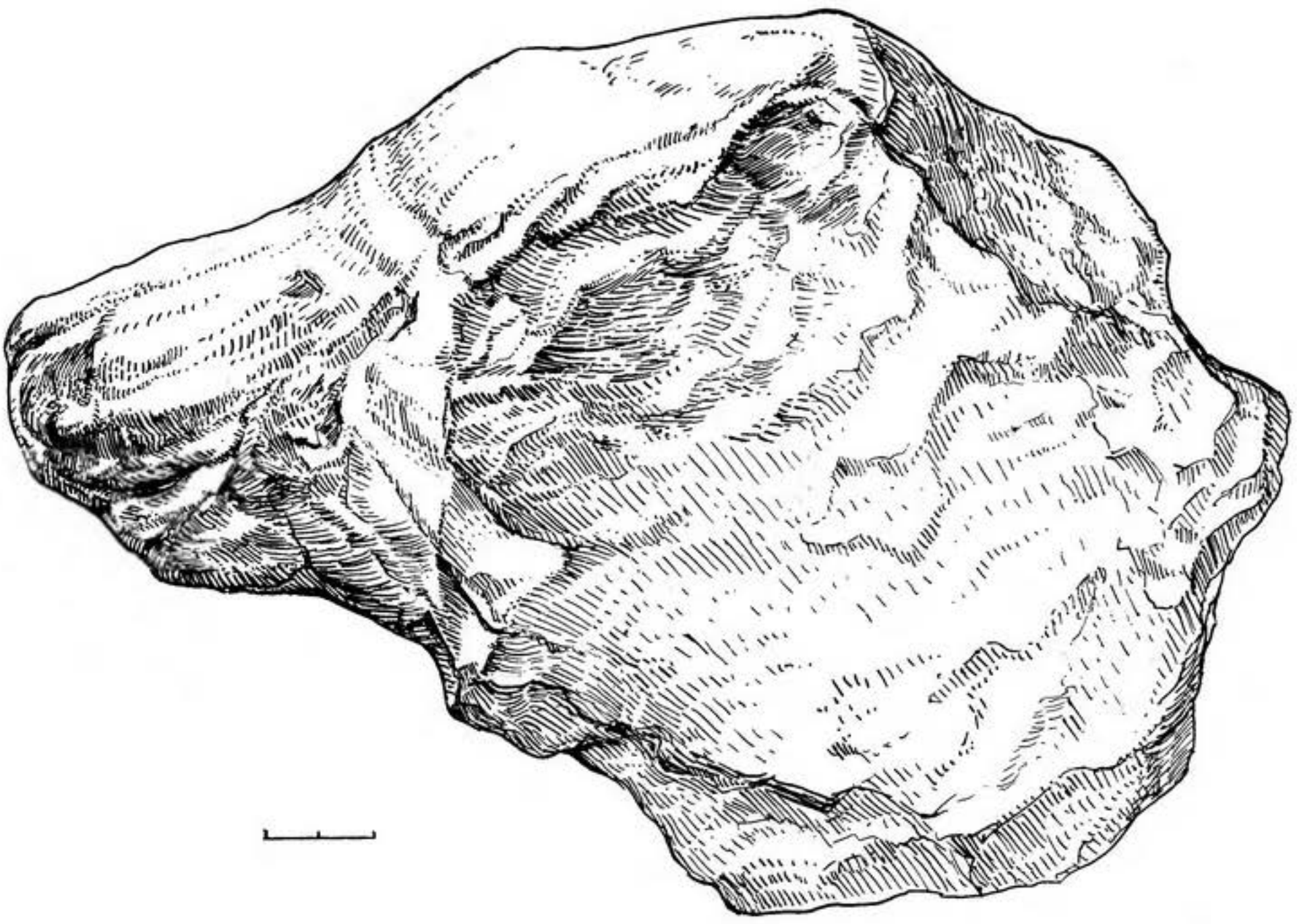


Рисунок 59

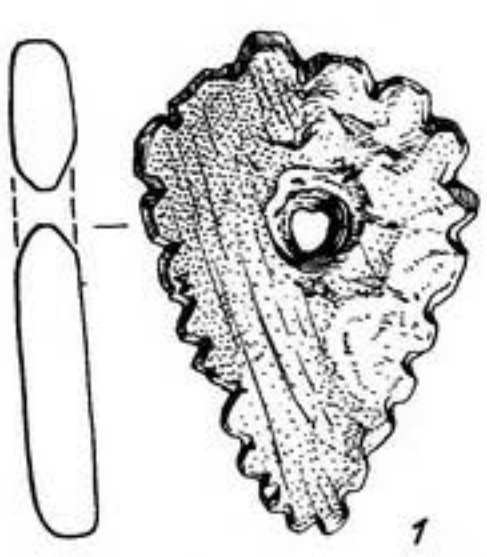


1

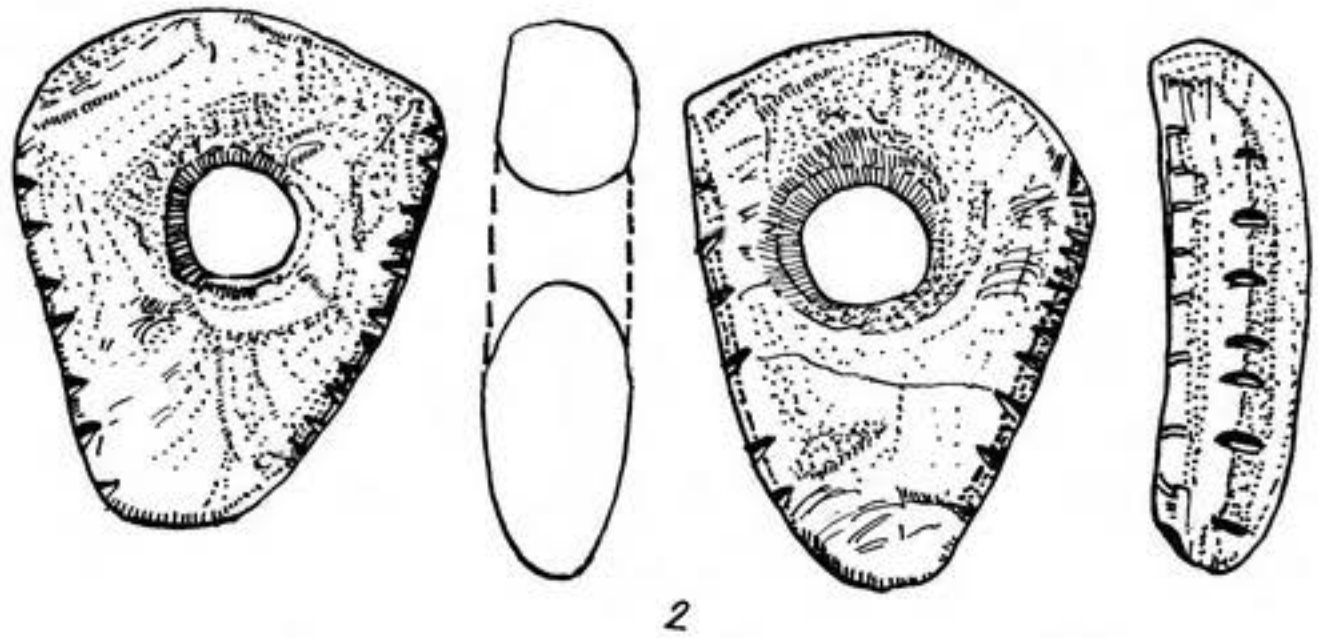


2

Рисунок 60



1

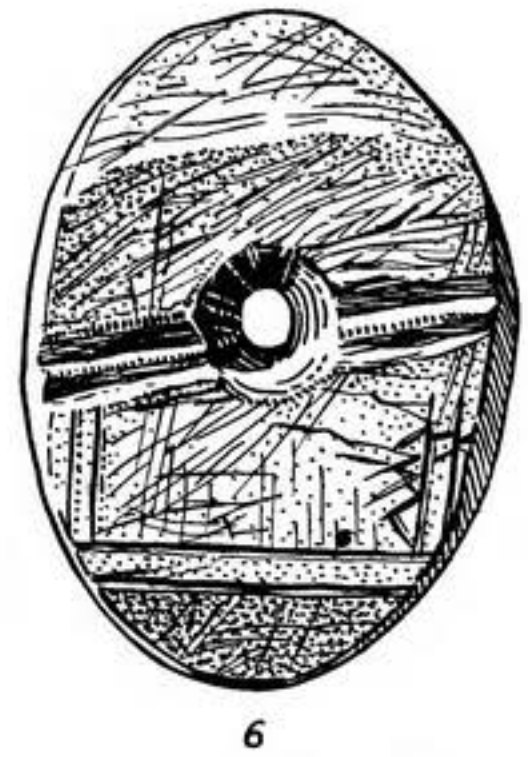


2

1

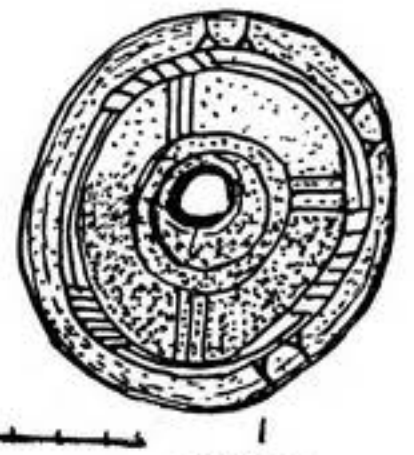
4

5

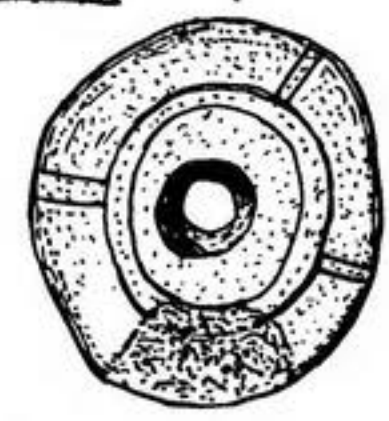


6

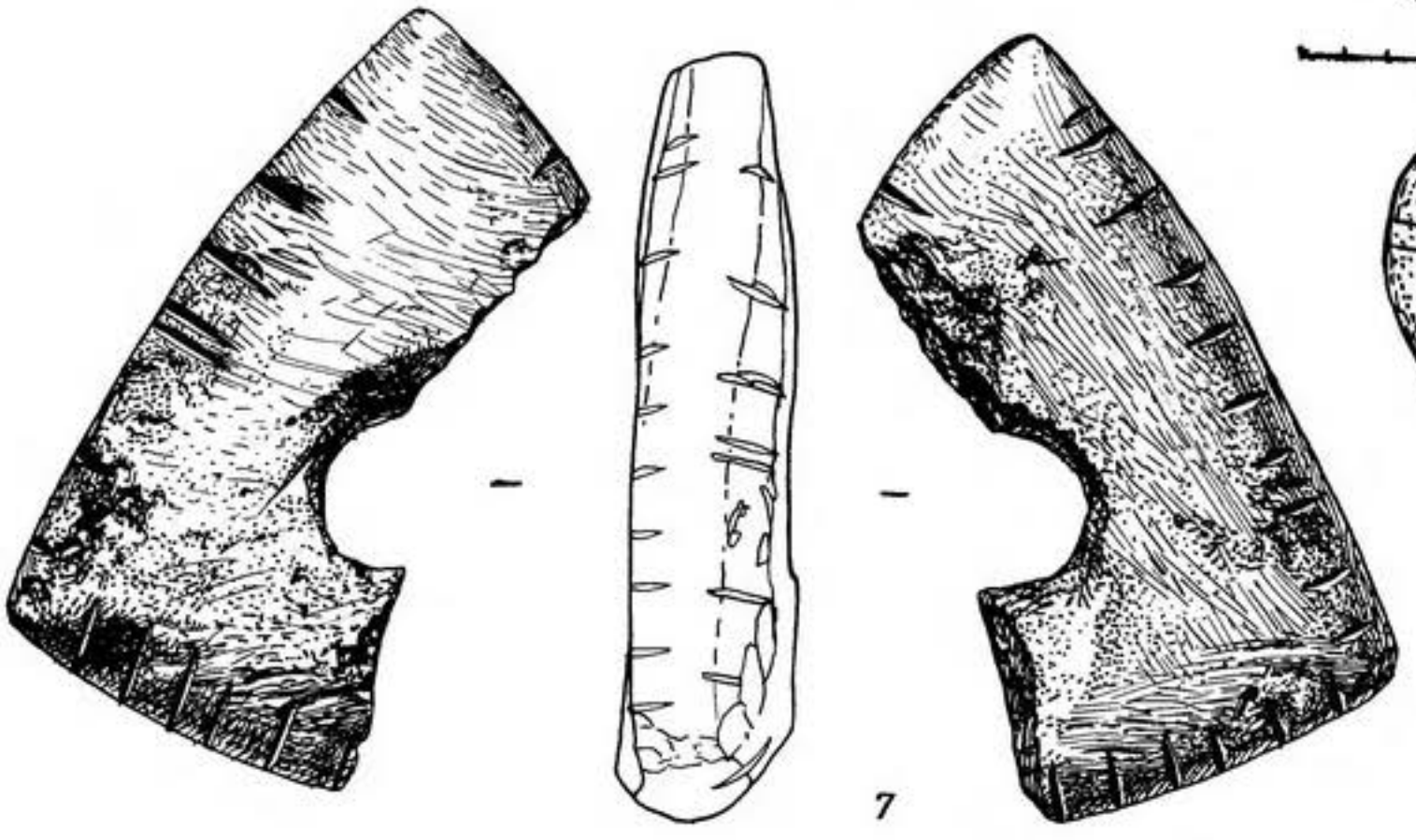
3



1



8



7

Рисунок 61

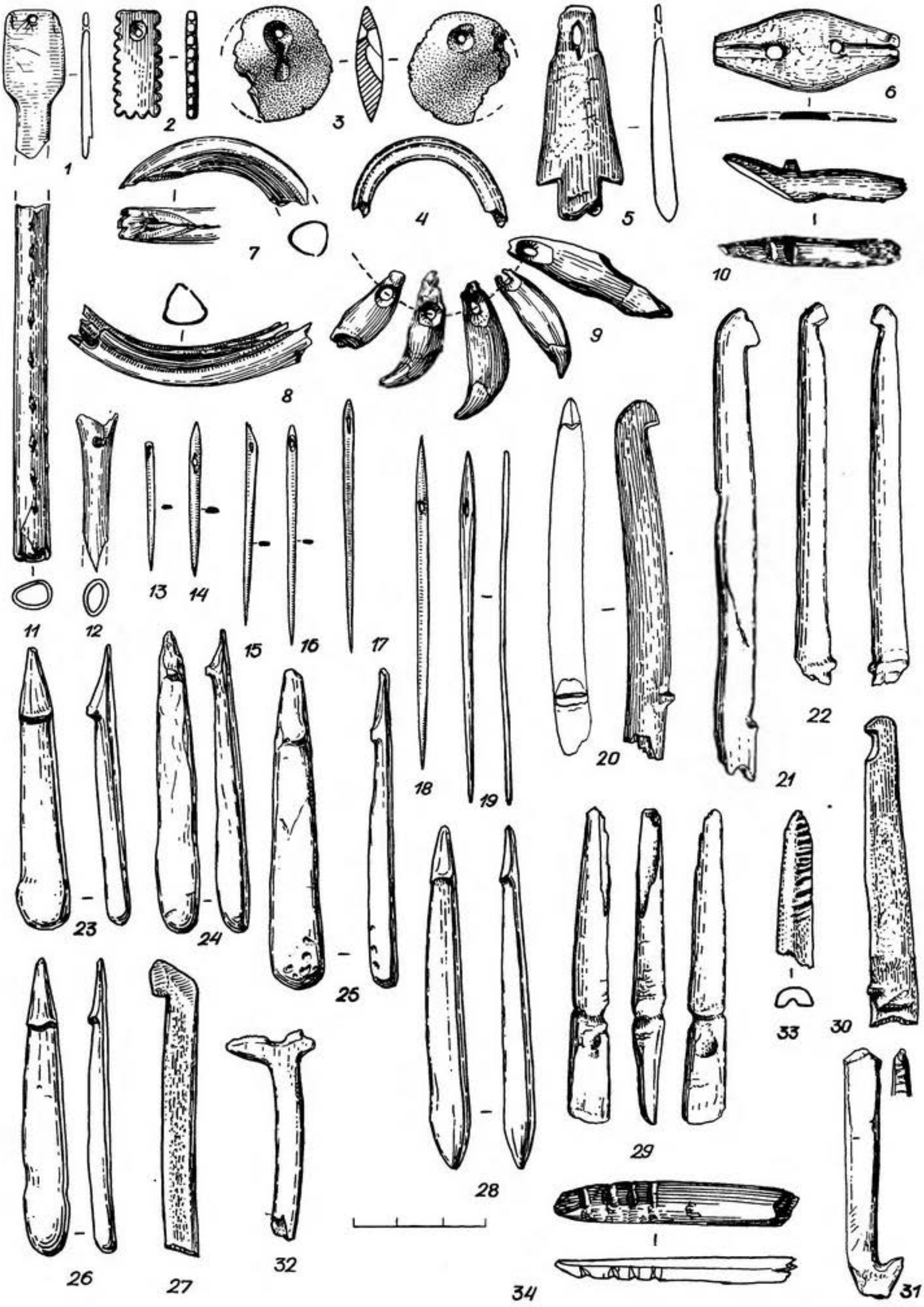
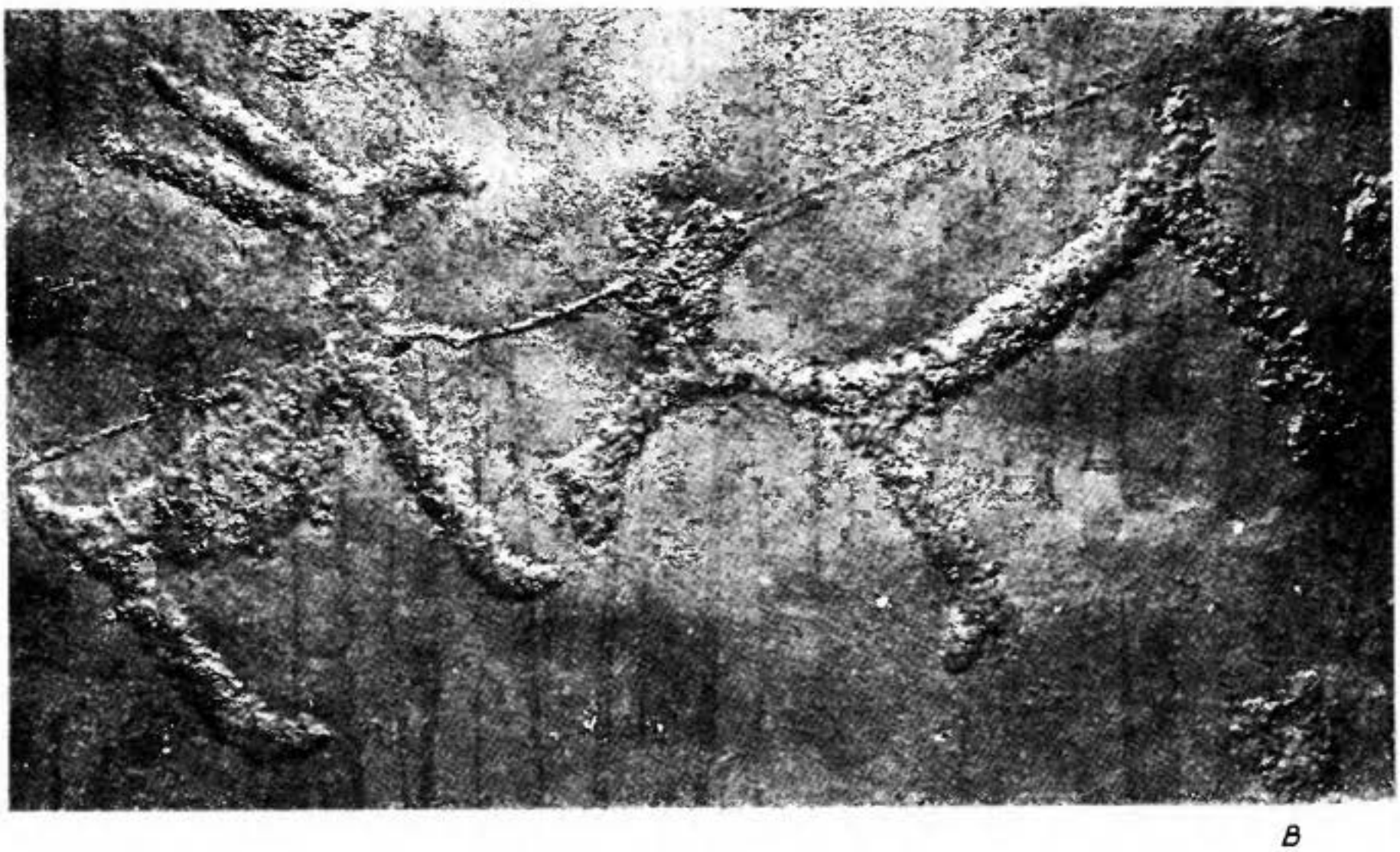

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34

Рисунок 62

А

Б

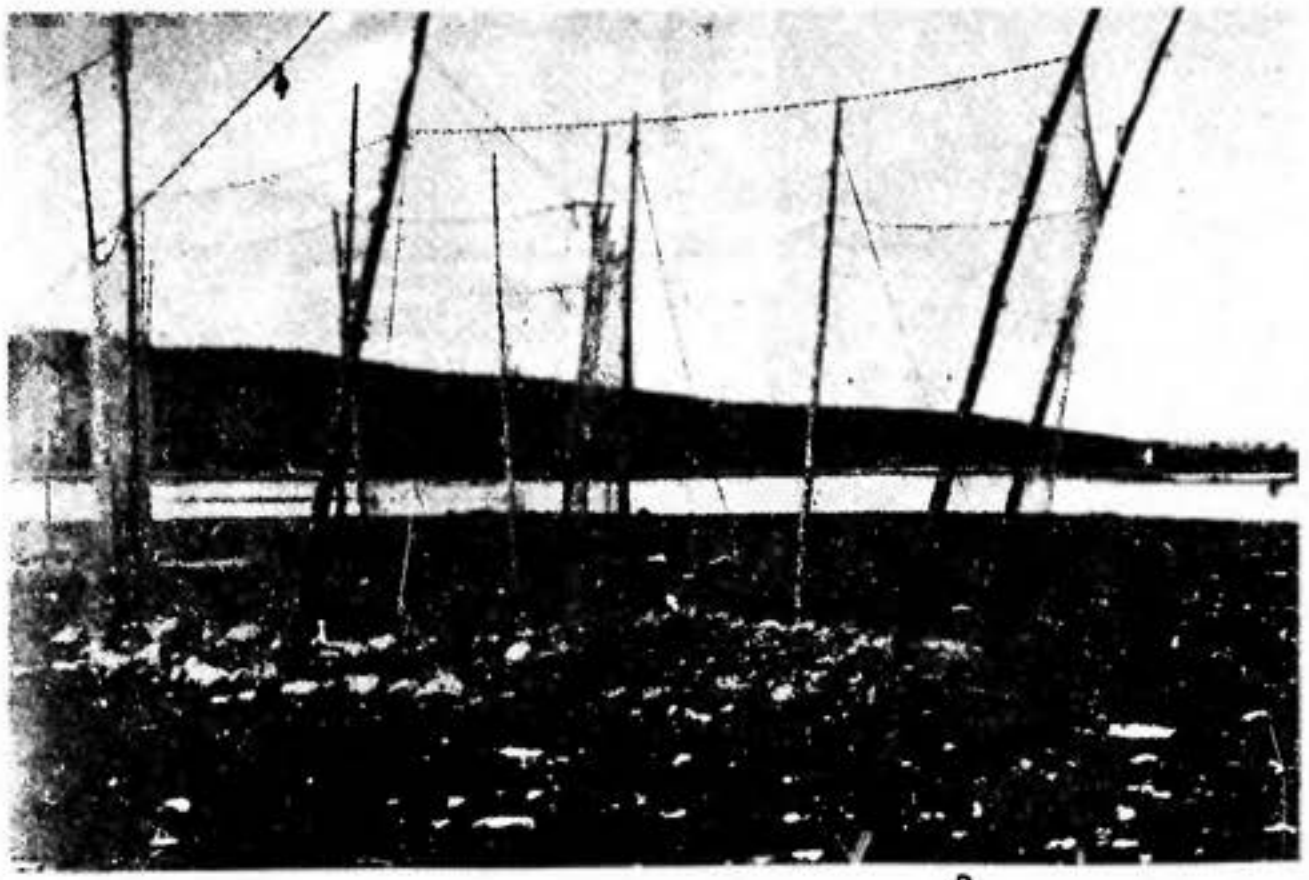


В

Рисунок 63

А

Б



В

Г

Рисунок 64

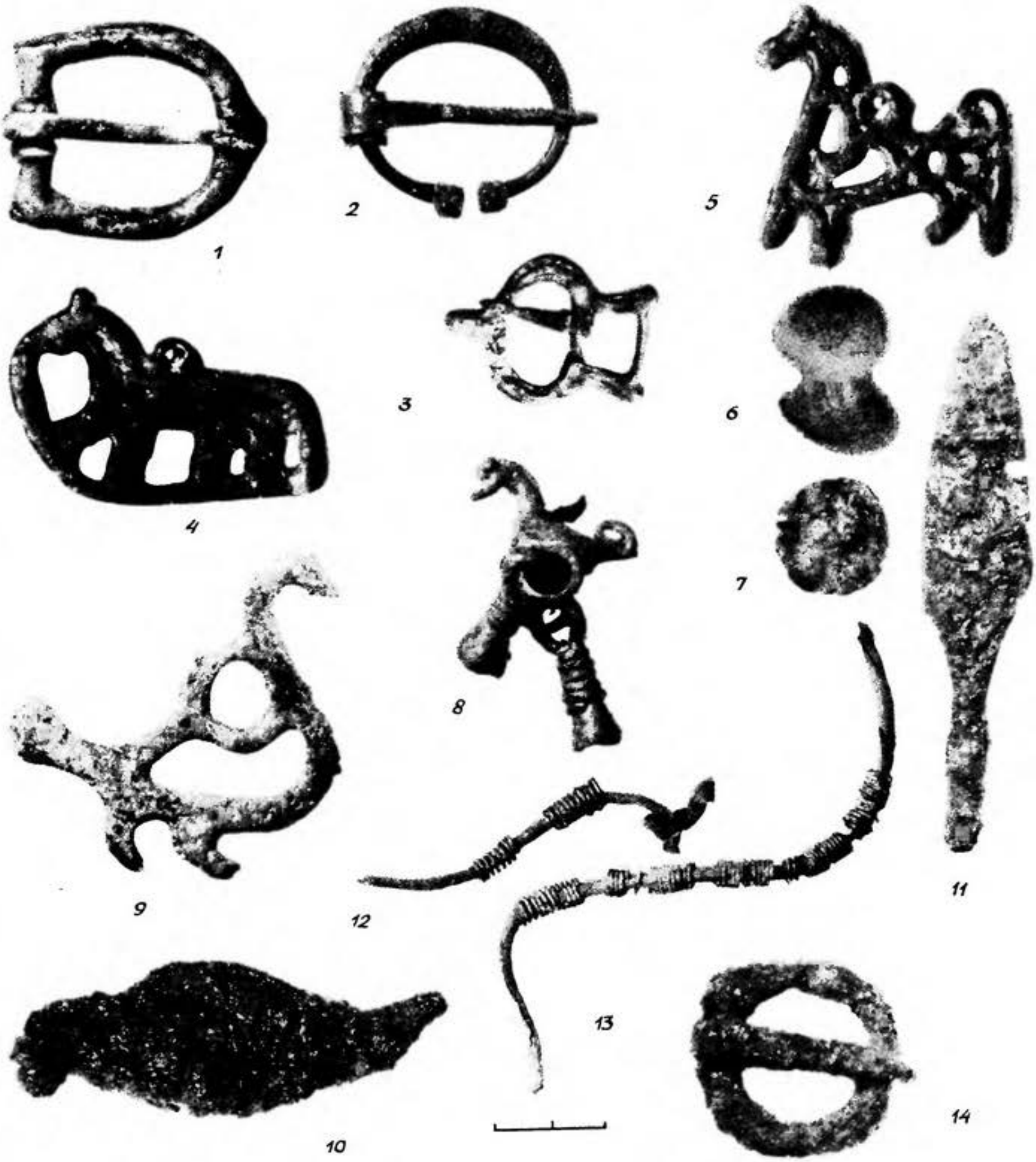
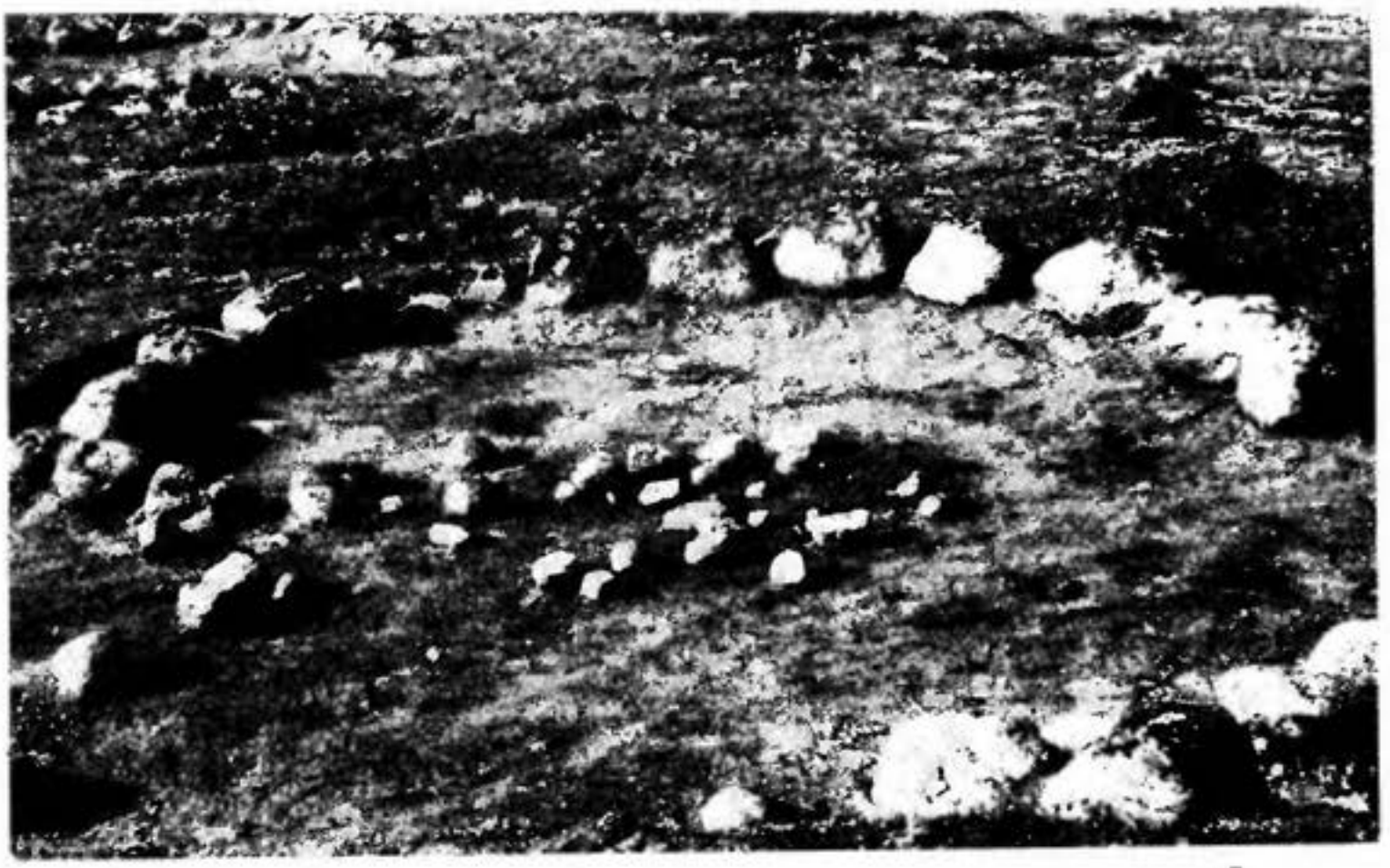


Рисунок 65



А

Б

В

Рисунок 66

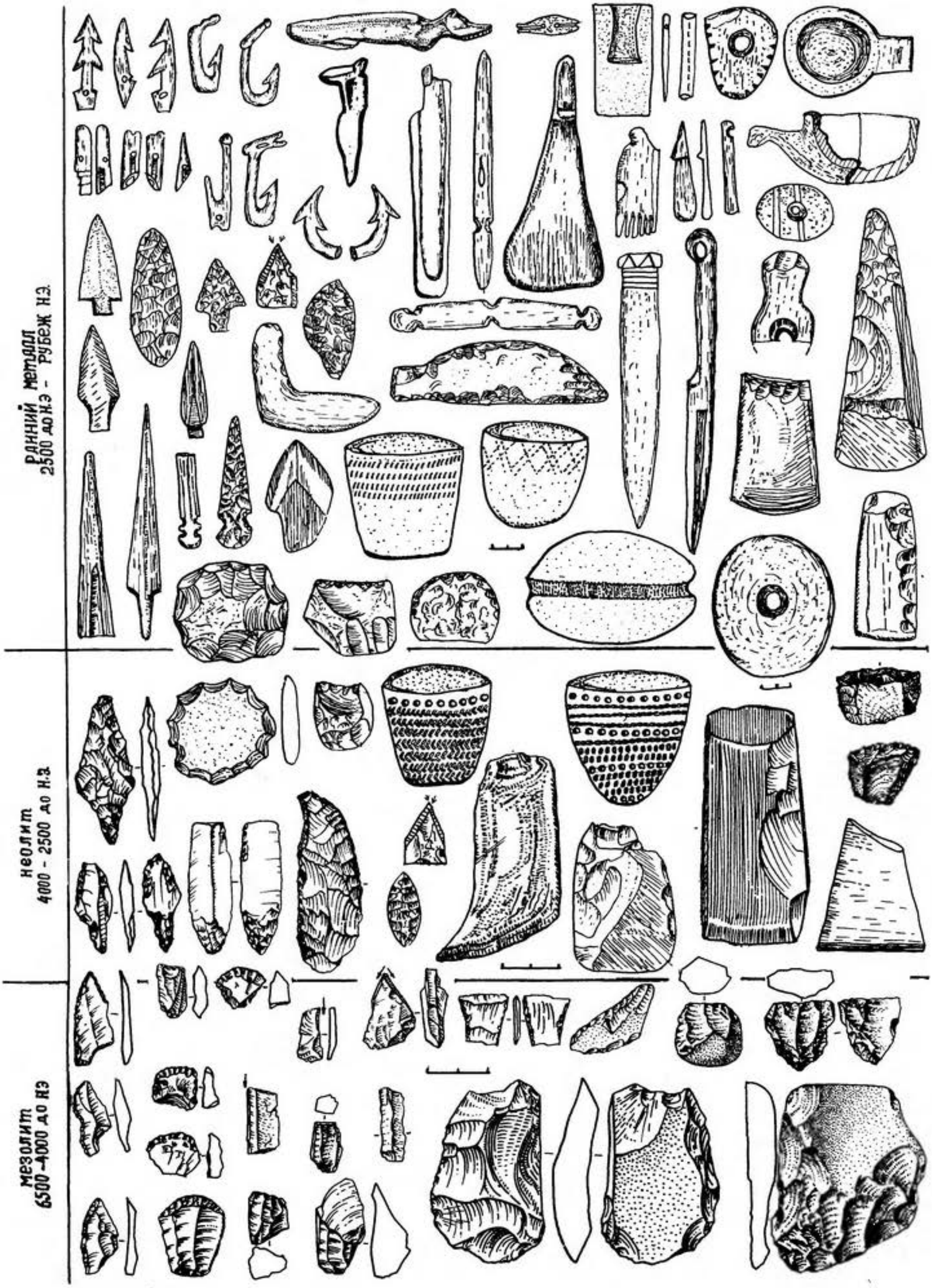

РАННИЙ МЕТАЛЛ
2500 ДО Н.Э. - РУБЕЖ Н.Э.
НЕОЛИТ
4000 - 2500 ДО Н.Э.
МЕЗОЛИТ
6500 - 4000 ДО НЭ

Рисунок 67

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

LIST OF ILLUSTRATIONS

Рис. 1. Археологические памятники Кольского п-ва.

А — известные до 1946 г.;
Б — открытые после 1946 г.
1 — мезолитические стоянки; *2* — неолитические стоянки и поселения; *3* — поселения эпохи раннего металла; *4* — погребения и могильники; *5* — лабиринты; *6* — наскальные изображения; *7* — средневековые памятники.

Fig. 1. Map of the Kola peninsula archaeological sites.

A — sites known before 1946;
Б — sites discovered after 1946.
1 — Mesolithic sites; *2* — Neolithic sites; *3* — sites of the Early Metal period; *4* — graves and cemeteries; *5* — labyrinths; *6* — rock-art; *7* — Medieval monuments.

Рис. 2. Мезолитические памятники комсокультуры.

А — возрастное соотношение береговых линий позднеледниковых бассейнов и археологических памятников Кольского п-ва; *Б* — стоянки арктического палеолита (мезолита) по Б. Ф. Землякову; *В* — стоянки комсокультуры и синхронные им памятники Севера по К. Мейнандеру. *1* — кривая археологических памятников; *2* — кривая возраста береговых линий; *3* — памятники мезолита; *4* — памятники неолита; *5* — периоды отрицательного перемещения береговых линий; *6* — памятники эпохи раннего металла.

Fig. 2. Mesolithic sites of Komsa culture.

A — chronological correlation of the coastal lines of Late Ice Age basins and archaeological sites of the Kola peninsula; *Б* — sites of "Arctic palaeolithic" (Mesolithic) according to B. F. Zemlyakov; *B* — sites of Komsa culture after K. Meinander. *1* — curve of archaeological sites positions; *2* — curve of coastal lines age; *3* — Mesolithic sites; *4* — Neolithic sites; *5* — the periods of negative shifts of coastal lines; *6* — the Early Metal period sites.

Рис. 3. Мезолитические наконечники стрел.

1—4, 6—8, 10—12, 15, 16, 19—21, 24, 26—28, 32—34, 36—44, 46, 48—51, 54, 55 — Черная речка; *5, 52* — Б. Мотка XXIIa; *9, 14, 17, 53* — Золотая VI; *13, 22, 30, 31, 35, 45* — Морская I; *18, 29* — Колосйоки I; *23, 25, 47* — Харловка IX; *33A* — Лумбовка I.

Fig. 3. Mesolithic arrowpoints.

1—4, 6—8, 10—12, 15, 16, 19—21, 24, 26—28, 32—34, 36—44, 46, 48—51, 54, 55 — Chernaya rechka; *5, 52* — B. Motka XXIIa; *9, 14, 17, 53* — Zolotaya VI; *13, 22, 30, 31, 35, 45* — Morskaya I; *18, 29* — Kolosyoki I; *23, 25, 47* — Harlovka IX, *33A* — Lumbovka I.

Рис. 4. Мезолитические резцы, резчики, скребок, ножи и трапеции.

1, 45 — Цып-Наволок 10; *2, 6, 40, 51* — Колосйоки I; *3, 4, 16, 27* — Харловка IX; *5, 8, 12, 55* — Морская I; *7, 19* — Шуонийоки I; *9, 48, 53* — Лумбовка I; *10* — Шуонийоки III; *11, 17, 23* — Шуонийоки V; *13, 49* — Лумбовка II; *14* — Амбарная I; *15, 57* — Лумбовка III; *18, 20, 37* — Золотая VI; *21, 24* — Западная Лица; *22, 32, 36* — Цып-Наволок 6; *25, 44* — Вайда губа I; *26* — Цып-Наволок 13; *28—31, 33, 34, 39, 43, 46, 47, 50, 52* — Черная речка I; *35, 56* — Б. Мотка 6; *38* — Колосйоки II; *41* — Нивка; *42, 54* — Цып-Наволок 4; *57* — Лумбовка III.

Fig. 4. Mesolithic burins, engravers, scraper, knifes and trapezes.

1, 45 — Tzyp-Navolok 10; *2, 6, 40, 51* — Kolosyoki I; *3, 4, 16, 27* — Harlovka IX; *5, 8, 12, 56* — Morskaya I; *7, 19* — Shuoniyoki I; *9, 48, 53* — Lumbovka I; *10* — Shuoniyoki III; *11, 17, 23* — Shuoniyoki V; *13, 49* — Lumbovka II; *14* —

Ambarnaya I; *15, 57* — Lumbovka III; *18, 20, 37* — Zolotaya VI; *21, 24* — Zapadnaya Litza; *22, 32, 36* — Tzyp-Navolok 6; *25, 44* — Vaida guba I; *26* — Tzyp-Navolok 13; *28* — *31, 33, 34, 39, 43, 46, 47, 50, 52* — Chernaya rechka I; *35, 56* — B. Motka 6; *38* — Kolosyoki II; *41* — Nivka; *42, 54* — Tzyp-Navolok 4; *57* — Lumbovka III.

Рис. 5. Мезолитические скребки и скобели-струги.

1—4, 6, 19, 39, 40, 51, 52, 63, 64, 66, 67, 69, 72, 74 — Черная речка I; *5, 48* — Вайда губа I; *7, 53* — Морская I; *8—12, 14, 16, 17, 20, 21, 23, 25, 26, 30—34, 37, 41—44, 46, 50, 54, 59, 62, 65, 68, 73* — Золотая VI; *13* — Шуонийоки IV; *15, 35* — Цып-Наволок 10; *18* — Печенга II; *24, 27, 36, 47, 55, 57, 58* — Харловка IX; *22* — Колосйоки II; *28* — Нивка; *29* — Патсйоки; *38* — Б. Мотка XXIIa; *45* — Цып-Наволок 7; *49* — Лумбовка I; *56, 61* — Амбарная I; *60* — Цып-Наволок 6; *70* — Б. Мотка I; *71* — Каменное озеро II; *75* — Амбарная II.

Fig. 5. Mesolithic scrapers and shaving-planing knifes.

1—4, 6, 19, 39, 40, 51, 52, 63, 64, 66, 67, 69, 72, 74 — Chernaya rechka I; *5, 48* — Vaida guba I; *7, 53* — Morskaya I; *8—12, 14, 16, 17, 20, 21, 23, 25, 26, 30—34, 37, 41—44, 46, 50, 54, 59, 62, 65, 68, 73* — Zolotaya VI; *13* — Shuoniyoki IV; *15, 35* — Tzyp-Navolok 10; *18* — Pechenga II; *24, 27, 36, 47, 55, 57, 58* — Harlovka IX; *22* — Kolosyoki II; *28* — Nivka; *29* — Patsyoki; *38* — B. Motka XXIIa; *45* — Tzyp-Navolok 7; *49* — Lumbovka I; *56, 61* — Ambarnaya I; *60* — Tzyp-Navolok 6; *70* — B. Motka I; *71* — Kamennoye ozero II; *75* — Ambarnaya II.

Рис. 6. Мезолитические рубящие орудия и нуклеусы.

1, 4, 13 — Красная I; *2* — Б. Мотка XXIIa; *3, 7, 9, 10, 18* — Шуонийоки V; *5* — Шуонийоки IV; *6, 8* — Колосйоки I; *11, 21, 23—25* — Шуонийоки VI; *12* — Б. Мотка I; *14* — Черная речка I; *15, 17* — Шуонийоки I; *16* — Шуонийоки II; *19* — Харловка IX; *9, 20* — Морская I; *22* — Цып-Наволок 14.

Fig. 6. Mesolithic felling tools and cores.

1, 4, 13 — Krasnaya I; *2* — B. Motka XXIIa; *3, 7, 9, 10, 18* — Shuoniyoki V; *5* — Shuoniyoki IV; *6, 8* — Kolosyoki I; *11, 21, 23—25* — Shuoniyoki VI; *12* — B. Motka I; *14* — Chernaya rechka I; *15, 17* — Shuoniyoki I; *16* — Shuoniyoki II; *19* — Harlovka IX; *9, 20* — Morskaya I; *22* — Tzyp-Navolok 14.

Рис. 7. Формы края и днищ неолитической керамики Кольского п-ва.

1—5 — Маяк II; *6, 7, 11, 14, 16, 17* — Нерпичья Губа; *8—10, 12, 13, 15, 19, 20* — Чаваньга I; *18* — Усть-Дроздовка.

Fig. 7. Shapes of rims and bottoms of the Kola peninsula Neolithic pottery.

1—5 — Mayak II; *6, 7, 11, 14, 16, 17* — Nerpichya guba; *8—10, 12, 13, 15, 19, 20* — Chavanga I; *18* — Ust-Drozdovka.

Рис. 8. Типы сосудов Кольского п-ва.

1—4 — эпохи неолита; *5—12* — эпохи раннего металла.

Fig. 8. Types of the Kola peninsula ancient vessels.

1—4 — Neolithic; *5—12* — the Early Metal period.

Рис. 9. Форма краев и днищ, технология сосудов эпохи раннего металла Кольского п-ва.

1—3, 15, 19, 25, 26 — Маяк; *4—8, 10, 11, 16—18, 27* — Маяк II; *9, 12—14* — Мыс Семерка II; *20—24, 28, 29* — Нерпичья Губа.

Fig. 9. Shapes of rims and bottoms, technology of the Kola peninsula Early Metal period pottery.

1—3, 15, 19, 25, 26 — Mayak; *4—8, 10, 11, 16—18, 27* — Mayak II; *9, 12—14* — Mys Semerka II; *20—24, 28, 39* — Nerpichya guba.

Рис. 10. Каменные орудия поселения Нерпичья Губа I.

1—3, 7 — наконечники стрел; *4—6, 8, 9, 13, 22* — ножи; *10, 11* — резцы; *12, 19, 26* — рубящие орудия; *14, 20, 24, 25* — скребки; *15* — кварцевый нож-скребок; *16—18* — кварцевые пластинки; *21, 23, 27* — нуклеусы и их части.

Fig. 10. Nerpichya guba I: stone tools.

1—3, 7 — arrowpoints; *4—6, 8, 9, 13, 22* — knifes; *10, 11* — burins; *12, 19, 26* — felling tools; *14, 20, 24, 25* — scrapers; *15* — quartz knife-scraper; *16—18* — quartz blades; *21, 23, 27* — cores and their fragments.

Рис. 11. Неолитическая керамика поселения Нерпичья Губа I.

Fig. 11. Nerpichya guba I: Neolithic pottery.

Рис. 12. Каменные орудия поселения Усть-Дроздовка.

1—15, 19, 23, 24, 28—30, 32—36, 38, 39, 43, 45—47, 50, 51, 53 — наконечники стрел и копий; *16—18, 20, 25* — скребки; *21* — украшение в виде кольца; *22, 26, 27* — резцы; *31, 40—42, 44, 48, 49, 52, 54* — ножи; *37* — резчик.

Fig. 12. Ust-Drozdovka: stone tools.

1—15, 19, 23, 24, 28—30, 32—36, 38, 39, 43, 45—47, 50, 51, 53 — arrow- and spear-heads; *16—18, 20, 25* — scrapers; *21* — ring-ornament; *22, 26, 27* — burins; *31, 40—42, 44,48, 49, 52, 54* — knifes; *37* — engraver.

Рис. 13. Неолитическая керамика поселения Усть-Дроздовка.
Fig. 13. Ust-Drozdovka: Neolithic pottery.

Рис. 14. Керамика эпохи раннего металла Усть-Дроздовки.
Fig. 14. Ust-Drozdovka: the Early Metal period pottery.

Рис. 15. Каменные орудия поселения Нерпичья Губа.
1—7, 11—16 — наконечники стрел и копий; *8—10* — скребки; *17* — топор; *18* — сверленый молот; *19—23* — ножи.
Fig. 15. Nerpichya guba: stone tools.
1—7, 11—16 — arrow- and spear-heads; *8—10* — scrapers; *17* — axe; *18* — hammer with bored hole; *19—23* — knifes.

Рис. 16. Наконечники стрел поселения Нерпичья Губа (1—21).
Fig. 16. Nerpichya guba: arrowpoints.

Рис. 17. Неолитическая керамика поселения Нерпичья Губа.
1—16 — фрагменты стенок; *17* — фрагмент плоского днища.
Fig. 17. Nerpichya guba: Neolithic pottery.
1—16 — fragments of vessels walls; *17* — fragment of flat bottom.

Рис. 18. Местоположение поселения Маяк II и окружающих памятников.
1 — неолитические памятники; *2* — раннего металла; *3* — ранний металл или неолит; *4* — мезолит; *5* — средневековые памятники; *6* — лабиринты.
Fig. 18. The situation at Mayak II site area and adjacent sites areas.
1 — Neolithic sites; *2* — the Early Metal period sites; *3* — the sites of Neolithic or Early Metal period; *4* — Mesolithic sites; *5* — Medieval monuments; *6* — labyrinths.

Рис. 19. Поселение Маяк II.
А — местоположение поселения; *Б* — вид на каменные кладки после снятия первого горизонта слоя; *В* — контуры основания жилого сооружения IX.
Fig. 19. Mayak II settlement.
А — situation of the settlement; *Б* — view on the stone settings after the excavations of I-st horizon of the cultural layer; *В* — outline of the dwelling-construction IX foundation.

Рис. 20. Распределение керамики эпохи раннего металла **(1)** и неолита **(2)** на поселении Маяк II.
Fig. 20. Distribution of the pottery finds of the Early Metal period **(1)** and of Neolithic **(2)** on Mayak II settlement.

Рис. 21. Основные комплексы и сопровождающие их особые предметы на поселении Маяк II.
1 — предметы искусства; *2* — скопления неолитической керамики; *3* — скопления керамики эпохи раннего металла; *4* — предметы и куски мыльного камня (стеатита); *5* — скопления камней; *6* — очаги; *7* — сильно обожженный слой; *8* — выходы скалы на поверхность; *9* — ямы.
Fig. 21. The main assemblages of Mayak II settlement and the peculiar objects accompanying them.
1 — objects of art; *2* — accumulations of the Neolithic pottery; *3* — accumulations of the Early Metal period pottery; *4* — steatite objects and pieces; *5* — concentrations of stones; *6* — hearths; *7* — hardly burned layer; *8* — rock-outcrops; *9* — pits.

Рис. 22. Каменные орудия неолитического комплекса Маяк II.
Fig. 22. Mayak II: stone tools of the Neolithic assemblage.

Рис. 23. Каменные орудия поселения Маяк II.
1—27, 29, 32 — из различных квадратов; *28, 30, 31, 33, 34* — неолитический комплекс из раскопа 1984 г., где не встречалось находок эпохи раннего металла.
Fig. 23. Mayak II: stone tools.
1—27, 29, 32 — finds from different parts of the site; *28, 30, 31, 33, 34* — Neolithic assemblage.

Рис. 24. Неолитическая керамика Маяка II.
Fig. 24. Mayak II: Neolithic pottery.

Рис. 25. Неолитическая керамика Маяка II.

Fig. 25. Mayak II: Neolithic pottery.

Рис. 26. Каменные орудия поселения Чаваньга I.

1—8, 11 — наконечники стрел кремневые (*1—5, 11*) и сланцевые (*6, 7*); *9* — нож; *10, 12, 13, 15, 18, 19* — скребла из песчаниковых галек; *14, 20* — топоры; *16* — сланцевый наконечник; *17* — кварцитовая плита.

Fig. 26. Chavanga I: stone tools.

1—8, 11 — arrowpoints (*1—5, 11* — flint; *6, 7* — slate); *9* — knife; *10, 12, 13, 15, 18, 19* — sidescrapers on sandstone plates; *14, 20* — axes; *16* — slate point; *17* — quarzite plate.

Рис. 27. Неолитическая керамика поселения Чаваньга I.

1—17, 19, 20 — фрагменты стенок сосудов; *18* — фрагмент плоского днища.

Fig. 27. Chavanga I: Neolithic pottery.

1—17, 19, 20 — vessels walls fragments, *18* — fragment of the flat bottom.

Рис. 28. Неолитическая керамика Чаваньги I.

Fig. 28. Chavanga I: Neolithic pottery.

Рис. 29. Неолитическая керамика.

1—14 — Мыс Семерка I; *15—23* — Наволок; *24* — Варзина 6.

Fig. 29. Neolithic pottery.

1—14 — Mys Semerka I; *15—23* — Navolok; *24* — Varzina 6.

Рис. 30. Неолитическая керамика поселения Цага I.

Fig. 30. Tzaga I: Neolithic pottery.

Рис. 31. Каменные орудия и керамика поселения Дроздовка.

1—15 — наконечники стрел; *16* — фрагмент наконечника копья; *17—20* — фрагменты керамики; *21—25* — рубящие орудия.

Fig. 31. Drozdovka: stone tools and pottery.

1—15 — arrowpoints; *16* — fragment of spear-head; *17—20* — pottery fragments; *21—25* — felling tools.

Рис. 32. Каменные орудия поселения Дроздовка.

Fig. 32. Drozdovka: stone tools.

Рис. 33. Каменные орудия и керамика поселения Маяк.

1—3 — составные рыболовные крючки (цевье); *4* — трапеция; *5, 12* — скребки; *6, 7* — резцы; *8—11* — скребковидные орудия; *13—25, 28—30* — наконечники стрел и копий; *26* — скобель-струг; *27* — проколка; *31—33* — керамика (неолитическая); *34—41* — керамика эпохи раннего металла.

Fig. 33. Mayak: stone tools and pottery.

1—3 — composite fish-hooks (fore-stocks); *4* — trapeze; *5, 12* — scrapers; *6, 7* — burins; *8—11* — scraper-like tools; *13—25, 28—30* — arrow- and spearheads; *26* — shaving-planing knife; *27* — piercer; *31—33* — Neolithic pottery; *34—41* — the Early Metal period pottery.

Рис. 34. Каменные орудия поселения Маяк II.

Fig. 34. Mayak II: stone tools.

Рис. 35. Каменные и костяные предметы поселения Маяк II.

1 — половинка литейной формы из стеатита; *2* — костяное тесло; *3, 5, 12* — роговые ложки; *4* — костяное острие; *6* — костяной предмет для снятия чешуи с рыбы; *7* — костяное шило; *8—10* — роговые кинжаловидные орудия; *11* — лопатка лося со следами резания на ней; *13, 14* — лампы-жировики из стеатита.

Fig. 35. Mayak II: stone and bone items.

1 — half of the steatite mould; *2* — bone hew; *3, 5, 12* — antler spoons; *4* — bone point; *6* — bone tool for fish-cleaning; *7* — bone awl, *8—10* — antler dagger-like tools; *11* — elk shoulder-blade with traces of cutting on it; *13, 14* — fat-lamps on steatite.

Рис. 36. Каменные и костяные орудия Маяка II.

1—3, 8—10, 12, 13, 15 — сланцевые наконечники стрел; *4—7, 14* — угловые ножи; *11* — костяное тесло; *16—20* — поворотные гарпуны; *21, 22, 32* — сланцевые топоры и тесла; *23* — сланцевый скребок; *24* — костяной наконечник стрелы; *25* — часть украшения колчана; *26, 27* — наконечники острог; *28, 29* — наконечники гарпунов; *30* — костяной предмет для чистки рыбы; *31* — сланцевый наконечник копья; *33, 37* — сланцевые ножи; *34* — часть от нарт (?); *35, 36* — струги из ребер моржа.

Fig. 36. Mayak II: stone and bone tools.

1—3, 8—10, 12, 13, 15 — slate arrowpoints; *4—7, 14* — angle knifes; *11* — bone hew; *16—20* — rotary harpoons; *21, 22, 32* — slate axes and hews; *23* — slate scraper; *24* — bone arrowpoint; *25* — part of the ornament of the quiver; *26, 27* — fishspear-heads; *28, 29* — harpoon-heads; *30* — bone tool for fish cleaning; *31* — slate spear-head; *33, 37* — slate knifes; *34* — part of a sledge (?); *35, 36* — plane-knifes on the walrus ribs.

Рис. 37. Каменные и костяные орудия Маяка II.

1—10, 14—23 — костяные наконечники стрел; *11—13* — шиферные наконечники стрел; *24, 27, 28* — сланцевые ножи; *25, 26* — костяные ножи.

Fig. 37. Mayak II: stone and bone tools.

1—10, 14—23 — bone arrowpoints; *11—13* — slate arrowpoints; *24, 27, 28* — slate knifes; *25, 26* — bone knifes.

Рис. 38. Костяные и роговые орудия поселения Маяк II.

1, 6—12 — кинжаловидные орудия; *2, 4, 5* — фрагменты костяных орудий; *3* — костяной предохранитель на палец, употреблявшийся при стрельбе из лука.

Fig. 38. Mayak II: bone and antler tools.

1, 6—12 — dagger-like tools; *2, 4, 5* — fragments of bone tools; *3* — safe-devise for the finger used during bow-shooting.

Рис. 39. Орудия поселения Маяк II.

1, 15, 17, 18 — костяные проколки и шилья; *2* — роговая рукоять; *3* — кварцитовая пила; *4* — сланцевый скребок; *5—10* — костяные наконечники стрел; *11* — желобчатая сланцевая стамеска; *12—14, 16, 19, 20* — кинжаловидные орудия.

Fig. 39. Mayak II: tools.

1, 15, 17, 18 — bone piercers and awls; *2* — antler handle; *3* — quarzite saw; *4* — slate scraper; *5—10* — bone arrowpoints; *11* — grooved slate chisel; *12—14, 16, 19, 20* — dagger-like tools.

Рис. 40. Орудия рыболовства поселения Маяк II.

1—17 — рыболовные крючки и их фрагменты; *18—36, 39, 41—46* — наконечники гарпунов и их фрагменты; *37, 38* — наконечники острог; *40* — игла для плетения сетей.

Fig. 40. Mayak II: fishing tools.

1—17 — fish-hooks and their fragments; *18—36, 39, 41—46* — harpoon-heads and their fragments; *37, 38* — fishspear-heads, *40* — needle for net-plaiting.

Рис. 41. Костяные, роговые и каменные орудия поселения Маяк II.

1, 2, 9 — предметы неясного назначения; *3—6, 16* — острия; *7, 15* — тесла; *8, 18* — колотушки (от шампанского бубна?); *10* — кость со следами надрезов; *11, 19* — наконечники стрел (костяные); *12* — кинжаловидное орудие; *13* — сланцевый наконечник стрелы; *14* — нож-скобель из лопатки животного; *17* — каменный отбойник; *20, 21* — шиферные наконечники копий; *22* — роговая рукоять; *23—36* — отбойники и ретушеры (Маяк, Маяк II).

Fig. 41. Mayak II: bone, antler and stone tools.

1, 2, 9 — objects of uncertain purpose; *3—6, 16* — points; *7, 15* — hews; *8, 18* — beetles (of shaman tambourine?); *10* — bone with traces of cuts; *11, 19* — bone arrowpoints; *12* — dagger-like tools; *13* — slate arrowpoint; *14* — shaving-knife on animal shoulder-blade; *17* — hammerstone; *20, 21* — slate spear-heads; *22* — antler handle; *23—36* — hammerstones and retouchers (Mayak, Mayak II).

Рис. 42. Керамика эпохи раннего металла. Маяк II.

Fig. 42. Mayak II: pottery of the Early Metal period.

Рис. 43. Керамика эпохи раннего металла. Маяк II.

Fig. 43. Mayak II: pottery of the Early Metal period.

Рис. 44. Поселение Мыс Семерка II.

А — вид на раскоп в момент разборки второго горизонта; *Б* — «клад» орудий на кв. 111.

Fig. 44. Mys Semerka II site.

А — view on the excavations (II-d horizon); *Б* — tools hoard at sq. 111.

Рис. 45. Орудия и украшения поселения Мыс Семерка II.

1—6, 8—15, 18—25 — наконечники стрел и копий; *7* — янтарная подвеска; *16, 17* — каменные украшения; *26, 29* — кварцитовые пилы; *27* — скребок; *28* — топор; *30* — грузило; *31* — тесло.

Fig. 45. Mys Semerka II: tools and ornaments.

1—6, 8—15, 18—25 — arrow- and spear-heads; *7* — amber pendant; *16, 17* — stone ornaments; *26, 29* — quarzite saws; *27* — scraper; *28* — axe; *30* — net-weight; *31* — hew.

Рис. 46. Каменные орудия поселения Мыс Семерка II.

1—3 — угловые ножи; *4—17* — топоры и тесла.

Fig. 46. Mys Semerka II: stone tools.

1—3 — angle knifes; *4—17* — axes and hews.

Рис. 47. Керамика эпохи раннего металла поселения Мыс Семерка II.

Fig. 47. Mys Semerka II: pottery of the Early Metal period.

Рис. 48. Керамика эпохи раннего металла поселения Мыс Семерка II.

1—13, 15 — края и стенки сосудов; *14* — фрагмент плоского днища.

Fig. 48. Mys Semerka II: pottery of the Early Metal period.

1—13, 15 — rims and walls of the vessels; *14* — fragment of flat bottom.

Рис. 49. Каменные орудия погребения поселения Б. Песконец.

1—7 — кремневые наконечники стрел; *8* — сланцевый наконечник стрелы; *9, 14, 16—19* — сланцевые шлифованные рубящие орудия; *10, 11* — шиферные ножи; *12, 13* — кремневые кинжал и наконечник копья; *15* — кремневое шлифованное тесло.

Fig. 49. B.Peskonetz burial: stone tools.

1—7 — flint arrowpoints; *8* — slate arrowpoint; *9, 14, 16—19* — polished slate felling-tools; *10, 11* — slate knifes; *12, 13* — flint dagger and spear-head; *15* — polished flint hew.

Рис. 50. Основные элементы (*1—5*) и мотивы (*6—23*) орнамента на костяных орудиях Маяка II.

Fig. 50. Mayak II: the main elements (*1—5*) and motifs (*6—23*) of bone tools ornamentation.

Рис. 51. Орнамент и скульптура из рога и кости. Оленеостровский могильник.

1, 7, 9—13 — костяные кинжалы; *2, 4, 6* — игольники; *3* — головка лося; *8* — основные мотивы орнамента.

Fig. 51. Oleneostrovskiy cemetery: ornamentation and bone-antler sculptures.

1, 7, 9—13 — bone daggers; *2, 4—6* — containers for needles; *3* — elk head; *8* — the main motifs of ornamentation.

Рис. 52. Скульптура и орнамент на костяных и роговых предметах Маяка II.

1—4 — скульптура человека; *5, 6* — «личины»; *7, 8* — фаланги животных с орнаментом; *9* — орнамент на роге; *10* — орнамент на пластинке из клыка моржа.

Fig. 52. Mayak II: sculptures and bone-antler objects ornamentation.

1—4 — human beings sculptures; *5, 6* — "guises"; *7, 8* — ornamented phalanxes of animals; *9* — ornamentation on the antler; *10* — ornamentation on the plate of walrus fang.

Рис. 53. Орнамент на костяных и роговых предметах.

1—5 — сюжетные рисунки (*1, 2* — Маяк II; *3, 5* — Дроздовка; *4* — изображение на дереве. Ханты — по В. В. Сенкевич-Гудковой); *6—8, 10—15* — орнамент на предметах (Маяк II); *9* — изображение на сосуде (Маяк II); *16* — орнамент на песчанике (Мыс Семерка II).

Fig. 53. Ornamentation of the bone and antler objects.

1—5 — pictures of a topic character (*1, 2* — Mayak II; *3, 5* — Drozdovka; *4* — Hunty people picture on wood, according to V. V. Senkevich-Gudkova); *6—8, 10—15* — ornamentations of different objects (Mayak II); *9* — picture on the vessel surface (Mayak II); *16* — ornamentation on sandstone (Mys Semerka II).

Рис. 54. Орнамент на костяных и роговых предметах. Маяк II.

Fig. 54. Mayak II: ornamentations of the bone and antler objects.

Рис. 55. Роговые предметы с нарезками. Маяк II.

Fig. 55. Mayak II: antler items with cuts.

Рис. 56. Образцы древнего искусства Северной Норвегии.
Fig. 56. Examples of ancient art of the Northern Norway.

Рис. 57. Предметы искусства из кости и рога.
1—4, 6, 7 — Маяк II; *5, 8* — Б. Песконец.
Fig. 57. Bone and antler objects of art.
1—4, 6, 7 — Mayak II; *5, 8* — B. Peskonetz.

Рис. 58. Скульптура из кости и рога.
1, 3—8, 11—13 — Маяк II; *2* — Дроздовка; *9* — Усть-Дроздовка; *10* — Мыс Семерка II.
Fig. 58. Bone and antler sculptures.
1, 3—8, 11—13 — Mayak II; *2* — Drozdovka; *9* — Ust-Drozdovka; *10* — Mys Semerka II.

Рис. 59. Технический прием, примененный при создании скульптуры из рога.
Fig. 59. The technical method applicated to antler sculpture creation.

Рис. 60. Скульптура собаки (*1, 2*).
Fig. 60. Sculpture of dog (*1, 2*).

Рис. 61. Навершия на булавы (из мыльного камня — стеатита).
1—5, 7 — Маяк II; *6* — Нерпичья Губа; *8* — Ловозеро V.
Fig. 61. Maceheads (steatite).
1—5, 7 — Mayak II; *6* — Nerpichya guba; *8* — Lovozero V.

Рис. 62. Украшения, иглы и костяные крючки. Маяк II.
1, 2, 5 — костяные подвески (*5* — изготовлена из тыльной части гарпуна); *3* — янтарная пуговица; *4, 7, 8* — клыки бобра; *6* — костяная пряжка; *9* — зубы животных-подвески; *10* — жало составного рыболовного крючка; *11, 12* — игольники; *13—19* — иглы; *20—31* — костяные крючки; *32* — булавка; *33, 34* — стержни с насечками.
Fig. 62. Mayak II: ornaments, needles and fish-hooks.
1, 2, 5 — bone pendants (*5* — prepared on back-side of harpoon point); *3* — amber button; *4, 7, 8* — beaver fangs; *6* — bone buckle; *9* — pendants on the animals teeth; *10* — sting of composite fish-hook; *11, 12* — needles containers; *13—19* — needles, *20—31* — bone fish-hooks; *32* — pin; *33, 34* — rods with incisions.

Рис. 63. Наскальные рисунки Чалмн-Варрэ.
Fig. 63. Rock engravings of Chalmn-Varre.

Рис. 64. Каменные лабиринты и рыболовное сооружение — «тайник».
А, Б — каменные лабиринты в устье р. Варзуги; *В* — «тайник» в устье р. Колы (1947 г.); *Г* — позвонок кита в лабиринте.
Fig. 64. Stone labyrinths and construction for fishing — so-called "hiding place".
A, Б — stone labyrinths in Varzuga river mouth; *B* — "hiding-place" in Kola river mouth in 1947; *Г* — vertebra of whale inside the labyrinth.

Рис. 65. Предметы из могильника на р. Варзуге.
1—3, 14 — бронзовые и железная фибулы; *4, 5, 8, 9* — бронзовые украшения; *6* — свинцовый предмет; *7* — монета; *10* — железный предмет; *11* — наконечник копья; *12, 13* — бронзовые пронизки.
Fig. 65. Objects from the cemetery on Varzuga river.
1—3, 14 — bronze and iron fibulae; *4, 5, 8, 9* — bronze ornaments; *6* — lead object; *7* — coin; *10* — iron object; *11* — spear-head; *12, 13* — bronze beads.

Рис. 66. Остатки жилых сооружений типа «куваксы» на поселении Нерпичья Губа II (*А, Б*), *В* — современная «кувакса» на оз. Ловозеро.
Fig. 66. Remains of dwelling-constructions of "kuvaksa-type" on Nerpichya guba site (*A, Б*), *B* — modern "kuvaksa" on Lovozero lake coast.

Рис. 67. Этапы развития культуры древних племен Кольского п-ва.
Fig. 67. The stages of the Kola peninsula ancient tribes culture development.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 5
Предисловие 6

История археологического изучения Кольского полуострова 8
Взаимосвязь природной среды и человека 11
Мезолит 16
Неолит 32
Характерные черты 32
Типология 35
Нерпичья Губа I 42
Усть-Дроздовка (неолитический комплекс) 46
Нерпичья Губа 49
Поселение Маяк II (топография, стратиграфия, неолитический комплекс) 56
Чаваньга I 67
Наволок 69
Мыс Семерка I 71
Цага I 72
Эпоха раннего металла 73
Характерные черты 73
Дроздовка 78
Маяк 80
Маяк II (комплекс эпохи раннего металла) 85
Усть-Дроздовка (комплекс эпохи раннего металла) 89
Мыс Семерка II 90
Могильник и погребения 96
Хозяйство и общество 99
Искусство и верования 108
Орнамент 109
Скульптура 114
Связи древних племен Кольского полуострова с населением соседних территорий. Общие и особенные черты культуры 123
Некоторые данные о средневековье 127
Археологические источники и проблема происхождения саамов 128
Заключение 132

Приложения 138
1. Список радиоуглеродных дат исследованных памятников 138
2. Результаты количественного спектрального анализа кремневых орудий из погребения в бухте Б. Песконец (*В. А. Галибин*) 140
3. Определение крупных костяных предметов из поселения Маяк II (*В. Е. Щелинский*) . . 140
4. Результаты петрографического анализа керамики Кольского полуострова (*Н. Б. Селиванова*) 141
5. Распределение фрагментов костей в культурном слое поселения Маяк II 141
Литература 145
Список сокращений 149
Summary (*В. И. Тимофеев*) 150
Иллюстрации 155
Список иллюстраций 225

CONTENTS

Editorial 5
Foreword 6

History of archaeological research of the Kola peninsula 8
Interaction between Man and Nature 11
The Mesolithic 16
The Neolithic and characteristic features 32
- Typology 35
- Nerpichya Guba I site. 42
- Ust-Drozdovka site (the Neolithic assemblage) 46
- Nerpichya Guba site. 49
- Mayak II site (topography, stratigrafy, the Neolithic assemblage) 56
- Chavanga I site 67
- Navolok site 69
- Mys Semerka I site 71
- Tzaga I site 72

The Early Metal period and it's characteristic features 73
- Drozdovka site 78
- Mayak site 80
- Mayak II site (the Early Metal period assemblage) 85
- Ust-Drozdovka site (the Early Metal period assemblage) 89
- Mys Semerka II site 90

The cemetery and the graves 96
Economy and society 99
Art and beliefs 108
- Ornamentation 109
- Sculpture 114

The links of the Kola peninsula ancient population with the populations of adjacent areas. The common and the peculiar traits of culture 123
Some data concerning the Medieval period. 127
Archaeological sources and the problem of the Saami people origin 128
Conclusion 132

Appendices 138
1. The list of the investigated sites radiocarbon datings 138
2. The results of the quantitative spectral analysis of the flint tools from the grave in B. Peskonetz (*V. A. Galibin*) 140
3. Determinations of the large bone artefacts from Mayak II settlement (*V. E. Schelinskyi*) . . . 140
4. The results of the petrographical analysis of the Kola peninsula ancient pottery (*N. B. Selivanova*) 141
5. Distribution of the bone fragments in the cultural layer of Mayak II settlement 141

Bibliography . . . . . 14[illegible]
Abbreviations 149
English summary (*V. I. Timofeev*) 150
Illustrations. 153
List of illustrations 225